E 78⁹/17

Е 780
17

РУКОВОДЯЩІЕ ДѢЯТЕЛИ

ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ РОССІИ

ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ ТЕКУЩАГО СТОЛѢТІЯ.

Коммиссія Духовныхъ Училищъ.

И. А. Чистовичъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1894.

57

в 78а
О 17
801-83
17498-7

РУКОВОДЯЩІЕ ДѢЯТЕЛИ

ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ РОССІИ

ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ ТЕКУЩАГО СТОЛѢТІЯ.

НЕ КОПИРОВАТЬ

Коммиссія Духовныхъ Училищъ.

И. А. Чистовичъ.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XIII-00476
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕИ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
СИНОДАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1894.

Напечатано по распоряженію Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода.

2007059219

НЕ КОПИРОВАТЬ

Подъ этимъ наименованіемъ мы разумѣемъ *) лицъ, составлявшихъ высшее управленіе духовными училищами и бывшихъ руководящими дѣятелями духовнаго просвѣщенія въ Россіи въ первой половинѣ текущаго столѣтія.

Высшее управленіе духовными училищами сосредоточивалось въ это время въ особомъ духовно - правительственномъ учрежденіи, называвшемся *Коммиссіею Духовныхъ Училищъ.*

Поэтому задачу нашего очерка составляетъ выясненіе тѣхъ началъ, которыя служили основаніемъ управленія духовными училищами, и изображеніе дѣятельности и характеристика членовъ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ, какъ заправителей и руководителей духовнаго образованія въ Россіи въ разсматриваемое время.

Коммиссія Духовныхъ Училищъ образовалась изъ «Комитета объ усовершеніи духовныхъ училищъ», давшаго имъ новое устройство и преобразовавшаго ихъ изъ мѣстныхъ епархіально-архіерейскихъ школъ въ учебныя установленія, имѣющія одно общее управленіе, обезпеченныя постоянными способами содержанія и, наконецъ, признанныя правительствомъ въ качествѣ государственныхъ учрежденій, наравнѣ съ учебными заведеніями министерства народнаго просвѣщенія и другихъ вѣдомствъ. Комитетъ составилъ общій планъ и начерталъ общія

---

*) Предисловіе это написано самимъ авторомъ.

правила постепеннаго преобразованія духовныхъ училищъ и управленія ими, а также изыскалъ и указалъ мѣры къ поощренію духовной учености и къ возвышенію духовнаго образованія въ Россіи. Коммиссія Духовныхъ Училищъ приводила этотъ планъ и эти предначертанія въ исполненіе. Дѣятельность ея была чрезвычайно многосторонняя. Въ ней сосредоточивалось высшее управленіе духовными училищами и составленіе для нихъ уставовъ,—постепенное образованіе учебныхъ округовъ, пріисканіе и назначеніе профессоровъ въ академіи, начальниковъ и преподавателей въ семинаріи и духовныя училища, наблюденіе за ходомъ и направленіемъ учебной части въ этихъ заведеніяхъ, составленіе программъ, снабженіе училищъ учебными руководствами и пособіями и устройства библіотекъ, ревизіи академій и семинарій и училищъ, устройство училищныхъ домовъ, изысканіе способовъ для содержанія бѣдныхъ учениковъ, устройство ученическихъ общежитій, ежегодный выборъ и отправленіе воспитанниковъ въ С.-Петербургскій педагогическій институтъ, въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію и въ Московское отдѣленіе ея и въ медицинскіе факультеты университетовъ, образованіе и обороты училищныхъ капиталовъ, отдѣленіе (въ первое время) значительныхъ суммъ на постройки и возобновленіе церквей, наблюденіе за дѣйствіями цензурныхъ комитетовъ и составленіе правилъ въ руководство духовной цензуры, составленіе положеній о гражданскихъ правахъ службы и о пенсіяхъ наставниковъ духовныхъ училищъ и проч. и проч.

Въ планъ настоящаго труда и въ настоящій очеркъ не входятъ всѣ подробности о всѣхъ этихъ разнообразныхъ сторонахъ дѣятельности Коммиссіи Духовныхъ Училищъ.

Мы имѣли въ виду изложить только важнѣйшіе моменты этой ея дѣятельности въ продолженіе почти полувѣка и показать наиболѣе выдающіяся и характерныя черты участія отдѣльныхъ и наиболѣе вліятельныхъ членовъ ея въ общемъ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе. . . . . I—III

I. Митрополитъ Амвросій и князь А. Н. Голицынъ. Біографическія свѣдѣнія о м. Амвросіѣ.—Оберъ-Прокуроры Святѣйшаго Синода: Хвостовъ, Яковлевъ, кн. А. Н. Голицынъ.—Образованіе Комитета объ усовершеніи духовныхъ училищъ.—Учрежденіе Коммиссіи Духовныхъ Училищъ . . . . . 1—28

II. Ѳеофилактъ и М. М. Сперанскій. Біографическія свѣдѣнія.—Составленіе уставовъ духовныхъ училищъ: совмѣстный трудъ Сперанскаго и Ѳеофилакта.—Профессорство Ѳеофилакта въ академіи.—Критика конспектовъ Фесслера.—Сперанскій перестаетъ участвовать въ засѣданіяхъ Коммиссіи.—Заносчивость Ѳеофилакта.—Командировка его для устройства епархій, пострадавшихъ отъ непріятеля.—Возвращеніе.—Смутная исторія по поводу Анспильйона.—Удаленіе Ѳеофилакта въ епархію . . . . . 29—83

III. Ѳеофилактъ—Экзархъ Грузіи. . . . . 84—112

IV. Архіепископы Михаилъ (Десницкій) и Серафимъ (Глаголевскій) и архимандритъ Филаретъ (Дроздовъ). Пересмотръ уставовъ духовныхъ училищъ.—Преобразованіе Московскаго, Кіевскаго и Казанскаго академическихъ округовъ . . . . . 113—144

V. Протопресвитеры Красноцѣвковъ и Криницкій и оберъ-священникъ Державинъ . . . . . 145—152

VI. Религіозный мистицизмъ въ царствованіе Александра I. Учрежденіе Библейскаго Общества.—Князь А. Н. Голицынъ—министръ народнаго просвѣщенія.—Дѣйствія Коммиссіи Духовныхъ Училищъ въ 1815—1817 г. г. . . . . 153—172

VII. Министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Учрежденіе и организація Министерства.—Директоры В. М. Поповъ и А. И. Тургеневъ.—Оберъ-прокуроръ Синода князь П. С. Мещерскій.—Перемѣны въ личномъ составѣ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ. . . . . 173—188

VIII. Митрополитъ Михаилъ. Усиленіе мистицизма.—Иннокентій въ борьбѣ съ мистицизмомъ.—Удаленіе его.—Кончина м. Михаила.—Подвиги Филарета по обозрѣнію учебныхъ заведеній.—Назначеніе Серафима С.-Петербургскимъ митрополитомъ, Филарета—Московскимъ архіепископомъ. . . . . 189—213
IX. Митрополиты Серафимъ и Евгеній. Фотій.—Посланія его къ Государю.—Союзъ съ Аракчеевымъ.—Паденіе Министерства духовныхъ дѣлъ.—Вызовъ митрополита Евгенія.—Реакція въ направленіи дѣйствій Коммиссіи Духовныхъ Училищъ. . . . . 214—257
X. Протесты митрополита Филарета противъ новаго («обратнаго») направленія Коммиссіи Духовныхъ Училищъ.—Филаретъ (Амфитеатровъ) архіепископъ Рязанскій.—Оберъ-священникъ Музовскій.—Прибытіе въ С.-Петербургъ митрополита Филарета.—Отношенія его къ митрополиту Серафиму . . . . . 258—280
XI. Свѣдѣнія о послѣдующей судьбѣ кн. Голицына, Попова, Тургенева, Магницкаго и Фотія. . . . . 281—311
XII. С. Д. Нечаевъ и графъ Н. А. Пратасовъ. Закрытіе Коммиссіи Духовныхъ Училищъ.—Новые взгляды на задачу и цѣль образованія въ духовныхъ училищахъ.—Реформа богословской науки.—Преосвящ. Аѳанасій Дроздовъ.—Дѣло о переводѣ Библіи протоіерея Павскаго.—Удаленіе обоихъ Филаретовъ изъ Синода.—Аѳанасій и В. Б. Бажановъ.—Панегирикъ Аѳанасію архіепископа Никанора . . . . . 312—353
Прибавленіе 1 . . . . . 355—358
Прибавленіе 2 . . . . . 359—362
Указатель личныхъ именъ . . . . . 363—381

I.

Митрополитъ Амвросій и князь А. Н. Голицынъ.

Біографическія свѣдѣнія о м. Амвросіѣ.—Оберъ-Прокуроры Святѣйшаго Синода: Хвостовъ, Яковлевъ, кн. А. Н. Голицынъ.—Образованіе комитета объ усовершеніи духовныхъ училищъ.—Учрежденіе Коммиссіи Духовныхъ Училищъ.

Блестящее время служенія митрополита Амвросія было при Екатеринѣ и Павлѣ. Извѣстность его началась съ проповѣди, сказанной имъ въ 1771 г. въ Донскомъ монастырѣ при погребеніи убіеннаго взволновавшеюся чернью во время чумы Московскаго архіепископа Амвросія Зертисъ-Каменскаго. Проповѣдь эта по повелѣнію Императрицы была напечатана и потомъ перепечатывалась нѣсколько разъ и переведена на нѣмецкій и французскій языки. Амвросій тогда былъ еще іеромонахомъ и учителемъ въ Московской академіи [1]). Въ томъ же 1771 г. онъ опредѣленъ префектомъ, а въ 1774 г. ректоромъ академіи. Въ 1775 г. онъ сдѣлался лично извѣстнымъ Императрицѣ произнесши въ бытность ея въ Москвѣ, въ ея присутствіи, проповѣдь 14 Іюня, въ день рожденія В. К. Натальи Алексѣевны, первой супруги Павла Петровича. Императрица пожаловала ему брилліантовый крестъ и приказала при первой епископской вакансіи представить его кандидатомъ. Въ 1778 году онъ представленъ былъ на Сѣвскую каѳедру. Императрица утвердила избраніе и приказала вызвать его для посвященія въ С.-Петербургъ, а потомъ сама присутствовала при его посвященіи, 5 Іюля, въ Сергіевской пустыни и пожаловала ему полное архіерейское

[1]) Родился въ 1742 г. 30 Ноября въ селѣ Стоговѣ, Переславскаго уѣзда, Владимірской губерніи; съ 1757 г. обучался въ Троицкой семинаріи, съ 1764 г. проходилъ въ ней учительскія должности; въ 1768 г. постриженъ въ монашество и переведенъ въ Московскую академію въ званіи проповѣдника.

облаченіе, брилліантовую панагію и 3.000 р. денегъ. Послѣ непродолжительнаго служенія въ Сѣвской и Крутицкой епархіяхъ, Амвросій переведенъ былъ въ 1785 г., опять по особому выбору Императрицы, въ Казань архіепископомъ, а въ 1795 г. по Именному Высочайшему указу вызванъ былъ въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ. Послѣднею милостію къ нему Императрицы было пожалованіе ему брилліантоваго креста на клобукъ. Съ восшествіемъ на престолъ Императора Павла, Амвросій сталъ еще ближе къ престолу. Послѣ коронаціи Государя 5 Апрѣля 1797 г. Амвросій выпросился въ Казань; но въ Декабрѣ того же года получилъ Высочайшій рескриптъ съ повелѣніемъ прибыть въ С.-Петербургъ. Рескриптъ заключался въ слѣдующихъ словахъ: «Преосвященный архіепископъ Казанскій! Находя прибытіе ваше сюда нужнымъ, я желаю, чтобы Ваше Преосвященство онымъ поспѣшили».

Императоръ Павелъ, очевидно, желалъ имѣть Амвросія вблизи и осыпалъ его знаками своего вниманія. Тотчасъ по прибытіи Амвросія онъ возложилъ на него орденъ Іоанна Іерусалимскаго, а въ 1799 г. 20 Февраля орденъ св. Андрея Первозваннаго и вмѣстѣ съ нимъ орденъ св. Анны 1-ст. С.-Петербургскій митрополитъ Гавріилъ, пользовавшійся расположеніемъ Екатерины, не пользовался благосклонностію Павла. Старецъ понялъ, что ему нужно удалиться и уступить мѣсто новому избраннику. Въ 1799 году онъ выпросилъ себѣ увольненіе отъ управленія С.-Петербургскою епархіею, въ 1800 г. отъ управленія Новгородскою епархіею, а въ слѣдующемъ году скончался.

Амвросій наслѣдовалъ одну за другою бывшія въ управленіи Гавріила епархіи и 10 Марта 1801 г. пожалованъ митрополитомъ. Но на другой же день послѣ того, какъ получилъ отъ Императора бѣлый клобукъ, онъ услышалъ о кончинѣ Государя.

Императоръ Александръ I не только не обнаруживалъ къ нему такой благосклонности, къ какой онъ привыкъ въ два предшествовавшія царствованія, но относился къ нему даже холодно. Что было причиною этой холодности, неизвѣстно; но въ духовномъ кругу она была примѣчена. Ходили слухи даже объ удаленіи его изъ Петербурга тѣмъ же слѣдомъ, какимъ только что прошелъ предшественникъ его м. Гавріилъ. Евгеній, впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій, бывшій въ то время префектомъ Александро-Невской академіи, писалъ 18 Апрѣля по секрету пріятелю своему въ Воро-

пежъ: «Глава нашъ со дня на день все больше груститъ. Слышно, что за Кіевскимъ фельдъегерь посланъ. Можетъ быть и возвратятъ его сюда на всякій случай, но не для дѣлъ, потому что къ дѣламъ онъ не пригоденъ, а развѣ только чтобы поставить въ тѣни другихъ. Времена перемѣняются». Поводомъ къ этому, дошедшему до Евгенія слуху, было то, что Государь въ это самое время пожаловалъ Кіевскому митрополиту, Гавріилу Водопи, орденъ Св. Андрея Первозваннаго и повелѣлъ ему быть членомъ Св. Синода. Было ли тогда же предлагаемо ему мѣсто м. Амвросія, не знаемъ, хотя невѣроятнаго въ этомъ ничего нѣтъ, такъ какъ Амвросія Государь не жаловалъ, а къ Гавріилу, и теперь и послѣ, показывалъ почему-то особенную благосклонность. Можетъ быть самъ Гавріилъ, какъ иноземецъ, чуждый Россіи по языку, образу жизни и обычаямъ отклонилъ отъ себя это предложеніе [1]). Между тѣмъ въ С.-Петербургѣ, въ духовныхъ кругахъ, одинъ слухъ смѣнялся другимъ. Отъ 25 Апрѣля Евгеній писалъ къ тому же своему знакомому: «О нашей главѣ до сихъ поръ ничего неизвѣстно. Скученъ и уединенъ. Носится слухъ, что Петербургская епархія опять будетъ отдѣлена отъ Новгородской и намъ обѣщаютъ архіепископа Павла [2]). Что будетъ—лучше обождать, чѣмъ предсказывать [3]). «Въ Іюлѣ Государь призвалъ Оберъ-Прокурора Св. Синода и объявилъ ему, что Коронація будетъ въ Москвѣ въ Сентябрѣ и чтобы онъ, предваря о семъ Святѣйшій Синодъ, сообщилъ митрополиту Амвросію, что и онъ можетъ туда ѣхать, только бы не мѣшалъ Платону,

---

[1]) Гавріилъ Водопи, сынъ драбанта въ г. Быстрицѣ, въ Трансильваніи (род. 1746 г. обучался въ разныхъ гимназіяхъ, былъ учителемъ въ Яссахъ; въ 1779 г. принялъ въ Константинополѣ монашество; въ 1782 г. поступилъ учителемъ въ Полтавскую семинарію; сдѣлавшись извѣстнымъ свѣтлѣйшему Потемкину, посвященъ въ 1791 г. въ епископа Бендерскаго; въ 1792 г. именованъ митрополитомъ Молдавскимъ; въ 1793 г. по случаю гоненія отъ Молдавскаго господаря переведенъ въ Екатеринославскую епархію митрополитомъ; въ 1797 г. перемѣщенъ въ Мигородъ, съ именованіемъ Новороссійскимъ и Днѣпровскимъ; въ 1799 г. 29 Сент. въ Кіевъ митрополитомъ; въ 1801 г. пожалованъ орденомъ Андрея Первозваннаго; въ 1803 г. удалился на покой и жилъ въ Одессѣ, но въ 1808 г. по присоединеніи къ Россіи части Молдавіи и Валахіи назначенъ Экзархомъ Молдавовлахійскимъ и жилъ въ Яссахъ; въ 1809 г. пожалованъ орденомъ Владиміра 1 ст.; въ 1811 г. находился въ С. Петербургѣ по дѣламъ присоединенныхъ къ Россіи областей, пожалованъ алмазными знаками на орденъ Андрея Первозваннаго и получилъ въ даръ соболью шубу; въ 1813 г. по случаю возвращенія присоединенныхъ областей Турціи переведенъ во вновь учрежденную Кишиневскую епархію Скончался 30 Марта 1821 г.

[2]) Павелъ Пономаревъ, архіепископъ Ярославскій, присутствовалъ въ Синодѣ.

[3]) Рус. арх. 1870 г., стр. 799.

тамошнему митрополиту, первенствовать при священномъ обрядѣ коронаціи: «Я помню —присовокупилъ Государь—что при Ватюшкѣ происходило между тѣмъ же Платономъ и Гавріиломъ». Д. И. Хвостовъ (Оберъ-Прокуроръ) «зная мудрую кротость нравовъ митрополита Амвросія, увѣрилъ Государя, что онъ конечно не воспрепятствуетъ старику, бывшему своему начальнику и покровителю, имѣть счастіе короновать Государя Императора. Сіе продолжаетъ гр. Хвостовъ—такъ и случилось, ибо Амвросій былъ съ Синодомъ при Коронаціи, служилъ въ тотъ самый день [1]) обѣдню вмѣстѣ съ митрополитомъ Московскимъ, предоставя ему витійствовать при всѣхъ аудіенціяхъ, а самъ по порядку предсѣдательствовалъ въ Св. Синодѣ [2]). При торжествѣ коронаціи Амвросій не получилъ никакой награды. Евгеній писалъ: «Владыка нашъ забытъ при коронаціи» [3]). Но Амвросій уже былъ перенагражденъ, получивъ въ три года при Павлѣ ордена Александра Невскаго и Андрея Первозваннаго и санъ митрополита; и не о наградѣ было ему думать, когда предъ коронаціей сказано было ему, первенствующему митрополиту, что «и онъ можетъ ѣхать»; наконецъ, при коронаціи Александра роздано было очень мало наградъ—всего двѣ Андреевскія ленты и пять или шесть Александровскихъ II «никто —пишетъ. Вигель—не обидѣлся, никто не удивился бережливости Царя при раздачѣ милостей въ сей памятный день» [4]).

Послѣ коронаціи дѣла пошли обычнымъ порядкомъ; о перемѣщеніи или удаленіи митрополита Амвросія не было болѣе рѣчи. Оберъ-Прокуроромъ оставался еще года полтора добродушный Д. И. Хвостовъ, не мѣшавшійся въ дѣла духовнаго управленія и смотрѣвшій на митрополита съ подобострастіемъ подчиненнаго докладчика, а м. Амвросій распоряжался дѣлами и хозяйствомъ Св. Синода съ полною властію, не допускавшею ничьего вмѣшательства. Такъ продолжалось до выхода изъ Синода Д. И. Хвостова.

31 Декабря 1802 г. состоялся Высочайшій указъ о назначеніи Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода Д. С. С. *Яковлева.*

---

[1]) 15 Сентября 1801 г.

[2]) Сборникъ Академіи Наукъ, т. XXXVII. Исторія Россійской академіи М. И. Сухомлинова, стр. 539. Однакожъ отношенія Амвросія съ Платономъ во время коронаціи были острыя, какъ видно изъ письма Платона къ Амвросію отъ 7 Ноября 1801 г. (Письма митр. Платона, 76).

[3]) Рус. Арх. 1890 г. стр. 803.

[4]) *Вигель.* Воспомин. ч. I, стр. 201. М. 1864.

Яковлевъ, Александръ Алексѣевичъ, принадлежалъ къ старому дворянскому роду, считавшемуся аристократическимъ и славившемуся своимъ богатствомъ. Впослѣдствіи времени эта фамилія получила еще особую извѣстность по своимъ отношеніямъ къ литературному кругу [1]).

А. А. Яковлевъ служилъ прежде по дипломатической части, но въ послѣднее время предъ назначеніемъ въ Оберъ-Прокуроры Синода былъ только состоящимъ при Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Чтобы поднять его престижъ въ глазахъ Синода, Государь, почти вслѣдъ за назначеніемъ его, пожаловалъ его Камергеромъ.

Яковлевъ рѣшился поднять власть Оберъ-Прокурора, ослабленную его предшественникомъ. Но своимъ рѣзкимъ образомъ дѣйствій, мелочною придирчивостію, вмѣшательствомъ въ дѣла, ему не подлежащія, и недовѣрчивымъ и оскорбительно-враждебнымъ отношеніемъ къ членамъ Синода и особенно къ первенствующему въ Синодѣ митрополиту Амвросію, поставилъ себя въ такое отношеніе къ Синоду, что въ самое короткое время совмѣстное служеніе ихъ сдѣлалось невозможнымъ. Государь сначала поддерживалъ его и утверждалъ его представленія, но потомъ сталъ оставлять ихъ безъ вниманія и, наконецъ, всего лишь чрезъ девять мѣсяцевъ послѣ назначенія его на должность Оберъ-Прокурора, уволилъ его отъ оной.

Между тѣмъ положеніе его, при назначеніи на этотъ постъ, было тѣмъ болѣе благопріятно, что бывшій въ то время при Государѣ

---

[1]) Братья Яковлевы—пишетъ Д. Свербеевъ—происходили изъ древняго боярскаго рода и имъ особенно чванились, желая отдѣлить себя отъ другихъ извѣстныхъ богачей того же имени, но не той фамиліи. Иванъ Алексѣевичъ Яковлевъ былъ отцомъ, съ лѣвой стороны, Александра Ивановича Герцена, женатаго на своей двоюродной сестрѣ, дочери тоже съ лѣвой стороны другаго изъ братьевъ Яковлевыхъ, Александра Алексѣевича, преоригинальнаго старика, бывшаго въ началѣ царствованія Александра I Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ. Третій братъ Левъ былъ нашимъ министромъ при первомъ и послѣднемъ Вестфальскомъ королѣ Іеронимѣ Бонапарте. Всѣ они, вмѣстѣ съ родными ихъ сестрами Голохвастовой и княгиней Хованской и съ сыномъ первой Д. П. Голохвастовымъ, бывшимъ попечителемъ Московскаго университета, выведены живыми въ запискахъ Герцена («Былое и думы»). Русск. арх. 1870 г., стр. 676. Но кромѣ трехъ перечисленныхъ братьевъ былъ еще четвертый, старшій изъ всѣхъ, скончавшійся въ 1813 г., Петръ Алексѣевичъ; внучка отъ дочери, Татьяна Петровна Пассекъ, по отцу Кучина, супруга извѣстнаго русскаго писателя Вадима Пассека († 1842 г.) описала бытъ этой фамиліи въ своихъ воспоминаніяхъ, печатавшихся сначала въ Русской Старинѣ, подъ заглавіемъ: Изъ раннихъ лѣтъ, изъ жизни дальней. Воспоминанія Т. П. Пассекъ (Русск. Стар. т. VI, VII, XV, XXVII), и вышедшихъ потомъ отдѣльными книгами. См. также замѣчанія на эти записки Д. Голохвастова, подъ заглавіемъ: Wahrheit und Dichtung, въ Рус. Арх. 1874 г., кн. I, стр. 1054—1095.

для личныхъ докладовъ Н. Н. Новосильцевъ, которому онъ обязанъ былъ и мѣстомъ, поддерживалъ его представленія и ходатайства.

Яковлевъ оставилъ послѣ себя Записки [1]), въ которыхъ подробно описалъ, какія онъ дѣлалъ распоряженія и принималъ мѣры для приведенія въ порядокъ Синодальнаго дѣлопроизводства и хозяйства и для прекращенія злоупотребленій и упущеній въ различныхъ частяхъ духовнаго управленія. Но изъ этихъ мѣръ только не многія сопровождались успѣхомъ; остальныя же или не были одобрены и утверждены Государемъ или не достигли своей цѣли вслѣдствіе противодѣйствія будто бы со стороны м. Амвросія и прочихъ членовъ Св. Синода. Непріятности съ нимъ начались съ первыхъ же дней послѣ вступленія его въ Синодъ и возникли изъ борьбы за власть. До сихъ поръ главнымъ руководящимъ и рѣшающимъ лицомъ въ дѣлахъ Синодальнаго управленія былъ м. Амвросій. Онъ испрашивалъ у Государя награды Синодальнымъ членамъ и чиновникамъ, велъ по дѣламъ сношенія съ министрами и начальниками вѣдомствъ, назначалъ и перемѣщалъ архіереевъ и настоятелей важнѣйшихъ монастырей, распоряжался Синодальными суммами и имѣлъ въ своемъ ближайшемъ подчиненіи главныхъ дѣлопроизводителей въ Синодѣ—оберъ-секретарей. По инструкціи Оберъ-Прокурору многія изъ этихъ обязанностей относились къ кругу его правъ и обязанностей и потому Яковлевъ рѣшился возстановить свои права. Митрополитъ, опираясь на Св. Синодъ, не хотѣлъ уступить притязаніямъ новаго Оберъ-Прокурора и стать въ зависимое отъ него положеніе. Яковлевъ приписалъ неуступчивость митрополита желанію его самоуправства—изъ корыстныхъ цѣлей, и повелъ противъ него и прочихъ членовъ Синода открытую борьбу. Митрополитъ, имѣвшій большія связи и знакомство съ вліятельнѣйшими лицами въ Государствѣ, также не пренебрегалъ случаями довести до свѣдѣнія Государя о крайней притязательности Оберъ-Прокурора и стѣснительныхъ для хода дѣлъ распоряженіяхъ его и оскорбительныхъ для членовъ Синода дѣйствіяхъ. Государь сдѣлалъ Яковлеву чрезъ Новосильцева внушеніе поступать тише: но тотъ не

[1]) Полное заглавіе этихъ записокъ: «Журналъ Яковлева, бывшаго въ Синодѣ Оберъ-Прокуроромъ съ 1 Января по 7 Октября 1803 года и съ послѣдующими обстоятельствами, или исповѣдь честнаго человѣка, пострадавшаго за вѣрность къ своему Государю, начертанная единственно для собственнаго напоминанія». Обширное извлеченіе изъ записокъ Яковлева сдѣлано въ статьѣ «*Изъ прошлаго*» въ Русскомъ Вѣстникѣ 868 г. № 3.

останавливался, и впушенія, какъ самъ онъ говоритъ, «не переставали продолжаться» и наконецъ «пошли выговоры, уже и съ угрозами предвѣщавшими приближающееся паденіе».

При всей своей запосчивости Яковлевъ былъ крайне неровенъ въ своихъ дѣйствіяхъ. То грозилъ членамъ Синода, то раболѣпно заискивалъ ихъ благосклонности и даже унижался предъ синодальными чиновниками, чтобы отвлечь ихъ отъ архіереевъ и привлечь на свою сторону.

При вступленіи въ управленіе онъ выпросилъ Высочайшее повелѣніе издать Духовный Регламентъ. Въ запискахъ онъ выставляетъ это какъ подвигъ, совершенный не смотря будто-бы на противодѣйствія со стороны членовъ Св. Синода. Къ Регламенту онъ присоединилъ Инструкцію Оберъ-Прокурору, также будто-бы вопреки желанію Синода. Выходитъ, какъ будто Синодъ не хотѣлъ пускать въ свѣтъ ни Регламента, ни Инструкціи Оберъ-Прокурору, между тѣмъ какъ Регламентъ печатался нѣсколько разъ и послѣднее изданіе было меньше чѣмъ за годъ предъ тѣмъ,—въ 1802 году; а Инструкція напечатана была особымъ изданіемъ въ 90-хъ годахъ. Въ тѣхъ же запискахъ онъ говоритъ, что придумалъ напечатать Регламентъ гражданскими буквами, дабы народъ читалъ его и зналъ точные предѣлы власти духовенства и что отъ многихъ свѣтскихъ людей онъ получилъ благодарность за это изданіе. Но это не было новостью, такъ какъ не очень давно предъ тѣмъ, именно въ 1779 г., Регламентъ напечатанъ былъ по распоряженію Синода на русскомъ языкѣ.

Обозрѣвая Синодальное хозяйство, новый Оберъ-Прокуроръ обратилъ вниманіе на произвольное распоряженіе нѣкоторыми суммами. Такою представилась ему, прежде всего, добавочная сумма, ассигнованная въ 1797 г. на прибавку въ консисторіяхъ 2-го и 3-го классовъ канцелярскихъ служителей по усмотрѣнію Св. Синода. Сумма эта расходовалась довольно произвольно. Часть ея обращена была на усиленіе канцелярій присутствовавшихъ въ Синодѣ архіереевъ и кромѣ того изъ этой же суммы по докладамъ м. Амвросія, впрочемъ съ Высочайшаго разрѣшенія, выдаваемы были денежныя награды Синодальнымъ Оберъ-Секретарямъ: въ 1797 г. Савицкому три тысячи р., въ 1801 г. въ Іюнѣ Пуколову двѣ тысячи р. и въ Октябрѣ того же года обоимъ названнымъ Оберъ-Секретарямъ по тысячѣ рублей. При вступленіи Яковлева въ должность суммы

этой оказалось въ остаткѣ отъ прежнихъ лѣтъ 2909 р. Яковлевъ выпросилъ у Государя чрезъ Новосильцева этотъ остатокъ въ свое распоряженіе и на счетъ его возобновилъ синодальную церковь, поставилъ въ присутственной залѣ портретъ Императора и произвелъ разныя внутреннія исправленія въ Синодальномъ зданіи. Вслѣдъ затѣмъ онъ представилъ два другіе доклада Государю, изъ коихъ однимъ просилъ отдать на будущее время въ его полное распоряженіе *всѣ* могущіе скопляться остатки *экономической* суммы по Синоду, «чтобы они не могли впредь чрезъ происки и протекціи развлекаемы быть въ частныя руки»; другимъ представлялъ о возвратѣ въ казну всѣхъ ежегодныхъ остатковъ отъ суммы 1.400.000, положенной по штату 1797 года на содержаніе и поправку архіерейскихъ домовъ, на содержаніе монастырей, духовныхъ семинарій, на пенсіоны духовнымъ лицамъ и пр. Но эти доклады не были утверждены Государемъ. Яковлевъ приписывалъ это противодѣйствію Трощинскаго, благопріятствовавшаго митрополиту Амвросію и вообще духовному кругу.

Синодальное дѣлопроизводство находилось въ полномъ завѣдываніи оберъ-секретарей, а оберъ-секретари сообразовались съ желаніями и приказаніями членовъ Синода. «Засталъ я, говоритъ Яковлевъ, что почту распечатывалъ оберъ-секретарь, а не Оберъ-Прокуроръ и въ тоже время узналъ, что присылаемыя жалобы на архіереевъ по частнымъ архіерейскимъ къ членамъ и къ оберъ-секретарямъ письмамъ были откладываемы въ долгій ящикъ, а иногда и вовсе истребляемы, что и прежде важивалось. По таковымъ признакамъ и распечатывалъ я всю почту самъ и тѣмъ открывалъ великія злоупотребленія, доносилъ объ нихъ; но сіе осталось безъ дѣйствія. Нынѣ же почта паки обратилась въ руки оберъ-секретаря Савицкаго».

По установившемуся обычаю С.-Петербургскій митрополитъ велъ по дѣламъ переписку съ министрами и они къ нему писали. Для разныхъ посылокъ и отправки бумагъ по этимъ сношеніямъ митрополитъ употреблялъ синодскаго курьера, который и находился въ его распоряженіи. Яковлевъ нашелъ это незаконнымъ. Какія были у него объясненія съ митрополитомъ, намъ неизвѣстно; но вслѣдствіе этихъ объясненій Яковлевъ оффиціальною бумагою спрашивалъ бывшаго Оберъ-Прокурора Хвостова: была ли ему объявлена какая Высочайшая воля отъ бывшаго генералъ-прокурора Обольянинова, чтобы митрополитъ Амвросій могъ имѣть при себѣ одного изъ синодскихъ

курьеровъ? Хвостовъ отвѣчалъ: «ежели бъ объявлена была, то и должна находиться гласною въ канцеляріи Св. Синода или при оберъ-прокурорскихъ дѣлахъ». А чтобы отнять у митрополита Амвросія возможность вести сношенія съ министрами по дѣламъ Синода, онъ запретилъ оберъ-секретарямъ давать ему нужныя справки. Одинъ разъ къ митрополиту прислана была по Высочайшему повелѣнію жалоба на Вологодскаго архіерея съ требованіемъ свѣдѣній о положеніи этого дѣла въ Синодѣ. Митрополитъ потребовалъ справки изъ Синодальной Канцеляріи; но Яковлевъ запретилъ выдать, а послалъ ее прямо отъ себя, объяснивъ это въ письмѣ къ статсъ-секретарю М. Н. Муравьеву тѣмъ, что за всякую справку онъ отвѣчаетъ [1]). Независимо отъ того онъ подалъ на Высочайшее благоусмотрѣніе записку, вслѣдствіе коей, чрезъ г. Новосильцева именемъ Государя объявлено словесное всѣмъ министрамъ приказаніе обо всемъ переписываться съ оберъ-прокуроромъ, а не съ митрополитомъ; но и за симъ—пишетъ Яковлевъ—«оная переписка до выхода моего изъ Синода, по безпрерывнымъ о томъ происканъ митрополита, большею частью отъ оныхъ (министровъ) продолжалась по прежнему съ нимъ». Представляя Государю докладъ по синодскимъ дѣламъ, Яковлевъ заявлялъ иногда свое несогласіе съ постановленными опредѣленіями. Въ Мартѣ 1803 г. представлены были кандидаты на архіерейскую каѳедру въ Вологдѣ. Первымъ представленъ былъ ученый архимандритъ, младшій по лѣтамъ службы въ сравненіи со вторымъ и третьимъ кандидатами. Яковлевъ настаивалъ постоянно на очереди назначеній по старшинству службы и доложилъ объ этомъ, при представившемся случаѣ, Государю. Государь утвердилъ втораго кандидата [2]). Были и другіе случаи испрошенія Высочайшихъ повелѣній вопреки синодальнымъ опредѣленіямъ. «У насъ какая-то сильная разладица съ прокуроромъ, писалъ 25 Апрѣля Евгеній (Болховитиновъ) къ своему знакомому въ Воронежъ. Вчера еще онъ объявилъ Именной указъ вопреки одному Синодскому опредѣленію. Исторію о Вологодскихъ кандидатахъ, я чаю, ужъ слышали. Много и послѣ было такихъ же помѣхъ въ контру» [3]). Въ Іюнѣ Яковлевъ представилъ, чрезъ

[1]) Канц. Оберъ-Прокурора № 2409.

[2]) Утвержденный Вологодскимъ архіереемъ, второй изъ представленныхъ кандидатовъ, архимандритъ Кіево-Николаевскаго монастыря Ософилактъ Слонѣцкій, отставленъ 3 Янв. 1808.

[3]) Рус. Арх. 1870 г. стр. 822.

Новосильцева, на Высочайшее Имя уже особый докладъ объ установленіи въ духовной іерархіи и производствѣ въ архимандриты и архіереи кандидатовъ по старшинству. Усмотрѣно мною,—писалъ онъ въ докладѣ—что въ Св. Синодѣ представленіе кандидатовъ на открывающіяся архіерейскія вакансіи и перемѣщенія архимандритовъ въ первоклассные и второклассные монастыри и произведеніе въ сей санъ происходятъ не по старшинству, но по произволу, подъ предлогомъ якобы достоинствъ производимыхъ въ первоклассные монастыри изъ префектовъ и строителей, состоявшихъ въ іеромонашескомъ званіи,—что почитаю не сходственнымъ съ узаконеніями и разстроивающимъ порядокъ іерархіи,—и побуждаемъ будучи ревностію въ исполненіи возложенной на меня должности, желалъ бы я соблюсти въ таковыхъ случаяхъ навсегда единообразное правило; но синодальные члены, пріемля токмо въ уваженіе имъ будто бы извѣстныя способности и достоинства духовныхъ лицъ, не соглашаются на то наблюденіе порядка». Указавъ на то, что 13 марта Государемъ утвержденъ епископомъ въ Вологду второй изъ представленныхъ кандидатовъ, какъ старшій по службѣ, Яковлевъ просилъ объ установленіи общимъ правиломъ, чтобы производить въ архипастыри и епископы духовныхъ лицъ «вкупѣ по старшинству и по достоинствамъ ихъ». Но въ это время онъ уже не пользовался довѣріемъ Государя и представленіе его не было утверждено [1]).

Одновременно съ этимъ докладомъ, Яковлевъ представилъ другой—о порядкѣ назначенія секретарей въ консисторіи. Поводомъ къ этому докладу было то, что Высочайшимъ указомъ 4 февраля 1803 г. предоставлено губернскимъ правленіямъ право опредѣлять себѣ секретарей [2]). Присутствовавшіе въ Синодѣ архіереи полагали, что этимъ указомъ предоставляется епархіальнымъ архіереямъ право самимъ опредѣлять въ консисторіи секретарей, назначавшихся до того времени Св. Синодомъ. Но Яковлевъ нашелъ, что предоставленіе имъ этого права повлечетъ за собою вредныя послѣдствія для дѣлъ, такъ какъ секретари будутъ находиться въ полномъ подчиненіи власти архіереевъ. По представленному имъ чрезъ Новосильцева докладу Государь приказалъ объявить ему, что упомянутый указъ на епархіальныя консисторіи не распространяется,

[1]) Канц. Об. Прокурора 1803 г. № 2385.
[2]) Полн. Собр. зак. т. 27, № 20,934.

вслѣдствіе чего и было о томъ объявлено по епархіямъ указами 23 Іюня [1]). Но каково же было удивленіе Яковлева, когда митрополитъ Амвросій, 19 Августа, объявилъ въ Синодѣ Высочайшее повелѣніе, «чтобы Св. Синодъ впредь при опредѣленіи по вѣдомству своему на вакантныя канцелярскія мѣста въ производствѣ въ чины сообразался съ точными словами указа 4 Февраля сего года». Яковлевъ, не понявъ силы этого повелѣнія, донесъ объ этомъ рапортомъ 25 Августа Государю и ссылаясь на то, что указами запрещено не только производить въ дѣйствіе, но и вѣрить словесно объявленнымъ Именнымъ указамъ, кои послѣдуютъ въ отмѣну подписанныхъ Императорскою рукою, испрашивалъ разрѣшенія этого важнаго обстоятельства собственноручнымъ именнымъ указомъ. Дѣло это потомъ разъяснилось и виновникомъ недоразумѣнія оказался самъ Оберъ-Прокуроръ. Указъ 4 Февраля 1803 года именно отмѣнялъ принадлежавшее прежде Синоду право утверждать въ чинахъ опредѣляемыхъ имъ лицъ. Яковлевъ, объявивъ Высочайшее повелѣніе, что опредѣленіе Секретарей въ консисторіи должно оставаться *на прежнемъ основаніи,* какъ бы возстановлялъ право Синода производить опредѣляемыхъ имъ лицъ въ чины, отмѣненное именно указомъ 4 Февраля 1803 года. Статсъ-секретарь Д. П. Трощинскій, по Высочайшему повелѣнію, имѣлъ объясненіе по этому предмету съ митрополитомъ и чтобы не давать Синоду указа поручилъ ему объявить Св. Синоду, чтобы при опредѣленіи на мѣста по своему вѣдомству, *въ производствѣ въ чины* онъ сообразался съ точными словами указа 4 Февраля. Трощинскій въ отношеніи на имя Новосильцева отъ 16 Ноября 1803 г. писалъ, что Яковлевъ

---

[1]) Московскій митр. Платонъ писалъ по этому поводу къ митр. Амвросію 12 Іюля «мы было по указу надѣялись, что насъ не поставятъ хуже губернаторовъ: но теперь вышелъ указъ для насъ исключительный, да и по докладу Оберъ Прокурора; о чемъ, сказали и слѣдовало, то докладывать Св. Синоду. Но быть тому такъ: сіе не ново, а старое—терпѣть предъ свѣтскими униженіе». И потомъ 2 Августа: «Любезный пріятель и благодѣтель! Бывъ я въ Синодѣ не малое время, видѣлъ таковыя искушенія: и сіе-то меня убѣдило оттуда удалиться, какъ, думаю, ваше преосвященство довольно отъ меня наслышались. Къ чему туда сажаютъ насъ! Но да укрѣпитъ васъ Господь Богъ противу покушеній нашего покоя и благоустройства. Видно, что едва ли не находитъ одного утѣшенія въ терпѣніи. Сей нашъ характеръ, сія кавалерія, крестъ. Примѣтно очень, что желается, подчинивъ по всемъ секретарей, подчинить себѣ чрезъ нихъ и консисторіи и правленіе все. И здѣсь при конторѣ сродный (прокуроръ московской синодальной конторы Яковлевъ, двоюродный братъ Оберъ-Прокурора) того алчетъ, какъ видится. Господь помоги вамъ, якоже помогъ противъ многихъ таковыхъ» (Письмо митр. Платона, 77 и 78. М. 1870 г., стр. 61—62).

«самъ неосторожно поступилъ, объявя Св. Синоду, что Высочайшій указъ 4 Февраля на епархіальныя консисторіи не распространяется» [1]).

Послѣднимъ докладомъ Яковлева было донесеніе о сдѣланной имъ экономіи въ подрядѣ на поставку бумаги и разныхъ матеріаловъ для Московской синодальной типографіи на слѣдующее четырехлѣтіе съ 1804 года. До того времени торги и подряды на поставку бумаги для Московской синодальной типографіи производились въ Москвѣ. Яковлевъ выпросилъ Высочайшее повелѣніе, чтобы тѣ торги производить для большаго соблюденія казенныхъ выгодъ въ С.-Петербургѣ подъ особеннымъ его, Яковлева, присмотромъ. Достигнутую стараніемъ его уступку въ пользу казны Яковлевъ исчислялъ въ 160.000 р., составлявшихъ разницу между первыми объявленными на торгахъ цѣнами (въ суммѣ 413.480 р.) и послѣдними оставшимися на переторжкѣ цѣнами подряда (въ суммѣ 245.000 р.) и, представляя свое усердіе къ службѣ во Всемилостивѣйшее вниманіе Государя, испрашивалъ Высочайшихъ наградъ подрядчикамъ для поощренія ихъ вновь къ подобнымъ патріотическимъ подвигамъ. 21 Сентября Новосильцевъ увѣдомилъ его о Высочайшемъ соизволеніи на заключеніе контракта на поставку бумаги для синодальной типографіи на законномъ основаніи [2]). А 7-го Октября Высочайшимъ указомъ Сенату Яковлевъ уволенъ отъ прокурорскихъ обязанностей въ Св. Синодѣ съ сохраненіемъ получаемаго имъ жалованья впредь до назначенія къ другому мѣсту [3]).

Въ тотъ-же день, другимъ Высочайшимъ указомъ Сенату уволенъ отъ должности оберъ-секретаря въ Синодѣ ст. сов. *Пуколовъ*,

---

[1]) Канц. Оберъ Прокур. 1803 г., № 2384. Срав. Арх. Госуд. Сов. Т. III, п. 1. Журн. 19 Янв. и 13 Іюля 1803 г. стр. 66 и 168. СПБ. 1878 г.

[2]) Не смотря на такое настойчивое выставленіе заслуги Яковлевъ не получилъ за этотъ «подвигъ» никакой награды. Но черезъ годъ, 31 августа 1804 г., обратился къ своему преемнику кн. Голицыну съ просьбою скрѣпить присланную имъ выписку изъ дѣла о подрядѣ бумаги для Московской синодальной типографіи для предстаавленія въ Думу ордена Св. Владиміра, такъ какъ онъ полагаетъ, что таковой подвигъ его *изобрѣтеніемъ плана для пользы казны и приведеніемъ онаго въ исполненіе* совершенно подходитъ подъ статутъ этого ордена. Просьба его о доставленіи ему выписки изъ дѣла исполнена была княземъ, но получилъ ли онъ Владиміркій орденъ, неизвѣстно (д. Канц. Об. Пр. № 2315). Яковлевъ ходатайствовалъ также о награжденіи чиномъ или орденомъ двоюроднаго брата его, Прокурора Московской Синодальной Конторы, Николая Яковлева «за особенное смотрѣніе его надъ типографскою конторою и всею духовною типографіею и за его 33-лѣтнюю безпорочную службу» (Канц. Об. Пр. 1803 г. № 2313). Объ успѣхѣ этого ходатайства намъ тоже ничего неизвѣстно.

[3]) Св. Син. 1803 г. №№ 18 и 686.

съ причисленіемъ къ Герольдіи и съ производствомъ получаемаго имъ жалованья до опредѣленія, по его желанію, къ другимъ дѣламъ [1]); и наконецъ, въ тотъ же день, уволенъ отъ присутствія въ Синодѣ Ярославскій архіепископъ Павелъ (Пономаревъ).

Яковлевъ, при своемъ паденіи, увлекъ ихъ съ собою. Конечно немаловажную роль играла при этомъ личная непріязнь Яковлева къ этимъ лицамъ, которыхъ онъ считалъ своими главными врагами; но онъ имѣлъ что выставить предъ Государемъ не въ пользу по крайней мѣрѣ Пуколова и по службѣ [2]).

Съ именемъ Пуколова мы уже встрѣчались. До поступленія въ Синодъ, онъ служилъ въ Иностранной коллегіи и былъ при посольствѣ въ Персіи; послѣ былъ Секретаремъ въ Сенатѣ, а въ 1799 г. 17 Января опредѣленъ Оберъ-Секретаремъ въ Синодъ. При Оберъ-Прокурорѣ Хвостовѣ Пуколовъ заправлялъ въ Синодѣ дѣлами, и въ 1801—1802 г. провелъ одно чрезвычайно интересное дѣло о бракѣ умершаго бригадира Мордвинова. Дѣло это возникло по иску корнета Кавалергардскаго полка, Мякинина, оспоривавшаго право наслѣдства въ родовомъ имѣніи Мордвинова (въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ Тверской губерніи) незаконной дочери его Варвары. Пуколовъ велъ дѣло героически. Въ основу защиты легло доставленное въ 1801 г. и сдѣланное въ томъ же году дознаніе, по опросамъ одного мѣстнаго причта, такъ какъ метрическія записи оказались сгорѣвшими -о томъ, что въ 1785 г. 27 Апрѣля повѣнчанъ былъ бракъ оберъ-коменданта г. Тобольска бригадира Петра Сем. Мордвинова съ дочерью прапорщика Авдотьею Казимировою, а 29 Декабря того же года отъ этого брака ихъ родилась дочь Варвара. И хотя истецъ доказывалъ, на основаніи служебныхъ документовъ Мордвинова, что въ Апрѣлѣ 1785 г. Мордвиновъ былъ еще только на пути въ Тобольскъ и ссылался на показанія пятнадцати свидѣтелей, удостовѣрявшихъ, что дѣвица Казимирова, прибывши вслѣдъ за Мордвиновымъ въ Тобольскъ, привезла съ собою эту самую дѣвочку Варю и наконецъ представлялъ выписку изъ метрическихъ книгъ одной С.-Петербургской церкви о рожденіи у дѣвицы Евдокіи Казимировой неза-

[1]) Св. Син. 1803 г. № 686.

[2]) Въ «Запискахъ» своихъ сравнивая митрополита Амвросія съ Павломъ, Яковлевъ замѣчаетъ, что послѣдній также мстителенъ и корыстолюбивъ; но первый расположенъ къ мягкосердію и откровенень даже до болтливости, второй золъ, скрытенъ, упрямъ, лукавъ, уменъ, многосвѣдущъ, а паипаче въ приказныхъ ябедахъ (Рус. Вѣст. 1868 г. № 3, стр. 463).

коннорожденной дочери Варвары 18 Ноября 1784 года: но доказательства эти признаны недостаточными, такъ какъ пятнадцать свидѣтелей дали показанія безъ присяги, а какая Варвара значится въ метрическихъ книгахъ Вознесенской церкви, неизвѣстно, а священникъ Псаевъ умеръ, и розыскивать это не дѣло высшаго правительства. 20 Августа 1802 года утверждена «подлинность рожденія дѣвицы Варвары въ Тобольскѣ»; и вслѣдъ за тѣмъ Пуколовъ сдѣлалъ ей предложеніе, а въ Январѣ слѣдующаго года просилъ только что вступившаго въ оберъ-прокурорскую должность Яковлева исходатайствовать ему Высочайшее соизволеніе на вступленіе въ бракъ съ дочерью умершаго бригадира, Петра Мордвинова, дѣвицею Варварою Мордвиновою. На представленіе Яковлева Новосильцевъ 25 Января увѣдомилъ, что Государь Императоръ изволилъ принять это съ благоволеніемъ, а 30 января уже совершенъ былъ бракъ Пуколова съ Варварой Петровной Мордвиновой [1]).

А. М. Тургеневъ въ своихъ «Запискахъ» говоритъ, что Пуколовъ велъ другой такой же процессъ, но въ обратномъ направленіи. «Два брата милліонера, заводчики *Баташевы*, жили въ добромъ согласіи; у каждаго было достояпія на многіе милліоны. Одинъ оставилъ двухъ или трехъ сыновей; другой, женившійся подъ старость, оставилъ одного сына въ дѣтствѣ еще. Наслѣдники перваго начали опровергать законное рожденіе малолѣтняго, утверждая, что ихъ дядя, отецъ малолѣтняго, никогда не былъ женатъ и потому

[1]) Въ Февралѣ Министръ Юстиціи Г. Р. Державинъ требовалъ отъ митрополита Амвросія записку изъ дѣла о бракѣ умершаго бригадира Мордвинова съ дѣвицею Казимировою для доклада Государю. Затѣмъ по Высочайшему повелѣнію требовалось свѣдѣніе: у кого изъ оберъ-секретарей производилось это дѣло (д. Св. Син. 1901 г. № 629). Оберъ-Прокуроръ отвѣчалъ, что производилось это дѣло въ Экспедиціи Пуколова. Но Мякининъ не выигралъ дѣла.—Въ свое время много говорили объ этомъ дѣлѣ и многіе современники въ своихъ запискахъ и послѣдующихъ воспоминаніяхъ описали его довольно подробно, хотя въ частностяхъ иногда не точно. Интересъ къ этому дѣлу и къ этой четѣ особенно увеличился послѣ того, какъ она сдѣлалась близкою къ могучему временщику Аракчееву. Объ Иванѣ Антоновичѣ и Варварѣ Петровнѣ Пуколовыхъ сохранилось много воспоминаній: *А. М Тургенева* (Русск. Стар. 1885 г., т. 4, стр. 260 -265); *Жихарева* (Рус. Арх. 1891 г. стр. 420); *Вигеля* (Записки, ч. IV, гл. 10 по изд. Русск. Архива стр. 131). См. также Рус. Арх. 1871 г., стр. 311—312. Подробнѣе о процессѣ Мякинина въ запискахъ Ал. Мих. Тургенева (Рус. Стар. 1885, IV, стр. 260 265. Ср. также 1871, II, стр. 302 -303). Дружескія и любезныя письма Аракчеева къ П. А. Пуколову, въ 1813 г. изъ-за границы, въ Русск. Арх. 1891 г. «У Салтыкова, Горчакова (князя А. Н., управлявшаго Военнымъ Министерствомъ), Молчанова (статсъ-секретаря) П. А. былъ домашнимъ другомъ: да и многіе другіе въ надеждѣ на его поднору, ни въ чемъ ему отказывать не умѣли. Онъ прослылъ источникомъ всѣхъ благъ. Между тѣмъ самъ Аракчеевъ охотно принималъ его, ласкалъ» (Вигель).

все имѣніе послѣ дяди принадлежитъ имъ, какъ ближайшимъ и единственнымъ его наслѣдникамъ. Бакшишъ посулепъ огромный. Что же Иванъ Антоновичъ придумалъ? Онъ вытребовалъ въ Синодъ изъ всѣхъ мѣстъ, въ которыхъ дѣло по инстанціямъ проходило, всѣ производства и отправляясь въ Москву по случаю коронаціи Александра I-го, взялъ, купно съ прочими канцелярскими бумагами, и дѣло Баташева, и отъѣхавъ отъ Петербурга верстъ 400, подъ предлогомъ усталости остановился почлеговать, гдѣ сжегъ повозку нагруженную дѣлами, и домъ крестьянина для отвода подозрѣнія» (Рус. Ст. 1885 г., IV, стр. 263 -264). Дѣло Баташевыхъ, дѣйствительно, вмѣстѣ съ прочими нерѣшенными дѣлами взято было въ Маѣ 1801 г. въ Москву, гдѣ, по случаю коронаціи, Св. Синодъ имѣлъ присутствіе; на обратномъ пути канцелярскихъ чиновниковъ съ дѣлами и воинскою при нихъ командою изъ Москвы во время остановки ихъ на ночлегъ въ селѣ Городнѣ, Тверской губ., въ домѣ крестьянина Алексѣя Иванова, во дворѣ этого дома, въ ночь на 26-е Августа, произошолъ пожаръ, при которомъ сгорѣли 124 двора и три воза (изъ шести) съ синодскими дѣлами, въ числѣ коихъ сгорѣло и апелляціонное дѣло по прошенію Матрены Егоровой о признаніи законности ея брака съ Андреемъ Баташевымъ на основаніи представленныхъ ею документовъ. Но это не остановило производства его, окончившагося въ слѣдующемъ 1802 году, 3-го Апрѣля, отказомъ въ признаніи брака ея съ Баташевымъ достовѣрнымъ. Дѣло производилось Пуколовымъ (дѣло Арх. Св. Син. 1801 г., №№ 763 и 782).

Яковлевъ скоро узналъ и другія дѣла Пуколова и въ томъ числѣ странное *Сорокинское дѣло.* Дѣловой ходъ его заключается въ слѣдующемъ. Въ Декабрѣ 1800 г. Кол. Сов. Я. М. Сорокинъ просилъ отпустить ему изъ Синодальной книжной лавки, для доставленія въ разные города по коммиссіямъ, книгъ разныхъ наименованій на сумму 21.822 р. 29 к. и внесши въ счетъ уплаты 1000 р.. въ обезпеченіе остальной уплаты представилъ билетъ сохранной казны Московскаго Опекунскаго Совѣта на 24 т. р. Такъ какъ по разсмотрѣніи отмѣченныхъ въ спискѣ книгъ оказалось, что многія изъ нихъ напечатаны въ давнихъ годахъ и лежатъ уже долгое время безъ продажи и безъ всякой пользы, а если дольше пролежатъ, то «подвергнутся и самому согнитію и ужъ убытокъ будетъ невозвратный», то требуемыя книги были отпущены по реестру,

съ уступкою въ пользу покупателя установленной недавно передъ тѣмъ (въ 1799 г.) надбавочной цѣны, причитавшейся по разсчету въ количествѣ 2352 р. 49 к. Оберъ-Прокуроръ отнесся въ Московскій Опекунскій Совѣтъ, чтобы процепты съ билета въ 24 т. р. удерживать и высылать въ уплату за книги. Но пока шла переписка объ этомъ, Сорокинъ сдѣлалъ въ Опекунскій Совѣтъ заявленіе, чтобы безъ его воли не выдавать никуда, никому и никогда по его билету, ни процентовъ, ни капитала, хотя бы откуда и были представлены къ какому взысканію съ него. Директоръ Московскаго Опекунскаго Совѣта Д. Т. Сов. Масловъ сообщилъ объ этомъ Хвостову. Тотъ отослалъ ее къ митрополиту Амвросію. «Извините владыко святый—писалъ отъ 7 Ноября 1800 г.—ежели симъ обременяю васъ, мнѣ показалось, что таковой важности дѣло, по извѣстной моей вамъ преданности, должно быть вамъ первому извѣстно». Отъ Сорокина потребовали объясненія и по просьбѣ его согласились на то, чтобы въ теченіи условленныхъ 5 лѣтъ не требовать причитавшихся съ его билета процентовъ для присоединенія его къ капиталу. Въ Іюлѣ 1802 г. Сорокинъ вновь заявилъ, что изъ купленныхъ имъ книгъ онъ отдалъ на 10 т. служащему при дѣлахъ Св. Синода кол. рег. Соколову и просилъ взыскивать эту сумму съ него. (Это былъ будто бы подставной чиновникъ, опредѣленный съ тѣмъ, чтобы изъ жалованья его уплачивать долгъ Сорокина.) Св. Синодъ потребовалъ отъ нихъ совмѣстнаго заявленія и удостовѣренія въ уплатѣ съ части Соколова. Но такого заявленія и удостовѣренія они не представили. Въ такомъ положеніи оставалось это странное дѣло до вступленія въ оберъ-прокурорскую должность Яковлева. Сущность его, какъ видно изъ записокъ Яковлева, заключалась въ томъ, что при Хвостовѣ произошла растрата книгъ изъ синодальной лавки и чтобъ покрыть ее, Пуколовъ придумалъ способъ продать несуществующія книги за 20 т. р., а потомъ подъ предлогомъ, что купленныя книги ничего не стоятъ, сложить стоимость ихъ съ покупателя. Сорокинъ по старости или по довѣрію вовлеченный въ это дѣло не зналъ послѣ, какъ выпутаться изъ него и только милость Государя спасла его. Но это было уже при кн. Голицынѣ [1]).

[1]) Въ Ноябрѣ 1803 г. Сорокинъ внесъ еще 950 р. просилъ освободить его отъ уплаты двухъ третей. Кн. Голицынъ доложилъ объ этомъ Государю и все дѣло закончено было Высочайшимъ указомъ Синоду 5 Февраля 1804 г. „Разсмотрѣвъ въ подробно-

Черезъ двѣ недѣли послѣ увольненія Яковлева, на должность оберъ-прокурора Св. Синода назначенъ, 21 Октября, князь А. Н. Голицынъ. «Теперь спорщикъ уволенъ—писалъ арх. Евгеній Болховитиновъ къ своему знакомому въ Воронежъ,—и у насъ новый прокуроръ, кн. Голицынъ, человѣкъ молодой, но съ достоинствами выше лѣтъ своихъ. Онъ съ дѣтства при Государѣ былъ нажемъ и съ нимъ воспитывался, а потому крайне близокъ и, кажется, будутъ всѣ имъ довольны». И М. М. Платонъ писалъ къ М. Амвросію 8 Ноября: «И съ удовольствіемъ поздравляю васъ, что вамъ опредѣленъ хорошій оберъ-прокуроръ и успокоитъ васъ противу прежняго. Ваше постоянное дѣйствованіе къ сверженію человѣка, который напитанъ былъ новыми началами, заслуживаетъ всякой похвалы и я пламенно молю Бога, чтобы всегда оставались съ направленіемъ достойнымъ христіанскаго епископа» [1]).

Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ родился 8 Декабря 1773 г. Отецъ его, князь Николай Сергѣевичъ, гвардейскій капитанъ, умеръ чрезъ двѣ недѣли послѣ рожденія сына; мать, урожденная Хитрово, бывшая третьей женой кн. Голицына, по смерти мужа вышла замужъ за гвардейскаго-же капитана Кологривова. Маленькій князь Голицынъ остался и росъ почти сиротою. Къ счастью увидѣла его, бывая у Кологривовой, извѣстная камеръюнгфера Екатерины Марья Савишна Перекусихина, полюбила его и представила Императрицѣ. «Голицынъ былъ мальчикъ крошечный, веселенькій, миленькій, остренькій, одаренный чудесной мимикой, искусствомъ подражать голосу, походкѣ, манерамъ особъ каждаго пола и возраста». Императрицѣ онъ также понравился и она помѣстила его на свой счетъ въ Пажескій корпусъ. Изъ корпуса по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ привозили его въ Зимній Дворецъ играть съ малолѣтними тогда великими князьями Александромъ и Константиномъ Павловичами и это было началомъ близости его съ Александромъ, продолжавшейся во всю жизнь Императора

сти—сказано въ указѣ—производящееся въ Синодѣ дѣло о покупкѣ кол. сов. Сорокинымъ изъ книжной синодальной лавки на 19,530 р. 46½ коп. духовныхъ книгъ давняго печатанія и лежавшихъ многія лѣта безъ надежды къ продажѣ, узнавъ притомъ причины, вовлекшія его въ таковую покупку и средства употребленныя къ оной, напрасно отяготившія судьбу его, повелѣваемъ Святѣйшему Синоду взятый отъ Сорокина въ залогъ билетъ сохранной казны отдавъ ему назадъ болѣе взысканія на немъ не числить; а какое количество въ счетъ сего взысканія внесено денегъ оставить навсегда капиталомъ синодальной типографіи» (Дѣло арх. Св. Синода 1800 г. № 782).

[1]) Пис. м. Платона, 83.

Александра. Въ Январѣ 1791 г. кн. Голицынъ пожалованъ камеръ-пажемъ; а въ 1794 г. въ Преображенскій полкъ поручикомъ; но въ Августѣ того же года переименованъ камеръ-юнкеромъ и назначенъ состоять при Дворѣ В. К. Александра, вступившаго передъ тѣмъ (въ 1793 г.) въ бракъ съ Елизаветой Алексѣевной. При коронаціи Павла 5 Апрѣля 1797 г. Голицынъ пожалованъ камергеромъ, но 6 Мая 1799 г. «по Именному Высочайшему указу, писанному и подписанному Собственною Государя Императора Павла I рукою, отъ службы отставленъ». Опала обрушилась на князя вслѣдствіе какого-то неудовольствія Павла на Сына [1]). Государь, однакожъ, позволилъ ему жить въ Москвѣ, гдѣ онъ и поселился въ скромномъ домикѣ съ садомъ на Дѣвичьемъ полѣ. Съ кончиною Императора Павла оканчивалось опальное положеніе князя. Императоръ Александръ вскорѣ по восшествіи на престолъ вызвалъ его въ С.-Петербургъ и заставилъ вступить въ службу. Въ 1802 г. 2 Сентября Голицынъ опредѣленъ былъ въ Сенатъ за оберъ-прокурорскій столъ въ 1-мъ департаментѣ: чрезъ нѣсколько дней, 21 Сентября занялъ оберъ-прокурорскую должность въ томъ же департаментѣ Сената, а въ 1803 г. 21 Октября назначенъ оберъ-прокуроромъ въ Синодъ. При самомъ назначеніи его на эту должность, Государь сдѣлалъ его своимъ Статсъ-Секретаремъ, давъ ему право представлять свои доклады непосредственно, а не чрезъ генералъ-прокурора или статсъ-секретарей, состоящихъ при личныхъ докладахъ, какъ было до того времени [2]).

Князь Голицынъ воспитанъ былъ въ понятіяхъ XVIII вѣка и имѣлъ очень свободныя понятія о вѣрѣ и церкви. Такому настроенію соотвѣтствовало и поведеніе его въ молодости. Поэтому онъ сначала отказывался принять должность синодальнаго оберъ-проку-

---

[1]) Изъ записокъ Ю. Н. Бартенева. Русск. Арх. 1886 г. III, стр. 149.

[2]) Со словъ князя, Ю. Н. Бартеневъ подробно описалъ разговоръ съ нимъ Государя при этомъ случаѣ: «Я бы очень желалъ, сказалъ мнѣ тогда Императоръ Александръ, чтобъ ты занялъ мѣсто Оберъ-Прокурора въ Синодѣ. Яковлевъ, который числится теперь въ семъ званіи, не совсѣмъ хорошъ; далеко, чтобъ онъ могъ удовлетворять моимъ требованіямъ и ожиданіямъ; при томъ и духовенство совершенно имъ недовольно; мнѣ кажется, что онъ неспособенъ быть на этомъ мѣстѣ. Жалобы на него безпрестанныя. Мнѣ бы хотѣлось, продолжалъ Государь, чтобы преданный мнѣ и мой, такъ сказать, человѣкъ занималъ эту важную должность. Я никогда къ себѣ не допускалъ Яковлева, никогда съ нимъ вмѣстѣ не работалъ, а ты будешь имѣть непосредственно со мною дѣло, потому что вмѣстѣ съ симъ я назначаю тебя и моимъ статсъ-секретаремъ (Русск. Стар. 1884 г., ч. I, стр. 125).

ра, находя себя несоотвѣтственнымъ ей по своимъ умственнымъ понятіямъ и, наконецъ, принялъ только повинуясь волѣ Государя. Вспоминая объ этомъ въ послѣдующіе годы своей жизни, онъ съ глубокимъ сожалѣніемъ и съ искренностію блаженнаго Августина вспоминалъ объ этихъ легкомысленныхъ увлеченіяхъ юности.

По важность возложенныхъ на него обязанностей, кругъ дѣлъ, имѣющихъ по преимуществу духовно-нравственный характеръ, чтеніе священнаго писанія, актовъ вселенскихъ соборовъ и отеческихъ правилъ, общество лицъ высокаго духовнаго образованія и, наконецъ, довѣріе, которое имѣлъ къ нему Государь, мало по малу произвели рѣшительную перемѣну въ его духовной настроенности. Чтеніе священнаго писанія съ тѣхъ поръ стало для него какъ бы обычнымъ.

Близость Голицына къ Государю придала блескъ и новой его должности, которая была до того времени не видною и возвысила ее до степени равной съ первыми должностями въ Государствѣ. Благодаря этой близости и довѣрію Государя онъ могъ предпринять и осуществить важнѣйшія реформы, которыя при другихъ условіяхъ были бы невозможны или осуществились бы въ ограниченныхъ размѣрахъ. Князь былъ чрезвычайно дѣятеленъ и работалъ чрезвычайно много. Только при такой дѣятельности онъ и могъ исполнять такъ много обязанностей, сколько ихъ лежало на немъ по разнообразнымъ должностямъ.

Но при этомъ онъ былъ ревнивъ къ власти и не допускалъ никакого посторонняго вмѣшательства въ свои дѣла и никакихъ указаній и совѣтовъ, претендующихъ на вліяніе.

«Предмѣстникъ мой Яковлевъ—сообщалъ онъ въ своихъ послѣдующихъ воспоминаніяхъ—ѣздилъ тогда ко мнѣ подъ разными благовидными предлогами, какъ-то, разсказывать о начатыхъ имъ и неоконченныхъ Синодскихъ дѣлахъ съ совѣтомъ, чтобъ я продолжилъ и кончилъ ихъ въ его духѣ; если не это, то преподавать мнѣ какой нибудь особенный способъ, новую методу, которую, по словамъ его, онъ съ пользою употреблялъ по Синоду: иногда, чтобъ извѣщать меня, какое обычное давалъ онъ Синоду направленіе и проч. и проч. Мнѣ, правду сказать, наскучили уже эти посѣщенія, равно какъ и отеческія его внушенія, и я счелъ за лучшее начисто съ нимъ объясниться, что въ отправленіи моей должности я буду держаться того смысла и разумѣнія, какими наградила меня природа, что благодарю его за совѣты и вмѣстѣ съ тѣмъ прошу впредь меня отъ

нихъ уволить. Яковлевъ никакъ не могъ въ себѣ переварить того, что я занимаю его мѣсто. Онъ ѣзжалъ иногда и къ нѣкоторымъ изъ моихъ знакомыхъ и все для того, чтобы имѣть удовольствіе подъ рукою злословить и странный, по его словамъ, выборъ Государя и мою особу. — Когда я получилъ ленту, Яковлевъ тотчасъ ко мнѣ явился. «Помилуйте, князь, какъ это возможно, кричалъ онъ мнѣ впопыхахъ, — эту ленту по всему слѣдовало бы получить мнѣ, а вмѣсто того получили ее вы. Чѣмъ же я виноватъ, отвѣчалъ я взволнованному честолюбцу, что Государь пожаловалъ ее мнѣ, а не вамъ».

Положеніе оберъ-прокурора Св. Синода естественно сближало его съ первенствующимъ членомъ Синода митрополитомъ Амвросіемъ. Не опасаясь имѣть въ немъ соперника — чего такъ боялся Яковлевъ — князь Голицынъ увидѣлъ въ немъ старца сговорчиваго, умнаго и распорядительнаго.

Въ это время митрополитъ Амвросій былъ озабоченъ лучшимъ устройствомъ духовныхъ училищъ и по его порученію составленъ былъ (Старорусскимъ епископомъ Евгеніемъ, впослѣдствіи Кіевскимъ митрополитомъ) проэктъ преобразованія ихъ. Въ Мартѣ 1805 г. проэктъ этотъ представленъ былъ Государю. Государь, желавшій поднять уровень духовенства и уже закономъ 22-го Мая 1801 г. освободившій его отъ рабской приниженности, принялъ его благопріятно. Затѣмъ онъ по Высочайшему повелѣнію переданъ былъ въ Синодъ. «Синодальные, писалъ Евгеній, кромѣ митрополита, оспариваютъ подчиненіе семинаріи академіямъ. Это не по сердцу епархіальнымъ». «Но кто-жъ виноватъ, прибавляетъ онъ, что многіе епархіальные не радятъ о успѣхахъ въ своихъ семинаріяхъ и жалованьемъ располагаютъ по самопроизволу, а о достоинствѣ опредѣляемыхъ ими учителей многіе и понятія не имѣютъ [1]). Впрочемъ и нѣкоторые заботливо относившіеся къ своимъ семинаріямъ архіереи высказывались также несочувственно о затѣваемой реформѣ духовныхъ училищъ. Митрополитъ Платонъ писалъ къ Амвросію: «Новое объ училищахъ учрежденіе я читалъ. Исторія о духовныхъ училищахъ выведена изрядно. И сіе самое доказываетъ, что учрежденіе доселѣ было похвально и порядокъ ученія производимъ былъ основательно... Объ училищахъ должно разсуждать не по учрежденіямъ, а по успѣ-

[1]) Рус. Арх. 1870 г., стр. 842.

хамъ. Успѣхъ хорошъ, то видно и учрежденіе хорошо. Что на молодыхъ смотрѣть; мы старики, да въ семъ дѣлѣ, кажется, и опытные. Вотъ Меѳодій, Августинъ, Амвросій et cæt, et cæt. Дай Богъ, чтобъ такіе и впредь выходили. Совѣтую въ сіе дѣло принять преосвященнаго Меѳодія. Онъ на опытѣ учепость свою оказалъ. А ежели новый методъ введется, то едва ли ожидать можно лучшаго успѣха; а затрудненія и запутанности больше будетъ. Прибавка жалованья не отъ учрежденія зависитъ, а отъ недостатка средствъ» [1]). Но князь Голицынъ перенесъ это дѣло съ сословной точки зрѣнія на государственную и поставилъ вопросъ о полномъ преобразованіи духовныхъ училищъ и объ улучшеніи содержанія всего приходскаго духовенства. 29 Ноября 1807 г. онъ объявилъ Высочайше утвержденный докладъ, которымъ повелѣвалось «преосвященному митрополиту Новгородскому Амвросію, Калужскому Ѳеофилакту, духовнику Е. И. В. о. Сергію, оберъ-священнику о. Іоанну, статсъ-секретарю Сперанскому и ему (кн. Голицыну) быть въ комитетѣ, который имѣетъ разсмотрѣть и представить мнѣніе свое по слѣдующимъ предметамъ: 1) разсмотрѣть планъ къ усовершенію духовныхъ училищъ прилагаемый, 2) сдѣлать предварительное исчисленіе суммъ потребныхъ на устройство училищъ и церквей и 3) назначить способы, коими суммы сіи удобнѣе составить будетъ можно».

Самому ли ему пришла счастливая мысль пригласить въ этотъ комитетъ М. М. Сперанскаго или его назначилъ Государь, во всякомъ случаѣ совмѣстное дѣйствіе такихъ двухъ лицъ, какъ князь Голицынъ и Сперанскій, пользовавшихся личною близостію и особымъ довѣріемъ Государя, было весьма благопріятнымъ условіемъ для осуществленія и успѣха предположенной реформы.

Князь Голицынъ не зналъ, да вѣроятно до того времени и не видывалъ духовныхъ училищъ, находившихся въ непосредственномъ завѣдываніи епархіальныхъ архіереевъ, внѣ оберъ-прокурорскаго надзора. Напротивъ, Сперанскій самъ воспитанникъ провинціальной Владимірской, потомъ преподаватель и префектъ С.-Петербургской главной семинаріи, подробно зналъ ихъ устройство и недостатки и вообще весь бытъ нашего духовенства. Такимъ образомъ, князю Голицыну принадлежалъ починъ дѣла, а Сперанскому, совмѣстно съ митрополитомъ Амвросіемъ и Ѳеофилактомъ, вся спеціальная, техническая

[1]) Письмо 103, 105.

сторона реформы, организація управленія духовныхъ училищъ, устройство въ нихъ учебной части, исчисленіе суммъ, потребныхъ на содержаніе ихъ и изысканіе способовъ къ составленію этихъ суммъ. Собранія происходили у митрополита. Князь Голицынъ, послѣ каждаго засѣданія, докладывалъ Государю о ходѣ дѣла.

Къ Пасхѣ слѣдующаго 1808 года комитетъ уже окончательно разработалъ предложенныя ему задачи и, между тѣмъ какъ М. М. Сперанскій заготовлялъ подробный докладъ о дѣйствіяхъ Комитета для подпесенія Государю, кн. Голицынъ, по испрошеніи предварительнаго соизволенія Государя на предположенія комитета, входилъ въ сношенія съ различными учрежденіями и лицами о способахъ исполненія этихъ предначертаній. Въ виду предположеннаго отпуска значительной суммы изъ Государственнаго Казначейства, кн. Голицынъ предувѣдомлялъ объ этомъ Государственнаго Казначея и посылалъ ему проэктъ заготовленнаго на его имя указа. Голубцовъ отвѣчалъ, что проэктъ устава прочелъ и находитъ во всемъ достаточнымъ. «И такъ, милостивый государь мой писалъ онъ—начинайте съ Богомъ сіе доброе и полезное дѣло, а за мною дѣло не станетъ, деньги готовы будутъ; ибо гдѣ нужно и должно, я готовъ всегда приготовить». 12 Мая князь Голицынъ писалъ, по Высочайшему повелѣнію, къ Оберъ-Гофмаршалу Ард. Ал. Горсукову о передѣлкѣ и исправленіи въ Михайловскомъ замкѣ, во второмъ этажѣ, комнатъ подъ №№ 13—16 и увѣдомлялъ, что работы эти, по порученію его, будутъ произведены подъ наблюденіемъ архитектора Руско. Комнаты эти отдѣлывались на счетъ Кабинета, для будущей Коммиссіи Духовныхъ Училищъ.

Наконецъ 26 Іюня 1808 г. кн. Голицынъ поднесъ Государю докладъ Комитета объ исполненіи имъ возложеннаго на него порученія и вмѣстѣ свои предположенія, подъ наименованіемъ «Начертанія правилъ объ образованіи духовныхъ училищъ и содержаніи ихъ и духовенства». Въ тотъ же день послѣдовали Высочайшіе Именные Указы Св. Синоду объ утвержденіи всѣхъ предположенныхъ Комитетомъ мѣръ и объ учрежденіи Коммиссіи Духовныхъ Училищъ и о назначеніи членовъ въ составъ этой Коммиссіи и Государственному Казначею о порядкѣ отпуска суммъ на устройство духовныхъ училищъ и содержаніе церковныхъ причтовъ. «Воспитаніе юношества церкви посвященнаго—сказано въ первомъ изъ этихъ указовъ — на правилахъ благонравія и христіанскаго ученія

основанное, по справедливости всегда было признаваемо уважительнѣйшимъ предметомъ вниманія правительства. Издавна предположены были разныя мѣры къ усовершенію духовныхъ училищъ и къ лучшему устройству содержанія духовенства, при церквахъ служащаго. Слѣдуя симъ предположеніямъ и желая вящше утвердить и распространить существующее нынѣ по сей части, установленіе, признали Мы за благо указомъ 24 Ноября прошлаго 1807 г. изданнымъ, поручить особенному Комитету войти въ подробное соображеніе способовъ къ сему служащихъ и представить Намъ свое о томъ мнѣніе.

Разсмотрѣвъ докладъ вслѣдствіе сего отъ Комитета Намъ поднесенный и приложенное при оном Начертаніе правилъ о образованіи сихъ училищъ и содержаніи духовенства, при церквахъ служащаго», Мы находимъ, что предположенія Комитета объ устройствѣ сей части, постепенный распорядокъ ея усовершенія и способы къ составленію нужныхъ для сего суммъ, имъ предназначаемые, пользамъ церкви, разширенію духовнаго ученія и успѣхамъ истиннаго просвѣщенія, на благочестіи основаннаго, во всемъ сообразны».

«Утвердивъ посему мѣры, въ докладѣ Комитета и въ Начертаніи правилъ изображенныя и препровождая оныя въ Св. Синодъ, для приведенія ихъ въ надлежащее исполненіе, повелѣваемъ:

I. Для общаго и высшаго управленія духовныхъ училищъ учредить при Св. Синодѣ Особенную Коммиссію подъ именемъ *Коммиссіи Духовныхъ Училищъ*. Члены сея Коммиссіи отъ Насъ будутъ назначены.

II. Въ сію Коммиссію Комитетъ доставитъ всѣ положенія его и свѣдѣнія въ разсмотрѣніи его бывшія и служившія основаніемъ его соображеніямъ.

III. Коммиссія въ первоначальныхъ своихъ упражненіяхъ должна будетъ:

1) Опредѣливъ порядокъ сношеній ея съ Св. Синодомъ, установивъ образъ производства дѣлъ ея и составивъ нужную ей канцелярію, представить Намъ на утвержденіе;

2) Она приметъ немедленно изъ Св. Синода всѣ дѣла до Духовныхъ училищъ относящіяся и съ сего времени дѣла сіи будутъ уже производиться чрезъ ея посредство.

3) Она сдѣлаетъ подробный и точный распорядокъ къ отдѣленію церковныхъ доходовъ на содержаніе духовныхъ училищъ какъ единовременно, такъ и ежегодно... особенно же къ лучшему устройству права продажи церковныхъ свѣчъ представитъ намъ на утвержденіе.

4) Когда распоряженія сіи утвердятся, тогда Коммиссія обязана будетъ блюсти за точнымъ ихъ исполненіемъ и содержать въ извѣстности положеніе всѣхъ суммъ, какія на устройство округовъ будутъ предназначены.

5) За симъ Коммиссія приступитъ къ разсмотрѣнію штатовъ духовныхъ училищъ и церковныхъ причтовъ, къ сочиненію уставовъ, къ учрежденію библіотекъ и вообще къ исполненію обязанностей, кои въ Начертаніи правилъ подробно ей предназначены» (Дѣло Канц. Об. Пр. № 3455).

Въ тотъ же день указомъ на имя Комитета, Государь выразилъ ему свою признательность за совершеніе возложеннаго на него порученія. «Изъ доклада Комитета Мнѣ поднесеннаго Я видѣлъ съ особеннымъ удовольствіемъ, что онъ совершилъ дѣло, указомъ 29 Ноября минувшаго года Мною на него возложенное. Отдавая совершенную справедливость усердію и отличной дѣятельности, коими Комитетъ при исполненіи порученія сего руководствовался и содѣйствовалъ Моимъ намѣреніямъ о доставленіи прочныхъ правилъ духовенству какъ въ его просвѣщеніи, основанномъ на истинномъ благочестіи, такъ и въ способахъ его содержанія, и изъявляя всѣмъ членамъ онаго Мое благоволеніе и признательность, повелѣваю: на основаніи II статьи указа Св. Синоду Іюня въ 26 день Мною даннаго, передать въ Коммиссію Духовныхъ Училищъ журналы Комитета, такъ и всѣ свѣдѣнія, въ разсмотрѣніи его бывшія». Тогда же подписаны рескрипты и грамоты о пожалованіи членовъ Комитета—митрополита Амвросія орденомъ св. Владиміра 1 ст., Калужскаго епископа Ѳеофилакта, князя Голицына и статсъ-секретаря Сперанскаго — тѣмъ же орденомъ 2-й степени, оберъ-священника Державина Анны 1-й ст. и правителя дѣлъ Комитета, оберъ-секретаря Св. Синода Данилова—Анны 2-й ст. съ алмазными знаками. Подвигнутый этимъ новымъ опытомъ Высочайшаго благотворнаго вниманія къ благоустроенію духовенства и расширенію духовнаго просвѣщенія, Св. Синодъ поручилъ кн. Голицыну испросить соизволеніе Государя Императора на принесеніе всеподданнѣйшей Его Величеству благодарности и въ назначенный Государемъ день, 22 Іюля, предсталъ предъ Государемъ въ Петергофѣ въ полномъ составѣ своихъ членовъ[1]).

[1]) Въ числѣ представлявшихся Государю членовъ Синода были два архіепископа Ириней Псковскій и Меѳодій Тверскій, не участвовавшіе въ занятіяхъ Комитета объ усовершеніи духовныхъ училищъ.

Митрополитъ Амвросій выразилъ чувства глубочайшей признательности и преданности отъ лица всей Россійской Церкви. На рѣчь митрополита Государь отвѣчалъ милостивыми словами: «Я, предоставя выгоды для духовныхъ училищъ, имѣлъ въ виду то удовольствіе, что они и при распространеніи всенароднаго просвѣщенія всегда будутъ стараться идти по прежнему впереди».

Въ Августѣ начала свои дѣйствія Коммиссія Духовныхъ Училищъ. Въ составъ ея вошли всѣ тѣ же члены, которые были въ Комитетѣ. Вновь назначенъ только пожалованный на мѣсто Краснопѣвкова духовникомъ П. В. Криницкій [1]). Предсѣдателя въ Коммиссіи не было, какъ не было и въ Комитетѣ. По Высочайше утвержденному Положенію о Коммиссіи представленіе Государю Императору всеподданнѣйшихъ докладовъ и сношеніе съ Министрами и вообще съ начальствующими лицами и учрежденіями по дѣламъ Коммиссіи возлагалось на одного изъ членовъ, по избранію Коммиссіи; но на первый разъ тѣмъ же Положеніемъ это предоставлено было князю Голицыну.

Въ Сентябрѣ 1808 г. онъ находился въ свитѣ Государя во время путешествія Его въ Эрфуртъ для свиданія съ Наполеономъ.

При томъ положеніи, какое онъ занималъ и при множествѣ лежащихъ на немъ обязанностей, конечно, трудно было ожидать, тѣмъ болѣе требовать отъ него какихъ либо спеціальныхъ трудовъ по дѣламъ Коммиссіи. Однакожъ, независимо отъ постояннаго и дѣятельнаго участія въ общихъ совѣщаніяхъ Коммиссіи, онъ исполнилъ нѣкоторыя спеціальныя порученія Коммиссіи и внесъ нѣкоторыя предложенія, получившія значеніе законодательныхъ постановленій на будущее время.

По плану Комитета о Духовныхъ Училищахъ въ отличіе и награду академическимъ студентамъ, имѣющимъ вступить въ званіе магистровъ и докторовъ богословія назначены патенты и кресты. Коммиссія разсуждая, какой формы должны быть эти патенты и кресты, поручила составить эти формы членамъ своимъ преосв. Ѳеофилакту и кн. Голицыну, которые на себя и приняли — первый

---

[1]) Въ Высочайшемъ Именномъ Указѣ Свят. Синоду 26 Іюня 1808 г. сказано: Въ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ всемилостивѣйше повелѣваемъ присутствовать митрополиту Новгородскому Амвросію, епископу Калужскому Ѳеофилакту, духовнику нашему протопресвитеру Павлу Криницкому, оберъ-священнику Іоанну Державину, Синода оберъ-прокурору князю Голицыну и статсъ-секретарю Сперанскому.

составленіе формы патентовъ, а второй —составленіе рисунка вокругъ сихъ патентовъ и формы крестовъ [1]). Октября 5 они представили эти формы. Коммиссія, утвердивъ проэктъ патентовъ, предоставила кн. Голицыну составленные художникомъ по его указаніямъ орнаменты патентовъ и рисунки крестовъ представить на Высочайшее усмотрѣніе Государя Императора [2]). Въ Ноябрѣ Голицынъ предложилъ Коммиссіи, что Государь утвердилъ образцы крестовъ, съ тою только отмѣною, чтобы эмаль на крестахъ докторовъ богословія была голубая. Коммиссія постановила при этомъ: «кресту для докторовъ богословія быть серебряному вызолоченному; въ верхней же его части, на коей имѣетъ быть изображаемо Распятіе, быть изъ золота. Цѣпочкѣ къ кресту сему быть серебряной вызолоченной. Кресту для магистровъ быть серебряному вызолоченному, а верхней части его изъ золота. Цѣпочкѣ быть серебряной вызолоченной изъ мелкихъ колечекъ» [3]). Кн. Голицынъ поручилъ ювелиру Христіану Барсбе сдѣлать по одному экземпляру крестовъ на пробу. Въ Мартѣ слѣдующаго года образцовые кресты были представлены [4]). За тѣмъ въ 1814 г. предъ окончаніемъ 1-го курса въ С.-Петербургской академіи, по этимъ образцамъ сдѣлано 30 магистерскихъ и 5 докторскихъ крестовъ, причемъ Коммиссіею постановлено на оборотѣ докторскаго креста поставить указаніе на текстъ: *иже сотворитъ и научитъ, сей великій наречется въ царствіи небесномъ,* обозначивъ оный кратко слѣдующимъ образомъ: Мат. V, 19 [5]).

Съ именемъ кн. Голицына связанъ значительный проэктъ усиленія способовъ содержанія бѣдныхъ учениковъ чрезъ присвоеніе церкви исключительнаго права продажи вѣнчиковъ и листовъ разрѣшительной молитвы.

Изъ представленныхъ имъ по этому предмету свѣдѣній видно, что *вѣнчики* печатались въ Москвѣ тѣми же лицами, которыя торговали разными листками для простаго народа и продавались въ Москвѣ въ свѣчныхъ и книжныхъ лавкахъ у Казанскаго собора и на Спасскомъ мосту, а въ С.-Петербургѣ въ однихъ свѣчныхъ лавкахъ и при кладбищенскихъ церквахъ. Каждый бумажный вѣнчикъ

---

[1]) Ж. К. Д. У. 22 Іюня 1809 г. ст. 15, III.
[2]) Ж. К. Д. У. 5 Октября 1809 г. ст. 18.
[3]) Ж. К. Д. У. 20 Ноября 1809 г. ст. 21.
[4]) Ж. К. Д. У. 19 Марта 1810 г. ст. 5.
[5]) Ж. К. Д. У. 24 Іюня 1814 г. ст. 6 и 10.

обходился не болѣе денежки, а продавался по 5 коп.; атласный же обходился отъ 20—30 к., а продавался отъ 60 до 100 или 150 копѣекъ.

Разрѣшительная молитва печаталась въ Московской и здѣшней синодальныхъ типографіяхъ. Печатаніе ея стоило не болѣе 2-хъ копѣекъ; изъ типографій продавались по 5, а въ лавкахъ отъ 15 до 30 к. «Сія послѣдняя дань, которую платитъ землѣ младенецъ и старикъ, и которая частными лицами себѣ присвоена, принадлежитъ, по свойству своему, единой церкви, и церковію по всей справедливости не можетъ быть обращена на лучшее употребленіе, какъ на призрѣніе сиротъ и бѣдныхъ питомцевъ, кои образуются быть служителями алтарей ея. Присвоеніе же церкви сего, по частнымъ лицамъ разсѣяннаго, дохода, могло бы приносить значительное пособіе для содержанія бѣдныхъ учениковъ». По сдѣланному въ проэктѣ примѣрному исчисленію, сумма этого пособія могла простираться почти до 100 т. руб. въ годъ [1]). Въ Мартѣ слѣдующаго 1810 года кн. Голицынъ поднесъ докладъ объ этомъ Государю, утвержденный 18-го того же мѣсяца [2]).

Митрополиту Амвросію, въ видѣ нѣкотораго предпочтенія, предоставлено было сношеніе по дѣламъ Коммиссіи со всѣми духовными учрежденіями и лицами. Но, при множествѣ производившихся въ Коммиссіи дѣлъ объ училищахъ въ эпоху ихъ преобразованія, это преимущество возлагало на него весьма тяжелое бремя. Онъ долженъ былъ вести дѣловую переписку съ архіереями по всѣмъ предметамъ, о которыхъ производились дѣла въ Коммиссіи и по которымъ требовались какія либо свѣдѣнія: а этихъ свѣдѣній требовалось безчисленное множество — о числѣ учениковъ въ академіяхъ, семинаріяхъ и училищахъ, о назначеніи и увольненіи учениковъ въ свѣтскія учебныя заведенія, о числѣ церквей, составѣ причтовъ и способахъ содержанія ихъ, о церковныхъ капиталахъ и доходахъ, о наймѣ и устройствѣ помѣщеній для училищъ, о снабженіи училищъ книгами и пр. Но кромѣ того онъ долженъ былъ у себя въ епархіи устраивать первую академію и первую семинарію, съ училищами по новому плану. Надлежало приготовить помѣщеніе для новой академіи, семинаріи и училищъ, составить штаты содержа-

[1]) Ж. К. Д. У. 2 Декабря 1809 г. ст. 18.
[2]) Ж. К. Д. У. 19 Марта 1810 г. ст. 3.

нія ихъ, сдѣлать расчисленіе расходовъ по разнымъ частямъ академическаго, семинарскаго и училищнаго хозяйства и проч. Неполнительность его по этимъ сношеніямъ была громадная. Но во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ положеніе его въ Коммиссіи не было выдающимся; голосу его не было оказываемо особаго предпочтенія, и предложенія его не всегда были принимаемы въ уваженіе. Передовое значеніе изъ лицъ духовнаго сана имѣлъ преосв. Ѳеофилактъ, человѣкъ иниціативы и дѣятель энергичный и неутомимый. Людямъ, близко стоявшимъ къ дѣлу, казалось даже, что Ѳеофилактъ въ непродолжительномъ времени займетъ мѣсто митрополита Амвросія. Но Амвросій нашелъ нѣкоторые способы дѣйствовать на своего противника и этими способами обезпечилъ еще на нѣсколько лѣтъ свое положеніе, хотя все же не сберегъ его до конца жизни.

II.

Θеофилактъ и М. М. Сперанскій.

Біографическія свѣдѣнія.—Составленіе уставовъ духовныхъ училищъ: совмѣстный трудъ Сперанскаго и Θеофилакта.—Профессорство Θеофилакта въ академіи.—Критика конспектовъ Фесслера.—Сперанскій перестаетъ участвовать въ засѣданіяхъ Коммиссіи.—Запосчивость Θеофилакта.—Командировка его для устройства епархій, пострадавшихъ отъ непріятеля.—Возвращеніе.—Смутная исторія по поводу Ансильйона.—Удаленіе Θеофилакта въ епархію.

Θеофилактъ и М. М. Сперанскій были товарищами по Невской главной семинаріи. Θеофилактъ до монашества Θедоръ Гавриловичъ *Русановъ* -былъ сынъ дьячка Архангельской губерніи (Набережской волости, Онегской округи); родился въ 1765 г., обучался въ бывшей Олонецкой семинаріи, въ Александро-Свирскомъ монастырѣ и по окончаніи курса посланъ былъ въ 1788 г. въ С.-Петербургъ въ Невскую главную семинарію, учрежденную въ томъ году въ качествѣ высшаго учебнаго заведенія, для приготовленія учителей въ высшіе классы епархіальныхъ семинарій.—Въ слѣдующемъ году поступилъ въ ту же семинарію М. М. Сперанскій, присланный изъ Владимірской семинаріи.

По окончаніи курса они должны были отправиться на учительскія мѣста, въ свои епархіи. Но митрополитъ Гавріилъ, съ разрѣшенія Св. Синода, удержалъ ихъ, какъ лучшихъ и даровитѣйшихъ воспитанниковъ въ С.-Петербургѣ и опредѣлилъ учителями своей, главной семинаріи. Русанову порученъ былъ классъ поэзіи и реторики, Сперанскому—математики и физики, а вскорѣ и классъ высшаго краснорѣчія. Изъ товарищей по ученію они сдѣлались товарищами по учительству, пока судьба не раздѣлила ихъ, указавъ каждому свой путь. Русановъ принялъ монашество и въ 1794 г. опредѣленъ законоучителемъ въ Греческій корпусъ, переименован-

ный потомъ корпусомъ чужестранныхъ единовѣрцевъ; а М. М. Сперанскій еще оставался учителемъ семинаріи, ожидая своей судьбы.

Перешедши законоучителемъ въ Кадетскій корпусъ Ѳеофилактъ ступилъ на лучшую дорогу. Составъ высшаго духовенства формировался въ это время изъ законоучителей кадетскихъ корпусовъ и прочихъ учебныхъ заведеній, и наиболѣе даровитые іеромонахи, архимандриты и священники назначаемы были предпочтительно на законоучительскія мѣста, съ коихъ потомъ и были переводимы на высшія іерархическія должности.

Предмѣстникъ Ѳеофилакта по учительской каѳедрѣ въ Невской главной семинаріи, извѣстный Анастасій Братановскій, славился своимъ преподаваніемъ и блисталъ проповѣдями въ Сухопутномъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ. Ѳеофилактъ хотя не владѣлъ ораторскимъ талантомъ въ равной мѣрѣ съ Анастасіемъ, но пользовался репутаціей выдающагося проповѣдника, и въ служебныхъ повышеніяхъ и отличіяхъ слѣдовалъ шагъ за шагомъ за Анастасіемъ. Въ 1795 г. посвященъ былъ въ санъ архимандрита съ настоятельствомъ Зеленецкаго монастыря; въ Маѣ 1796 г. переименованъ архимандритомъ Сергіевой пустыни и на обоихъ этихъ мѣстахъ былъ преемникомъ Анастасія. Оба они еще въ санѣ архимандрита пожалованы были въ члены Св. Синода и вскорѣ затѣмъ получили епископскія каѳедры. Анастасій въ 1797 г. назначенъ епископомъ въ Могилевъ, Ѳеофилактъ въ 1799 г. въ Калугу.

Назначеніе Ѳеофилакта въ епископа, нареченіе и посвященіе совершились въ Гатчинѣ, гдѣ имѣлъ пребываніе дворъ и гдѣ по случаю торжества бракосочетанія великихъ княженъ Александры Павловны и Елены Павловны, находился съ 13 Октября по 6 Декабря Св. Синодъ. Бывшій въ то время оберъ-прокуроромъ Св. Синода тайный совѣтникъ, впослѣдствіи графъ, Д. И. Хвостовъ въ автобіографической запискѣ своей говоритъ, что «онъ имѣлъ комнаты во дворцѣ и пользовался счастіемъ ежедневно видѣть Императора. Однажды въ театрѣ позванъ былъ предъ лицо (Государя) и ту минуту повелѣно было объявить Св. Синоду, пребывающему съ верстою разстояніемъ отъ дворца, что Государь Императоръ намѣренъ Самъ присутствовать при нареченіи епископа Калужскаго Ѳеофилакта. Государь присовокупилъ, что, по сказанію Теплова, со временъ Петра I никто въ Синодѣ не присутствовалъ».

Въ назначенный день 23 Октября, члены Св. Синода собрались въ придворную церковь, откуда въ предшествіи придворнаго духовенства съ Евангеліемъ и крестомъ перешли въ большую залу, гдѣ и ожидали прибытія Государя. Между тѣмъ собрались высшіе сановники, дворянство и чужестранные министры. Государь прибылъ въ сопровожденіи Высочайшей фамиліи и занялъ Свое кресло у присутственнаго стола, а затѣмъ, съ позволенія Его Величества, заняли свои мѣста и члены Синода. По прочтеніи оберъ-прокуромъ Высочайшаго указа совершенъ былъ церковный обрядъ, а по окончаніи онаго сперва нареченный епископъ говорилъ рѣчь Государю, а потомъ митрополитъ рѣчью же благодарилъ Государя за удостоеніе Синода Своимъ присутствіемъ. «Государь столько благоволилъ къ Св. Синоду, говоритъ Хвостовъ —, что намѣревался самъ подписать протоколъ присутствія; но члены Синода благоговѣйно его за сіе поблагодарили» [1]). 30 Октября Ѳеофилактъ посвященъ былъ въ Гатчинской придворной церкви въ епископа и отправился въ свою епархію [2]).

Въ проѣздъ чрезъ Москву онъ посѣтилъ митрополита Платона и 25 Декабря участвовалъ съ нимъ въ посвященіи, въ Троицкой Лаврѣ, назначеннаго викарнымъ Московской епархіи, ректора Московской академіи, архимандрита Серафима (бывшаго впослѣдствіи С.-Петербургскимъ митрополитомъ). Впечатлѣніе, произведенное имъ на Платона, митрополитъ выразилъ въ письмѣ къ м. Амвросію 15 Апрѣля 1800 г.: «человѣкъ молодой и не по сану отважный» [3]). Впрочемъ отзывъ этотъ имѣетъ подкладку въ особыхъ отношеніяхъ Калужскаго епископа къ митрополиту Платону. Калужская епархія образована была въ 1799 г. изъ части Московской епархіи, находившейся въ вѣдѣніи и управленіи Московскаго митрополита. Съ

---

[1]) Біографія сенатора гр. Д. П. Хвостова напечатана въ Сборн. Академіи Наукъ т. XXXVII. Исторія Россійск. Акад. М. И. Сухомлинова, стр. 536. «Въ сіе время, говоритъ Хвостовъ—хлопотъ ему было много, ибо канцелярія Святѣйшаго Синода находилась въ городѣ, а члены въ Гатчинѣ, гдѣ заготовлялись резолюціи, а протоколы привозились изъ города синодальными курьерами.»

[2]) Такимъ же порядкомъ происходили въ Гатчинѣ, въ Высочайшемъ присутствіи Государя, 6 Ноября назначеніе, и 13 посвященіе юрьевскаго архимандрита Амвросія (Келембета) въ епископа оренбургскаго. При нареченіи Государь занималъ императорское кресло при членскомъ столѣ. По окончаніи нареченія Амвросій говорилъ краткую рѣчь. (Арх. Свят. Синода, 1799 г. № 212).

[3]) Письма митр. Платона къ Амвросію и Августину. Съ прим. С. К. Смирнова М. 1870 г., стр. 44.

20 Октября 1798 г. церквами этой епархіи управлялъ викарный Московскаго митрополита, Серапіонъ, епископъ Дмитровскій, на такомъ же основаніи, какъ Старорусскій епископъ управлялъ, подъ главнымъ вѣдѣніемъ Новгородскаго и С.-Петербургскаго митрополита, церквами и духовенствомъ Новгородской епархіи [1]). Въ 1799 году Серапіона и назначили-было епископомъ въ Калугу, но чрезъ пять дней это назначеніе было отмѣнено. Серапіона перевели въ Казань архіепископомъ, а въ Калугу назначили Ѳеофилакта. Старцу митрополиту конечно не было особой пріятности видѣть какъ разбираютъ по частямъ его епархію [2]). Но Калужскій епископъ, кромѣ того требовалъ, на основаніи Синодскаго постановленія, выдачи ему ризницы и прочаго церковнаго и домоваго имѣнія бывшихъ Крутицкихъ архіереевъ.

Новымъ поводомъ къ обоюднымъ непріятностямъ было то, что въ Калугѣ не было своей семинаріи и дѣти тамошняго духовенства, прошедши курсъ духовнаго уѣзднаго училища въ Лаврентьевомъ монастырѣ, оканчивали образованіе въ Перервинской и Троицкой семинаріяхъ и въ старой Московской академіи. Ѳеофилактъ жаловался и вѣроятно имѣлъ поводы къ тому, что Калужскихъ семинаристовъ притѣсняютъ въ Троицкой семинаріи [3]). Чтобы стать независимымъ отъ Москвы и съ этой стороны, Ѳеофилактъ учредилъ семинарію въ Калугѣ и перевелъ въ нее всѣхъ своихъ воспитанниковъ изъ Троицкой семинаріи. Митрополитъ Филаретъ, обучавшійся въ это время въ Лаврской семинаріи, говоритъ, что семинарія эта славилась знаніемъ латинскаго языка и славу эту поддерживали калужане — бывшіе хорошими латинистами, между которыми особенно отличался Зарѣцкій (впослѣдствіи Леонидъ, профессоръ С.-Петербургской духовной академіи) и что съ учрежденіемъ семинаріи въ Калугѣ отошли въ нее нѣкоторые лучшіе знатоки латинскаго языка и латынь стала у нихъ (въ Троицкой семинаріи) падать [4]).

---

[1]) Калуга принадлежала до 1799 г. къ Московской епархіи, а теперешніе уѣзды Калужской губерніи принадлежали къ Крутицкой епархіи, присоединенной въ 1798 г. къ Московской.

[2]) Въ это же время образована была Тульская епархія (изъ бывшей Коломенской); нѣсколько прежде Орловская (изъ Севскаго викаріатства Московской епархіи).

[3]) Въ 1800 г. митр. Платонъ писалъ къ митр. Амвросію: «Калужскій о притѣсненіи учениковъ его пишетъ не совѣстно. Онъ, думаю, почелъ притѣсненіемъ, что нѣкоторые неспособные исключены. Но сіе сдѣлано по всегдашнему порядку и представленію; и не его одной епархіи, но и моей исключены. Но истинѣ ежели я имѣю какую обще ко всѣмъ учащимся горячесть, онъ такими поступками можетъ прохладить.» (Тамъ же, стр. 49—50).

[4]) Прав. Обозр. 1868 г., т. 26, стр. 509.

Въ Калугѣ преосв. Ѳеофилактъ имѣлъ неосторожность сблизиться на первой порѣ съ тамошнимъ губернаторомъ, который своими безобразными поступками набросилъ тѣнь и на епископа. Губернаторомъ былъ въ то время Дмитрій Ардаліоновичъ Лопухинъ, женатый на Шереметевой и приходившійся родственникомъ князю Петру Васильевичу Лопухину. Надѣясь по своему родству и по своимъ связямъ на покровительство сильныхъ вельможъ, Лопухинъ позволялъ себѣ такія злоупотребленія властью — притѣсненія богатыхъ заводчиковъ, взяточничество, укрывательство уголовныхъ преступленій, отнятіе имѣній у помѣщиковъ и пр. и такія безобразія въ личномъ поведеніи, соединенныя съ оскорбленіемъ подчиненныхъ и имѣвшихъ до него дѣла лицъ, что, наконецъ, все это дошло до свѣдѣнія Государя. Ѳеофилактъ по своему положенію не могъ чуждаться начальника губерніи и, можетъ быть, не зная о допускаемыхъ имъ злоупотребленіяхъ по службѣ, водилъ съ нимъ хлѣбосольство, чѣмъ навлекъ и на себя разныя нареканія.

Государь поручилъ довѣреннымъ лицамъ собрать подъ рукою свѣдѣнія о происходившихъ въ Калужской губерніи безпорядкахъ, а потомъ, когда нарочно посланными уже ощупаны были, такъ сказать, всѣ слѣды и оставалось только открыть ихъ оффиціально, Государь 23 Ноября 1801 г. поручилъ сенатору Г. Р. Державину отправиться, безъ огласки, подъ видомъ отпуска, въ Калугу и если дошедшіе до Высочайшаго свѣдѣнія злоупотребленія окажутся безсомнительными, то объявить данный ему Высочайшій рескриптъ и произвесть формальное разслѣдованіе и обозрѣніе порядка дѣлъ и производства правосудія во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ губерніи и уѣздовъ. Изъ произведеннаго Державинымъ слѣдствія составилось 46 дѣлъ, изъ которыхъ 34 имѣли видъ преступленій. Для разсмотрѣнія этихъ дѣлъ назначенъ былъ комитетъ изъ графовъ А. Р. Воронцова, В. А. Зубова, Н. П. Румянцова и Державина. Въ Августѣ 1802 г. комитетъ представилъ свой докладъ Государю и 16 Августа состоялся Высочайшій указъ Сенату, коимъ велѣно было судить Губернатора и соучастниковъ его по законамъ. Губернатора отрѣшили отъ управленія губерніею; дѣло его тянулось долго, но всесильный родственникъ укрылъ его подъ своею защитою [1]). Въ

[1]) Въ Маѣ 1803 г. гр. Ростопчинъ писалъ кн. Циціанову: «Калужской исторіи конца до сихъ поръ нѣтъ. Лопухинъ, бывшій губернаторъ, живетъ очень весело въ Петербургѣ; сообщники его Уголовною Палатою осуждены по всей строгости законовъ.

донесеніяхъ своихъ Державинъ не пощадилъ и архіерея [1]). Но по Высочайшему повелѣнію 21 Августа 1802 г. въ Святѣйшій Синодъ препровождены были для изслѣдованія лишь нѣсколько частныхъ дѣлъ о безпорядкахъ въ Калужской епархіи, возникшихъ по поданнымъ Державину жалобамъ, а о лицѣ архіерея и прикосновенности его къ дѣлу Губернатора въ Высочайшемъ указѣ не было упомянуто ни однимъ словомъ. Въ Апрѣлѣ 1803 г. Синодъ представилъ Государю докладъ по этимъ дѣламъ и получилъ чрезъ Статсъ-Секретаря Новосильцова Высочайшее повелѣніе привесть свое опредѣленіе въ исполненіе. Тѣмъ это дѣло и кончилось въ Синодѣ.

Избѣжавъ угрожавшихъ непріятностей, Ѳеофилактъ углубился въ кабинетные труды и, пользуясь знаніемъ языковъ, переводилъ на русскій языкъ сочиненія древнихъ и новыхъ писателей. Но выборъ этихъ сочиненій иногда былъ довольно своеобразенъ. Не будучи по своему душевному складу меланхоликомъ, онъ первымъ сочиненіемъ для перевода выбралъ, еще въ бытность корпуснымъ законоучителемъ, „*Философское утѣшеніе*“ Боэція и перевелъ его частію прозой, частію стихами [2]).

и мнѣ кажется, что весьма пріятное и безопасное мѣсто быть атаманомъ разбойниковъ». Въ Декабрѣ слѣдующаго 1804 г. Московскій Сенатъ призналъ Лопухина невиновнымъ. «И я не знаю, писалъ Ростопчинъ, что теперь его защитникъ сдѣлаетъ съ тѣмъ указомъ, при коемъ сей шельма губернаторъ отосланъ былъ къ суду (XIX вѣкъ, кн. 2, стр. 11 и 78).

[1]) Соч. Державина, изд. съ примѣч. Я. К. Грота, т. VI, стр. 767 и 776.

[2]) Стихи, какъ намъ кажется, не дѣлаютъ безчестія бывшему учителю поэзіи. Приведемъ здѣсь нѣсколько стиховъ для примѣра.

Безвременной зимой власы мои покрылись,
Хладѣетъ въ тѣлѣ кровь и силы истощились.
. . . . . .
Хоть титлами вашъ домъ высокими гордится;
Но смертной сѣнію на вѣкъ сей блескъ затмится.
Какъ низкаго сія, такъ знатнаго тѣснитъ
И славой дышущихъ нимало не щадитъ.
Фабрицій вѣрный гдѣ? Гдѣ Брутъ? Уже ихъ нѣтъ?
Катоновыхъ доброть померкъ на вѣки свѣтъ.
Днесь эхо лишь объ нихъ намъ слабое вѣщаетъ
И книга имена безгласны соблюдаетъ.
Такъ если титла ихъ дано лишь только знать,
Возможно ль знать самихъ, гдѣ нынѣ описать?
Какъ только роковой покроется тьмою,
То слава тщетно ужъ начнетъ гремѣть трубою.
Коль эхомъ имени желая долѣ жить
Вы мыслите свое здѣсь бытіе продлить:
То въ поздный онаго день надобно-жъ лишиться.
Отъ смерти вамъ второй нельзя освободиться.

(Филос. утѣшеніе, стр. 65. СПб. 1794 г.).

Въ 1801 году, уже въ Калугѣ, онъ перевелъ съ латинскаго и напечаталъ *Врачество отъ унынія и отчаянія*, въ двухъ частяхъ [1]). Митрополитъ Амвросій посовѣтовалъ ему заняться лучше переводомъ такихъ книгъ, которыя по своему содержанію соотвѣтствовали бы званію церковнаго пастыря [2]). Слѣдуя этому указанію, преосв. Ѳеофилактъ перевелъ рядъ богословскихъ сочиненій: въ 1803 г. съ греческаго (съ рукописи б. архіепископа славянскаго Евгенія Булгара) *О достоверности Евангелія*, соч. Безобра; съ французскаго—*Созерцаніе христіанства*, въ двухъ частяхъ, соч. Жепиигса и *Пастырское наставленіе о превосходствѣ религіи*, соч. Люцерна [3]); въ 1806 г.—*Начала противъ безбожія*, соч. Камозе [4]). Церковныя проповѣди шли своимъ порядкомъ. Нѣкоторыя изъ нихъ напечатаны были отдѣльными брошюрами, но въ 1806 г. Ѳеофилактъ собралъ ихъ и издалъ подъ заглавіемъ: «Поучительныя слова и рѣчи, говоренныя въ Калугѣ и другихъ уѣздныхъ и сельскихъ церквахъ» [5]). Проповѣди Ѳеофилакта, съ точки зрѣнія ораторскаго искусства, не блестящи. Онѣ умны, стройно составлены, логически отчетливы, убѣдительны, но лишены ораторскаго одушевленія. Разсудочный элементъ преобладаетъ въ нихъ надъ движеніями чувства. Для доказательства своихъ мыслей онъ весьма часто употребляетъ примѣры изъ древней и новой исторіи и изреченія философовъ и ораторовъ и при этомъ нерѣдко приводитъ имена мало извѣстныя и большей части слушателей, надо полагать, совершенно неизвѣстныя.

М. М. Сперанскій былъ въ это время уже значительнымъ лицомъ.

Послѣ выхода Ѳеофилакта, онъ еще болѣе трехъ лѣтъ оставался въ семинаріи. Но счастливая судьба шла ему навстрѣчу. Знатный вельможа того времени князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ при-

---

[1]) Первое изданіе напечатано въ СПб. 1801 г., второе въ Калугѣ, въ 1805 г.

[2]) Дѣло архива Св. Синода 1802 г., № 318.

[3]) М. Амвросій предложилъ напечатать два завода этой книги: одинъ на счетъ Ѳеофилакта (какъ тотъ и просилъ), другой на счетъ Синода. (Дѣло арх. Св. С. 1804 г. № 20).

[4]) Всѣ эти переводы изданы были потомъ въ 1809—1812 гг. вмѣстѣ подъ общимъ заглавіемъ: *Собраніе переводовъ въ разныя времена изданныхъ Преосв. Ѳеофилактомъ, Епископомъ Калужскимъ.* 4 части. СПб. Въ типографіи Св. Синода.

[5]) Въ 1809 г. онъ напечаталъ ихъ новымъ изданіемъ съ дополненіями. Москва, 1809 г.

гласилъ его къ себѣ для частныхъ занятій въ качествѣ секретаря, а потомъ, сдѣлавшись генералъ-прокуроромъ, перевелъ его на службу въ свою канцелярію и опредѣлилъ на важную и отвѣтственную должность экспедитора. При трехъ слѣдовавшихъ одинъ за другимъ прокурорахъ, Сперанскій съ большимъ достоинствомъ сохранилъ свое положеніе и менѣе чѣмъ чрезъ три года со времени поступленія на службу изъ титулярныхъ совѣтниковъ достигъ до чина статскаго совѣтника. Въ 1798 г., оставаясь при своей должности въ генералъ-губернаторской канцеляріи, онъ назначенъ былъ правителемъ канцеляріи Коммиссіи о снабженіи резиденціи припасами. Коммиссія эта, учрежденная въ 1797 г. Императоромъ Павломъ, занималась установленіемъ и распредѣленіемъ городскихъ доходовъ и расходовъ обѣихъ столицъ, завѣдывала продовольствіемъ ихъ и вообще всѣмъ тѣмъ, что относится къ городскому благоустройству и чѣмъ при Екатеринѣ завѣдывала городская дума, магистратъ и надворный судъ. Президентомъ ея былъ, по званію перваго С.-Петербургскаго военнаго губернатора, Наслѣдникъ Престола Цесаревичъ Александръ, членами—генералъ прокуроръ Обольяниновъ, второй С.-Петербургскій губернаторъ графъ Паленъ и оберъ-прокуроръ Сената Резановъ (предмѣстникъ Сперанскаго по должности правителя Коммиссіи). Московскій департаментъ Коммиссіи составляли первый Московскій военный губернаторъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Салтыковъ, второй—генералъ отъ инфантеріи Архаровъ. Московскій департаментъ представлялъ свои донесенія въ Коммиссію, а Коммиссія представляла свои доклады прямо Государю. И здѣсь уже Сперанскій имѣлъ удобность и случай сдѣлаться извѣстнымъ Цесаревичу, будущему Государю[1]); но кромѣ того служба въ этой Коммиссіи, хотя по роду дѣлъ была отяготительна, вводила его въ кругъ значительныхъ лицъ государства.

При восшествіи на престолъ Александра Сперанскій пожалованъ былъ въ статсъ-секретари съ порученіемъ быть при Трощинскомъ по Высочайше поручаемымъ ему дѣламъ и съ обращеніемъ въ пенсію получаемаго имъ жалованья по званію правителя дѣлъ

[1]) О. Фортунатовъ, по воспоминаніямъ сослуживца М. М. Сперанскаго въ канцеляріи генералъ-прокурора, А. А. Монакова, говоритъ, что «Александръ до вступленія на престолъ былъ президентомъ этой коммиссіи и Сперанскій бывалъ у него еженедѣльно съ докладами. По восшествіи Александра на престолъ, не болѣе какъ чрезъ недѣлю эта коммиссія уничтожена. Жалованье Сперанскимъ полученное по званію правителя, 2000 р., обращено ему въ пансіонъ». (Р. Арх. 1867 г., стр. 1669).

Коммиссіи. Вслѣдъ за тѣмъ, 25 Апрѣля, М. М. опредѣленъ въ канцелярію новоучрежденнаго Государственнаго Совѣта начальникомъ третьей экспедиціи—гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, съ сохраненіемъ званія статсъ-секретаря и, ставши здѣсь въ самомъ средоточіи государственной дѣятельности, въ эпоху важнѣйшихъ преобразованій перваго времени царствованія Александра, получилъ возможность видѣть весь ходъ государственнаго правленія и ознакомиться со всѣми государственными учрежденіями въ ихъ отдѣльной и совокупной дѣятельности. Молодой Государь преисполненъ былъ желанія улучшить всѣ части управленія, возвысить благосостояніе всѣхъ сословій и даровать Россіи учрежденія, соотвѣтствовавшія ея величію и сообразныя съ лучшими понятіями времени. Всѣ эти предначертанія и предначинанія Государя передаваемы были имъ на обсужденіе Государственнаго Совѣта и на долю третьей экспедиціи досталась наибольшая доля участія, а вмѣстѣ и труда, въ этихъ преобразовательныхъ дѣйствіяхъ. Въ первое же засѣданіе Совѣта по назначеніи Сперанскаго, именно 6 Мая 1801 г., разсуждаемо было, по Высочайшему повелѣнію, о непродажѣ людей безъ земли и первый составленный имъ журналъ былъ по предмету этого засѣданія. Разсужденія объ этомъ продолжались и въ слѣдующее засѣданіе, 16 мая, въ присутствіи Государя, и возобновились чтеніемъ журнала предыдущаго собранія—6 мая. Это было первое присутствіе Государя въ Совѣтѣ. Второе и послѣднее до 1810 года произошло чрезъ нѣсколько дней и замѣчательно по предмету бывшихъ въ ономъ разсужденій, имѣвшихъ значеніе для послѣдующей судьбы М. М. Сперанскаго. Рѣчь шла о новомъ распредѣленіи губерній и, въ частности, о Сибирскихъ губерніяхъ. Излагая результатъ разсужденій въ журналѣ Совѣта, Сперанскій писалъ: Совѣтъ принялъ въ уваженіе, что страна сія по великому ея пространству, по разности естественнаго ея положенія, по состоянію народовъ ее населяющихъ, правами, обыкновеніями, промыслами и образомъ жизни толико одинъ отъ другаго различествующихъ, требуетъ какъ въ раздѣленіи ея, такъ и въ самомъ образѣ управленія особеннаго постановленія. Но какъ постановленіе сіе должно быть основано на достовѣрномъ познаніи мѣстныхъ обстоятельствъ, кои по всѣмъ ихъ подробностямъ сообразить и привести въ надлежащее единство на столь великомъ разстояніи невозможно: то Совѣтъ и полагалъ представить Его Императорскому Величеству, неблагоугодно-ли будетъ

избрать и назначить особеннаго чиновника, который бы, при личномъ сего края обозрѣніи, вошелъ во всѣ подробности мѣстнаго его положенія и, сообразивъ все различіе его обитателей и почерпнувъ на самыхъ мѣстахъ вѣрнѣйшія свѣдѣнія, представилъ бы по всѣмъ частямъ свои о немъ примѣчанія, дабы на основаніи оныхъ можно было положить съ достовѣрностію, совмѣстны-ли съ состояніемъ и пространствомъ сей страны настоящее ея раздѣленіе на губерніи Пермскую, Тобольскую и Иркутскую, съ причисленіемъ и бывшей Колыванской, или удобнѣе будетъ дать ей другое какое-либо раздѣленіе, изыскавъ и опредѣливъ, какой можетъ быть для нея образъ управленія приличнѣйшій многочисленному разнообразію народовъ въ ней обитающихъ [1]). Могъ ли Сперанскій думать въ то время, когда писалъ этотъ журналъ, что онъ составляетъ инструкцію для себя и что ему придется исполнить ее въ томъ самомъ полномъ видѣ, какъ онъ тогда понималъ ее?—Съ Августа по Октябрь 1801 г. Сперанскій вмѣстѣ съ Совѣтомъ находился въ Москвѣ по случаю коронаціи Государя; въ слѣдующемъ 1802 г. 2 Іюля [2]) пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Съ учрежденіемъ въ Сентябрѣ 1802 г. министерствъ, состоявшимся безъ участія Трощинскаго и подготовлявшимся въ тайнѣ отъ него, положеніе Трощинскаго при Государѣ кончилось. Онъ остался только главнымъ Директоромъ почтъ, получивъ вскорѣ за тѣмъ въ управленіе Министерство Удѣловъ; а Сперанскій перешелъ 7 Января 1803 г. къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ В. П. Кочубею. Дѣятельность его повсюду была полна одушевленія, блеска, иниціативы. Въ 1803 г. Государь поручилъ ему чрезъ Кочубея дѣло первой важности—составить планъ общаго образованія правительственныхъ и судебныхъ мѣстъ въ Имперіи или образованія Государственнаго Совѣта и министерствъ. Являясь къ Государю съ докладами по этому дѣлу, онъ привлекъ къ себѣ Его вниманіе и сдѣлался близкимъ и довѣреннымъ лицомъ въ исполненіи его порученій, а съ конца 1807 г. уже находился при немъ постоянно.

Внѣшняя, служебная дѣятельность его была чрезвычайна. Но точно также изумительна его внутренняя дѣятельность, работа этой могучей души надъ самой собою и въ разрѣшеніи вѣчно томящихъ ее вопросовъ о томъ невидимомъ, вѣчномъ, духовномъ царствѣ, къ

[1]) Арх. Гос. Сов., т. 3, ч. I, стр. 70—72.

[2]) А не 1801 г., какъ сказано у бар. Корфа въ Біографіи Сперанскаго, I, 91.

которому она принадлежитъ по своей природѣ. Въ первое время своей жизни, въ періодъ воспитанія и учительства, пытливая мысль его, можетъ быть, удовлетворялась рѣшеніями, преподанными въ ученіяхъ богословской науки, и общимъ вѣрованіемъ, наряду со всѣми простыми вѣрующими сынами церкви. Но выходившее изъ общаго порядка теченіе событій его жизни и навыкъ къ сосредоточенному размышленію и углубленію въ свои внутреннія состоянія, въ связи съ общимъ направленіемъ того времени, дали его внутренней самодѣятельности направленіе мистическое, въ послѣдствіи времени развившееся до весьма значительной степени. Первыя проявленія этого направленія относятся къ 1803 — 4 гг. и, кажется, можно предполагать нѣкоторое вліяніе на Сперанскаго въ этомъ отношеніи со стороны Ив. Влад. Лопухина.

Изъ напечатанной въ Русскомъ Архивѣ переписки Лопухина со Сперанскимъ видно, что они старались привлечь къ тому же направленію Ѳеофилакта, но безуспѣшно. Натура Ѳеофилакта была слишкомъ реальна для того, чтобы находить интересъ въ тонкостяхъ мистицизма. По крайней мѣрѣ Лопухинъ, видѣвшись съ нимъ въ 1805 г. въ Калугѣ, писалъ къ Сперанскому, что «Ѳеофилактъ, кажется, нисколько еще не получилъ вкуса къ прямой чистотѣ дѣла. Въ отвѣтномъ письмѣ его къ вамъ, которое онъ мнѣ читалъ, довольно то видно изъ его понятій о Фенелонѣ и связи его съ M-me Guion. «Впрочемъ, — писалъ Лопухинъ, — онъ имѣетъ многія достоинства» и совѣтовалъ Сперанскому продолжать съ нимъ переписку [1]). Но въ смыслѣ вліянія на душевное настроеніе Ѳеофилакта переписка эта не имѣла успѣха.

На мистицизмѣ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, они—Ѳеофилактъ и Сперанскій—и столкнулись самымъ непріятнымъ образомъ.

Въ 1806 г. 18 Ноября Ѳеофилактъ вызванъ былъ въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ. Это было въ самое первое время послѣ установленія особаго порядка вызова Епархіальныхъ архіереевъ къ временному присутствованію въ Святѣйшемъ Синодѣ. Въ 1805 г. 12 Іюня Оберъ-Прокуроръ кн. Голицынъ объявилъ Святѣйшему Синоду, что «Государь Императоръ,

[1]) Письма Лопухина къ Сперанскому въ 1804 и 1805 г.г. Р. Арх. 1870, стр. 614, 618.

желая знать лично преосвященныхъ, управляющихъ епархіями, предположилъ вызывать по одному изъ нихъ для жительства въ С.-Петербургѣ и присутствовать по прибытіи въ Святѣйшемъ Синодѣ до воспослѣдованія Высочайшей воли на обратное возвращеніе въ епархіи». Вмѣстѣ съ этимъ онъ объявилъ Синоду Высочайшее повелѣніе, «чтобы первоначально вызвать Могилевскаго архіепископа Анастасія [1]), выдавъ ему на проѣздъ тысячу рублей изъ суммы на духовный департаментъ положенной; на случай же временнаго отбытія его изъ епархіи сдѣлать Святѣйшему Синоду для управленія оной зависящее съ своей стороны распоряженіе». Святѣйшій Синодъ постановилъ поступать ему архіепископу во время отбытія изъ епархіи такъ, какъ и прочіе члены, пребывающіе въ С.-Петербургѣ ввѣренными имъ епархіями управляютъ, а въ посылаемыхъ къ нему изъ Святѣйшаго Синода указахъ во все время пребыванія его въ С.-Петербургѣ, называть *присутствующимъ* въ Святѣйшемъ Синодѣ. Архіепископъ Анастасій только что прибылъ въ С.-Петербургъ, какъ переведенъ былъ въ Астрахань. На его мѣсто вызванъ былъ Гаій (Токаовъ, Грузинъ) епископъ Пензенскій и Саратовскій; а въ Ноябрѣ 1806 г. по Высочайшему повелѣнію вызванъ Калужскій епископъ Ѳеофилактъ «для жительства въ С.-Петербургѣ и присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ на томъ же самомъ основаніи, какъ были преосвященные Анастасій и Гаій» [2]). Святѣйшій Синодъ съ своей стороны нашелъ нужнымъ испросить Высочайшее повелѣніе, чтобы преосвященный Ѳеофилактъ отправился въ С.-Петербургъ по окончаніи разбора священноцерковнослужительскихъ дѣтей, такъ какъ этотъ разборъ скорѣе и лучше можетъ быть исполненъ при бытности его въ епархіи [3]).

Въ Ноябрѣ слѣдующаго 1807 г. учрежденъ былъ Комитетъ объ улучшеніи духовныхъ училищъ. Надо полагать, что Ѳеофилактъ и вызванъ былъ прямо для участія въ этомъ Комитетѣ и болѣе чѣмъ вѣроятно, что онъ вызванъ былъ по указанію М. М. Сперанскаго [4]).

---

[1]) Анастасій Братановскій, извѣстный проповѣдникъ.

[2]) Дѣло архива Св. Синода 1805 г., № 4669.

[3]) Дѣло арх. Св. Синода 1806 г., № 944.

[4]) Съ Преосв. Ѳеофилактомъ прибылъ въ С.-Петербургъ, въ архіерейскомъ хорѣ, ученикъ Калужской семинаріи, И. М. Наумовъ, учившійся потомъ въ здѣшней семинаріи и окончившій въ 1819 г. курсъ въ академіи со степенью магистра. Впослѣдствіи И. М. былъ законоучителемъ Екатерининскаго Института и наконецъ придворнымъ протоіереемъ († 1879 г.). И. М. говорилъ намъ, что Ѳеофилактъ вызванъ былъ въ С.-Петербургъ въ качествѣ подсудимаго по участію въ Лопухинскихъ оргіяхъ; но это совер-

Въ Комитетѣ и потомъ въ образовавшейся изъ него Коммиссіи духовныхъ училищъ Оеофилактъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ. Независимо отъ участія въ общихъ совѣщаніяхъ Комитета и Коммиссіи, онъ исполнилъ нѣсколько весьма важныхъ порученій.

Въ 1808 г. онъ составилъ «Положеніе о содержаніи бѣдныхъ учениковъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ и объ образѣ призрѣнія остающихся духовныхъ сиротъ». Правилами этого положенія постановлено было: 1) предоставлять за бѣдными учениками и сиротами мужескаго пола причетническія и діаконскія мѣста при городскихъ и уѣздныхъ приходскихъ церквахъ, при коихъ будетъ находиться по нѣскольку причтовъ, и при однопричтовой церкви, если имѣется при ней діаконъ. Изъ присвоенныхъ этимъ мѣстамъ доходовъ двѣ трети должны быть обращаемы на содержаніе бѣдныхъ учениковъ въ училищахъ, а остальная треть—въ пользу діакона или другаго причетника. Доходы же, получаемые отъ земли, должны быть обращаемы на пропитаніе вдовыхъ матерей съ семействами [1]). 2) При опредѣленіи на причетническія мѣста давать предпочтеніе тѣмъ ученикамъ, которые пожелаютъ взять за себя, изъ сиротскаго семейства, оставшагося съ одпѣми дочерьми, одну изъ таковыхъ сиротъ, съ обязательствомъ питать вдову по смерть, а дочерей до ихъ замужества; 3) Вдовъ бездѣтныхъ и оставшихся съ малолѣтними или увѣчными дочерями, опредѣлять на мѣста просвирническія; 4) престарѣлыхъ и увѣчныхъ священно-церковнослужителей, если у нихъ нѣтъ дѣтей, опредѣлять въ монастыри на казенное содержаніе: 5) предоставить престарѣлымъ или увѣчнымъ причетникамъ, не имѣющимъ дѣтей, сдавать свои мѣста малоуспѣшнымъ ученикамъ, по взаимному условію въ способахъ содержанія [2]).

шенно несправедливо, потому что процессъ по дѣлу Лопухина кончился уже за три года передъ симъ; и въ дѣлахъ нѣтъ никакихъ указаній и даже намековъ на подсудность Оеофилакта по этому дѣлу.—У Н. М. Паумова былъ портретъ Оеофилакта еще въ санѣ Калужскаго епископа, писанный масляными красками. Онъ завѣщалъ его С.-Петербургской Духовной Академіи. Кажется это единственно извѣстный портретъ этого значительнаго духовнаго дѣятеля.

[1]) Постановленіе это дѣйствовало въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ, пока не было отмѣнено Общимъ Присутствіемъ по дѣламъ духовенства. Въ спискахъ учениковъ семинарій и училищъ постоянно показывалось нѣсколько учениковъ, содержавшихся *на доходахъ отъ мѣстъ*.

[2]) Послѣдующая практика распространила дѣйствіе этого постановленія и на священнослужительскія мѣста, такъ что *сдачи мѣстъ* сдѣлались общимъ обычаемъ у духовенства.

Комитетъ, признавъ эти положенія основательными, тѣмъ болѣе, что они уже дѣйствовали въ разныхъ епархіяхъ, присоединилъ къ нимъ еще 1) учрежденіе духовныхъ опекъ съ предоставленіемъ полной свободы лицу, въ опекуны избираемому, принять на себя таковую обязанность; 2) приглашеніе монастырскихъ настоятелей съ братіею и священно-церковно-служителей къ добровольнымъ пожертвованіямъ на содержаніе бѣдныхъ учениковъ въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ и 3) преимущественное опредѣленіе вдовъ какъ въ богадѣльни при архіерейскихъ домахъ, такъ и въ женскія монастыри, ежели кто изъ нихъ пожелаетъ поступить въ монашество [1]). Кромѣ того Ѳеофилактъ принималъ участіе въ разработкѣ въ Комитетѣ вопроса о лучшемъ устройствѣ продажи церковныхъ свѣчъ для образованія капитала на содержаніе духовныхъ училищъ, хотя изъ двухъ представленныхъ проэктовъ по сему предмету Коммиссіею принятъ былъ, какъ наиболѣе удобный для приведенія въ дѣйствіе и Государемъ утвержденъ проэктъ Сперанскаго.

Въ 1808 г, 21 Февраля Ѳеофилактъ пожалованъ членомъ Святѣйшаго Синода, а, по окончаніи дѣйствій Комитета, 26 Іюня — орденомъ св. Владиміра 2-й степени. Съ назначеніемъ его въ члены Коммиссіи начались для него новые труды. Но и отличія быстро слѣдовали одно за другимъ. 25 Декабря 1808 г. онъ возведенъ былъ въ санъ архіепископа: это было уже высокое отличіе и еще болѣе выдвинуло его въ рядъ передовыхъ дѣятелей и высшихъ лицъ духовной іерархіи; а въ Мартѣ 1809 г. онъ переведенъ былъ изъ третьеклассной Калужской во второклассную Рязанскую епархію.

Оффиціальнымъ положеніемъ М. М. Сперанскаго въ бытность его въ Комитетѣ о Духовныхъ Училищахъ было званіе Государева статсъ-секретаря. По окончаніи дѣйствій Комитета, 26 Іюня 1808 г. онъ пожалованъ орденомъ Владиміра 2 ст. — Замѣчательны слова грамоты на пожалованіе его этимъ орденомъ. «Отличные труды ваши въ Комитетѣ о усовершенствованіи духовныхъ училищъ, въ коемъ вы столь много содѣйствовали къ окончанію дѣла, полезнаго для духовенства, Насъ удостовѣряютъ еще болѣе, что всякаго рода порученія вы исполняете всегда къ удовольствію Нашему». — Осенью этого года онъ находился въ свитѣ Государя во время

[1]) Ж. К. Д. У. 20 Ноября 1809 г., ст. 22.

Ерфуртскаго свиданія, а по возвращеніи изъ Ерфурта состоялъ при личныхъ докладахъ у Государя и въ Декабрѣ 1806 г. назначенъ товарищемъ Министра Юстиціи съ предоставленіемъ ему права непосредственнаго доклада по дѣламъ Коммиссіи составленія законовъ, въ занятіяхъ которой онъ уже и прежде принималъ дѣятельное участіе.

Въ это время трудовъ его по Государственному законодательству, онъ принялъ на себя въ Коммиссіи духовныхъ училищъ также законодательную работу,—именно составленіе уставовъ для преобразуемыхъ духовныхъ училищъ. Въ Февралѣ 1809 г., предъ самымъ открытіемъ С.-Петербургской академіи по новому образованію, онъ внесъ въ Коммиссію составленную имъ первую часть устава духовныхъ академій, опредѣляющую образъ дѣйствія академіи по ея внутреннему управленію, приложивъ при оной подробное объясненіе о планѣ, коему онъ слѣдовалъ при составленіи устава и о тѣхъ предположеніяхъ, кои признаетъ нужнымъ къ приведенію его въ дѣйствіе. Въ этихъ предположеніяхъ онъ, между прочимъ, изъяснилъ, что «сколь ни тщательно собираемы и соображаемы были всѣ предметы, къ дѣлу сему принадлежащіе, но одинъ опытъ можетъ положить на нихъ печать достовѣрности», а потому предлагалъ: препроводить Уставъ въ Александроневскую академію для надлежащаго исполненія, но оставить на весь первый курсъ въ видѣ проэкта, а по истеченіи перваго курса по представленіямъ, кои отъ академіи войти могутъ, вновь пересмотрѣть его и дополнить и тогда уже утвердить, напечатать и ввести во всеобщее по академіямъ исполненіе». Коммиссія, принявъ этотъ трудъ, съ толикимъ успѣхомъ совершенный, съ достодолжною признательностію, утвердила всѣ правила, въ уставѣ заключающіяся во всей ихъ силѣ и пространствѣ». Но затѣмъ М. М. Сперанскій словесно предложилъ Коммиссіи, что сколь ни пріятно было бы ему исполненіе ея порученія—составить остальныя двѣ части академическаго устава, равно уставы семинарій и уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, но что онъ къ прискорбію своему находитъ себя вынужденнымъ отказаться отъ совершенія дѣла сего по уваженію многихъ и разнообразныхъ занятій и обязанностей, на него возложенныхъ». Посему Коммиссія предложила окончаніе академическаго устава и составленіе уставовъ для семинарій и уѣздныхъ и приходскихъ училищъ члену своему преосвященному Ѳеофилакту, который это на

себя и принялъ [1]). Вслѣдъ затѣмъ 17 Февраля Коммиссія торжественно открыла С.-Петербургскую академію и вручила учрежденному ею внутреннему академическому правленію экземпляръ устава, которымъ оно должно руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ. Но такъ какъ съ преобразованіемъ академіи предположено было преобразованіе принадлежащихъ къ округу ея семинарій и духовныхъ училищъ, то Ѳеофилактъ поспѣшилъ составленіемъ для нихъ уставовъ и 24 Апрѣля внесъ въ Коммиссію *первыя части* уставовъ семинаріи и уѣздныхъ училищъ, а 22 Мая— *вторую и третью части* академическаго, *вторыя части* семинарій и уѣздныхъ училищъ и устава *приходскихъ училищъ*. Коммиссія, утвердивъ ихъ во всей силѣ, постановила ввести ихъ, также какъ и академическій уставъ, въ видѣ проэктовъ на весь первый курсъ ученія въ семинаріяхъ и училищахъ [2]). Спачала Коммиссія не хотѣла печатать ихъ, но когда потребовалось значительное число экземпляровъ училищныхъ уставовъ для разсылки во всѣ семинаріи и училища С.-Петербургскаго округа, Коммиссія 22 Мая постановила напечатать уставы только уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, а вскорѣ за тѣмъ, по встрѣтившимся разнымъ недоразумѣніямъ въ отношеніяхъ семинарскихъ правленій къ академическому, происшедшихъ отъ того, что они снабжены были не всѣми уставами, Коммиссія положила напечатать также уставы академическій и семинарскій, въ видѣ проэктовъ, и разослать въ академіи и семинаріи [3]), но предъ напечатаніемъ уставовъ поручила преосвященному Ѳеофилакту еще разъ пересмотрѣть ихъ и сдѣлать въ нихъ, какія признаетъ нужными, изъятія и прибавленія [4]). Постановленіе Коммиссіи состоялось 20 Ноября, а 2-го Декабря преосвященный Ѳеофилактъ внесъ на ея разсмотрѣніе пересмотрѣнные имъ уставы академій и семинарій съ сдѣланными имъ многочисленными и притомъ весьма существенными исправленіями, изъятіями и дополненіями. Въ слѣдующемъ году 1 Марта такимъ же порядкомъ внесъ пересмотрѣнные имъ и исправленные уставы уѣздныхъ и приходскихъ училищъ. Коммиссія, утвердивъ всѣ эти исправленія и дополненія, постановила внесть ихъ

---

[1]) Ж. К. Д. У. 1809 г. 8 Февр., ст. 8.
[2]) Ж. К. Д. У. 24 Апр. 1809 г., ст. 19 и 22 Мая 1809 г., ст. 23.
[3]) Ж. К. Д. У. 23 Окт. 1809 г., ст. 14.
[4]) Ж. К. Д. У. 20 Ноября 1809 г., ст. 19.

въ уставъ въ подлежащія указанныя Ѳеофилактомъ мѣста [1]). Тогда же преосвященный Ѳеофилактъ составилъ классификацію книгъ для расположенія въ академическихъ и семинарскихъ библіотекахъ и для составленія каталоговъ по этой классификаціи. Коммиссія утвердила эти формы и постановила внести ихъ въ академическій и семинарскій уставы [2]).

Между тѣмъ при самомъ открытіи академіи преосвященный Ѳеофилактъ принялъ на себя обязанности профессора по классу словесности; составилъ подробный конспектъ по этому предмету и преподавалъ по нему въ академіи,—регулярно читалъ лекціи и руководилъ студентовъ въ составленіи сочиненій и проповѣдей. Помощникомъ его по этой каѳедрѣ былъ вызванный Коммиссіею по его указанію изъ Калуги, даровитый учитель и префектъ тамошней семинаріи, іеромонахъ Леонидъ *Зарѣцкій* [3]).

Въ концѣ перваго академическаго года (1809) Коммиссія рѣшила произвесть экзаменъ въ новообразованной академіи, чтобы удостовѣриться, что и какъ преподано наставниками въ 1-й годъ и каковы успѣхи студентовъ. Академическій годъ совпадалъ въ то время съ гражданскимъ — начинался съ 1 Января и оканчивался 31 Декабря. Коммиссія присутствовала на экзаменѣ въ полномъ составѣ. Экзаменъ по классу словесности прошелъ удовлетворительно, но по другимъ предметамъ преподаваніе и успѣхи студентовъ оказались несоотвѣтствовавшими предположеніямъ и ожиданіямъ Коммиссіи. Вслѣдствіе этого Коммиссія постановила: для усиленія богословскаго класса перевесть въ академію изъ семинаріи іеромонаха *Филарета:* баккалавра философскихъ наукъ іеромонаха Евгенія Казанцева замѣнить другимъ способнѣйшимъ преподавателемъ. Сперанскій рекомендовалъ въ профессоры этого класса приглашеннаго на Еврейскій языкъ *Игнатія Фесслера:* а такъ какъ Евгеній занималъ и должность инспектора и съ увольненіемъ его она дѣлалась вакантною, то на эту должность Ѳеофилактъ рекомендовалъ рек-

---

[1]) Ж. К. Д. У. 2 Дек. 1809 г., ст. 16 и 1 Марта 1810 г., ст. 4. Всѣ уставы были потомъ напечатаны въ видѣ проэктовъ въ Медицинской типографіи и по опредѣленію Коммиссіи 27 Сент. 1810 г., ст. 18 разосланы въ академіи, семинаріи и училища.

[2]) Ж. К. Д. У. 23 Окт. 1809 г., ст. 13.

[3]) Леонидъ (Левъ Григорьевичъ) Зарѣцкій обучался съ 1794 г. въ Троицкой и Калужской семинаріяхъ; съ 1804 г. 3 Сент. былъ учителемъ въ Калужской семинаріи, съ 1807 г. префектомъ; въ 1808 г. 15 ноября постриженъ въ монашество; въ Февралѣ 1809 г. опредѣленъ баккалавромъ академіи и библіотекаремъ.

тора Калужской семинаріи архимандрита *Іону Васильевскаго* [1]). Такимъ образомъ въ академію вошли три новыхъ лица: Филаретъ Фесслеръ и Іона.

Филаретъ вызванъ былъ въ 1809 году изъ Троицкой семинаріи въ С.-Петербургъ въ преподаватели академіи, но съ крайнею для него обидою опредѣленъ былъ преподавателемъ семинаріи и притомъ преподавателемъ не богословія, а философіи. Ректоръ академіи архимандритъ Евграфъ, по указанію котораго Филарета и вызвали изъ Москвы, дѣлалъ нѣсколько попытокъ къ переводу его въ академію, но безуспѣшно. Въ Февралѣ 1809 г., почти вслѣдъ за тѣмъ, какъ Филаретъ опредѣленъ былъ въ семинарію, Евграфъ просилъ Коммиссію дать ему помощника по преподаванію богословія и перевесть въ академію Филарета, но Коммиссія, за состоявшимся уже назначеніемъ Филарета и другихъ указанныхъ имъ кандидатовъ, отказала въ удовлетвореніи этого ходатайства и поручила ему искать другихъ кандидатовъ. Ректору особенно нужно было лицо, которое бы занялось подъ его руководствомъ «составленіемъ выписки изъ исторіи какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ церковно-политическихъ постановленій». По задача ли этого труда казалась неподсильною или по иной причинѣ,—только къ кому онъ ни обращался съ приглашеніемъ принять на себя этотъ трудъ, никто не изъявилъ согласія. Посему архимандритъ Евграфъ въ Октябрѣ того же года опять обратился въ Коммиссію съ просьбою дать ему «въ облегченіе себѣ, и для вящшей по классу пользы, хотя одного изъ прежде представленныхъ имъ кандидатовъ и именно употребленнаго по семинаріи и уѣздному училищу іеромонаха Филарета, за склонность коего къ наукамъ и особенно къ духовнымъ, а также за способность и трудолюбіе, вторично онъ ручается и коего замѣнить въ настоящее время никѣмъ не можетъ, между тѣмъ какъ на замѣщеніе его по семинаріи и училищу найдутся люди въ самой семинаріи. На этотъ разъ Коммиссія согласилась на переводъ Филарета въ академію, но отложила перемѣщеніе до пріисканія достойныхъ и способныхъ людей на занимаемыя имъ должности преподавателя философіи, инспектора семинаріи и ректора Александроневскаго училища [2]). Наконецъ 8 Февраля 1810 г. состоялось постановленіе Коммиссіи о переводѣ Филарета въ академію бакка-

[1]) Ж. К. Д. У. 12 Янв. 1810 г., ст. 16.
[2]) Ж. К. Д. У. 5 Окт. 1809 г., ст. 24.

лавромъ по классу богословскихъ наукъ съ порученіемъ ему и обученія церковной исторіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, «за порученіемъ ему столь уважительныхъ должностей и чтобъ не озаботить его при первомъ вступленіи въ ихъ отправленіе сверхъ силъ его», Коммиссія освободила его отъ составленія каноническаго права и выписки изъ исторіи какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ церковно-политическихъ постановленій. Московскій митрополитъ Платонъ, проспвшій о возвращеніи ему Филарета при первомъ вызовѣ его въ академію, еще разъ возобновилъ свое ходатайство о возвращеніи Филарета и опредѣленіи его ректоромъ Троицкой семинаріи: но Коммиссія и въ этотъ разъ отказала въ удовлетвореніи этого ходатайства [1]). Въ лицѣ Филарета академія пріобрѣтала силу, которая нужна была ей при тогдашнемъ хаотическомъ ея состояніи для упорядоченія ея, согласованія разнородныхъ дѣйствовавшихъ въ ней силъ и направленія ихъ къ одной опредѣленной и общей цѣли. Онъ перешелъ въ академію въ качествѣ наставника, но вскорѣ сдѣлался ея начальникомъ.

Фесслеръ приглашенъ былъ въ 1809 г. М. М. Сперанскимъ изъ Берлина въ Александроневскую академію на каѳедру Еврейскаго языка; но, по прибытіи его, Сперанскій, въ бесѣдѣ съ нимъ, открылъ въ немъ отличныя свѣдѣнія въ философскихъ наукахъ и предложилъ его къ занятію каѳедры философіи, на что и Фесслеръ изъявилъ согласіе. Коммиссія утвердила это предложеніе, поручивъ Фесслеру объ каѳедры—философіи и Еврейскаго языка, а баккалавру Евгенію, до опредѣленія его къ другой должности, помогать профессору Фесслеру въ трудахъ его по усмотрѣнію и назначенію сего профессора [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ академическому правленію поручено было истребовать отъ него конспекты по обѣимъ занимаемымъ имъ каѳедрамъ и представить на разсмотрѣніе Коммиссіи [3]).

Отлично рекомендуемый Сперанскимъ, Фесслеръ скоро сдѣлался оракуломъ у свѣтскихъ членовъ Коммиссіи. Князь А. Н. Голицынъ просплъ его сообщить ему свои замѣчанія и совѣты какъ объ образѣ ученія въ классахъ (въ академіи), такъ и о внутреннемъ распорядкѣ его у студентовъ. Фесслеръ въ исполненіе этого порученія

---

[1]) Ж. К. Д. У. 19 Февр. 1810 г.

[2]) Ж. К. Д. У. 19 Февр. 1810 г.

[3]) Черезъ мѣсяцъ 19 Февр. 1810 г. Евгеній переведенъ былъ ректоромъ въ Троицкую семинарію.

писалъ къ князю, что «онъ могъ бы предложить многое изъ долговременныхъ наблюденій его въ австрійскихъ областяхъ и во всей Германіи, но между тѣмъ все, что онъ ни написалъ бы объ этихъ вещахъ, должно заимствовать утвержденіе своей цѣны и пользы изъ сходства съ порядкомъ духовнаго ученія, Высочайше утвержденнымъ и тисненію преданнымъ. Но этотъ порядокъ ученія остается для него, вовсе незнающаго россійскаго языка, запечатанной книгой, такъ что онъ легко могъ-бы предложить что либо противное вышесказанному порядку ученія, что запрещаетъ ему долгъ уважительности и скромности. Кромѣ того онъ совершенно увѣренъ, что не мало такихъ вещей, кои въ теоріи представляются удачными, полезными и прекрасными, но которыя будучи приложены къ опыту, не безъ траты времени и способностей доказываютъ свою недостаточность и неудобность. Наконецъ предписанный порядокъ уже 13 мѣсяцевъ находится въ силѣ и большею частію со дня на день доказываетъ свою пользу и цѣлесообразность». Но онъ указалъ на одинъ предметъ, который самъ собою бросился въ глаза, именно на то, что «наши академическіе студенты обременены большимъ числомъ учебныхъ часовъ въ классахъ, нежели чтобъ можно было ожидать желаемыхъ въ ученіи успѣховъ, по крайней мѣрѣ отъ дарованій посредственныхъ, о коихъ надлежитъ имѣть особенное попеченіе. «И я не думаю—продолжалъ онъ—чтобъ университеты и академіи были учреждены на тотъ конецъ, дабы юноши туда записанные, только пріобыкшіе къ трудпымъ занятіямъ ума, наипаче отъ слушанія публичныхъ уроковъ выходили учеными; но я полагаю, что уроки преподаются съ тѣмъ единственно намѣреніемъ, дабы принимающіе ихъ усматривали только путь къ твердому ученію и учености и дабы отсюда почерпали они матерію для собственныхъ своихъ размышленій. Для сей настоящей методы ученія должно оставлять имъ довольное время; но мало почерпнутъ пользы тѣ, кои увлекаются потокомъ матерій и менѣе, нежели должно, будутъ размышлять и разсуждать, тѣ, кои долѣе надлежащаго занимаются слушаніемъ различныхъ предметовъ. Мнѣ не безъизвѣстно, что въ нѣмецкихъ протестантскихъ университетахъ часто случается, что юноши, когда жалѣютъ издержекъ на свое содержаніе или когда предполагаютъ ранѣе вступить въ исправленіе публичныхъ должностей, въ теченіи двухъ, а много трехъ лѣтъ учатся у тридцати профессоровъ и для

того по 10 часовъ въ день сидятъ въ школахъ. Но я не хочу умолчать, что не многихъ доселѣ находилъ тамъ мужей основательно ученыхъ, которые бы приписывали академическимъ учрежденіямъ высшую степень учености, на которую впослѣдствіи времени взошли съ великимъ трудомъ и которые бы не считали потеряннымъ все то время, которое употребили на слушаніе множества разныхъ лекцій по причинѣ отнятія у нихъ досуга къ размышленію». Фесслеръ предлагалъ ограничить число учебныхъ часовъ 6-тью вмѣсто 8 и раздѣлить предметы на главные (богословіе и философія) и второстепенные или вспомогательные, къ числу которыхъ относилъ исторію, математику и грамматическія науки (это тѣ науки, которыя носили въ уставѣ наименованіе эстетики и которыя преподавалъ Ѳеофилактъ). Голицынъ внесъ это письмо съ своимъ предложеніемъ въ Коммиссію [1]). Но Коммиссія постановила спросить объ этомъ предварительно профессоровъ академіи. Ѳеофилактъ, конечно, не могъ согласиться на то, чтобъ его предметъ отнесли къ разряду второстепенныхъ. Дѣло затянулось и кончилось уже послѣ Фесслера, согласно съ его запиской, за исключеніемъ словесныхъ наукъ, отнесенныхъ къ числу главныхъ предметовъ [2]).

Назначенный на должность инспектора архимандритъ *Іона* прибылъ въ С.-Петербургъ 17 Февраля. По распоряженію Коммиссіи на него возложена была и должность эконома. 21 Февраля онъ вступилъ въ отправленіе своихъ новыхъ обязанностей [3]). Но менѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца произошелъ въ академіи весьма крупный безпорядокъ изъ-за-стола. Въ воскресенье 6-й недѣли поста (Вербное), 10 Апрѣля, нѣсколько студентовъ произвели шумную демонстрацію противъ эконома, нарочито приглашеннаго, чрезъ дежурнаго студента, въ столовую подъ предлогомъ какой-то неисправности въ кушаньѣ. Легкомысленный поступокъ этотъ имѣлъ для нѣкоторыхъ студентовъ страшныя послѣдствія. Коммиссія, собравшись 13 Апрѣля, въ среду Страстной недѣли, постановила: студентовъ П. Романова и П. Страхова отослать въ Губернское Правленіе для опредѣленія въ военную службу въ иногородные полки; студентовъ И. Недешова и П. Протопопова исключить изъ академіи и отослать въ здѣшнюю Консисторію для опредѣленія въ церковники

[1]) Ж. К. Д. У. 26 Марта 1810 г., ст. 3.
[2]) Ж. К. Д. У. 9 Авг. 1810 г., ст. 24.
[3]) Ж. К. Д. У. 1 Марта 1810 г., ст. 5.

или сторожа и тому подобныя низшія должности; студента И. Левикова осудить на недѣлю въ уединенное заключеніе, а потомъ на три недѣли на хлѣбъ и на воду [1]).

Такого крутаго рѣшенія никто не ожидалъ. Студенты еще не привыкли къ новому режиму; думами, что еще продолжается прежняя бурса съ ея грубыми безобразіями и столь же грубыми, но патріархальными мѣрами взысканія. А тутъ вдругъ: въ солдаты! Студенты взмолились предъ митрополитомъ Амвросіемъ и просили лучше о наказаніи ихъ по обычаямъ бурсы, нежели государственнымъ порядкомъ. 23-го Апрѣля, въ субботу на Пасхѣ, митрополитъ предложилъ словесно Коммиссіи, что будучи убѣжденъ раскаяніемъ, лично ему принесеннымъ виновными студентами въ буйномъ ихъ поступкѣ, онъ остановился приведеніемъ въ исполненіе постановленія Коммиссіи отъ 13 Апрѣля и ходатайствуетъ объ облегченіи опредѣленнаго имъ наказанія. Въ Коммиссіи мнѣнія раздѣлились. Ѳеофилактъ, Сперанскій и Державинъ согласились съ митрополитомъ, но князь Голицынъ остался при прежнемъ положеніи Коммиссіи 13 Апрѣля. Къ нему присоединился Духовникъ Криницкій [2]). По разногласію мнѣній дѣло, на основаніи положенія о Коммиссіи, представлено было на разсмотрѣніе Его Величества. Государь утвердилъ положеніе 13 Апрѣля.

Въ тотъ же злосчастный день, 23 Апрѣля, митрополитъ внесъ въ Коммиссію представленные ему академическимъ правленіемъ конспекты *Фесслера* по преподаванію философіи, еврейскаго языка и церковныхъ древностей. Какія происходили въ Коммиссіи разсужденія по поводу этихъ конспектовъ, неизвѣстно. Но заключеніе было такое, что Коммиссія «найдя изъясненіе философіи профессора Фесслера темнымъ» постановила «истребовать отъ него другой конспектъ, въ коемъ онъ философію, которую преподавать намѣренъ, изложилъ бы въ яснѣйшемъ видѣ и именно по методѣ и терминологіи Вольфіанской». Очевидно конспектъ философіи найденъ былъ неудобнымъ и чтобы не сказать прямо, что онъ негодится, Коммиссія постановила, чтобъ онъ передѣланъ былъ по методѣ и терминологіи Вольфіанской, съ которою онъ не имѣлъ ничего общаго. Подъ журналомъ Коммиссіи подписались: «Ѳеофилактъ А. Рязанскій не можетъ согласиться на разсужденіе 2-й статьи сего журнала, и при-

[1]) Ж. К. Д. У. 13 Апр. 1810 г.
[2]) Ж. К. Д. У. 23 Апр. 1810 г., ст. 2 и 4 Мая.

чины своего несогласія имѣетъ честь при семъ представить на уваженіе Коммиссіи». «М. Сперанскій — съ мнѣніемъ, которое не умедлитъ представить» [1]). М. М. Сперанскій пересталъ бывать въ засѣданіяхъ Коммиссіи. 9 Іюля князь Голицынъ предложилъ Коммиссіи препровожденныя къ нему М. М. Сперанскимъ копію съ Высочайшаго указа 22 Іюня объ опредѣленіи Фесслера въ Коммиссію законовъ въ качествѣ корреспондента по уголовному праву и мнѣніе его о представленномъ Фесслеромъ конспектѣ философскихъ наукъ. Тогда же Ѳеофилактъ внесъ свои замѣчанія на конспекты Фесслера, а митрополитъ Амвросій заявилъ о послѣдовавшемъ увольненіи Фесслера отъ должности профессора въ академіи.

Передъ нами конспекты Фесслера на латинскомъ языкѣ, замѣчанія Ѳеофилакта и мнѣніе Сперанскаго. Въ общемъ замѣчанія Ѳеофилакта показываютъ въ немъ весьма умнаго и многосторонне образованнаго человѣка, довольно широко знакомаго съ литературою богословскихъ и философскихъ наукъ. Но въ замѣчаніяхъ на конспектъ философіи онъ слабѣе, нежели въ замѣчаніяхъ на остальные два конспекта — тамъ онъ односторонепъ. Упрекая Фесслера въ идеализмѣ и пантеизмѣ, онъ самъ впалъ въ крайность грубаго сенсуализма. «Врожденная первоначальная идея,—говоритъ онъ, есть произвольное положеніе, котораго г. Фесслеръ ничѣмъ доказать не можетъ. Можетъ быть онъ сошлется на врожденныя идеи? Но это ничто иное будетъ значить, какъ ложь доказывать ложью же. Еслибъ человѣкъ съ младенчества лишенъ былъ употребленія чувствъ, то не могъ бы имѣть никакого понятія не токмо о Богѣ, но и о себѣ самомъ. Изъ сего слѣдуетъ, что въ разумѣ нѣтъ источника познаній, а получаются оныя или чрезъ опытъ или чрезъ Божеское откровеніе. И для чего же даны намъ самочувствованіе и чувства, если не для того, чтобы чрезъ нихъ начинать познанія?» М. М. Сперанскій въ своемъ мнѣніи отвѣчаетъ на это: «Цѣль философскаго образованія въ точномъ разумѣ устава академіи не въ томъ состоитъ, чтобъ продолжать мрачную систему матеріализма, на коей вся чувственная философія основана, но чтобъ отвергнувъ всѣ сіи суесловныя блужденія разума, призвать его и приготовить къ христіанской философіи, къ той философіи, которая по слову святаго Павла, *не по стихіямъ міра,* но по началамъ вѣчной истины, которая

[1]) Ж. К. Д. У. 23 Апр. 1810 г. ст. 2.

есть едина и коей источниковъ тщетно будемъ мы искать въ глазахъ, въ ушахъ, въ рукахъ и въ прочихъ чувствахъ». — Разности въ воззрѣніяхъ Сперанскаго и Ѳеофилакта проистекали изъ разностей въ ихъ общемъ духовномъ настроеніи. Мистическая философія Фесслера сродни была душевному настроенію Сперанскаго: но положительный умъ Ѳеофилакта не находилъ въ себѣ никакого сочувствія ей, а видѣлъ въ ней только извращеніе здраваго смысла.

Замѣчаній же Ѳеофилакта *на планъ Еврейскаго языка и планъ древностей и обрядовъ греческой, латинской и россійской церкви* нельзя не признать основательными и изложены они весьма остроумно, напримѣръ: «*Намѣреніе профессора показать разные діалекты, имѣющіе одно основаніе съ еврейскимъ языкомъ* похвально; но того одобрить нельзя, что онъ хочетъ на діалектѣ арабскомъ читать исторію патріарха Іосифа въ томъ видѣ, какъ она изложена въ *Коранѣ*, ибо исторія сія въ Коранѣ испорчена и представлена баснею.— «*Мнѣ, нужно доказать*—говоритъ Фесслеръ — что *Церковь есть вѣрный отпечатокъ, предначертаніе даже преддверіе царствія Божія, т. е. царства благочестія и премудрости, которое внутрь насъ*». Такая мистика при древностяхъ—замѣчаетъ преосвященный Ѳеофилактъ —совсѣмъ не нужна. Это есть часть богословія такая, съ которою очень осторожно надобно обращаться и которая, по незнанію еще настоящихъ мыслей Фесслера, отнюдь не должна быть ему поручена. Кромѣ того сія мистика заключаетъ въ себѣ что-то странное и необыкновенное.— Раздѣливъ всѣ предметы, входящіе въ кругъ церковныхъ древностей на три части, Фесслеръ говоритъ, что *всякое ученіе составляютъ символическія изображенія созерцаній и идей благочестивыхъ*. Очень желательно, замѣчаетъ преосвященный Ѳеофилактъ, чтобъ избавилъ насъ отъ своихъ *созерцаній*, которыя явно ведутъ къ идеализму и излишнее поселяютъ надѣяніе на разумъ. Вѣра происходитъ не отъ созерцаній умственныхъ, но *отъ слуха; слухъ же глаголомъ Божіимъ* (Римл. X, 17).— *Всѣ церковные обряды*, по словамъ Фесслера *суть драматическія и лирическія представленія*. Не ясно ли, что объ обрядахъ церкви думаетъ онъ, какъ о трагедіяхъ и операхъ, представляемыхъ на театрѣ?—Обѣщается говорить о *монахахъ* и *постахъ* — не знаю какъ будетъ онъ изъясняться о сихъ и прочихъ подобныхъ предметахъ, будучи такого вѣроисповѣданія, которое не имѣетъ первыхъ и отвергаетъ послѣднія. Говоритъ въ пользу нашей право-

славной церкви значитъ измѣнить своей религіи. Не знаю, согласится ли на сіе Фесслеръ. Можетъ быть. Если согласится, то симъ докажетъ индифферентизмъ т. е. равнодушіе ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ. Учить же противно мнѣнію нашей церкви пагубно для студентовъ и не было бы позволено. Здѣсь для него Сцилла и Харибда!—Изложивши сіи предметы, Фесслеръ хочетъ говорить *о древностяхъ Россійской церкви*. Но гдѣ онъ возьметъ о ней свѣдѣнія, когда Россійскаго языка не знаетъ? Что же касается до иностранныхъ сочиненій, то ихъ очень мало, и притомъ всѣ несправедливы. Потомъ говоритъ онъ, что *нѣкоторыхъ нужныхъ книгъ для студентовъ совсѣмъ нѣтъ нигдѣ и что должно имъ писать его лекціи*. Какая жъ причина сего недостатка? *Никто еще*, говоритъ онъ, *древностей церковныхъ не подводилъ подъ идеализмъ созерцанія* и для того онъ берется сочинить для древностей свою книгу. Эта книга должна непремѣнно быть такая, какой нѣтъ во всемъ свѣтѣ. Напередъ угадать можно, что она будетъ заключать въ себѣ такія мысли, кои авторъ изложилъ въ конспектѣ и кохъ ни одинъ еще сочинитель не осмѣлился выдать въ свѣтъ. На сей книгѣ, въ предосторожность читателей прилично будетъ поставить эпиграфомъ сіи слова апостола: *Блюдитеся, да никто будетъ васъ прельщаяй философіею по стихіямъ міра, а не по Христѣ* (Кол. II, 8)».

Сперанскій пересталъ бывать въ засѣданіяхъ Коммиссіи, но подписывалъ ея объемистые журналы вмѣстѣ съ прочими членами. Въ началѣ слѣдующаго 1811 года, представляя Государю отчетъ по Государственному Совѣту, онъ изъявлялъ желаніе сложить съ себя званіе члена Коммиссіи Духовныхъ Училищъ. «Коммиссія—писалъ онъ –занимается теперь приложеніемъ общихъ правилъ къ подробностямъ. Журналы ея составляютъ цѣлыя стопы бумагъ, къ коимъ, безъ пользы и съ потерею времени, я долженъ только прикладывать руку. Новыя учрежденія по училищной духовной части должны входить или въ Совѣтъ или въ Комитетъ Министровъ, и слѣдовательно, если бы нѣкоторое участіе мое въ дѣлахъ сего рода и могло быть полезно: то оно всегда можетъ быть употреблено въ своемъ мѣстѣ. Вообще часть сія требуетъ терпѣнія и не можетъ идти съ успѣхомъ въ настоящемъ образѣ ея управленія». Но увольненія его не послѣдовало [1]).

---

[1]) *Корфа*, Жизнь Графа Сперанскаго, т. I, ч., 2, стр. 261. СПб. 1861.

Князь Голицынъ пользовался всѣми подходящими случаями, чтобы привлечь М. М. Сперанскаго къ участію въ дѣлахъ Коммиссіи и, какъ бы по порученіямъ ея, обращался къ его авторитетному мнѣнію по различнымъ вопросамъ: но Сперанскій держался вдали, хотя еще продолжалъ подписывать журналы Коммиссіи.

Между тѣмъ изъ молодыхъ наставниковъ академіи началъ выдаваться Филаретъ. Первая произнесенная имъ проповѣдь въ 1810 г. въ день Благовѣщенія обратила на него вниманіе князя Голицына. Проповѣдь была на тему о внутреннемъ царствіи Божіемъ въ душѣ человѣка. Независимо отъ своего художественнаго достоинства, она какъ разъ соотвѣтствовала тому мистическому настроенію, которымъ уже въ то время объята была значительная и притомъ самая, говоря по нынѣшнему, интеллигентная часть Петербургскаго общества и которымъ проникнутъ въ ту пору былъ Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода князь Голицынъ. Послѣдующія проповѣди Филарета встрѣтили рѣзкую критику въ Ѳеофилактѣ: но покровительствовавшій ему и упрочивавшій чрезъ это покровительство собственное положеніе, митрополитъ Амвросій посылалъ проповѣди его для прочтенія къ Голицыну и Сперанскому. Въ 1811 г. Филаретъ говорилъ проповѣдь въ Невскомъ монастырѣ въ Троицынъ день (18 Іюня) о дѣйствіяхъ Святаго Духа. Ѳеофилактъ, слушавшій ее въ церкви, назвалъ ее пантеистическою, а князь Голицынъ, прочитавъ ее, просилъ митрополита назначать ему проповѣди каждый праздникъ и постоянно посѣщалъ по праздникамъ Лавру вмѣстѣ съ Лабзинымъ и другими лицами, къ которымъ постепенно присоединялись А. Н. Оленинъ, А. И. Тургеневъ, А. С. Стурдза и др. Голицынъ рекомендовалъ его Государю и 30 Іюня выпросилъ ему крестъ съ драгоцѣнными каменьями «за отличіе въ проповѣданіи Слова Божія»; вслѣдъ за тѣмъ Филаретъ произведенъ въ архимандрита.

Считая всѣ эти знаки вниманія къ молодому проповѣднику преувеличенными и относя ихъ къ увлеченію свѣтскихъ людей моднымъ проповѣдникомъ, Ѳеофилактъ сначала не придавалъ имъ значенія. Повидимому онъ не примѣчалъ, что противъ него дѣйствуютъ съ одной стороны митрополитъ Амвросій, съ другой—князь Голицынъ, а если и примѣчалъ, то былъ слишкомъ увѣренъ въ своей силѣ и въ прочности своего положенія и не допускалъ мысли, чтобы на той высотѣ, на какой онъ стоялъ, могъ повредить ему молодой начинающій монахъ. Онъ держалъ себя по прежнему вла-

стно въ Коммиссіи и въ академіи. Такъ какъ онъ составилъ всѣ уставы академій, семинарій и уѣздныхъ и приходскихъ училищъ (за исключеніемъ 1-й части академическаго устава, имъ однакоже дополненнаго), то онъ зналъ до тонкости положеніе каждаго изъ духовно-учебныхъ заведеній и продолжалъ дальнѣйшее устроеніе ихъ, пополняя вмѣстѣ и уставы ихъ новыми правилами.

Въ Февралѣ 1811 г. онъ предложилъ Коммиссіи, что по уставамъ академій и семинарій къ предметамъ учебнаго управленія ввѣреннаго, главнымъ образомъ, ректорамъ академій и семинарій, отнесено, между прочимъ, разсмотрѣніе конспектовъ, представляемыхъ преподавателями: но въ уставахъ училищъ о конспектахъ умолчено по тому, что какъ-бы ни удаченъ былъ выборъ ректоровъ, смотрителей [1]) и учителей училищъ, но порученіе имъ самимъ составлять конспекты казалось ему несоразмѣрною довѣренностію, тѣмъ болѣе, что и въ академіяхъ и въ семинаріяхъ ректорскія одобренія повѣряются еще разсмотрѣніемъ цѣлаго правленія. Поэтому онъ предлагалъ составить, вмѣсто конспектовъ, инструкціи и разослать оныя къ ректорамъ для однообразія преподаванія во всѣхъ училищахъ. При этомъ онъ заявилъ, что составленіе сихъ инструкцій онъ приметъ на себя, ежели Коммиссія сдѣлаетъ ему эту довѣренность. Коммиссія приняла его предложеніе съ признательностію и поручила ему составленіе инструкцій, а затѣмъ напечатала ихъ и разослала во всѣ училища и семинарскія правленія С.-Петербургскаго округа [2]).

25 Февраля того же года Ѳеофилактъ предложилъ Коммиссіи сдѣлать поясненія къ нѣкоторымъ параграфамъ (24 и 40) начертанія правилъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ вслѣдствіе недоразумѣній, происходившихъ между семинарскими правленіями и училищами объ оставленіи малоуспѣвшихъ учениковъ въ училищахъ на повторительные курсы и объ обязательномъ записываніи всѣхъ священнослужительскихъ дѣтей извѣстнаго училищнаго округа въ вѣдомство ихъ приходскихъ училищъ *съ шестилѣтняго возраста.*

---

[1]) По уставу Училищъ 1810—1814 г. начальники училищъ, имѣвшіе степень магистра, именовались *ректорами*, не имѣвшіе этой степени *смотрителями*. Равнымъ образомъ и въ семинаріяхъ преподаватели-магистры именовались *профессорами*, имѣющіе степень кандидата—*учителями*. То и другое различіе отмѣнены уставами семинарій и училищъ 1867 г., которыми постановлено всѣхъ начальниковъ училищъ именовать смотрителями, наставниковъ семинарій—учителями или преподавателями.

[2]) Ж. К. Д. У. 14 Февр. 1811 г., ст. 2. 1812 г., ст. 7.

Коммиссія признала предложеніе Ѳеофилакта и представленныя имъ замѣчанія уважительными и постановила поднесть ихъ къ Высочайшему утвержденію [1]).

Тогда же, 25 Февраля, Ѳеофилактъ предложилъ перевесть на Русскій языкъ сравнительную *исторію философскихъ системъ* де-Жерандо и сдѣлать ее учебною книгою для академій вмѣсто Брукеровой философской исторіи. «Послѣдняя предпочтена была другимъ потому только, что не было въ виду лучшей философской исторіи, между тѣмъ на французскомъ языкѣ въ 1804 г. издана въ свѣтъ такая философская исторія, которую признаетъ онъ преосвященный превосходнѣйшею въ своемъ родѣ и стоящею дѣйствительно на одной линіи съ послѣдними открытіями. Сочинитель ея де-Жерандо одинъ изъ благонамѣреннѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ мужей нынѣшняго столѣтія, котораго первѣйшіе въ Европѣ иностранные ученые институты и общества за честь себѣ поставили включить въ число членовъ своихъ. Сверхъ того Бруккеръ весьма далеко отстаетъ отъ де-Жерандо, отличающагося искусствомъ сличать мнѣнія славнѣйшихъ философовъ съ истиннымъ духомъ философіи, сравнивая и разрѣшая какъ первоначальныя основанія, такъ и связь разныхъ теорій между собою. Такъ какъ нужно было первоначально перевесть это сочиненіе на русскій языкъ, то Ѳеофилактъ «по усердію своему къ общей пользѣ» принялъ на себя переводъ третьяго тома означенной исторіи, а переводъ остальныхъ двухъ томовъ предлагалъ препроводить къ Московскому митрополиту и Казанскому архіепископу, въ епархіяхъ которыхъ находятся академіи и могли найтись искусные переводчики съ иностранныхъ языковъ изъ монашествующихъ лицъ или изъ бѣлаго духовенства [2]). Коммиссія такъ и поступила, причемъ поручила преосвященнымъ по сдѣланіи перевода разсмотрѣть и исправить его, самимъ или чрезъ ректоровъ академій и потомъ уже представить въ Коммиссію.

Митрополитъ Амвросій, чрезъ котораго производились всѣ сношенія съ духовными лицами, препроводилъ по одному тому къ митрополиту Платону и Казанскому архіепископу Павлу. Но митрополитъ Платонъ возвратилъ препровожденный къ нему первый томъ въ Коммиссію, увѣдомивъ, что по болѣзни разсматривать перевода не можетъ и просилъ уволить его отъ этого дѣла. Вслѣдствіе этого

[1]) Ж. К. Д. У. 25 Февр. 1811 г., ст. 42.
[2]) Ж. К. Д. У. 25 Февр. 1811 г., ст. 36.

Коммиссія препроводила означенную книгу къ преосвященному Августину, съ тѣмъ, чтобы онъ передалъ ее ректору академіи для перевода и оказалъ возможное содѣйствіе и пособіе какъ въ приглашеніи и употребленіи для дѣла сего, въ случаѣ потребности, людей способныхъ изъ настоятелей и бѣлаго духовенства, такъ равномѣрно и въ просмотрѣ онаго перевода, ежели занятія его, преосвященнаго, позволятъ ему принять трудъ сей [1]).

Между многими другими постановленіями Коммиссіи, состоявшимися того же 25 Февраля особеннаго вниманія заслуживаетъ постановленіе о составленіи ученыхъ книгъ по предметамъ академическаго преподаванія. Въ видахъ предварительной и приготовительной къ этому мѣры, Коммиссія постановила потребовать отъ профессоровъ и баккалавровъ С.-Петербургской академіи подробные и ясные планы преподаваемыхъ ими наукъ и, между прочимъ, отъ баккалавра богословскихъ наукъ іеромонаха Филарета плана для церковной исторіи и для каноническаго права нашей православной церкви.

Журналъ 25 Февраля былъ послѣднимъ, подъ которымъ подписался Сперанскій.

Ѳеофилактъ подписалъ его вмѣстѣ съ прочими членами, но въ слѣдующемъ засѣданіи, 19 Апрѣля, заявилъ противъ нѣкоторыхъ статей его отдѣльныя мнѣнія. Первымъ предметомъ его протеста была статья журнала о порученіи Филарету составить планъ, а затѣмъ и учебную книгу каноническаго права. Ѳеофилактъ заявилъ.

---

[1]) Ж. К. Д. У. 24 Мая 1811 г., ст. 1. Окончаніе этого дѣла относится къ послѣдующему времени; но чтобы не возвращаться къ нему, скажемъ здѣсь, какъ оно продолжалось и чѣмъ кончилось. Въ Іюлѣ слѣдующаго 1812 г. Казанскій преосвященный прислалъ переводъ 2-й части, сдѣланный учителемъ церковной исторіи, высшаго краснорѣчія и математики протоіереемъ Гуріемъ Ласточкинымъ, а ректоръ академіи извѣстилъ, что эту книгу переводили многіе, но изъ таковаго перевода вышла пьеса разногопная и весьма неправильная; затѣмъ прот. Ласточкинъ, принявъ на себя перевесть всю эту книгу, выписалъ всѣ три тома сего сочиненія, перечиталъ ихъ, вызвалъ духъ сочиненія, съ помощію другихъ книгъ выучилъ всѣ системы философскія, сочинителемъ описываемыя, и тогда уже приступилъ къ переводу книги сей (Ж. К. Д. У. 10 Авг. 1812 г., ст. 30). Въ 1813 г. 5 Августа Ѳеофилактъ внесъ переведенную подъ его руководствомъ 3-ю часть (Ж. К. Д. У. 5 Авг. 1813 г., ст. 8); въ Октябрѣ того же года преосв. Августинъ доставилъ переведенную 1-ю часть. Коммиссія препровождила всѣ три части въ Цензурный Комитетъ съ требованіемъ мнѣнія какъ о достоинствѣ въ ономъ русскаго слога, такъ равно о достоинствѣ самаго сочиненія и о томъ, можетъ-ли рукопись сія быть напечатана съ пользой для духовныхъ академій и семинарій (Ж. К. Д. У. 11 Окт. 1813 г., ст. 8). Цензурный Комитетъ поручилъ разсмотрѣть его своему члену архимандриту Иннокентію Смирнову, а Иннокентій не одобрилъ.

что 1) о каноническомъ правѣ, сколько онъ запомнитъ, не было разсужденія въ засѣданіи 25 Февраля; 2) ежели сочинять классическую книгу каноническаго права, то нужно включить въ оную и церковное право, потому что оба они входятъ въ составъ церковнаго управленія и нѣтъ примѣра, чтобы каноническому праву обучали отдѣльно отъ церковнаго; 3) каноническое и церковное право возложено Коммиссіею не на баккалавра церковной исторіи, но на самого профессора богословскихъ наукъ; 4) употребить на сочиненіе каноническаго и церковнаго права не довольно одного человѣка по множеству и разнообразію предметовъ. Въ подтвержденіе этого онъ, преосвященный, представилъ планъ уложенія каноническаго и церковнаго права, которымъ занимаясь, по себѣ чувствовалъ онъ, что безъ многихъ головъ и рукъ не преодолѣть сего труда; 5) до употребленія способныхъ людей на сей трудъ потребно выписать (ибо у здѣшнихъ книгопродавцевъ отыскать не можно) всѣ самонужнѣйшія книги, относящіяся къ каноническому и церковному праву, безъ которыхъ профессоръ будетъ затрудняться въ преподаваніи даже уроковъ сихъ правъ студентамъ: 6) преподаваніе церковной исторіи и приготовленіе оной къ изданію въ печать столь многотруднымъ кажется ему, преосвященному, занятіемъ, что всякое постороннее порученіе будетъ только отвлекать баккалавра іеромонаха Филарета отъ настоящей его должности.—Съ своей стороны Ѳеофилактъ предложилъ Коммиссіи раздѣлить сочиненіе этого уложенія, по числу основныхъ статей его, на три рода и поручить тремъ изъ епархіальныхъ преосвященныхъ Черниговскому, Смоленскому, Тульскому и Вологодскому—кои съ помощію ректоровъ и учителей своихъ семинарій, при руководствѣ книгъ и при дозволеніи требовать изъ Синодальнаго архива выписокъ на такія матеріи, коихъ разрѣшенія нельзя будетъ отыскать въ Консисторскихъ архивахъ, могли бы исполнить это порученіе въ непродолжительномъ времени. Пусть будетъ это сочиненіе на первый разъ недостаточно: но было бы что исправлять и дополнять; а профессоръ богословскихъ наукъ, конспектомъ обязанный преподавать студентамъ каноническое и церковное право въ послѣдній годъ курса, избавился бы отъ такого труда, къ понесенію коего едва довлѣютъ силы одного человѣка, занятаго притомъ другими многими предметами.—При слушаніи этого заявленія, князь Голицынъ словесно предложилъ Коммиссіи, что означенный планъ находится въ разсмотрѣніи

члена Коммиссіи, Государственнаго Секретаря М. М. Сперанскаго. Посему Коммиссія постановила принять мнѣніе преосвященнаго Ѳеофилакта въ уваженіе, когда планъ будетъ разсмотрѣнъ, а отъ баккалавра іеромонаха Филарета истребовать планъ одной токмо церковной исторіи [1]).

Другой протестъ Ѳеофилакта, вышедшій изъ его раздраженнаго самолюбія, былъ мелоченъ, придирчивъ, оскорбителенъ для Коммиссіи. Дѣло шло о редакціи одного примѣчанія къ правиламъ относительно малоуспѣшныхъ учениковъ. Въ примѣчаніи сказано было: ректоры уѣздныхъ и смотрители приходскихъ училищъ должны тщательное употреблять стараніе, чтобы при концѣ каждаго двухгодичнаго курса въ большемъ количествѣ оказывалось учениковъ успѣвшихъ и достойныхъ къ переводу въ высшіе разряды». Ѳеофилактъ находилъ редакцію этого примѣчанія неудобною по заключающемуся въ ономъ смыслу и по образу изложенія. «Полагая, писалъ онъ между прочимъ, что всѣ пополненія, въ статьѣ 42 означенныя, должны быть внесены безъ всякой перемѣны въ Уставъ, оскорбительно покажется для любителей словесности читать тисненію преданное сіе выраженіе: *тщательно употребить стараніе.*» Коммиссія не согласилась измѣнить редакцію по существу, но въ угоду Ѳеофилакту, замѣнила слово *тщательное* словомъ *ревностное* [2]).

Въ томъ же засѣданіи Коммиссія постановила обозрѣть С.-Петербургскую семинарію по окончаніи въ ней перваго курса и уѣздныя и приходскія училища С.-Петербургскаго учебнаго округа. Обозрѣніе семинаріи поручено было—по учебной части ректору академіи архимандриту Сергію, по нравственной и экономической, инспектору архимандриту Іонѣ; обозрѣніе С.-Петербургскихъ училищъ Филарету, а прочихъ—особо избраннымъ лицамъ изъ духовенства здѣшней и Новгородской епархіи. Ревизорамъ училищъ поручено было обозрѣть также и семинарскія правленія въ тѣхъ предметахъ, кои до управленія училищами относятся. Преосвященный Ѳеофилактъ составилъ для ревизоровъ, по порученію Коммиссіи, инструкцію [3]), а по окончаніи ревизіи разсматривалъ ихъ отчеты. Особенную важность представлялъ отчетъ ректора академіи о ревизіи С.-Петербургской семинаріи, такъ какъ она одна изъ всѣхъ семи-

[1]) Ж. К. Д. У. 19 Апр. 1811 г., ст. 31.
[2]) Ж. К. Д. У. 19 Апр. 1811 г., ст. 30.
[3]) Ж. К. Д. У. 19 Апр. 1811 г., ст. 36 и 29 Апр.

нарій округа уже преобразована была по новому уставу. По начертанію правилъ о духовныхъ училищахъ курсъ ученія въ семинаріяхъ располагался на четыре года, по два года въ низшемъ и высшемъ отдѣленіяхъ. Но къ четыремъ годамъ курса прибавлены были еще два года для усовершенія учениковъ, по окончаніи курса, въ философскихъ и богословскихъ наукахъ и для упражненій какъ въ чтеніи Священнаго Писанія, такъ и въ духовныхъ сочиненіяхъ. Это было какъ бы спеціальное приготовленіе къ священнослужительскимъ должностямъ. Въ отчетѣ о своей ревизіи ректоръ академіи указалъ на множество и разнообразіе предметовъ, преподаваемыхъ въ низшемъ отдѣленіи семинаріи и предлагалъ распространить преподаваніе ихъ на высшее отдѣленіе и, между прочимъ, усилить преподаваніе латинскаго языка. Но Ѳеофилактъ подвергъ замѣчанія ревизора рѣзкой и строгой критикѣ и заключилъ тѣмъ, чтобы не допускать ни перемѣны во времени курсовъ, ни уничтоженія учебныхъ предметовъ, ни смѣшенія низшаго отдѣленія съ высшимъ. «Начертаніе правилъ на тотъ конецъ составлено и издано, чтобы изгнать изъ духовныхъ училищъ старый распорядокъ ученія и учебныхъ предметовъ». Коммиссія приняла мнѣніе Ѳеофилакта и внесла его сполна въ свое заключеніе о ревизіи архимандрита Сергія [1]).

Ѳеофилактъ зналъ, что академія тяготится имъ и враждуетъ противъ него: и сдерживалъ ее своею крѣпкой рукой. Ему хотѣлось поставить во главѣ академіи своего помощника Леонида. По его указанію, Леонидъ представилъ составленный имъ планъ учебной книги для класса словесныхъ наукъ. Академическое правленіе въ представленіи своемъ изъяснило, что планъ этотъ предварительно разсмотрѣнъ былъ преосвященнымъ архіепископомъ Рязанскимъ, подъ непосредственнымъ надзоромъ коего состоитъ классъ словесности. Коммиссія, по предложенію князя Голицына, препроводила этотъ планъ на разсмотрѣніе члена своего г. Государственнаго Секретаря (М. М. Сперанскаго) «по уваженію къ отличнымъ познаніямъ его въ наукахъ и словесности» и просила его сказать свой отзывъ о пользѣ и достоинствѣ сего произведенія [2]).

Въ началѣ 1812 г. на открывшіяся архіерейскія вакансіи одновременно назначены были ректоръ академіи Сергій въ Кострому,

[1]) Ж. К. Д. У. 1811 г. 25 Окт., ст. 10.
[2]) Ж. К. Д. У. 18 Окт. 1811 г., ст. 15.

инспекторъ Іона въ Тамбовъ и ректоръ семинаріи Анатолій Максимовичъ въ Полтаву. Ѳеофилактъ предложилъ въ ректоры академіи Леонида, какъ старшаго по академической службѣ и имѣвшаго уже званіе исправлявшаго должность профессора, но Коммиссія опредѣлила ректоромъ академіи баккалавра архимандрита Филарета, а Леониду присвоила въ утѣшеніе профессорское званіе съ штатнымъ окладомъ. Ему не предложили мѣста даже ректора семинаріи, которое дало бы ему благопріятный выходъ изъ его неловкаго положенія. Леонидъ считалъ себя обойденнымъ и оскорбленнымъ, а сторона болѣе счастливая и начальствующая не считала себя обязанною къ великодушію съ нимъ. Взаимное отношеніе ихъ и образъ дѣйствій странно и рѣзко сказались по поводу одного незначительнаго обстоятельства. Нужно было замѣстить должность инспектора здѣшней семинаріи. Семинарское правленіе представило кандидатомъ учителя Александроневскаго училища Ѳедора *Александрова* [1]), изъявившаго желаніе вступить въ монашество. Въ академическомъ правленіи произошло разногласіе: утвердить ли его собственною властію правленія академіи или представить на утвержденіе Коммиссіи. Два члена, ректоръ академіи Филаретъ и протоіерей Стахій Колосовъ, полагали представить Коммиссіи; Леонидъ не находилъ этого нужнымъ и подалъ отдѣльное мнѣніе, и въ этомъ мнѣніи, между прочимъ писалъ, что «названные члены правленія въ составленномъ ими по сему предмету журналѣ не оставили мѣста для его подписи и что онъ недоумѣваетъ, на какой конецъ былъ къ нему присланъ журналъ: ежели для разсмотрѣнія, то не слѣдовало помянутымъ членамъ рѣшительно утверждать его; ежели-жъ для подписи, то слѣдовало бы оставить для сего мѣсто». Журналъ, съ мнѣніемъ Леонида, представленъ былъ въ Коммиссію. Ректоръ съ протоіереемъ Колосовымъ съ своей стороны заявили, что ежели отъ нихъ потребуется объясненіе по этому обстоятельству, то они дадутъ его» [2]). Но объясненія отъ нихъ не потребовали. Господство Ѳеофилакта въ академіи окончилось.

М. М. Сперанскаго не было болѣе въ Коммиссіи. 17 Марта 1812 г. послѣдовало удаленіе его изъ С.-Петербурга. Никто не

[1]) *Ѳедоръ Александровъ* былъ вызванъ въ 1809 г. изъ учителей *Троицкой* семинаріи въ С.-Петербургъ въ качествѣ кандидата на преподавательскую должность въ академіи: но опредѣленъ учителемъ училища и помощникомъ библіотекаря академіи. По назначеніи инспекторомъ вступилъ въ монашество и именованъ *Ѳеофаномъ*.

[2]) Ж. К. Д. У. 10 Апр. 1812 г., ст.

зналъ, долго-ли продлится его отсутствіе. Наконецъ, когда обозначилось, что не видится надежды на скорое его возвращеніе, правитель дѣлъ доложилъ Коммиссіи, что на разсмотрѣніе бывшаго Государственнаго Секретаря препровожденъ былъ составленный архимандритомъ Леонидомъ планъ учебной книги для класса словесныхъ наукъ, но отзыва по сему предмету не сдѣлано и планъ въ Коммиссію не возвращенъ. Коммиссія, основываясь на томъ, что планъ этотъ былъ уже разсматриваемъ преосвященнымъ Ѳеофилактомъ, поручила архимадриту Леониду приступить къ сочиненію учебной книги для класса словесности по имѣющемуся у него съ того плана списку и по окончаніи сего произведенія представить оное въ Коммиссію.

Наступила достопамятная отечественная война.

12 Іюня 1812 года непріятель внесъ свое оружіе въ предѣлы Россіи. Французскія войска перешли Нѣманъ. 6 Іюля послѣдовалъ Высочайшій Манифестъ, вызывавшій всѣ сословія и состоянія къ единодушному и общему содѣйствованію противъ всѣхъ замысловъ и покушеній врага.

Святѣйшій Синодъ, желая содѣйствовать въ общемъ дѣлѣ тѣми способами, которые могъ найти въ своемъ вѣдомствѣ, пожертвовалъ въ пособіе къ составленію новыхъ военныхъ силъ изъ прибыльной суммы отъ продажи свѣчей *полтора милліона рублей*. Въ тоже время Синодъ пригласилъ епархіальныхъ архіереевъ, монастырскихъ настоятелей и прочее духовенство къ пожертвованіямъ лично отъ себя и отъ архіерейскихъ домовъ и монастырей деньгами, серебряными и золотыми вещами, безъ всякаго употребленія лежащими; а для содѣйствія къ увеличенію военныхъ силъ постановилъ объявить причетникамъ, дѣтямъ священно-церковно-служителей при отцахъ находящимся и семинаристамъ не выше риторическаго класса, что ежели изъ нихъ кто пожелаетъ, защищая отечество, идти въ новое ополченіе, на которое призываются всѣ состоянія, таковыхъ увольнять безпрепятственно и для одежды ихъ и на продовольствіе позволить церквамъ дѣлать пособіе изъ кошельковой суммы, а ихъ самихъ обнадежить, что они по окончаніи

---

[1]) Ж. К. Д. У. 5 Ноябр. 1812 г., ст. 9.

сего ополченія возвратятся къ прежнимъ мѣстамъ и таковое служеніе ихъ не останется безъ уваженія [1]).

Въ Сентябрѣ началось выступленіе непріятельскихъ войскъ изъ Москвы. Обратное движеніе ихъ сопровождалось такими же страшно опустошительными дѣйствіями, какъ и первое вступленіе въ предѣлы Россіи.

Коммиссія Духовныхъ Училищъ, движима будучи усердіемъ къ общему благу и состраданіемъ къ бѣдствіямъ, понесеннымъ вторженіемъ врага въ предѣлы нашего отечества, постановила: на исправленіе соборовъ, церквей, монастырей, училищныхъ зданій и домовъ священно-церковно-служителей, кои разорены врагомъ въ самой Москвѣ, въ Московской и другихъ губерніяхъ, гдѣ войска его проходили, отдѣлить *три милліона пятьсотъ тысячъ рублей*. Сумму сію по внутреннему Святѣйшаго Синода по епархіямъ распоряженію, предоставить въ полное и совершенное его вѣдѣніе съ тѣмъ, что по назначенію его потребное количество денегъ неукоснительно изъ Коммиссіи будетъ отпускаемо» [2]).

Вслѣдъ за тѣмъ по Высочайшему повелѣнію дано было члену Святѣйшаго Синода архіепископу Рязанскому Ѳеофилакту порученіе, отправиться въ разстроенныя отъ нашествія врага епархіи для приведенія ихъ въ должный порядокъ. «По изгнаніи врага изъ предѣловъ Смоленской губерніи — сказано было въ Высочайшемъ рескриптѣ ему отъ 27 Ноября 1812 г. — Я поспѣшилъ возстановить богослуженіе и возвратить церквамъ пастырей. Находя нужнымъ употребить къ тому члена Святѣйшаго Синода, призываю на дѣло сіе Ваше Преосвященство. Извѣстная мнѣ опытность ваша и дѣятельность по управленію епархіей, вамъ ввѣренной, подаетъ надежду въ успѣшномъ исполненіи возлагаемаго нынѣ порученія. Вы отправитесь немедленно въ Смоленскъ, гдѣ употребите всѣ возможныя усплія къ приведенію епархіи по всѣмъ ея частямъ въ надлежащее устройство, требуя къ тому содѣйствія и отъ мѣстнаго архіерея. На дорогу и содержаніе ваше получите изъ Моего Кабинета пять тысячъ рублей, о чемъ и дано уже кому слѣдуетъ повелѣніе. Вашею обязанностію будетъ еженедѣльно доносить Синоду какъ о дѣйствіяхъ вашихъ, такъ и о нужныхъ вамъ пособіяхъ къ приведенію епархіи Смоленской въ должный порядокъ. По мѣрѣ того,

[1]) Ж. К. Д. У. 27 Іюля 1812 г.
[2]) Ж. К. Д. У. 5 Ноября 1812 г.

какъ могутъ быть очищаемы отъ непріятеля и другія мѣста, оной сопредѣльныя, вы будете распространять на тѣ части ваше вліяніе на правѣ дѣлаемой вамъ довѣренности. Святѣйшій Синодъ не оставитъ съ своей стороны дать мѣстнымъ начальствамъ надлежащія по сему предписанія. Молю Бога, да ниспослетъ вамъ силы скоро устроить все къ славѣ имени Его, къ пользѣ служителей олтаря, къ обрадованію сыновъ православныя церкви». Въ Высочайшемъ указѣ Святѣйшему Синоду отъ того же числа сказано было: «для приведенія въ надлежащее устройство тѣхъ епархій (кромѣ Московской [1]), которыя были заняты непріятелемъ, находя нужнымъ дать экстраординарную коммиссію члену Синода съ полномочіемъ дѣйствовать по своему благоразсужденію, дабы отвратить медленность переписокъ епархіальныхъ архіереевъ съ вышнимъ начальствомъ, Мы поручили сіе дѣло архіепископу Рязанскому. Назначеніе его первоначально ѣхать въ Смоленскъ для устроенія епархіи. По мѣрѣ очищенія отъ врага и другихъ мѣстъ, сопредѣльныхъ оной, архіепископъ Рязанскій отправится туда съ тѣмъ же полномочіемъ. Святѣйшій Синодъ не оставитъ предписать мѣстнымъ начальствамъ, чтобы всѣ приказанія преосвященнаго Ѳеофилакта были приводимы въ исполненіе на тотъ разъ, какбы самыя предписанія Синода».

Святѣйшій Синодъ послалъ указы къ преосвященнымъ тѣхъ епархій, которыя заняты были непріятелемъ—Могилевскому, Минскому, Смоленскому и Калужскому, а также и тѣхъ, коимъ 18 Сентября 1812 г. предписано было о принятіи выходящихъ изъ епархій занятыхъ непріятелемъ духовнаго званія людей—Новгородскому, Псковскому, Тверскому, Черниговскому, Владимірскому, Тульскому и Орловскому, дабы, когда отъ него, преосвященнаго Рязанскаго, сообщено будетъ о возвращеніи показанныхъ людей въ свое время къ настоящимъ ихъ мѣстамъ, то бы отправлены были опые немедленно. На обзаведеніе священно-церковно-служителей и учителей духовенства училищъ, кои потерпѣли отъ непріятеля разореніе и дабы ускорить удовлетвореніемъ нуждъ ихъ, Синодъ положилъ отпустить изъ назначенныхъ Коммиссіею Духовныхъ Училищъ на пожертвованіе капиталовъ 10 тысячъ рублей, а на случай недостатка

---

[1]) Епархіи сіи слѣдующія: Могилевская, Минская, Смоленская и часть Калужской. На исправленіе соборовъ и церквей въ Москвѣ и на вспоможеніе священнослужителямъ особо ассигнована была сумма изъ пожертвованій Коммиссіи Духовныхъ Училищъ—621.370 р.

этой суммы во избѣжаніе медленности, могущей произойти отъ переписокъ, сдѣлано сношеніе съ Министромъ Финансовъ Гурьевымъ объ открытіи преосвященному Ѳеофилакту въ казенныхъ палатахъ тѣхъ губерній, которыя заняты были непріятелемъ, кредита до 5 тысячъ рублей на счетъ капитала Коммиссіи Духовныхъ Училищъ. Ежели потребуетъ надобность отправить кого изъ благочинныхъ и другихъ священнослужителей для обозрѣнія въ отдаленности отстоящихъ сельскихъ церквей и ихъ священнослужителей, то преосвященному Ѳеофилакту разрѣшено было выдавать имъ прогоны по разстоянію и всѣ выдачи дѣлать по благоразсужденію его, преосвященнаго, съ запискою въ особыя книги и съ росписками получателей.

Въ началѣ Декабря Ѳеофилактъ выѣхалъ къ мѣсту своей командировки. Первый путь его лежалъ въ Смоленскую епархію. Смоленскимъ архіереемъ былъ *Ириней Фальковскій*, извѣстный авторъ православнаго богословія на латинскомъ языкѣ, кабинетный ученый, мало способный ко внѣшней распорядительности. При оставленіи нашими войсками Смоленска, онъ выѣхалъ 5 Августа изъ города съ чудотворною иконою Божіей Матери и съ того времени, до Декабря, духовенство не знало, гдѣ онъ находится. Временное управленіе церквами и духовенствомъ сосѣднихъ съ Калужскою губерніей уѣздовъ принялъ на себя Калужскій преосвященный Евлампій и разослалъ въ духовныя правленія и къ благочиннымъ этихъ уѣздовъ печатные экземпляры пастырскаго увѣщанія и утѣшенія, приглашая духовенство обращаться къ нему во всѣхъ случаяхъ, доколѣ ихъ пастырь будетъ находиться въ отсутствіи. Въ Смоленскѣ не было также въ это время и губернатора; а потому Главнокомандующій арміями, князь М. И. Кутузовъ, при движеніи войскъ отъ Малоярославца, чрезъ Медынь, къ Смоленску, предписалъ Калужскому Губернатору, Павлу Никитичу Каверину, принять Смоленскую губернію въ свое временное управленіе [1]). Прибывъ въ г. Вязьму, Каверинъ нашелъ, что изъ 22 храмовъ многіе, въ томъ числѣ и соборъ, истреблены во время непріятельскаго нашествія пожаромъ, а оставшіеся мужской монастырь и до 14 приходскихъ церквей разграблены, поруганы и осквернены до того, что служили конюшнями лошадей. Такому же истребленію и поруганію подверглись храмы и

[1]) Предписаніе кн. М. И. Кутузова Калужскому Губернатору Каверину отъ 21 Окт. 1812 г., № 125. Главная квартира, село Спасское Медынскаго уѣзда.

въ прочихъ городахъ и селахъ, гдѣ только непріятель имѣлъ свое пребываніе. Каверинъ поставилъ первою обязанностію очистить храмы отъ осквернснія и возстановить божественныя службы, но встрѣтивъ затрудненіе въ недостаткѣ антиминсовъ и прочихъ святынь, отъ власти епископа зависящихъ, обратился къ Главнокомандующему въ С.-Петербургѣ Вязмитинову съ ходатайствомъ о содѣйствіи, чтобы Смоленскій преосвященный поспѣшилъ въ губернію для возстановленія надлежащаго по его части порядка и благоустройства. По сношеніи Вязмитинова съ княземъ Голицынымъ, Святѣйшій Синодъ предписалъ Смоленскому преосвященному немедленно возвратиться въ свою епархію [1]).

Преосвященный Ѳеофилактъ отправился въ Смоленскую епархію [2]), чрезъ Торжокъ и 10 Декабря прибылъ въ г. Сычевку. Здѣсь сдѣлалъ онъ первыя распоряженія о пособіи духовенству. «Здѣсь же – писалъ онъ князю Голицыну, 11 Декабря,-- услышалъ я, что преосвященный Смоленскій чрезъ Тверь проѣхалъ на г. Ржевъ, Тверской губерніи, а отсюда пробирается на г. Бѣлый своей паствы, который, какъ говорятъ, совершенно уцѣлѣлъ отъ вторженія непріятельскаго. Чрезъ попутчика далъ я ему знать, чтобъ онъ непремѣнно повидался со мною, и именно въ г. Вязьмѣ, объявленномъ отъ Смоленскаго гражданскаго губернатора средоточіемъ всѣхъ сношеній по службѣ. Впрочемъ я не долго пробуду въ Вязьмѣ и поспѣшу въ Смоленскъ. Гражданскіе чиновники не охотно собираются въ Смоленскъ подъ предлогомъ, что отъ раззоренія мало тамъ остается домовъ, способныхъ для жительства. Поэтому-то и преосвященный Смоленскій разъѣзжаетъ по границамъ своей паствы.

[1]) Канц. Об. Прок. 1812 г., № 4487. Сравн. Рапорты Каверина отъ 10 Ноября 1812 г. и 15 Февр. 1813 г. Государю въ Русск. Арх. 1871 г., стр. 1612—1636.

[2]) Предъ отправленіемъ въ Смоленскъ Ѳеофилактъ выпросилъ себѣ для занятій по письмоводству (брата своего) столоначальника Департамента Исполнительной полиціи, тит. сов. Григорія Русанова, съ сохраненіемъ за нимъ мѣста и содержанія по должности. Изъ служебныхъ документовъ Русанова видно, что онъ, по окончаніи курса наукъ въ С.-Петербургскомъ Педагогическомъ Институтѣ, опредѣленъ былъ 25 Авг. 1806 г. и въ *высшее училище Правовѣдѣнія*, при коммиссіи составленія законовъ, на правахъ чиновника, въ дѣйствительной государственной службѣ состоящаго, гдѣ въ продолженіи 3 лѣтъ обучался правамъ естественнымъ: частному, публичному и народному, положительному римскому, энциклопедіи правъ, общей теоріи судебныхъ обрядовъ, практическому судопроизводству и законамъ Россійскимъ, а по окончаніи трехгодичнаго курса по Именному Высочайшему указу 24 Февр. 1809 г. произведенъ въ коллежскіе секретари, въ засвидѣтельствованіе чего и выданъ ему 9 Марта аттестатъ за подписаніемъ присутствующаго въ коммиссіи *М. Сперанскаго*. (Дѣло Канц. Об. Прок. № 4487).

При свиданіи не оставлю поставить ему въ виду, что начальникъ не долженъ находиться вдали отъ страждущихъ подчиненныхъ».

«Городъ Сычевка хотя и не потерпѣлъ отъ непріятеля, но такое въ немъ стеченіе раззоренныхъ разночинцевъ и крестьянъ, что я съ трудомъ могъ отыскать для себя квартиру, и то холодную. Первую ночь прожилъ въ комнатѣ, отдѣленной одною только перегородкой отъ больныхъ женщинъ. Можно сказать, что здѣсь почти всякій домъ больница. Городничій сказываетъ, что сіе будто бы отъ повѣтрія; а я отношу и къ недостатку насущнаго хлѣба. Больныхъ, какъ выше докладывалъ я, очень много; немало также и умирающихъ. Ежели въ столь жалкомъ положеніи городъ, спасшійся отъ нашествія непріятельскаго, то какая ужасная картина представится въ Гжатскѣ, Вязьмѣ, Дорогобужѣ, Смоленскѣ, Красномъ и Порѣчьѣ. Здѣшнее духовенство заплакало отъ радости, что Государь Императоръ соизволилъ обратить на нихъ Всемилостивѣйшее вниманіе. Я за священный долгъ поставлю соотвѣтствовать сдѣланному мнѣ довѣрію».

12 Декабря Ѳеофилактъ прибылъ въ Вязьму и, сдѣлавъ распоряженія о пособіи, послалъ 16-го донесеніе Святѣйшему Синоду и отъ того же числа писалъ къ князю Голицыну: «Сегодня оба мы съ преосвященнымъ Смоленскимъ отправляемся въ Смоленскъ, только разными путями: я ѣду чрезъ Ельну на почтовыхъ, а онъ опять на Бѣлый на протяжныхъ. Четыре дня пробыли мы въ Вязьмѣ и другъ друга не видали. П. Н. Каверинъ пытался увидѣться съ нимъ и не допущенъ подъ предлогомъ дорожнаго утружденія. Авось сойдусь съ нимъ въ Смоленскѣ, гдѣ намѣреваюсь церемоніально встрѣтить чудотворный образъ Смоленскія Богоматери, хранящійся теперь въ г. Бѣломъ. Находившійся при г. Фельдмаршалѣ другой образъ той же Богоматери и потомъ возвращенный въ Смоленскъ, именуется не чудотворнымъ, а просто *явленнымъ* [1]).

---

[1]) Чудотворная Смоленская икона Божіей Матери, привезенная преосв. Иринеемъ, у котораго находилась на сохраненіи, встрѣчена съ крестнымъ ходомъ преосвященнымъ Ѳеофилактомъ и Иринеемъ и поставлена на прежнее мѣсто въ соборѣ, 25 Декабря 1812 г. Другая же икона, которую Ѳеофилактъ называетъ *явленною*, взята была при оставленіи войсками Смоленска, 6 Августа, артиллерійскою ротою полковника Глухова и съ того времени находилась при полкахъ 3-й пѣхотной дивизіи во всѣхъ дѣлахъ противъ непріятеля. Когда же Богъ благословилъ Россійское оружіе и городъ Смоленскъ былъ очищенъ отъ непріятеля, дежурный генералъ по арміямъ генералъ-лейтенантъ Коновницынъ, по приказанію главнокомандующаго кн. Кутузова, препроводилъ ее обратно въ Смоленскъ для водворенія на прежнемъ мѣстѣ. Вмѣстѣ съ иконою препровождены

«Вязьма сколько была красива и богата, столько теперь обезображена и недостаточна. Шестая только часть ея уцѣлѣла отъ раззоренія. Изъ 24 градскихъ церквей спаслось только 8, а изъ священнослужительскихъ домовъ только 4 дома. Граждане по привязанности къ отчизнѣ являются на свои пепелища; но видя, что и уцѣлѣвшіе домы отъ пожара обращены то на больницы, то на постой чиновниковъ, не охотно принимаются за возобновленіе прежнихъ своихъ жилищъ. Я неоднократно говорилъ о семъ съ П. Н. Каверинымъ, совѣтуя ему облегчить какъ нибудь раззоренные города отъ повинностей. Въ противномъ случаѣ долго или никогда не соберутся разбѣжавшіеся жители. Какая польза, говорятъ они, обзаводиться домами, когда хозяевамъ не позволяютъ жить въ оныхъ? Одного только г. Каверина и губернатора квартиры безъ больныхъ. Я, какъ кратковременный житель, опять очутился среди болящихъ. Въ занимаемомъ мною домѣ на дняхъ умерла женщина: вскорѣ за выѣздомъ моимъ отсюда долженъ умереть и хозяинъ дома по увѣренію врачей».

Въ Смоленскъ преосвященный Ѳеофилактъ прибылъ 19 Декабря. «Городъ Смоленскъ, писалъ онъ, есть совершенная западня. Не имѣетъ онъ сообщенія ни съ какими городами, даже и съ Вязьмою, кромѣ какъ чрезъ попутчиковъ и курьеровъ изъ главной арміи въ Москву. Въ Смоленскѣ 5-я только часть уцѣлѣла отъ пожаровъ. У Смоленскихъ гражданъ тотъ же ропотъ на занятіе уцѣлѣвшихъ домовъ постоями и госпиталями, какой замѣтилъ я и въ Вязьмѣ. Отъ Вязьмы на Смоленскъ чрезъ Дорогобужъ нѣтъ никакого тракта по причинѣ раззоренія селеній и города Дорогобужа. Я ѣхалъ чрезъ Ельну, который городъ также весь обращенъ въ госпиталь; а вслѣдъ за мною и г. Министръ Полиціи, который останавливался у меня на квартирѣ и пробылъ здѣсь не болѣе 5 часовъ, а на обозрѣніе раззореннаго города употребилъ не болѣе часа, проговаривая, что поспѣшаетъ въ Вильну».

Выданная преосвященному Ѳеофилакту сумма на пособія оказалась такою незначительною, въ сравненіи съ числомъ лицъ пострадавшихъ и съ ихъ неотложными нуждами, что онъ долженъ былъ отыскивать другіе источники пособія и при всемъ томъ вы-

---

вклады и приношенія 1810 р., 5 червонцевъ золотыхъ и пудъ отбитаго у непріятеля серебра. Икона эта также поставлена на свое прежнее мѣсто въ приписной къ собору церкви на днѣпровскихъ воротахъ. (Дѣло Канц. Об. Прок. 1812 г., № 4488).

нуждень былъ назначать пособія въ такихъ ограниченныхъ размѣрахъ, что Синодъ предписывалъ ему удвоивать и утроивать назначаемыя имъ выдачи—на пропитаніе священно-церковно-служителей и вдовъ духовнаго вѣдомства, на починки поврежденныхъ церквей и монастырей, устройство или возобновленіе священнослужительскихъ домовъ, на обсѣмененіе полей весною, на воспособленіе монастырскимъ крестьянамъ и пр. Въ то же время онъ предложилъ преосвященному Смоленскому, по настоящему состоянію епархіи, двойные и тройные причты упразднить и однопричтовыя малоприходныя церкви приписать къ другимъ ближайшимъ селамъ, а священнослужителей оныхъ помѣщать по желанію ихъ на другія открывающіяся вакансіи; и до времени удержаться отъ рукоположенія вновь священнослужителей и опредѣленія новыхъ причетниковъ [1]).

Между тѣмъ 24 Декабря того же 1812 г. Ѳеофилактъ получилъ изъ Святѣйшаго Синода указъ, которымъ, по Высочайшему повелѣнію, возлагалось на него еще другое порученіе, именно произвесть на мѣстѣ вѣрнѣйшее изслѣдованіе о поступкахъ Могилевскаго и Витебскаго архіепископа Варлаама во время нашествія непріятеля. Сообщая ему объ этомъ Высочайшемъ повелѣніи, Святѣйшій Синодъ поручилъ ему, по прибытіи въ Могилевъ и по объявленіи о семъ Высочайшемъ повелѣніи архіепископу Варлааму, не оставить разсмотрѣть и о томъ, что ежели и кромѣ архіепископа Варлаама изъ принадлежащихъ Могилевской епархіи духовнаго званія людей окажутся въ подобныхъ поступкахъ, то бы и таковыхъ по удаленіи ихъ отъ должностей и опредѣленіи на мѣста ихъ другихъ произведено было подобное изслѣдованіе и потомъ представлено Святѣйшему Синоду съ мнѣніемъ. Синодъ уполномочивалъ его также возстановить въ Могилевѣ духовную Консисторію и опредѣлить въ оную присутствующихъ по его усмотрѣнію, а управленіе Могилевскою епархіею по дѣламъ ставленническимъ и другимъ, требующимъ архіерейскаго разрѣшенія, поручилъ Смолепскому епископу

[1]) Дѣло Канц. Об. Прокурора 1812 г., № 4486. «Преосв. Ириней на каждое предложеніе Синодальнаго Члена писалъ своеручно отвѣты и распоряженія... Всѣ распоряженія преосвященнаго Члена Синода онъ принималъ съ неограниченною кротостію. Обыкновенныя выраженія его были: его высокопреосвященство рекомендуетъ мнѣ сдѣлать то-то и то-то и потому приготовить немедленно къ исполненію». Ист. ст. опис. Смол. епархіи. СПб. 1864 г., стр. 142.

Принею «съ которымъ Консисторія по возстановленіи и имѣть сноситься, исполняя притомъ и всѣ приказанія Синодальнаго члена преосвященнаго Рязанскаго».

27 Декабря Ѳеофилактъ отправился изъ Смоленска въ Могилевъ, куда и прибылъ въ ночь съ 28 на 29 число. Утромъ того же дня онъ потребовалъ изъ Консисторіи всѣ бумаги касательно поступковъ архіепископа Варлаама во время пребыванія французовъ въ Могилевѣ и объявилъ ему Высочайшій указъ объ удаленіи его отъ управленія епархіею. Вслѣдъ затѣмъ отрѣшилъ присутствующихъ Консисторіи съ секретаремъ и, назначивъ временныхъ новыхъ членовъ, предписалъ Консисторіи немедленно разослать по епархіи указы объ уничтоженіи бывшаго мятежнаго постановленія ея о воспоминаніи при богослуженіяхъ Наполеона, съ предписаніемъ, дабы впредь воспоминаемо было имя законнаго Государя Императора съ Высочайшею фамиліею и между прочимъ поставилъ ей въ обязанность обревизовать имущество архіерейскаго дома и имѣть наблюденіе за особою самого преосвященнаго [1]). Усмотрѣвши затѣмъ изъ дѣлъ Консисторіи, что нѣкоторые ставленники при производствѣ въ священника и діакона учинили присягу не своему законному Государю, а врагу нашего отечества Наполеону, преосвященный Ѳеофилактъ предписалъ Консисторіи, до разрѣшенія Святѣйшаго Синода, запретить имъ священнослуженіе.

Печальные факты, обнаруженные слѣдствіемъ, состояли въ томъ, что, по вступленіи 8 Іюля 1812 года въ Могилевъ Французскихъ войскъ, учрежденная Французскимъ правительствомъ временная коммиссія для управленія гражданскою частію по Могилевской губерніи отнеслась $\frac{13}{25}$ Іюля къ архіепископу Варлааму съ оповѣщеніемъ, что на другой же день $\frac{14}{26}$ Іюля онъ архіепископъ съ духовенствомъ, дворянствомъ и прочими сословіями обязаны будутъ учинить присягу на вѣрность французскому императору и италійскому королю великому Наполеону и что онъ архіепископъ обязанъ лично совершить божественную литургію, поминая отнынѣ въ оной, какъ равно и въ благодарственномъ молебствіи, вмѣсто Императора Александра, французскаго императора и италійскаго короля великаго Наполеона [2]).

---

[1]) Донесенія Св. Синоду 1 и 3 Янв. 1813 г.

[2]) Подлинное подписали: Ierzy Luscina, Jan Makowiecki, Morcin Nitostawski, секретарь Шалькевичъ.

Въ отзывѣ своемъ по этому дѣлу, представленномъ преосвященному Оеофилакту, по требованію его, архіепископомъ Варлаамомъ, а преосвященнымъ Ѳеофилактомъ Святѣйшему Синоду, Варлаамъ объяснялъ, что получивъ означенное отношеніе въ полночь съ 13 на 14 Іюля онъ отправился на другой день въ каѳедральный соборъ и тамъ со всѣми членами Консисторіи и со всѣмъ народомъ учинилъ по приложенной формѣ на послушаніе новому правительству присягу; а притомъ отслужилъ литургію и молебенъ, съ воспоминаніемъ имени того императора; что наблюдалъ и въ другое при священнослуженіяхъ время». О подобномъ же исполненіи и во всей епархіи предписано по резолюціи его изъ Консисторіи всѣмъ подвѣдомственнымъ мѣстамъ и лицамъ.

Преосвященный Ѳеофилактъ требовалъ, между прочимъ, чтобы ему доставлены были двѣ проповѣди, которыя говорилъ соборный священникъ Піучевскій въ дни рожденія французскаго императора и императрицы, что—какъ оказывается—было 3 и 13 чиселъ Августа. Архіепископъ Варлаамъ отвѣчалъ, что «проповѣди на вышеупомянутые два дни, по требованію правительства, назначены были соборному протоіерею и ключарю: но какъ они за краткостію времени сдѣлать того не успѣли, то онъ, архіепископъ, опасаясь истязаній, велѣлъ поспѣшнѣе списать печатныя, съ отмѣною нѣкоторыхъ словъ и со включеніемъ имени французскаго императора, разумѣя, что онѣ будутъ тоже, что и церковныя молитвы, въ коихъ его мы поневолѣ воспоминали. Когда же тѣ проповѣди были священникомъ Піучевскимъ въ церкви прочитаны, я велѣлъ ихъ истребить, дабы не осталось и слѣда изъ того, чѣмъ духовенство наше принуждено было украшать празднество своего сопостата»[1]). Архіепископъ Варлаамъ ссылался на прежніе опыты своей вѣрности, когда, бывши настоятелемъ Виленскаго свято-духова монастыря, отказался въ 1799 г. дать присягу польскому королю и Рѣчи Посполитой и заявлялъ, что онъ обязательство вѣрноподданнаго по наружности нарушилъ, дабы въ самомъ дѣлѣ тѣмъ паче ихъ выполнить, сохраняя въ спокойствіи и тишинѣ врученную ему отъ Монарха церковь.

---

[1]) По разслѣдованіи однакоже оказалось, что эти проповѣди были его архіепископа сочиненія. Первая изъ нихъ заканчивалась обращеніемъ къ Наполеону въ слѣдующихъ выраженіяхъ: На комъ болѣе дѣйствуетъ Всевышній Промыслъ, какъ не на великомъ Наполеонѣ? Предпріятія его чрезвычайны, подвиги велики, дѣла преславны, событія дальновидныхъ его намѣреній приводятъ въ удивленіе всю вселенную».

Изложивъ все это въ донесеніи Святѣйшему Синоду, Ѳеофилактъ писалъ къ князю Голицыну отъ 2 Января 1813 г. «Патріотическая и преданная Государю душа Вашего Сіятельства содрогнется при чтеніи препровождаемыхъ при семъ бумагъ. Я очень доволенъ самимъ собою, что поспѣшилъ пріѣздомъ въ Могилевъ, безъ чего Высочайшая воля осталась бы въ половину только выполненною и на сіе не требовалось бы весьма много времени. Врасплохъ забранныя бумаги обнаружили все, и не мало хитростей было употребляемо, чтобъ выманить ихъ изъ моей канцеляріи».

«По гражданской части всѣ слѣды закрыты и Гражданскій Губернаторъ графъ Толстой, зная совершенно, кто былъ измѣнникомъ, но неволѣ продолжаетъ служить съ ними. Великій соблазнъ, ежели по духовной только части присягавшіе на вѣрность Чудовищу, воспріимутъ мзду свою, а свѣтскіе останутся въ службѣ наряду съ истинными вѣрноподданными».

«Изъ числа первѣйшихъ агентовъ бывшаго Французскаго Правительства суть: *Лускина*, презусъ 2-го Департамента Главнаго Суда, могилевскаго повѣта Маршалъ Иванъ *Маковецкій*, здѣшній каноникъ *Масвскій*, который и епископа своего номината совратилъ съ пути истиннаго и обольстилъ архіепископа Варлаама. Обольщенные имъ два начальника нашего и католическаго духовенства были отличены весьма милостивыми пріемами маршала *Даву* и князя *Понятовскаго* и, по общему здѣшнему заключенію, подписались и подъ конфедераціею Польши [1]). По Полоцкой губерніи вѣрность свою къ Престолу доказали Полоцкіе іезуиты и извѣстный Вашему Сіятельству тамошній архіерей *Красовскій* [2]), а по Могилевской одни только іезуиты, въ Оршѣ находящіеся. Сіи замѣтя, что назначенный быть при приводѣ ихъ къ присягѣ больше любитъ свой, нежели Наполеоновъ интересъ, избавились отъ присяги подкупомъ».

«По Могилевской епархіи наше духовенство спаслось отъ нарушенія вѣрности къ Государю только въ Витебской губерніи, ко-

---

[1]) Преосвященный доставилъ между прочимъ «Рѣчь къ Наполеону отъ депутатовъ Могилевской губерніи Прозора, Крогера, Киркара и Сабанскаго, произнесенную первымъ изъ нихъ въ Смоленскѣ. Рѣчь начиналась такъ: Государь! Неудобопонятными происшествія, съ удивительною стремительностію послѣдовавшія, достигли до сей нѣкоіи свободной земли, коея обитатели, удручаемые сорокалѣтнимъ тиранствомъ сосѣдей— нѣкогда своихъ данниковъ, не переставали устремлять слезъ преисполненные глаза къ колыбели ихъ отечества» и т. д.

[2]) Достойнѣйшій Полоцкій уніатскій архіепископъ Іоаннъ *Красовскій*.

торая составляетъ не больше 5-й части епархіи. Причиною сего полагается случившійся на то время тамъ недостатокъ въ расположенныхъ къ революціи, каковыхъ въ Могилевской, къ несчастію, очень много нашлось».

6-го Января преосвященный Ѳеофилактъ выѣхалъ изъ Могилева въ Смоленскъ и 7 Января писалъ къ князю Голицыну: «Въ Смоленскѣ расположился жить опять вмѣстѣ съ г. Каверинымъ, съ коимъ одна только дверь меня раздѣляетъ. Къ утѣшенію узналъ я, что и почтовое сообщеніе здѣсь открыто. Въ Могилевѣ ничто такъ меня не затрудняло, какъ упрямство преосвященнаго Варлаама, котораго, для облегченія тамошней консисторіи, прошу покорнѣйше Ваше Сіятельство, или вызвать въ С.-Петербургъ, или перевесть въ другую какую нибудь епархію. Его и прежде не любили, а теперь и свѣтскіе и духовные возстали противъ него, иные для прикрытія своего вѣроломства, а другіе и изъ чистыхъ побужденій. —Хотя я не долго пробылъ въ Могилевѣ, но изъ обращенія съ благомыслящими могъ замѣтить, что для тамошней епархіи необходимо нуженъ архіерей изъ великороссіянъ, не молодой и не старый, короче сказать опытный и дѣятельный (Ѳеофилактъ указывалъ на Тульскаго преосвященнаго Амвросія). Могилевская епархія до того разстроена, что обыкновенный, но благонамѣренный архіерей чрезъ годъ прослыветъ фениксомъ. Общій всѣхъ тамошнихъ разговоръ: какого намъ ни дадутъ Владыку, всякій будетъ лучше Варлаама».

«Могилевская епархія раззорена нравственно, но физически весьма сбережена. Французы дѣйствительно поступали въ ней, какъ въ своей землѣ. Они также щадили по какимъ-то причинамъ и Минскую епархію. Есть по мѣстамъ значительныя потери, но это тамъ, гдѣ происходило сраженіе или отъ личнаго поляковъ неудовольствія на какого нибудь помѣщика, какъ сбылось сіе надъ Могилевскимъ губернаторомъ, коего деревни совершенно разграблены, однакожъ не сожжены, за уходъ его изъ губерніи, вслѣдъ за арміею покойнаго князя Багратіона».

Смоленскіе жители — прибавлялъ онъ — удивились, что изъ гнѣзда измѣнниковъ возвратился я невредимъ. Они передъ поѣздкою не совѣтовали пускаться туда безъ вооруженныхъ проводниковъ, но я положился на власть Божію».

Ѳеофилактъ безпокоился за свои бумаги, отправленныя изъ Могилева къ князю Голицыну и 16 Января писалъ къ нему:

«Успокойте меня, дошли ли до Васъ бумаги мои изъ Москвы? Я отдалъ ихъ на тамошнюю почту съ роспис憂; по послѣ узналъ, что и самъ почтмейстеръ съ своимъ помощникомъ присягали на вѣрность Наполеону. Взять же ихъ съ собою въ Смоленскъ не отважился, для того, чтобъ не отбили ихъ у меня на дорогѣ и съ самимъ мною не сдѣлали бы чего. Здоровье мое, благодаря Бога, еще не останавливаетъ въ занятіяхъ. Часто сержусь на медленность и неисправность здѣшняго мѣстнаго начальства, но скоро и успокоиваюсь сею мыслію: нельзя ни отъ кого требовать того, что кому не дали Богъ и природа. По окончаніи Дорогобужскаго и Красновскаго уѣздовъ немедленно примусь за архіерейскій домъ и монастыри».

Князь Голицынъ письмомъ отъ 4 Февраля выразилъ ему благодарность въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. «Я не могу иначе начать моего письма, какъ изъявленіемъ истинной признательности за всѣ Ваши благоразумныя распоряженія по возложенной коммиссіи. Духовенство раззоренныхъ епархій, послѣ всѣхъ несчастій, испытанныхъ отъ варварскаго оружія непріятеля, должно считать себя счастливымъ, имѣя въ Васъ прозорливаго попечителя. Самъ Богъ да воздастъ Вамъ по достоинству. Я уповаю на благость Его, что Онъ сохранитъ Ваше здоровье и даруетъ Вамъ силы на перенесеніе предлежащихъ трудовъ. Продолжайте, преосвященнѣйшій Владыко, успокоивать страждущее человѣчество, напаче не щадите денегъ. Святѣйшій Синодъ сверхъ требуемаго Вами количества, призналъ нужнымъ нѣсколько прибавить, какъ Вы усмотрите изъ посылаемаго нынѣ же указа».

Изъ Смоленска преосвященный Ѳеофилактъ отправился въ Калугу и образовалъ тамъ временную коммиссію для собранія необходимыхъ свѣдѣній о нуждахъ духовенства—въ пострадавшихъ отъ непріятеля уѣздахъ. Собственно Калуга не пострадала, потому что въ ней непріятель не былъ, но пострадали уѣзды Боровскій, Малоярославецкій и Медынскій. По оказаніи помощи раззоренному духовенству, Ѳеофилактъ сдѣлалъ распоряженіе объ исчисленіи суммы на возобновленіе Боровскаго и Малоярославецкаго монастырей, объ очищеніи семинаріи отъ госпиталей и открытіи въ ней ученія и поправилъ тихимъ образомъ возникшія было непріятности между Консисторіею и преосвященнымъ [1]).

[1]) «Препровождаемыми при семъ бумагами, писалъ Ѳеофилактъ къ кн. Голицыну 5 Февр. 1813 г. изъ Калуги, я могъ бы закрыть Коммиссію по Калужской епархіи, но

По возвращеніи въ Смоленскъ, Ѳеофилактъ продолжалъ заниматься разсмотрѣніемъ доставляемыхъ свѣдѣній и дѣлалъ распоряженія по епархіямъ Смоленской, Могилевской, Минской и Волынской. «Изъ Авраміева монастыря,—писалъ онъ къ князю Голицыну 13 Марта,—и изъ семинаріи дали мнѣ слово плѣнныхъ французовъ вывести въ первыхъ числахъ Апрѣля; смѣта же на остальные (Смоленскіе) монастыри также составляется подъ моимъ распоряженіемъ по причинѣ совершенной неспособности шефа Смоленскаго духовенства къ правленію» [1]). «Отъ Васъ зависитъ также помочь бѣдной Могилевской епархіи назначеніемъ въ опую начальника и отвращеніемъ притѣсненій тамошней семинаріи отъ воинскихъ командъ. Непріятели несравненно болѣе щадили оную».

Во всю бытность свою въ Смоленскѣ преосвященный Ѳеофилактъ жилъ въ одномъ домѣ и работалъ вмѣстѣ съ сенаторомъ П. Н. Каверинымъ, которому, по распоряженію Комитета Министровъ, поручена была такая же Коммиссія вспомоществованія жителямъ раззоренныхъ губерній. Помогая другъ другу въ работѣ, они утѣшали и ободряли другъ друга въ тягостяхъ, неудачахъ и огорченіяхъ. Отписывая къ князю Голицыну о ходѣ своихъ дѣлъ, преосвященный Ѳеофилактъ сообщалъ иногда и о положеніи дѣлъ по части Каверина. Такъ отъ 27 Марта онъ писалъ: «Около 4 мѣсяцевъ хлопочетъ онъ съ дворянскою Коммиссіею и безъ пользы. Къ недостатку свѣдѣній о бѣдствующихъ присоединился недостатокъ и въ деньгахъ. Изъ обѣщанныхъ Министерскимъ комитетомъ 5 милліоновъ рублей еще ни одинъ сюда не пришелъ. На мѣстѣ П. Н. я сказался бы больнымъ еще въ Декабрѣ или сталъ бы дѣйствовать безъ всякаго (дворянскаго) Комитета. Въ крутыхъ обстоятельствахъ надобно дѣлать, а не разсуждать. Когда зданіе какое горитъ, тогда неумѣстны совѣщанія. Обѣщанные 5 милліоновъ сравнились бы съ 15 милліонами, ежели бы присланы были въ началѣ сего года. На дняхъ П. Н. располагаетъ уѣхать въ Калугу

остановили меня жалобы присутствующихъ и Секретаря Консисторіи на самоправное и тяжкое правленіе ихъ шефа. Такъ какъ жалобы сіи происходятъ не отъ личности, а отъ желанія порядка, то я надѣюсь успокоить ихъ безъ малѣйшей огласки. Секретарь располагалъ послать къ Вашему Сіятельству протестъ, но я уговорилъ его повременить онымъ, сказавъ ему, что онъ успѣетъ сдѣлать сіе и тогда, когда представится мнѣ совершенная невозможность поправить самонужнѣйшее тихимъ образомъ».

[1]) Въ іюлѣ 1813 г. преосв. Ириней по прошенію уволенъ отъ управленія Смоленскою епархіею и опредѣленъ на прежнее мѣсто коадъютора Кіевской митрополіи.

для отдыха и пробудетъ тамъ вѣроятно до первыхъ чиселъ Мая. Я безъ него осиротѣю. Съ многоглаголивыми и добросердечными люблю я проводить время, а Вашему Сіятельству извѣстно, что въ немъ то и другое находится» [1]).

Ѳеофилактъ еще съ половины Марта началъ проситься въ Петербургъ, но князь Голицынъ удерживалъ его въ Смоленскѣ. 31 Марта онъ написалъ Голицыну, что успѣлъ закончить всѣ дѣла по Могилевской и Волынской епархіямъ и что кажется пѣтъ причинъ держать его въ Смоленскѣ долѣе Ооминой недѣли. Однакожъ князь Голицынъ продержалъ его въ Смоленскѣ весь Апрѣль [2]).

Наконецъ уже въ Маѣ 1813 г. онъ возвратился изъ своей командировки въ С.-Петербургъ, а 19 Мая уже участвовалъ въ засѣданіи Святѣйшаго Синода, въ которомъ состоялись окончательныя постановленія объ архіепископѣ Варлаамѣ и виновныхъ въ одинаковомъ съ нимъ преступленіи священнослужителяхъ Могилевской епархіи. По Высочайше утвержденному докладу Святѣйшаго Синода постановлено было: «архіепископа Варлаама, яко оказавшагося явнымъ клятвопреступникомъ и потому петерпимаго болѣе въ семъ санѣ, лишить архіепископства и священства, оставивъ только въ монашескомъ чинѣ, и пребываніе имѣть ему въ Новгородъ-Сѣверскомъ Спасскомъ монастырѣ Черниговской епархіи, а участвовавшихъ въ таковомъ же съ нимъ преступленіи священнослужителей привесть всѣхъ вновь къ присягѣ на всеподданническую вѣрность законному своему Государю и разрѣшивъ священнослуженіе, кому оное было запрещено, поручить потомъ очищеніе совѣсти ихъ духовнымъ ихъ отцамъ, по такимъ, которые съ ними въ противозаконной присягѣ не участвовали. Исполненіе о лишеніи архіепископа Варлаама архіерейскаго сана и священства поручено было Черниговскому архіепископу Михаилу и указана форма обряда, который при этомъ соблюсти надлежало.—Въ указѣ преосвященному Михаилу сказано было, что «когда архіепископъ Варлаамъ доставленъ къ нему будетъ, въ то время по сношенію съ гражданскимъ губернаторомъ назнача день, собрать въ каѳедральный соборъ монастырскихъ настоятелей и градское духовенство, а потомъ введя въ оный его, архіепископа, въ полномъ архіерейскомъ облаченіи и поставя по-

[1]) См. также «Донесенія сенатора Каверина Государю Императору» 15 Февр. 1813 г. въ Русск. Арх. 1871 г., стр. 1612—1636.

[2]) Дѣла Канц. Об. Прок. №№ 4482, 4486, 4487 и 4492.

среди церкви объявить прочтеніемъ чрезъ консисторскаго секретаря Высочайше конфирмованный докладъ, а по объявленіи, снявъ съ него чрезъ ключаря съ протодіакономъ все архіерейское облаченіе съ знаками ордена Св. Анны 1 ст. и возложа приличное монаху одѣяніе, обязать подпискою, чтобы онъ отнынѣ впредь не токмо архіереемъ, но ниже іеромонахомъ отнюдь ни подъ какимъ видомъ ни письменно, ни словесно не именовался и не писался. Печальный обрядъ снятія сана совершенъ 29 Іюня [1]).

Въ положеніи Ѳеофилакта, повидимому, не произошло никакой перемѣны; напротивъ, онъ получалъ награду за наградой. 30 Августа 1812 года онъ получилъ Александровскій орденъ; въ Пасху 1813 г. брилліантовый крестъ на клобукъ. Въ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ онъ продолжалъ трудиться съ такою же, какъ прежде, неутомимою ревностію. 6 Іюня онъ внесъ въ Коммиссію составленный по порученію ея проэктъ штата для церковныхъ причтовъ. Въ этомъ проэктѣ онъ рельефно выставилъ неудобства предположеннаго Комитетомъ 1807 года распредѣленія церквей на классы на основаніи получаемаго духовенствомъ годоваго денежнаго дохода и предложилъ сдѣлать это распредѣленіе сообразно нуждамъ и пользамъ епархіальнаго управленія, именно назначить первоклассными тѣ церкви, отъ коихъ священнослужители опредѣляются по епархіальному управленію въ присутствующіе консисторіи и духовныхъ правленій, по училищному—въ ректоры и профессоры; второклассными тѣ, при которыхъ должны состоять благочинные; третьеклассными всѣ городскія губернскія и уѣздныя; четвероклассными—всѣ сельскія церкви. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представилъ соображенія о порядкѣ осуществленія этого проэкта сообразно съ постепеннымъ преобразованіемъ учебныхъ округовъ и о необходимыхъ приготовительныхъ мѣрахъ для его выполненія,—именно объ истребованіи отъ преосвященныхъ свѣдѣній, какимъ церквамъ быть въ 1, 2 и 3 классахъ, отъ какихъ церквей удобнѣе опредѣлять въ присутствующіе консисторіи, духовныя правленія и благочинные, въ ректоры и смотрители училищъ и профессоры семинарій и пр. Коммиссія внесла это предположеніе въ Святѣйшій Синодъ для истребованія означенныхъ свѣдѣній изъ

[1]) Дѣло арх. Св. Синода 1812 г., № 972.

епархій приписанныхъ къ С.-Петербургскому и Московскому округамъ [1]).

Между тѣмъ въ это время произошла странная исторія, которая останется темнымъ пятномъ на памяти лицъ, бывшихъ виновниками ея, принимавшихъ участіе въ ней.

При самомъ началѣ занятій по профессорской каѳедрѣ въ академіи, Ѳеофилактъ поручилъ студентамъ перевесть на русскій языкъ эстетическія разсужденія Ансильйона, какъ «занимающія между теоріями прекраснаго и высокаго весьма значительное мѣсто» и, когда переводъ былъ сдѣланъ, предложилъ Коммиссіи напечатать эту книгу или позволить ему издать ее на собственный его счетъ. Коммиссія затруднялась одобрить этотъ переводъ къ напечатанію и чтобы не подвергать его процедурѣ общей цензуры, постановила правиломъ «дабы всякое сочиненіе членовъ Коммиссіи или переводъ собственно ими, или подъ ихъ руководствомъ сдѣланный, былъ разсматриваемъ однимъ изъ членовъ по ея назначенію» и въ силу этого правила поручила разсмотрѣніе перевода эстетическихъ разсужденій Ансильйона члену своему протопресвитеру Криницкому [2]). Какія были потомъ объясненія у Криницкаго съ Ѳеофилактомъ, мы не знаемъ; но въ Іюлѣ 1813 г. Ѳеофилактъ внесъ въ Коммиссію слѣдующее предложеніе: «Долгое время не видя никакого отзыва на счетъ перевода Ансильйона, я словесно просилъ отца духовника (протопресвитера Криницкаго) отдать мнѣ его обратно, въ чемъ онъ меня и удовлетворилъ. Поелику же переведенная книга, по содержанію своему, не подлежитъ разсмотрѣнію духовной цензуры для изданія оной въ свѣтъ, да и предлагаема была мною не для того, чтобы получить дозволеніе напечатать ее, но чтобы ввести ее въ высшія духовныя училища въ родѣ книги вспомогательной, то я подвергъ переводъ Ансильйона разсмотрѣнію гражданской цензуры, съ дозволенія коей нынѣ уже и печатается». Духовникъ Кринцкій заявилъ при этомъ, что нужно было только исправить нѣкоторыя мѣста и что къ напечатанію нѣтъ препятствій. Ѳеофилактъ отвѣчалъ, что таковыя исправленія имъ, преосвященнымъ, уже сдѣланы.

Повидимому ни въ предложеніи Ѳеофилакта, ни въ образѣ его дѣйствій не было ничего особеннаго, что могло бы представлять какія либо опасенія или возбуждать тревогу. Но вышло иначе.

[1]) Ж. К. Д. У. 6 Іюня 1813 г., ст. 1 и 5 Авг., ст. 8.
[2]) Ж. К. Д. У. 17 Дек. 1810 г., ст. 40.

Разыгралось страшное дѣло, вызванное затаенною местію Ѳеофилакту и унизившее его безпощадно до крайней степени.

Ректоръ академіи, архимандритъ Филаретъ, основавшись на томъ, что на заглавномъ листѣ книги она названа переводомъ студентовъ С.-Петербургской духовной академіи [1]), написалъ на нее пространныя замѣчанія и, не выступая своимъ лицомъ, просилъ митрополита Амвросія дать ходъ этому дѣлу отъ своего имени и лица. Когда все было подготовлено, митрополитъ Амвросій 24 Сентября 1813 г. далъ предложеніе Академическому Правленію, которымъ поручалъ: ректору представить свои замѣчанія на эту книгу, съ мнѣніемъ, слѣдуетъ-ли ее употреблять на лекціяхъ, отъ Леонида взять показаніе, съ чьего дозволенія и почему онъ приступилъ къ такому употребленію ея на лекціяхъ; отъ студентовъ (Павскаго, Кутневича, Малова и др.) отобрать объясненіе—по собственному или по постороннему какому либо убѣжденію они упражнялись въ переводѣ этой книги; между тѣмъ отобрать ее у студентовъ и употребленіе въ классѣ воспретить.

4 Октября митрополитъ Амвросій внесъ эти замѣчанія въ Коммиссію, которая, устранивъ преосвященнаго Ѳеофилакта (11 Октября) отъ совѣщаній по этому предмету, признала дѣйствія его несообразными. Но съ опредѣленіемъ ея (т. е. собственно двухъ членовъ ея—митрополита Амвросія и князя Голицына) не согласились духовникъ П. В. Криницкій и оберъ-священникъ И. С. Державинъ, которые подали особыя мнѣнія. Криницкій писалъ: «Критика должна быть проста и ясна: сего я въ замѣчаніяхъ ректора академіи архимандрита Филарета не нахожу; а напротивъ того замѣчанія наполнены то вопросами, сомнѣнію подлежащими, то замѣчаніями софистическими, да и написаны въ противность § 5 проэтка устава духовныхъ Академій, въ которыхъ сказано: предложеніе архіерея правленіе разсматриваетъ и рѣшаетъ согласно § 129 начертанія правилъ, съ таковымъ дополненіемъ, чтобы неупустительно извѣщало Коммиссію и о тѣхъ предложеніяхъ, которыя исполняются по общему членовъ согласію. Но о томъ, писать ли замѣчанія или нѣтъ, въ Коммиссіи и разсуждаемо не было, и что еще дерзновен-

[1]) Полное заглавіе книги: «Эстетическія разсужденія г. Аншльйона, Члена Королевской Академіи Наукъ въ Пруссіи, переведены съ французскаго языка г.г. студентами С.-Петербургской духовной академіи, въ пользу любителей прекраснаго и высокаго, подъ руководствомъ Синодальнаго Члена, преосвященнаго Ѳеофилакта, архіепископа Рязанскаго. СПб. Въ типографіи Іоаннесова. 1813 г. Цензоръ И. Тимковскій».

нѣе — помянутыя замѣчанія безъ рѣшенія Коммиссіи Духовныхъ Училищъ уже и напечатаны,[1]) и уже продаются. Кто бы подумалъ, что учитель истинной богословіи позабылъ сіи святыя нашея вѣры предписанія: «Всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется». Сколько такой примѣръ дурной, вредный и, что всего болѣе, опасный!» Оберъ-священникъ И. С. Державинъ заявлялъ, между прочимъ, что «дать неоспоримую достовѣрность замѣчаніямъ о. ректора академіи Филарета и основать заключеніе свое по единственному содержанію оныхъ, что книга сія заключаетъ въ себѣ пантеизмъ [2]) или натурализмъ, не отобравъ отъ издателя сея книги преосвященнаго архіепископа Ѳеофилакта о точности разума выставленныхъ сомнительныхъ пунктовъ объясненія или опроверженія на сдѣланныя о. ректоромъ замѣчанія и безъ существеннѣйшаго, черезъ сложеніе того и другаго, изысканія истины, справедливымъ и съ законами согласнымъ онъ не находитъ». «Я не могу не присовокупить —писалъ онъ въ заключеніе своего мнѣнія—что замѣчанія о. ректора академіи Филарета извлечены во многихъ мѣстахъ изъ однихъ словъ, безъ соображенія съ связію полнаго смысла, и вообще слабы и неудовлетворительны».

Ѳеофилактъ представилъ на замѣчанія Филарета свои *опроверженія*, но Коммисія не приняла ихъ въ уваженіе. Между тѣмъ, по случаю происшедшаго несогласія въ мнѣніяхъ членовъ Коммиссіи, князь Голицынъ представилъ это обстоятельство на Высочайшее разрѣшеніе. Высочайшее повелѣніе по этому предмету состоялось такое, чтобы архіепископа Рязанскаго не допускать къ напечатанію опроверженія его [3]). Но мнѣнія духовника Его Величества Криницкаго и оберъ-священника Державина уважены въ томъ отношеніи, что опредѣленіе Коммиссіи относительно замѣчанія преосвященному Ѳеофилакту о несообразности его поступка и представленія о томъ Святѣйшему Синоду оставлены безъ дѣйствія.

Необычайное событіе это обратило на себя общее вниманіе. Попечитель С.-Петербургскаго Учебнаго Округа (впослѣдствіи Министръ Народнаго Просвѣщенія) Уваровъ писалъ 18 Ноября къ

[1]) Примѣчанія напечатаны были въ количествѣ 600 экземпляровъ. Переписка арх. Филарета съ гр. С. П. Потемкинымъ по поводу напечатанія этихъ примѣчаній въ Русск. Стар. 1883 г., т. 38, стр. 47—49.

[2]) Припомнимъ, что Ѳеофилактъ обвинялъ Филарета въ пантеизмѣ.

[3]) Напечатаны впослѣдствіи, вмѣстѣ съ замѣчаніями Филарета, въ Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. 1871 г., кн. 1, стр. 179—209.

барону Штейну: «На дняхъ у насъ было пререканіе самое соблазнительное, между архіепископомъ и ректоромъ духовной академіи, въ коемъ оба были неправы. И это изъ-за плохой книги Апепльйона. Право было бы нужно, чтобы этотъ споръ сдѣлался извѣстнымъ въ истинномъ его свѣтѣ; ибо я увѣренъ, что Императоръ, если и узнаетъ объ этомъ, то весьма отрывочно. Наконецъ все разсказать было бы слишкомъ длинно. Animus meminisse horret [1]).

Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовалъ Высочайшій указъ на имя Ѳеофилакта: «Находя полезнѣйшимъ для епархіи пребываніе въ оной архипастыря, повелѣваю вамъ отправиться нынѣ же къ паствѣ вашей, впредь до указа». Высочайшій указъ подписанъ Государемъ 11 Ноября въ Франкфуртѣ на Майнѣ [2]). 2-го Декабря князь Голицынъ предложилъ объ этомъ Синоду, а въ половинѣ Декабря Ѳеофилактъ отправился въ свою епархію [3]). Привлеченный къ отвѣтственности помощникъ его по профессорству архимандритъ Леонидъ внезапно скончался 23 Ноября.

Въ Маѣ 1814 года Ѳеофилактъ прислалъ князю Голицыну «проповѣдь, говоренную имъ 3 Мая по полученіи радостнѣйшихъ

---

[1]) Русск. Арх. 1871 г., стр. 0131.

[2]) Весь этотъ годъ Государь находился за границей, куда перенесена была война, въ союзѣ съ Пруссіей и потомъ съ Австріею, до взятія Парижа 18 Марта 1814 г. Бывшій во все это время при Государѣ, Аракчеевъ писалъ отъ 1 Ноября 1813 г. изъ Франкфурта на-Майнѣ къ Пуколову: «множество коронованныхъ и старыхъ владѣтельныхъ лицъ пріѣхало. Сегодня былъ обѣдъ у Государя. Былъ Австрійскій Императоръ, братъ его, великій герцогъ Вюрцбургскій и потомъ прочіе владѣтельные князья и князьки, всѣхъ число до 18 человѣкъ; а Прусскаго Короля еще нѣту: онъ поѣхалъ изъ Лейпцига въ Берлинъ. А равно на сихъ дняхъ будутъ сюда Короли Баварскій и Виртенбергскій. Вотъ мы какъ здѣсь живемъ: иначе никого не видимъ какъ королей и князей». Въ эти самые дни, и только что не въ тотъ день, которымъ помѣчено письмо Аракчеева, Государь подписалъ доклады кн. Голицына о недопущеніи Ѳеофилакта къ напечатанію опроверженія его (на примѣчанія Филарета) и увольненіи его изъ Синода и К. Д. У. въ епархію.

Оскорбленный и униженный княземъ Голицынымъ, Ѳеофилактъ искалъ защиты предъ Государемъ у Аракчеева. Въ письмѣ отъ 19 Ноября къ Пуколову Аракчеевъ благодарилъ его «за сообщеніе возставшихъ злыхъ каверзъ на почтеннаго намъ знакомаго пастыря. Я не упущу случая воспользоваться, дабы нѣсколько словъ на сей счетъ сказать. Дай Богъ только-бы мнѣ удалось примѣтить удобный къ оному часъ, ибо я такого всегда правила, что надобно сказать въ такое время, которое видишь, что посѣянныя слова произведутъ плодъ, а безъ онаго лучше ждать, чѣмъ пустословить».

Отъ 25 Января слѣдующаго 1814 г. увѣдомлялъ Пуколова, что «къ преосвященному Ѳеофилакту писалъ письмо въ отвѣтъ на его письмо, писанное 6 Декабря» (Русск. Арх. 1891 г., I, стр. 132—135). Не въ этой ли близости Ѳеофилакта къ Аракчееву нужно искать разгадки, отчего кн. Голицынъ, прежде такъ высоко цѣнившій его заслуги и осыпавшій его знаками вниманія, вдругъ и такъ рѣзко отвернулся отъ него.

Амвросій и Филаретъ повидимому были только орудіемъ для цѣли, которая намѣчена была не ими.

[3]) Дѣло Арх. Св. Син. 1813 г., № 760.

извѣстій о занятіи Парижа союзными войсками, о низложеніи Наполеона съ престола и обращеніи французскаго народа къ законному Государю» и объяснивъ въ письмѣ, что она не могла быть вся сказана по ея обширности, просилъ исходатайствовать у Святѣйшаго Синода дозволеніе на изданіе ея въ свѣтъ. Спачала разсмотрѣніе ея поручено было присутствующему въ Синодѣ Минскому архіепископу Серафиму, а потомъ, по поводу сдѣланныхъ имъ и словесно предложенныхъ замѣчаній, она читана въ собраніи Синода и къ печатанію не одобрена «по многимъ, какъ сказано въ опредѣленіи Святѣйшаго Синода 8 Іюня—3 Августа, уваженіямъ, изъ коихъ главнѣйшія суть слѣдующія: 1) начальный въ словѣ текстъ Второзаконія 6-й главы, содержащій слова Моисеевы къ Израильскому народу приложить къ Россіи и вывесть изъ сихъ словъ поученіе для россійскаго народа было приличпо случаю и обстоятельствамъ; но простирать изъ того приложенія ученіе къ обязанностямъ предержащей власти и въ особенности представлять картину властолюбиваго народоправителя вовсе не умѣстно: ибо пастырское слово должно ограничиваться назидательностію только пасомыхъ; 2) мысль, что *отъ народнаго могущества и богатства часто бываетъ одинъ только шагъ къ притѣсненію*, содержитъ не что иное, какъ только темное политическое примѣчаніе, чуждое силы духовнаго ученія; 3) раздѣленіе честолюбія на два рода, на *законное* и *беззаконное*, есть такое мудрованіе, которое можетъ быть терпимо только въ мірскомъ моралистѣ, а проповѣдникъ слова Божія, водимый Евангельскимъ духомъ, признаетъ честолюбіе безусловно за порокъ и остановится нарещи оный добродѣтелію великихъ душъ; 4) читая изложеніе признаковъ безразсудности честолюбія, порока, по выраженію въ словѣ, низкихъ душъ, и остановясь на словахъ: *но я содрогаюсь отъ одного воображенія о несчастіи той страны, гдѣ заблаговременно имъ не проникаютъ и не обуздываютъ* и проч., читатель не можетъ не подозрѣвать, что проповѣдникъ подъ такими чертами и представляетъ себѣ извѣстныя ему лица. Но таковое слово подходитъ подъ претительное правило, въ духовномъ регламентѣ постановленное; 5) въ ученіи, что *по всей строгости должна быть наказана щедрость неплатежемъ собственнаго долгу приводящихъ въ конечное разореніе своихъ заимодавцевъ* не представляетъ духовнаго убѣжденія, проповѣди свойственнаго, чтобы тако согрѣшающіе покаялись, но какбы износится только на таковыхъ приговоръ, долженствующій выходить

не изъ устъ проповѣдника, а отъ силы и дѣйствія гражданскаго законоположенія; 6) сказать что *убожество дѣлаетъ насъ малодушными, подлыми рабами и гнусными орудіями страстей другихъ*, не прибавивъ между тѣмъ *иногда* дѣлаетъ, значитъ назвать всѣхъ бѣдныхъ безъ разбору подлыми и презрѣнными..; 7) возвѣщая непреложную истину, что христіанскій народъ чтитъ Государя своего, яко Помазанника Божія, и срѣтаетъ въ немъ образъ самаго Божества, не надлежало приводить въ семъ мѣстѣ ни началъ земнаго мудрованія, ни мыслей лжефилософа какъ противоположныхъ той неприкосновенной истинѣ и какъ хульныхъ и нечестивыхъ; 8) нельзя допустить, чтобы—какъ въ томъ же мѣстѣ сказано—по откровенію первый Государь былъ избранный отъ народа, ибо откровеніе книги 1-й царствъ въ 9 и 10 гл. возвѣщаетъ, что первый Государь избранъ самимъ Богомъ; 9) послѣдующія за тѣмъ слова: *по несчастію народъ не всегда достоинъ бываетъ имѣть отца себѣ въ особѣ Государя, которого самая даже великость иногда становится бременемъ и тяжкимъ наказаніемъ за наши грѣхи* и проч. хотя образуютъ понятіе о Государѣ въ наказаніе народа данномъ, но понятіе, представляемое въ такомъ мракѣ, которымъ затмѣвается точная мысль таковыхъ глаголовъ, понятіе такое, которое съ тщательнѣйшимъ опасеніемъ должно охранять отъ невѣждъ; 10) далѣе мысли и уподобленія: «*ежели Государь подобно солнцу, каплями привлекаетъ къ себѣ сокровища народныя, то съ тѣмъ, чтобы его престолъ непрестанно окружали туманы и облака* и проч. болѣе темны, нежели назидательны; 11) по предыдущимъ примѣчаніямъ, да и вообще слово сіе походитъ болѣе на собраніе нравственно-политическихъ мнѣній, а меньше на нравственно-духовное ученіе, которое только и свойственно проповѣднику Слова Божія, по силѣ правилъ, въ духовномъ регламентѣ званію сему предписанныхъ». Посему не одобривъ означеннаго слова къ напечатанію, Святѣйшій Синодъ поручилъ князю Голицыну увѣдомить объ этомъ преосвященнаго Рязанскаго, «присоединя къ тому праведное ожиданіе Святѣйшаго Синода, что онъ, преосвященный, въ поученіяхъ своихъ имѣетъ слѣдовать пастырскому своему долгу, наполняя оныя истинами, словомъ Божіимъ утвержденными сообразно правиламъ, въ духовномъ регламентѣ о проповѣдникахъ напечатаннымъ».

---

[1]) Канц. Об. Прок. 1814 г., № 5571.

III.

Θеофилактъ — Экзархъ Грузіи.

Мы обозрѣли дѣятельность его въ Коммиссіи; но интересъ къ личности этого замѣчательнаго человѣка возбуждаетъ любопытство о его дальнѣйшей судьбѣ. Событія же его послѣдующей жизни сложились именно такъ, что дали ему возможность раскрыть во всей полнотѣ силу его могучаго характера.

Въ 1817 году Θеофилактъ назначенъ былъ экзархомъ Грузіи.

Это былъ край новый для Россіи. Присоединеніе его къ Россіи только что совершилось и въ управленіи имъ еще не установилось твердаго порядка. Во главѣ церковнаго управленія Грузіи стоялъ «такъ называемый католикосъ». Въ 1783 году, когда Карталинскій и Кахетинскій царь Ираклій 2-й призналъ верховную власть и правительство Россійскаго престола, Императрица Екатерина II 8-мъ пунктомъ постановленнаго 24 Іюля трактата [1]), повелѣла, чтобы главноначальствующій архіепископъ ихъ состоялъ мѣстомъ въ числѣ россійскихъ архіереевъ въ 8-й степени, именно послѣ Тобольскаго, пожаловавъ ему навсегда титулъ члена Святѣйшаго Синода. Во время окончательнаго присоединенія Грузіи къ Россіи въ 1801 году [2]) католикосомъ Грузіи былъ сынъ этого Ираклія предпослѣдняго царя Грузіи († 1798) и братъ послѣдняго царя Георгія († 1800) Антоній, управлявшій также, по смерти имеретинскаго католикоса [3]), церквами Имеретіи, Мингреліи и Гуріи.

---

[1]) Трактатъ или договоръ подписанъ 24 Іюля 1783 г. съ Русской стороны командующимъ войсками въ Астраханской губерніи, генер.-маіоромъ Павломъ Потемкинымъ, съ Грузинской — князьями И. К. Багратіономъ и Герсеваномъ Чавчавадзе. Трактатъ или договоръ состоялъ въ XIII пунктахъ или артикулахъ.

[2]) Манифесты о присоединеніи Грузіи 18 Генв. 1801 г. и о внутреннемъ управленіи въ Грузіи 12 Сент. 1801 г.

[3]) Послѣдній Имеретинскій католикосъ Максимъ, изъ рода князей Абашидзе, съ 1787 г. имѣлъ пребываніе въ Россіи — въ Москвѣ, въ Высокопетровскомъ монастырѣ: въ Сентябрѣ 1789 г. дозволено ему имѣть пребываніе въ Астрахани съ сохраненіемъ Высочайше назначеннаго содержанія по 1200 р. въ годъ; въ 1793 г. находился въ Кіево-Печерской Лаврѣ, гдѣ и скончался 30 мая 1795 г. (Арх. Св. Синода 1787 г., № 305).

Императоръ Александръ I, исполняя волю покойнаго Родителя Своего, въ уваженіе къ роду его, пожаловалъ ему въ 1802 года орденъ Александра Невскаго и бѣлый клобукъ съ брилліантовымъ крестомъ и серафимами на воскриліяхъ [1]).

Съ подчиненіемъ Грузіи Россіи, учреждено было въ Тифлисѣ «Верховное Грузинское правительство», а въ уѣздахъ, на которые раздѣлена была Грузія, уѣздныя присутственныя мѣста по образцу русскихъ учрежденій. Но духовная часть оставалась въ томъ же положеніи, въ какомъ находилась до присоединенія Грузіи. Въ Іюнѣ 1809 года главноначальствовавшій тогда въ Грузіи генералъ отъ кавалеріи Тормасовъ, сообщая князю Голицыну о неустроенномъ состояніи духовной части, предлагалъ учредить въ Тифлисѣ для грузинскаго духовенства подъ предсѣдательствомъ католикоса дикастерію на одинаковомъ основаніи съ россійскими, вмѣнивъ ей въ обязанность пещись о порядкѣ тамошнихъ церквей и привесть въ ясность число духовенства въ Грузіи. Но въ приложенной къ отношенію Тормасова запискѣ католикоса, Тифлисская дикастерія получала иной видъ, не похожій на русскія дикастеріи. Католикосъ полагалъ образовать это правительственное учрежденіе изъ президента, вице-президента и трехъ присутствующихъ членовъ по выбору духовенства. Президентомъ полагалъ быть онъ самъ съ тѣмъ, чтобы управлять ни отъ кого независимо; а на должность вице-президента просилъ назначить такого, который бы могъ послѣ него заступить мѣсто президента и указывалъ для сего на члена Святѣйшаго Синода, грузинскаго архіепископа Варлаама, который, какъ бывшій въ Россіи, знаетъ уже весь порядокъ дѣлъ, до духовнаго правленія относящихся. Но дѣло въ этомъ направленіи не имѣло хода, потому что католикосъ полагалъ учредить въ Грузіи что-то въ родѣ Синода, а въ намѣреніи правительства было подчинить Грузинскую церковь русскому Святѣйшему Синоду.

---

[1]) Царевичъ Антоній прибылъ въ Россію въ санѣ архидіакона; 25 Марта 1786 г. С.-Петербургскимъ митрополитомъ Гавріиломъ посвященъ въ іеромонаха; 9 Апр. въ Большой придворной церкви, въ присутствіи Императрицы произведенъ въ архимандрита; 1 Іюня посвященъ въ Царскосельской придворной церкви на праздную Иннокентіевскую каѳедру въ санъ архіепископа, но оставался въ Россіи для обученія русскому языку и другимъ нужнымъ наукамъ и съ Высочайшаго соизволенія имѣлъ пребываніе въ Кіевѣ; въ Ноябрѣ того же года по желанію Родителя католикосомъ переведенъ на праздную Алавердскую епархію митрополитомъ; въ Апрѣлѣ 1787 г. выбылъ изъ Кіева и имѣлъ пребываніе въ Кременчугѣ и Елисаветградѣ, гдѣ имѣлъ свиданіе съ Потемкинымъ; въ Іюнѣ 1788 г. отправился въ отечество, а въ слѣдующемъ году именованъ католикосомъ (Арх. Св. Син. 1786 г., № 313).

Князь Голицынъ предложилъ бумаги Тормасова Синоду, но при этомъ конфиденціально сообщилъ, что для положенія прочныхъ основаній устройства духовной части въ Грузіи и чтобы избѣжать письменныхъ сношеній по этому дѣлу съ католикосомъ, Государь намѣренъ вызвать его въ Россію.

Главноначальствующему въ Грузіи Тормасову поручено было сообщить объ этомъ католикосу; но католикосъ объявилъ, что «самъ онъ не въ силахъ предпринять столь отдаленнаго путешествія, а избралъ за мѣсто себя къ отправленію архіепископа Варлаама и перваго въ Грузіи архимандрита Досиѳея, какъ отличнѣйшихъ между грузинскимъ духовенствомъ».

Лицамъ этимъ впослѣдствіи суждено было играть значительную роль въ ходѣ грузинскихъ дѣлъ, а потому не лишне познакомиться съ ними поближе.

Варлаамъ происходилъ изъ рода князей Эристовыхъ и былъ въ Грузіи архіепископомъ Ахтыльскимъ. Въ 1794 году прибылъ изъ Грузіи въ Россію и указывая на то, что Грузія вступила подъ верховную власть и покровительство Россіи, а въ отечествѣ его нѣтъ знающихъ русскій языкъ, просилъ Московскаго митрополита Платона и Святѣйшій Синодъ дозволить ему жить въ Москвѣ для изученія русскаго языка, разумѣется въ качествѣ пансіонера русскаго правительства. Нашедши спокойное мѣсто, онъ и проживалъ спокойно до вступленія на престолъ Императора Павла. Но при концѣ царствованія этого Государя въ положеніи и судьбѣ его произошла неожиданная перемѣна. Въ 1801 году С.-Петербургскій митрополитъ Амвросій, не имѣвшій викарнаго, просилъ прикомандировать къ себѣ Варлаама, жившаго въ Москвѣ безъ всякаго дѣла, въ качествѣ викарнаго, въ помощь для священнослуженія и посвященія ставленниковъ. Но, такъ какъ безъ викарнаго онъ обходился много лѣтъ прежде и послѣ Варлаама, то очевидно, что онъ просилъ Варлаама для другихъ цѣлей, именно для ознакомленія чрезъ него съ состояніемъ Грузинской церкви, для управленія которой надлежало, въ силу Высочайшихъ манифестовъ 18 Января и 12 сентября 1801 года, составить въ Святѣйшемъ Синодѣ положеніе; а Императоръ Павелъ не только разрѣшилъ вызвать его въ С.-Петербургъ, но пожаловалъ его вмѣстѣ съ тѣмъ въ синодальные члены [1]).

[1]) Арх. Св. Синода 1801 г., №№ 64 и 67. Кіевскій митрополитъ Евгеній, бывшій въ то время префектомъ Невской академіи, сообщая объ этомъ назначеніи своему зна-

По прибытіи изъ Москвы Варлаамъ поселился въ Невскомъ монастырѣ, гдѣ ему дали помѣщеніе и изъ Невскаго ѣздилъ въ Синодъ, получая, въ добавокъ къ своему прежнему пенсіонному содержанію, жалованье синодальнаго члена, по 2.350 руб. въ годъ.—По объясненіямъ съ Варлаамомъ уже въ томъ же 1801 году намѣчено было учредить въ Грузинской губерніи (какъ предположено было переименовать Грузію) двѣ епархіи, Тифлисско-Карталинскую и Телаво-Кахетинскую; первой быть во второмъ классѣ послѣ Тобольской, второй—въ третьемъ послѣ Вятской; первою управлять католикосу, второю саратовскому епископу Гаію; въ Тифлисской епархіи учредить коадъютора, которымъ быть члену Святѣйшаго Синода, архіепископу Варлааму, съ оставленіемъ здѣсь въ настоящей должности, а Гаію жить въ Тифлисѣ и въ отсутствіе коадъютора, сверхъ своей должности, исправлять и сію. Гаій вызванъ былъ въ С.-Петербургъ, въ Синодъ: но проэктированное предположеніе о посылкѣ его въ Грузію почему-то не было приведено въ исполненіе. На мѣсто его выступило другое. Въ 1808 году архіепископъ Варлаамъ отпущенъ былъ, по желанію его, изъ С.-Петербурга въ Грузію и, конечно, это сдѣлано было въ связи съ предполагаемымъ вызовомъ католикоса. Главноначальствующій въ Грузіи получилъ Высочайшее повелѣніе настоять на отправленіи католикоса въ С.-Петербургъ, съ тѣмъ, что временное завѣдываніе тамошнимъ духовенствомъ онъ можетъ поручить синодальному члену, архіепископу Варлааму [1]), а

комому въ Воронежъ, писалъ: «Изумляюсь нечаянному и не предполагавшемуся происшествію. Но такъ и быть. Настоящій будетъ шестый. Теперь очищаютъ ему у насъ покои». Р. Арх. 1870 г., стр. 790. Оберъ-Прокуроръ Яковлевъ, при которомъ онъ начиналъ свое членское поприще, писалъ о немъ: «Архіерей Грузинскій Варлаамъ, пресмыкающійся въ Невскомъ монастырѣ на хлѣбахъ у митрополита, не иное что есть, какъ безмолвная кукла, которую митрополитъ посадилъ Членомъ и возитъ съ собою въ Синодъ, дабы имѣть вмѣсто одного голоса два. Сей жалкій человѣкъ во все мое время, въ Синодѣ ни единаго разу по дѣламъ не отверзалъ устъ своихъ. Можетъ быть на Грузинскомъ языкѣ онъ и уменъ, но на русскомъ всегда подписывалъ слѣпо, не читавши, все, что прикажетъ митрополитъ». (Журн. Яковлева, ркп.).

[1]) Получивъ это повелѣніе и предчувствуя, что ему не возвратиться уже въ Грузію, католикосъ роздалъ разнымъ лицамъ якобы подъ залогъ, принадлежащія монастырямъ и церквамъ имѣнія и началъ выдавать векселя, принимая на себя долги племянника своего, князя Евстафія Циціанова; даже свой пансіонъ, получаемый имъ отъ казенной экспедиціи, впередъ за шесть лѣтъ продалъ гражданину г. Тифлиса Соломону Назорбетову за 15000 р. и ему же отдалъ на откупъ за 1200 р. серебромъ состоящіе въ Ксанисахъ и Артачалахъ виноградные сады. А долги племянника своего, ст. сов. князя Циціанова, который изъ неумѣренной роскоши накопилъ ихъ до 80 тысячъ, католикосъ принимая на себя съ такимъ намѣреніемъ, какъ доноситъ Прокуроръ Верховнаго Грузинскаго Правительства Плахотинъ Министру Юстиціи,—чтобы взять его съ собою въ

въ то же время Варлааму поручено было по собраніи необходимыхъ свѣдѣній о числѣ священниковъ и приходовъ и о количествѣ церковныхъ доходовъ, представить, совмѣстно съ Главнокомандующимъ, генераломъ Тормасовымъ, мнѣніе о церкви Грузинской, «такъ чтобы Святѣйшій Синодъ имѣлъ надлежащее на оную вліяніе и какимъ лицамъ ввѣрить управленіе части духовной».

Католикосъ медлилъ отправленіемъ въ Россію, но наконецъ рѣшился и въ 1811 г. прибылъ въ С.-Петербургъ, взявши съ собою квабтахевскаго архимандрита Досиѳея. Царевичъ-Католикосъ былъ обласканъ Государемъ и, обнадеженный Его милостію, все время своего пребыванія въ С.-Петербургѣ употреблялъ на то, чтобы выпрашивать награды духовнымъ и свѣтскимъ лицамъ, прибывшимъ въ Россію съ Царицею, Царевнами и Царевичами Грузинскими и его сопровождавшимъ, а также всѣмъ близкимъ и дальнимъ въ Грузіи, начиная съ епископовъ и оканчивая домовыми управителями. Но самымъ видным кандитатомъ его на царскую милость былъ архимандритъ Досиѳей.

Досиѳей началъ съ того, что предъявилъ свои права на признательность правительства и съ нѣкоторою обидчивостію заявилъ, что онъ совершилъ такъ много подвиговъ и оказалъ такъ много услугъ Россіи, какъ никто, а не получилъ за нихъ ничего. Изъ самовосхвалительныхъ показаній его видно, что онъ происходилъ изъ дворянъ Шицхелауровыхъ, вступилъ въ монашество въ 1791 г.; въ 1795 г. посвященъ въ санъ архимандрита; съ 1801 г. управлялъ первымъ монастыремъ въ Грузіи Квабтахевскимъ, съ 1806 года сверхъ того Шіомгвимскимъ, а съ 1809 года подчинена была его управленію, кромѣ названныхъ монастырей, Урбнская епархія. Католикосъ подтвердилъ всѣ его «Примѣрныя дѣянія» и вѣрность къ престолу и 30 Мая 1811 г. ходатайствовалъ о посвященіи его въ архіереи.

Между тѣмъ въ это время разсматривались и обсуждались представленныя Тормасовымъ и архіепископомъ Варлаамомъ предположенія объ устройствѣ духовной части въ Грузіи. Предположенія эти

С.-Петербургъ и исходатайствовать у Государя уплату этихъ долговъ изъ казны, а ежели Государь не соблаговолитъ на уплату ихъ изъ казны, то симъ поводомъ обратится онъ въ Грузію къ своему мѣсту и обязанности. Главнокомандующій Грузіею генералъ Тормасовъ сообщилъ объ этомъ также кн. Голицыну, равно и о мѣрахъ, какія имъ приняты къ сохраненію впредь церковныхъ имуществъ. Кн. Голицынъ довелъ обо всемъ этомъ до свѣдѣнія Государя. (Дѣло Канц. Об. Прок. № 3893).

заключались въ томъ, чтобы 1) изъ существующихъ 13-ти епархій [1]) составить только двѣ —одну подъ названіемъ Мцхетской и Карталинской, другую—Алавердской и Кахетинской; 2) дикастерію образовать не изъ архіереевъ, а изъ архимандритовъ и протоіереевъ, подъ предсѣдательствомъ управляющаго духовенствомъ; 3) архіерею Мцхетскому и Карталинскому «яко начальствующему надъ Грузинскимъ духовенствомъ» предоставить право называться митрополитомъ Мцхетскимъ и Карталинскимъ и *экзархомъ Синодскимъ надъ Грузіею*, по подобію Высочайше утвержденнаго для Молдавіи и Валахіи учрежденія и быть ему подъ вѣдомствомъ Святѣйшаго Синода: 4) учредить для священническихъ и діаконскихъ дѣтей гимназію на первый разъ для 60 человѣкъ и въ духовное званіе посвящать не иначе, какъ изъ гимназіи [2]).

Ясно, что по этому проэкту духовнаго управленія въ Грузіи католикосу не оставалось мѣста. Покорясь судьбѣ, онъ просилъ увольненія отъ своего служенія и дозволенія имѣть пребываніе въ Москвѣ. Увольненіе послѣдовало 11 Іюня 1811 г. съ пожалованіемъ ему ордена Андрея Первозваннаго и для помѣщенія его нанятъ былъ прекрасный домъ князя Долгорукова (бывшій въ опекѣ), въ приходѣ Успенія на Покровкѣ, а на содержаніе назначенъ пенсіонъ по 10 тысячъ рублей въ годъ. Въ домѣ устроена церковь, а забранную имъ изъ Тифлиса ризницу дозволено ему оставить у себя для его употребленія.

---

[1]) Изъ этихъ епархій Тифлисская имѣла 12, Имеретинская 12 церквей. Управлявшій Грузинскою церковію Католикосъ жилъ въ Тифлисѣ, но не имѣлъ епархіи. Тифлисскою епархіею управлялъ митрополитъ, въ вѣдѣніи котораго находился Сіонскій соборъ. Послѣднимъ Тифлисскимъ митрополитомъ былъ *Арсеній*, имѣвшій отъ Русскаго Правительства за заслуги орденъ Анны 1 ст. со звѣздою и бѣлый клобукъ съ брилліантовымъ крестомъ. Ему пришлось окончить жизнь вдали отъ своей каѳедры. Поводомъ къ его удаленію было то, что, при предположеніи въ 1809 году учрежденія въ Тифлисѣ дикастеріи, онъ не былъ включенъ въ число ея членовъ, и считая себя, какъ перваго митрополита въ Грузіи, обойденнымъ, выразилъ свой гнѣвъ чрезвычайно рѣзкимъ образомъ въ оскорбленіи публично, въ торжественный день рожденія Государя (12 Дек.), въ Сіонскомъ соборѣ, въ виду всего духовенства, протоіерея Алексѣя Петріева, архимандрита Досиѳея и архіепископа Варлаама, которыхъ считалъ виновниками своего униженія.—Имъ же онъ приписывалъ интриги удаленія его отъ Сіонскаго собора и перемѣщенія на другую бѣднѣйшую епархію.—Оскорбленные потребовали суда: и Арсеній, по рѣшенію духовнаго суда, въ составѣ 4-хъ епископовъ и 1-хъ архимандритовъ, запрещенъ былъ въ священнослуженіи и отрѣшенъ отъ управленія Сіонскимъ соборомъ; о чемъ и объявлено торжественнымъ провозглашеніемъ съ амвона въ Сіонскомъ соборѣ. Старецъ не покорился этому рѣшенію, искалъ защиты у русскаго правительства, но умеръ на пути въ Россію.

[2]) Представленъ при отношеніи Тормасова на имя кн. Голицына 11 Февр. 1811 г.

Католикосъ оставался въ С.-Петербургѣ еще слишкомъ три мѣсяца послѣ своего увольненія [1]). Въ это время, 30 Іюня 1811 г. Государь, по докладу Святѣйшаго Синода, утвердилъ новое положеніе объ устройствѣ духовнаго управленія въ Грузіи, а 8 Іюля послѣдовалъ Высочайшій указъ Синоду о пожалованіи архіепископа Варлаама митрополитомъ съ повелѣніемъ управлять Мцхетскою и Карталинскою епархіею и быть *экзархомъ* Святѣйшаго Синода въ

---

[1]) Католикосъ прибылъ въ Москву только 21 Окт. 1811 г. 26 Окт. Управляющій Кремлевскою Экспедиціею П. С. Валуевъ писалъ къ кн. А. Н. Голицыну: «Долгомъ считаю сообщить В. С., что послѣ долговременнаго ожиданія, наконецъ привалилъ сюда блаженный католикосъ, царевичъ Антоній. Не дождавшись отъ него никакого къ себѣ вѣжливаго извѣщенія о его пріѣздѣ и благодарности за пріуготовленный домъ, рѣшился я представиться ему самъ на пятый день его пріѣзда. Принятъ былъ его свѣтлостію весьма милостиво; но за то, къ крайнему сожалѣнію, домъ его, одинъ изъ наилучшихъ въ Москвѣ, который я обозрѣвалъ наканунѣ его пріѣзда, въ четыре дни его въ ономъ пребыванія, по свойственной грузинцамъ неопрятности, пріобыкшихъ жить въ своей отчизнѣ не въ хорошихъ палатахъ, а въ земляникахъ, нашелъ точно въ томъ безпорядкѣ, который вами предсказывался: замки у дверей, оттого что не смыслятъ ихъ отворять и затворять, всѣ испорчены; въ комнатахъ со сводами, весьма прочно устроенныхъ, оттого что не умѣютъ и лѣнятся хорошо топить, такая стужа, какъ въ погребахъ, отчего неминуемо ожидать должно, что сей домъ когда нибудь подвергнется пожару, въ какомъ случаѣ казна обязана будетъ по заключенному условію доплатить за оный 40 т. р., если не приставятъ къ сему дому отъ здѣшней полиціи надежнаго смотрителя, которому препоручить смотрѣть за опрятностію, а болѣе за топкой печей и за чищеніемъ трубъ. Его свѣтлость хотя и не упустилъ мнѣ сказать, что онъ изъ своего содержанія дровъ покупать не въ силахъ, я ему въ томъ на чисто отказалъ, понеже на это суммы никакой не имѣю. Совѣтую и Вашему Сіятельству, если онъ о томъ отнесется къ вамъ, оставить его просьбу безъ вниманія, дабы сіе не послужило поводомъ, по врожденной ихъ склонности къ прочимъ безчисленнымъ претензіямъ, въ которыхъ они по испытанію моему не насытны: сіе заставитъ его, сдѣлавшись подданнымъ, перестать царитца, понеже они сколько за неуваженіе ихъ просьбъ низки, столькожь горды при малѣйшихъ онымъ попущеніяхъ. Странность выѣхать въ Москву въ неблагопріятную погоду въ высланной на встрѣчу къ нему золоченой семистекольной ему пожалованной каретѣ, есть неоспоримое доказательство ихъ азіатской пышности и спѣси». Съ 1812 г. католикосъ имѣлъ пребываніе въ Тамбовѣ; въ 1819 г. дозволено было ему пріѣхать на жительство въ С.-Петербургъ; въ 1822 г. просилъ о дозволеніи по причинѣ болѣзни и старости возвратиться въ Грузію. Государь приказалъ спросить мнѣніе Ермолова. Ермоловъ отвѣчалъ, что «Католикосъ, какъ извѣстно, не такихъ свойствъ, чтобы быть равнодушнымъ къ лишенію власти, о коей онъ скорбитъ. Возвратись въ Грузію, не воздержится онъ отъ интригъ, которыя будутъ имѣть вліяніе на умы тамошнихъ жителей, поелику между сильнѣйшими изъ нихъ имѣетъ онъ многихъ родственниковъ, коимъ пріятно будетъ видѣть въ немъ сына царя Ираклія, чтимаго въ народѣ. Новый порядокъ управленія духовными дѣлами, ограничивая самоуправство многихъ лицъ, дѣлаетъ по необходимости другихъ недовольными и всѣ таковые, раздѣлявшіе прежде съ нимъ самовластіе и безпутства будутъ со стороны его. Закоснѣлое въ невѣжествѣ дворянство, упорное въ своихъ мнѣніяхъ, каждое полезное установленіе принимаетъ за утѣсненіе свободы: въ понятіи его католикосъ есть жертва гоненія, почему можно ожидать, какое оно приметъ въ немъ участіе. Для произведенія интригъ достаточно уже одного племянника, нѣкоего князя Циціанова, котораго также полезно не пускать въ Грузію. Въ

Грузіи [1]). Управленіе другою, Алавердскою, епархіею поручено Сигнахскому митрополиту Іоанну Бодбелю. Прочія 11-ть грузинскихъ епархій вошли въ составъ вновь учрежденныхъ Мцхецкой и Алавердской епархій, а управлявшіе ими митрополиты и епископы уволены съ пожизненными пенсіями.

Прибывшій съ католикосомъ, кандидатъ архіерейства, нетерпѣливо дожидался вознагражденія за свои труды, но оно еще было отсрочено. 8 Іюля, по докладу княземъ Голицынымъ ходатайства католикоса, состоялось Высочайшее повелѣніе «сообщить католикосу, что нынѣ въ Грузіи пѣтъ праздныхъ епархій, а ежели архимандритъ Досиѳей выучится по русски, —какъ извѣстно, что онъ уже симъ занимается — то тогда можно посвятить въ епископы, оставивъ здѣсь, дабы съ пользою могъ быть употребленъ со временемъ на службу въ Святѣйшемъ Синодѣ по дѣламъ Грузинскаго духовенства». Вмѣстѣ съ тѣмъ Высочайше повелѣно помѣстить его жительствомъ въ Александроневской Лаврѣ и производить ему въ пенсіонъ по 2 тысячи рублей ассигнаціями ежегодно.

Досиѳей счелъ себя обиженнымъ этими распоряженіями и заявилъ, что назначенный ему пенсіонъ недостаточенъ и не соотвѣтствуетъ должностямъ имъ занимаемымъ; между тѣмъ и управляющій Грузіею маркизъ Ф. О. Паулуччи увѣрялъ его, что ему будетъ опредѣленъ пенсіонъ по крайней мѣрѣ въ 6 тысячъ рублей. Князь Голицынъ доложилъ объ этой претензіи 2 Сентября Государю и получилъ повелѣніе объявить Досиѳею, что «ежели онъ не можетъ здѣсь симъ пенсіономъ жить, то можетъ возвратиться въ Грузію».—Это было еще до отъѣзда католикоса. С.-Петербургскій митрополитъ Амвросій, по Высочайшему повелѣнію, далъ Досиѳею помѣщеніе въ Невской Лаврѣ, но не зная, зачѣмъ этотъ архимандритъ присланъ къ нему, мѣсяца черезъ два обратился къ князю Голицыну съ запросомъ: какое Государь Императоръ соизволилъ сдѣлать ему предназначеніе? Князь Голицынъ разъяснилъ ему обстоятельства дѣла

виду этого отзыва Государь приказать объявить католикосу, что неприлично было бы занимавъ такое мѣсто важное въ Грузіи, чтобъ онъ имѣлъ тамъ послѣ пребываніе безъ службы, но что ежели нуженъ лучшій климатъ для его здоровья, то онъ можетъ избрать Крымъ или другую какую губернію для своего пребыванія. Католикосъ заявилъ, что желаетъ имѣть пребываніе въ Астрахани, но потомъ выбралъ Нижній-Новгородъ, на что и Государь соизволилъ. 5 Сентября прибылъ въ Нижній Новгородъ, гдѣ и имѣлъ пребываніе до своей смерти, послѣдовавшей 21 Декабря 1827 г. (Цит. Арх. Св. Син. по Канц. Об. Прок. 1811 г., № 4223 и 1822 г., № 6731).

[1]) Св. Син. 1809 г., № 697 и 1811 г., № 732.

и въ заключеніе сообщилъ, что если Досиоей пріобрѣлъ достаточное свѣдѣніе въ русскомъ языкѣ, то отъ митрополита зависитъ войти о немъ съ представленіемъ въ Святѣйшій Синодъ. Амвросій немедленно сдѣлалъ представленіе, и 31 Декабря 1811 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о посвященіи Досиоея въ епископа съ тѣмъ, чтобы онъ именовался епископомъ Горійскимъ, викаріемъ Грузинскимъ, но пребываніе имѣлъ здѣсь въ Александропевской Лаврѣ и службу Божію отправлялъ въ С.-Петербургской епархіи съ согласія митрополита. Къ получаемому имъ пенсіону прибавлено по тысячѣ рублей изъ доходовъ съ Квабтахевскаго монастыря, къ величайшему неудовольствію экзарха. 30 Января 1812 г. совершено было его посвященіе. Государь пожаловалъ ему полное архіерейское облаченіе изъ Кабинета и украшенную алмазомъ панагію въ 2,090 рублей [1]).

Послѣдовавшія военныя событія отвлекли вниманіе правительства отъ Грузіи. Досиоей жилъ по прежнему въ Цевскомъ монастырѣ, замышляя, какъ бы получше устроить свое положеніе; а въ Грузіи духовными дѣлами правилъ экзархъ Варлаамъ, предоставленный на это время самому себѣ.

Такъ какъ по Высочайше утвержденному 30 Іюня 1811 г. штату духовнаго управленія въ Грузіи полагалось учредить въ Тифлисѣ дикастерію, семинарію и училища и на содержаніе ихъ, равно какъ на устройство церквей требовались значительныя средства, то экзархъ обратилъ особое вниманіе на приведеніе въ ясность и порядокъ церковныхъ доходовъ. Доходы эти получались съ церковныхъ крестьянъ и взимались натурой—сборомъ хлѣба, вина, фруктовъ и прочаго. Управителями церковныхъ и монастырскихъ имѣній были такъ называемые церковные дворяне, которые собирали съ крестьянъ подати въ различныхъ количествахъ, зависимо отъ ежегоднаго плодородія, и пользовались ими вмѣстѣ съ архіереями, а нерѣдко совершенно завладѣвали имѣніями и крестьянами и распоряжались ими какъ собственными. Но, такъ какъ сборъ податей натурою не представлялъ надежнаго обезпеченія для содержанія церквей, дикастеріи, гимназіи или семинаріи, училищъ и прочихъ учрежденій: то Святѣйшій Синодъ предписалъ перевесть сборъ церковныхъ доходовъ натурою на деньги.

---

[1]) Канц. Об. Прок. Св. Син., № 4193.

Эта сторона реформы доставила Варлааму и преемнику его много хлопотъ и принесла много огорченій, потому что приходилось то отбирать имѣнія у лицъ, незаконно завладѣвшихъ ими, то облагать налогомъ имѣнія, которыми временные владѣльцы или съемщики пользовались, не платя никакой подати.

Обративъ всѣ свои заботы на одну эту хозяйственную часть церковнаго управленія, митрополитъ Варлаамъ не учредилъ ни духовныхъ правленій, ни семинаріи, ни училищъ и не возстановилъ Осетинской Коммиссіи, что особенно поручено было ему Святѣйшимъ Синодомъ; и членовъ вновь учреждаемой дикастеріи употреблялъ только для наблюденія на мѣстахъ за сборомъ церковныхъ доходовъ. Наконецъ въ 1814 г. 25 Іюня Святѣйшій Синодъ послалъ ему запросъ о сдѣланныхъ ему порученіяхъ. Варлаамъ отвѣчалъ, что духовныхъ правленій по городамъ не учредилъ по неимѣнію нужды въ нихъ, вслѣдствіе малости разстояній между городами и епархіальными каѳедрами: семинаріи не учредилъ по причинѣ умаленія доходовъ и отъ произшедшаго въ Грузіи международнаго волненія, неплодородія и заразительныхъ болѣзней, но что розданныя дворянамъ церковныя имѣнія всѣ безъ изъятія отобраны и оставлены за церковію и для умноженія церковныхъ доходовъ онъ производитъ по Мцхетской епархіи заведеніе садовъ и построеніе мельницъ.

Въ виду такого неяснаго и неудовлетворительнаго положенія духовныхъ дѣлъ въ Грузіи, князь Голицынъ обратился къ проживавшему въ Петербургѣ Горійскому епископу Досиѳею и поручилъ ему изложить свои мысли о лучшемъ устройствѣ духовныхъ дѣлъ въ Грузіи.

24 Іюля 1814 г. Досиѳей представилъ ему обширный проэктъ устройства духовнаго управленія въ Грузіи и Имеретіи, сущность котораго состояла въ томъ, чтобы образовать одно общецерковное правительство для Грузіи и соединенныхъ съ нею царства Имеретинскаго и княжествъ Мингрельскаго и Гурійскаго; чтобы быть одному экзарху Грузіи и Имеретіи какъ и было въ прежнее время, когда Грузія и Имеретія находились подъ властію одного царя и чтобы вмѣсто дикастеріи, которая до настоящаго времени и въ Грузіи никакого успѣха не имѣла и тѣмъ болѣе не можетъ быть достаточна для Имеретіи, учредить, по уваженію къ древнимъ католикосовымъ мѣстамъ и двумъ царствамъ, контору подъ наименованіемъ Грузино-Имеретинской Святѣйшаго Синода Конторы.

Умный и въ тоже время хитрый и своекорыстный Досиоей умѣлъ соединить съ устройствомъ общаго дѣла устройство и собственнаго положенія. Не разсчитывая на занятіе экзаршескаго поста, онъ намѣтилъ себѣ санъ архіепископа съ обширною епархіею, мѣсто въ синодальной конторѣ, съ правомъ избранія, совмѣстно съ экзархомъ, членовъ въ синодальную контору и съ непосредственнымъ и исключительнымъ подчиненіемъ по ввѣреннымъ ему дѣламъ Святѣйшему Синоду. Эти спеціальныя дѣла, которыя онъ намѣтилъ для себя, состояли въ завѣдываніи Осетинскою Коммиссіею и въ обращеніи осетинъ и прочихъ горскихъ народовъ въ христіанскую вѣру [1]).

Князь Голицынъ представилъ этотъ проэктъ Государю. По разсмотрѣніи его Государемъ, 30 Августа 1814 г. состоялись Высочайшіе указы Синоду: одинъ — о возведеніи Горійскаго епископа Досиоея въ санъ архіепископа, съ наименованіемъ Телавскимъ и Грузино-Кавказскимъ и съ порученіемъ ему завѣдыванія дѣлами бывшей Осетинской Коммиссіи и другой—о приведеніи представленнаго Досиоеемъ проэкта на счетъ устройства духовныхъ дѣлъ въ Грузіи въ исполненіе по всѣмъ пунктамъ онаго, Высочайше утвержденнымъ, кромѣ 27, о которомъ послѣдуетъ рѣшеніе особо.—7-го Сентября, при участіи приглашеннаго въ засѣданіе Святѣйшаго Синода для личныхъ объясненій Телавскаго архіепископа, Святѣйшій Синодъ во исполненіе Высочайшаго повелѣнія постановилъ: 1) въ Грузіи и Имеретіи быть одному экзарху и именоваться Грузинскимъ и Имеретинскимъ; 2) учредить въ Тифлисѣ *Синодальную Контору* подъ названіемъ *Грузино-Имеретинской*, подъ предсѣдательствомъ экзарха и съ назначеніемъ Телавскаго архіепископа членомъ конторы; 3) въ Грузіи быть тремъ епархіямъ Мцхецкой, Телавской и Сигнахской. Въ составъ новоучрежденой Телавской епархіи «отошли отъ Грузіи (какъ сказано было въ проэктѣ Досиоея) два города съ ихъ уѣздами: Телавъ въ Кахетіи и Анануръ въ Карталіи; вѣдѣнію его подчинены всѣ осетины и горскіе народы по сю

[1]) Осетинская Коммиссія учреждена была въ 1715 г. для просвѣщенія христіанствомъ осетинъ и прочихъ кавказскихъ горцевъ въ Кизлярѣ подъ вѣдѣніемъ астраханскаго епископа; но, такъ какъ грузинскіе миссіонеры непрестанно присылали другъ на друга доносы и упражнялись болѣе въ разведеніи садовъ, нежели въ проповѣди слова Божія, то въ 1769 г. замѣнены русскими и жительство имъ повелѣно имѣть въ Моздокѣ. Съ 1792 г. Осетинская Коммиссія не дѣйствовала, а новокрещенные осетины, быв. оставлены учителями, обратились къ прежнему своему заблужденію.

и по ту сторону Кавказа, какого бы уѣзда ни были въ Грузіи и Имеретіи, и, кромѣ того, приданы ему въ непосредственное управленіе два монастыря Шуамтинскій и Іоанна Крестителя. Съ отдѣленіемъ отъ бывшей Алавердской епархіи половины церквей къ Телавской, другая половина, состоящая изъ Сигнахскаго уѣзда, составила Сигнахскую епархію. Епархіальнаго города Телавскому архіепископу не назначено, потому что онъ будетъ находиться тамъ, гдѣ потребуетъ обязанность, но, по званію присутствующаго въ синодальной конторѣ, онъ долженъ имѣть подворье въ Тифлисѣ со штатомъ на счетъ общихъ Кахетинскихъ и Карталинскихъ церковныхъ доходовъ [1]). Для сопровожденія въ горы какъ его, архіепископа, такъ и проповѣдниковъ назначено 30 церковныхъ крестьянъ съ верховыми лошадьми и 100 казаковъ. (Но Досноей, вмѣсто крестьянъ, потребовалъ на мѣстѣ взноса деньгами по 120 рублей въ годъ за каждаго крестьянина). На содержаніе Коммиссіи назначено по 15 тысячъ рублей въ годъ и выдано Досноею на путевыя издержки 6,600 рублей.—Въ Сентябрѣ онъ уже доносилъ Святѣйшему Синоду, что съ 27 Іюля по 8 Сентября окрещено 6,437 человѣкъ въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ и ущельяхъ Арагвскомъ, Карскомъ, Корпискомъ, Герпскомъ, Джавскомъ по рѣкѣ Ліахвѣ и другихъ мѣстахъ.

Наконецъ, для поощренія Грузинскаго и Имеретинскаго духовенства, онъ выпросилъ нѣсколько орденскихъ знаковъ, Анны 1 и 2 степени, съ брилліантовыми украшеніями и простыхъ, а также нѣсколько брилліантовыхъ и золотыхъ наперсныхъ крестовъ разнымъ духовнымъ лицамъ въ Грузіи и Имеретіи. Самъ Досноей получилъ орденъ святой Анны 1 степени.

Не довольствуясь всѣмъ этимъ, просвѣтитель осетинъ выпросилъ Высочайшее повелѣніе объ обращеніи населенныхъ имѣній князей Эристовыхъ, Канскаго и Гвердисъ-Дзири (болѣе 2,500 дымовъ) въ казенное вѣдомство, заявивъ, что съ этихъ имѣній онъ предполагаетъ начать свою миссіонерскую дѣятельность, но опасается противодѣйствія со стороны ихъ владѣльцевъ по нерасположенію ихъ къ Россіи. Князьямъ Эристовымъ положено было въ вознагражденіе за эти имѣнія производить ежегодно изъ казны по 10 тысячъ рублей; а самыя имѣнія, по обращеніи въ казну, от-

[1]) Главнокомандующій въ Грузіи ген. Ртищевъ назначилъ для помѣщенія Досноея домъ на Авлабарѣ, бывшій въ казенномъ вѣдомствѣ.

даны въ завѣдываніе пяти дворянъ (въ томъ числѣ двухъ родныхъ братьевъ Досиѳея), назначенныхъ состоять «при Архіереѣ Осетинской Коммиссіи», т. е. при томъ же Досиѳеѣ.

Синодальная контора торжественно открыта 8 Мая 1815 г. въ присутствіи знатнаго духовенства, главнокомандующаго, знатныхъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, губернскаго и уѣзднаго маршаловъ, грузинскаго дворянства и другихъ сословій. По окончаніи церковнаго молебствія и принесенія членами присяги, архимандритъ Аѳанасій сказалъ привѣтственную рѣчь къ публикѣ на русскомъ языкѣ [1]).

Въ Августѣ 1815 г. Досиѳей доносилъ Святѣйшему Синоду, что имъ и проповѣдниками его окрещено 7015 душъ по ущельямъ Арагвскому, Карскому, Корнискому, Герискому, Джавскому по рѣкѣ Ліахвѣ, Кешелтхеобскому и другимъ мѣстамъ, и просилъ объ ассигнованіи особой суммы на устройство 12-ти церквей для крещеныхъ горцевъ и содержаніе при нихъ священниковъ, а также на подарки новокрещенымъ, на что по Высочайшему повелѣнію и отпущено было изъ процентной церковной суммы Коммиссіи Духовныхъ Училищъ 31.500 руб. (Но церкви эти, какъ увидимъ, не были построены, потому что не для кого было строить).

Между тѣмъ какъ Досиѳей совершалъ свои миссіонерскіе подвиги въ горахъ Кавказскихъ, главнокомандующій въ Грузіи, генералъ отъ-инфантеріи Н. Ѳ. Ртищевъ, при личномъ обозрѣніи Имеретіи, входилъ въ соображеніе разныхъ средствъ для предуказаннаго положеніемъ о Грузино-Имеретинской синодальной конторѣ образованія духовной части въ Тифлисѣ. Но эта, добровольно принятая имъ на себя миссія, повела къ важнымъ недоразумѣніямъ. Генералъ старался подготовить главное духовенство и знатнѣйшихъ дворянъ Имеретіи къ передачѣ церковныхъ имуществъ *въ казну* и, разумѣется, встрѣтилъ сильное несочувствіе этому во всѣхъ классахъ населенія. Духовенство и дворяне заявили ему, что въ простомъ Имеретинскомъ народѣ, по недавнему присоединенію сего царства подъ власть русскаго правительства, не легко перемѣнить образъ сужденій на счетъ церковныхъ имуществъ, которыя онъ привыкъ считать нераздѣльною собственностію церкви и духовенства, и что, при внезапномъ отобраніи въ казну церковныхъ имѣ-

[1]) Церемоніалъ открытія конторы и рѣчь архим. Аѳанасія напечатаны въ «Сѣверной Почтѣ» 1815 г.

ній, враждебные сосѣды Имеретіи—турки, совокупно съ возмутительными противъ Россіи Имеретинскими князьями, пребывающими въ бѣгахъ за границей и имѣющими единомышленниковъ своихъ въ самой Имеретіи, сей случай могутъ обратить въ поводъ къ возмущенію и угрожать спокойствію Имеретіи. Такія же сужденія выразили ему вліятельные князья Мингреліи—князь Леванъ Дадіанъ и Гуріи—князь Мамій Гуріель [1]). Почитая такія распоряженія въ ихъ владѣніяхъ за немилость Государя и за нарушеніе Высочайше дарованныхъ имъ правъ по управленію сими областями, они просили оставить церковныя имущества въ прежнемъ положеніи. Архіереи, происходившіе большею частію изъ родовъ владѣтельныхъ князей и прочихъ княжескихъ фамилій, и распоряжавшіеся церковными имуществами полновластно, не давая въ управленіи оными никакого отчета, поддерживали въ князьяхъ такую непреклонность къ требованіямъ правительства и возбуждали народъ къ защитѣ будто бы попираемыхъ правъ церкви. Святѣйшій Синодъ поспѣшилъ устранить это недоразумѣніе, поручивъ князю Голицыну войти въ сношеніе съ главнокомандующимъ и разъяснить ему, что церковныя имущества и впредь останутся достояніемъ церкви и духовенства и что правительство заботится только о приведеніи ихъ въ порядокъ для устроенія и содержанія изъ получаемыхъ съ нихъ доходовъ храмовъ Божіихъ, училищъ и другихъ богоугодныхъ заведеній [2]). Но возбужденіе осталось во всѣхъ сословіяхъ—въ дворянствѣ, духовенствѣ и народѣ.

Генералъ Ртищевъ былъ уволенъ отъ начальствованія надъ Грузіею. На его мѣсто главнокомандующимъ въ Грузіи назначенъ былъ въ 1816 г. генералъ-лейтенантъ А. П. Ермоловъ.

Князья эристовы обратились къ нему съ жалобами на Досиѳея и съ ходатайствомъ о возвращеніи отобранныхъ у нихъ имѣній. Къ нимъ присоединились князья Мочабеловы, которымъ угрожала такая же опасность и, наконецъ, присоединился къ нимъ митрополитъ Варлаамъ, самъ происходившій изъ фамиліи князей Ери-

---

[1]) Князь Леванъ (Левъ) Дадіанъ, сынъ Григорія Дадіана, вступившаго въ подданство Россіи 3 Дек. 1803 г., управлялъ Мингреліею въ чинѣ генералъ-лейтенанта русской службы и имѣлъ ордена Анны 1 ст., и Владиміра 2 ст.; скончался 1845 г.—Князь Мамій Гуріель былъ послѣднимъ владѣтельнымъ княземъ Гуріи; въ 1810 г. вступилъ въ подданство Россіи; ум. 1823 г.

[2]) Дѣло Арх. Св. Син. 1814 г., № 798.

стовыхъ и терпѣвшій оскорбленія отъ надменнаго Грузинскаго временщика—Досиѳея. Главнокомандующій собралъ совѣтъ изъ членовъ Грузино-Имеретинской синодальной конторы и Верховнаго правительства и, на основаніи заявленныхъ въ совѣщаніи мнѣній Грузинскихъ совѣтниковъ и митрополита Варлаама, рапортомъ отъ 15 Ноября 1816 г. донесъ Государю, что «Осетинская Коммиссія совершенно можетъ существовать и дѣйствовать въ распространеніи христіанской вѣры между идолопоклонниками безъ взятія въ казну ни князей эристовыхъ, ни другихъ имѣній. И изъ всѣхъ доводовъ, представленныхъ архіепископомъ Досиѳеемъ на счетъ взятія имѣнія сперва у князей эристовыхъ и потомъ у князей Мочабеловыхъ, онъ никакой не нашелъ существенной причины или необходимости. При томъ же, что̀ заставляетъ его непремѣнно обратиться къ просвѣщенію сперва Канскихъ осетинъ, такъ какъ въ виду есть множество идолопоклонниковъ и осетинъ, живущихъ по арагвскому ущелью, также народы Хевсурскіе, Гудомакарскіе, Тіулетинскіе и множество другихъ, гдѣ не встрѣтилъ бы онъ надобности въ отобраніи имѣній и чужихъ собственностей и гдѣ нужно бъ было одно только благочестіе и добрые примѣры къ обращенію; но какъ, повидимому, изъ отстраненія имъ, преосвященнымъ, нѣкоторыхъ членовъ собранія и возраженій его на поданныя мнѣнія, а болѣе изъ безпрестанныхъ представленій его о правахъ родственниковъ своихъ, заключать должно, что не столько польза Осетинской Коммиссіи требуетъ имѣнія князей эристовыхъ, сколько польза родства его, дабы, по взятіи имѣнія у эристовыхъ, были они благонадежнѣе водворены на Канѣ и, будучи назначаемы имъ членами Осетинской Коммиссіи, могли бы съ лучшею удобностію составлять свои выгоды вмѣсто распространенія христіанской вѣры; тогда какъ, напротивъ, должно стараться самихъ сихъ дворянъ удалить изъ сего мѣста, ибо они уже обнаружены въ неблагонадежности своей и всегда могутъ быть готовы къ причиненію вреда тамошнему краю, такъ какъ и по дѣлу производящемуся уголовнымъ порядкомъ о возмущеніяхъ Канскихъ жителей въ 1808 году видно, что нѣкоторые изъ сихъ дворянъ, именно Николай Глаха и Гаврилъ Пицхелауровы, родные братья преосвященнаго Досиѳея, возмущали народъ къ неповиновенію не только помѣщикамъ, но и самому правительству, за что освобождены отъ наказанія единственно по всемилостивѣйшему манифесту въ 30 день Августа 1814 г. изданному.

Обращаясь затѣмъ къ успѣху просвѣщенія (горцевъ), онъ не можетъ умолчать о примѣчаніи его, на сей счетъ сдѣланномъ. Въ Декабрѣ 1815 г. архіепископъ Досиѳей увѣдомилъ предмѣстника его, что съ открытія Осетинской Коммиссіи, которое началось съ Мая мѣсяца того года, окрещено въ христіанскую вѣру въ дальнѣйшихъ мѣстахъ Кавказскихъ горъ болѣе 14 тысячъ душъ обоего пола и что всѣ сіи новокрещенные народы начали жизнь вести тихую и покойную и являютъ приверженность къ Государю своему и начальству. Вѣроятное ли дѣло, чтобы въ теченіи столь коротказо времени можно было привести такое множество въ христіанство и до такой степени, что народы посредствомъ крещенія обратились уже къ покорности, тогда какъ оные, будучи погружены въ самомъ закоснѣломъ невѣжествѣ, занимались единственно воровствомъ, грабежемъ и смертоубійствомъ, поставляя сіе послѣднее ни во что; и тогда какъ большая часть ихъ не знаетъ и Грузинскаго языка, какимъ чудеснымъ образомъ могли они понять отъ проповѣдниковъ слова Божія христіанскую вѣру и чрезъ оную смириться? Справедливо и то, что нѣкоторая часть сихъ народовъ, а особливо осетинъ, на помѣщичьихъ земляхъ живущихъ, окрещена, но крещеніе сіе приняли они не для спасенія своего, о чемъ они и понятія не имѣютъ, но единственно изъ обѣщанной имъ проповѣдниками свободы, что они ни кому ни припадлежать, ни платить податей не будутъ, также за раздаваемые подарки и деньги; изъ чего видно, что таинство святаго крещенія совершаемо было съ торгу, вмѣсто того, чтобы просвѣщать народъ по Закону Божію не прельщеніями, а примѣромъ кротости и убѣжденіями о пользахъ, какія приноситъ христіанская вѣра». Рапортъ главнокомандующаго переданъ былъ Государемъ на разсмотрѣніе Комитета Министровъ и, по заключенію его, состоялось 8 Февраля 1817 г. Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы указа отъ 31 Августа 1814 г. въ исполненіе не приводить; имѣнія же Каиское и Гвердисъ-Цзири оставить по прежнему во владѣніи князей эристовыхъ. По тому же Высочайше утвержденному положенію Комитета Министровъ Святѣйшему Синоду предложено было разсмотрѣть: не нужно ли въ данныхъ для руководства Осетинской Коммиссіи правилахъ сдѣлать какія-либо пополненія или перемѣны, а равно и о самыхъ поступкахъ начальствующаго надъ оною архіепископа Телавскаго Досиѳея. Святѣйшій Синодъ, разсмотрѣвъ всѣ обстоятельства дѣла, на-

шелъ, что дѣлать пополненія къ правиламъ никакой надобности не представляется, потому что причины, описываемыя въ рапортѣ генералъ-лейтенанта Ермолова и приложенныхъ при ономъ бумагахъ, встрѣтились не отъ недостатка въ тѣхъ правилахъ; а нужно только изыскать средства на мѣстѣ къ лучшему успѣху той Коммиссіи при содѣйствіи къ тому и свѣтскаго начальства. Но возлагать это изысканіе на архіепископа Досиѳея и оставлять опую Коммиссію подъ непосредственнымъ его вѣдѣніемъ нельзя; равно неудобно поручить опую экзарху митрополиту Варлааму, по недѣятельности его во время управленія имъ Грузіею съ 1811 г. А посему, какъ Синодъ и прежде уже разсуждалъ, чтобы о такой недѣятельности его довести до свѣдѣнія Государя Императора и испросить Высочайшее соизволеніе на опредѣленіе въ Грузію кого либо изъ Россійскихъ архіереевъ, такъ теперь,—по встрѣтившимся новымъ обстоятельствамъ и по открывшейся при томъ личности, оставлять его экзарха и архіепископа Досиѳея въ настоящихъ мѣстахъ и ожидать, чтобы церковь Грузинская управляема была сими пастырями въ должномъ порядкѣ, надежды не предвидится и въ предупрежденіе безпорядковъ, могущихъ открыться далѣе при такомъ управленіи—полагаетъ: Синодальнаго члена и экзарха митрополита Варлаама, уволивъ отъ всѣхъ должностей въ Грузіи, вызвать въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Синодѣ, а архіепископа Досиѳея вызвать для пребыванія въ Москву, гдѣ и водворить въ принадлежащемъ духовному вѣдомству зданіи по усмотрѣнію управляющаго Московскою митрополіею [1]); въ Грузію перевесть Синодальнаго члена, Ѳеофилакта архіепископа Рязанскаго, яко извѣстнаго Синоду по способностямъ его къ приведенію въ должный порядокъ относящагося вообще до управленія по духовной части сходственно установленіямъ въ Россіи существующимъ, при каковомъ переведеніи пре-

[1]) Варлааму сохраненъ пенсіонъ въ 2350 р., независимо отъ жалованья по званію члена Св. Синода. Досиѳею назначенъ пенсіонъ по 2000 р.—Въ 1825 г. 5 Февр. *Варлаамъ* уволенъ, согласно прошенію, отъ присутствованія въ Св. Синодѣ, съ сохраненіемъ званія члена Св. Синода и получаемаго имъ содержанія по 6350 р. въ годъ и съ предоставленіемъ въ его управленіе Московскаго Даніилова монастыря на такомъ же основаніи, на какомъ предоставленъ былъ этотъ монастырь въ 1822 году покойному Кіевскому митрополиту Серафіону. Высочайшіе указы объ этомъ, равно какъ о вызовѣ въ Синодъ на мѣсто Варлаама Ярославскаго архіепископа Авраама, объявлены были Синоду графомъ Аракчеевымъ. М. Варлаамъ скончался 18 Дек. 1830 г. (Арх. Св. Синода, 1825 г., № 182 и 1830 г., № 863). Досиѳей помѣщенъ былъ на пребываніе въ Московскомъ Высокопетровскомъ монастырѣ.

доставить ему титулъ экзарха Святѣйшаго Синода и митрополита Мцхетскаго, Тифлисскаго и Карталинскаго.

Опредѣленіе Синода объ увольненіи митрополита Варлаама и архіепископа Аѳанасія отъ занимаемыхъ ими должностей и о назначеніи экзархомъ Грузіи архіепископа Ѳеофилакта состоялось 26 Февраля 1817 года. Государь утвердилъ докладъ Синода 14 Мая, но съ тою отмѣною, что Ѳеофилактъ переведенъ съ званіемъ экзарха безъ присвоенія ему титула митрополита.

Ѳеофилакту предлежалъ далекій путь и трудный подвигъ [1]). 19 Іюля онъ отправился къ мѣсту своего новаго служенія, взявши съ собою для разныхъ должностей по архіерейскому дому, для образованія пѣвческаго хора, для учрежденія семинаріи и для благолѣпія въ священнослуженіи нѣсколько духовныхъ лицъ и пѣвчихъ изъ своихъ бывшихъ епархій Рязанской и Калужской и изъ прочихъ по тракту въ Грузіи лежащихъ.

Ѳеофилактъ прибылъ въ Тифлисъ 31 Августа, а 2 Сентября далъ уже предложеніе Конторѣ о собраніи подробныхъ свѣдѣній по экзархату о епархіяхъ, церквахъ, причтахъ, монастыряхъ, училищахъ, объ архіерейскихъ и церковныхъ крестьянахъ, о доходахъ съ церковныхъ имуществъ и объ имѣніяхъ чужестранныхъ монастырей въ Грузіи. 1-го Октября открылъ семинарію, помѣстивъ ее въ Авлабарскомъ архіерейскомъ домѣ, гдѣ жилъ Досиѳей Телавскій. Ректоромъ назначилъ прибывшаго съ нимъ инспектора Калужской семинаріи, архимандрита Виталія. Первый составъ учениковъ, въ числѣ 46, образовался изъ дѣтей духовнаго званія, а также дѣтей чиновниковъ и князей, обучавшихся въ частныхъ пансіонахъ. 11 Октября открылъ уѣздное и приходское училище въ г. Телавѣ.

20 Октября Ѳеофилактъ уже представилъ Святѣйшему Синоду донесеніе съ своими предположеніями объ устройствѣ духовной части въ Грузіи. Въ донесеніи онъ писалъ, что хотя церквей въ Грузіи много (болѣе 700), но одна треть ихъ—безприходныя «различествующія отъ русскихъ часовенъ только дурною архитектурою, неопрятностію и убожествомъ утвари» и потому полагалъ вмѣсто 3-хъ епархій въ Грузіи учредить одну, подъ вѣдѣніемъ и управле-

---

[1]) Ровно черезъ два года такой же путь, только въ другую отдаленную сторону, указанъ былъ высшею судьбою бывшему товарищу Ѳеофилакта, М. М. Сперанскому. Назначеніе его Генералъ-Губернаторомъ Сибири состоялось въ Мартѣ 1819 года.

ніемъ экзарха, и съ наименованіемъ ея не по уѣздамъ, какъ доселѣ именовались Грузинскія епархіи, но по двумъ бывшимъ Грузинскимъ царствамъ—Карталинскому и Кахетинскому. Сигнахскую епархію, входившую въ составъ Карталинской и Кахетинской, Ѳеофилактъ полагалъ предоставить по смерть митрополиту Іоанну Бодбелю, въ зависимости отъ экзарха. Въ Имеретіи, Мингреліи и Гуріи, какъ имѣющихъ особыхъ владѣтельныхъ князей, оставить по одной епархіи. Излишнихъ архіереевъ отозвать въ Москву съ пенсіономъ для предотвращенія вредныхъ послѣдствій. «Хотя эта мѣра жестка и крута, но въ отношеніи къ общему добру необходима». Ѳеофилактъ полагалъ уничтожить и синодальную контору. Со времени учрежденія своего она ничего не сдѣлала. Члены часто не ходили; отъ сего происходитъ, что предусматривающіе несогласіе какого либо члена слушали и рѣшали бумаги въ небытность его въ Конторѣ. Прокуроръ занималъ ее своими предложеніями по дѣламъ, принадлежащимъ епархескому управленію и должности его ни мало не соотвѣтственнымъ. «Замѣтилъ онъ неопрятность въ какой бы то ни было церкви—конторѣ предложеніе; пожаловался кто ему словесно или письменно—предложеніе; усмотрѣлъ онъ въ проѣздѣ чрезъ какое-нибудь мѣсто или узналъ по слуху, что какой нибудь настоятель монастырскій дѣлаетъ злоупотребленіе — предложеніе; понравилось ему въ какой церкви служеніе—предложеніе: отсылать туда изъ епархій священнослужителей для наученія. Не имѣя права истребовать изъ конторы всѣхъ таковыхъ предложеній и представить Святѣйшему Синоду для удостовѣренія, донесу вообще, что нѣтъ, по мнѣнію г. прокурора, въ епархескомъ вѣдомствѣ такого безпорядка или упущенія, которое онъ замѣтя, не могъ бы заставить контору приступить къ изслѣдованію. Имеретинскіе архіереи, узнавъ о розыскахъ г. прокурора по Грузіи и заключивъ изъ оныхъ, что и стряпчіе Грузино-Имеретинской конторы таковымъ же образомъ начнутъ ихъ безпокоить, пришли въ великое смущеніе». Экзархъ указывалъ также на возбуждающую неудовольствіе рѣзкость перехода отъ словеснаго разбирательства къ порядку юридическому и на привычку тамошняго населенія больше слушать лица начальствующаго, нежели исполнять предписанія присутственнаго мѣста. Опредѣляя затѣмъ кругъ дѣйствій экзарха, въ сношеніяхъ его съ архіереями и духовенствомъ въ Грузіи и присоединенныхъ къ Грузіи областяхъ, онъ доносилъ, что занятія его будутъ состоять

въ приведеніи въ извѣстность числа монастырей и церквей съ духовенствомъ и прихожанами, въ уменьшеніи числа священниковъ, въ учрежденіи смотрителей благочинія, въ открытіи церковныхъ доходовъ, заведеніи приходскихъ и уѣздныхъ училищъ и прочее.

Всѣ эти предположенія *о новомъ устройствѣ духовной части въ Грузіи,* по докладу Святѣйшаго Синода, утверждены Государемъ 28 Декабря 1818 г. за исключеніемъ представленія о закрытіи синодальной конторы, «которой существованіе тѣмъ приличнѣе признается по тамошнему краю, что она, въ лицѣ правительственнаго мѣста, съ большимъ вліяніемъ можетъ содѣйствовать успѣшному ходу дѣлъ въ обоюдномъ согласіи съ экзархомъ, яко предсѣдательствующимъ въ оной, и придастъ, такъ сказать, силу самымъ распоряженіямъ, къ лицу Экзарха относящимся, и который, по сужденіямъ конторы, имѣя производить сношенія отъ лица своего съ архіереями въ Грузіи и прочихъ трехъ областяхъ состоящими, отдалитъ чрезъ то всякія заключенія, встрѣчающіяся по личнымъ предубѣжденіямъ». Тогда же опредѣленъ и ограниченъ кругъ обязанностей конторы и опредѣленъ порядокъ поступленія въ нее дѣлъ, а прокурору дана инструкція [1]).

Проэктъ новаго устройства духовной части въ Грузіи былъ напечатанъ и Ѳеофилакту поручено было привесть его въ исполненіе; а 1 Іюля слѣдующаго года онъ пожалованъ саномъ митрополита. Синодъ не опредѣлилъ, какимъ порядкомъ привесть это въ исполненіе, предоставляя выборъ времени и способа дѣйствія собственному усмотрѣнію экзарха. И экзархъ не заставилъ себя долго ждать. Главное затрудненіе было не относительно Грузіи, но относительно Имеретіи, Мингреліи и Гуріи, упорно отстаивавшихъ свою іерархическую независимость и неприкосновенность своихъ имуществъ. Наконецъ Ѳеофилактъ рѣшился ввести въ нихъ преобразованіе духовнаго управленія, упразднить излишнія епархіи, установить порядокъ опредѣленія священнослужителей, привесть въ ясность церковныя имущества и доходы и измѣнить патуральную церковную подать на денежную и обратить церковные доходы этихъ областей въ общій составъ съ тѣми, кои собираются къ Грузіи.

---

[1]) Арх. Св. Синода 1817 г., № 188.

12 Мая 1819 г. онъ предложилъ синодальной конторѣ, что въ исполненіе даннаго ему въ Декабрѣ 1818 г. повелѣнія, не находя возможности изъ Тифлиса дѣйствовать на помянутыя области, онъ рѣшается самъ отправиться въ Кутаисъ, яко средоточіе оныхъ, и пригласилъ подѣлиться съ нимъ трудами члена конторы, архимандрита Квабтахевскаго монастыря, Аѳанасія [1]) и прокурора Чилаева [2]). Въ конторѣ оставлены три члена подъ временнымъ предсѣдательствомъ архимандрита Елевѳерія; за прокурора оставленъ секретарь Чубинъ.

Аѳанасій отправился въ Мингрелію, Чилаевъ въ Гурію. Ермоловъ далъ имъ копіи съ отношеній его къ тамошнимъ владѣтельнымъ князьямъ, а экзархъ—письма къ архіереямъ.

7 Іюня Аѳанасій прибылъ въ Мартвили. Съ нимъ былъ князь Григорій Церетель. Владѣтельный князь Мингрельскій Дадіанъ сказалъ имъ, что готовъ содѣйствовать имъ въ исполненіи порученія, но не ручается за народъ и дворянство и боится даже за собственную жизнь. Аѳанасій сообщилъ объ этомъ экзарху и писалъ, что, хотя князь указываетъ на сопротивленіе дворянства и простаго народа, но, по его мнѣнію, все происходитъ отъ происковъ духовной власти и отъ превратныхъ внушеній только неблагопамѣренныхъ дворянъ. Въ Мингреліи на 200 съ небольшимъ церквей было три епархіи; первыми двумя Чкондидскою и Цагерейскою упра-

---

[1]) До поступленія въ монашество, *Аѳанасій*, въ мірѣ Алексѣй *Петріевъ*, былъ протоіереемъ въ Кизлярѣ, потомъ директоромъ Тифлисскаго Благороднаго училища По вступленіи въ монастырь, онъ сдѣланъ архимандритомъ и назначенъ настоятелемъ Макарьева Желтоводскаго монастыря, Нижегор. епархіи, въ 1814 г., по указанію Телавскаго архіепископа Досѳея, переведенъ настоятелемъ Квабтахевскаго монастыря въ Грузіи и назначенъ членомъ синод. конторы. Аѳанасій просилъ объ увольненіи его отъ этого назначенія, указывая на то, что троекратные переѣзды его изъ Грузіи въ Россію и обратно совершенно разстроили его здоровье и что онъ желаетъ посвятить себя безмолвному житію. Но, такъ какъ на его назначеніе уже послѣдовало Высочайшее повелѣніе, то Св. Синодъ настоялъ на отправленіи его въ Грузію. Аѳанасій прибылъ въ Тифлисъ въ Апрѣлѣ 1815 г. Правительство очень цѣнило его за отличныя услуги Россіи. По смерти экзарха Ѳеофилакта, Аѳанасій переведенъ былъ въ Москву настоятелемъ Богоявленскаго монастыря; съ 1823 г. былъ настоятелемъ Донскаго монастыря. Скончъ. 17 Окт. 1832 г.

[2]) Надворн. Сов. Василій *Чилаевъ* служилъ прежде переводчикомъ въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, потомъ совѣтникомъ верховнаго грузинскаго правительства въ экспедиціи суда и расправы. Въ 1811 г. главнокомандующимъ въ Грузіи Тормасовымъ отрѣшенъ отъ должности, съ неопредѣленіемъ впредь ни къ какимъ дѣламъ службы; но, по представленію Аѳанасія Телавскаго 6 Ноября 1814 г., Высочайше назначенъ на должность Прокурора синодальной конторы.

вляли митрополиты Виссаріонъ и Іоаннъ—оба изъ владѣтельнаго мингрельскаго дома, дядья владѣтельнаго князя и между собою двоюродные братья; третьею, Чаншскою—управлялъ престарѣлый архіепископъ Григорій изъ рода князей Чикуановъ. Епископы содержались ежегодною денежною податью съ священниковъ, діаконовъ и приходскихъ домовъ по «марчилу», а также сборомъ за проступки и за разрѣшеніе вступленія во 2-й и 3-й браки, въ разныхъ количествахъ, смотря по состоянію и обстоятельствамъ. Чкондидская епархія болѣе другихъ и доходы ея могли бы быть значительные, но они истощались на угощеніе владѣтельнаго князя и его свиты и прочихъ дворянъ, которые, по давнему обычаю, всѣ собираются у митрополита для совѣщаній объ общественныхъ дѣлахъ.

Чилаеву въ Гуріи князь сказалъ, что до времени не можетъ исполнить его требованія. Князья — однофамильцы его и прочіе удѣльные князья изъ его подданныхъ совершенно отказываются отъ повиновенія ему, укрываютъ у себя воровъ и разбойниковъ, захватываютъ у него разнаго пола людей и продаютъ туркамъ и разнымъ другимъ сосѣдственнымъ татарамъ, а тѣ, обращая ихъ въ магометанство, перепродаютъ во внутреннія турецкія области. Когда онъ наказываетъ ихъ за эти злодѣйства, они жалуются на него главнокомандующему въ Грузіи, а главнокомандующій дѣлаетъ ему замѣчанія и даже подтверждаетъ о воздержаніи отъ насилій. При такомъ обезсиленіи его власти со стороны русскаго правительства, онъ, будто бы, просилъ Ермолова взять отъ него званіе Гурійскаго владѣтеля и въ Гуріи ввести русское правительство.

Но это былъ только прологъ. А настоящее дѣйствіе разыгралось *въ Имеретіи*. Еще до прибытія экзарха, Имеретинскіе архіереи клятвенно условились, чтобы никому изъ нихъ не соглашаться быть одному мѣстнымъ архіереемъ (такъ-какъ предположено было оставить въ Имеретіи, вмѣсто четырехъ, одну епархію). Прибывъ въ Кутаисъ, экзархъ старался успокоить ихъ заявленіемъ, что они всѣ останутся на мѣстахъ, если примутъ тотъ образъ управленія епархіями, какой правительство имъ укажетъ. За тѣмъ, истребовавъ отъ нихъ повѣренныхъ съ ихъ стороны для присутствованія при составленіи описи церковнаго имущества, онъ раздѣлилъ прибывшихъ съ нимъ чиновниковъ на два отряда, изъ коихъ къ каждому со стороны гражданскаго начальства былъ прикомандированъ осо-

бый окружный начальникъ. Въ три недѣли описаны были ими округи Кутаисскій и Викинскій; но, когда они приступили къ описанію Шарапанскаго и Рачинскаго округовъ, то появились скопища народа, возбужденнаго прокламаціей дворянъ Шарапанскаго округа къ дворянству Рачинскаго округа и уходомъ въ лѣса Табанскаго архимандрита Григорія, который, забравъ съ собою все имущество церковное, заставилъ всѣхъ смежныхъ священниковъ съ женами и дѣтьми послѣдовать его примѣру. Въ прокламаціи говорилось, что у нихъ хотятъ перемѣнить вѣру, отобрать церковныя имущества, иконы, кресты и забрать архіереевъ и священниковъ. 29 Іюня собрались до двухъ тысячъ князей, дворянъ и всякаго званія людей и съ трубными звуками ходили по селеніямъ. «Князья возъимѣли дерзость произвести мятежный кличъ посредствомъ трубъ въ горахъ, кои здѣсь, на подобіе вѣчевыхъ колоколовъ, въ нѣсколько часовъ могутъ взволновать всю Имеретію, и объявили себя предводителями черни, возбужденной прокламаціею».

Чиновники, описывавшіе Шарапанскій округъ, укрылись отъ устремившейся на нихъ черни въ крѣпости Модинахѣ, принадлежавшей князьямъ Цертелямъ; а по Рачинскому округу въ каѳедральномъ соборѣ. Укрывшій и защищавшій ихъ архіепископъ Софроній потерпѣлъ оскорбленія и побои—отъ мятежниковъ и только послѣ того, какъ они выдали всѣ находившіяся у нихъ бумаги, имъ позволено было возвратиться въ Кутаисъ. Укрывшіеся же въ крѣпости Шарапанскаго округа успѣли переслать свои описи въ Грузію проселочными дорогами и такими же путями въ ночное время соединились съ экзархомъ въ Кутаисѣ. Ѳеофилактъ жилъ здѣсь сначала въ архіерейскомъ домѣ, у митрополита Досиѳея. Но когда начались волненія, то правитель Имеретіи, генералъ-маіоръ Куртитовскій, объявилъ ему, что ни на одни сутки не ручается за его безопасность, ежели не переѣдетъ къ нему и въ то же время съ летучею почтою отправилъ въ Тифлисъ требованіе войскъ для подкрѣпленія расположенныхъ въ Имеретіи.

Ѳеофилактъ поручилъ объявить мятежникамъ, что ничего не намѣренъ дѣлать насильственно и просилъ разойтись; но они отвѣчали, что не разойдутся, пока не будутъ выданы ими составленные чиновниками списки и пока онъ не выѣдетъ изъ Имеретіи. Ѳеофилактъ принужденъ былъ выдать имъ всѣ бывшія у него бумаги и 9 Іюля, подъ прикрытіемъ военнаго конвоя, выѣхалъ изъ Ку-

таиса. Двинувшіяся изъ Грузіи войска, встрѣтились съ нимъ между Сурамомъ и Горп и, по сношенію его съ генералъ-лейтенантомъ Вельяминовымъ, возвратились на свои прежнія мѣста. На половинѣ пути, въ русскомъ военномъ конвоѣ непримѣтнымъ образомъ очутился одинъ подосланный мятежниками имеретинъ съ заряженнымъ ружьемъ и пистолетомъ и схваченъ у самой коляски экзарха.

По своему церковному быту, также какъ и по своему гражданскому устройству, Имеретія была слишкомъ далека отъ духовнаго и государственнаго устройства Россіи. Экзархъ доносилъ Святѣйшему Синоду, что Имеретинскіе архіереи управляютъ епархіями безъ всякаго письмоводства, не имѣя ни клировыхъ вѣдомостей, ни списковъ церковныхъ крестьянъ, ни описи ризничныхъ вещей. Духовенство всякаго званія относится къ нимъ всегда словеспыми просьбами и жалобами и просьбы словесно разрѣшаются. Рукоположеніе архимандритовъ, священниковъ и діаконовъ происходитъ не справляясь, есть-ли вакансія и настоитъ ли въ рукоположеніи потребность. Въ иныхъ приходахъ, при сотнѣ приходскихъ дымовъ, 8 священниковъ, а въ иныхъ, при 150 дымахъ, одинъ только іеромонахъ съ іеродіакономъ. Помѣщичьихъ крестьянъ рукополагаютъ въ священники завсегда скрытно отъ ихъ владѣльцевъ, адресуя ихъ къ Гуріельскому и Мингрельскому архіереямъ. Постригать въ монахи властенъ былъ каждый настоятель и нѣтъ мужескаго монастыря, въ коемъ не жили бы монахини для прислугъ.

Жизнь Имеретинскихъ архіереевъ походитъ болѣе на жизнь кочующихъ. Придерживаясь пословицы –хлѣбъ за нами не ходитъ—они перемѣняютъ столько мѣстъ въ году, сколько есть деревень, могущихъ прокормить многолюдную ихъ свиту. А обязанности свиты другія, чѣмъ въ Россіи: именно узнавать, сколько времени какая деревня можетъ довольствовать архіерея со свитою; наблюдать за исправнымъ взносомъ податей, за вступленіе во вторые и третьи браки; собирать подати за проступки и грѣхи всякаго рода, исключая уголовныхъ преступленій и за погребеніе умершихъ. Священникъ, не соблюдшій при погребеніи интереса своего архіерея, лишается всего, что не успѣетъ скрыть отъ поисковъ.

Богослуженіе считается у нихъ дѣломъ какбы чуждымъ архіереямъ. Оно предоставляется низшему духовенству. Кутаисскій митрополитъ Досиѳей, за 30 лѣтъ архіерейства, не служилъ болѣе

10 разъ. Гаенатскій митрополитъ Евѳимій и другіе временно сами служатъ, но служеніе ихъ ничѣмъ не отличается отъ священническаго; и, такъ какъ духовенство малограмотно и изъ 100 человѣкъ найдется развѣ одинъ, разумѣющій церковное пѣніе, то вся служба состоитъ изъ одного только чтенія.

Главными зачинщиками возмущенія въ Имеретіи экзархъ считалъ митрополитовъ Досѳея Кутателя и Евѳимія Генителя. Первый силенъ по связи съ князьями, нерасположенными къ русскому правительству, а послѣдній по родству съ первымъ, такъ какъ они по матерямъ двоюродные братья. Экзархъ настаивалъ, что ихъ нужно удалить изъ Имеретіи въ Россію, а архіереемъ всей Имеретіи сдѣлать Софронія [1]).

Такимъ образомъ экспедиція экзарха потерпѣла неудачу. Но, при всемъ томъ, она имѣла то важное послѣдствіе, что внѣдрила въ мысли князей и духовенства убѣжденіе въ неотразимости духовной реформы въ ихъ областяхъ и епархіяхъ и даже прямо намѣтила и подготовила эту реформу. Главнокомандующимъ въ Грузіи былъ тогда Ермоловъ. Онъ написалъ къ князю Голицыну въ сильныхъ выраженіяхъ, что еще предшественникъ его сообщалъ о неудобствахъ вступать въ распоряженіе церковными имуществами въ Мингреліи и Гуріи, но никакого отзыва на это не послѣдовало; посему, когда преосвященный митрополитъ Ѳеофилактъ прислалъ къ нему пять экземпляровъ Высочайше утвержденнаго 28 Декабря 1818 г. доклада Святѣйшаго Синода объ учрежденіи въ каждой области по одной только епархіи, то принялъ это распоряженіе въ томъ видѣ, что представленія предшественника его не удостоились Высочайшаго уваженія. При томъ, бывъ увѣренъ, что если откроется малѣйшая возможность къ достиженію предположенной правительствомъ цѣли, то конечно никто другой не успѣетъ въ дѣлѣ семъ столько, какъ извѣстный отличнымъ своимъ благоразуміемъ и способностями преосвященный митрополитъ Ѳеофилактъ, онъ немедленно разослалъ экземпляры Синодальнаго доклада въ экспедицію Верховнаго Грузинскаго правительства и къ правителю Имеретіи, поручивъ ему сообщить о содержаніи ихъ владѣтельнымъ князьямъ Мингреліи и Гуріи. Предъ отправленіемъ митрополита въ Имеретію, онъ исполнилъ его требованіе—далъ предписаніе управляющему въ

[1]) Донесеніе Св. Синоду 21 Іюля 1819 г.

Имеретіи и отнесся къ князьямъ Мингреліи и Гуріи, по зная на опытѣ грубое невѣжество обитателей сего края и сколь еще далеки они отъ всякаго понятія о просвѣщеніи и благоустройствѣ онъ не оставилъ, при личныхъ объясненіяхъ съ экзархомъ, сообщить всѣ его по этому предмету опасенія, стараясь убѣдить его, что въ дѣйствіяхъ между симъ народомъ, совершенно еще не образованнымъ, нужно имѣть снисхожденія и осторожности гораздо болѣе, чѣмъ въ Грузіи, гдѣ присутствіе главнаго начальника края и особенныя внушенія маршаламъ дворянства и лучшихъ фамилій князьямъ могли имѣть въ семъ дѣлѣ больше вліянія.—Чрезъ нѣсколько дней по отъѣздѣ митрополита изъ Тифлиса, онъ отправился на Кавказскую линію, а 11 Іюля получилъ увѣдомленіе о возмущеніи, происшедшемъ отъ дѣйствій по духовной части митрополита Ѳеофилакта. Заканчивая свое изложеніе, Ермоловъ писалъ, что на счетъ возстановленія въ Имеретіи спокойствія ничего еще утвердительнаго сказать не можно, тѣмъ болѣе, что мятежники, расходясь по домамъ, обязались присягою соединиться для дѣйствія противъ насъ и что народы Мингрельскій и Гурійскій будто бы приглашаются Имеретинцами и готовы во всякомъ случаѣ имъ содѣйствовать.

Государь повелѣлъ разсмотрѣть въ Святѣйшемъ Синодѣ доношенія митрополита Ѳеофилакта совмѣстно съ донесеніями главнокомандующаго. Святѣйшій Синодъ полагалъ предоставить главноуправляющему Грузіею войти въ разсмотрѣніе и соображеніе о мѣрахъ къ устройству духовной части въ Имеретіи, Мингреліи и Гуріи и, по соображеніи таковыхъ мѣръ, увѣдомить объ оныхъ экзарха Грузіи для совокупнаго тогда между ими соглашенія и представленія о томъ Святѣйшему Синоду; а экзарху дать знать указомъ, чтобы, по встрѣтившимся затрудненіямъ, всякое дѣйствіе преобразованія въ сихъ областяхъ, впредь до предписанія, было остановлено [1]).

Получивъ указъ Святѣйшаго Синода отъ 17 Ноября 1819 г., Ѳеофилактъ прекратилъ всякое дѣйствіе преобразованія въ Имеретіи, Мингреліи и Гуріи, оставаясь въ спокойномъ ожиданіи отъ главно-

---

[1]) Опред. Св. Синода 17 Сентября 1819 г. Высочайше утверждено 28 Октября. Синодальное опредѣленіе подписали: М. Михаилъ, Варлаамъ, Архіепископы Антоній Ярославскій и Филаретъ Тверской и два протоіерея Крипицкій и Державинъ.

командующаго сообщеній для совмѣстнаго съ нимъ соглашенія; а между тѣмъ главнокомандующій 16 Февраля 1820 г. увѣдомилъ его, что онъ передалъ это соглашеніе генералъ-лейтенанту Вельяминову [1]), обязавъ ихъ войти въ сношенія по сему предмету съ князьями Мингрельскимъ и Гурійскимъ. Экзархъ писалъ къ князю Голицыну, что эта передача привела его въ крайнее недоумѣніе, и что въ отношеніи къ князьямъ она крайне не благонадежна. Но тѣмъ не менѣе этою передачею главнокомандующій устранялъ себя отъ вмѣшательства въ это дѣло и вести его приходилось опять таки экзарху.

Выше мы сказали, что Ѳеофилактъ представилъ Святѣйшему Синоду о необходимости удаленія изъ Имеретіи двухъ враждебныхъ митрополитовъ, Досиѳея Кутателя и Евѳимія Гепателя. Князь Голицынъ въ Январѣ 1820 года сообщилъ главнокомандующему о Высочайшемъ соизволеніи на приведеніе этой мѣры въ исполненіе, по его ближайшему усмотрѣнію. Поручивъ исполненіе этого генералъ-лейтенанту Вельяминову, Ермоловъ писалъ къ экзарху, что «время положить конецъ чрезмѣрному вліянію имеретинскаго духовенства на умы народа и если онъ (экзархъ), по какимъ либо неизвѣстнымъ ему причинамъ, не рѣшится осудить особъ столь высокаго сана, то не оставилъ бы содѣйствовать Вельяминову совѣтами». Въ заключеніе главнокомандующій просилъ экзарха сообщить Вельяминову, имѣетъ ли онъ въ Имеретіи людей благонамѣренныхъ, кои могли бы немедленно замѣстить митрополитовъ Кутателя и Гепателя. Экзархъ отвѣчалъ, что до будущаго усмотрѣнія завѣдываніе духовными дѣлами по Кутаисскому, Вакинскому и Рачинскому округамъ можно поручить Рачинскому архіепископу Софронію, а по Шарапанскому —митрополиту Давиду Церетелю.

Въ ночь на 5-е Марта митрополиты Досиоей и Евоимій удалены изъ Имеретіи. Досиоей въ проѣздъ чрезъ Карталинію скончался и погребенъ въ соборной церкви города Ананура; а Евоимій, вмѣстѣ съ Табанскимъ архимандритомъ Григоріемъ, помѣщены въ Александро-Свирскомъ монастырѣ, Новгородской епархіи, гдѣ митрополитъ Евоимій и умеръ въ 1822 г.

---

[1]) Генер.-лейт. *Вельяминовъ*, Иванъ Александр., заступалъ мѣсто Ермолова во время отсутствія его по военнымъ дѣламъ изъ Грузіи. Впослѣдствіи былъ Генералъ-Губернаторомъ Западной Сибири.

Руководимый Ѳеофилактомъ, Софроній оказалъ чрезвычайную дѣятельность по управленію духовною частію Имеретіи и устройству ея, согласно съ видами правительства, вслѣдствіе чего, по представленію экзарха, поручено ему управленіе духовною частію всей Имеретіи съ переименованіемъ его изъ Рачинскаго въ Имеретинскаго архіепископа. Митрополиту Давиду оставленъ въ управленіе Джручскій монастырь.

При такомъ приведеніи Имеретіи въ желанное благоустройство, экзархъ ходатайствовалъ, чтобы дарованная въ 1808 году Грузинскому духовенству милость освобожденія его вмѣстѣ съ дѣтьми отъ рабства, распространена была и на Имеретинское духовенство и представлялъ, о введеніи въ Имеретіи нѣкоторыхъ другихъ мѣръ, уже принятыхъ въ Грузіи. Но главнокомандующій, по поводу этихъ предположеній, сообщилъ князю Голицыну, что не находитъ осуществленіе ихъ удобнымъ и въ заключеніе счелъ долгомъ выразить свое мнѣніе, что никакія преобразованія по части управленія церковными имѣніями въ Имеретіи не должны имѣть мѣста безъ содѣйствія главнаго начальства или всеконечно надлежитъ снять съ него отвѣтственность за происшествія (30 Мая 1820 г.) [1]). На этомъ дѣло остановилось. Но въ отношеніи духовнаго порядка Имеретія приведена была въ благоустройство. Внѣ зависимости отъ экзарха остались только Мингрелія и Гурія [2]).

Между тѣмъ дни Ѳеофилакта были сочтены. Трудныя и тяжелыя обстоятельства, при которыхъ приходилось ему дѣйствовать, не сломили его. Но предчувствіе подсказывало ему недоброе. Онъ писалъ къ князю Голицыну и просилъ взять его изъ Грузіи, но Голицынъ удерживалъ его, ссылаясь на то, что трудно замѣнить его. За подвигъ устройства духовной части въ Имеретіи пожалованъ ему 11 Іюня орденъ Владиміра 1 ст., но, кажется, онъ не успѣлъ получить его.

Въ Іюлѣ преосвященный Ѳеофилактъ выѣхалъ въ Кахетію для обозрѣнія епархіи, и 19 Іюля скончался въ Бодбійскомъ Сигнахскомъ монастырѣ. Управлявшій этимъ монастыремъ, митрополитъ

---

[1]) Дѣло Арх. Св. Синода 1819 г., № 553. Ср. Рапортъ Ермолова Начальнику Главнаго Штаба Е. И. В. Князю Волконскому отъ 28 Мая 1820 г. Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. 1867 г., III, стр. 123.

[2]) Введеніе въ нихъ новаго устройства духовной части совершено уже при его преемникѣ.

Іоаннъ Бодбель, донесъ синодальной конторѣ, что митрополитъ Ѳеофилактъ занемогъ горячкою и послѣ 9-дневной болѣзни возъимѣлъ кончину 19 числа въ $5^1/_2$ часовъ по полуночи и похороненъ въ томъ же монастырѣ [1]).

Въ 1888 г., въ бытность Государя Императора на Кавказѣ, тогдашній экзархъ Грузіи, преосвященный Палладій, показывалъ Его Величеству Бодбійскій храмъ Святой Нины (нынѣ женская община) и могилу Ѳеофилакта.

---

[1]) Дѣло Арх. Св. Син. 1821 г., № 960. Но въ Грузіи русскіе и грузины знали и выдавали за достовѣрное, что Ѳеофилактъ былъ отравленъ и называли даже лицо, которое совершило это преступленіе. Обстоятельства смерти его представляются въ слѣдующемъ видѣ. Послѣ обѣда, 19 Іюля, въ покояхъ и въ обществѣ митрополита Іоанна, съ которымъ былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, Ѳеофилактъ долго сидѣлъ съ митрополитомъ и другими духовными лицами на балконѣ; потомъ пошелъ отдохнуть, сказавши, чтобы они не уходили и что онъ скоро вернется къ нимъ. По время шло,—часъ-другой, митрополитъ послалъ навѣдаться и Ѳеофилакта нашли мертвымъ. Слышано отъ лицъ, заслуживающихъ полнаго довѣрія.

IV.

Архіепископы Михаилъ (Десницкій) и Серафимъ (Глаголевскій) и архимандритъ Филаретъ (Дроздовъ).

Пересмотръ уставовъ духовныхъ училищъ.—Преобразованіе Московскаго, Кіевскаго и Казанскаго академическихъ округовъ.

За выбытіемъ въ 1812 г. М. М. Сперанскаго и въ 1813 г. Ѳеофилакта, въ Коммиссіи остались четыре члена: митрополитъ Амвросій, протопресвитеръ Крницкій, оберъ-священникъ Державинъ и князь Голицынъ.

23 Апрѣля 1814 г. князь Голицынъ предложилъ Коммиссіи: не разсудитъ ли она, по небытію нынѣ двухъ членовъ, пригласить временно въ собраніе присутствующаго въ Синодѣ Минскаго архіепископа Серафима, вызываемаго для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ Черниговскаго архіепископа Михаила, а также ректора С.-Петербургской академіи архимандрита Филарета, для совокупнаго разсмотрѣнія мнѣній, затребованныхъ отъ С.-Петербургскаго академическаго правленія, цензурнаго комитета и новоустроенныхъ низшихъ училищъ о дополненіяхъ и изъятіяхъ въ ихъ уставахъ и вообще объ усовершенствованіи учебной части въ духовныхъ училищахъ [1]). Князь Голицынъ предлагалъ, въ случаѣ принятія этого предложенія, немедленно приступить къ приведенію его въ дѣйствіе, а онъ непосредственно за симъ представитъ Государю Императору на утвержденіе сей мѣры и будетъ испрашивать предварительно Высочайшаго соизволенія на то положеніе, какое Коммиссіею сдѣлано будетъ относительно усовершенствованія училищныхъ уставовъ и всей вообще учебной части.

---

[1]) Ж. К. Д. У. 23 апр. 1814 г. ст. 1.

Коммиссія вполнѣ приняла это предложеніе и затѣмъ собранія ея происходили въ двойномъ составѣ: для текущихъ дѣлъ—въ составѣ постоянныхъ членовъ, а для разсмотрѣнія проэктовъ уставовъ и учебной части—въ совокупности съ временными членами. Этихъ послѣднихъ собраній было всего 5, именно: 28 Апрѣля и 23 Мая, при участіи архіепископа Серафима и архимандрита Филарета, до прибытія архіепископа Михаила и 13 и 27 Іюня и 5 Августа, при участіи Михаила. Высочайшимъ указомъ 30 Августа архіепископы Михаилъ и Серафимъ, переименованный Тверскимъ и ректоръ архимандритъ Филаретъ назначены постоянными членами Коммиссіи [1]).

Михаилъ и Серафимъ, оба будущіе первенствующіе іерархи Русской церкви—принадлежали по рожденію къ одной епархіи—Московской. Михаилъ—Матвѣй Михайловичъ Десницкій былъ сынъ пономаря села Топоркова, Богородицкаго уѣзда; Серафимъ—Степанъ Васильевичъ Глаголевскій—былъ сынъ дьячка Козмодемьянской церкви въ г. Калугѣ, принадлежавшей тогда къ Московской епархіи. Ровесники между собою по лѣтамъ, они въ одно время обучались въ Троицкой семинаріи, въ одно время, по выбору митрополита Платона, поступили въ Филологическую семинарію Ученаго дружескаго общества, основаннаго въ Москвѣ извѣстными мистиками Екатерининскаго царствованія, Новиковымъ и Шварцемъ и, обучаясь въ ней новымъ языкамъ, слушали лекціи въ университетѣ и въ духовной академіи. Но затѣмъ пути ихъ на время пошли въ разныя стороны. Десницкій въ 1785 г. вступилъ въ бракъ и сдѣлался священникомъ церкви Іоанна Воина въ Москвѣ, въ Якиманской части, близъ Калужскихъ воротъ. Глаголевскій въ Мартѣ того же года опредѣленъ учителемъ въ Троицкую семинарію.

Религіозно-мистическое направленіе Дружескаго общества отразилось на душевномъ настроеніи Михаила.

Главными чертами этого направленія были стремленіе къ распространенію между людьми просвѣщенія и Евангельской любви, выражающейся въ дѣлахъ благотворительности. Но спеціальный характеръ этому направленію придавало стремленіе къ таинственности, отыскиваніе сокровеннаго внутренняго смысла въ явленіяхъ человѣческой жизни и природы, мистическое толкованіе книгъ

---

[1]) Ж. К. Д. У. 31 авг. 1814 г.

Ветхаго и Новаго Завѣта, сосредоточенная заботливость объ очищеніи сердца и обновленіи внутренняго человѣка [1]). Михаилъ усвоилъ себѣ лучшія стороны этого направленія, не принявъ его крайностей. Вся жизнь его посвящена была дѣлу просвѣщенія и христіанскаго благотворенія. Будучи приходскимъ священникомъ въ отдаленной части и почти на окраинѣ города, онъ привлекалъ къ себѣ своими поученіями массы слушателей. Поученія его далеко не были образцами ораторскаго искусства, но были просты, понятны и согрѣты теплымъ христіанскимъ чувствомъ. Съ восшествіемъ на престолъ Императора Павла, онъ, по Высочайшему повелѣнію, вызванъ былъ въ 1796 г. въ С.-Петербургъ и опредѣленъ придворнымъ пресвитеромъ [2]). Но судьба вела его къ иному назначенію. Въ 1799 г. онъ овдовѣлъ. Бывшему тогда Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода, графу Хвостову, повелѣно было, вмѣстѣ съ Сергѣемъ Ивановичемъ Плещеевымъ и графомъ Кушелевымъ, извѣдать его расположеніе къ монашеству и, наконецъ, когда назначенъ былъ день къ причисленію его въ иноческій санъ, то въ придворной Гатчинской церкви кромѣ близкихъ, и графа Хвостова изъ свѣтскихъ, никого не было, а находился Императоръ и вся фамилія» [3]). Незадолго передъ тѣмъ, 26 Сентября, членъ Святѣйшаго Синода архимандритъ Феофилактъ посвященъ былъ въ санъ епископа, въ Калугу: вслѣдствіе этого Святѣйшій Синодъ представилъ Государю 29 Ноября докладъ о присутствованіи въ Синодѣ на архимандритской вакансіи соборному іеромонаху Михаилу, съ производствомъ его въ архимандрита первокласснаго Юрьевскаго монастыря и съ порученіемъ ему должности законоучителя въ сухопутномъ шляхетномъ (1-мъ кадетскомъ) корпусѣ. Государь утвердилъ докладъ и назначилъ день для посвященія Михаила въ архимандрита, каковое и совершено въ Высочайшемъ присутствіи 4 Декабря [4]). Въ 1802 г. 20 Іюня онъ посвященъ былъ въ епископа

[1]) П. И. Новиковъ. Библ. записки 1858 г. № 6.

[2]) Состоявшій у принятія прошеній при Императорѣ Павлѣ, Ю. А. Нелединскій-Мелецкой, писалъ къ Оберъ-Прок. Св. Син. Мусину-Пушкину, 16 ноября 1796 г., что Е. И. В. указать изволилъ Московской церкви св. Іоанна Воинственника священника призвать въ Спб., гдѣ и явиться ему у Его И. В.—Мусинъ-Пушкинъ предписалъ Прокурору Моск. синод. конторы, помянутаго священника немедленно сыскавъ, объявить ему сію Высоч. волю и отправить его немедленно въ Спб., давъ прогоны на двѣ лошади. 1 Дек. уже онъ былъ въ С. Петербургѣ и опредѣленъ къ священнической должности въ придворной церкви.

[3]) Сборн. Ак. Наукъ т. XXXVII стр. 537.

[4]) Арх. Св. Син. 1799 г. № 263.

Старорусскаго и былъ викарнымъ митрополита Амвросія въ Новгородѣ; въ слѣдующемъ году, 18 Декабря, переведенъ въ Черниговъ, а въ 1806 г. 19 Ноября возведенъ въ санъ архіепископа. При самомъ поступленіи въ монашество, онъ пожалованъ былъ капелланскимъ орденомъ Іоанна Іерусалимскаго; въ 1803 г., въ бытность викарнымъ, получилъ орденъ Св. Анны 1 ст.; въ 1805 г. алмазные знаки этого ордена.

Серафимъ въ 1787 году переведенъ былъ изъ учителей Троицкой семинаріи въ Заиконоспасскую академію и въ томъ же году, 2 Декабря, вступилъ въ монашество; въ 1795 году возведенъ въ санъ архимандрита; въ 1799 году сдѣланъ ректоромъ академіи, но въ концѣ этого года, въ самый день Рождества Христова, посвященъ былъ въ епископа викарнымъ къ митрополиту Платону; потомъ былъ Вятскимъ, съ 1805 года Смоленскимъ; съ 1812 года Минскимъ, но въ смутное время войны принужденъ былъ оставить Минскъ и искалъ убѣжища въ Смоленскѣ, гдѣ епископомъ былъ Ириней Фальковскій; но когда и Смоленскъ подвергся той же участи, онъ вызванъ былъ въ С.-Петербургъ и съ 1 Января 1813 года былъ присутствующимъ въ Синодѣ. Товарищъ Михаила по воспитанію. Серафимъ не имѣлъ ни тѣхъ дарованій, ни той впечатлительности, ни той горячности къ просвѣщенію, какими отличался Михаилъ. «Не остался онъ—писалъ Сушковъ—въ памяти народной. Нѣтъ разсказовъ о немъ ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ. Рѣдко бесѣдовалъ онъ съ паствою своею и вовсе не слылъ проповѣдникомъ. Не было у него ни пламенныхъ почитателей, ни завистливыхъ недруговъ. Мистическое воспитаніе какбы не оставило своихъ слѣдовъ на Серафимѣ. Онъ какбы подавилъ въ себѣ пытливость, столь общую лучшимъ питомцамъ «дружескаго общества», которые влеклись духомъ ко всему таинственному, загадочному, сверхъ-естественному. Они стремились умомъ и сердцемъ въ область духовъ, искали общенія съ безплотными силами, жаждали чудесъ. Онъ затаилъ въ глубинѣ души своей мистическія мышленія и ощущенія, гаданія и убѣжденія» [1]).

Въ одно время съ Михаиломъ Серафимомъ назначенъ, сперва временнымъ, а потомъ постояннымъ членомъ Коммиссіи, ректоръ С.-Петербургской духовной академіи архимандритъ Филаретъ. Моти-

---

[1]) *Сушкова*, Записки о жизни и времени Филарета, стр. 54. М. 1868.

вомъ къ его назначенію князь Голицынъ указалъ въ своемъ предложеніи на то, что онъ «по собственному опыту много узналъ лично и подробнѣе изъяснитъ настоящее положеніе училищъ». Назначеніе архимандрита Филарета членомъ Коммиссіи было отличіемъ, какого удостоивались не многіе. Онъ сразу входилъ въ самый высокій рядъ духовныхъ сановниковъ. Въ Коммиссіи засѣдали только члены Синода, а изъ присутствовавшихъ въ Синодѣ архіереевъ, во все продолженіе ея существованія, только трое были членами Коммиссіи—именно сейчасъ поименованные—архіепископы Черниговскій Михаилъ и Минскій Серафимъ и впослѣдствіи рязанскій архіепископъ Филаретъ (Амфитеатровъ). Князь Голицынъ оцѣнилъ его высокія дарованія, соединенныя съ величайшимъ практическимъ тактомъ и съ способностію къ быстрой и продолжительно-неутомимой дѣятельности. Поставивъ его, какъ ректора академіи, во главѣ С.-Петербургскаго учебнаго округа, а какъ члена Коммиссіи—въ центрѣ управленія всѣми духовно-учебными заведеніями, онъ *велъ съ нимъ* дѣло дальнѣйшаго преобразованія и усовершенствованія духовныхъ училищъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отдавая только справедливость его величайшимъ заслугамъ, онъ велъ его, пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ и полномочіемъ, съ небывалою быстротою къ высокимъ ступенямъ въ духовной іерархіи, не стѣсняясь никакими условіями существовавшихъ въ этомъ отношеніи обычаевъ и порядковъ.

Первымъ предметомъ обсужденія Коммиссіи 28 Апрѣля съ участіемъ Серафима и Филарета, но еще до прибытія Михаила, былъ составленный Филаретомъ и внесенный митрополитомъ Амвросіемъ обширный проэктъ: 1) о порядкѣ окончательнаго испытанія воспитанниковъ 1-го курса С.-Петербургской духовной академіи и распредѣленіи ихъ по мѣстамъ; 2) объ устроеніи втораго и слѣдующихъ академическихъ курсовъ; 3) о преобразованіи семинарій С.-Петербургскаго учебнаго округа, кромѣ С.-Петербургской, преобразованной въ 1809 году; 4) о преобразованіи Московской академіи и Московскаго учебнаго округа.

Первый курсъ С.-Петербургской духовной академіи, въ образованіи котораго Филаретъ потрудился такъ много, былъ первымъ предметомъ его любви и заботливости. Онъ возлагалъ на него большія надежды. «Нынѣшніе студенты здѣшней академіи суть выборъ всего лучшаго изъ всѣхъ, или, по крайней мѣрѣ, изъ многолюднѣй-

шихъ и образованнѣйшихъ епархій цѣлой Россіи. И такъ или сей или никакой курсъ для цѣлой Россіи». Посему онъ прилагалъ особенное попеченіе о распредѣленіи ихъ «съ особою для нихъ честію и выгодою, и даже съ нѣкоторымъ блескомъ». Размѣщеніе ихъ стояло въ тѣсной связи съ преобразованіемъ учебныхъ округовъ.

Отъ всѣхъ преосвященныхъ, епархіи конхъ находятся въ преобразуемомъ округѣ, потребованы были свѣдѣнія: «могутъ-ли ректоры и инспекторы (по прежнему префекты) академій и семинарій оставаться въ своихъ должностяхъ съ пользою для учебныхъ заведеній». Если кто изъ нихъ, преосвященныхъ, найдетъ нужнымъ опредѣлить къ своей семинаріи новаго ректора, то онъ относится о семъ въ Коммиссію Духовныхъ Училищъ, какъ равно и о томъ, на какое мѣсто безъ обиды можетъ быть опредѣленъ прежній ректоръ. Если кто изъ ректоровъ семинаріи можетъ оставаться при сей должности, но по старости или другимъ причинамъ не можетъ соединить съ нею должности профессора богословскихъ наукъ: епархіальный преосвященный можетъ требовать отъ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ профессора на классъ богословскій. Эти правила примѣнены также и къ префектамъ. Отъ учителей, которые могутъ быть рекомендованы въ профессоры, требовались конспекты тѣхъ предметовъ, преподаваніе которыхъ они желали принять на себя. Конспекты эти препровождались въ академическое правленіе, которое вносило ихъ потомъ въ Коммиссію съ своими замѣчаніями. О наставникахъ, которыхъ надлежало замѣнить другими, поручалось преосвященнымъ сдѣлать разсмотрѣніе, которые изъ нихъ могутъ оставаться при мѣстахъ епархіальныхъ, которые могутъ быть уволены въ свѣтское званіе и для которыхъ потребуются мѣста въ званіи духовномъ и какъ для сихъ, такъ и въ пользу новыхъ профессоровъ удержать нѣсколько незанятыхъ мѣстъ священнослужительскихъ и настоятельскихъ.

Въ виду предстоявшаго открытія Московской академіи съ ея учебнымъ округомъ, въ проэктѣ предлагались подробнѣйшія соображенія о распредѣленіи и помѣщеніи училищъ въ Московской епархіи, какъ центральной въ округѣ. По этимъ соображеніямъ предполагалось Московскому уѣздному училищу быть среди Москвы, дабы дѣти, живущіе въ домахъ родителей и родственниковъ, удобно могли ходить въ оное на уроки. Такимъ мѣстомъ оказывался Заиконоспасскій монастырь, въ которомъ дотолѣ и была академія.

Прочія уѣздныя училища образовать изъ существующихъ семинарій и училищъ въ Коломнѣ, Дмитровѣ, Звенигородѣ и Вноаніи, гдѣ семинаріею самъ блаженной памяти преосвященный Платонъ почиталъ излишнею. Московская семинарія, какъ училище для цѣлой епархіи, должна быть въ срединѣ епархіи. Удобнымъ для нея мѣстомъ признавался Перервинскій монастырь, въ которомъ и была (въ 1814 г.) неполная семинарія и библіотека и въ которомъ могли жить до 300 воспитанниковъ. Академія, какъ училище цѣлому округу общее, менѣе привязана къ средоточію епархіи. Какъ мѣсто высшаго образованія возрастныхъ уже воспитанниковъ и послѣдняго приготовленія ихъ къ должностямъ духовнымъ, она должна быть удалена отъ разсѣянія, свойственнаго многолюднымъ городамъ. Долженствуя быть духовнымъ обществомъ ученыхъ людей, она должна быть въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы ученый кругъ не былъ, такъ сказать, поглощаемъ коловращеніями политическими. Гдѣ бы начальство ни стало искать такого мѣста, вездѣ потребуется новое совершенно заведеніе, кромѣ Сергіевой лавры. Здѣсь, кромѣ другихъ зданій, занимаемыхъ семинаріею, можетъ быть употребленъ для новой академіи обширный и твердый корпусъ, извѣстный подъ именемъ *чертоговъ*, котораго нижнимъ этажемъ пользуется семинарія, а верхній остается не занятымъ. При томъ здѣсь готовы двѣ важныя библіотеки—Лаврская и Вноанская. И такъ навсегда, или на время, только здѣсь съ удобностію можетъ открыта быть академія по новому образованію [1]).

Въ этомъ же проэктѣ предложена была мѣра, которая существенно видоизмѣнила прежнія предположенія *о назначеніи постоянныхъ окладовъ содержанія церковнымъ причтамъ.*

Въ докладѣ Комитета объ усовершеніи училищъ положено было: по истеченіи шести лѣтъ съ открытія С.-Петербургскаго учебнаго округа, учредить распредѣленіе мѣстъ духовныхъ по классамъ церквей и на содержаніе церковныхъ причтовъ по силѣ §§ 134—137 «начертанія правилъ» производить оклады, простирающіеся отъ 300 до 1000 рублей. Еще въ 1812 году, пожертвовавъ пять милліоновъ на чрезвычайныя надобности, Коммиссія надѣялась выполнить предначертанія Комитета о назначеніи постоянныхъ окладовъ причтамъ изъ поступленій и сбереженій будущаго времени и въ

[1]) Ж. К. Д. У. 28 апр. 1814 г.

1813 году внесла въ Синодъ, составленный преосвященнымъ Ѳеофилактомъ, планъ распредѣленія церквей по классамъ. Но, по состоянію суммъ Комитета, уже въ то время видѣлись крайнія затрудненія къ осуществленію этого предначертанія.—Съ продолженіемъ времени и съ приближеніемъ назначеннаго 6-лѣтняго срока, затрудненія эти не уменьшались, а увеличивались и становились «непреодолимыми». Посему въ проэктѣ Филарета предложенъ былъ опытъ новыхъ правилъ, на которыхъ полагалось основать частное, на первый случай, исполненіе положенія о классныхъ окладахъ для бѣлаго духовенства. Правила эти состояли въ томъ, чтобы 1) вмѣсто распредѣленія церквей на классы установить степени между лицами, занимающими священнослужительскія мѣста, независимо отъ самыхъ мѣстъ и предполагаемые для бѣлаго духовенства классные оклады присвоить, на первый разъ, не извѣстнымъ какимъ либо церквамъ, но извѣстнымъ достойнымъ лицамъ, къ какимъ бы они церквамъ ни поступили: поелику соревнованіе должно ввести не между церквами, а между лицами духовными, изъ коихъ просвѣщеннѣйшихъ и достойнѣйшихъ мужей иногда нужно по важнымъ церковнымъ и духовнымъ причинамъ опредѣлять къ такимъ церквамъ, которыя, по бѣдности своей, никогда не войдутъ въ первые классы; 2) право получать классные оклады дать тѣмъ, которые заслужатъ званія докторовъ, магистровъ и кандидатовъ, при соотвѣтственномъ просвѣщенію поведеніи; 3) доктору предоставить окладъ первоклассный, то есть 500 руб.; магистру—второклассный т. е. 350 руб.; кандидату—третьеклассный т. е. 250 руб.; 4) полученіе сихъ окладовъ назначить со времени посвященія въ священнослужительскій санъ; 5) служащимъ при духовныхъ училищахъ, если они объявятъ непремѣнное желаніе вступить въ духовное званіе, допустить и прежде посвященія ихъ выдачу сихъ окладовъ, какъ предположенное Комитетомъ дополненіе окладовъ училищныхъ [1]). Коммиссія распространила право полученія классныхъ окладовъ, согласно сказанному на 25-й страницѣ «начертанія правилъ», и на монашествующихъ, если они имѣютъ какія либо степени академическія и проходятъ должности училищныя [2]).

За тѣмъ начался пересмотръ проэктовъ уставовъ духовныхъ училищъ. Въ Маѣ 1814 года митрополитъ Амвросій внесъ въ Ком-

[1]) Ж. К. Д. У. 28 апр. 1814 г.
[2]) Ж. К. Д. У. 2 сент. 1814 г.

миссію, составленный архимандритомъ Филаретомъ, первый *опытъ объ изъятіяхъ и дополненіяхъ по первой части проэкта устава духовныхъ академій*. Выше видѣли мы, что эта часть академическаго устава составлена была М. М. Сперанскимъ, потомъ пересмотрѣна преосвященнымъ Ѳеофилактомъ, который дополнилъ ее многими статьями. Въ этой послѣдней редакціи проэктъ устава духовныхъ академій и былъ напечатанъ въ 1810 г. Внесенныя митрополитомъ Амвросіемъ замѣчанія, относились, частію къ первоначальной редакціи М. М. Сперанскаго, частію къ статьямъ внесеннымъ или исправленнымъ Ѳеофилактомъ и частію, наконецъ, составляютъ новыя статьи. Самыя важныя изъ этихъ замѣчаній относятся къ статьямъ, опредѣляющимъ (и вмѣстѣ съ тѣмъ ограничивавшимъ) кругъ власти и дѣйствій епархіальнаго архіерея въ отношеніи къ академическому правленію и ректора академіи въ его управленіи академіею. О направленіи этихъ статей прежней редакціи можно судить по замѣчаніямъ на 41-й пунктъ устава. Въ этомъ пунктѣ сказано было: «Ректоръ лично входитъ въ одно учебное управленіе». По поводу этого въ предложеніи говорится: «Слѣдственно въ управленіе нравственное и экономическое онъ входить *лично* не долженъ; слѣдственно, ежели онъ когда либо войдетъ въ комнаты студентовъ, дабы *лично* видѣть, занимаются-ли они соотвѣтственнымъ времени дѣломъ и соблюдается ли благочиніе; то преступитъ предѣлы своей власти; слѣдственно, ежели онъ иногда заглянетъ въ столовую, дабы *лично* усмотрѣть, есть ли въ содержаніи пищею довольство, порядокъ и опрятность, то его можно за сіе подвергнуть суду. Какъ же при семъ надзоръ его можетъ простираться и на нравственную и на экономическую часть, какъ требуетъ тотъ же самый пунктъ устава?

Да будетъ благоволено принять къ разсмотрѣнію:

а) что если изъ трехъ членовъ академическаго правленія, ректора, инспектора и эконома, ни одинъ не будетъ имѣть право личнаго надзора за всѣми частями управленія, но каждый будетъ равно полномочнымъ начальникомъ своей части: то академія будетъ треглавнымъ или, лучше, безглавнымъ тѣломъ; б) что независимые другъ отъ друга ректоръ, инспекторъ и экономъ, могутъ только препятствовать другъ другу въ дѣйствованіи, а не могутъ печись о благоустройствѣ цѣлаго; в) что опыты ученой республики или многоначалія, сдѣланныя въ свѣтскихъ училищахъ не были ща-

стливы; г) что всегда и вездѣ паиболѣе процвѣтали тѣ училища, въ которыхъ болѣе было единоначалія; д) что единоначальное и отеческое правленіе особенно прилпчествуетъ духовнымъ училищамъ, есть ли дѣйствительно всѣ установленія, утверждающія повиновеніе и уваженіе къ начальству, должны быть наипаче въ духовныхъ училищахъ строго сохраняемы, какъ сказано въ 10 пунктѣ Введенія къ уставу; е) что есть ли нужно предупреждать злоупотребленія власти: то лучше сіе совершится строгимъ избраніемъ тѣхъ, которымъ она ввѣряется, нежели ограниченіемъ способовъ употреблять ее; ж) что въ свѣтскихъ даже училищахъ, по новымъ уставамъ, какъ можно видѣть изъ устава Московскаго университета, болѣе видно формъ единоначалія, нежели въ уставѣ духовныхъ академій, нынѣ существующемъ».

Пунктомъ 86-мъ запрещаются для инспектора всѣ правила и распоряженія, не утвержденныя опредѣленіемъ правленія. Сія строгость, не ограниченно простираемая на всѣ подробности распоряженій, ни къ чему не служитъ, развѣ къ тягостному распространенію письмоводства и стѣсненію инспектора въ его дѣйствованіи, потому что при каждомъ его приказаніи каждый студентъ будетъ въ правѣ у него потребовать отчетъ, есть ли на то утвержденіе правленія. Въ правленіи училищномъ, особенно въ духовномъ, нужно болѣе духа отеческаго, нежели формъ письмоводства. Посему въ указанномъ пунктѣ нужно сдѣлать слѣдующее ограниченіе: «правила и распоряженія, не утвержденныя опредѣленіемъ правленія *или словеснымъ совѣщаніемъ инспектора съ ректоромъ*, считаются произвольными».

Первый составитель 1-й части академическаго устава М. М. Сперанскій имѣлъ пристрастіе къ классу словесныхъ наукъ, можетъ быть потому, что самъ былъ профессоромъ этого класса въ главной семинаріи. Посему въ правилахъ о преподаваніи предметовъ этого класса онъ съ подробностію перечислилъ образцовыхъ писателей, съ мнѣніями которыхъ профессоръ долженъ ознакомить своихъ слушателей,—чего не сдѣлалъ относительно прочихъ классовъ. Это дало поводъ къ слѣдующему замѣчанію: «Въ замѣчаніяхъ о классѣ словесныхъ наукъ въ 116 и 120 пунктахъ, между прочими образцовыми писателями, поименованы: Боало, Сюльцеръ, Баумгартенъ, Бюффонъ, Дю-Марсе, и особенно рекомендованъ Беккаріи [1]). Но въ

[1]) Въ первоначальной редакціи ст. 105 (по изд. 1810 г. 116) читалась такъ: „профессоръ класса словесности долженъ показать студентамъ мнѣнія о изящномъ

статьяхъ о математикѣ, философіи, богословіи, ни объ одномъ изъ новыхъ писателей именно не сказано. Что это значитъ, скажетъ внимательный читатель устава духовныхъ академій? Неужели въ духовныхъ училищахъ должны быть славнѣе имена словесниковъ, нежели богослововъ? Или богословія, философія, математика не имѣютъ столь важныхъ въ своемъ родѣ писателей, какъ словесность? И кто же суть сіи наставники словесности? Это — Бюффонъ, Дюмарсе, Беккарій, натуралисты, подвижники Волтеріанской философіи! Особенно Беккарій, который въ книгѣ о преступленіяхъ и наказаніяхъ называетъ присягу обрядомъ безполезнымъ и противнымъ природѣ человѣческой; въ § XXIV не совѣтуетъ наказывать за богохуленіе; въ § XXXV оправдываетъ самоубійство? Неужели умъ человѣческій только во врагахъ истиннаго и добраго могъ постигнуть изящное? Дабы отвратить сіи огорчительныя соображенія, не будетъ несправедливо исчисленныя здѣсь имена изъ устава вычернить и особенно 111 пункту дать слѣдующее преобразованіе: профессоръ класса словесности долженъ показать студентамъ мнѣнія о изящномъ лучшихъ въ семъ родѣ писателей, каковы суть изъ древнихъ: Платонъ, Аристотель, Цицеронъ, Горацій, Квинтиліанъ, Лонгинъ; изъ новѣйшихъ—Фенелонъ, Ролленъ. Другіе новѣйшіе должны быть употребляемы съ прозорливою критикою, потому что нѣкоторые дерзкимъ и пагубнымъ отвлеченіемъ отторгли изящное отъ истиннаго и добраго [1]).

Пунктомъ 65-мъ устава постановлено было студентамъ исповѣдоваться и пріобщаться Св. Таинъ на послѣдней недѣлѣ великаго поста. Въ предложеніи замѣчено по этому поводу: «пунктъ 65 не позволяетъ духовнымъ воспитанникамъ исповѣдаться и пріобщаться

лучшихъ въ семъ родѣ писателей, каковы суть изъ древнихъ: Платонъ, Аристотель, Цицеронъ, Горацій, Квинтиліанъ и Лонгинъ; изъ новѣйшихъ—Фенелонъ, Ролленъ, Буало, Сюльцеръ, Баумгартенъ, Дидеротъ, Бюффонъ и особенно Беккарій.

[1]) Въ представленіи академическаго Правленія этотъ же § устава также подвергся критикѣ. „Въ § 116 учащему поставляется обязанностію показать, между прочимъ, о изящномъ мнѣнія Платона, Буало и Бюффона. Платона разговоръ, называемый Симпосіонъ, болѣе соблазнителенъ, нежели наставителенъ. Буало ничего хорошаго не прибавилъ къ правиламъ Горація о стихотворствѣ, исключая исторіи о нѣкоторыхъ французскихъ писателяхъ; толкованія же его на Лонгина мало заслуживаютъ вниманія, а имя писателя сего не токмо въ духовномъ уставѣ, но ни въ какой хорошей книгѣ не должно встрѣчатся. Бюффонъ о изящномъ какія сдѣлалъ открытія, ничего не извѣстно. Посему не благоугодно ли будетъ вмѣсто Платона рекомендовать учащимъ Діонисія, вмѣсто Буало—Лонгина, вмѣсто Бюффона—Блера, извѣстнаго каждому литератору по достоинству своихъ правилъ».

Св. Таинъ въ первую недѣлю великаго поста. Народъ смотритъ на сіе не безъ соблазна. Странно сіе и для самихъ воспитанниковъ, которые съ малолѣтства привыкли проводить сію недѣлю въ молитвѣ и покаяніи. Родъ церковной службы и общій примѣръ усерднѣйшихъ изъ христіанъ въ сіе время преимущественно внушаютъ умиленіе и обращеніе къ Богу. Кромѣ сего Святѣйшимъ Синодомъ постановлено, чтобы каждый принадлежащій къ духовному состоянію болѣе одного раза въ каждый годъ исповѣдывался и пріобщался». Вслѣдъ за тѣмъ, 13 іюня, митрополитъ Амвросій внесъ въ Коммиссію предположенія объ изъятіяхъ и дополненіяхъ ко второй и третьей частямъ проэкта академическаго устава, со включеніемъ правилъ, относящихся къ дѣйствіямъ цензурныхъ комитетовъ при академіяхъ. Коммиссія, принявъ всѣ предложенныя исправленія и дополненія къ проэкту устава духовныхъ академій, постановила сообразно съ ними исправить этотъ проэктъ и напечатать. Тогда же измѣнены и всѣ приложенныя къ первой части академическаго устава формы [1]).

Такимъ образомъ, проэктъ устава духовныхъ академій прошелъ чрезъ три редакціи: первую—М. М. Сперанскаго и Ѳеофилакта, вторую—Ѳеофилакта и третью—Филарета. Въ этой послѣдней редакціи онъ былъ вновь напечатанъ въ 1814 году, а прежде напечатанные экземпляры отбирались и уничтожались.

Учрежденный при академіи, *Цензурный Комитетъ*, также представилъ проэктъ правилъ въ дополненіе къ существовавшимъ въ проэктѣ академическаго устава. Въ соображеніяхъ Коммиссіи указывалось, между прочимъ, на то, что нѣкоторыя духовныя книги *О вѣрѣ во Христа* [2]), *Мысли при чтеніи молитвы Отче нашъ* [3]), *Плачъ Пророка Іереміи* [4]) и другія одобрены свѣтскою цензурою и преданы общественному употребленію. Между тѣмъ свѣтская цензура не всегда можетъ разсматривать духовные предметы съ надлежащею строгостію, какъ потому, что многіе частные догматы и постановленія церкви ей неизвѣстны, такъ и потому, что смотрѣнію ея вручена польза гражданская, а не церковная, хотя бы по обя-

---

[1]) Ж. К. Д. У. 23 Мая и 13 Іюня 1814 г.

[2]) О вѣрѣ во Христа—соч. Ив. Наумова. Напеч. въ 1813 г. въ СПБ. въ Медиц. типографіи.

[3]) Напеч. въ 1814 г. въ типографіи Акад. Наукъ. Катал. Смирдина, № 88.

[4]) Плачъ Іереміи въ 9 книгахъ переложилъ свящ. Гавріилъ Пакатскій. Напеч. въ 1814 г. въ типографіи Военнаго Министерства.

занности, свойственной каждому христіанину—гражданину и не надлежало имѣть такой разграниченности. Сверхъ сего встрѣчаются, одобренныя свѣтскою цензурою, такія книги, которыя заключаютъ въ себѣ и духовное и гражданское; напримѣръ, недавно отпечатанная 4-я часть *О существѣ законовъ, Монтескье* [1]). Въ журналахъ авторъ называется безсмертнымъ и такимъ, коего (книгу) долженъ имѣть всякій человѣкъ мыслящій и коего часто одна строка стоитъ цѣлаго тома. Но въ немъ, между прочимъ, находится противное Евангелію, грекороссійской церкви и отечеству. Въ подтвержденіе этого приведены слѣдующія мѣста: изъ гл. XXIII о праздникахъ: «религія, повелѣвая прекращеніе труда, должна смотрѣть болѣе на нужды людей, нежели на величіе существа, въ честь котораго сіе дѣлается.. Константинъ, установивъ праздновать воскресеніе, сдѣлалъ сіе учрежденіе для городовъ, а не для сельскихъ жителей. Онъ зналъ, что въ городахъ занимаются трудами полезными, а въ селеніяхъ трудами необходимыми». Изъ гл. V: «Духовенство есть родъ, не долженствующій умножаться. Вмѣсто того, чтобы запретить духовенству дѣлать пріобрѣтенія, надобно стараться внушить въ него отвращеніе отъ оныхъ, т. е. оставить право, а самое дѣло уничтожить.. Сіи люди (монахи) играютъ противъ народа, съ тою только разницею, что мечутъ противъ него банкъ.»—Посему Комитетъ духовной цензуры полагалъ, усмотрѣвъ книгу, заключающую въ себѣ предметы духовные и гражданскіе и уже напечатанную по одобреніи свѣтской цензуры, пересмотрѣть оную и если найдется что-либо противное постановленіямъ, просить о запрещеніи ея. Но Коммиссія, утвердивъ всѣ прочія предположенія, оставила этотъ предметъ *до будущаго разсмотрѣнія* [2]).

Между тѣмъ, въ это самое время, обнаружился рѣзкій случай столкновенія свѣтской цензуры съ духовною, съ нарушеніемъ правъ этой послѣдней. Въ 1807 году представлены были въ Московскую духовную цензуру *Размышленія о важнѣйшихъ истинахъ религіи, соч. Іерузалема* [3]), переведенныя съ нѣмецкаго бывшимъ учителемъ Свѣв-

---

[1]) О существѣ законовъ, соч. Монтескье. Перев. съ франц. Дм. Языковъ. 4 части, М. и СПБ. въ типогр. Селивановскаго, въ Университетской и въ типографіи Іоаннесова. 1809—1814.

[2]) Ж. К. Д. У. 13 Іюня 1814 г.

[3]) Іерузалемъ, знаменитый нѣмецкій протестантскій проповѣдникъ, воспитатель наслѣднаго принца Брауншвейгъ-Люнебургскаго, род. 1709. ум. 1789 г. Сочиненіе его: Betrachtungen über die vornehmsten Wahrheiten der Religion.

ской, потомъ Армейской семинаріи, Тим. Крыловымъ. Московская духовная цензура, разсмотрѣвъ эту книгу, нашла, что «по краснорѣчію и пріятности слога она есть изъ числа превосходныхъ твореній и что этимъ она способна заманить всякаго къ чтенію, тѣмъ болѣе, что и переводчикомъ весьма удачно переведена на нашъ отечественный языкъ; но эта пріятность и витіеватость рѣчи есть не что иное, какъ подслащенный ядъ, могущій прельщать простодушныхъ христіанъ. Помѣщенными въ ней умствованіями она опровергаетъ богодухновенность книгъ Священнаго Писанія, ослабляетъ многія откровенныя истины, истребляетъ многія важныя принадлежности христіанской вѣры и съ вольностію толкуетъ о многихъ происшествіяхъ, описываемыхъ въ библейскихъ книгахъ», и посему, неодобривъ оную, возвратила ее переводчику для исправленія мѣстъ, несогласныхъ съ ученіемъ православной Церкви. Переводчикъ сдѣлалъ въ рукописи кое-какія исправленія и въ 1808 г. снова представилъ въ цензуру; но, такъ какъ не были исправлены многія мѣста, могущія поколебать вѣру въ истинность библейскихъ повѣствованій, то цензура опять возвратила книгу безъ одобренія какъ сочиненіе, «въ настоящемъ видѣ для церкви не полезное».

Въ слѣдующемъ году, Н. Н. Баптышъ-Каменскій, почему-то горячо къ сердцу принимавшій это дѣло, прислалъ къ митрополиту Амвросію, старому знакомому своему по Москвѣ, 2-ю и 3-ю части съ просьбою, чтобы все то, что найдено будетъ въ ней соблазнительнымъ, исключить или исправить. Амвросій поручилъ это тому же цензору, который разсматривалъ эту книгу двукратно въ Москвѣ. Цензоръ, архимандритъ Геннадій, сдѣлалъ все, чтобы привесть рукопись въ цензурный видъ, но Коммиссія, все-таки, запретила ее и отослала рукопись въ здѣшній Духовный Цензурный Комитетъ для храненія въ архивѣ. Наконецъ, въ 1814 г., въ прибавленіи къ Русскому Инвалиду № 34, появилось объявленіе, что 2-я и 3-я части Іерузалема въ этомъ году будутъ напечатаны, а въ № 35 Русскій Инвалидъ уже поздравлялъ Русскую литературу съ прекраснымъ переводомъ превосходнаго сочиненія. Духовный Цензурный Комитетъ донесъ объ этомъ Коммиссіи, Коммиссія вошла чрезъ князя Голицына въ сношеніе съ Министромъ Народнаго Просвѣщенія. Графъ Разумовскій отвѣчалъ, что онъ сдѣлалъ распоряженіе объ остановленіи, если еще возможно, печатанія вышеупомянутаго перевода и доставленіи ему подлинной рукописи для усмотрѣнія, не-

ключены ли мѣста, замѣченныя духовною цензурою. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщилъ о сдѣланномъ имъ распоряженіи, чтобы свѣтскіе цензурные комитеты не принимали на разсмотрѣніе книгъ духовнаго содержанія и просилъ сдѣлать распоряженіе, что если въ вышедшихъ уже, съ разрѣшенія свѣтской цензуры, книгахъ духовные цензоры замѣтятъ мѣста, подлежащія сомнѣнію или запрещенію, то его о томъ увѣдомляли бы. Но Коммиссія Духовныхъ Училищъ, признавъ сдѣланное имъ распоряженіе сильною мѣрою противъ печатанія сочиненій и переводовъ сомнительныхъ, свидѣтельствованіе въ духовныхъ цензурахъ тѣхъ книгъ, кои ужъ вышли, по причинѣ многочисленности ихъ и по другимъ уваженіямъ, нашла неудобнымъ. (Ж. К. Д. У. 24 Іюня 1814 г.).

3 Октября С.-Петербургскій Гражданскій Цензурный Комитетъ донесъ Коммиссіи, что объ остановкѣ печатаніемъ перевода *Размышленій Іерузалема* онъ сдѣлалъ нужныя распоряженія, но при этомъ счелъ нужнымъ указать и на тѣ причины, по коимъ онъ далъ одобреніе къ напечатанію этой книги. Оказалось, что переводчикъ скрылъ о томъ, что книга его была уже на разсмотрѣніи духовной цензуры и не одобрена ею; что первая часть напечатана была съ разрѣшенія гражданской цензуры и что книга эта, по содержанію своему, принадлежитъ гражданской цензурѣ: она не есть ни богословіе, ни катихизисъ, ни проповѣдь, ни толкованіе догматовъ вѣры, каковые только и подлежатъ вѣдѣнію духовной цензуры, но содержитъ въ себѣ самыя благоразумныя изслѣдованія о предметахъ вѣры, самыя убѣдительныя доказательства въ ея истинѣ и божественности; по цѣли же своей относится болѣе къ назиданію нравовъ и утвержденію въ христіанскихъ добродѣтеляхъ. Нѣтъ противорѣчія и въ томъ, что гражданская цензура одобрила книгу, которой духовная цензура отказала въ одобреніи. Кругъ дѣйствія той и другой совершенно различный и правила, которыми руководствуется въ одобреніи книгъ духовная цензура, несравненно строже, нежели тѣ, кои предписаны для гражданскихъ цензуръ; равно какъ и уваженіе къ тѣмъ книгамъ, къ коимъ духовная цензура приложила печать своего одобренія, гораздо больше въ публикѣ, нежели какое внушаетъ одобреніе гражданскихъ цензуръ, допускающихъ болѣе свободы мыслить и писать. Наконецъ книга представлена была въ Комитетъ со всѣми тѣми исправленіями, какія сдѣланы были въ ней духовнымъ цензоромъ (какъ оказалось при сличеніи пред-

ставленной въ Комитетъ рукописи съ прежнею, исправленною архимандритомъ Геннадіемъ), а гражданскій цензоръ и еще многія мѣста смягчилъ и исправилъ, а иныя выбросилъ и вообще отнялъ даже малѣйшій поводъ къ сомнѣніямъ, кривымъ толкамъ и предосудительнымъ заключеніямъ. Что касается до внутренняго достоинства книги, то она есть одна изъ числа полезнѣйшихъ въ своемъ родѣ, писана авторомъ въ наставленіе воспитанника его, принца Брауншвейгъ-Люнебургскаго, переведена на всѣ иностранные языки и вездѣ нашла своихъ почитателей. —Въ виду такого отзыва гражданскаго Цензурнаго Комитета, Коммиссія не усмотрѣла надобности воспрещать изданіе упомянутой книги и предоставила ее на отвѣтственность гражданской цензуры [1]); но Министръ Народнаго Просвѣщенія, получивъ увѣдомленіе объ этомъ, подтвердилъ, чтобы она оставалась подъ запрещеніемъ дотолѣ, доколѣ и духовная цензура ее не одобритъ. Оказавшись въ такомъ безвыходномъ положеніи, Крыловъ обратился въ Коммиссію съ просьбою о снятіи запрещенія съ его книги и одобреніи ея къ напечатанію, но Коммиссія отклонила отъ себя это дѣло [2]). Наконецъ уже въ 1817—1819 гг. книга эта была напечатана въ 5 частяхъ съ разрѣшенія свѣтской цензуры [3]).

Такой же цензурный ходъ имѣла книга «*Торжество Евангелія*». Въ 1810 г. митрополитъ Амвросій предложилъ на разсмотрѣніе Цензурнаго Комитета при С.-Петербургской духовной академіи, переведенную съ французскаго языка, книгу, подъ названіемъ «*Торжество Евангелія*», изъ четырехъ частей состоящую. Въ Комитетѣ разсматривали ее: первую и вторую части—архимандритъ Анатолій (Максимовичъ), ректоръ семинаріи, третью—Сергіевскій протоіерей Данковъ, четвертую—Владимірскій протоіерей Голубевъ. Три послѣднія части признаны достойными одобренія, но первая часть, признаваемая, впрочемъ, полезною, возбудила недоумѣніе, которое и представлено было на разрѣшеніе Коммиссіи. Эта часть содержитъ

---

[1]) Ж. К. Д. У. 3 Окт. 1814 г. ст. 6.

[2]) Ж. К. Д. У. 26 Окт. 1815 г. ст. 8.

[3]) Т. Крыловъ перевелъ также съ 14-го нѣмецкаго изданія Die Stunde der Andacht—*Часы благоговѣнія*, 8 частей, напеч. въ 1834—1845 г. съ разрѣшенія свѣтской цензуры. Въ 1843 г., по представленію М. М. Филарета, состоялось опредѣленіе Синода о сношеніи съ Министромъ Народнаго Просвѣщенія касательно воспрещенія дальнѣйшаго распространенія этой книги (Собр. мнѣній и отз. М. Филарета. Т. дополн. стр. 638—642).

въ себѣ разсужденіе вольнодумца съ благочестивымъ монахомъ. Вольнодумецъ нападаетъ на истину христіанской религіи съ великимъ жаромъ, съ ненавистію и поруганіемъ, возражаетъ въ такомъ тонѣ, какбы предлагалъ неоспоримую истину, притомъ ясно, краснорѣчиво и со всею благовидностію доказательствъ. Монахъ все совершенно опровергаетъ. Но какъ разсужденія сего послѣдняго пространны и глубокомысленны, то можетъ случиться, что читатель, неупотребившій довольно вниманія, останется на сторонѣ вольнодумца, а имѣющіе склонность къ кощунству, выучивая или выписывая изъ сего тома одни возраженія, могутъ великій вредъ причинить христіанству. Коммиссія, «разсуждая, что всякое сочиненіе, не имѣющее полезной цѣли, чѣмъ краснорѣчивѣе писано, тѣмъ оно опаснѣе, положила не только первый ея томъ, по соблазнительнымъ и совершенно противнымъ православной вѣрѣ нашей возраженіямъ, въ немъ заключающимся, но и остальные три тома, естественно имѣющіе связь между собою по существу предмета, печатать не дозволить и, запечатавъ оные печатью Коммиссіи въ особый пакетъ, хранить въ ея архивѣ». Митрополитъ Амвросій и оберъ-священникъ Державинъ не подписали статьи журнала по этому дѣлу, заявивъ, что на 37 статью журнала (каковою значилась по счету эта статья въ журналѣ 17 декабря 1810 г., состоящемъ изъ 66 статей) имѣютъ предложить мнѣніе [1]). Дѣло рѣшили, очевидно, кн. Голицынъ съ Θеофилактомъ. М. М. Сперанскій въ это время уже не присутствовалъ въ засѣданіяхъ Коммиссіи, хотя и подписывалъ ея журналы, какъ подписалъ и настоящій.

Въ мнѣніи, внесенномъ 22 Декабря, митрополитъ Амвросій предлагалъ, чтобы «по уваженію содержанія этой книги, не отдавая въ архивъ, возвратить ее переводчику съ тѣмъ, чтобы онъ возраженія рѣзкія и соблазнительныя выставилъ въ легкомъ или философскомъ тонѣ, т. е. безъ риторическаго витійства, безъ рѣзкости и дерзости или такъ, какъ находятся они у св. отцевъ и въ самомъ Священномъ Писаніи, при чемъ можно дать ему примѣрное изложеніе и чтобы съ таковымъ исправленіемъ вновь доставилъ оную въ Комитетъ, а сей, разсмотря вновь, представилъ бы съ мнѣніемъ въ Коммиссію. На этотъ разъ Коммиссія согласилась съ

[1]) Это былъ одинъ изъ тѣхъ журналовъ, о которыхъ говорилъ М. М. Сперанскій, что они составляютъ цѣлыя стопы бумаги.

мнѣніемъ митрополита и рукопись возвращена была переводчику для исправленія.

Чрезъ три года послѣ этого, именно въ Маѣ 1814 г., въ Святѣйшій Синодъ поступило прошеніе отъ генералъ-майора Льва Энгельгардта, при которомъ онъ представлялъ, переведенную имъ съ французскаго языка, книгу подъ названіемъ «Торжество Евангелія» и сдѣланныя на нее Московскою цензурою замѣчанія, на основаніи коихъ въ изданіи сей книги въ свѣтъ ему отказано; но такъ какъ замѣчанія сіи, по мнѣнію другихъ благоразумныхъ особъ, знающихъ основательно православную нашу религію, основаны не на справедливости и безпристрастномъ сужденіи, то просилъ принять эту книгу къ разсмотрѣнію и удостоить одобренія къ напечатанію въ Москвѣ или въ Казани въ вольной типографіи.

Святѣйшій Синодъ поручилъ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ препроводить ее въ Цензурный Комитетъ при здѣшней академіи съ тѣмъ, чтобы представилъ мнѣніе какъ о книгѣ, такъ и о замѣчаніяхъ на нее Московской цензуры. Въ Комитетѣ разсматривалъ ее ректоръ семинаріи, архимандритъ Иннокентій (впослѣдствіи епископъ Пензенскій) и въ отзывѣ своемъ призналъ ее книгою назидательною, такъ какъ въ ней заключается все богословіе догматическое и отчасти нравственное, изложенное впрочемъ въ порядкѣ исторіи, а не самыхъ истинъ, и полезною, потому что многія высокія истины изложены столь ясно, что можетъ понять всякій читатель [1]). Но цензоръ и въ этотъ разъ указалъ на тѣ же недостатки въ ней, какіе указаны были въ отзывѣ архимандрита Анатолія, и уподобилъ ее сильно дѣйствующему лекарству, которое можетъ быть полезно, ежели употребить противъ той болѣзни, для которой приготовлено, но можетъ только усилить болѣзнь, если употребится не въ той болѣзни, для которой приготовлено, а потому, чтобы она не принесла, вмѣсто пользы, вреда, предложилъ возраженія вольнодумца противъ христіанства, наполненныя жесткими и грубыми выраженіями, смягчить, ученіе, относящееся къ западной церкви и

---

[1]) Въ 1815 г. Калужскій епископъ Евгеній Болховитиновъ писалъ къ Анастасевичу 19 Мая: «на сихъ дняхъ я читалъ прекраснѣйшую новую книгу въ пользу христіанства подъ названіемъ Triomphe de l' Evangile. Сказываютъ, что она славна и у васъ въ Петербургѣ. Сочинитель весьма трогательно защитилъ и религію и служителей ея, на коихъ философизмъ нападаетъ больше всего и коими силится постыдить даже религію». Рус. Арх. 1889 г. кн. 2 стр. 45.

не принимаемое православною церковію, исключить; мѣста не ясныя и неправильныя опустить или дополнить.

Въ Ноябрѣ 1816 г., Энгельгардтъ вновь представилъ свою книгу въ духовную цензуру съ исправленіями по ея замѣчаніямъ: но цензура нашла, что переводчикъ многихъ мѣстъ не исправилъ, а нѣкоторыя вмѣсто исправленія сдѣлалъ еще худшими. О такомъ отзывѣ Комитета князь Голицынъ увѣдомилъ Энгельгардта 16 Іюня 1820 г. [1]).

Но въ слѣдующемъ, 1821 г., Торжество Евангелія явилось въ печати уже въ переводѣ другаго лица—А. Лабзина и съ одобренія свѣтской цензуры [2]).

Послѣ академическаго устава приступлено было къ пересмотру уставовъ семинарій и училищъ. Нѣкоторымъ подготовленіемъ къ пересмотру семинарскаго устава были ревизорскіе отчеты ректора академіи, архимандрита Филарета послѣ обозрѣнія имъ въ 1813 г. С.-Петербургской семинаріи. Между прочимъ онъ представлялъ объ исключеніи изъ семинарскаго курса *философіи исторіи*, какъ принадлежащей къ ученію академическому и потому, что занимающіеся исторіею въ семинаріи, не слушавъ еще философіи, безъ сомнѣнія неспособны къ философіи исторіи. Коммиссія положила исключить этотъ предметъ изъ семинарскаго курса, но преосвященный Θеофилактъ не согласился и предъ отбытіемъ изъ С.-Петербурга предложилъ отдѣльное мнѣніе, въ которомъ писалъ, что «прежде такого заключенія надлежало бы объяснить, что ревизоръ разумѣетъ подъ философіею исторіи? По его, преосвященнаго, мнѣнію, она есть не иное что, какъ повѣствованіе происшествій по ихъ причинамъ и слѣдствіямъ и ежели въ семинаріи обучаютъ воспитанниковъ реторикѣ и математикѣ, то онъ сомнѣвается, чтобы труднѣе для нихъ было показаніе связи между событіями и причинами. Повѣствованіе же происшествій, безъ открытія связи ихъ съ причинами, есть

---

[1]) Дѣло К. Д. У. 1810 № 260.

[2]) Полное заглавіе ея слѣдующее «Торжество Евангелія или записки свѣтскаго человѣка, обратившагося (чрезъ наставленія духовника своего) отъ заблужденій новой философіи. Сочиненіе, въ которомъ побѣдоноснымъ образомъ поражаются лжемудрствованія невѣрія и въ коемъ доказывается истина христіанской вѣры». Переведено съ испанскаго на французскій, съ седьмаго изданія, а съ французскаго на Россійскій. Ч. I—IV. СПБ. 1821—1822. Названіе *монахъ* вездѣ замѣнено словомъ *патеръ*.

не иное что, какъ дѣтская исторія, упражняющая одну только память и для сей-то дѣтской исторіи положено два года въ уѣздныхъ училищахъ». Коммиссія, однакожъ, не нашла достаточныхъ причинъ къ отмѣнѣ своего прежняго положенія [1]). Такая же судьба постигла преподаваніе *эстетики* въ семинаріи. Науку эту преподавалъ въ академіи и семинаріи Леонидъ. Мы видѣли, что ему поручено было Коммиссіей составить учебникъ по этому предмету. Но она держалась въ академіи и семинаріи только Ѳеофилактомъ. Преподаваніе Леонида, помощника Ѳеофилактова и преподававшаго по его программѣ, публично хвалили, но всѣ видѣли и понимали, что дѣлаютъ это не по достоинству предмета или его преподаванія, но изъ угожденія лично Ѳеофилакту. Филаретъ въ отчетѣ о ревизіи семинаріи въ 1813 г. о преподаваніи эстетики отозвался, что она «изложена съ тонкостію и преподана съ обширностію», а въ оцѣнкѣ преподавателя сослался на одобрительное свидѣтельство о его академическомъ преподаваніи. Теперь удаленіе Ѳеофилакта и смерть Леонида развязали всѣмъ руки. Въ Январѣ 1814 г., представляя о замѣщеніи этой каѳедры въ семинаріи, семинарское и академическое правленія прямо заявляли о замѣнѣ преподаванія эстетики преподаваніемъ высшей словесности. Здѣсь изъяснялось, между прочимъ, что эстетика разсматриваетъ изящное въ музыкѣ, живописи и театральной поэзіи: но слушателямъ богословскаго ученія, и притомъ уготовляемымъ къ преподаванію слова Божія, изящности музыки и театра если не вредны, то совершенно безполезны. Наконецъ и начала, на которыхъ основывается эстетика, увлекая младыхъ учениковъ къ новѣйшей нѣмецкой философіи, не утвержденной здравымъ разумомъ, располагаютъ ихъ къ разномыслію съ истинами откровенія.

Затѣмъ, въ Іюнѣ 1814 г., начался полный пересмотръ семинарскаго и училищнаго уставовъ. 27 Іюня академическое правленіе представило Коммиссіи предположенія о исправленіяхъ и дополненіяхъ въ уставахъ семинарій и низшихъ училищъ. Предположенія эти составились изъ замѣчаній, доставленныхъ правленіями окружныхъ семинарій и училищъ. Самую значительную часть этихъ замѣчаній составили мнѣнія С.-Петербургскаго семинарскаго правленія или, прямѣе, ректора С.-Петербургской семинаріи, архимандрита Иннокентія. По «Начер-

[1]) Ж. К. Д. У. 25 Генв. 1814 г.

танію правилъ» 1808 г., курсъ ученія въ семинаріяхъ положенъ былъ 4 года, а 2 года, по окончаніи курса, назначались для усовершенія учениковъ, окончившихъ курсъ ученія, въ философскихъ и богословскихъ наукахъ и для упражненія въ чтеніи Священнаго Писанія и духовныхъ сочиненіяхъ. Но опытъ въ С.-Петербургской семинаріи показалъ, что, вслѣдствіе краткости времени, назначеннаго для прохожденія всѣхъ предметовъ семинарскаго курса, ученики остаются при слабыхъ и весьма поверхностныхъ свѣдѣніяхъ и безъ упражненій, приличныхъ воспитаннику, уготовляемому въ должность пастыря церкви, въ чтеніи св. Отецъ и даже многихъ книгъ Священнаго Писанія. Другимъ неудобствомъ было смѣшеніе разнородныхъ предметовъ. Въ низшемъ отдѣленіи полагалось преподаваніе поэзіи, реторики, исторіи, географіи, алгебры и геометріи; въ высшемъ -богословія и философіи (на латинскомъ языкѣ) и высшей словесности. Такимъ образомъ философія, которая должна бы приготовлять къ богословію, идетъ рядомъ съ богословіемъ. Система богословія такъ изложена, что необходимы предварительныя онтологическія понятія: но ученикамъ, не слушавшимъ еще философіи, они неизвѣстны. Въ богословіи отъ начала до конца нужно излагать истины въ строгой связи, чему учитъ логика: но ученики узнаютъ правильность связи уже тогда, когда прослушаютъ большую часть богословія. Сверхъ сего въ философіи изъясняются отвлеченности ума, а въ богословіи истины откровенія. Сіи трудности исчезли бы сами собою, если бы ученики приступили къ богословскимъ наукамъ по выслушаніи всей системы философской, а нынѣ онѣ, въ одинъ день и непосредственно одна за другою встрѣчаясь незрѣлому разсудку ученика, оставляютъ его въ смѣшанныхъ понятіяхъ или производятъ то, что онъ занимается однимъ изъ сихъ предметовъ, оставляя другой, но тѣмъ не преодолѣваетъ неудобства въ слушаніи, т. е. не освобождается отъ уроковъ, которые вмѣсто взаимнаго вспоможенія препятствуютъ одинъ другому. Недостатокъ успѣховъ происходитъ также отъ малолѣтства. Ученики, оканчивая уѣздные классы въ четыре, а реторическіе въ два года, 13 лѣтъ приступаютъ къ слушанію отвлеченностей философскихъ и высшихъ истинъ откровенія. Хотя уставомъ положены два года по окончаніи курса для усовершенствованія въ философіи и богословіи, для сочиненій и чтенія святыхъ Отецъ, но и въ это время нельзя надѣяться успѣховъ, потому что многіе ученики занимаютъ мѣста

при самомъ окончаніи курса, другіе чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ и не болѣе двухъ учениковъ, какъ случилось въ прошедшемъ курсѣ, остаются въ семинаріи на полные два года. Ученики сіи, будучи помѣщены въ разряды при окончаніи курса, не имѣютъ надежды заслужить большаго и опасаются лишиться той степени, на которой они поставлены; при томъ же, помышляя о занятіи священнослужительскихъ мѣстъ, въ виду товарищей, уже получившихъ таковыя, хладѣютъ ко всѣмъ упражненіямъ. Посему предлагалось, какъ и утвердила Коммиссія, включить два года, назначенные для упражненій по окончаніи курса, въ самый курсъ и назначить по два года для каждаго класса: словесныхъ наукъ, философіи и богословія съ соединенными предметами. Сочиненія на русскомъ и латинскомъ языкахъ отнесены къ тремъ профессорамъ—реторическому, философскому и богословскому. Сочиненій на греческомъ языкѣ не положено, между прочимъ, потому что греческій языкъ проходитъ чрезъ весь курсъ уѣзднаго училища и семинаріи, а классъ латинскаго языка находится только въ уѣздныхъ училищахъ.—О должности ректора постановлено, что для успѣшнаго надзора за образомъ преподаванія, за профессорами и учениками, онъ непремѣнно долженъ быть и профессоромъ и притомъ богословскаго класса, какъ высшаго и важнѣйшаго. Избраніе ректора семинарскимъ правленіемъ найдено неудобнымъ, такъ какъ правленіе, кромѣ ректора, состоитъ изъ трехъ членовъ, инспектора и эконома, но инспекторъ, который, по большей части, бываетъ кандидатъ ректорства, не можетъ избирать самого себя, хотя бы и былъ достоинъ, но долженъ избирать кого либо другаго, что можетъ быть и ошибочно; экономъ можетъ не занимать никакой ученой должности и потому также не можетъ избирать ректора. По сему избраніе ректора предоставлено епархіальному архіерею, который предложеніемъ семинарскому правленію именуетъ двухъ кандидатовъ, а сіе представляетъ академическому правленію, или же, по усмотрѣніи какихъ-либо неудобствъ, преосвященный прямо сносится съ академическимъ правленіемъ или представляетъ Коммиссіи.

При пересмотрѣ *уставовъ низшихъ училищъ* обращено вниманіе на то, что по «Начертанію правилъ» 1808 года, всѣ священнослужительскіе дѣти отъ 6 лѣтъ возраста зачислялись въ составъ приходскаго училища и считались находящимися въ училищномъ вѣдомствѣ. На дѣлѣ это исполнялось такъ, что отцы привозили

6-лѣтнихъ мальчиковъ въ школу, *записывали* и потомъ опять брали домой до 7 или 8-лѣтняго возраста. Теперь Коммиссія нашла этотъ возрастъ слишкомъ раннимъ для обязательнаго требованія 6-лѣтнихъ мальчиковъ въ школу, такъ какъ немногіе дѣти въ этомъ возрастѣ способны бываютъ къ начатію ученія; почему вводить ихъ въ вѣдомство училищнаго начальства въ толь маломъ возрастѣ, кромѣ затрудненій какъ для родителей, такъ и для начальниковъ училищныхъ, никакой пользы нѣтъ. Большая часть дѣтей способна бываетъ начать ученіе не ранѣе какъ около осьми лѣтъ возраста. Почему и постановлено числить въ училищномъ вѣдомствѣ дѣтей отъ восьми лѣтъ и тѣхъ изъ нихъ, кои не учились грамотѣ, принимать въ училище отъ семи лѣтъ, а тѣхъ, которые нѣсколько уже научены оной или которыхъ отцы пожелаютъ и обяжутся выучить дома предметамъ, положеннымъ въ приходскомъ училищѣ, принимать до 10 лѣтъ.

Утвержденныя Коммиссіею, на основаніи сихъ заключеній, исправленія и дополненія къ уставамъ академій, семинарій и училищъ введены въ текстъ сихъ уставовъ и самые уставы вновь напечатаны; при чемъ о тѣхъ предположеніяхъ, которыя приняты были въ отступленіе отъ «Начертанія правилъ», Высочайше утвержденнаго въ 29 день Августа 1808 года (о классныхъ окладахъ, объ измѣненіи правилъ относительно введенія священнослужительскихъ дѣтей въ училищное вѣдомство), доложено было Его Величеству и испрошено на все это Высочайшее соизволеніе [1]). Такъ духовныя академіи, семинаріи и училища получили тотъ видъ, въ которомъ находились до закрытія Коммиссіи Духовныхъ Училищъ.

Особое засѣданіе Коммиссіи, съ участіемъ временныхъ членовъ, 5 Августа, посвящено было образованію личнаго состава начальствующихъ и преподавателей въ Московской академіи и семинаріяхъ Московскаго округа и распредѣленію по мѣстамъ студентовъ 1-го курса С.-Петербургской духовной академіи. Внѣшнее правленіе здѣшней академіи представило отзывы о разсмотрѣнныхъ имъ конспектахъ начальствующихъ лицъ и учителей Московской академіи и семинарій Московскаго округа—по тѣмъ предметамъ, по которымъ они искали званія профессоровъ и которыхъ желали быть преподавателями. Всѣ эти отзывы составляли исключительный

[1]) Ж. К. Д. У. 27 Іюня 1814 г.

трудъ ректора академіи, архимандрита Филарета. Мы приведемъ здѣсь только три отзыва о конспектахъ академическихъ преподавателей по богословію, философіи и словесности, частію для характеристики самыхъ отзывовъ, частію для сужденія о положеніи науки въ лучшихъ тогдашнихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

1) О конспектѣ ректора Московской академіи, архимандрита Симеона по Богословію.

Сочинитель 84-го пункта «Начертанія правилъ» не выразумѣлъ.

Повторить Богословію дѣятельную въ академіи не довольно, а должно преподать и тщательнѣе и полнѣе, нежели въ семинаріяхъ.

Сочинитель исключаетъ изъ наукъ богословскихъ систему полемической Богословіи вопреки «Начертанію правилъ» и порядку полнаго ученія богословскаго.

Въ пособіе къ объясненію богословскихъ догматовъ сочинитель хочетъ употребить сочиненіе Оригена «περὶ ἀρχῶν», сочиненіе по духу болѣе философское, нежели богословское и притомъ такое, отъ погрѣшностей котораго Іеронимъ предостерегаетъ большимъ письмомъ «De cavendis in libro περὶ ἀρχῶν».

«Gregorii Thaumaturgi fidei expositio» есть только символъ, а потому есть ли бы всѣ подобныя помѣщать въ конспектъ богословскій, то конспектъ превратился бы въ каталогъ книгъ.

Богословія Ѳомы Аквинскаго, западнаго схоластика, едва ли можетъ дать какую помощь учителю православной Богословіи.

Мысль употреблять въ классѣ богословскихъ наукъ различные переводы Библіи, между прочимъ, для наученія языкамъ, кажется слабою и недостойною важности Писанія и класса богословскаго.

«Commentarii Bedae Venerabilis» одного класса съ Ѳомою Аквинскимъ.

Какимъ образомъ для показанія исторической истины правилъ церковныхъ можно заимствовать пособія изъ греческаго подлинника, «Кормчей», не понятно.

Какимъ образомъ книга «Goar, Rituale Graecorum», можетъ служить къ объясненію «Кормчей», также не понятно.

Какимъ образомъ «Archaeologia Graeca Pofferi, читай Potteri», которая описываетъ обычаи языческой Греціи, служить можетъ къ истолкованію «Кормчей», совсѣмъ непостижимо.

Для академіи не хронологическая выписка изъ указовъ потребна, но систематическое обозрѣніе правилъ церковныхъ.

Вообще по сему конспекту трудно судить о свѣдѣніяхъ сочинителя, потому что онъ помѣщаетъ въ немъ нѣкоторыя книги, слѣдуя однимъ ихъ заглавіямъ. Впрочемъ, по другимъ его указаніямъ книгъ и собственнымъ разсужденіямъ, можно примѣчать, что онъ имѣетъ знанія, нужныя для профессора богословскихъ наукъ, но конспектъ сей требуетъ исправленія».

2) О конспектѣ префекта Московской академіи, архимандрита Парѳенія Черткова, по философіи.

«Самый первый пунктъ конспекта изложенъ сбивчиво.

Намѣреніе проходить сперва исторію философовъ по періодамъ, а потомъ снова начинать исторію философіи, неудобоисполнимо.

Въ преподаваніи каждой части философіи сочинитель хочетъ проходить философскую исторію въ третій разъ.

Философскую исторію полагаетъ онъ читать прежде философской системы, а прежде философской исторіи изложить истинныя начала философіи: почему трудно угадать, систему ли хочетъ онъ читать прежде исторіи, или исторію прежде системы.

Примѣчанія, сдѣланныя сочинителемъ послѣ указанія авторовъ для философской исторіи, не показываютъ твердыхъ познаній.

Въ примѣчаніи о философіи христіанской, христіанская мудрость называется философіею, и обнаруживается такое смѣшеніе понятій, которое позволяетъ догадываться, что сочинитель заимствовалъ, по необходимости, нѣкоторыя идеи новѣйшихъ мудрователей, почитающихъ христіанство за секту, но излагающихъ свою систему хитро и сбивчиво.

Предъидущая догадка подтверждается далѣе тѣмъ, что сочинитель въ философской исторіи хочетъ говорить о Божественной мудрости Христа Спасителя и Апостоловъ.

Новѣйшая исторія философіи со временъ Лейбница сочинителю неизвѣстна.

Примѣчаніе подъ статьею о метафизикѣ показываетъ поверхностное знаніе метафизики въ сочинителѣ.

Указаніе книгъ для онтологіи, особенно сказанныя въ семъ мѣстѣ слова: *касательно терминологіи*, показываютъ сбивчивыя понятія писателя.

Disputationes Thomae Agueratis (безъ сомнѣнія должно читать Aquinatis) странно видѣть между отборными писателями по Богословіи Естественной.

Обязанности къ Богу сочинитель хочетъ извлекать изъ книги откровенной премудрости, то есть превратить нравственную философію въ нравственную Богословію.

Текстъ, *да совершенъ будетъ Божій человѣкъ на всякое дѣло благое уготованъ* къ нравственной философіи приложенъ непристойно.

Сочинитель хочетъ руководствоваться правилами общественнаго благоразумія или философіею исторіи. Непонятное смѣшеніе понятій!

Вообще сколь ни обширенъ и многословенъ сей конспектъ, но показываетъ скудныя познанія, по которымъ сочинитель не можетъ съ пользою быть въ званіи профессора».

3) О конспектѣ риторическаго учителя Московской академіи іеромонаха Ѳеоктиста Орловскаго.

«Сочинитель напрасно берется разсматривать изящество въ тѣлахъ одушевленныхъ и бездушныхъ, въ цвѣтахъ, линіяхъ, образахъ, положеніи, движеніи и пр.

По нѣкоторой новой эстетикѣ сочинитель вмѣсто Моисей пишетъ Мозесъ.

Раздѣленіе изображеній фантазіи на изящныя, величественныя и фантастическія неправильно.

О шуточномъ и смѣшномъ и разныхъ родахъ смѣшнаго въ духовномъ училищѣ немного нужно состязаться, такъ какъ и о томъ, что такое гротескъ, арабескъ и бюрлескъ.

Что значатъ въ эстетикѣ главы *о побужденіи къ дѣятельности* и *объ эгоизмѣ*, угадать трудно.

Ученіе о граціи предметовъ подлинной природы къ классу словесности не принадлежитъ, равно какъ и къ состоянію сочинителя.

О рѣчахъ, разсужденіяхъ и проповѣдяхъ сочинитель обѣщаетъ только замѣчанія, а не полныя наставленія.

Ученіе о духовномъ краснорѣчіи составляетъ у него осьмнадцатую часть курса.

Цѣлые два года сочинитель хочетъ читать въ классѣ стихотворцевъ и ораторовъ.

Вообще конспектъ написанъ слишкомъ свѣтскимъ духомъ, и столь обремененъ посторонними предметами, что по сей системѣ

всего менѣе можно научиться словесности. Онъ показываетъ знаніе не столько науки и писателей, сколько оглавленій».

По разсмотрѣніи этихъ отзывовъ и послужныхъ списковъ о тѣхъ учителяхъ, отъ которыхъ конспектовъ еще не было доставлено, Коммиссія оставила ректора Московской академіи, архимандрита Симеона, въ этомъ званіи, но профессоромъ богословія и инспекторомъ академіи назначила временно исправлявшаго должность инспектора здѣшней академіи, представившаго удовлетворительный конспектъ для преподаванія богословскихъ наукъ, архимандрита Филарета Амфитеатрова; баккалаврами изъ наличныхъ преподавателей академіи назначены учитель французскаго языка іеромонахъ Гермогенъ на богословію, учитель риторическаго класса іеромонахъ Ѳеоктистъ—баккалавромъ французскаго языка и проповѣдникъ академіи, іеромонахъ Никаноръ Клементовскій,—баккалавромъ церковной исторіи. Бывшій префектъ академіи, архимандритъ Парѳеній Чертковъ, назначенъ ректоромъ Виленской семинаріи. Тогда же назначены начальствующія лица и преподаватели, съ званіемъ профессоровъ и учителей, въ семинаріи Московскаго и С.-Петербургскаго округовъ. Большая часть преподавателей назначены изъ магистровъ и кандидатовъ 1-го курса С.-Петербургской академіи и очень немногіе изъ прежнихъ преподавателей, которыхъ конспекты признаны удовлетворительными. Всѣ эти важныя и сложныя работы Коммиссіи и всѣ проэкты и предположенія ея представлены были княземъ Голицынымъ на Высочайшее воззрѣніе Государя 29 августа 1814 года.

Это было въ то время, можно сказать въ тѣ немногіе дни, которые Государь провелъ въ С.-Петербургѣ послѣ побѣдоноснаго окончанія великой войны и торжественнаго вступленія русскихъ войскъ въ Парижъ, послѣ посѣщенія имъ, среди нескончаемыхъ овацій, Голландіи и Англіи. Оставивъ на время своихъ союзниковъ, съ которыми предстояли совѣщанія о возстановленіи порядка въ потрясенной послѣдними событіями Европѣ, Государь поспѣшилъ, послѣ долговременнаго отсутствія изъ отечества, въ свою столицу, къ своему народу раздѣлить съ нимъ радость Богомъ дарованной побѣды и мира.

Между тѣмъ, еще 15 Апрѣля, по предувѣдомленію предсѣдателя Государственнаго Совѣта, генералъ-фельдмаршала графа Н. И. Салтыкова, состоялось, послѣ благодарственнаго молебствія въ Ка-

запскомъ соборѣ о взятіи Парижа, экстраординарное засѣданіе Государственнаго Совѣта съ Сенатомъ и Синодомъ, на коемъ постановлено было воздвигнуть въ С.-Петербургѣ памятникъ Государю и просить Его о принятіи подносимаго Ему отъ всѣхъ сословій наименованія *Благословеннаго* [1]).

Постановленіе это представлено было Государю депутаціею отъ названныхъ учрежденій, состоявшею изъ трехъ сенаторовъ, въ Бруксалѣ. Но Государь, благодаря ихъ за любовь и усердіе, отказался принять подносимое ему наименованіе и отклонилъ сооруженіе въ честь его памятника. «Внимая посланному ко мнѣ—сказано въ Высочайшемъ указѣ на имя Святѣйшаго Синода, Государственнаго Совѣта и Правительствующаго Сената — прошенію о воздвигнутіи мнѣ въ престольномъ градѣ памятника и принятіи проименованія *Благословенный*, не могъ я въ глубинѣ души моей не почувствовать величайшаго удовольствія, видя съ одной стороны дѣйствительно совершившееся надъ нами благословеніе Божеское, а съ другой чувствованіе Россійскихъ Государственныхъ сословій, подносящихъ мнѣ имя самое для меня лестнѣйшее; ибо всѣ старанія и помышленія души моей стремятся къ тому, чтобы теплыми молитвами призывать на себя и на ввѣренный мнѣ народъ Божеское благословеніе и чтобъ быть благословляему отъ любезныхъ мнѣ вѣрноподданныхъ моихъ и вообще отъ всего рода человѣческаго. Сіе самое есть верхъ моихъ желаній и моего благополучія. Но при всемъ тщаніи моемъ достигнуть до сего, не позволяю себѣ, яко человѣкъ, дерзновеніе мыслить, что я уже достигъ до того и могу смѣло званіе сіе принять и носить. Тѣмъ паче почитаю я оное съ правилами и образомъ мыслей моихъ несогласнымъ, что всегда и вездѣ преклоняя вѣрноподданныхъ моихъ къ чувствамъ скромности и смиренія духа, самъ первый покажу несоотвѣтствующій тому примѣръ. Сего ради изъявляя совершенную мою признательность, убѣждаю государственныя сословія оставить оное безъ всякаго исполненія. Да

---

[1]) 13 Апрѣля графъ Н. И. Салтыковъ писалъ къ князю Голицыну: «Положили мы съ Сенатомъ собраться для извѣстнаго Вамъ разсужденія и положенія въ день, когда назначено будетъ молебствіе, чтобъ, по окончаніи молебствія, прямо изъ собора собраться въ Сенатѣ: вслѣдствіе чего и сообщая Вамъ о семъ предположеніи, прошу Васъ и Синоду о томъ сообщить, чтобъ тоже изъ собору всѣ собрались въ Сенатѣ.» Изъ Синодальныхъ членовъ присутствовали въ соединенномъ засѣданіи Совѣта и Сената: м. Амвросій, архіепископъ Серафимъ, духовникъ Криницкій и оберъ-священникъ Державинъ.

сооружится мнѣ памятникъ въ чувствахъ вашихъ, какъ оный сооруженъ въ чувствахъ моихъ къ вамъ. Да благословляетъ меня въ сердцахъ своихъ народъ мой, какъ я въ сердцѣ моемъ благословляю оный. Да благоденствуетъ Россія и да будетъ надо мною и надъ нею благословеніе Божіе». Брукзаль, 30 Іюня 1814 г. [1]).

Государь прибылъ въ Павловскъ 12, а въ С.-Петербургъ 13 Іюля. На другой день, 14 Іюля, былъ всенародный торжественный молебенъ въ Казанскомъ соборѣ. Восторгу народа не было предѣла. Государь торжественнымъ Манифестомъ засвидѣтельствовалъ свою признательность всѣмъ сословіямъ народа, за подъятые ими подвиги и принесенныя жертвы въ трудное время войны, даровавъ каждому сословію знаки своего Монаршаго благоволенія [2]). Въ это-то время, полное величія, блеска и славы, народнаго энтузіазма и счастія, поднесены были Государю доклады Коммиссіи Духовныхъ Училищъ о совершившемся окончаніи перваго курса С.-Петербургской духовной академіи, какъ первомъ счастливомъ опытѣ правительственныхъ заботъ объ усовершеніи духовныхъ училищъ; о мѣрахъ къ преобразованію второй, Московской академіи и другаго учебнаго округа; о тщательнѣйшемъ пересмотрѣ и исправленіи уставовъ всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній, высшихъ, среднихъ и низшихъ, которые должны служить на будущее время руководствомъ въ ихъ дѣятельности; объ установленіи классныхъ окладовъ по ученымъ степенямъ доктора, магистра и кандидата богословія. Утвердивъ всѣ эти доклады, Государь выразилъ признательность всѣмъ членамъ Коммиссіи, потрудившимся въ этомъ дѣлѣ, почтивъ особыми рескриптами митрополита Амвросія и ректора академіи, архимандрита Филарета за успѣшное окончаніе перваго академическаго курса и труды въ образованіи духовнаго юношества.

Вслѣдъ за тѣмъ, 30 Августа, въ особомъ Высочайшемъ указѣ на имя Коммиссіи Духовныхъ Училищъ, Государь выразилъ свои мысли о воспитаніи духовнаго юношества. Мысли эти вполнѣ выражали то настроеніе, въ которомъ онъ находился въ то время. «Утвердивъ — сказано въ Высочайшемъ указѣ, все, что Коммиссія Духовныхъ Училищъ мнѣ представила докладомъ своимъ 27 числа

---

[1]) Дѣло Св. Син. по Канц. Об. Пр. 1814 г. № 4716. Крат. записка А. Шишкова, стр. 296. СПБ. 1832 г.

[2]) Тогда установлены были бронзовые кресты на Владимірской лентѣ для духовенства въ память 1812 года.

сего мѣсяца, Я нужнымъ считаю изъяснить мои намѣренія о воспитаніи духовнаго юношества. Первый учебный курсъ Александроневской академіи конченъ, образовавшій учителей для втораго курса С.-Петербургскаго округа и открытія вновь Московскаго: то я желаю, чтобы Коммиссія обратила свое вниманіе какъ на сихъ новообразованныхъ учителей, такъ и на самыя училища, чтобы устроить ихъ въ прямомъ смыслѣ *училищами истины*. Просвѣщеніе по своему значенію — говорилось въ рескриптѣ—есть распространеніе свѣта и, конечно, должно быть того, который *во тьмѣ свѣтится и тьма его не объятъ*. Сего то свѣта держась во всѣхъ случаяхъ, вести учащихся къ истиннымъ источникамъ и тѣми способами, коими Евангеліе очень просто, но премудро учитъ: тамъ сказано, что *Христосъ есть путь, истина и животъ:* слѣдовательно внутреннее образованіе юношей къ дѣятельному христіанству да будетъ единственною цѣлію сихъ училищъ. На семъ основаніи можно будетъ созидать то ученіе, кое нужно имъ, по ихъ состоянію, не опасаясь злоупотребленія разума, который будетъ подчиненъ освященію вышнему. Я удостовѣренъ, что Коммиссія Духовныхъ Училищъ, призвавъ Спасителя въ помощь, употребитъ всѣ свои усилія къ достиженію цѣли, безъ которой истинной пользы ожидать нельзя». Тогда же присутствовавшіе въ Синодѣ и въ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ архіепископы Михаилъ и Серафимъ утверждены членами Святѣйшаго Синода и Коммиссіи Духовныхъ Училищъ, съ переводомъ архіепископа Серафима изъ Минска на Тверскую архіепископскую каѳедру. Тогда же и ректоръ академіи архимандритъ Филаретъ утвержденъ членомъ Коммиссіи.

Въ этотъ же знаменательный день послѣдовалъ Высочайшій указъ Святѣйшему Синоду объ установленіи 25 числа Декабря днемъ благодарственнаго празднества за избавленіе Церкви и державы Россійской отъ нашествія Галловъ и съ ними двадесяти языкъ.—День 25 Декабря избранъ потому, что въ этотъ торжественный день обнародованъ былъ въ 1812 г. Высочайшій Манифестъ, возвѣщавшій, что ни единаго вооруженнаго непріятеля (вторгшагося въ предѣлы наши 12 Іюня того года) на землѣ нашей не осталось. Митрополитъ Амвросій поручилъ ректору академіи архимандриту Филарету составить послѣдованіе молебствія въ этотъ день, которое, по напечатаніи въ трехъ экземплярахъ, представлено было Государю уже въ слѣдующемъ году и, по утвержденіи Государемъ

23 Декабря 1815 г., напечатано и разослано по церквамъ для совершенія по немъ молебствія въ день Рождества Христова. Вслѣдъ затѣмъ, 1-го Сентября, 1814 г., Государь отбылъ изъ С.-Петербурга на конгрессъ въ Вѣну.

Во всѣхъ постановленіяхъ и распоряженіяхъ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ Филаретъ принималъ самое живое и дѣятельное участіе. Въ это горячее время, когда съ окончаніемъ 1-го курса въ С.-Петербургской духовной академіи подводились, такъ сказать, первые итоги результатовъ, достигнутыхъ преобразованіемъ духовныхъ училищъ, когда, по указаніямъ первоначальнаго опыта ограниченнаго числа учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго округа, полагалось переустроить всѣ духовныя училища въ Россіи и надлежало установить для нихъ постоянный и прочный порядокъ на будущее время, Филаретъ, можно сказать, несъ на своихъ плечахъ все это дѣло и въ одно и то же время представлялъ обширнѣйшіе и сложнѣйшіе проэкты, просматривалъ и дополнялъ уставы, подготовлялъ учебныя заведенія къ преобразованію и наблюдалъ за преобразованіемъ ихъ, организовалъ порядокъ классныхъ занятій въ академіяхъ и семинаріяхъ, составлялъ конспекты богословскихъ наукъ для академій и семинарій, разсматривалъ программы академическихъ и семинарскихъ преподавателей, выбиралъ и рекомендовалъ учебники и держалъ въ рукахъ всѣ нити учебнаго дѣла въ цѣлой Россіи. Не довольствуясь наблюденіемъ за ходомъ преобразованія издали, онъ постоянно дѣлалъ обозрѣнія преобразуемыхъ училищъ, и въ 1815 г., въ самое короткое время, въ одинъ мѣсяцъ, съ половины Іюня до половины Іюля, успѣлъ обозрѣть Московскую академію и семинаріи Московскую, Виѳанскую, Ярославскую, Костромскую, Владимірскую, Новгородскую и Тверскую, съ уѣздными и приходскими училищами; вслѣдъ за обозрѣніемъ каждаго учебнаго заведенія присылалъ подробные и обстоятельные отчеты, а съ начала августа уже самъ присутствовалъ въ Коммиссіи при ихъ докладѣ. По разсмотрѣніи этихъ отчетовъ, Коммиссія особымъ актомъ заявила, что она «съ особеннымъ удовольствіемъ признаетъ успѣшное исполненіе ея порученія вполнѣ соотвѣтствующимъ предположенному въ семъ дѣлѣ ея намѣренію». О. Архимандритъ Филаретъ и нынѣ, при обозрѣніи устройства училищъ по

части духовнаго просвѣщенія, руководимъ будучи тѣмъ же духомъ усердія и знанія, который одушевлялъ его по дѣлу Коммиссіи Духовныхъ Училищъ о преобразованіи ихъ и исправленіи устава, успѣлъ въ самое короткое время поставить на видъ Коммиссіи состояніе обозрѣнныхъ имъ училищъ въ самой ясности и во всей желанной подробности, не оставивъ притомъ снабдить Коммиссію примѣчаніями о зданіяхъ, въ которыхъ помѣщены училища и нужными свѣдѣніями о мѣстныхъ обстоятельствахъ сихъ училищъ. Сверхъ того достойно особеннаго вниманія безпристрастное, строгое, но осторожное благоразсмотрѣніе имъ, отцомъ ректоромъ, свойствъ и способностей каждаго изъ учащихъ и прочихъ лицъ, принадлежащихъ къ училищному кругу его обозрѣнія, о чемъ онъ представилъ Коммиссіи самыя удовлетворительныя донесенія и поставилъ ее въ возможность оказать этимъ лицамъ должную и пелицепріятную справедливость. Пріемля въ особое уваженіе эти труды и ревностнѣйшую попечительность члена своего, о. ректора, архимандрита Филарета въ исполненіи сего ея порученія, Коммиссія долгомъ поставила изъявить ему совершенную благодарность и предоставила князю А. Н. Голицыну все сіе довесть до свѣдѣнія Государя Императора [2]). Въ Пасхѣ слѣдующаго года Государь Императоръ пожаловалъ ему брилліантовую панагію.

[2]) Ж. К. Д. У. 21 авг. 1816 г.

V.

Протопресвитеры Краснопѣвковъ и Криницкій и Оберъ-священникъ Державинъ.

При учрежденіи Комитета объ усовершеніи училищъ, назначены были въ него изъ бѣлаго духовенства синодальные члены: духовникъ Государя, протопресвитеръ Сергѣй Ѳедоровичъ *Краснопѣвковъ*, и оберъ-священникъ Иванъ Семеновичъ *Державинъ*.

Краснопѣвковъ обучался съ 1755 по 1765 г. въ Невской семинаріи, по окончаніи курса поступилъ въ священники и былъ наконецъ, послѣ протопресвитера Исидора Петровича [1]), духовникомъ Государя Александра Павловича и съ 19 Января 1806 года членомъ Святѣйшаго Синода. Въ Ноябрѣ 1807 года назначенъ былъ членомъ Комитета объ усовершеніи духовныхъ училищъ; но вступилъ въ него уже больной и объ участіи его въ дѣлахъ Комитета не сохранилось никакого слѣда. Онъ и скончался до закрытія Комитета, 4 Марта 1808 года.

---

[1]) *Исидоръ Петровичъ* былъ, кажется, изъ неученыхъ, но хорошо говорилъ проповѣди. Однажды Великій Князь Павелъ Петровичъ пріѣхалъ къ обѣднѣ въ церковь села Медвѣди, гдѣ Исидоръ былъ священникомъ и ему понравились служеніе и проповѣдь Исидора. Великій Князь перевелъ его въ Гатчину къ своей церкви и сдѣлалъ духовникомъ своимъ и своего семейства. Въ 1792 г. 12 Ноября Онъ писалъ митрополиту Гавріилу изъ Гатчины: «Будучи весьма доволенъ рачительнымъ званія исполненіемъ и поведеніемъ благонравнымъ здѣшней моей церкви священника Исидора, прошу Васъ о посвященіи его въ санъ протопресвитерскій и желаю притомъ, чтобъ онъ по прежнему остался здѣсь» (Макарія—О жизни митр. Гавріила, стр. 95). Съ восшествіемъ на престолъ, Государь возвелъ его въ члены Синода и тогда же пожаловалъ ему крестъ на голубой (андреевской) лентѣ, а въ день Коронаціи—Орденъ Анны 1 ст. съ брилліантовой звѣздой. Въ 1797 г. 18 Дек. послѣдовалъ Высочайшій указъ о награжденіи «бѣлаго священства за отличныя заслуги» наперсными крестами, камилавками или скуфьями, а знатнѣйшихъ изъ нихъ митрами, «съ тѣмъ, что сіи отличныя почести ценимаче какъ по Высочайшей волѣ даваемы или дозволяемы будутъ» Сановному монашеству не понравилось награжденіе лицъ бѣлаго духовенства митрами, составлявшими до того времени отличіе, присвоенное только епископамъ и архимандритамъ. М. М. Платонъ писалъ къ С.-Петербургскому митрополиту Амвросію 6 Сент. 1798 г.: «О если бы при помощи Божіей вы сдѣлали то, чтобы ни одному протопопу не давали носить митру.

Оберъ-священникъ Иванъ Семеновичъ *Державинъ* былъ сначала членомъ Комитета, а потомъ и Коммиссіи Духовныхъ Училищъ.

Державинъ, по окончаніи курса въ Новгородской семинаріи, былъ въ ней съ 1786 г. учителемъ низшихъ классовъ; въ 1788 г., при учрежденіи въ С.-Петербургѣ Александроневской главной семинаріи, переведенъ въ нее учителемъ поэзіи и краснорѣчія. Въ 1790 году, женившись на дочери Краснопѣвкова, поступилъ священникомъ къ Вознесенской церкви и былъ законоучителемъ въ Маріинскомъ и Родильномъ Институтахъ и въ Нѣмецкомъ Петропавловскомъ училищѣ; въ 1798 г. возведенъ въ протоіерея, въ 1807 г. 20 Іюля, по смерти оберъ-священника П. Я. Озерецковскаго [1]), назначенъ оберъ-священникомъ и членомъ Святѣйшаго Синода и въ Декабрѣ того же года пожалованъ митрою [2]); въ слѣдующемъ, 1808 году, 26-го Іюня, за труды по Комитету объ усовершенствованіи духовныхъ училищъ пожалованъ орденомъ Св. Анны 1 ст.; а при учрежденіи Коммиссіи Духовныхъ Училищъ назначенъ въ нее членомъ и оставался въ ней до самой смерти.

Эта новость, если будетъ введена въ церковную іерархію, будетъ соблазномъ для однихъ, въ другихъ возбудитъ честолюбіе и много другаго, что ниспровергнетъ благоучрежденный порядокъ. Да внушитъ вамъ Богъ эту мысль и я молю Его промышленіе, чтобы вы успѣли ее исполнить (Письма М. Платона, М. 1870. Письмо 49, стр. 39). Но несмотря на это, въ томъ же 1798 г. награждены митрами протоіереи Соборовъ: Благовѣщенскаго придворнаго—духовникъ Ипдоръ, Московскаго Успенскаго Александръ Левшинъ (братъ М. Платона, скончавшійся въ томъ же году до полученія митры) и Кіевскаго Софійскаго—Іоаннъ Леванди. Протопресвитеръ Ипдоръ скончался 10 Окт. 1805 г.

[1]) *Павелъ Як. Озерецковскій,* родственникъ митрополита Амвросія, перешелъ въ Спб. изъ Коломенской епархіи и въ 1796 г. опредѣленъ былъ законоучителемъ въ академію художествъ. Въ 1797 г. назначенъ полевымъ оберъ-священникомъ и членомъ Св. Синода; въ 1799 г., по докладу Св. Синода, награжденъ митрою и крестомъ, каковые и возложены на него, въ назначенный Государемъ день, 4 Декабря, въ придворной Гатчинской церкви, въ Высочайшемъ присутствіи. Въ 1800 г. переименованъ оберъ-священникомъ военнаго и флотскаго духовенства, при учрежденіи этой должности въ томъ году (Полн. Собр. Зак. 4 апр. 1800 г. № 19369 и 22 апр. № 19398). Бывшій Оберъ-Прокуроръ Св. Синода Яковлевъ говоритъ въ своихъ запискахъ, что М. Амвросій, поссорясь съ тѣмъ оберъ-священникомъ, уговорилъ сочленовъ своихъ подписать жалобу нанего къ Государю Императору и дабы его изъ Синода исключить. Узнавъ о томъ заговорѣ, оберъ-священникъ Озерецковскій претерпѣлъ ударъ и вскорѣ отъ того умеръ. (Зап. Яковлева, ркп.). Озерецковскій скончался 12 Мая 1807 г.

[2]) По поводу этого назначенія Московскій митрополитъ Платонъ писалъ къ своему викарному, преосвященному Августину, «что новый оберъ-священникъ не уступаетъ предшественнику, этому я не удивляюсь. Съ другимъ характеромъ человѣкъ и не занялъ бы такого мѣста. Это Богъ попускаетъ за наши грѣхи, за то что мы стараемся больше о своихъ дѣлахъ, чѣмъ о дѣлахъ Божіихъ. Но, по благости своей и по премудрости, Богъ обыкновенно обращаетъ иногда и самое зло въ добро, если мы образумимся». (Письма М. Платона. М. 1870 г. письмо 55. стр. 125).

Державинъ сначала управлялъ, какъ и предмѣстникъ его Озерецковскій, всѣмъ военнымъ духовенствомъ. Но въ 1816 г. 1 Января Высочайшимъ Именнымъ Указомъ Синоду повелѣно было протоіерею Преображенскаго всей гвардіи собора Алексѣю *Торопогрицкому,* въ уваженіе отличной его службы и трудовъ, подъятыхъ въ Компаніи 1812—1814 годовъ, быть оберъ-священникомъ Главнаго Штаба съ порученіемъ его управленію священнослужителей всѣхъ гвардейскихъ полковъ, а самому оберъ-священнику состоять подъ непосредственнымъ вѣдомствомъ Святѣйшаго Синода. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ назначенъ къ Малой церкви Зимняго дворца [1]).

Такимъ образомъ И. С. Державинъ остался только оберъ-священникомъ арміи и флота.

И. С. Державинъ принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ Коммиссіи и въ случаяхъ возникавшихъ разногласій не стѣснялся заявлять отдѣльныя мнѣнія, расходясь съ наиболѣе вліятельными въ ней и въ Синодѣ членами, какъ мы видѣли это въ дѣлѣ о переводѣ эстетическихъ разсужденій Ансильйона. Въ вѣдѣніи его находилась особая семинарія, учрежденная въ 1806 г. Озерецковскимъ для обученія дѣтей военнаго духовенства и называвшаяся армейскою. По смерти Озерецковскаго оказался значительный недочетъ въ суммахъ этой семинаріи, вслѣдствіе чего Синоду, по Высочайшему повелѣнію, поручено было «взять лучшія мѣры для предупрежденія подобныхъ случаевъ на будущее время». Святѣйшій Синодъ ввелъ армейскую семинарію въ общій порядокъ управленія духовныхъ семинарій, учредилъ въ ней правленіе, установилъ порядокъ храненія и расходованія суммъ, состоящихъ въ вѣдѣніи оберъ-священника и представленія отчетности въ оныхъ Святѣйшему Синоду.

Семинарія помѣщалась сначала въ домѣ бывшаго Тверскаго подворья (въ 13-й линіи Васильевскаго острова). Но въ 1811 году И. С. Державинъ заявилъ, что домъ семинаріи крайне ветхъ и угрожаетъ паденіемъ и просилъ у Коммиссіи на покупку другаго

---

[1]) *А. Торопогрицкій* проходилъ священнослужительскую службу въ армейскихъ и гренадерскомъ полкахъ. Съ 1806 г. былъ священникомъ Преображенскаго Собора; въ 1808 г. возведенъ въ протоіереи; въ 1812—1814 г. участвовалъ въ походахъ и, въ бытность Государя за границей въ 1813 г., былъ его «полевымъ» духовникомъ. (Рус. Арх. 1891 г. стр. 131). Въ 1821 г. уволенъ отъ Малой церкви, съ оставленіемъ оберъ-священникомъ Главнаго Штаба, въ 1827 г. 21 Янв. уволенъ отъ службы, съ сохраненіемъ всѣхъ окладовъ.

дома 75.000 тысячъ, съ тѣмъ, чтобы прежній продать, а вырученныя деньги обратить въ Коммиссію. Державинъ купилъ для семинаріи домъ Кочерова въ 4 адмиралтейской части по Царскосельской дорогѣ [1]), а прежній отданъ по Высочайшему повелѣнію для богоугодныхъ заведеній учрежденнаго здѣсь Дома Трудолюбія. Въ Декабрѣ 1817 года Державинъ внесъ въ Коммиссію предложеніе о недостаточности средствъ на содержаніе семинаріи и проспилъ или увеличить производимую на нее сумму съ 22.568 руб. до 35.000 руб., или разверстать ее отдѣленіями въ разныя епархіи и отпускать соразмѣрныя части положенной на семинарію суммы на воспитаніе дѣтей армейскаго духовенства въ училищахъ и семинаріяхъ тѣхъ епархій, въ которыхъ отцы ихъ имѣютъ пребываніе или гдѣ отцы найдутъ болѣе удобнымъ для себя обученіе ихъ. Воспитанники эти должны именоваться учениками Армейской семинаріи и всѣ свѣдѣнія о нихъ должны быть доставляемы оберъ-священнику. По расчисленію Державина, расходъ на содержаніе ихъ можетъ простираться до 19.000 руб.; остатокъ суммы въ количествѣ 3.568 руб. назначался на содержаніе причта при церкви оберъ-священника, а домъ, занимаемый семинаріею, предполагалось оставить въ качествѣ подворья для жительства оберъ-священника и для пріѣзжающихъ по дѣламъ службы священнослужителей военнаго вѣдомства. Государь утвердилъ предположеніе Коммиссіи о семинаріи, но домъ нашелъ очень обширнымъ для помѣщенія оберъ-священника съ его управленіемъ и приказалъ представить другой проэктъ. Въ новомъ проэктѣ Коммиссія постановила означенный домъ продать и изъ вырученной суммы часть, какая необходима будетъ, обратить на покупку другаго дома для оберъ-священника, а остальную обратить въ вѣдѣніе и распоряженіе Коммиссіи въ уваженіе того, что на покупку его употреблено изъ ея капиталовъ 75.000 т. руб. Покупщикомъ дома явился главный директоръ путей сообщенія генералъ-лейтенантъ Бетанкуръ, которому онъ и проданъ подъ помѣщеніе инженерной школы; а для оберъ-священника купленъ домъ купца Шильцова въ 3 адмиралтейской части въ Большой Подъяческой.

При закрытіи семинаріи, ректоромъ ея былъ (съ 1806 года) протоіерей Измайловскаго полка, *Петръ Громовъ;* инспекторомъ и профессоромъ исторіи съ 1810 года—*Як. Орловъ;* профессоромъ бого-

[1]) За домъ Кочерова заплочено 106.640 р., въ томъ числѣ 75.000 изъ суммъ Коммиссіи (процентной церковной суммы) и 31.640 изъ запасныхъ суммъ семинаріи.

словскихъ наукъ—священникъ *А. Маловъ*; учителемъ словесности и греческаго языка, изъ учителей Тобольской семинаріи съ 1812 года, протоіерей *Гр. Максетовъ*; учителемъ философіи съ 1815 года — окончившій курсъ въ С.-Петербургской академіи въ 1814 году, съ званіемъ студента, *В. Суворовъ*.

Повидимому къ первымъ годамъ служенія И. С. Державина въ званіи оберъ-священника относится извѣстная стихотворная переписка его съ поэтомъ Г. Р. Державинымъ. Державинъ жилъ на углу Обуховскаго проспекта и 2 й роты Измайловскаго полка (гдѣ теперь помѣщается строительное училище). недалеко отъ Г. Р. Державина (жившаго на Фонтанкѣ, близъ Измайловскаго моста въ собственномъ домѣ). Поводъ къ этой перепискѣ былъ тотъ, что швейцаръ поэта Державина принялъ по ошибкѣ пакетъ, адресованный на имя оберъ-священника Державина. Поэтъ Державинъ написалъ въ стихахъ «Приказъ моему привратнику», начинающійся стихами:

«Единъ есть Богъ, единъ Державинъ,
Я въ глупой гордости мечталъ,
Одна мнѣ рѳма—древній Навинъ,
Что солнца бѣгъ остановлялъ.
Теперь другой Державинъ зрится
И рѳма тажъ ему годится;
Но тотъ Державинъ—попъ, не я;
На мнѣ парикъ, на немъ скуѳья».

Затѣмъ поэтъ даетъ приказаніе швейцару не принимать пакетовъ, адресованныхъ на имя другаго Державина.

«А чтобъ Державина со мною
Другаго различилъ ты самъ,—
Вотъ знакъ: тотъ младъ, но съ бородою;
Я старъ,—юнъ духомъ по грѣхамъ.
Онъ въ рясѣ длинной и широкой,
Мой фракъ кургузъ и полубокой.
Онъ въ волосахъ, я голъ главой;
Я подлинникъ,—онъ списокъ мой.
Онъ пѣлъ молебны, панихиды,
И ихъ по нынѣ все поетъ:
Слуга былъ Марса я, Ѳемиды,
А нынѣ отставной поэтъ».

Стихи эти стали ходить по рукамъ и вызвали язвительный отвѣтъ, въ стихахъ же, И. С. Державина, составленный, впрочемъ, какъ гласитъ преданіе, не имъ, а священникомъ городскихъ бога-

дѣленъ, Г. А. Пакатскимъ, извѣстнымъ въ свое время духовнымъ поэтомъ. Отвѣтъ П. С. Державина подъ заглавіемъ: «Приказъ моему секретарю» начинается стихами:

Опомнись, осмотрись Державинъ,
Какой ты дичи наблеялъ!

Потомъ, отвѣчая на вышеприведенную строфу поэта о различіи ихъ примѣтъ, И. С. Державинъ пишетъ:

«Не попъ, но оберъ я священникъ.
. . . . . .
Я въ рясѣ длинной и широкой,
Власы имѣю и браду;
Твой фракъ кургузъ и полубокой
И плѣшь поверхъ его въ виду.
И то скажу съ отважнымъ рискомъ,
Что мнѣ нельзя твоимъ быть спискомъ
Съ чего власы, браду мнѣ снять?
Чѣмъ рясу съ фрака дополнять?
Пою молебны, панихиды:
Мой долгъ и польза суть виной;
Слуга бывъ Марса и Ѳемиды,
Министръ ты нынѣ отставной.
Кроплю водой, брянчу кадиломъ,
Тебя къ себѣ не кличу съ рыломъ,
Но крестъ святой лобзать даю,
Кто руку хочетъ чтить мою».

По поводу этого отвѣта Г. Р. Державинъ написалъ «Отзывъ на пасквиль»:

«Ужель мнѣ отвѣчать
На то, что такъ меня за шутку злобно колютъ?
Благоразумнѣе молчать:
Избыткомъ сердца лишь уста у насъ глаголютъ».

Стихи эти обоихъ Державиныхъ напечатаны въ сочиненіяхъ Державина, съ примѣчаніями Я. К. Грота. Т. III, стр. 326—335. Спб. 1870 г.

Другимъ членомъ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ изъ бѣлаго духовенства, при учрежденіи ея, назначенъ былъ преемникъ С. Ѳ. Краснопѣвкова въ званіи духовника, протопресвитеръ Павелъ Васильевичъ *Криницкій*. Происходя изъ дворянъ Черниговской губерніи, онъ обучался въ Черниговской Коллегіи и Кіевской академіи и, по окончаніи курса, былъ въ Черниговской коллегіи учителемъ

поэзіи и греческаго языка; съ 1783 по 1791 г. былъ священникомъ въ Парижѣ. При отправленіи въ Парижъ дозволено было носить ему наружный наперсный крестъ по примѣру предшественниковъ его. Первый выпросилъ этотъ крестъ въ 1757 г. іеромонахъ Невскаго монастыря Іоасафъ Шестаковскій; послѣ него разрѣшено было носить его іеромонаху Кириллу Флоринскому и священнику Симеону Коронатскому, на мѣсто котораго, по переводѣ его, по Высочайшему повелѣнію, протоіереемъ въ Преображенскій соборъ, и опредѣленъ Крипицкій. Онъ былъ въ Парижѣ при князѣ П. С. Барятинскомъ и Симолинѣ въ самое время французской революціи. По возвращеніи въ Россію Крипицкій былъ съ 1793 по 1795 г. законоучителемъ въ академіи художествъ; въ 1799 г. опредѣленъ законоучителемъ Августѣйшихъ дѣтей Павла Петровича [1]) и протоіереемъ Софійскаго собора; въ 1803 г. 1 Декабря переведенъ къ придворной церкви, а по смерти духовника, Исидора Петровича, повелѣно ему въ 1806 г. 27 Января быть старшимъ надъ придворнымъ духовенствомъ; въ 1808 г. 3 Апрѣля, по смерти С. О. Краснопѣвкова, назначенъ духовникомъ съ присвоеніемъ ему званія протопресвитера и пожалованъ членомъ Святѣйшаго Синода, а при учрежденіи Коммиссіи и членомъ Коммиссіи.

Объ участіи его въ дѣлахъ Комитета извѣстно только то, что сказано было о немъ выше по дѣлу о переводѣ эстетическихъ разсужденій Ансильйона.

По смерти Императора Александра и супруги Его Елизаветы Алексѣевны, онъ оставался духовникомъ Императрицы Маріи Feo-

---

[1]) До того времени законоучителемъ дѣтей Императора Павла былъ протоіерей Андрей Іоан. *Самборскій*. Онъ родился въ г. Бѣлгородѣ, обучался въ Бѣлгородской семинаріи и Кіевской академіи, гдѣ «*отчасти* богословіе выслушалъ». Въ 1765 г., при отправленіи въ Лондонъ для служенія въ тамошней православной церкви учителя Кіевской академіи іеромонаха Ефрема Діаковскаго, опредѣленъ при немъ церковникомъ, а въ 1769 г. занялъ его мѣсто; женился на англичанкѣ, съ которою и повѣнчанъ, по небытности священника въ Лондонѣ, въ Амстердамѣ, по предварительномъ присоединеніи ея къ православной церкви; посвященъ 8 окт. въ С.Петербургѣ. Въ 1780 г. 9 Октября Императрица Екатерина II «по уваженію похвальнаго поведенія его и радѣтельнаго смотрѣнія за учащимися въ Англіи земледѣльной и другимъ домостроительнымъ наукамъ молодыми людьми», приказала опредѣлить его къ назначаемому въ адъюнкты губерніи въ г. Софіи собору (Дѣла Арх. Св. Синода 1765 г. № 201 и 1780 г. № 300). Въ 1781 г. онъ находился въ свитѣ Цесаревича и Цесаревны во время путешествія ихъ по Европѣ. По возвращеніи въ Россію, награжденъ бриліантовымъ крестомъ на голубой (Андреевской) лентѣ и съ 1785 г. былъ законоучителемъ и духовникомъ Великихъ Князей и Княженъ. Въ 1799 г. Императоръ Павелъ отправилъ его при Великой Княжнѣ Александрѣ Павловнѣ въ Венгрію. По кончинѣ ея 4 Марта 1801 г. и по возвращеніи въ

доровны, а по смерти ея велѣно было ему именоваться «бывшимъ духовникомъ покойной Государыни Императрицы». «И такъ вотъ человѣкъ — писалъ поэтому поводу Московскій митрополитъ Филаретъ къ своему викарному Иннокентію—который въ самомъ титулѣ своемъ имѣетъ memento mori, что̀ намъ и всѣмъ не худо помнить» [1]).

П. В. Криницкій оставался членомъ Святѣйшаго Синода и Коммиссіи Духовныхъ Училищъ до самой кончины своей, послѣдовавшей въ 1835 году.

Россію, Самборскій жилъ въ Михайловскомъ дворцѣ, хлопоталъ въ С.-Петербургѣ за своихъ земляковъ и скончался въ 1815 г. на 82 г. жизни. Въ 1797 г. Іюня 12 Императоръ Павелъ подарилъ ему слободу Стратилатовку (Каменку) въ Слободско-Украинской губерніи съ 500 душъ крестьянъ, землями и угодьями.

[1]) Письмо Филарета отъ 20 Дек. 1828 г. въ Приб. къ Твор. Св. отц.

VI.

Религіозный мистицизмъ въ царствованіе Александра I.

Учрежденіе Библейскаго Общества.—Князь А. Н. Голицынъ—Министръ Народнаго Просвѣщенія.—Дѣйствія Коммиссіи Духовныхъ Училищъ въ 1815—1817 г. г.

Весьма значительнымъ явленіемъ нашей общественной жизни въ царствованіе Императора Александра и особенно въ послѣднюю половину его царствованія, съ 1812 года, было господство *религіознаго мистицизма.* Сущность мистицизма заключается въ стремленіи къ достиженію истины путемъ непосредственнаго внутренняго созерцанія ея, помимо внѣшнихъ способовъ чувственнаго опыта, наблюденія и научнаго изслѣдованія, которые даютъ истину не полную, отрывочную, разсудочную. Въ области религіи мистицизмъ состоитъ въ чувствѣ постояннаго, живаго, духовнаго общенія съ Богомъ и въ стремленіи къ духовному возрожденію силою внутрепнодѣйствующей въ человѣческомъ духѣ благодати. Такимъ образомъ, по самому существу своему, религіозный мистицизмъ есть душевная дѣятельность, находящая возбужденіе для себя въ самой себѣ, въ самой глубинѣ человѣческаго духа, въ стремленіи его къ единенію съ Богомъ. Въ этомъ отношеніи, появленіе мистицизма въ данное время можетъ быть полезно и благотворно, какъ пробужденіе общества отъ духовной косности или отъ довольства обрядовымъ благочестіемъ къ духовной самодѣятельности и къ нравственному самоусовершенствованію. Но есть въ мистицизмѣ другая сторона, которая всегда возбуждаетъ противъ него различныя нарекапія. Основываясь на внутреннемъ духовномъ опытѣ и ища откровенія воли Божіей не внѣ себя и не внѣшнимъ путемъ, а во внутреннемъ голосѣ сердца, въ глубинѣ сокровеннѣйшихъ душевныхъ движеній, мистикъ, неизбѣжно, выходитъ изъ подчиненія внѣшнему церковному авторитету, или, сохраняя уваженіе къ нему, считаетъ церковныя таинства, установленія и всю вообще внѣш-

нюю церковную обрядность только символами, которые сами по себѣ не имѣютъ значенія и служатъ только внѣшними знаками того или другаго внутренняго духовнаго состоянія и составляютъ лишь вспомогательное средство для возбужденія въ душѣ того или другаго настроенія. Они составляютъ своею совокупностію *внѣшнюю церковь*, которая безъ *церкви внутренней* такъ же безжизненна, какъ тѣло безъ духа.

Такимъ образомъ, въ самомъ существѣ религіознаго мистицизма заключается нѣкоторое отчужденіе отъ Церкви и безразличное отношеніе къ различнымъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ, составляющимъ, какъ бы, только различныя формы для выраженія христіанскаго чувства и сознанія.

Въ Россіи религіозно-мистическое направленіе появилось въ прошломъ столѣтіи въ царствованіе Императрицы Екатерины. Но въ послѣдніе годы царствованія Екатерины и во все время царствованія Павла оно находилось, по связи его съ масонствомъ и тайными обществами, въ подозрѣніи противоправительственной агитаціи и подверглось преслѣдованію. Съ восшествіемъ на престолъ Императора Александра, оно снова возникло и привлекло къ себѣ много лицъ, значительныхъ по своему положенію и образованію. Въ это же время возобновились и масонскія ложи, закрытыя при Екатеринѣ [1]). Таинственность сближала ихъ съ религіозной мистикой, такъ что многіе мистики были въ тоже время и масонами, и наоборотъ.

Какъ мистическое направленіе пришло къ намъ съ запада, такъ и идеи, составляющія сущность мистики, заимствовались изъ сочиненій западныхъ мистиковъ, главнымъ образомъ, нѣмецкихъ— Таулера (1361), Іоанна Арндта (1621), Якова Бема (1624) и французскихъ—Фенелона (1715) и г-жи Гіонъ (1717). Но за этими старыми мистиками, въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX в., выступили и пріобрѣли извѣстность и вліяніе новые: французскіе Дю-Туа Мамбрини († въ 1790-мъ г.) и Сенъ Мартенъ и нѣмецкіе— Эккартсгаузенъ († 1813) и Юнгъ Штиллингъ (1817).

---

[1]) „Послѣ Тильзитскаго мира, въ концѣ 1808 года, прошелъ слухъ о новомъ появленіи у насъ масонства. Правительство, не поощряя его, не мѣшало однако-же его распространенію. Оно нравилось своею новизной; любопытство, духъ братства, произведенный тогдашними обстоятельствами и перешедшій къ намъ изъ Германіи, многихъ людей привлекали къ нему». Записки Вигеля, ч. 5 гл. 4 стр. 53 (изд. Рус. Архива).

Послѣ мистиковъ Новиковскаго кружка, въ началѣ XIX вѣка, особенно ревностнымъ распространителемъ мистическихъ идей въ Россіи, неутомимымъ переводчикомъ иностранныхъ мистическихъ сочиненій и вообще вліятельнымъ мистикомъ былъ Александръ Ѳедоровичъ *Лабзинъ* (1766—1826). Окончивъ въ 1784 г. курсъ въ Московскомъ университетѣ, онъ съ блестящимъ успѣхомъ проходилъ службу въ разныхъ вѣдомствахъ и на разныхъ должностяхъ; съ 1799 г., состоя на службѣ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, поступилъ конференцъ-секретаремъ въ Академію Художествъ, а съ 1818 г. былъ въ ней вице-президентомъ. Литературная дѣятельность его началась еще со студенчества; но съ первыхъ годовъ текущаго столѣтія онъ сосредоточилъ свое вниманіе и свой трудъ исключительно на переводѣ и изданіи духовныхъ книгъ мистическаго содержанія. Недовольствуясь переводомъ и изданіемъ книгъ, онъ предпринялъ въ 1806 г. изданіе журнала, подъ названіемъ «*Сіонскій Вѣстникъ*», съ тѣмъ же мистическимъ направленіемъ, взявъ эпиграфомъ слова: «кійждо, якоже пріятъ дарованіе, между себе симъ служаще, яко добри строителіе различныя благодати Божія». Но изданіе журнала продолжалось недолго. Выпустивъ съ Января по Октябрь всего 9 книжекъ, онъ принужденъ былъ прекратить изданіе журнала и принялся снова за переводъ и изданіе мистическихъ книгъ и въ этомъ поставилъ какъ бы задачу и призваніе своей жизни. Перечень его изданій находится въ біографіи его въ Русскомъ Архивѣ за 1866 г. Самую большую часть ихъ составляютъ переводъ сочиненій Эккартсгаузена, Юнга Штиллинга и Бема. Лично онъ былъ человѣкъ весьма почтенный; по умственнымъ дарованіямъ и образованію стоялъ весьма высоко, а по рѣдкому дару слова мало имѣлъ соперниковъ [1]). Оставляя въ сторонѣ крайности его мистическаго направленія, нельзя не признать

[1]) В. И. Панаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ, что въ 1814 г. „ въ день Рождества у Державина собралось гостей человѣкъ 30, большею частію людей пожилыхъ и одинъ изъ нихъ, съ необыкновеннымъ даромъ слова, обратилъ на себя особенное мое вниманіе. Кто это, спросилъ я кого-то изъ сидѣвшихъ подлѣ меня. Тотъ отвѣчалъ: Лабзинъ. Тогда вниманіе мое удвоилось. Я вспомнилъ, что въ бумагахъ покойнаго отца моего множество писемъ Лабзина подъ псевдонимомъ *Безъерова*, вѣроятно, потому, что онъ пигдѣ еровъ не ставилъ. Въ письмахъ этихъ, замѣчательныхъ по прекрасному изложенію, онъ постоянно сообщалъ отцу моему о современномъ ходѣ французской революціи. Впослѣдствіи я познакомился съ Лабзинымъ и это знакомство составляетъ довольно любопытный періодъ въ исторіи моей Петербургской жизни».—Воспомин. стр. 246. В. Евр. 1867, III.

искренности и горячности его въ вѣрѣ и его неутомимой и самоотверженной дѣятельности, направленной къ распространенію въ современномъ обществѣ понятій о живомъ и дѣятельномъ христіанствѣ, къ пробужденію въ немъ духа любви Христовой и къ отвлеченію его отъ низменныхъ интересовъ къ исканію царствія Божія. Лица, знавшія его, съ уваженіемъ отзываются о его нравственномъ характерѣ [1]).

Государь относился къ мистикѣ, какъ и къ масонству, съ полной терпимостью. Усиленное при его воспитаніи стремленіе сгладить въ его глазахъ всѣ разности, раздѣляющія людей, народы и религіозныя исповѣданія, образовали изъ него космополита, придававшаго мало значенія національнымъ особенностямъ народовъ и религіознымъ особенностямъ исповѣданій. Между тѣмъ природный складъ души устремлялъ его къ таинственному, мистическому. Великія событія двѣнадцатаго года усилили еще болѣе его мистическое настроеніе. Въ девизѣ, принятомъ имъ послѣ этихъ событій и изображенномъ на побѣдной медали въ память 12 года («Не намъ, не намъ, а имени Твоему»), онъ прямо выражалъ, что считаетъ себя только орудіемъ, посредствомъ котораго дѣйствовала высшая божественная сила. Но дѣйствіе этой сверхъестественной силы недоступно чувственному взору. Оно созерцается внутреннимъ окомъ души, при размышленіи о Христѣ и таинственномъ соединеніи съ нимъ.

Ближайшимъ довѣреннымъ лицемъ Государя, которому онъ открывалъ сокровеннѣйшія движенія своей души, былъ любимецъ его съ дѣтства, въ то время Оберъ-Прокуроръ Синода и главноуправляющій духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, *князь А. Н. Голицынъ*.

Проведши молодость въ свѣтскихъ развлеченіяхъ и разнаго рода увлеченіяхъ, князь Голицынъ понялъ, наконецъ, всю пустоту своей жизни безъ правилъ и безъ цѣли, и обратился къ чтенію Священнаго Писанія, надѣясь въ немъ найти руководство и утѣшеніе. — Въ своихъ «воспоминаніяхъ» онъ подробно разсказываетъ,

---

[1]) См. напримѣръ отзывъ о немъ Ю. Н. Бартенева въ Руск. Арх. 1886. II стр. 93. Кукольникъ (въ Р. Арх. 1874, I стр. 608) говоритъ о немъ: „Лабзинъ, конечно, имѣлъ свои погрѣшности: онъ былъ честолюбивъ и усильно добивался того, чтобъ его уважали. Но это былъ человѣкъ необыкновеннаго ума, съ чистымъ стремленіемъ къ христіанскому самоусовершенствованію и принесъ большія услуги духовной литературѣ своими сочиненіями и переводами.»

какъ они съ Государемъ поощряли другъ друга къ чтенію слова Божія и какъ отыскивали и находили въ немъ тотъ смыслъ, который соотвѣтствовалъ ихъ душевнымъ состояніямъ. Въ словѣ Божіемъ заключалось для нихъ все — вѣра и церковь, оправданіе и спасеніе.

Этимъ состояніемъ ихъ религіозной экзальтаціи и обращенія къ слову Божію воспользовалось Великобританское Библейское Общество для пропаганды своего предпріятія. Въ 1812 году оно прислало въ С.-Петербургъ своего агента, пастора Патерсона, возложивъ на него порученіе объ образованіи въ С.-Петербургѣ Библейскаго Общества. Миссія Патерсона увѣнчалась успѣхомъ. 6-го Декабря Государь утвердилъ докладъ *Главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій* князя Голицына объ учрежденіи въ С.-Петербургѣ Библейскаго Общества «для изданія книгъ В. и Новаго Завѣта *на иностранныхъ языкахъ для обитателей Россійской Имперіи иностранныхъ исповѣданій*». Такимъ образомъ, по первоначальной цѣли своего учрежденія, С.-Петербургское Библейское Общество ограничивало кругъ своихъ дѣйствій живущими въ Россіи инородцами и иностранцами.

11 Января 1813 года было первое собраніе Общества въ домѣ главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, т. е. въ которомъ жилъ князь Голицынъ [1]). Въ этомъ собраніи присутствовали всѣ члены Святѣйшаго Синода, ректоръ академіи, архимандритъ Филаретъ, католическій митрополитъ Сестрепцевичъ, англійскій и голландскій пасторы, министры внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и много другихъ знатныхъ свѣтскихъ лицъ.

---

[1]) Главноуправляющій духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, князь А. Н. Голицынъ, жилъ на Фонтанкѣ, въ домѣ (нынѣ) Министра Императорскаго Двора, въ 1812 г. пріобрѣтенномъ у О. О. Бадковскаго (Р. Арх. 1878. III, стр. 219). Въ 1812 г. кн. А. Н. Голицынъ испросилъ Высочайшее соизволеніе имѣть, по смерть свою, домовую церковь съ подвижнымъ антиминсомъ. Государь пожаловалъ ему для этой церкви иконостасъ, хранившійся въ Эрмитажѣ. Сообщая митрополиту Амвросію 22 Сентября, что освященіе церкви назначено на 1 Октября и что совершать оное будетъ ректоръ академіи, архим. Филаретъ, князь просилъ прислать надлежащее число священнослужащихъ, ризницу и въ заключеніе писалъ: «Я надѣюсь, что Ваше Высокопреосвященство почтите сію духовную церемонію вашимъ присутствіемъ и благословите хозяина». Въ Ноябрѣ того же года князь Голицынъ просилъ митрополита Амвросія опредѣлить священникомъ къ его церкви ключаря соборной церкви въ г. Софіи протоіерея Григорія Гомзина, на что митрополитъ изъявилъ полное согласіе, сохранивъ за Гомзинымъ положеніе и при Софійскомъ соборѣ. (Канц. Об. Прок. 1812 г. № 5.293).

Тогда же образованъ былъ комитетъ для управленія дѣлами Общества. Президентомъ избранъ главноуправляющій духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій князь А. Н. Голицынъ; вице президентами—графъ В. П. Кочубей, министръ народнаго просвѣщенія графъ А. К. Разумовскій, оберъ-гофмейстеръ Род. А. Кошелевъ, министръ внутреннихъ дѣлъ О. П. Козодавлевъ, сенаторы Лапауровъ и Габлицъ; директорами—генералъ-суперъ-интендантъ Рейнботъ, англійскій пасторъ Питтъ, князь П. С. Мещерскій, графъ К. А. Ливенъ, баронъ Б. И. Фитингофъ, Н. И. Фусъ, И. Д. Жулковскій, С. С. Джунковскій, А. А. Лѣнивцевъ и С. С. Уваровъ.

Комитетъ Библейскаго Общества былъ центральнымъ учрежденіемъ въ Обществѣ. Кромѣ того учреждены комитеты хозяйственный для завѣдыванія суммами и имуществомъ общества и печатныхъ дѣлъ. Въ первый директорами избраны графъ К. А. Ливенъ [1]), директоръ почтоваго департамента, Ник. Дм. Джулковскій и Ст. Сем. Джунковскій; въ комитетѣ печатныхъ дѣлъ главнымъ дѣятелемъ былъ Патерсонъ.

Секретарями Библейскаго Общества избраны В. М. Поповъ и А. И. Тургеневъ.

Государь принялъ на себя званіе члена Общества и 15 Февраля приказалъ Кабинету отпустить въ распоряженіе общества 25 тысячъ рублей единовременно, а на будущее время производить ежегодно по 10 тысячъ рублей, начиная съ 1 Января 1813 года [2]).

Въ Лондонѣ съ восторгомъ приняли извѣстіе объ открытіи Библейскаго Общества въ Россіи и о сочувствіи къ нему Государя и высшихъ правительственныхъ лицъ. Генеральное собраніе Великобританскаго Общества, въ которомъ сдѣлано было сообщеніе объ учрежденіи С.-Петербургскаго Библейскаго Общества, было самое многолюдное, торжественное и блистательное изъ всѣхъ доселѣ бывшихъ [3]). Въ собраніи присутствовало весьма много епископовъ, членовъ парламента и прочихъ знатныхъ особъ, канцлеръ казна-

---

[1]) Графъ Карлъ Андр. Ливенъ былъ впослѣдствіи (1828—1833) министромъ народнаго просвѣщенія. Въ русской грамотѣ былъ несиленъ. Въ 1814 г. онъ писалъ къ Джунковскому: «Я готовъ въ мигъ съ вами его наши уже зделанныя щеты подписать. Я думаю, кто дѣло дѣлать даромъ заслуживаетъ по крайней мерѣ спасиба».

[2]) Въ 1816 г. Государь пожаловалъ Библейскому Обществу каменный домъ и 15 тысячъ рублей на исправленіе его и, кромѣ того, 15 тысячъ рублей на бумагу для изданій Общества.

[3]) Великобританское и Иностранное Библейское Общество учреждено въ 1804 г. Годовыя собранія его происходили въ Маѣ каждаго года.

чейства и королевскіе сыновья, герцоги Кентскій и Суссекскій. «Я желалъ бы —писалъ секретарь Великобританскаго Общества Штейнкопфъ къ Патерсону — чтобы Петербургскій Библейскій Комитетъ могъ быть свидѣтелемъ того священнаго восторга, какой объялъ цѣлое собраніе, когда возвѣщено было, что Его Императорское Величество принялъ званіе члена и благотворителя Петербургскаго Библейскаго Общества». Президентъ Великобританскаго Библейскаго Общества, лордъ Тегнмутъ, въ письмѣ къ князю А. Н. Голицыну, изъявлялъ удовольствіе по поводу того, что, при учрежденіи С.-Петербургскаго Библейскаго Общества, приняты главныя основанія Великобританскаго и Иностраннаго Библейскаго Общества и выражалъ надежду, что соединеніе христіанъ всѣхъ вѣроисповѣданій въ этомъ предпріятіи, столь священномъ и достойномъ человѣческихъ усилій, будетъ имѣть самыя благопріятныя послѣдствія.

Основнымъ правиломъ Библейскаго Общества было то, чтобы, при изданіи книгъ Священнаго Писанія на разныхъ языкахъ, держаться текстовъ, употребляемыхъ по правиламъ того или другаго вѣроисповѣданія, безъ всякихъ поясненій или коммептаріевъ, которые неизбѣжно носили бы вѣроисповѣдной отпечатокъ. Посему князь Голицынъ озаботился собраніемъ свѣдѣній объ употребительныхъ, авторизованныхъ изданіяхъ Библіи въ разныхъ вѣроисповѣданіяхъ и самыхъ этихъ изданій и для этого входилъ въ сношенія съ католическимъ митрополитомъ Сестренцевичемъ, епископами: Подольскимъ—Маціевичемъ, — Виленскимъ — Стройновскимъ, Луцкимъ Цецишевскимъ, греко-уніатскимъ митрополитомъ Кохановичемъ и армяно-католическимъ епископомъ Кристофовичемъ. Въ первый же годъ своего существованія Петербургское Общество приступило къ изданію книгъ Священнаго Писанія на французскомъ, нѣмецкомъ, польскомъ, армянскомъ и монгольскомъ языкахъ. Затѣмъ слѣдовало изданіе за изданіемъ отдѣльныхъ книгъ Новаго Завѣта на разныхъ инородческихъ языкахъ и пересмотры для новыхъ изданій полной Библіи на греческомъ, грузинскомъ и молдавскомъ языкахъ.

Сношенія С.-Петербургскаго Общества съ Великобританскимъ были непрерывныя. Лондонскій Комитетъ присылалъ значительныя суммы С.-Петербургскому въ подкрѣпленіе издержекъ его по многочисленнымъ изданіямъ. Сношенія эти велись чрезъ Патерсона, который былъ, можно сказать, организаторомъ Общества и съ неутомимою ревностію и изумительною оборотливостію завѣдывалъ всѣми

изданіями Общества на иностранныхъ языкахъ. Въ то же время агентъ Великобританскаго Общества, Пинкертонъ, непрерывно путешествовалъ по Россіи съ рекомендательными письмами отъ князя Голицына къ архіереямъ и главнымъ мѣстнымъ гражданскимъ и военнымъ начальникамъ, объяснялъ цѣль учрежденія Библейскаго Общества и устроивалъ мѣстныя отдѣленія и комитеты Библейскихъ Обществъ.

Письма членовъ Англійскаго Библейскаго Общества проникнуты были какимъ-то религіознымъ экстазомъ, какъ будто наступила новая эра и какъ будто насталъ послѣдній и рѣшительный моментъ всеобщаго обращенія народовъ къ христіанству и къ сообразной съ христіанствомъ жизни въ духѣ мира, любви и блаженства. «Какія нынѣ времена! *Господь воцарился.* Кажется, что опять уже слышится гласъ вопіющаго въ пустыни: уготовайте путь Господень. Куда ни обратишься, повсюду совершается и преуспѣваетъ дѣло, котораго тотъ гласъ требовалъ. Безчисленное множество дѣлателей, впервые только извѣстныхъ свѣту и одинъ другому, трудятся надъ тѣмъ, дабы *всяка дебрь исполнилась и всяка гора и холмъ смирились, и были строптная въ правая и острая въ пути гладки*, да откроется слава Господня и узритъ всяка плоть спасеніе [1]). Великобританское Общество хотѣло покрыть весь свѣтъ такими обществами и съ помощію своихъ миссіонеровъ учредило множество ихъ во всѣхъ странахъ свѣта. Въ годовыхъ отчетахъ его сообщалось о библейскихъ обществахъ Филадельфіи и Калькутты, Мадраса и Цейлона, о безчисленныхъ корреспонденціяхъ съ отдаленнѣйшими странами міра, о переводахъ Библіи на 26 индусскихъ языковъ, о путешествіяхъ агентовъ его на отдаленные острова океана для изученія языковъ тамошнихъ жителей и перевода на нихъ Евангелія. Только католическія государства—Австрія, Баварія, Испанія не только не показывали сочувствія Библейскимъ Обществамъ, но относились къ нимъ даже враждебно. Тѣмъ болѣе они дорожили союзомъ съ Россіей, которая приняла дѣло ихъ такъ близко къ сердцу и увлекали ее къ славѣ быть провозвѣстницею Слова Божія для многочисленныхъ народовъ, ее населяющихъ, на ихъ родныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ. «Какой это безпримѣрный союзъ—писалъ секретарь Великобританскаго Общества Овенъ къ На-

[1]) Письмо Секр. Великобр. Общ. Овена къ Патерсону 3 Дек. 1814 г.

терсону—который сближаетъ и связуетъ Лондонъ съ Петербургомъ и съ Москвой, съ Черкасскомъ и съ Ѳеодосіей и я не знаю еще съ какими мѣстами другихъ наименованій. Какая честь для меня начертывать здѣсь въ моемъ кабинетѣ, на берегу Темзы, письмо, коего содержаніе можетъ возвеселить сердца любителей Библіи на берегахъ Невы, Москвы, Дона, Чернаго Моря. Уже концы земли обращаютъ взоры свои на сію книгу, которая благодатію Святаго Духа поведетъ ихъ къ Истинному Мессіи и даруетъ имъ умудриться во спасеніе. Я разсматриваю теперь карту Россіи, которую вы мнѣ прислали, съ чрезвычайнымъ и безпредѣльнымъ удовольствіемъ. Россійское Библейское Общество не перестанетъ существовать и тогда, когда знаменитѣйшія на свѣтѣ учрежденія придутъ въ упадокъ. Благословенные дары, которые оно разливаетъ между обитателями Россіи, переживутъ и самое время и перейдутъ въ вѣчность».—«Я каждый день болѣе и болѣе удостовѣряюсь—писалъ къ нему же Р. Стевенъ, директоръ Лондонскаго Миссіонерскаго Общества,—что послѣ нашего любезнаго отечества, Россіи предоставлено отъ Промысла Божія быть наибольшею благотворительницею на землѣ. Счастливое государство! Сколько въ немъ князей и властей духовныхъ и свѣтскихъ, боящихся Бога и приступившихъ съ такимъ горячимъ усердіемъ къ священному дѣлу — сѣянію слова жизни! Счастливая земля, въ которой верховные начальствующіе различныхъ вѣроисповѣданій съ такою для себя честію и пользою для великаго дѣла подвизаются на служеніе религіи».

Въ томъ же возвышенномъ тонѣ составлялись и отчеты Библейскаго Общества. Дѣйствія его описывались въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ, какъ будто наступило наконецъ давно ожидаемое царство Христово, полились источники благодати во всѣ концы земли и на всѣхъ людей безъ различія, было бы только желаніе къ принятію ея. Подъ буквою Слова Божія, какъ подъ открывшеюся апокалипсическою печатью, найдены и возвѣщались новыя тайны духовнаго вѣдѣнія.

Въ 1814 г. С.-Петербургское Библейское Общество переименовано въ *Россійское*. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличенъ его составъ и расширенъ кругъ дѣйствій. До сего времени Общество издавало священныя книги только на иностранныхъ языкахъ; а для снабженія священными книгами православныхъ русскихъ, покупали оныя изъ запасовъ Святѣйшаго Синода. Но, такъ какъ требованій было

много, а запасовъ недоставало, то Библейское Общество само предприняло *изданіе Библіи* и особо Новаго Завѣта *на славянскомъ языкѣ*. Но, чтобы оно сохранило за собою авторитетъ церковнаго изданія, для этого въ составъ комитета Библейскаго Общества избрано нѣсколько лицъ изъ православнаго духовенства: митрополиты С.-Петербургскій Амвросій и Кіевскій Серапіонъ и присутствовавшіе въ Святѣйшемъ Синодѣ архіепископы—Черниговскій Михаилъ и Тверской Серафимъ съ званіемъ вице-президентовъ; архимандриты—ректоры духовной академіи Филаретъ и семинаріи Иннокентій—съ званіемъ директоровъ. Тогда же избранъ былъ въ директоры Библейскаго Общества изъ свѣтскихъ, *А. Ѳ. Лабзинъ*, принимавшій потомъ самое живое участіе въ дѣлахъ и изданіяхъ Общества. Между прочимъ, онъ предлагалъ позволить раскольникамъ издать старинную Библію, которой они держатся. «Мѣра сія снисхожденія, писалъ онъ, произвела бы неимовѣрное соревнованіе ихъ къ нашему (т. е. Библейскаго Общества) дѣлу. Мѣра сія не была бы предосудительна: истина всегда истина, какимъ бы нарѣчіемъ ее ни выговаривали: ни старый, ни новый переводъ жизни не дадутъ, ибо духъ животворитъ».

Это вторая ступень въ развитіи дѣйствій Библейскаго Общества. Наконецъ, въ Февралѣ 1816 г., Государь повелѣлъ президенту Россійскаго Библейскаго Общества, князю Голицыну, предложить Святѣйшему Синоду «по глубокому убѣжденію Его Величества во всеобщей великой пользѣ, отъ Слова Божія пріобрѣтаемой, искреннее и точное желаніе Его доставить и Россіянамъ способъ читать Слово Божіе на природномъ своемъ языкѣ». Во исполненіе этой воли, тогда же начатъ былъ переводъ священныхъ книгъ на русскій языкъ съ Евангелій. Трудъ первоначальнаго перевода Евангелій возложенъ былъ на здѣшнюю духовную академію, а для редакціонной слички учрежденъ былъ высшій переводный комитетъ въ которомъ членами были архіепископы Михаилъ и Серафимъ, архимандритъ Филаретъ, В. М. Поповъ и А. Ѳ. Лабзинъ. Главная доля труда упадала на Филарета. Собственно онъ велъ это дѣло; кромѣ непосредственнаго участія въ переводѣ, онъ былъ докладчикомъ въ комитетѣ и записывалъ предлагаемыя исправленія и наблюдалъ за печатаніемъ. Въ 1819 г. онъ составилъ извѣстное предисловіе къ изданному въ томъ году переводу четвероевангелія, начинающееся словами: «Словомъ Божіимъ все сотворено и все со-

творенное держится силою Слова Божія». А въ Февралѣ слѣдующаго 1820 г. предпринятъ былъ, по Высочайшему повелѣнію, переводъ на русскій языкъ и книгъ Ветхаго Завѣта. Это третья и послѣдняя стадія въ дѣятельности Библейскаго Общества. Изъ Ветхаго Завѣта переведены и напечатаны были только Псалтирь и Пятокнижіе Моисеево.

Современникъ событій того времени и во многихъ изъ нихъ принимавшій дѣятельное участіе, Александръ Скарлатовичъ Стурдза [1]) писалъ объ учрежденіи Библейскаго Общества въ Россіи: «съ 1812 по 1816 г., между тѣмъ какъ Александръ довершалъ умиротвореніе Западной Европы, начало тайкомъ пробираться къ намъ новорожденное въ Англіи Библейское Общество. Дома у себя оно было предметомъ ненависти и подозрѣній церкви англиканской, съ которою боролось въ союзѣ съ тамошними диссентерами. У насъ, напротивъ, первые агенты Библейскаго Общества приняты были съ восторгомъ. По образцу и точной мѣркѣ англійскаго общества поспѣшили основать у насъ «Россійское Библейское Общество» — самый рабскій сколокъ безъ всякаго примѣненія къ уставамъ и потребностямъ русской церкви. Князя Голицына обступили многорѣчивые защитники безусловнаго распространенія Слова Божія на всѣхъ языкахъ, мимо всякаго церковнаго надзора и съ устраненіемъ всѣхъ вообще истолкованій на божественный текстъ. Шумѣли, увѣряли, что въ идеѣ Библейскаго Общества новое изліяніе Святаго Духа на всяку плоть, что съ помощію одной книги можно будетъ христіанству расторгнуть обветшалыя пелены, обойтись безъ церкви и достигнуть соединенія въ духѣ и истинѣ. Первымъ шагомъ къ цѣли было приглашеніе въ составъ Общества духовныхъ сановниковъ всѣхъ исповѣданій, подъ предсѣдательствомъ самого

[1]) А. С. Стурдза (род. въ Январѣ 1791г.) служилъ сначала по министерству иностранныхъ дѣлъ и въ 1812—1816 г. находился при графѣ Каподистріи за границей въ Вѣнѣ и Парижѣ. Занимаясь въ то же время учеными и публицистическими трудами, онъ написалъ въ 1816 г. сочиненіе: Considérations sur la doctrine et l' esprit de l' église orthodoxe; а Императоръ Александръ далъ средства на его напечатаніе за границей, въ Германіи (Канц. Об. Пр. 1816 г. № 5599). Въ 1818 г., не оставляя службы по министерству иностранныхъ дѣлъ, онъ приглашенъ былъ кн. Голицынымъ къ участію въ трудахъ главнаго правленія училищъ. Въ томъ же году онъ отправился за границу по случаю Ахенскаго конгресса, но, напечатавъ тамъ записку о состояніи Германіи и о германскихъ университетахъ, возбудилъ противъ себя ненависть университетской молодежи и едва спасся отъ кинжала поспѣшнымъ бѣгствомъ въ Россію. Съ 1822 г. находился въ безсрочномъ отпуску и жилъ въ Одессѣ. Скон. 8 Іюня 1854 г. (Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. 1864 г. кн. 2. Рус. Арх. 1867 г. стр. 866).

Голицына и подъ секретарствомъ В. М. Попова, у котораго духъ сектъ страшнымъ образомъ омрачилъ слабый разсудокъ. Всѣмъ памятно, съ какою быстротою такъ называемое библейское дѣло воплотилось у насъ на Руси въ видѣ мѣстныхъ библейскихъ отдѣленій, распространявшихъ наперерывъ Слово Божіе по слову и мановенію человѣческому. Тогда же разосланы по всей Россіи вѣстники библейскаго дѣла, заѣзжіе къ намъ англичане, между которыми извѣстный Пинкертонъ занималъ первое мѣсто. Ему поручили объѣзжать почти всѣ епархіальные города, имѣть совѣщанія съ мѣстными архіереями, требовать у нихъ отчета въ успѣхахъ распространенія Слова Божія и, въ случаѣ надобности, побуждать ихъ къ новой дѣятельности. Само собою разумѣется, что Пинкертона, большею частію, принимали съ подобострастіемъ. А въ иныхъ мѣстахъ послѣ обычныхъ библейскихъ засѣданій, на которыхъ Пинкертонъ предписывалъ законъ, къ нему подходили тайкомъ и пожимали ему руку нѣкоторые лжебратья изъ духовенства, которые, будучи смѣтливѣе толпы, предугадывали всю обширность и глубину затѣваемаго церковнаго переворота. И подлинно, хотя съ одной стороны усилія сдѣлать Библію доступною каждому христіанину представлялись полезными и похвальными, съ другой, однакоже, упорство, съ какимъ Общество отвергало всякое законное истолкованіе текста и размножало изданія и переводы мимо всякаго надзора іерархіи, не обличало ли коварное стремленіе къ разрушенію всякаго чина и порядка въ составѣ православной церкви. Безпристрастный наблюдатель, ни чуть не вдаваясь въ крайность проповѣдуемую Римомъ [1]), долженъ былъ однакоже сознаться въ томъ, что новое на Руси «Библейское Общество» влекло всѣхъ и каждаго прямою дорогою на сторону протестантства» [2]). Въ приведенныхъ словахъ Стурдзы есть, конечно, преувеличенія; не только Пинкертонъ съ Патерсономъ, но и силы, болѣе ихъ значительныя, не могли бы произвесть никакого крупнаго переворота въ русской церкви въ направленіи къ протестантству. Однакожъ то вѣрно, что образъ дѣйствій Библейскаго Общества не былъ сообразенъ ни съ народными понятіями и обычаями, ни съ чиномъ и порядкомъ нашей церкви.

Не говоря уже о избраніи въ члены и на всѣ начальственныя и распорядительныя должности по Россійскому Библейскому

[1]) Римская церковь не дозволяетъ мірянамъ читать Библію.

[2]) Русск. Стар. 1876 г. Т. XV. стр. 272.

Обществу духовныхъ и свѣтскихъ лицъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, въ члены и директора Библейскаго Общества принимались и избираемы были лица и не христіанскихъ исповѣданій—магометане и буддисты.

Между тѣмъ совершавшіяся въ Европѣ великія событія производили сильное впечатлѣніе на Императора Александра, занимавшаго центральное положеніе въ этихъ событіяхъ и наклоняли душевное настроеніе его, въ сложившемся уже направленіи, болѣе и болѣе къ мистицизму. Свиданіе въ 1814 — 1815 гг. съ Юнгомъ Штиллингомъ и госпожею Крюднеръ, съ своей стороны, усиливало въ немъ это настроеніе. Государя сблизила съ ними находившаяся заграницей въ свитѣ Императрицы фрейлина Ея, *Роксана* (Александра) Скарлатовна *Стурдза*, сестра того А. Стурдза, отзывъ котораго о Библейскомъ Обществѣ мы привели выше. Роксана Стурдза обладала высокими душевными качествами и пользовалась довѣріемъ и уваженіемъ Государя [1]). Когда и какъ сама она подпала подъ вліяніе мистиковъ, мы не знаемъ, но въ разсматриваемое время, въ 1814—1815 гг., она уже глубоко проникнута была мистицизмомъ и находилась въ сношеніяхъ съ мистиками. Въ Іюнѣ 1814 г., когда на обратномъ пути изъ Голландіи, Государь остановился на короткое время въ Брухзалѣ (въ Баденскомъ герцогствѣ), куда выѣхала на встрѣчу ему Императрица, Стурдза устроила представленіе ему знаменитаго мистика Юнга Штиллинга. Это былъ религіозный мечтатель, но добродушный филантропъ, въ ту пору уже престарѣлый (75 лѣтъ), вѣрившій въ общеніе душъ съ надземными духами, проповѣдывавшій близкій конецъ свѣта (хиліазмъ) и имѣвшій множество адептовъ. На другой день послѣ представленія, Государь пригласилъ его къ себѣ и долго бесѣдовалъ съ нимъ, а послѣ этого свиданія говорилъ Стурдзѣ: «Сегодня утромъ я видѣлся съ Юнгомъ Штиллингомъ. Я понялъ, что вы заключили съ нимъ во имя Бога союзъ любви и милосердія, союзъ, долженствующій остаться неразрывнымъ. Я просилъ его принять меня, какъ третьяго, въ этотъ союзъ и мы дали другъ другу въ знакъ нашего единенія руку. Согласны ли вы на такой союзъ? «Государь, отвѣчала Стурдза, союзъ

---

[1]) Роксана С. Стурдза вышла потомъ замужъ за графа Эдлинга, оберъ-гофмейстера Саксенъ-Веймарскаго двора, поселившагося въ южной Россіи. См. о ней записки Вигеля, ч. 6, гл. IX, стр. 129.

этотъ уже существуетъ между нами». «При этихъ словахъ, говоритъ графиня Эдлингъ въ своихъ мемуарахъ, — Императоръ взялъ съ нѣжностью мою руку и я замѣтила какъ слезы катились изъ его глазъ» [1]). Ровно чрезъ годъ послѣ этого, въ Іюнѣ 1815 г., Александръ встрѣтился съ г-жею *Крюднеръ*, съ которою также давно уже старалась сблизить его Стурдза. Великая пророчица находилась въ это время, можно сказать, въ апогеѣ своей славы. Вотъ нѣсколько біографическихъ подробностей о ней. Дочь лифляндскаго барона д. т. с. Фитингофа и правнучка фельдмаршала Миниха, она была женою барона Крюднера, русскаго посланника въ Венеціи, Копенгагенѣ и наконецъ въ Берлинѣ († 14 Іюня 1802 г.). Даровитая по природѣ и образованная литературно, она имѣла извѣстность и успѣхъ какъ писательница. Въ особенности ея романъ «Валерія» сдѣлалъ ея имя довольно популярнымъ въ Европѣ. Поэтическія увлеченія ея молодости смѣнились, послѣ того какъ она сдѣлалась вдовою, религіознымъ настроеніемъ съ сильною мистическою экзальтаціею. Юнгъ Штиллингъ былъ ея вдохновителемъ на этомъ новомъ пути. Но, блиставшая въ свѣтѣ, она не желала и въ своемъ новомъ положеніи оставаться незамѣченной и употребляла всѣ способы къ тому, чтобы сдѣлаться извѣстной и занять мѣсто въ первыхъ рядахъ. По настроенію вѣка тогда всѣ имѣли сверхъестественныя видѣнія, получали откровенія и пророчествовали: и Крюднеръ сдѣлалась пророчицей, но, какъ обращавшаяся въ высшихъ общественныхъ и политическихъ кругахъ, предсказывала преимущественно важныя политическія событія. Одно изъ такихъ предсказаній съ намеками, которые могли относиться къ Александру, находилось въ письмѣ Крюднеръ къ Стурдзѣ, которая показала его Императрицѣ, а Императрица Александру. Государь уже былъ заинтересованъ въ ея пользу, но она явилась къ нему тогда, когда онъ всего менѣе ожидалъ ее, именно на пути его изъ Вѣны въ Гейдельбергъ, гдѣ были расположены его войска и находилась его главная квартира. Внезапность ея появленія поразила его тѣмъ болѣе, что оно произошло въ такую минуту, когда, послѣ смутъ Вѣнскаго конгресса, утомленный заботами и непріятностями, онъ особенно живо и съ грустью чувствовалъ, что нѣтъ подлѣ него друже-

---

[1]) *Надлеръ*. Религіозно-нравственное развитіе Александра и идея священнаго союза. Вѣра и Разумъ, 1891 г. № 18, стр. 327.

ской души, съ которою онъ могъ бы раздѣлить свои думы и чувствованія [1]).

Сама Крюднеръ объясняла свое появленіе предъ Государемъ указаніемъ свыше. Бесѣды ихъ, начавшіяся въ Гейльбоннѣ, продолжались въ Гейдельбергѣ. Когда, послѣ вторичнаго пораженія Наполеона и уничтоженія арміи его при Ватерлоо, Государь вступилъ съ своими войсками въ Парижъ, Крюднеръ, по его приглашенію, прибыла туда же и помѣстилась въ сосѣдствѣ съ Елисейскимъ дворцомъ, въ которомъ Государь имѣлъ пребываніе. Здѣсь возобновились ихъ духовныя бесѣды. Государь навѣщалъ ее и проводилъ съ нею вечера въ молитвѣ и чтеніи Священнаго Писанія. Это было преклоненіе могущественнѣйшаго Монарха, въ періодъ наивысшей его силы, съ полнымъ сознаніемъ своего ничтожества предъ высшею силою Божіею. Его какъ бы подавляли величіе происходящихъ событій и его собственное, какъ главнаго дѣятеля въ нихъ, и чѣмъ болѣе онъ внѣшнимъ образомъ возвышался, тѣмъ болѣе смирялся въ своей душѣ и въ своихъ чувствахъ и предавался въ волю Божію. Онъ считалъ дѣломъ особаго милосердія Божія, что получилъ склонность и привычку къ чтенію Библіи. Каждый день, каковы бы ни были его занятія, онъ читалъ три главы: одну изъ пророковъ, одну изъ Евангелій и одну изъ посланій апостольскихъ. По его собственнымъ словамъ, даже во время войны, даже при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ, онъ не оставлялъ своего обычнаго чтенія. Въ Словѣ Божіемъ онъ видѣлъ основу и опору вѣры, а въ вѣрѣ единственный законъ, съ которымъ должны сообразоваться въ своей жизни люди и народы. Это было то на-

[1]) Разсказывая объ этомъ первомъ свиданіи Государя съ Крюднеръ, бывшемъ 4 Іюня 1815 г., кн. А. Н. Голицынъ говорилъ: «Многія причины располагали Государя съ нетерпѣливымъ удовольствіемъ встрѣтить Крюднершу. Съ одной стороны, собственное настроеніе сердца царева къ ощущеніямъ религіознымъ и твердое самопреданіе въ волю Божію; съ другой, увидѣть женщину, посвященную, такъ сказать, въ себѣ живое Слово Божіе, проходящую по юнымъ и невѣрственнымъ поколѣніямъ Европы какъ бы съ званіемъ какого-то апостола, увидѣть такую женщину, которую и предупреждала, и сопровождала громкая молва народная; наконецъ знать, что сія женщина есть и русская подданная: все это, можетъ быть, заставило Государя нетерпѣливо пожелать свиданія съ Крюднершею... Въ это самое время Государь получилъ отъ Р. А. Кошелева извѣстную книжку подъ названіемъ: «Облако надъ святилищемъ или нѣчто такое о чемъ гордая философія и грезить не смѣетъ" пер. съ нѣмецкаго, А. Лабзина, которую Государь, хотя и читалъ, но никакъ не понималъ содержанія книги. Призванная Крюднерша, по точнымъ увѣреніямъ Александра, умѣла растолковать и объяснить ему трудныя и непонятныя доселѣ мѣста этого сочиненія». Изъ записокъ Ю. Н. Бартенева. Рус. Арх. 1886, II стр. 92.

строеніе Александра, выраженіемъ котораго являлся знаменитый историческій актъ начала вѣка—актъ *Священнаго союза*. Конечно не восторженная въ своихъ мистическихъ созерцаніяхъ Крюднеръ была виновницей этого настроенія, образовавшагося въ Государѣ прежде свиданія съ нею; но она дѣйствовала въ отношеніи къ Государю, въ моментъ зарожденія въ его душѣ идеи священнаго союза, совершенно въ тонъ этого его настроенія и въ этомъ смыслѣ ей принадлежитъ нѣкоторая доля участія въ происхожденіи знаменитаго акта.

По возвращеніи въ С.-Петербургъ, Государь издалъ 25 Декабря 1815 г. манифестъ съ приложеніемъ акта священнаго союза для прочтенія въ церквахъ. По Высочайше утвержденному опредѣленію Святѣйшаго Синода, положено было, напечатавъ его, поставить на стѣнахъ храмовъ; а въ 1817 г. 22 Октября, по докладу князя А. Н. Голицына, Высочайше повелѣно было читать его въ градскихъ и сельскихъ церквахъ каждое 14 Сентября вмѣстѣ съ манифестомъ, по случаю его послѣдовавшимъ [1]).

Начала священнаго союза сдѣлались руководящими въ направленіи дѣятельности Государя. Распространеніе свѣта вѣры Христовой, усиленіе способовъ къ распространенію въ народѣ Священнаго Писанія, воспитаніе юнаго поколѣнія въ духѣ вѣры и благочестія, расширеніе христіанской благотворительности, заботливость объ обращеніи ко Христу израильтянъ заблудшихся, но бывшихъ нѣкогда носителями великихъ откровеній и хранителями тайнъ Божіихъ [2])—были предметами самыхъ искреннихъ желаній и попеченій Государя.

---

[1]) Сборн. Археол. Общ. кн. 2, 109. Спб. 1873 г.

[2]) Заслуживаетъ вниманія и упоминанія слѣдующее учрежденіе, характерно выражающее духъ того времени. Въ 1817 г. Высочайшимъ манифестомъ, послѣдовавшимъ 25 Марта, въ самый день Пасхи, утвержденъ былъ, по докладу кн. Голицына, *Комитетъ опекунства израильскихъ христіанъ*. Комитетъ этотъ имѣлъ цѣлью обращеніе евреевъ въ христіанство и образованіе изъ нихъ особыхъ колоній, обезпеченныхъ значительнымъ земельнымъ надѣломъ. Кн. Голицынъ опредѣленъ въ званіе опекуна, В. М. Поповъ назначенъ президентомъ комитета, кн. Мещерскій и Пинкертонъ утверждены членами комитета. Комитетъ этотъ значился въ адресъ-календарѣ еще въ 1830-хъ годахъ, но успѣха въ дѣйствіи не имѣлъ. Покойный А. М. Одоевъ писалъ о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „не излишнимъ считаю упомянуть о фантастическихъ колоніяхъ въ Екатеринославской губерніи около Маріуполя, которыя вздумалъ основать покойный князь А. Н. Голицынъ, въ пылу разгара своихъ благочестивыхъ стремленій. Онъ вообразилъ, что будетъ очень спасительно и душеполезно основать Общество израильскихъ христіанъ. Для этой цѣли было отведено близъ Азовскаго моря 24 тысячи десятинъ самой лучшей плодоносной земли: тамъ онъ предположилъ водворить обращающихся въ православіе евреевъ. Имъ были предназначены большія льготы, былъ назначенъ управ-

Въ этихъ мысляхъ, желая соединить образованіе народа съ воспитаніемъ его въ духѣ вѣры и благочестія, Государь поручилъ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода, кн. А. Н. Голицыну, исправленіе должности министра народнаго просвѣщенія послѣ вышедшаго въ отставку графа А. К. Разумовскаго; а князь Голицынъ, сдѣлавшись министромъ, пригласилъ въ члены главнаго правленія училищъ ректоровъ –духовной академіи, архимандрита Филарета и семинаріи, архимандрита Иннокентія. Такимъ образомъ въ лицѣ князя А. Н. Голицына соединилось управленіе духовными дѣлами православнаго и прочихъ исповѣданій и министерствомъ народнаго просвѣщенія. Послѣдовавшее вслѣдъ за тѣмъ учрежденіе мистическаго министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія было только юридическою формулою соединенія этихъ учрежденій въ одномъ управленіи, фактически находившихся уже въ управленіи одного лица.

Составъ *Коммиссіи Духовныхъ Училищъ* въ это время оставался прежній, за исключеніемъ временнаго отсутствія архіепископовъ Серафима (съ Мая до Сентября 1816 г.) и Михаила (съ Ноября 1816 до Апрѣля 1817 г.) [1]). Въ 1816 г. Михаилъ предпринялъ печатаніе полнаго собранія своихъ «Бесѣдъ въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена говоренныхъ»; а княгиня Софья Сергѣевна Мещерская, въ противодѣйствіе распространенію вредныхъ книгъ, выпросила (17 Августа 1816 г.) Высочайшее повелѣніе печатать впредь сочиненія Черниговскаго архіепископа Михаила, коихъ первый томъ уже вышелъ въ свѣтъ въ текущемъ году, по мѣрѣ представленія ихъ сочинителемъ, на счетъ Кабинета, по два завода, въ пользу его, преосвященнаго, и въ той типографіи, гдѣ онъ самъ заблагоразсудитъ; а какъ вышесказаннаго 1-го тома напечатанъ при Синодѣ токмо одинъ заводъ, то и другой заводъ онаго тамъ напечатать также на счетъ Кабинета [2]).

ляющій надъ ними съ большимъ содержаніемъ. Слишкомъ 20 лѣтъ эти земли, въ ожиданіи обитателей изъ погибшихъ и возвращенныхъ на путь истины сыновъ Израиля, оставались впустѣ; казна издержала многіе десятки тысячъ рублей на содержаніе управленія, но переселенцевъ въ 20 лѣтъ нашлось одно семейство, да и то изъ спекуляціи, чтобы торговать землею. Только въ 30-хъ годахъ земля возвращена въ казенное вѣдомство» (Русск. Арх. 1891, 2, стр. 325). Поповъ оставался президентомъ этого комитета, кн. Мещерскій и М. Пилецкій директорами комитета до самаго закрытія его.

[1]) Въ Февралѣ 1816 г. обоимъ архіепископамъ пожалованъ орденъ Александра Невскаго, а въ Іюнѣ слѣдующаго 1817 г. бриліантовые кресты на клобукъ.

[2]) Д. К. Об. Пр. 1816 № 5595.

Правителемъ дѣлъ Коммиссіи, на мѣсто уволеннаго въ 1814 г. Данилова, опредѣленъ былъ 5 Іюня того же года статскій совѣтникъ Павелъ *Галаховъ*. Изъ послужнаго списка его видно, что онъ въ 1782 г. записанъ въ Конный полкъ, въ 1795 г. произведенъ въ корнеты, а въ 1800 г. вышелъ въ отставку ротмистромъ—и въ томъ же году поступилъ на гражданскую службу по почтовому вѣдомству; въ 1801 г. перешелъ въ медицинскую коллегію по экономической части; съ 1804 по 1814 г. опять находился въ отставкѣ. Въ Маѣ этого года, по ходатайству Павла Васильевича Кутузова, опредѣленъ правителемъ дѣлъ Коммиссіи; въ 1816 г. пожалованъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

26 Сентября этого (1816) года князь Голицынъ словесно предложилъ Коммиссіи, что Его Императорскому Величеству благоугодно видѣть въ новомъ устройствѣ духовныя училища *третьяго* учебнаго округа. Въ исполненіе этого Высочайшаго повелѣнія, въ слѣдующемъ году, при окончаніи 2-го курса въ С.-Петербургской духовной академіи, Коммиссія Духовныхъ Училищъ, назначивъ баккалавровъ С.-Петербургской академіи—архимандрита Моисея ректоромъ, Михаила Леонтовича инспекторомъ и окончившихъ курсъ магистровъ — П. М. Скворцова и Максимовича баккалаврами въ Кіевскую академію, поручила имъ произвесть испытаніе наставникамъ и воспитанникамъ старой академіи. И такъ какъ на этомъ испытаніи тѣ и другіе оказались не соотвѣтствующими академіи новаго образованія, то Коммиссія переименовала академію въ семинарію, поручивъ образовать высшій классъ оной изъ тѣхъ воспитанниковъ, которые потомъ могли бы быть приняты въ студенты новой академіи, а прочихъ перевесть въ низшіе классы. Распоряженіе это принято было въ Кіевѣ съ крайнимъ огорченіемъ и въ 1818 г. Кіевскій митрополитъ Серапіонъ обратился къ Государю со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ о присоединеніи къ открытой въ Кіевѣ, по новому образованію, семинаріи имени *академіи*. Но Коммиссія, въ которую передано было это прошеніе, нашла, что присоединеніе къ семинаріи имени академіи не сообразно съ Училищнымъ уставомъ. По доведеніи о семъ до Высочайшаго свѣдѣнія, послѣдовало Высочайшее повелѣніе: существованіе Кіевской семинаріи оставить въ настоящемъ видѣ [1]). Но семинаріи Кіевскаго округа открываемы

[1]) Ж. К. Д. У. 9 Февр. 1818 г.

были по новому образованію и укомплектовывались наставниками изъ окончившихъ курсъ магистровъ и кандидатовъ 2-го курса С.-Петербургской академіи. Округъ Кіевской академіи на время соединенъ былъ съ С.-Петербургскимъ и подчиненъ вѣдѣнію С.-Петербургскаго Внѣшняго академическаго правленія.

Въ 1817 г. произошла весьма важная перемѣна въ состояніи средствъ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ. Съ 1808 года отпускалось изъ казны въ пособіе на содержаніе духовныхъ училищъ по 2 милліона рублей въ годъ. Въ 1816 г. кн. Голицынъ предложилъ Коммиссіи, не окажется ли возможнымъ, по разсмотрѣніи ея средствъ, удовлетворять потребностямъ ея, по всѣмъ ея вѣдомствамъ, единственно движеніемъ капиталовъ, ей принадлежащихъ, безъ ежегоднаго полученія изъ Государственнаго Казначейства двухъ милліоновъ рублей, и при этомъ приложилъ сдѣланный правителемъ дѣлъ Коммиссіи (Галаховымъ) разсчетъ суммъ, находившихся въ вѣдѣніи Коммиссіи, изъ котораго оказывалось, что доходъ съ капиталовъ превышаетъ необходимый расходъ и что впредь могущія случиться издержки обезпечиваются постепеннымъ приращеніемъ капиталовъ. Коммиссія изъявила согласіе на предложеніе князя и во всеподданнѣйшемъ докладѣ своемъ изъяснила, что «имѣется пріятный случай облегчить Государственное Казначейство, прекративъ съ 1818 г. требованіе отъ онаго по 2 милліона рублей, какъ плодъ Монаршихъ щедротъ, который въ обширномъ государственномъ хозяйствѣ можетъ имѣть болѣе необходимое употребленіе»; но вмѣстѣ выразила, что она «находится въ всегдашнемъ упованіи на отеческое попеченіе Государя о служащихъ олтарю, которое. въ случаѣ оскудѣнія дарованныхъ Коммиссіи собственныхъ средствъ, позволитъ вновь прибѣгнуть къ Монаршимъ щедротамъ Государя». Государь утвердилъ докладъ Коммиссіи 12 Августа, а 25 Августа особымъ рескриптомъ выразилъ ей свое удовольствіе и благодар-

---

[1]) Къ 1 Января 1818 г. состояніе капиталовъ, находившихся въ вѣдѣніи Коммиссіи, показано было слѣдующее: по училищной части 19 милл., внесенные въ государственную коммиссію погашенія долговъ, съ приложеніемъ къ нимъ 20% преміи (въ количествѣ 3 милліоновъ 800 тысячъ рублей), составляютъ 22 милліона 800 тысячъ; годовой доходъ съ нихъ 1 милліонъ 368 тысячъ; свѣчная прибыль приноситъ не менѣе 1 милліона; въ совокупности годовой доходъ простирается до 2 милліоновъ 368 тысячъ; кромѣ того остается еще въ билетахъ 5 милліоновъ запаснаго капитала, приносящіе 250 тысячъ. По части церковной, на строеніе, находилось 3 милліона 600 тысячъ неприкосновеннаго капитала и 235 тысячъ запаснаго. Расходъ въ 1817 г. по училищной части былъ 732,721 рублей; по церковной—776 тысячъ.

ность по поводу этого ея подвига. «Представленный тайнымъ совѣтникомъ кн. Голицынымъ—сказано въ Высочайшемъ рескриптѣ—и 12 сего Августа нами утвержденный докладъ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ о прекращеніи ежегоднаго ей отпуска двухъ милліоновъ рублей изъ Государственнаго Казначейства, указомъ Нашимъ отъ 26 Іюня прошлаго 1808 г. ей опредѣленныхъ, признавъ новымъ свидѣтельствомъ тѣхъ подвиговъ, въ коихъ сословіе членовъ ея ознаменовалось уже уважительною ревностію къ пользѣ отечества, обращаемся нынѣ на главныя дѣйствія Коммиссіи и, при обозрѣніи оныхъ, съ удовольствіемъ усматриваемъ успѣшное исполненіе всегда основательныхъ ея предположеній. Неукоснительное открытіе учебныхъ округовъ, дѣятельность ихъ въ силѣ истиннаго просвѣщенія въ Имперіи уже процвѣтающая, постоянное и совершенно достаточное содержаніе обширнаго вѣдомства Коммиссіи во все время ея существованія, значительность капиталовъ, нынѣ Коммиссіи принадлежащихъ, сдѣланные ею въ минувшіе годы приношенія пяти милліоновъ рублей въ подкрѣпленіе общественной казны въ 1812 году, наконецъ настоящая жертва плодовъ благоразумныхъ распоряженій и осмотрительной бережливости ея, возвращаемая къ источнику государственныхъ достояній, суть существенныя, неотъемлемыя права на особенное Монаршее Наше благоволеніе и признательность, которыя пріятно Намъ объявить какъ членамъ Коммиссіи, такъ и правителю дѣлъ оной. *Богу же благодареніе всегда побѣдителю насъ творящему о Христѣ Іисусѣ, и воню разума Его являющу нами во всякомъ мѣстѣ*» [1]).

[1]) Помѣчено 25 Авг. Царское село. Дѣло Ком. Д. Уч. 1817 г. № 629.

VII.

Министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

Учрежденіе и организація Министерства.—Директоры В. М. Поповъ и А. И. Тургеневъ.—Оберъ-Прокуроръ Синода князь П. С. Мещерскій.—Перемѣны въ личномъ составѣ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ.

Манифестъ объ учрежденіи Министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія состоялся въ Октябрѣ 1817 года въ Москвѣ, гдѣ съ Августа этого года до Іюня слѣдующаго года имѣлъ пребываніе дворъ [1]).

Вскорѣ послѣ отбытія Государя въ Москву, князь Голицынъ 14 Сентября заявилъ въ Святѣйшемъ Синодѣ и въ Коммиссіи, что, по Высочайшей волѣ, онъ въ непродолжительномъ времени отправится изъ С.-Петербурга въ Москву и что, по докладу его, исправленіе должности его по Синоду Высочайше поручено старшему оберъ-секретарю Журихину, а сношенія съ министрами и другими начальствами свѣтскаго вѣдомства предоставлены митрополиту Амвросію [2]). Въ тоже время исправленіе должностей его по управленію дѣлами иностранныхъ исповѣданій и по министерству народнаго просвѣщенія, на время отсутствія его, возложено на министра внутреннихъ дѣлъ Осипа Петровича Козодавлева; а князь Голицынъ, съ своей стороны, просилъ его принять на себя трудъ внесенія въ Комитетъ Министровъ записокъ по тѣмъ дѣламъ Святѣйшаго Си-

---

[1]) Памятникомъ пребыванія Государя Императора и Двора въ Москвѣ были заложеніе храма Христа Спасителя на Воробьевыхъ горахъ, 12 Окт. 1817 г. и открытіе памятника Минину и Пожарскому 20 Февр. 1818 г.—17 Апр. 1818 г. молодая Августѣйшая Чета—В. К. Николай Павловичъ и В. К. Александра Осодоровна, вступившіе въ бракъ 1 Іюля 1817 г., обрадованы были рожденіемъ первенца, Александра Николаевича.

[2]) Дѣло Канц. Об.-Пр. № 5752.

пода и Коммиссіи Духовныхъ Училищъ, которыя будутъ слѣдовать къ представленію Его Величеству чрезъ Комитетъ и быть ходатаемъ по этимъ дѣламъ [1]). Такъ какъ дворъ имѣлъ въ Москвѣ продолжительное пребываніе, то отправился туда также членъ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ духовникъ П. В. Криницкій.

Въ это-то время, 17 Октября 1817 г., состоялся въ Москвѣ замѣчательный актъ, въ формѣ Высочайшаго манифеста, о соединеніи дѣлъ министерства народнаго просвѣщенія съ дѣлами всѣхъ вѣроисповѣданій въ составѣ одного управленія подъ названіемъ: Министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

«Желая—сказано въ манифестѣ -дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія, признали Мы полезнымъ соединить дѣла по министерству народнаго просвѣщенія съ дѣлами всѣхъ исповѣданій въ составѣ одного управленія подъ названіемъ Министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Само собою разумѣется, что къ оному присовокупятся и дѣла Святѣйшаго Правительствующаго Синода съ тѣмъ, чтобы министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія находился по дѣламъ симъ въ такомъ точно къ Синоду отношеніи, въ какомъ состоитъ министръ юстиціи къ Правительствующему Сенату [2])».

Всѣ разнородные элементы этого сложнаго Министерства распредѣлены на два *департамента:* одинъ—*духовныхъ дѣлъ*, въ которомъ сосредоточены были всѣ вообще дѣла, «по части духовной всѣхъ религій, какъ различныхъ вѣроисповѣданій христіанскихъ, такъ и

---

[1]) Для исправленія канцелярскихъ дѣлъ по различнымъ предметамъ своего управленія, князь взялъ съ собою въ Москву трехъ чиновниковъ: кол. сов. Ив. Ѳед. Ситникова—правителя канцеляріи по части придворныхъ дѣлъ, кол. секр. П. Сѣрова—по Библейскому Обществу и П. Ястребцова—по Синоду и Коммиссіи Дух. Училищъ. Всѣмъ имъ выдано было по 1000 р. единовременно и по 6 р. каждому въ сутки на содержаніе

[2]) Вмѣстѣ съ манифестомъ, опубликованы Высочайше утвержденные 24 того же Октября: 1) *штаты* Министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и 2) *учрежденіе* Министерства духовныхъ дѣлъ и нар. пр. Послѣднее состоитъ изъ двухъ частей: первой,- заключающей въ себѣ образованіе Министерства, т. е. состава его и раздѣленіе на департаменты и предметы вѣдѣнія каждаго изъ департаментовъ; и второй заключающей въ себѣ особенный наказъ Министерству духовныхъ дѣлъ и нар. просвѣщенія, опредѣляющій степень и предѣлы власти Министерства и отношенія его къ мѣстамъ и лицамъ, съ коими онъ, по должности, въ ближайшей связи находится, именно къ Св. Синоду, Коммиссіи Духовныхъ Училищъ и къ прочимъ всѣмъ мѣстамъ и лицамъ, къ сему Министерству принадлежащимъ (Сенат. вѣдѣнія, 1817 г.).

прочихъ всякаго рода—еврейской, магометанской и другихъ не христіанскихъ вѣръ», и другой — *народнаго просвѣщенія*, къ которому отнесены всѣ дѣла о доставленіи средствъ къ учебному образованію и также къ распространенію и усовершенствованію полезныхъ свѣдѣній въ государствѣ. Первый ввѣренъ былъ А. Тургеневу, второй—Попову.

Директоръ департамента народнаго просвѣщенія, *Василій Михайловичъ Поповъ*, съ самаго основанія Россійскаго Библейскаго Общества былъ въ немъ секретаремъ и принималъ во всѣхъ дѣлахъ его самое живое участіе, неизмѣнно присутствовалъ во всѣхъ его засѣданіяхъ, заботился о распространеніи священныхъ книгъ и переводилъ ихъ на мѣстные языки, велъ сношенія со всѣми русскими комитетами и отдѣленіями общества, путешествовалъ вмѣстѣ съ Патерсономъ по Остзейскому краю и, наконецъ, былъ даже въ Англіи по дѣламъ Библейскаго Общества. Кромѣ того онъ былъ то членомъ, то предсѣдателемъ въ разныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ и обществахъ, въ которыхъ начальствовалъ или принималъ участіе. Съ назначеніемъ князя Голицына министромъ народнаго просвѣщенія, Поповъ перемѣщенъ 17 Февраля 1817 г. изъ директоровъ канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ директоромъ департамента народнаго просвѣщенія.

Разумѣется, только слѣпой произволъ, погрузившагося въ мистицизмъ министра, могъ выдумать и создать такое странное назначеніе. Поповъ не былъ лишенъ дарованій отъ природы, но не имѣлъ ни ученаго, ни литературнаго образованія и, получивъ склонность къ религіозному чтенію и религіознымъ управленіямъ, искалъ руководства для себя не въ православномъ ученіи, не въ церкви, но у разныхъ сектантовъ, методистовъ и мистиковъ. Не имѣя непосредственнаго отношенія къ дѣламъ духовнаго департамента, онъ, однакоже, имѣлъ большое вліяніе на направленіе и ходъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію этого департамента. Онъ устроялъ назначенія на высшія мѣста духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, сочувствовавшихъ мистицизму и вызывалъ иностранныхъ проповѣдниковъ въ Россію для просвѣщенія ея самоистиннѣйшими ученіями, которыя далеко оставляли за собою не только православную церковь, но даже и протестантство. Въ его рукахъ была цензура книгъ и никакое сочиненіе, какъ бы ни были рѣзки въ немъ нападки на церковь, не встрѣчало помѣхи къ своему изданію; а министръ распространялъ ихъ по

учебнымъ заведеніямъ обоихъ своихъ вѣдомствъ—духовнаго и народнаго просвѣщенія [1]).

Директоръ департамента духовныхъ дѣлъ, *А. И. Тургеневъ*, былъ однимъ изъ выдающихся людей своего времени. Отецъ его, Иванъ Петровичъ Тургеневъ, «умный, добродѣтельный и просвѣщенный человѣкъ», былъ членомъ Новиковскаго кружка и, по подозрѣнію въ мартинизмѣ, сосланъ былъ въ Симбирскъ, гдѣ и оставался до царствованія Императора Павла. При этомъ Государѣ, онъ былъ директоромъ Московскаго университета († 1807 г.). Всѣ три сына его получили прекрасное образованіе, а даровитость была у нихъ наслѣдственною. Старшій Александръ, по окончаніи курса въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ, путешествовалъ по Германіи и слушалъ лекціи въ Геттингенскомъ университетѣ. По возвращеніи въ Россію, началъ службу въ 1800 г. въ Московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ; въ 1805 г. перешелъ въ канцелярію статсъ-секретаря Новосильцева и вмѣстѣ съ тѣмъ въ Коммиссію составленія законовъ; въ 1807 г., во время путешествія Государя, находился въ Его свитѣ для исправленія письменныхъ дѣлъ; въ 1810 г. 13 Сентября, опредѣленъ къ главноуправляющему духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій; въ Апрѣлѣ 1812 г. помощникомъ статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта по Департаменту Законовъ, а съ 1814 г. былъ уже исправляющимъ должность статсъ-секретаря. Это не помѣшало ему принять на себя, съ 1812 г., обязанности секретаря Библейскаго Общества, о дѣятельности котораго, независимо отъ разнообразной переписки и сложныхъ отношеній по текущимъ дѣламъ, по переводамъ и изданіямъ священныхъ книгъ на разныхъ языкахъ, онъ составлялъ годовые отчеты [2]). При образованіи въ 1817 г. Министерства духовныхъ дѣлъ, сдѣлавшись директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ, онъ собственно го-

---

[1]) (Вигель) писалъ объ этомъ назначеніи: «Въ департаментъ народнаго просвѣщенія сдѣланъ былъ директоромъ В. М. Поповъ, кроткій изувѣръ, смирный простой человѣкъ, котораго, однакоже, именемъ вѣры можно было подвигнуть на злодѣянія... Онъ былъ слѣпымъ орудіемъ Библейскаго Общества, которое не скрывало своего намѣренія, разливая свѣтъ Божественной книги, разсѣять тьму нелѣпостей и суевѣрій, называемыхъ греко-каѳолическимъ восточнымъ исповѣданіемъ. Усердствуя соединенію вѣръ, о чемъ непрестанно молится наша церковь, онъ, вмѣстѣ съ министромъ своимъ, сдѣлался гонителемъ православія и покровителемъ всѣхъ сектъ. Размноженіе ихъ послѣдователей во время Голицына было неимовѣрное.» Записки Ф. Ф. Вигеля, ч. V, гл. 4, стр. 64—65.

[2]) Рус. Арх. 1867 г. стр. 656, 1085.

воря, остался при той должности, которую уже занималъ при Голицынѣ, по управленію дѣлами иностранныхъ исповѣданій, но съ тѣмъ различіемъ, что сталъ теперь директоромъ обширнаго вѣдомства, въ которое, кромѣ иностранныхъ исповѣданій, вошли дѣла Святѣйшаго Синода и его оберъ-прокурора, такъ что Тургеневъ стоялъ, можно сказать, у самаго центра духовнаго управленія и имѣлъ большое вліяніе на ходъ дѣлъ. Пушкинъ звалъ его кардиналомъ—племянникомъ [1]), (приравнивая Голицына къ Папѣ). Воейковъ началъ свое извѣстное письмо къ нему «О литературныхъ направленіяхъ и партіяхъ того времени» воззваніемъ: «О мужъ, пасый Израиля» [2]). Ко времени назначенія директоромъ департамента, онъ уже имѣлъ (съ 1816 г.) чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника: въ 1819 г. пожалованъ камергеромъ.

При такомъ множествѣ должностей и дѣлъ, Тургеневъ, сдѣлавшись близкимъ ко двору, несъ еще различныя обязанности своего придворнаго положенія; а какъ образованнѣйшій человѣкъ своего времени, былъ близокъ со всѣми лучшими нашими писателями—Карамзинымъ [3]). Дмитріевымъ, Блудовымъ, Вяземскимъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ, участвовалъ во всѣхъ литературныхъ собраніяхъ, на которыхъ читалось что нибудь новое [4]), былъ членомъ Арзамаса, гдѣ имѣлъ прозваніе «эоловой арфы» и былъ разносителемъ въ обществѣ всѣхъ новыхъ произведеній Жуковскаго, Пушкина и другихъ. Жуковскій былъ товарищемъ его по университетскому пансіону. Кажется Тургеневъ содѣйствовалъ поступленію его ко двору наставникомъ великой княгини Александы Ѳедоровны въ русскомъ языкѣ [5]). Въ Январѣ 1815 г., поздравляя Жуковскаго съ новымъ годомъ, онъ поздравлялъ его

---

[1]) Р. Арх. 1867 г. стр. 672.

[2]) Р. Арх. 1872 г. стр. 1184.

[3]) Жуковскій писалъ къ Тургеневу въ 1816 г. 31 Окт.: «Карамзинъ тебя любитъ—мудрено ли? Но любовь его есть счастіе». Р. Арх. 1867 г. стр. 806.

[4]) «Вчера—писалъ онъ И. И. Дмитріеву—И. М. Карамзинъ переѣхалъ изъ Царскаго Села въ Петербургъ, въ домъ Екат. Ѳед. Муравьевой, (возлѣ Аничкова моста, у которой мы и обѣдали вмѣстѣ, а сегодня будемъ у канцлера (И. П. Румянцева). По суботамъ проводимъ мы вечера у В. А. Жуковскаго, гдѣ собираются литераторы всѣхъ расколовъ и всѣхъ націй. Рус. Арх. 1867, стр. 642. Въ Воспоминаніяхъ К. С. Сербиновича о Н. М. Карамзинѣ подъ 27 Окт. 1820 г.: Карамзинъ разсказывалъ о вечерѣ, проведенномъ съ семействомъ у А. И. Тургенева, гдѣ, между прочимъ Плещеевъ читалъ французскую комедію». Р. Ст. 1874 г. Сент. стр. 57.

[5]) Рус. Арх. 1867 г. стр. 790—202.

и съ новою славою и подробно описывалъ чтеніе (посланія Жуковскаго) [1]), которое происходило въ комнатахъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны въ присутствіи Великихъ Князей Николая и Михаила Павловичей, Великой Княжны Анны Павловны, графини Ливенъ, Е. П. Нелидовой, Нелединскаго-Мелецкаго, Вилламова и Уварова. «Я писалъ уже тебѣ, что Государынѣ угодно было назначить мнѣ пріѣхать въ 7 часовъ вечера 30 Декабря. Въ самый часъ явился я къ Уварову и немедленно ввели насъ въ Кабинетъ Ея, гдѣ уже дожидался Нелединскій. Чрезъ 5 минутъ вошла и Государыня съ тѣми особами, которыхъ я именовалъ выше. Первая рѣчь со мною о тебѣ, о твоихъ талантахъ, о твоей жизни, о твоихъ .намѣреніяхъ и объ упорствѣ твоемъ, съ которымъ ты противишься приглашеніямъ Ея Величества пріѣхать въ С.-Петербургъ. Я обнадежилъ Государыню, что ты непремѣнно будешь зимою, хотя проѣздомъ. Она нѣсколько разъ подтвердила мнѣ желаніе Ея тебя видѣть и поручила написать къ тебѣ объ этомъ. Началось чтеніе... Когда чтеніе кончилось, Государыня начала снова у меня о тебѣ распрашивать и требовала отъ Уварова и меня, чтобы мы сказали ей, что можно для тебя сдѣлать [2])». Помѣченное 4-мъ Августа того же 1815 г. письмо Жуковскаго къ Тургеневу даетъ любопытную характеристику Тургенева. «Въ отвѣтѣ своемъ Юшковой [3]), я тебя описалъ ей in naturalibus и посылаю тебѣ твой портретъ. Письмо мое гласитъ тако: «Оставьте ваши scrupules на счетъ Тургенева и не заботьтесь ни о формахъ благодарности, ни о самой благодарности. Вотъ человѣкъ, который одаренъ прямо высокою душею. Знаете ли, что мѣшаетъ ему быть однимъ изъ первыхъ людей? Толстота, которая заставляетъ его часто спать, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать, и не произвольная, но убійственная и для него почти непобѣдимая разсѣянность, въ которую бросили его обстоятельства по службѣ. Прекрасная душа исчезаетъ, исчезаетъ посреди этого вихря, и я даже не вижу способа помочь этому. Есть одинъ способъ, но боюсь, если онъ его не воскреситъ, то убьетъ.

---

[1]) Извѣстное посланіе Жуковскаго къ Императору Александру, написанное вскорѣ послѣ взятія Парижа. (Полн. Собр. соч. Жуковскаго. т. 1 стр. 340).

[2]) Рус. Арх. 1864 г. стр. 450.

[3]) Аннѣ Петровнѣ. Тургеневъ съ любезностію и очень скоро исполнилъ какую то ея просьбу.

Во время моего пребыванія въ Петербургѣ я провелъ съ нимъ настоящимъ образомъ нѣсколько часовъ — но эти часы я прямо былъ ему радъ. Та же простая, превышающая все, что вокругъ нея душа, какая была и во время оно. Онъ не имѣетъ уваженія къ людямъ, потому что ихъ знаетъ, и принужденъ возиться съ ними въ одномъ и томъ же навозѣ. Они почитаютъ этотъ навозъ приличною имъ отчизною, онъ же просто грязью. Въ немъ двѣ противности (отъ которыхъ по большей части ему бываетъ плохо съ самимъ собою): совершенное равнодушіе къ окружающему его, происходящее отъ того, что все окружающее его не стоитъ, и невольная, но сильная (не душевная, а механическая) привязанность къ этому ничтожному—произведеніе обстоятельствъ и врожденная безпечность.—Онъ отдалъ себя или лучше сказать кѣмъ-то отданъ въ волю потока и несется съ нимъ съ грузомъ высокихъ чувствъ и мыслей, которыя въ немъ радуютъ менѣе самого его, нежели его друзей, въ тѣ минуты, въ которыя удается имъ достичь до его чувствъ и мыслей. Особенная черта его—независимость въ образѣ мыслей и чувствъ ни отъ кого и ни отъ чего, и какая-то гордая безпечность въ открытіи ихъ предъ другими, такъ что никакая осторожность, никакой, какъ говорятъ нѣмцы, Menchenfurcht его остановить не могутъ... Онъ часто меня удивляетъ: подумаешь, что онъ или дремлетъ, или не слушаетъ, а вдругъ скажетъ что нибудь такое, что заключаетъ въ себѣ глубокую и справедливую мысль, точное вдохновеніе, но плодъ обдуманности и опыта [1]). Мнѣ всегда

---

[1]) Не всегда. Тургеневъ любилъ дремать и даже засыпалъ въ обществѣ не по видимости только, а самымъ настоящимъ образомъ. «Однажды, говоритъ кн. Вяземскій при чтеніи Карамзинымъ въ Петербургѣ нѣкоторыхъ главъ изъ исторіи (тогда еще не напечатанной) и въ присутствіи Жуковскаго, Блудова, Дашкова, Тургеневъ такъ неожиданно и такъ звучно всхрапнулъ, что мы всѣ вздрогнули, а онъ проснулся. Карамзинъ, будто ничего не примѣчая, спокойно продолжалъ чтеніе свое (Р. Арх. 1868 г. стр. 1834). «И то правда, говоритъ кн. Вяземскій, что онъ всегда вставалъ рано и проводилъ день частью весьма дѣятельно, частью подвижно; занимался дѣлами департамента своего; кромѣ того состоялъ при разныхъ комитетахъ, разъѣзжалъ по пріятелямъ и знакомымъ, которыхъ было у него много, по обѣдамъ, именно по обѣдамъ, ибо справлялъ ихъ иногда по два въ день, говоря, что не знаетъ, успѣетъ ли проголодаться. «Рус. Арх. 1868 г. стр. 1834. Ср. подобный же разсказъ А. О. Смирновой въ Рус. Арх. 1871 стр. 1882. Въ 1818 г. 2 Января Карамзинъ писалъ Жуковскому: «На Тургенева сердиться не могу: онъ такъ мило ведетъ себя противъ насъ. Вообразите, что никогда даже не дремлетъ въ нашемъ домѣ: постъ какъ птичка, то о женщинахъ, то о мущинахъ, и ѣздитъ къ намъ черезъ день или черезъ два и не для общества, потому что у насъ, кромѣ рѣдкихъ визитовъ, никого не бываетъ». Русск. Арх. 1868 г. стр. 1832.

забавно видѣть нѣкоторыхъ человѣчковъ, которые не имѣя и не будучи способны имѣть объ немъ настоящее понятіе, гуляютъ на его счетъ и судятъ его рѣшительно, а его молчаніе считаютъ за признаніе, но его можно бы справедливѣе принять за презрѣніе, когда бы не было оно произведеніемъ самой простой безпечности на счетъ всего мелочнаго... Много людей могутъ быть имъ недовольны, потому что множество на него требованій, а онъ по безпечности заботится только о томъ, что почитаетъ важнымъ, мелочное же забываетъ». Жуковскій немножко идеализировалъ своего друга. Въ немъ было не столько высокаго и горделиваго, сколько по просту милаго и привлекательнаго, въ соединеніи съ тонкою воспріимчивостію, глубоко развитымъ чувствомъ изящества и сильнымъ нравственнымъ инстинктомъ. «Александръ Тургеневъ, писалъ князь Вяземскій (изъ Старой записной книжки) былъ типичная, самородная личность, хотя и не было въ немъ цѣльности ни въ характерѣ, ни въ умѣ. Онъ былъ натуры эклектической, сборной или выборной. Въ немъ встрѣчались и нѣмецкій педантизмъ и французское любезное легкомысліе: все это на чисто русскомъ грунтѣ, съ его блестящими свойствами и качествами и, можетъ быть, частыо и недостатками его. Онъ былъ умственный космополитъ: ни въ какомъ участкѣ человѣческихъ познаній не былъ онъ, что называется дома, но ни въ какомъ участкѣ не былъ онъ и совершенно лишнимъ. Въ немъ была и маленькая доля милаго шарлатанства, которое было какъ то къ лицу ему. Упоминаемъ о томъ не въ укоръ любезной памяти его: онъ самъ первый смѣялся своимъ добродушнымъ и заливнымъ хохотомъ, когда другъ его Жуковскій или другіе близкіе пріятели ловили его на мѣстѣ преступленія и трунили надъ замашками и выходками его. Тургеневъ имѣлъ прекрасныя, глубокія внутреннія качества, но какъ бываетъ вообще и съ другими, имѣлъ свои слабости которыя любилъ онъ выставлять на показъ, незная, что именно у него есть и чего нѣтъ, въ чемъ таится настоящая сила его и гдѣ слабыя и уязвимыя его стороны. Напримѣръ, онъ хотѣлъ выдавать себя и такимъ себя ложно признавалъ за человѣка способнаго сильно чувствовать и предаваться увлеченіямъ могучей страсти. Онъ, напротивъ, былъ отъ природы человѣкъ мягкой, довольно легкомысленный и готовый уживаться съ людьми и обстоятельствами. Подобныя личности худо оцѣниваются педантами и строгими нравоучителями, а между тѣмъ пре-

лесть общества, прелесть общежительности и условій на нихъ основанныхъ, держится ими [1]).

Любопытны и другія, сообщаемыя изъ той же «Старой записной книжки» свѣдѣнія о Тургеневѣ, наглядно обрисовывающія его характеръ и внѣшній строй его жизни. Тургеневъ любилъ собирать всѣ мало мальски замѣчательныя рукописи, историческія, политическія, административныя, литературныя и т. д., любилъ присвоивать себѣ натурою или описывать всѣ возможныя рѣдкости и драгоцѣнности. На эту страсть его и разсчитано было извѣстное упомянутое выше письмо Воейкова. Поэтъ-сатирикъ узнавъ, что Тургеневъ собираетъ въ хранительный ящикъ письма, достойныя сего списанія, хотѣлъ написать такое письмо, которое бы въ товариществѣ съ письмами Дмитріева, Жуковскаго, Блудова, Дашкова, дошло до самаго дальняго потомства». «Страсть къ писанью писемъ доходила у Тургенева до маніи. Онъ переписывался и съ просителями своими, и съ братьями, и съ друзьями, и съ знакомыми, и часто съ незнакомыми, съ учеными, съ духовными лицами всѣхъ возможныхъ исповѣданій, съ дамами всѣхъ возрастовъ,

---

[1]) Есть еще характеристика Тургенева, сдѣланная Вигелемъ: «настоящей дружбы, пишетъ онъ, между нами никогда не было; никакого вліянія на судьбу мою онъ неимѣлъ; но въ частыхъ сношеніяхъ, въ частыхъ свиданіяхъ прошла наша молодость, зрѣлыя наши лѣта и встрѣтила насъ старость». Сообщивъ потомъ свѣдѣнія о родителѣ Тургеневыхъ, Вигель говоритъ объ Александрѣ: — «по окончаніи курса (въ Геттингенскомъ университетѣ) путешествовалъ онъ по всей Нѣмеціи, стоялъ лицомъ къ лицу съ Виландомъ, съ Шиллеромъ, и даже съ Гете, и напитанный ученымъ и разсчетливымъ духомъ Германіи за неизбѣжными успѣхами явился, наконецъ, въ Петербургъ. Онъ все имѣлъ, что можетъ ихъ дать: отъ него такъ и несло ученостію, до того онъ былъ весь ею вымазанъ, а этотъ духъ въ то время притягивалъ мѣста и отличія; умѣренное вольнодумство также было тогда въ модѣ. Его легкомысліе, обдуманныя его разсѣянность и нескромность приняты за откровенность благородной души; филантропическія изреченія, съ малолѣтства имъ вытверженныя, названы выраженіями высокой добродѣтели; самые тѣлесные его недостатки пошли за цѣломудріе и каплунный жиръ его за дѣвственную свѣжесть. Ну просто совершенство человѣческое, да и только! Всегда умѣлъ онъ занимать три или четыре мѣста въ одно время, кюмулировать ихъ, какъ говорятъ французы, но всѣмъ получая жалованье и трудными занятіями одного извиняясь въ неисполненіи обязанностей другаго. Дѣятельный и лѣнивый вмѣстѣ, первая забота его была хлопотать, суетиться, находиться въ движеніи, главное искусство, какъ можно менѣе принимаясь за настоящее дѣло, казаться вѣчно озабоченнымъ. Весь вѣкъ, можно сказать, прожилъ онъ занмообразно, чужимъ умомъ, чужими знаніями, чужими трудами, чужой славой. Въ друзьяхъ, въ знакомыхъ, а кольми паче въ подчиненныхъ видѣлъ онъ всегда кошекъ, которыя изъ огня должны таскать ему каштаны, чтобы ему не обжечь обезьяньей своей лапки. Болѣе 18-ти лѣтъ сія фальшивая монета находилась въ обращеніи и принималась въ той цѣнѣ, которую ей самой хотѣлось себѣ дать.» (Записки Вигеля, ч. 2, гл. 13, стр. 215).

различныхъ лѣтъ и поколѣній; былъ въ перепискѣ со всею Россіею, съ Франціей, Германіей, Англіей и другими государствами. И письма его, большею частію, образцы слога, живой рѣчи».

Несмотря на множество служебныхъ занятій, Тургеневъ работалъ и въ области литературы. Въ 1815—1817 г. онъ участвовалъ съ Жуковскимъ и Воейковымъ въ изданіи собранія «Образцовыхъ русскихъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ». Этимъ, кажется, и ограничилось его участіе въ литературѣ. Въ 1819 году онъ писалъ къ И. И. Дмитріеву: «Вы справедливо укоряете меня въ нечитаніи русскихъ журналовъ: но справедливо ли и не жестоко ли самое требованіе ваше? Принужденный по обстоятельствамъ читать и слушать такъ называемыя государственныя пренія, я вяну умомъ и душею, и рѣдко, весьма рѣдко, освѣжаю умственныя силы мои чтеніемъ изящнаго, и то бываетъ урывками, безъ плана, безъ постояннаго направленія къ одному предмету. Что же будетъ, если вмѣсто того, чтобы въ часы безмятежнаго досуга, въ забытіи утреннихъ занятій, читать Минерву, я стану возмущать желчь свою азіатскимъ Вѣстникомъ» [1])...

Принявъ въ 1812 г. должность секретаря въ Библейскомъ Обществѣ, Тургеневъ сохранилъ эту должность за собою и во все время своего директорства. Она закрѣпляла и упрочивала его положеніе при кн. Голицынѣ и въ то же время подходила къ его характеру, давая случаи къ разнообразнымъ сношеніямъ съ людьми разныхъ званій, состояній и странъ; но едва ли она отвѣчала какимъ нибудь мистическимъ увлеченіямъ его. Въ это время онъ сблизился съ митрополитомъ Филаретомъ—тогда еще архимандритомъ и потомъ епископомъ и архіепископомъ (митрополитомъ онъ пожалованъ уже въ слѣдующее царствованіе) и пользовался его расположеніемъ до своей кончины. Но вообще на духовенство онъ смотрѣлъ повидимому свысока и презрительно. По крайней мѣрѣ такъ можно заключать изъ письма Фотія къ Д. А. Державиной, 1823 года: «Пишешь ты, что съ сестрою видѣла извѣстнаго тебѣ человѣка и разговоръ съ нимъ вы имѣли и узнали, что онъ крайне не любитъ духовныхъ и не уважаетъ, потому что, какъ онъ самъ сказалъ вамъ, духовные не Фенелоны и что онъ крайне гордъ и на свой умъ надѣется. Спасися отъ него, чадо; вотъ видишь ли, съ какими

[1]) Рус. Арх. 1867 г. стр. 648.

врагами вѣры явными отецъ твой брань ведетъ за церковь и за спасеніе многихъ. Я его знаю очень довольно. Тургеневъ потому не любитъ духовныхъ, насъ, что мы не Фенелоны, а слѣдовательно и не масоны еретики и не мнимые христіане» [1]).

Между тѣмъ въ это время произошла важная перемѣна въ русской іерархіи. Въ Мартѣ 1818 г. митрополитъ Амвросій просилъ объ увольненіи его отъ С.-Петербургской епархіи, съ оставленіемъ при одной Новгородской [2]) и былъ уволенъ съ сохраненіемъ получаемыхъ окладовъ, кромѣ тѣхъ, кои слѣдовать будутъ заступающему его мѣсто по С.-Петербургской епархіи и по Александроневской Лаврѣ [3]). Высочайшій указъ Синоду о его увольненіи подписанъ 26 Марта, въ Варшавѣ, гдѣ Государь находился на открытіи Польскаго сейма. 3 Апрѣля онъ подписался въ послѣдній разъ подъ журналомъ Коммиссіи, и еще изъ С.-Петербурга привѣтствовалъ Августѣйшихъ Родителей съ рожденіемъ Великаго Князя Александра Николаевича. 6 Мая отбылъ въ Новгородъ, а 20 скончался. Въ біографіяхъ его пишутъ—и митрополитъ Филаретъ подтвердилъ это—что поводомъ къ его увольненію послужилъ гнѣвъ Государя за употребленіе имъ 6 Января омофора, опушеннаго горностаемъ, и сдѣланнаго изъ покрова надъ гробницею Великой Княжны. Но, конечно, это былъ только предлогъ къ его увольненію. Настоящая же причина заключалась въ непріятностяхъ его съ княземъ Голицынымъ, покровительствовавшимъ всѣмъ сектамъ, не исключая хлыстовщины. Затѣмъ учрежденіе Министерства духовныхъ дѣлъ и соединеніе въ одномъ управленіи и сопоставленіе въ одномъ ряду православной церкви не только съ христіанскими исповѣданіями,

---

[1]) Рус. Арх. 1863 г. стр. 345.

[2]) Въ прошеніи на имя Государя, представленномъ 16 Марта чрезъ кн. Голицына, митрополитъ Амвросій писалъ: „Всемилостивѣйшій Государь! Не отвержи мене во время старости моея. Имѣя отъ рожденія въ теченіи семьдесятъ шестой годъ и послужа въ одномъ архіерейскомъ званіи безъ мала сорокъ лѣтъ, признаю силы мои, особливо тѣлесныя, ослабѣвшими для управленія двумя епархіями. И посему всеподданнѣйше прошу Ваше Императорское Величество, уволивъ отъ С.-Петербургской, оставить меня при одной Новгородской епархіи съ пребываніемъ въ Новѣгородѣ, гдѣ съ помощію тамошняго викарія надѣюся еще послужить церкви и престолу Вашего Величества при неослабномъ ко Всевышнему моленіи о здравіи и благоденствіи Вашемъ.»

[3]) Содержаніе его исчислено было въ 32.242 р., въ томъ числѣ по Синоду, С.-Петербургской епархіи и Лаврѣ, 16.596 р., по Новгородской 9.346 р. и по орденамъ Андрея Первозваннаго и Іоанна Іерусалимскаго 6,300 р.

но и съ магометанствомъ, іудействомъ и язычествомъ, совершившееся безъ участія и даже безъ вѣдома первенствующаго русскаго іерарха, не могло не вызвать въ немъ огорченія, которое увеличило еще болѣе ихъ взаимную непріязнь. На сторонѣ кн. Голицына была сила и власть и митрополитъ Амвросій сдѣлался ихъ жертвою.

Въ тотъ же день (26 Марта), какъ митрополитъ Амвросій уволенъ былъ отъ управленія С.-Петербургскою епархіею, Черниговскій архіепископъ Михаилъ назначенъ былъ С.-Петербургскимъ митрополитомъ. «Заслуги, вами оказанныя—сказано было въ рескриптѣ на его имя—примѣрное благочестіе и украшающія душу вашу качества, обращали всегда на васъ Мое вниманіе. При введеніи нынѣ васъ въ важнѣйшее прежняго служеніе, пріятно для Меня изъявить вамъ особенное уваженіе Мое пожалованіемъ бѣлаго клобука съ крестомъ изъ драгоцѣнныхъ камней» и проч. Въ Іюнѣ Государь возвратился въ Москву, вмѣстѣ съ королемъ Прусскимъ; 22 Іюня послѣдовалъ торжественный въѣздъ Государя, съ Августѣйшимъ Гостемъ его, въ С.-Петербургъ. Митрополитъ Михаилъ встрѣчалъ Государя въ Казанскомъ соборѣ, а чрезъ два дня послѣ того, 25 Іюня, пожалованъ и Новгородскимъ митрополитомъ [1]). Въ Августѣ Государь снова отправился за границу, на конгрессъ въ Ахенѣ, и возвратился уже 23 Декабря.

Князь А. Н. Голицынъ, по возвращеніи изъ Москвы, уже болѣе не присутствовалъ въ засѣданіяхъ Святѣйшаго Синода.

Сдѣлавшись министромъ духовныхъ дѣлъ, онъ не могъ или не хотѣлъ болѣе оставаться оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода. На эту должность назначенъ былъ, 24 Ноября, по его представленію, князь Петръ Сергѣевичъ Мещерскій, бывшій передъ тѣмъ съ 1809 г. оберъ-прокуроромъ во 2-мъ отдѣленіи 5-го департамента Правительствующаго Сената и членомъ главнаго правленія училищъ.

Князь П. С. Мещерскій, сынъ князя Сергѣя Васильевича Мещерскаго, двоюроднаго брата фельдмаршала графа Румянцева [2]), записанъ былъ въ службу малолѣтнимъ 1 Января 1785 г. въ Се-

---

[1]) Дѣло Канц. Об. Пр. № 6655.

[2]) Матери фельдмаршала гр. П. А. Румянцева и кн. Сергѣя В. Мещерскаго были родныя сестры, дочери графа Андрея Артам. Матвѣева.—Князь П. С. Мещерскій женатъ былъ на графинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ Чернышевой, сестрѣ бывшаго впослѣдствіи военнымъ министромъ и свѣтлѣйшимъ княземъ А. И. Чернышева.

меновскій полкъ; въ 1796 г. произведенъ въ унтеръ-офицеры, въ 1797 г. въ прапорщики, въ Сентябрѣ 1798 г. вышелъ въ отставку, съ повышеніемъ въ подпоручики. Этимъ закончилась его военная служба. Въ 1805 г. онъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры и вновь поступилъ на службу, но уже на гражданскую—членомъ конторы опекунства Новороссійскихъ иностранныхъ поселенцевъ; въ 1808 г. опредѣленъ Херсонскимъ губернаторомъ; въ 1809 году оберъ-прокуроромъ Правительствующаго Сената во 2-мъ отдѣленіи 5-го Департамента и тогда же произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники; въ 1817 г. 17 Октября членомъ главнаго правленія училищъ, а въ Ноябрѣ того же года оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода.

Оберъ-Прокуроръ Синода, поставленный въ такое же отношеніе къ министру духовныхъ дѣлъ, въ какомъ находились оберъ-прокуроры Сената къ министру юстиціи, представлялъ министру меморіи по дѣламъ, заслушаннымъ въ Синодѣ. Но доклады по дѣламъ Синода и Коммиссіи Духовныхъ Училищъ подносилъ Государю министръ; онъ же объявлялъ Высочайшія повелѣнія Синоду и Коммиссіи и всѣ сношенія съ министрами и прочими главноуправляющими свѣтскими мѣстами и лицами, по Синоду и Коммиссіи, производились чрезъ его посредство.

Извѣстный уже намъ А. С. Стурдза такъ охарактеризовалъ учрежденіе Министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія: «Въ основаніе положена была свѣтлая мысль—сочетать навсегда науку съ религіею и скрѣпить благотворный между ними союзъ посредствомъ единства въ направленіи той и другой. Недавно заключенный въ Парижѣ священный союзъ видимо отражался во вновь составленномъ обширномъ управленіи. Но отвлеченную мысль сію надлежало облечь въ видимую форму, ввести въ объемъ государственныхъ учрежденій и согласить съ духомъ правительства и государства. Вотъ чего сдѣлать не съумѣли, потому что здѣсь предстоялъ вопросъ не только о сочетаніи вѣры и вѣдѣнія, религіи и науки, благочестія и воспитанія,—требовалось еще разрѣшеніе задачи болѣе осязательной, а именно: какимъ образомъ церковь и школу, т. е. разнородныя органическія тѣла привести въ единство? Для сего придумали сложное Министерство, бразды коего вручили одному лицу, доброму князю Голицыну, какъ будто возможно было основать что-либо общественное на случайной личности. И такъ

скроили платье по его росту, по его отношеніямъ къ Государю и связямъ съ семействомъ Царя. Этого мало. Мудрые законоположники или забыли, или притворились забывшими, что въ Россіи существуетъ господствующая церковь, около которой толпятся многоразличныя вѣроисповѣданія. Всѣ сіи разнородныя стихіи ввели въ графы новаго положенія: учредили два департамента: одинъ духовныхъ дѣлъ вообще, другой—народнаго просвѣщенія; первый ввѣрили не твердому въ вѣрѣ А. Н. Тургеневу, а второй малограмотному В. М. Попову. Но самая грубая ошибка—впрочемъ умышленная—состояла въ томъ, что дѣла Синода и дѣла терпимыхъ религій, даже мусульманства и язычества,—уставили въ рядъ и распредѣлили по отдѣленіямъ и столамъ въ одномъ и томъ же департаментѣ. Наконецъ, для довершенія всѣхъ промаховъ, бывшій Синодальный оберъ-прокуроръ, ставъ министромъ съ двумя бумажниками (портфелями), уступилъ мѣсто свое при Синодѣ другому лицу, ниже себя князю П. С. Мещерскому. Слѣдствіемъ такого необдуманнаго распоряженія—говоритъ Стурдза—и было униженіе Синода, ибо оберъ-прокуроръ представлялъ въ немъ уже лицо министра, а не Царя и Помазанника Божія, какъ то установлено было духовнымъ регламентомъ. Искра брошена была рукою коварныхъ зажигателей».

Князь Мещерскій вступилъ въ должность оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода; но такъ онъ не былъ назначенъ членомъ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ, то обязанности князя Голицына по Коммиссіи, въ отсутствіе его, продолжалъ исполнять министръ внутреннихъ дѣлъ О. П. Козодавлевъ, присутствовавшій и въ засѣданіяхъ Коммиссіи, когда въ ней происходили разсужденія о дѣлахъ, по которымъ требовалось испросить Высочайшее повелѣніе.

Правитель дѣлъ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ дѣйств. ст. сов. *Галаховъ* просилъ въ Апрѣлѣ 1818 г. объ увольненіи его отъ службы при Коммиссіи; но князь Голицынъ, испросивъ ему, 27 Іюля, увольненіе отъ должности правителя дѣлъ, исходатайствовалъ назначеніе его членомъ Коммиссіи, съ сохраненіемъ получаемаго имъ жалованья изъ суммъ Коммиссіи [1]).

Въ тоже время правителемъ дѣлъ Коммиссіи опредѣленъ, состоявшій въ вѣдомствѣ Кабинета и находившійся при министрѣ

---

[1]) Дѣло Св. Синода 1818 г. № 9408.

духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, надворный сов. *И. П. Ястребцовъ.*

Ястребцовъ окончилъ курсъ въ Московской академіи и былъ въ ней около 7 лѣтъ съ 1799 по 1805 г. учителемъ французскаго языка; въ 1805 г. перешелъ на службу въ Синодальную канцелярію; при учрежденіи Комитета объ усовершенствованіи духовныхъ училищъ, занимался составленіемъ нѣкоторыхъ подготовительныхъ работъ (вѣдомостей о церквахъ) для Комитета; а съ учрежденіемъ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ, опредѣленъ въ нее помощникомъ экспедитора по ученой части. Владѣя знаніемъ французскаго языка, Ястребцовъ, еще бывши въ академіи, перевелъ нѣсколько сочиненій съ этого языка на русскій, которыя и были напечатаны; а бывши уже въ С.-Петербургѣ, перевелъ *Избранныя слова Массильйона.* Князь Голицынъ доложилъ объ этомъ трудѣ Государю и выпросилъ сумму на изданіе его въ пользу переводчика, съ дозволеніемъ посвятить его имени Государя. Послѣ того Голицынъ взялъ Ястребцова въ свою личную канцелярію для производства дѣлъ по части оберъ-прокурора и статсъ-секретаря, съ жалованьемъ по тысячѣ рублей изъ Кабинета и въ 1811 г. выпросилъ ему у Государя орденъ Владиміра 4 ст. Но Ястребцову желалось перейти Рубиконъ, созданный Сперанскимъ, получить чинъ коллежскаго ассессора, съ которымъ можно было идти до статскаго совѣтника. Находя въ законахъ однѣ только преграды, Ястребцовъ привелъ въ свою пользу примѣръ, что въ 1811 г. служащій въ департаментѣ народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ Гнѣдичъ получилъ эту награду за переводъ Гомера; а сдѣланный имъ переводъ Массильйона въ рецензіяхъ 1809 г. выставленъ какъ образцовый и первѣйшіе изъ духовныхъ особъ и нѣкоторые изъ свѣтскихъ отозвались къ нему объ этомъ трудѣ съ отличною похвалою. Государственный Секретарь Сперанскій далъ заключеніе, что примѣръ Гнѣдича можетъ быть примѣненъ къ нему безъ нарушенія порядка и справедливости и Ястребцовъ въ 1812 г. произведенъ въ коллежскіе ассессоры.

Въ 1816 г. Ястребцовъ просилъ освободить его отъ обязанностей секретаря по Синодской части и оставить его при производствѣ только тѣхъ дѣлъ по части статсъ-секретаря, по которымъ нужно будетъ представлять на Высочайшее усмотрѣніе и по особымъ порученіямъ съ причисленіемъ въ вѣдомство Кабинета и съ

содержаніемъ отъ Кабинета. Князь Голицынъ устроилъ положеніе Ястребцова вполнѣ согласно съ его желаніемъ; въ 1817 г. выпросилъ ему у Государя все получаемое имъ содержаніе (2,750 руб.) въ пожизненную пенсію и двѣ тысячи на новое изданіе избранныхъ словъ Массильйона, съ присовокупленіемъ вновь переведенной 4-й части. Въ 1818 г. Ястребцовъ опредѣленъ правителемъ дѣлъ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ; въ Декабрѣ того же года избранъ въ члены Россійской Академіи, а въ 1820 г., сверхъ того, сдѣланъ цензоромъ С.-Петербургскаго цензурнаго комитета. Продолжая переводные труды, онъ перевелъ «Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова» и «Благоговѣйныя размышленія о жизни и страданіяхъ Христа Спасителя», сочиненіе Таулера. По докладу князя Голицына, Государь приказалъ выдать изъ Кабинета на напечатаніе послѣдняго изъ этихъ сочиненій 2,500 рублей [1]), а «Воззваніе» разослано было, по распоряженію Коммиссіи Духовныхъ Училищъ, во всѣ подвѣдомыя ей училищныя библіотеки съ платою по 6 рублей за экземпляръ [2]).

Служившій подъ начальствомъ Ястребцова въ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ, В. И. Панаевъ писалъ о немъ: «И. П. Ястребцовъ былъ человѣкъ замѣчательнаго ума и способностей, характера твердаго, обращенія пріятнаго; рѣчь его сопровождалась постоянною веселостью, а подъ часъ самою рѣзкою остротою [3]).

Владиміръ Ивановичъ Панаевъ оставилъ весьма любопытныя записки о лицахъ и событіяхъ того времени [4]). Послѣ службы въ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ, Панаевъ былъ въ продолженіи 27 лѣтъ директоромъ канцеляріи министерства императорскаго двора, съ 1833 г. членомъ Россійской Академіи, съ 1841 г. ординарнымъ академикомъ Академіи Наукъ. Скончался въ чинѣ тайнаго совѣтника въ 1859 г.

---

[1]) Канц. Об. Пр. №№ 5594, 5667 и 9489.

[2]) См. объ этой книгѣ Рус. Арх. 1868 г. стр. 1358.

[3]) Послѣ паденія кн. Голицына, Ястребцовъ остался въ Кабинетѣ и былъ въ немъ, въ чинѣ д. с. с., членомъ.

[4]) Записки эти хранятся въ Публичной Библіотекѣ и съ этой рукописи напечатаны въ Вѣсти. Европы 1867 г. кн. III и IV. Въ 1820 г. Панаевъ напечаталъ книжку своихъ стихотвореній подъ заглавіемъ: Идилліи. Президентъ Рос. Академіи, А. С. Шишковъ, предлагалъ академіи наградить сочинителя этой книги, составляющей нѣкоторое новое явленіе въ нашей словесности, золотою медалью третьей степени. Но разсматривательный комитетъ, отдавъ справедливость ея достоинствамъ, нашелъ въ ней и значительные недостатки. (М. П. Сухомлинова, Исторія Росс. Акад. Т. 8. стр. 244. СПБ. 1887 г.). Кромѣ того напечатаны имъ похвальныя слова Императору Александру I, князю Кутузову-Смоленскому, Державину и пр. Біографія его въ Хрестоматіи П. В. Гербеля: Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ, стр. 235. СПБ. 1873 г.

VIII.

Митрополитъ Михаилъ.

Усиленіе мистицизма.—Иннокентій въ борьбѣ съ мистицизмомъ.—Удаленіе его.—Кончина М. Михаила.—Подвиги Филарета по обозрѣнію учебныхъ заведеній.—Назначеніе Серафима С.-Петербургскимъ митрополитомъ, Филарета—Московскимъ архіепископомъ.

Митрополитъ Михаилъ по природному внутреннему настроенію былъ склоненъ къ мистицизму. Пребываніе въ Новиковскомъ кружкѣ укрѣпило въ немъ еще болѣе это настроеніе. Но это былъ не тотъ мистицизмъ, среди котораго и противъ котораго пришлось ему дѣйствовать, когда онъ сдѣлался Петербургскимъ митрополитомъ, первенствующимъ іерархомъ въ русской церкви. У Михаила мистика была тихимъ религіознымъ созерцаніемъ, устремленіемъ вѣрующей души къ Богу и сосредоточенностью въ молитвѣ и любви Божіей. Напротивъ, у мистиковъ послѣдней половины царствованія Александра, мистицизмъ имѣлъ характеръ какого-то дикаго изступленія, соединенъ былъ съ различными внѣшними способами возбужденія религіознаго экстаза и превращался въ духовидѣніе. Издавнія и привычныя формы выраженія религіозной вѣры и религіознаго чувства казались слишкомъ формальными, свойственными педагогическому ритуалу дѣтскаго возраста и пониманія, но недостаточными для восшедшихъ уже на высоту духовнаго созерцанія. Въ обществѣ и въ книгахъ, въ бесѣдахъ и въ поученіяхъ говорилось о новомъ духовномъ царствѣ, объ Іерусалимѣ, сходящемъ съ неба на землю, о новыхъ тайнахъ, новой церкви, новой святости, о новомъ чаяніи и о новой истинной любви.

Лѣтъ десять тому назадъ запрещенъ былъ издаваемый Лабзинымъ журналъ «Сіонскій Вѣстникъ». Князь Голицынъ въ то время не вошелъ еще во вкусъ мистицизма и не раздѣлялъ увлеченій Лабзина. Но въ слѣдующія десять лѣтъ онъ настолько проникся духомъ мистицизма, что въ Декабрѣ 1816 г. выпросилъ Лабзину

у Государя орденъ Владиміра 2 степени съ предложеніемъ возобновить изданіе Сіонскаго Вѣстника. Въ грамотѣ на орденъ прямо сказано было, что онъ пожалованъ за изданіе на отечественномъ языкѣ духовныхъ книгъ. «Угодно было Всевышнему,—писалъ по этому поводу Лабзинъ къ З. Я. Карнѣеву,—поразить меня попошеніемъ, гоненіемъ и даже оклеветаніемъ за сіе дѣло, за которое нынѣ, такъ сказать, я прославляюся. Сколько оно произведетъ мнѣ новыхъ завистниковъ. Уже многіе и теперь возстаютъ. Что-де за новый просвѣтитель! Будто-де мы до него не знали ученія христіанскаго? Будто не вѣдали путей живота? Будто у насъ не было ни пастырей, ни учителей? Такихъ грамотъ и къ архіереямъ никогда-де не было, что за новый Андрей Первозванный?»[1]) Лабзинъ не заставилъ себя ждать и съ началомъ слѣдующаго же 1817 г. возобновилъ изданіе Сіонскаго Вѣстника, посвятивъ свой журналъ «Господу Іисусу бывшему, сущему и грядущему».

Подлѣ митрополита Михаила были два высокообразованныхъ духовныхъ лица, которыя понимали положеніе вещей и съ которыми онъ могъ говорить о печальномъ состояніи церкви и способахъ противодѣйствія злу, ректоры академіи Филаретъ и семинаріи Иннокентій. Но первый изъ нихъ, пользовавшійся особымъ покровительствомъ князя Голицына и во многомъ обязанный ему, держалъ себя относительно неправильныхъ дѣйствій князя Голицына уклончиво. Иннокентій же представлялъ собою противоположную крайность -былъ ревностенъ до самоотверженія, до забвенія всякой осторожности. «Я всегда—говорилъ митрополитъ Филаретъ въ своихъ воспоминаніяхъ—былъ хорошъ съ преосвященнымъ Иннокентіемъ и, когда можно, предостерегалъ его; но часто ревность увлекала его за предѣлы осторожности. Я говорилъ ему: намъ двумъ архимандритамъ, Юрьевскому и Пустынскому, не спасти церковь, если въ чемъ есть погрѣшность... Въ то время появился переводъ Штиллинговой книги «Побѣдная повѣсть или истолкованіе апокалипсиса», въ которой изъясненіе первыхъ пяти печатей было дѣйствительно замѣчательно, но впрочемъ вся книга была проникнута духомъ протестантства, особенно тамъ, гдѣ дѣло шло о соборахъ. Иннокентій сильно возревновалъ противъ этой книги, но я успокоилъ его тѣмъ, что она пропущена свѣтской цензурой и слѣдова-

[1]) Рус. Арх. 1892 г. кн. 12 стр. 356.

тельно лежитъ не на нашей отвѣтственности [1]). Появилось и возраженіе на сію книгу Смирнова [2]) весьма рѣзкое, но мало толковое подъ заглавіемъ: Вопль жены, облеченной въ солнце. Иннокентій хотѣлъ пропустить эту рукопись, но я удержалъ его, чтобы не произвести напраснаго волненія, а митрополитъ Михаилъ одобрилъ мое мнѣніе». Но Иннокентій мало подчинялся впушеніямъ сдержанности и уклончивости. Поводовъ къ возбужденію его ревности было слишкомъ много. Но особенно Лабзинъ искушалъ его терпѣніе. «Боляринъ А. Ѳ. Лабзинъ—писалъ Фотій въ житіи Иннокентія — искусный въ софистическомъ и риторическомъ мудрованіи, отступивъ отъ Бога, вознесся сердцемъ своимъ на Господа, исполнився гордости по волѣ сердца своего развратнаго училъ и творилъ все, довершая злобу еретика и вольнодумца Новикова. Въ сей прелести вражіей онъ говорилъ въ умѣ своемъ: кто якоже азъ премудръ? Мнѣ даны уста и премудрость свыше. Не азъ ли духи зряй? Не во мнѣ ли храмъ Духа Святаго? Гаданія мои и смышленія вся, что ино, якоже не вѣсти отъ Сіона? Ужели и азъ не церковь Бога жива, когда сказалъ апостолъ ко многимъ: вы есте церкви Бога жива? Какъ можетъ быть, чтобы не былъ Духъ Святый и во мнѣ, когда онъ есть вездѣ сый и наполняяй вся? Всюду азъ подъ вліяніемъ Святаго Духа. Всякъ глаголъ мой есть отъ гласа Божіяго, во мнѣ ко мнѣ глаголющаго. Боже и Господи, вездѣ сый и вся исполняяй! Глаголешь ты мнѣ въ видѣніи и въ мнѣніи и помазалъ ты меня елеемъ радости паче причастникъ твоихъ: безвѣстная и тайная явилъ ми еси. Готово сердце мое къ Тебѣ, Боже! Воспою и пою Тебя, якоже самъ вѣдаю, могу и хощу. А ты, сердце мое, разширися и умудрися на премудрыхъ книжниковъ. И къ Тебѣ, языкъ

---

[1]) *Побѣдная повѣсть* появилась на нѣмецкомъ языкѣ въ 1798 г.; съ нѣмецкаго переведена на русскій, напечатана съ одобренія цензора Тимковскаго и имѣла нѣсколько изданій въ теченіи немногихъ лѣтъ, но подъ фирмою одного года, одной типографіи и одного мѣста изданія. По изъясненію ея, истинная церковь не есть ни восточно-греческая, которая послѣ Константина В. пала и сдѣлалась идолопоклонническою, николаитскою, развратною, ни западно-латинская, которая есть блудница Вавилонская, но церковь моравскихъ братьевъ или Гернгутерская.—Второе пришествіе Христово близко. Послѣдуя вычисленіямъ Бенгеля, Штиллингъ опредѣляетъ точный годъ его—1836. См. о побѣдной повѣсти въ Запискѣ о крамолахъ враговъ Россіи (Р. Арх. 1868 г. стр. 1352) и въ Чтен. Общ. Ист. 1858 г. кн. IV. Смѣсь, стр. 139).

[2]) *Смирновъ Стеф.*, написавшій возраженіе на побѣдную повѣсть, былъ переводчикомъ Московской Медико-Хирургической Академіи, потомъ лишился мѣста и жилъ пособіями отъ графини А. А. Орловой-Чесменской. Письмо его къ Государю о богохульныхъ книгахъ въ Чтен. Общ. Ист. 1858, IV.

мой, глаголю: изострися на языки. Боже вѣковъ, вездѣ сый! Отверзу уста моя и наполнятся духа и отрыгну слово Тебѣ и воспою чудеса Твоя. И потомъ, къ скопищу обращаясь своего единомыслія, рече: не сей ли есть храмъ Соломоновъ, его же созиждетъ и возсозиждетъ рука моя? Церковь христіанская небо ли земное? Азъ на сіе небо взыду, выше звѣздъ сего неба поставлю престолъ моего ученія и дѣянія; сяду на горахъ высокихъ, пророкахъ и апостолахъ, и на все ученіе святое взгляну и буду подобенъ Вышнему. Мнѣ и отъ власти дана власть апостольства». «Сгорая ревностію по Богѣ—продолжаетъ Фотій—Иннокентій послалъ нѣкоего іерея возвѣстить сему ересіарху покаяніе, говоря тако: иди и рцы Лабзину—престань отъ злыхъ твоихъ начинаній и покайся... И онъ не покаялся и не обратился и не смирился, но къ тому же въ отвѣтъ говоритъ, возносяся: кто есть Иннокентій и вси съ нимъ? Они и во ученики мнѣ не годятся».

Недовольствуясь открытымъ учительствомъ, Лабзинъ учредилъ у себя масонскую ложу и собиралъ своихъ послѣдователей на религіозныя бесѣды, въ которыхъ возбуждалъ ихъ противъ существующей церкви, поврежденной и развратившейся, и совершалъ посвященіе ихъ въ члены новой духовной непорочной церкви. Въ Маѣ 1818 г. онъ завлекъ въ свою масонскую ложу одно духовное лицо—законоучителя Морскаго кадетскаго корпуса іеромонаха Іова и такъ возстановилъ его противъ церкви, что Іовъ, пришедъ въ свою корпусную церковь изрѣзалъ ножемъ образъ Божіей Матери и совершилъ въ алтарѣ кощунственный поступокъ. Поступокъ монаха былъ такъ грубъ и дикъ, что многіе отказывались вѣрить, чтобы Лабзинъ училъ его такой нелѣпости [1]).

Въ порывѣ ревности, Иннокентій написалъ къ князю Голицыну письмо, въ которомъ говорилъ: «вы нанесли рану церкви, вы и уврачуйте ее». Князь Голицынъ пріѣхалъ съ письмомъ Иннокентія къ митрополиту Михаилу: «вотъ что пишетъ вашъ архимандритъ».

---

[1]) М. М. Сперанскій писалъ къ Столыпину: Вы знаете, что съ Лабзинымъ я совсѣмъ почти незнакомъ; но по общему правилу не вѣрить злымъ слухамъ безъ очевидности, не вѣрю я и ему. Хотя не уважаю и никогда не уважалъ ни пророчествъ его, ни системъ, ему свойственныхъ, но не могу представить себѣ, чтобъ онъ сдѣлался клятвопреступникомъ. Его еще и при мнѣ подозрѣвали въ какихъ то сокровенностяхъ, но я думалъ и теперь еще думаю, что онъ самъ распустилъ о себѣ сіи слухи по свойственному ему самолюбію и чванливости. Люди и особенно люди слабые любятъ, чтобы ихъ почитали чудными и необыкновенными». Р. Арх. 1871 г. стр. 437.

Митрополитъ позвалъ къ себѣ Иннокентія. Тотъ отвѣчалъ, что дѣйствуетъ по сознанію справедливости. Митрополитъ, однако, замѣтилъ ему, что нужно особенное признаніе для такого рѣшительнаго дѣйствованія и заставилъ съѣздить къ князю съ извиненіемъ [1]).

Князь, какъ будто, сдѣлалъ нѣкоторую уступку. Сначала онъ потребовалъ отъ гражданскаго цензора Тимковскаго, чтобы тотъ показывалъ ему самому выходящія книжки журнала «Сіонскій Вѣстникъ» прежде пропуска ихъ въ печать. Но затѣмъ, примѣтивъ, «что при многихъ назидательныхъ статьяхъ появляется въ семъ сочиненіи отъ часу болѣе матерій таинственныхъ въ духовномъ смыслѣ и такого содержанія, что оныя статьи вовсе не слѣдуютъ быть доведены до всеобщаго свѣдѣнія, такъ какъ многое изъ нихъ касается догматовъ церковныхъ, а иногда и частныя мнѣнія по духовнымъ предметамъ», князь Голицынъ призналъ необходимымъ, чтобы «Сіонскій Вѣстникъ» издаваемъ былъ подъ разсмотрѣніемъ духовной цензуры и доложилъ объ этомъ Государю, а о послѣдовавшемъ Высочайшемъ соизволеніи сообщилъ митрополиту, генералъ-губернатору, попечителю учебнаго округа и Коммиссіи Духовныхъ Училищъ [2]). Но эти усиленныя оповѣщенія оказались излишними, такъ какъ Лабзинъ съ Іюля того же 1818 года прекратилъ изданіе своего журнала [3]).

Филаретъ въ это время былъ въ отсутствіи. Въ 1818 г. оканчивался первый курсъ въ Московской академіи, который долженъ былъ приготовить профессоровъ и учителей для *четвертаго* академическаго округа—*Казанскаго*. Въ виду этого Коммиссія постановила употребить для сего тѣ же предварительныя мѣры, какія употреблены были при открытіи Московскаго и Кіевскаго округовъ, то есть, отъ преосвященныхъ потребовать свѣдѣнія о начальствующихъ лицахъ и преподавателяхъ, а отъ послѣднихъ конспекта тѣхъ предметовъ, къ преподаванію которыхъ они чувствуютъ себя способными [4]); а князь Голицынъ предложилъ, что при испытаніи окончившихъ курсъ студентовъ Московской академіи полезно было

---

[1]) Русск. Арх. 1883 г. стр. 594.

[2]) Ж. К. Д. У. 4 Іюля 1818 г.

[3]) Псковскій архіепископъ Евгеній писалъ отъ 2 Сент. къ Анастасевичу: «Отказъ Сіонскаго Вѣстника и я читалъ въ Академическихъ Вѣдомостяхъ: давно бы пора ему замолчать. Но Голицынъ за него стоялъ горою. Теперь, видно, усмотрѣли цѣль сей якобинщины и образумились, но уже поздно. Рус. Арх. 1889, 5, стр. 68.

[4]) Ж. К. Д. У. 9 Марта 1818 г.

бы присутствовать одному изъ членовъ Коммиссіи и что, по его мнѣнію, это порученіе могло бы быть сдѣлано преосвященному Филарету, епископу Ревельскому. Утвердивъ эти предположенія, Коммиссія поручила преосвященному Филарету обозрѣть также Новгородскую и Тверскую семинаріи съ лежащими на пути училищами, и Виѳанскую и Перервинскую семинаріи. И такъ какъ конференція въ Московской академіи еще не была открыта, то Коммиссія образовала конференцію, назначивъ въ составъ *внутреннихъ* ея членовъ изъ начальствующихъ лицъ, профессоровъ и баккалавровъ академіи, а избраніе *внѣшнихъ* поручила преосвященному Филарету, по спошенію съ управляющимъ Московскою митрополіею, архіепископомъ Августиномъ. Срокомъ для этого обозрѣнія назначено было съ 10 Іюня по 20 Іюля. 29 Іюля Филаретъ уже присутствовалъ въ Коммиссіи при докладѣ его отчетовъ и назначеніи окончившихъ курсъ студентовъ на мѣста; а 9 Августа Коммиссія постановила ходатайствовать о награжденіи преосвященнаго Филарета за неусыпные труды его по исполненію ея порученій и за заслуги церкви и отечеству орденомъ св. Анны 1 ст., каковымъ и былъ пожалованъ 26 Августа.

Казанскую академію постигла такая же неудача, какъ и Кіевскую. Преосвященный Казанскій Амвросій донесъ Коммиссіи, что изъ академическихъ учителей, кромѣ профессора богословскихъ наукъ, архимандрита Ѳеофана [1]), никто не признается достойнымъ профессорскаго званія. Посему Коммиссія постановила: открытіе ея въ новомъ порядкѣ отсрочить впредь до усмотрѣнія, а изъ классовъ ея, по предварительномъ испытаніи учащихся, образовать классы семинаріи и уѣзднаго и приходскаго училищъ. Округъ Казанской академіи присоединенъ къ Московскому и подчиненъ вѣдѣнію Московскаго академическаго правленія [2]).

---

[1]) *Ѳеофанъ Александровъ*, неудавшійся кандидатъ въ баккалавры С.-Петербургской духовной академіи при ея преобразованіи въ 1809 г., былъ потомъ смотрителемъ Александроневскаго училища, инспекторомъ С.-Петербурской, ректоромъ Ярославской семинаріи; вслѣдствіе строптивости, обнаруженной въ отношеніи къ Ярославскому архіепископу Антонію, уволенъ былъ отъ учебной службы, но потомъ, благодаря товарищескому покровительству бывшихъ совоспитанниковъ по Троицкой семинаріи, опять выбрался и дошелъ до должности ректора Казанской академіи, а по закрытіи ея, сталъ ректоромъ семинаріи. Послѣ былъ Донскимъ архимандритомъ. Скончался въ Колязинѣ монастырѣ, Тверской епархіи.

[2]) Ж. К. Д. У. 22 Іюля 1818 г.

По возвращеніи Филарета съ ревизіи, кн. А. Н. Голицынъ препроводилъ къ нему для передачи на разсмотрѣніе духовной цензуры, представленное ему сочиненіе подъ заглавіемъ: «Начальныя основанія религіи христіанской въ пользу юношества». Это былъ родъ катихизиса и министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, находя нужнымъ такое руководство для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ, обратилъ на него особенное вниманіе ректора академіи, бывшаго вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ главнаго правленія училищъ. Преосвященный Филаретъ передалъ его въ цензурный комитетъ при здѣшней духовной акедеміи, но комитетъ возвратилъ ему рукопись съ отзывомъ, что «одобрить ее къ напечатанію не можно, по тому уваженію, что она, какъ сочиненіе катихизическое, къ числу предметовъ, разсматриваемыхъ комитетомъ, не относится, а принадлежитъ къ разсмотрѣнію цензуры церковной или Святѣйшаго Правительствующаго Синода». Филаретъ отрапортовалъ князю, что онъ долженъ былъ принять отзывъ, не входя о немъ ни въ какое разсужденіе, «ибо, по уставу академіи, цензурный комитетъ отъ меня (ректора академіи) независитъ и я не имѣю права предложить своего мнѣнія». Предсѣдателемъ въ цензурномъ комитетѣ былъ Иннокентій. Между тѣмъ, вслѣдъ за этимъ отзывомъ (отъ 1 Октября 1818 г.), князь получилъ другую рукопись такого же содержанія подъ заглавіемъ «*Историческій катихизисъ*», съ просьбою предложить ее на разсмотрѣніе духовной цензуры. Это былъ переводъ съ французскаго съ нужными перемѣнами, согласно нашему вѣроисповѣданію. Представляя ее князю, переводчикъ, д. с. сов. М. Магницкій изъявлялъ желаніе напечатать ее для общаго употребленія съ нужными, по указанію духовнаго начальства, поправками. Князь Голицынъ предложилъ обѣ рукописи на разсмотрѣніе Святѣйшаго Синода съ своимъ мнѣніемъ, «что оба сіи сочиненія принадлежатъ къ числу такихъ, кои могутъ быть разсматриваемы цензурнымъ комитетомъ духовной академіи» и просилъ обсудить, нужно ли, за учрежденіемъ цензурныхъ комитетовъ при каждой изъ духовныхъ академій, имѣть еще особую духовную цензуру въ Москвѣ и, между тѣмъ, составить правила, какими цензурные комитеты духовныхъ академій должны руководствоваться при разсмотрѣніи духовныхъ книгъ [1]).

[1]) По обсужденіи предложенія, Св. Синодъ 30 Декабря 1818 г. постановилъ: «духовную цензуру въ Москвѣ уничтожить, присоединивъ возложенныя на нее обязанности

На бѣду Иннокентія случилось, что, не принявъ къ разсмотрѣнію катихизиса, чѣмъ навлекъ на себя гнѣвъ могучаго министра, онъ принялъ къ разсмотрѣнію и одобрилъ къ печатанію сочиненіе, написанное тенденціозно противъ министра, что имѣло для него уже роковыя послѣдствія. Въ числѣ искреннихъ ревнителей православія и бойцевъ за вѣру былъ Петръ Андреевичъ Кикинъ, статсъ-секретарь у принятія прошеній, котораго Государь уважалъ за его религіозное настроеніе и даже входилъ съ нимъ въ пренія (о вѣрѣ) во время его докладовъ. Въ домѣ его частымъ гостемъ былъ служившій въ его канцеляріи, титулярный совѣтникъ Евстафій Станевичъ, человѣкъ благочестивый и довольно ученый, но недальняго ума. Его знали по одной брошюркѣ подъ названіемъ: «О судѣ по совѣсти». У Кикина умерло любимое дитя. Станевичъ, въ утѣшеніе сѣтующихъ родителей, написалъ для нихъ «Разговоръ о безсмертіи души надъ гробомъ младенца». «Содержаніе этой книжки — говоритъ Стурдза, получившій одинъ изъ первыхъ экземпляровъ ея по выходѣ изъ типографіи — было чисто, благонамѣренно, но не складно. Авторъ непрестанно удалялся отъ главнаго предмета и пускался въ погоню за разнородными воспоминаніями и мыслями; напримѣръ, разсуждая о безсмертіи души и жизни за гробомъ, онъ въ безконечныхъ примѣчаніяхъ разбиралъ мнѣнія Фенелона о чистой любви, давалъ строгій выговоръ госпожѣ Севинье за то, что она неправильно судитъ объ обращеніи Расина и

къ обязанностямъ цензурныхъ комитетовъ при духовныхъ академіяхъ; образованіе сихъ комитетовъ и составленіе нужныхъ дополненій къ правиламъ, коими они должны руководствоваться, поручить конференціи С.-Петербургской духовной академіи при непосредственномъ участіи митрополита Михаила, которому поручалось войти, въ собраніи ея, въ подробное соображеніе и разсмотрѣніе всѣхъ относящихся къ дѣлу обстоятельствъ и предметовъ. Въ 1820 г. 22 Января М. Михаилъ внесъ на разсмотрѣніе Св. Синода составленный конференціею «Проэктъ устава духовной цензуры», подписанный имъ, Филаретомъ А. Тверскимъ, ректоромъ А. Григоріемъ и прочими членами конференціи. Св. Синодъ разсматривалъ проэктъ устава въ засѣданіяхъ 1, 2 и 9 Марта, при чемъ предлагаемыя измѣненія дѣлаемы были на рукописи преосв. Филаретомъ. Но исправленный проэктъ почему-то оставленъ былъ безъ дальнѣйшаго движенія.— Въ 1823 г. 18 Іюля Св. Синодъ постановилъ поднесть его Государю на утвержденіе. Всеподданнѣйшій докладъ Синода и уставъ подписанъ былъ членами Синода 3 Августа, но не былъ представленъ. Послѣ того, уже въ слѣдующее царствованіе, онъ былъ вновь пересмотрѣнъ въ Св. Синодѣ при участіи архіепископовъ Ярославскаго Симеона и Рязанскаго Филарета; исправленія, по замѣчаніямъ присутствовавшихъ членовъ Синода, также дѣлаемы были м. Филаретомъ. Наконецъ, въ 1828 г., онъ утвержденъ былъ Государемъ и съ того времени составляетъ дѣйствующее законодательство по духовной цензурѣ. (К. О. Пр. 1815 г. № 9102. Филарета, Собр. мнѣній и отз. т. 2 № 137 стр. 8. Спб. 1885 г.).

т. п. Впрочемъ, это сочиненіе слабое, но безгрѣшное, законнымъ порядкомъ прошло чрезъ духовную цензуру и никакъ, повидимому, не могло подвергнуться захвату и сожженію. Но побочныя обстоятельства возбудили гнѣвъ лжемистиковъ. Книга Станевича направлена была противъ Сіонскаго Вѣстника».

Рукопись Станевича разсматривалъ Иннокентій и 9 Сентября одобрилъ къ печатанію. М. Филаретъ разсказывалъ впослѣдствіи, что въ то время, какъ рукопись была на разсмотрѣніи у Иннокентія, онъ (Иннокентій) лежалъ больной и потому не обратилъ должнаго вниманія на тетради, которыя посылалъ ему постепенно Станевичъ. «На мою бѣду — говорилъ Филаретъ—я посѣтилъ его во время болѣзни, когда рукопись лежала у него на столѣ. Знаете ли вы эту рукопись ? спросилъ онъ. Я взглянулъ на заглавіе и оставилъ ее безъ вниманія, не ожидая найти въ ней ничего особенно замѣчательнаго. Чрезъ нѣсколько дней она явилась въ свѣтѣ и произвела много шума. Въ тотъ самый день, когда я получилъ ее отъ автора, князь Голицынъ потребовалъ меня къ себѣ и съ негодованіемъ показалъ мнѣ экземпляръ этой книги, весь исчерченный замѣтками. Какъ видно, кто нибудь заблаговременно постарался поднести ему такой экземпляръ. «Знаете ли вы эту книгу? спросилъ меня князь,—она исполнена непріязненныхъ мнѣній и я хочу доложить объ ней Государю. Какъ могъ Иннокентій пропустить ее?» —Я старался извинить моего товарища предъ княземъ его нездоровьемъ и просилъ удержаться отъ доклада Государю для того, чтобы мнѣ дать время пересмотрѣть ее и исправить погрѣшности, перепечатавъ листы. Съ трудомъ согласился на это князь, потому что онъ сильно былъ предубѣжденъ. Дѣйствительно я самъ изумился тому, что нашелъ въ этой книгѣ и поспѣшилъ съ нею къ Иннокентію. Онъ отвѣчалъ мнѣ коротко, что готовъ претерпѣть за правду всякое гоненіе. Я пошелъ къ митрополиту просить его, чтобъ онъ какъ нибудь помогъ этому дѣлу. Митрополитъ оставилъ у себя книгу и два дня не раскрывалъ ее; на третій день я опять пришелъ къ нему и почти насильно заставилъ выслушать нѣкоторые отрывки. Митрополитъ осуждалъ почти каждое слово; я же сказалъ ему: —«оставимъ то, что безтолково, исправимъ только то, что можетъ принести намъ вредъ и перепечатаемъ листы на собственный нашъ счетъ, если не захочетъ авторъ». Митрополитъ опять оставилъ у себя книгу и прошла еще недѣля; а, между тѣмъ, князь Голицынъ доложилъ

Государю и въ праздникъ Богоявленія объявилъ назначеніе архимандрита Иннокентія, въ уваженіе его заслугъ, епископомъ Оренбургскимъ» [1]).

Весь, довольно обширный, докладъ Государю князь написалъ собственноручно. «Получивъ извѣщеніе, 22 Декабря, что сія книга пропущена цензурою С.-Петербургской духовной академіи и уже напечатана, а содержаніе ея можетъ произвесть дурное вліяніе, въ то же утро написалъ я къ архимандриту Иннокентію, пропустившему сію книгу, чтобъ онъ удержался выдавать билетъ на выпускъ изъ типографіи; ежели же оный выданъ, то чтобы взялъ возможныя мѣры къ удержанію выпуска до моего разрѣшенія, между тѣмъ вытребовалъ и самую книгу. Отецъ Иннокентій билетъ уже хотя выдалъ, но послалъ немедленно его взять обратно и книга теперь остановлена.

Разсмотрѣвъ оную, я нахожу въ ней слѣдующее:

1) Къ сужденію о безсмертіи души на гробѣ младенца привязано защищеніе Восточной церкви, тогда какъ никто на оную не нападаетъ, и ежели бы что подобное случилось, то не частному человѣку должно брать на себя сіе защищеніе. Авторъ, понимая превратно, не чувствуетъ, что можетъ привесть умы въ безпокойство, что подлинно церковь въ опасности.

2) Безпрестанныя противорѣчія, и слогъ часто безъ всякаго смысла.

3) Авторъ опорочиваетъ такія книги, кои гражданская цензура пропустила, какъ, напримѣръ сочиненія *Дютуа,* и именно *Христіанскую философію* и опасается, чтобы и *Божественная философія* не вышла бы, которая однако уже выходитъ на русскомъ языкѣ и напечатана иждивеніемъ Вашего Величества [2]).

4) Судитъ, кто болѣе правъ, Святой Іоаннъ Златоустъ или святой Августинъ, и отдаетъ преимущество Златоусту потому только, что онъ Восточной церкви, хотя въ проповѣдяхъ и въ сочиненіяхъ духовныя особы часто указуютъ на Августина.

5) Духъ всего сочиненія совершенно противенъ внутреннему христіанскому ходу, и потому самому Священному Писанію.

---

[1]) Сушкова, Записки о жизни Филарета, стр. 110—114. Ср. Рус. Стар. 1886 г. т. XLIX, стр. 593.

[2]) *Божественная философія* переведена съ французскаго д. ст. сов. Е. В. Карнѣевымъ (племянникомъ мистика З. Я. Карнѣева, бывшаго попечителя Харьковскаго учебнаго округа) напеч. въ Москвѣ въ 1818 г.—Дю-Туа (Du-Toit) мистикъ, послѣдователь М-me Гіонъ († въ 1793 г.).

Подъ видомъ защищенія наружной церкви вооружается противъ внутренней, то есть хочетъ отдѣлить тѣло отъ духа [1]).

Прилагая самую книгу съ замѣчаніями по мѣстамъ, князь представлялъ, чтобы книгу не выпускать въ свѣтъ, экземпляры конфисковать чрезъ полицію и запечатать [2]), а цензору сдѣлать строжайшій выговоръ чрезъ Коммиссію Духовныхъ Училищъ. Докладъ сдѣланъ былъ 4 Января 1819 г. Государь утвердилъ мнѣніе министра съ тѣмъ, чтобы и выданные сочинителю 52 экземпляра были отъ него отобраны. При этомъ Его Величество выразилъ надежду, «что впредь Коммиссія Духовныхъ Училищъ возьметъ мѣры, чтобы подобныя сочиненія, ищущія истреблять духъ внутренняго ученія христіанскаго, никакимъ образомъ не могли выходить изъ ея цензуры».

Въ это время открылась архіерейская вакансія въ Оренбургѣ. Князь Голицынъ докладывалъ Государю объ увольненіи преосвященнаго Августина и назначеніи ему пенсіи 4-го Января. Въ это время т. е. съ учрежденія Министерства духовныхъ дѣлъ, всеподданнѣйшіе доклады Синода представлялись министру при рапортахъ оберъ-прокурора. 16 Января представленъ былъ докладъ о переведеніи въ Оренбургскую епархію викарія Новгородскаго, Старорусскаго епископа Амвросія. Но, при поднесеніи Голицынымъ этого

---

[1]) Въ предложеніи Коммиссіи Духовныхъ Училищъ, 6 Января, 2-й 3, 4 и 5 пункты были опущены и замѣнены слѣдующимъ изложеніемъ: «Вообще понятіе о церкви представлено въ превратномъ видѣ; ибо гдѣ говорится о церкви, вездѣ видно, что одно духовенство принимается за оную. Между прочимъ, упоминается о извѣстной распрѣ между Боссюэтомъ и Фенелономъ и сей послѣдній обвиняется въ лжеученіи. Однимъ словомъ книга сія совершенно противна началамъ, руководствующимъ христіанское наше правительство по гражданской и духовной части».

[2]) Всего отпечатано было въ типографіи Іоаннесова 605 экземпляровъ и по распоряженію гр. Вязмитинова всѣ отобраны и доставлены кн. Голицыну, за исключеніемъ 2-хъ оставленныхъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, у митрополита Михаила и преосв. Филарета и 1 отосланнаго за границу къ Стурдзѣ.—Послѣ того, какъ въ 1824 г. Высочайшимъ указомъ на имя министра народнаго просвѣщенія, адмирала Шишкова, разрѣшено было печатать и продавать эту книгу, Шишковъ и статсъ-секретарь Кикинъ спрашивали у кн. Мещерскаго, гдѣ хранятся отобранные экземпляры означенной книги и если ихъ не откроется,—прибавлялъ Кикинъ, то по какому акту и когда истреблены оные? Кн. Мещерскій отвѣчалъ, что требуемыхъ ими экземпляровъ означенной книги при дѣлахъ состоящаго въ вѣдѣніи его грекороссійскаго отдѣленія нѣтъ; что же касается до актовъ, то извѣстенъ только актъ—объявленіе кн. Голицынымъ Высочайшаго повелѣнія управлявшему въ 1819 г. министерствомъ полиціи графу С. К. Вязмитинову о конфискаціи этихъ книгъ (дѣло Канц. Об. Пр. Св. Син. № 6357). Станевичъ, по запрещеніи его книги, высланъ былъ изъ столицы въ 24 часа (Письм. Иннокентія къ кн. Мещерской. Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Росс. 1874 г. кн. 4. Письмо 24).

доклада, 25 Января, Государю, послѣдовало Высочайшее повелѣніе «быть епископомъ Оренбургскимъ архимандриту Иннокентію, ректору С.-Петербургской семинаріи, коего Святѣйшему Синоду и посвятить». Для митрополита Михаила это назначеніе непріятно было и тѣмъ, «что въ первый разъ безъ Синодальнаго избранія епископъ назначался прямо отъ Императора, вопреки церковнаго порядка. Онъ замѣтилъ объ этомъ князю въ присутствіи Синода и сказалъ, что на этотъ разъ можно оправдать это тѣмъ, что архимандритъ Иннокентій былъ уже представляемъ однажды отъ Синода въ числѣ кандидатовъ на архіерейскую каѳедру. Между тѣмъ открылась епархія въ Пензѣ. Митрополитъ сталъ говорить, чтобъ Иннокентія перемѣстили сюда. Князь Голицынъ, можетъ быть по раздраженію противъ Иннокентія, отвѣчалъ, что еще не бывало примѣра, чтобы епископа, еще не прибывшаго въ епархію, перемѣщали на другую. Но Святѣйшій Синодъ, представивъ кандидатовъ на Пензенскую каѳедру, просилъ Голицына доложить ходатайство его о перемѣщеніи въ Пензу Иннокентія. 15-го Февраля, при поднесеніи Государю Синодскаго доклада, состоялось Высочайшее повелѣніе: въ уваженіе ходатайства Святѣйшаго Синода чрезъ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія быть Пензенскимъ епископомъ Иннокентію, назначенному въ Оренбургскую епархію, а на оную Святѣйшему Синоду представить кандидатовъ [1]). Митрополитъ Филаретъ въ воспоминаніяхъ своихъ сообщаетъ, что митрополиту Михаилу помогала въ этомъ княгиня Софья Мещерская, женщина благочестивая, которая была близка къ Государю [2]).

Высочайшій Указъ объ Иннокентіи подписанъ 22 Февраля (1819 г.); 27 послѣдовало пареченіе его въ Святѣйшемъ Синодѣ и 2 Марта посвященіе въ Казанскомъ соборѣ.

---

[1]) Дѣло Арх. Св. Синода. 1818 г. № 6665.

[2]) Изъ воспоминаній митрополита Филарета. Прав. Обозр. 1868 г. стр. 525. Софія Сергѣевна Мещерская, рожденная Всеволожская (род. 19 Ноября 1775 г. † 4 Окт. 1848 г.) была супругой князя Ивана Сергѣевича Мещерскаго, во второмъ его бракѣ. Мужъ ея былъ родным братомъ, а она невѣсткой Синодальнаго оберъ-прокурора кн. П. С. Мещерскаго. Она переводила съ англійскаго на русскій языкъ книжки и брошюры духовно-нравственнаго содержанія и печатала ихъ въ Москвѣ. Брошюрки эти (числомъ до 93) продавались по дешевымъ цѣнамъ и раздавались даромъ. Энцикл. Слов. т. III вып. 6, стр. 703. Въ 1816 г. 11 Ноября М. М. Сперанскій писалъ изъ Пензы къ дочери: Цейеръ весьма бы меня одолжилъ, приславъ вмѣстѣ съ симъ полное собраніе мелкихъ 10-копѣечныхъ сочиненій, переведенныхъ съ англійскаго кн. Мещерскою. Ты вспомнишь думаю, мы въ Великополѣ нѣкоторыя изъ нихъ читали». Рус. Арх. 1868 г. стр. 1113.

Иннокентій больной выѣхалъ изъ С.-Петербурга. Княгиня Мещерская, видя, что увлеченіе князя Голицына мистицизмомъ принимаетъ такой опасный для церкви характеръ, и что лучшіе служители ея подвергаются гоненію, хотѣла поѣхать къ нему и объяснить ему его странное положеніе; но напередъ просила совѣта у Иннокентія. Иннокентій отвѣчалъ изъ Москвы, гдѣ лежалъ больной: «ни призывать, ни ѣхать для вразумленія Голицына по моему не должно; и когда получите извѣщеніе въ сердцѣ, когда Господь благословитъ, то помолясь, напишите безъ гнѣва въ присутствіи Господа, со слезами, не о себѣ, но объ общемъ благѣ, о душѣ того, который страждетъ и погибнуть можетъ и о душахъ другихъ. Пишите полную истину, безъ усѣченія, но и безъ жару, безъ усилія, безъ колкостей, напишите все, что знаете и что Господь пошлетъ». «Вздитъ ли къ Филарету,—спрашивала вслѣдъ за тѣмъ княгиня Мещерская,—и образумитъ ли его въ нѣкоторыхъ недоразумѣніяхъ? Иннокентій отвѣчалъ: «по вашимъ словамъ одно вразумленіе удалось. Хорошо, онъ не оскорбился, и не оскорбится когда и другое скажете, ибо у него есть намѣреніе и желаніе жить для Іисуса Христа. Онъ также непрерывно трудится, чтобы найти Его и предаться Ему всесовершенно, только своимъ путемъ» [1]). Больной Иннокентій прибылъ, наконецъ, 21 Іюня въ Пензу, а 10 Октября скончался.

Съ удаленіемъ Иннокентія, митрополитъ Михаилъ остался одинокъ. Ближайшій помощникъ его, преосвященный Филаретъ, дѣйствовалъ уклончиво, не одобряя заблужденій мистицизма, но и не напрашивался на борьбу, которая во всякомъ случаѣ не была бы равносильна съ той и другой стороны. Михаилу не нравилась эта близость Филарета съ Голицынымъ и долю своего нерасположенія къ Голицыну Михаилъ перенесъ на Филарета. «По вступленіи на митрополію—говорилъ самъ Филаретъ о Михаилѣ—онъ хотѣлъ меня послать въ Каменецъ-Подольскъ. Я говорилъ, что еще нисколько не тягощусь своимъ положеніемъ (викарія), готовъ служить на этомъ мѣстѣ еще; но если ваше высокопреосвященство имѣете кого другаго въ виду, и желаете меня отпустить отъ себя, для меня слишкомъ много того, что назначаете меня на второклассную епархію, я буду доволенъ и третьеклассной. Такъ онъ дѣло это и оставилъ. Но я все не былъ увѣренъ въ немъ».

---

[1]) Письма 37 и 38 отъ 15 и 19 Мая 1819 г.

Митрополитъ Михаилъ при каждомъ своемъ служеніи говорилъ проповѣди, слушать которыя собиралось множество народа. Князь Голицынъ также ѣздилъ слушать его, но неудовлетворялся ихъ содержаніемъ и направленіемъ и наклонялъ его къ проповѣданію въ мистическомъ духѣ. Снисходя къ такимъ настояніямъ могущественнаго вельможи и щадя немощную совѣсть, Михаилъ приспособлялъ свои проповѣди къ его разумѣнію, но приносилъ жертву напрасную [1]).

Сердце князя или, по крайней мѣрѣ, слухъ и вниманіе его тяготѣли къ проповѣдямъ съ такимъ мистическимъ направленіемъ, которое производило одинъ религіозный восторгъ, одно паренiе къ небу, не возбуждая никакого членораздѣльнаго движенія въ мысляхъ. Таковы были тогда, одинъ за другимъ, два модные проповѣдника, *Линдль* и *Госнеръ*. Линдль пріобрѣлъ себѣ извѣстность своими экзальтированными проповѣдями въ Мюнхенѣ; но въ то же время своимъ направленіемъ навлекъ на себя преслѣдованія со стороны католическихъ властей. Въ 1819 г. онъ прибылъ въ С.-Петербургъ и, благосклонно принятый княземъ Голицынымъ и самимъ Государемъ, получилъ дозволеніе говорить проповѣди въ Мальтійской церкви Пажескаго корпуса. Поповъ переводилъ его проповѣди на русскій языкъ. Но митрополитъ Михаилъ имѣлъ еще столько силы, что Линдля, меньше чѣмъ чрезъ годъ, вѣжливо выпроводили въ Одессу. На смѣну ему, въ 1820 г., прибылъ изъ Баваріи другой проповѣдникъ, Госперъ, изъ той же партіи новокатоликовъ, къ которой принадлежалъ и Линдль. Пріемъ, оказанный ему, былъ еще благосклоннѣе, а краснорѣчіе еще блистательнѣе, такъ что жители столицы всѣхъ вѣроисповѣданій, не исключая и православнаго, толпами собирались по вечерамъ въ католическую церковь (на Невскомъ проспектѣ) слушать его проповѣди» [2]). Хотя онъ считался католикомъ, но проповѣдывалъ какой то мистическій протестантизмъ [3]),

---

[1]) Въ 1823 г., уже много лѣтъ спустя послѣ прекращенія Сіонскаго Вѣстника, Голицынъ писалъ Лабзину, что «духъ, который началъ оказываться при новомъ изданіи вашего журнала, былъ не соотвѣтственъ тому, что вы обѣщали и далекъ онъ былъ отъ того духа, которымъ проповѣдывалъ послѣдніе годы жизни своей митрополитъ Михаилъ». Лабзинъ отвѣтилъ на это: «Я ни въ началѣ, ни въ концѣ и не бралъ себѣ за примѣръ Михаила; знаю же, что ваше сіятельство и Михаиломъ были недовольны, пока онъ не сталъ свои проповѣди переправлять по вашему вкусу». (Рус. Арх. 1892 г. кн. 12, стр. 385).

[2]) Записки Панаева, Вѣстн. Европ. 1867 г. Дек. стр. 83.

[3]) Воспом. Греча. Р. Арх. 1868 г. стр. 1404.

вслѣдствіе чего католическое духовенство запретило ему проповѣдывать въ своей церкви. Госнеръ долженъ былъ перенесть свои конференціи въ особое помѣщеніе, въ Большой Морской, на наемъ котораго Государь далъ 18 тысячъ рублей. По словамъ Греча «слушателями ихъ (Линдля и Госнера) были отчасти вѣрующіе и убѣжденные, но не находившіе достойнѣйшей духовной пищи въ поученіяхъ пасторовъ, протестантскихъ и православныхъ священниковъ; но большая часть ихъ ходила на эти поученія изъ угодливости къ покровителю ихъ Голицыну. Магницкій, Рунічъ, Поповъ, Пезаровіусъ, Ливенъ, Сѣровъ и другіе окружали ихъ каѳедры, выворачивали глаза, вздыхали, плакали, становились на колѣни» [1]). Къ чести Лабзина нужно сказать, что онъ относился къ этимъ заѣзжимъ проповѣдникамъ разсудительнѣе и выражалъ свои мнѣнія откровеннѣе другихъ. «Я чаю, писалъ онъ къ З. Я. Карпѣеву, вы получили и читали проповѣди нынѣ моднаго у насъ проповѣдника Линдля. Я, не смотря на крики Голицыныхъ, Кошелевыхъ и компаніи, скажу не обинуясь, что онѣ не заслуживаютъ сей похвалы и ни съ Филаретовыми, ни съ Михаиловыми поравняться не могутъ, тѣмъ паче съ Таулеровыми и симъ подобными» [2]).

Въ это же время образовался такъ называемый *духовный союзъ Татариновой*. Екатерина Филипповна Татаринова, урожденная Буксгевденъ, по исповѣданію лютеранка, по воспитанію смолянка, была за мужемъ за И. М. Татариновымъ, служившимъ сперва въ военной, а потомъ въ гражданской службѣ. Отличаясь кроткимъ характеромъ, и по природному расположенію склонная болѣе къ созерцательной, нежели къ внѣшней практической дѣятельности, она окончательно отдалась этому настроенію, когда потеряла единственнаго восьмилѣтняго сына. Еще при жизни мужа, больнаго вслѣдствіе полученной на войнѣ раны и вскорѣ умершаго, она поселилась у своей матери, имѣвшей квартиру въ Михайловскомъ (нынѣ Инженерномъ) замкѣ. Въ то время дворецъ этотъ почти весь занятъ былъ разными лицами и семействами, получившими тамъ даровыя квартиры за какія нибудь услуги ихъ или родителей ихъ двору: такъ и мать Татариновой имѣла тамъ помѣщеніе, какъ состоявшая при одной изъ княженъ — дочерей Императора Александра, скончавшихся въ младенческомъ возрастѣ. Здѣсь Е. Ф. въ

[1]) Рус. Арх. 1868 г. стр. 1404.
[2]) Рус. Арх. 1892 г. кн. 12 стр. 359.

1817 г. 8 Ноября приняла православіе, и, по ея увѣренію, въ самую минуту своего присоединенія почувствовала въ себѣ даръ пророчества. Въ то мистическое время эта форма религіознаго экстаза была довольно обыкновенною. Соотечественница ея, Кридперъ, пріобрѣла уже европейскую славу своими пророчествами. Но странно то, что Е. Ф. сочетала эту обще-европейскую форму мистики съ самой неприглядной формой русскаго сектантства—съ скопческими радѣніями [1]); и только особыми свойствами ея симпатичнаго характера можно объяснить, что въ этой грубой формѣ мистика ея привлекла много лицъ даже изъ высшихъ классовъ общества. Но на памяти ея и союза ея, кажется, нѣтъ темнаго пятна скопческихъ уродствъ. Адепты духовнаго союза ея увѣряли, что многочисленныя предсказанія ея исполнялись съ такою точностію, что приводили въ изумленіе самыхъ хладнокровныхъ скептиковъ. Государь зналъ объ этихъ собраніяхъ у Татариновой и относился къ духовному союзу ея даже покровительственно. Кругъ лицъ, составлявшихъ этотъ союзъ, измѣнялся, но болѣе постоянными членами были братъ Татариновой П. Буксгевденъ, членъ Израильскаго комитета Мартинъ Пилецкій-Урбановичъ, художникъ В. Боровиковскій, Н. Федоровъ, составлявшій духовные стихи для союза, полковой штабъ-лекарь Коссовичъ и др. Собранія Татариновой посѣщалъ князь А. Н. Голицынъ «и слушалъ года четыре пророческое слово» [2]).

Между тѣмъ, происходившія въ то время въ Европѣ политическія движенія и вызванныя ими репрессивныя мѣры со стороны правительствъ, тягостно отразились въ Россіи. Первыя такія движенія появились въ Германіи. Собравшаяся въ 1819 г. въ Карлсбадѣ конференція министровъ главныхъ германскихъ дворовъ обнародовала постановленія, устанавливавшія строгій надзоръ надъ университетами.

Въ Россіи главнымъ дѣятелемъ въ этомъ направленіи былъ извѣстный *М. Л. Магницкій*, имя котораго сдѣлалось почти нари-

---

[1]) Въ то время проживалъ въ С.-Петербургѣ скопецъ Кондратъ Селивановъ имѣвшій многихъ послѣдователей. Радѣнія ихъ происходили почти открыто. Только послѣ 20 слишкомъ лѣтъ свободнаго пребыванія въ С.-Петербургѣ (а Селивановъ бѣжалъ изъ Сибири, куда былъ сосланъ въ 1775 г.), 7 Іюня 1820 г., онъ былъ заключенъ въ Суздальскій Спасо-Евѳиміевъ монастырь, гдѣ и скончался въ 1832 г. (Прав. Собес. 1882 г. кн. 7—8). Е. Ф. Татаринова посѣщала его радѣнія.

[2]) XIX вѣкъ. Кн. I. Ю. Толстаго: О духовномъ союзѣ Е. Ф. Татариновой.—Дополнительныя свѣдѣнія Іоаннова (Коссовича). Рус. Арх. 1872 г. стр. 2334.

цательнымъ для обозначенія тенденціознаго обскурантизма. Потомокъ того Магницкаго, который при Петрѣ Великомъ составилъ и издалъ первый курсъ математики на русскомъ языкѣ, М. Л. Магницкій, по окончаніи курса въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ, блестяще началъ службу на дипломатическомъ поприщѣ и былъ при посольствахъ въ Вѣнѣ и Парижѣ; при учрежденіи Министерствъ, поступилъ начальникомъ экспедиціи въ Министерство внутреннихъ дѣлъ, сблизился здѣсь съ Сперанскимъ, занимавшимъ директорскую должность и, при преобразованіи въ 1810 г. Государственнаго Совѣта, назначенъ въ оный статсъ-секретаремъ по Департаменту Законовъ; въ слѣдующемъ, 1810 г., получилъ орденъ Анны 1 ст., а въ 1812 г., въ одно время съ Сперанскимъ, удаленъ изъ С.-Петербурга и отправленъ въ Вологду. Въ 1816 г., опять въ одно и то же время, какъ Сперанскій опредѣленъ былъ Пензенскимъ губернаторомъ, Магницкій опредѣленъ вице-губернаторомъ въ Воронежъ, а черезъ годъ губернаторомъ въ Симбирскъ. Во время изгнанія, Сперанскій помогалъ ему деньгами; но послѣ назначенія его губернаторомъ, самоуправныя и безобразныя дѣйствія его вынудили Сперанскаго прервать съ нимъ сношенія [1]). Отыскивая пути, по которымъ можно было бы подвинуться опять поближе къ власти и поднять свое положеніе, Магницкій запискалъ благосклонность князя А. Н. Голицына и перешелъ въ Министерство народнаго просвѣщенія на должность члена главнаго правленія училищъ [2]). Главное правленіе училищъ, въ которое онъ поступилъ членомъ, было, само по себѣ, безобидное учрежденіе, проявлявшее свою дѣятельность въ мирныхъ учебныхъ и педагогическихъ распоряженіяхъ. Но жаждавшій извѣстности и славы, Магницкій искалъ въ главномъ правленіи только точки опоры, а планъ буду-

---

[1]) «Не знаю, писалъ М. М. Сперанскій Столыпину отъ 5 Ноября 1818 г., почему угодно ему меня приплетать къ своимъ разсказамъ и свои Симбирскіе подвиги называть общимъ нашимъ дѣломъ. Что тутъ есть между нами общаго? Онъ воевалъ и теперь еще воюетъ, а я живу мирно и ни съ одною мельницею еще ни разу не сражался. Сдѣлайте, что можете, чтобы развязать меня съ Леонтьичемъ». Рус. Арх. 1869, стр. 1974.

[2]) Передъ самымъ переходомъ Магницкаго къ кн. Голицыну, скончался отецъ его, почтенный и заслуженный старикъ, служившій съ 1810 г. также въ вѣдомствѣ кн. Голицына, только въ другомъ, духовномъ, прокуроромъ Московской синодальной конторы. Въ 1812 г., во время пожара Москвы, онъ лишился всего своего имущества и просилъ князя о пособіи. Въ 1816 г. князь Голицынъ выпросилъ ему у Государя 3 т. десятинъ земли, а въ 1817 г. 5 т. р. для уплаты долговъ. Старикъ Магницкій скончался 21 Мая 1818 г. (Канц. Об. Пр. 1818 г. № 9398).

щихъ его дѣйствій у него уже былъ готовъ. Извѣстна его ревизія Казанскаго университета, который онъ обрисовалъ въ своемъ отчетѣ самыми мрачными красками и предлагалъ уничтожить публично. Извѣстны потомъ его попечительство надъ этимъ университетомъ и тамошнимъ учебнымъ округомъ, данныя имъ инструкціи директору и ректору университета, удаленіе нѣкоторыхъ способнѣйшихъ профессоровъ и водвореніе въ университетѣ между студентами и профессорами лицемѣрія и ханжества [1]).

Достойный послѣдователь его, попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа, Д. Руничъ, ввелъ его инструкцію въ С.-Петербургскій университетъ и такимъ же порядкомъ очищалъ его отъ вредныхъ, по его мнѣнію, преподавателей. «Злой духъ тьмы,—говорилъ онъ въ ученомъ комитетѣ по поводу книги профессора лицея Куницына (естественное право),—носится надъ вселенною, силясь мрачными крылами заградить отъ смертныхъ свѣтъ истинный, просвѣщающій и освящающій всякаго человѣка въ мірѣ» [2]).

Магницкій и Руничъ были только тенденціозными выразителями мрачнаго настроенія, овладѣвшаго въ это время душею Государя. Ясное и свѣтлое спокойствіе, съ которымъ онъ совершилъ подвигъ освобожденія Европы отъ надменнаго и въ продолженіи многихъ лѣтъ неодолимаго поработителя ея, смѣнилось, послѣ Вѣнскаго и особенно Ахенскаго конгрессовъ, темными и тяжелыми впечатлѣніями разочарованія. Усиливаясь постепенно, оно пріобрѣло

---

[1]) Вотъ одно изъ его распоряженій: Собравъ университетскій совѣтъ, онъ сдѣлалъ предложеніе, что находитъ мерзкимъ и богопротивнымъ употреблять созданіе и подобіе Творца, человѣка, на анатомическіе препараты и хранить въ спиртахъ человѣческихъ уродовъ. Профессора прекословить не посмѣли и рѣшили предать землѣ весь анатомическій кабинетъ съ подобающей почестью. Вслѣдствіе сего заказаны были гробы, въ нихъ помѣстили всѣ препараты сухіе и въ спиртѣ и, по отпѣтіи панихиды, въ парадѣ и съ процессіей понесли на кладбище, гдѣ и предали землѣ». Воспоминанія П. П. Шенига. Рус. Арх. 1880, кн. 3 стр. 313.

[2]) Воейковъ, Домъ сумасшедшихъ: строфы о Руничѣ:

Рядомъ съ ней (съ кельей Магницкаго на навосельи,
Руничъ бѣгло бормоталъ:
Вижу бѣсовъ предъ собою;
Отъ ученья сгибнулъ свѣтъ.
Этой тьмѣ Невтонъ виною
И безбожникъ Воссюэтъ.
Локкъ запуталъ умъ нашъ въ сѣти,
Геллертъ сердце обольстилъ;
Кантомъ бредятъ даже дѣти
Дрекслеръ нравы развратилъ.

Р. Стар. 1874 г. т. IX стр. 588.

ко времени Троппаускаго конгресса такую напряженность, которая едва не граничила съ безнадежностію. Открывая 1-го Сентября второй польскій сеймъ, Государь сказалъ въ рѣчи: «духъ зла покушается похитить снова бѣдственное владычество и уже паритъ надъ частію Европы, уже накопляетъ злодѣянія и пагубныя событія». Затѣмъ изъ Троппау писалъ отъ 23 Октября къ княгинѣ С. С. Мещерской: «Тысячу разъ поблагодарите митрополита за его память, а въ особенности за его благословеніе, которое Я никогда не принимаю отъ него иначе, какъ съ живѣйшимъ душевнымъ ощущеніемъ, будучи убѣжденъ, что получаемое отъ него есть благословеніе Вышняго, такъ какъ дѣйствующую силу его онъ испрашиваетъ съ *вѣрою* у Спасителя, котораго никогда не призываютъ вотще. Скажите ему, что я болѣе чѣмъ когда либо нуждаюсь въ этомъ *благотворномъ благословеніи и въ его молитвахъ*, потому что мы заняты здѣсь однимъ изъ самыхъ важныхъ, но и трудныхъ дѣлъ. Дѣло это заключается въ томъ, чтобъ изыскать цѣлебное средство противу *господства зла*, распространившагося быстро и всѣми *тайными путями*, къ которымъ прибѣгаетъ *сатанинскій духъ*, имъ управляющій. Искомое нами врачеваніе увы! превыше нашей немощной человѣческой силы. Одинъ Спаситель силою Своего Божественнаго Слова можетъ даровать это средство. Призовемъ же Его отъ всей полноты и со всею горячностью нашихъ сердецъ, да низложитъ Онъ на насъ Духа Всесвятаго и да наставитъ насъ слѣдовать по тому пути, который одинъ Ему угоденъ и который одинъ можетъ привести насъ къ спасенію. Сила молитвъ существа такого, какъ митрополитъ, безпредѣльна, когда сердца, преисполненныя вѣрою, прибѣгаютъ къ нему со всѣмъ чувствомъ убѣжденія въ ихъ дѣйствительности и я нахожусь предъ нимъ въ такомъ именно положеніи [1]).

Въ составѣ Святѣйшаго Синода и Коммиссіи Духовныхъ Училищъ произошли, въ это время, важныя перемѣны. Въ 1819 г. 15 Марта членъ Святѣйшаго Синода и Коммиссіи Духовныхъ Училищъ, Тверской архіепископъ Серафимъ, назначенъ Московскимъ митрополитомъ, а на его мѣсто въ Тверь переведенъ ректоръ ака-

---

[1]) Рус. Арх. 1886. 3 стр. 407.

деміи и членъ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ Филаретъ, епископъ Ревельскій, съ пожалованіемъ въ архіепископы и члены Синода. Серафимъ, вслѣдъ затѣмъ, отправился въ свою епархію, а Филаретъ привѣтствовалъ свою новую паству посланіемъ, но оставался весь этотъ годъ въ С.-Петербургѣ.

Въ этомъ году Коммиссія Духовныхъ Училищъ озабочена была распоряженіями къ открытію *Кіевской академіи*. Первый курсъ преобразованныхъ семинарій Кіевскаго учебнаго округа совершился успѣшно и могъ дать благонадежныхъ воспитанниковъ для поступленія въ академію. Въ Январѣ 1819 г. митрополитъ Михаилъ вошелъ въ сношеніе съ Кіевскимъ митрополитомъ Серапіономъ о томъ, кто изъ начальствующихъ и учащихъ въ Кіевской семинаріи съ пользою можетъ быть опредѣленъ въ академію и на какое мѣсто; изъ какого числа студентовъ составить первое отдѣленіе академіи и сколько учениковъ и откуда вызвать въ академію. Вмѣстѣ съ тѣмъ Коммиссія сообщила преосвященному Серапіону, что предполагаемое имъ мѣстное соединеніе окружной академіи съ низшими училищами она находитъ неудобнымъ и полагаетъ академію помѣстить въ Братскомъ монастырѣ, а семинарію въ зданіи, именуемомъ Бурсою. 14 Августа состоялись окончательныя постановленія объ открытіи Кіевской академіи въ новомъ устройствѣ, объ учрежденіи при ней своего окружнаго правленія и закрытіи С.-Петербургскаго академическаго правленія по Кіевскому округу и о перечисленіи Смоленской семинаріи отъ Кіевскаго къ С.-Петербургскому округу. 28 Сентября совершилось самое открытіе академіи послѣ торжественнаго богослуженія въ Кіево-Подольскомъ Успенскомъ соборѣ, съ крестнымъ ходомъ въ Братскій монастырь и торжественнаго собранія, на которомъ ректоромъ академіи, архимандритомъ Моисеемъ, инспекторомъ—магистромъ Леонтовичемъ [1]), баккалаврами—словесности Соколовымъ, философіи И. М. Скворцовымъ произнесены были рѣчи по предметамъ ихъ академическихъ каѳедръ. Въ Іюлѣ того же 1819 года оканчивался курсъ (3-й) въ С.-Петербургской духовной академіи, Филаретъ присутствовалъ на экзаменахъ и потомъ занимался распредѣленіемъ студентовъ на учебныя должности [2]).

---

[1]) Впослѣдствіи архіепископъ Харьковскій Мелетій.

[2]) Предложеніе его конференціи Спб. дух. академіи съ отчетомъ о состояніи преподаванія богословскихъ наукъ въ академіи въ Собр. мнѣній и отзывовъ т. II стр. 5 № 135.

Только въ Маѣ 1820 года Филаретъ могъ посѣтить свою новую епархію. А, такъ какъ въ это время должно было послѣдовать окончаніе 2-го курса въ Московской академіи и въ семинаріяхъ Московскаго учебнаго округа, то Коммиссія Духовныхъ Училищъ, по предложенію кн. Голицына, поручила ему присутствовать на экзаменахъ въ академіи и произвесть обозрѣніе ея, а также назначить ревизоровъ для обозрѣнія семинарій Московскаго учебнаго округа. Порученіе это имѣло тѣмъ болѣе значенія, что Московскую каѳедру занималъ митрополитъ Серафимъ, во всѣхъ отношеніяхъ старѣйшій Филарета, членъ Святѣйшаго Синода и Коммиссіи Духовныхъ Училищъ. При томъ же, митрополитъ Серафимъ, еще до назначенія Филарета ревизоромъ, представилъ въ Коммиссію Духовныхъ Училищъ свои предположенія о назначеніи ревизоровъ въ семинаріи: въ Московскую и Виѳанскую—ректора академіи, архимандрита Кирилла, въ Ярославскую, Владимірскую, Костромскую и Вологодскую—профессора, протопресвитера Кутневича. Но Коммиссія передала эти предположенія въ ближайшее усмотрѣніе Филарета, который на мѣстѣ, въ Москвѣ, дополнилъ ихъ назначеніемъ Виѳанскаго ректора, архимандрита Никанора (Клементьевскаго), для обозрѣнія Рязанской и Тульской семинарій.

По разсмотрѣніи отчета о ревизіи академіи, Коммиссія 23 Августа постановила довести до Высочайшаго свѣдѣнія о произведеномъ архіепископомъ Филаретомъ обозрѣніи Московской академіи и о подвигахъ его троекратно уже исполнявшаго подобныя порученія. Вскорѣ за тѣмъ, 26 Сентября, онъ перемѣщенъ изъ Тверской епархіи въ Ярославскую [1]). Но важнѣйшія лежавшія на

[1]) Филаретъ переведенъ въ Ярославль на мѣсто архіепископа *Антонія Знаменскаго*, занимавшаго эту каѳедру съ 1806 г. Антоній навлекъ на себя неудовольствіе Коммиссіи Духовныхъ Училищъ и Св. Синода еще въ 1816 г. по поводу жалобъ на ректора, архимандрита *Ѳеофана Александрова*, котораго поддерживала Коммиссія. Въ Іюлѣ 1818 г. его вызвали въ С.-Петербургъ въ Св. Синодъ. Здѣсь онъ, будто бы, во время производства дѣла о расторженіи брака великаго князя Константина Павловича, заявилъ мнѣніе противъ развода. Манифестъ о расторженіи брака состоялся 20 Марта 1820 г.; вслѣдъ за тѣмъ Антоній уволенъ въ епархію. Но Лабзинъ указываетъ на другую причину удаленія его изъ С.-Петербурга. «Проживающій здѣсь архіепископъ Ярославскій, который на поученіе ему отъ князя, что церковь должна быть въ сердцѣ, отвѣчалъ: «то-то и бѣда, ваше сіятельство, что часто вмѣсто церкви находишь только колокольню»; благовѣстятъ, благовѣстятъ, а какъ подойдешь къ иной церкви, то ни Божіей службы, ни того, кому бы совершать оную, не найдешь: одни колокола, въ которые звонятъ мальчишки»—высылается отсюда вонъ. Спрашивается, почему сіи внутренніе христіане не терпятъ никакихъ себѣ возраженій? Ein grosses NB Рус. Арх. 1892, 12, 361. Антоній скончался 10 Августа 1824 г. на покоѣ въ Новгородскомъ Деревяницкомъ монастырѣ.

немъ обязанности по Святѣйшему Синоду, Коммиссіи, Библейскому Комитету и непрестанно возлагавшіяся на него порученія по различнымъ учрежденіямъ, въ которыхъ онъ также состоялъ членомъ (по Человѣколюбивому обществу, главному правленію училищъ и пр.) не позволили ему даже взглянуть на свою новую епархію Онъ только издали привѣтствовалъ ее посланіемъ мира. Но, чтобы имѣть помощникомъ въ управленіи близкое лицо, онъ взялъ къ себѣ въ Ярославль ректоромъ своего бывшаго товарища. Вологодскаго ректора, архимандрита Гавріила (Розанова) [1]).

Между тѣмъ какъ звѣзда Филарета восходила все выше и выше и уже достигала самаго высокаго пункта своего восхожденія, 21 Марта 1824 г. скончался м. Михаилъ, изнемогшій въ борьбѣ съ «слѣпотствующимъ министромъ» просвѣщенія. Болѣзнь его началась еще въ Декабрѣ минувшаго года и была будто бы послѣдствіемъ сильнаго столкновенія его въ одномъ изъ засѣданій Синода съ княземъ Голицынымъ. Болѣзнь длилась три мѣсяца, то усиливалась, то ослабѣвала. За двѣ недѣли до кончины, но уже въ предчувствіи ея близости, м. Михаилъ написалъ къ Государю письмо, въ которомъ откровенно изобразилъ всѣ опасности, которымъ подвергается церковь и въ заключеніе говорилъ: Государь, когда дойдетъ до Васъ сіе писаніе, меня уже не будетъ на свѣтѣ. Ничего, кромѣ истины, не вѣщалъ я людямъ; паипаче же теперь, когда въ дѣяніяхъ своихъ готовлюсь дать отчетъ Высшему Судіи». Чрезъ двѣ недѣли послѣ этого письма Государь получилъ извѣстіе о кончинѣ Михаила [2]).

Непосредственный свидѣтель этой кончины, архіепископъ Филаретъ писалъ о ней одному изъ своихъ знакомыхъ, графу Потемкину: «преосвященнѣйшій митрополитъ Михаилъ взятъ отъ насъ къ высшему служенію. Въ 10 день прошедшаго Марта еще былъ онъ въ Синодѣ, въ 12-й мы обѣдали у него; а въ 24-й онъ скончался. Кончина его мирна, память его благословляема; пустота и сиротство имъ оставленное велико. За нѣсколько дней до кончины его нѣкто видѣлъ во снѣ, что высокій столпъ съ вѣнцами на верху

[1]) Гавріилъ недолго оставался въ Ярославлѣ. Въ Іюлѣ 1821 г. Филаретъ переведенъ въ Москву архіепископомъ: а въ Сентябрѣ и Гавріилъ рукоположенъ въ епископа Орловскаго. Письма м. Филарета къ Гавріилу изд. преосв. Саввою въ «Письмахъ м. Филарета» къ Высочайшимъ Особамъ и разнымъ другимъ лицамъ. Тверь 1888 г. Впослѣдствіи Гавріилъ былъ архіепископомъ Херсонскимъ и Тверскимъ. Скончъ. 8 Сент. 1858 г.

[2]) Записки Вигеля, ч. VI гл. 3 стр. 37 (изд. Рус. Арх.)

разрушился съ громомъ: сонъ, по моему мнѣнію, очень справедливый. Не могу описать вамъ всѣхъ мыслей о послѣдствіяхъ сего произшествія, которыя, какъ туманъ, закрывали отъ меня свѣтъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней или открывали мнѣ печальнѣйшіе виды. Впрочемъ, твердое основаніе Божіе, конечно, не людьми поддерживается. Изъ сей мысли наконецъ извлекъ я правила, которыя меня успокоили. Одно изъ нихъ есть: устранять себя отъ всего, отъ чего только возможно. Ради блага многихъ помолитесь съ нами, чтобы Господь даровалъ намъ человѣка съ духомъ и силою Иліиною, ибо надобно проповѣдывать покаяніе и судъ, и съ любовію и терпѣніемъ Христовымъ, ибо надобно миловать и утѣшать, безъ надежды собственнаго утѣшенія» [1]).

Послѣ кончины м. Михаила, до назначенія преемника ему, Филаретъ оставался старшимъ членомъ въ Синодѣ и въ Коммиссіи и предсѣдательствовалъ въ нихъ. Обстоятельство это, въ соединеніи съ его необыкновенно быстрымъ возвышеніемъ, давало поводъ къ предположеніямъ, что и предстоящія перемѣны іерархіи не минуютъ его. Имя его упоминалось въ этихъ догадкахъ, толкахъ и слухахъ, вмѣстѣ съ именемъ также выдававшагося духовнаго іерарха, экзарха Грузіи, Ѳеофилакта [2]). Заслуживаетъ вниманія и то обстоятельство, что назначеніе преемника Михаилу откладывалось до возвращенія Государя, между тѣмъ какъ назначеніе Михаила состоялось вслѣдъ за полученіемъ Государемъ извѣстія о кончинѣ м. Амвросія, также въ отсутствіе Государя изъ С.-Петербурга. Изъ этого можно заключать, что въ выборѣ преемника Михаилу или вообще въ передвиженіи архіереевъ послѣ его кончины происходили колебанія, разрѣшившіяся наконецъ тѣмъ, что, съ возвращеніемъ Государя, старѣйшій изъ духовныхъ сановниковъ, экзархъ Грузіи, митрополитъ Ѳео-

[1]) Рус. Стар. 38, стр. 564.

[2]) 16 Мая Филаретъ писалъ къ Гавріилу Городкову (ректору Нижегор. сем.): Если правду вы говорите, что между любопытными есть столь не проницательные, которые дѣлятъ свое любопытство между Грузіею и Ярославлемъ, то вы могли бы сказать имъ, что Ярославль, въ сравненіи съ Грузіею, отнюдь не заслуживаетъ любопытства и нѣкоторые изъ Ярославскихъ съ внутреннимъ убѣжденіемъ и охотно въ семъ признаются (Чтен. въ Общ. Ист. и Древн. Рос. 1868 г. кн. 2 стр. 122). Трудно угадать, что означаетъ этотъ намекъ, — то ли, что Ѳеофилактъ и Филаретъ были кандидатами въ народныхъ слухахъ на постъ С.-Петербургскаго или Московскаго митрополита, или то, что Ѳеофилактъ выставлялся кандидатомъ на высшій постъ, а Филаретъ на его мѣсто въ Грузію. Послѣднее также могло казаться возможнымъ, потому что Филаретъ имѣлъ недоброжелателей и самый важный изъ нихъ, гр. Аракчеевъ, находился въ это время при Государѣ и во всемъ могуществѣ своего положенія.

филактъ 11 Іюня пожалованъ орденомъ Владиміра 1 степени; Московскій митрополитъ Серафимъ 19 Іюня переведенъ въ С.-Петербургъ, а на Московскую каѳедру перемѣщенъ 3 Іюля Ярославскій архіепископъ Филаретъ, съ званіемъ архіепископа. Характерный отзывъ о назначеніи м. Серафима сдѣлалъ Филаретъ въ письмѣ къ графу Потемкину, отвѣчая на поздравленіе его съ новымъ (С.-Петербургскимъ) митрополитомъ: «Поелику имѣли нужду призвать его къ тому, въ чемъ, очевидно, онъ имѣлъ нужду: то онъ можетъ дѣйствовать свободнѣе» [1]).

Съ прибытіемъ м. Серафима въ С.-Петербургъ, Филаретъ отправился въ свою новую епархію, гдѣ и пробылъ до Августа слѣдующаго 1822 года, т. е. цѣлый годъ. А такъ какъ, съ отбытіемъ его, въ Коммиссіи не оставалось лица, близко стоящаго къ учебному дѣлу, то, по докладу князя Голицына, Высочайшимъ указомъ 24 Августа, назначенъ въ нее членомъ ректоръ С.-Петербургской духовной академіи, архимандритъ *Григорій (Постниковъ)*. Назначеніе это состоялось, безъ сомнѣнія, по желанію и указанію Филарета. Оно выдвигало Григорія, также какъ прежде Филарета, въ рядъ высшихъ лицъ въ духовной іерархіи. Но положеніе дѣлъ и лицъ было теперь совершенно иное, чѣмъ прежде. Въ Синодѣ и въ Коммиссіи уже примѣтнымъ образомъ обозначился разладъ между наклонившимся въ сторону мистицизма и масонства министромъ и первенствующимъ въ Синодѣ іерархомъ. Въ обществѣ также происходило сильное броженіе. Но Григорій держался вдали отъ всего, что имѣло видъ пристрастія, партійнаго увлеченія, борьбы. По свойству своего характера, онъ всегда шелъ ровною и прямою дорогою долга и былъ уважаемъ одинаково всѣми, къ какой бы партіи кто ни принадлежалъ. Но съ Филаретомъ онъ былъ близокъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ жизни и эту взаимную пріязнь они сохранили до конца.

Въ это же время Коммиссія Духовныхъ Училищъ, помѣщавшаяся доселѣ въ Михайловскомъ замкѣ, подъ одной кровлей съ Татариновой, выселена была вмѣстѣ съ нею и перешла въ собственное помѣщеніе. Въ 1822 г. 8 Апрѣля князь Голицынъ объявилъ Коммиссіи, что Государь повелѣлъ вывесть ее изъ Михайловскаго замка и нанять для нея частный домъ. Голицынъ тогда же зая-

[1]) Рус. Стар. 1883 г. 38 стр. 565.

вилъ, что уже пріисканъ удобный домъ на Литейной улицѣ, принадлежащій генералъ-лейтенанту Эртелю съ платою по 500 рублей въ мѣсяцъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ Коммиссіи, не угодно ли ей будетъ поручить ему испросить Высочайшее повелѣніе на покупку постояннаго дома въ собственность Коммиссіи на счетъ ея капиталовъ. Коммиссія нашла, что это будетъ и выгоднѣе и покойнѣе и, положивъ перевесть канцелярію въ домъ Эртеля, поручила князю испросить ей Высочайшее разрѣшеніе къ пріисканію и покупкѣ собственнаго дома по приличію. Государь разрѣшилъ употребить на покупку дома и на необходимыя въ немъ передѣлки и пристройки отъ 300 до 400 тысячъ рублей. Вслѣдъ за тѣмъ пріисканъ и въ Іюлѣ купленъ былъ домъ наслѣдниковъ умершаго портнаго мастера Іоганна Фохта на Невскомъ проспектѣ (Московской части въ 1-мъ кварталѣ подъ № 22). По докладу князя Голицына 9 Іюля Государь дозволилъ отвесть въ купленномъ домѣ квартиру для оберъ-прокурора, князя Мещерскаго и помѣстить часть департамента духовныхъ дѣлъ [1]). Послѣ Мещерскаго въ этомъ домѣ жили потомъ оберъ-прокуроры: С. Д. Нечаевъ, графъ А. П. Толстой, А. П. Ахматовъ и графъ Д. А. Толстой.

---

[1]) За домъ заплачено 280 тысячъ р.; на расходы по совершенію купчей крѣпости употреблено 11835 р.; на необходимыя приспособленія, починки и перестройки 34466; на содержаніе дома назначено по 16 тысячъ р. въ годъ. Дѣло Арх. Св. Син. 1822 г. № 9765.

IX.

Митрополиты Серафимъ и Евгеній.

Фотій.— Посланія его къ Государю.—Союзъ съ Аракчеевымъ. Паденіе Министерства духовныхъ дѣлъ.— Вызовъ митрополита Евгенія. — Реакція въ направленіи дѣйствій Коммиссіи Духовныхъ Училищъ.

Назначеніе Московскаго митрополита Серафима С.-Петербургскимъ митрополитомъ произошло подъ вліяніемъ Аракчеева. Въ этомъ уже заключалось указаніе ему, какъ дѣйствовать далѣе и какъ относиться къ князю Голицыну и покровительствуемымъ имъ лицамъ и учрежденіямъ.

Въ С.-Петербургѣ продолжали дѣйствовать масонскія ложи. Но первоначальная цѣль ихъ учрежденія затмѣвалась въ сознаніи ихъ членовъ и внутренній смыслъ ихъ терялся за пустыми внѣшними формальностями. Въ 1821 г. гроссмейстеръ великой ложи Астреи, сенаторъ, генералъ-лейтенантъ Е. Кушелевъ, оффиціальнымъ порядкомъ довелъ до свѣдѣнія Государя о возникшихъ въ ложахъ несогласіяхъ и безпорядкахъ. «Духъ своеволія, буйства и совершеннаго безначалія, а не духъ кротости христіанской и истинныхъ правилъ масонскихъ, смиренія, въ нихъ дѣйствуетъ». Посему онъ предлагалъ или возстановить масонство въ его прежнемъ видѣ, или вовсе закрыть масонскія ложи [1]).

Пасторъ Госнеръ собиралъ еще модныхъ христіанъ на свои проповѣди, Татаринова своихъ адептовъ на свои радѣнія. Предъ самымъ возвращеніемъ Государя, прибыла въ С.-Петербургъ и «великая пророчица» *Криднеръ*. При выѣздѣ въ 1815 г. изъ Парижа, Александръ пригласилъ ее въ С.-Петербургъ, но увлеченія къ ней не сохранилъ, а послѣдующее экстатическое скитальчество ея по разнымъ государствамъ и городамъ Германіи, изъ которыхъ она

---

[1]) Русск. Стар. 1877 г. т. 18, стр. 455.

иногда выпроваживаема была съ полицейскою безцеремонностью, еще болѣе охладило къ ней Императора Александра. Впрочемъ, онъ далъ въ 1818 г. дозволеніе на безпрепятственный впускъ всѣхъ спутниковъ ея въ Лифляндію [1]), а въ 1821 году –на прибытіе ея въ С.-Петербургъ. Государь находился еще въ то время за границей, на Лайбахскомъ конгрессѣ. Въ С.-Петербургѣ она сошлась съ княгиней Анной Сергѣевной Голицыной, родной сестрой извѣстной Софьи Сергѣевны Мещерской [2]) и въ ея домѣ устроивала свои молитвенныя собранія и вела бесѣды о царствіи Божіемъ. Князь А. Н. Голицынъ посѣщалъ эти собранія и оказывалъ ей всякое содѣйствіе [3]). Братъ ея, Фитингофъ, обращенный ею къ піэтизму, утвержденъ былъ вице-президентомъ Библейскаго Общества. Зять Беркгеймъ служилъ въ С.-Петербургѣ по Министерству народнаго просвѣщенія. Госу-

---

[1]) Маркизъ Паулуччи, бывшій въ то время Рижскимъ генералъ-губернаторомъ, не хотѣлъ, было, впускать въ Лифляндію лицъ, прибывшихъ съ Криднеръ. Государь писалъ ему отъ 9 Мая 1818 г.: «Съ сожалѣніемъ вижу, что вы не вполнѣ поняли содержаніе разговора, который имѣли мы съ вами объ этомъ предметѣ въ Царскомъ Селѣ. Къ чему нарушать спокойствіе существъ, занимающихся только молитвами къ Предвѣчному и никому не дѣлающихъ зла? Тѣмъ болѣе въ такихъ случаяхъ розысковъ и надзору. тѣмъ прибавляется только важности для зѣвакъ. Оставьте госпожу Криднеръ и другихъ пользоваться совершеннымъ спокойствіемъ, потому что какое вамъ до того дѣло, кто какъ молится Богу! Каждый отвѣчаетъ Ему въ томъ по своей совѣсти. Лучше, чтобы молились какимъ бы то ни было образомъ, нежели вовсе не молились». Р. Арх. 1886 г. кн. 2 стр. 117.

[2]) Княгиня А. С. Голицына была замужемъ за камергеромъ Н. А. Голицынымъ, но разошлась съ нимъ и вела своеобразную жизнь. Изъ воспоминаній кн. Н. Н. Голицына видно, что это была натура мужественная, энергичная. Послѣ смерти Криднеръ, она поселилась въ Крыму, гдѣ устроила себѣ виллу (Корансъ), гдѣ впослѣдствіи, въ сосѣдствѣ съ нею, поселился и князь (А. Н. Голицынъ). Княгиня скончалась въ Крыму въ 1842 г., занимаясь до конца жизни пропагандою піэтизма. Рус. Арх. 1870, I, стр. 901—908. 1886 г. III, стр. 153.

[3]) Фотій далъ такую характеристику госпожи Криднеръ:

«Криднеръ была женщина зловѣрія лжехристіанскаго, какой-то западной ереси, съ дарованіями острыми, лѣтъ уже преклонныхъ. Она выдавала себя за вдохновенную свыше. Молва разнеслась отъ нѣкоторыхъ ея учениковъ столь быстро о ней, что весь Петербургъ подвигся какъ новое чудо видѣть и слышать госпожу Криднеръ. Женка сія, въ разгоряченности ума и сердца отъ бѣса вдыхаемая, не говоря никому противнаго похотямъ плоти, обычаямъ міра и дѣламъ вражіимъ, такъ правиться умѣла всѣмъ во всемъ, что, начиная съ первыхъ столбовыхъ боляръ, жены, мужи, дѣвицы, спѣшили, какъ оракула нѣкоего дивнаго, послушать женку Криднеръ. Нѣкоторые почитатели ея, изъ обольщенія ли своего или изъ ругательства надъ святынею христіанскихъ догматовъ, портреты изобразили Криднерши, издавали въ свѣтъ ее съ руками къ сердцу прижатыми, очи на небо имѣющую, и Святаго Духа съ небесъ какъ на Христа сходящаго во Іорданѣ или на Дѣву Богородицу при Благовѣщеніи Архангельскомъ. Въ сѣтяхъ Татариновой и Криднерши самъ министръ духовныхъ дѣлъ весь увязалъ. Его любимцы съ нимъ одно творили». Р. Арх. 1873, 2, 1446.

дарь, по возвращеніи, оффиціально запретилъ къ ней ѣздить, но втайнѣ относился къ ней благоволительно [1]). Между тѣмъ, слѣдующее обстоятельство вынудило его къ строгой противъ нея мѣрѣ. Незадолго предъ тѣмъ, но еще бывши за границей, Государь получилъ извѣстіе о начавшемся греческомъ возстаніи и о мученической кончинѣ въ самый день святой Пасхи, 10 Апрѣля, вселенскаго патріарха Григорія и съ нимъ трехъ архіереевъ. Страданія единовѣрцевъ, поднявшихся на защиту своего отечества отъ иновѣрнаго врага, возбуждали къ сочувствію и помощи; и подлѣ Государя были лица, располагавшія его въ пользу участія къ грекамъ. Но политическіе вожди союзной Европы употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы выставить національно-греческое возстаніе революціоннымъ движеніемъ, направляемымъ противъ законнаго правительства, и возбужденнымъ здѣсь, какъ въ западной Европѣ, преступнымъ дѣйствіемъ тайныхъ обществъ. Государь рѣшился твердо соблюдать заключенные трактаты и отказался отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла Греціи. Бывшій предъ тѣмъ при Государѣ и пользовавшійся большимъ его довѣріемъ, грекъ графъ Каподистрія оставилъ русскую службу; за нимъ послѣдовалъ и находившійся при немъ, А. С. Стурдза. Подъ такими впечатлѣніями и съ полною рѣшимостью сохранять нейтралитетъ по отношенію къ событіямъ на востокѣ Европы, Государь возвратился въ Маѣ 1821 г. изъ заграницы. Но въ Петербургскомъ обществѣ было другое настроеніе, сочувственное греческому возстанію. Мадамъ Крюднеръ открыто агитировала въ пользу живаго активнаго участія къ оказанію помощи возставшимъ грекамъ. Это раздражало Государя. Онъ написалъ ей собственноручное письмо, въ которомъ совѣтовалъ не мѣшаться не въ свои дѣла и поручилъ А. И. Тургеневу прочитать ей это письмо и потомъ возвратить ему. Крюднеръ удалилась въ свое имѣніе въ Лифляндію. Но вскорѣ послѣ того, увлекшись давно грезившеюся ей мечтою—основать религіозную колонію для своихъ послѣдователей, она, вмѣстѣ съ княгинею А. С. Голицыной, дочерью Беркгеймъ и небольшимъ обществомъ мечтательницъ, отпра-

[1]) Воспоминанія кн. А. Н. Голицына въ запискахъ Бартенева: «Запрещеніе отъ Государя къ ней ѣздить. Тайное приказаніе Александра князю, чтобъ ѣздить и навѣщать Крюднершу, между тѣмъ какъ царь съ важностію принималъ донесенія тайной полиціи, что князь ѣздитъ къ Крюднершѣ». Русс. Арх. 1886, III, стр. 153.

вилась въ Крымъ и купила тамъ участокъ земли; но, проживъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, скончалась въ 1825 г. [1]).

Митрополитъ Серафимъ чувствовалъ себя въ своемъ новомъ положеніи первенствующаго іерарха русской церкви весьма неспокойно; понималъ великость лежащей на немъ отвѣтственности, но не имѣлъ ни силъ, ни пособниковъ остановить потокъ разливающагося зла. Противъ него стоялъ могущественный временщикъ, князь Голицынъ, съ которымъ борьба была не равная. Но обстоятельства незамѣтно слагались такъ, что создали и подлѣ него и на его сторонѣ силу, которая поколебала авторитетъ и значеніе всесильнаго, какъ казалось, князя Голицына. Митрополитъ Серафимъ не могъ не знать бывшаго корпуснаго законоучителя *Фотія* и тѣмъ болѣе не могъ не слышать о своеобразныхъ, но сильныхъ и внушительныхъ проявленіяхъ его ревности въ борьбѣ съ мистицизмомъ и масонствомъ. Набожная и благочестивая графиня А. А. Орлова-Чесменская и другія, единомысленныя съ нею, ревнительницы и ревнители вѣры выставляли его предъ митрополитомъ Серафимомъ, какъ мужественнаго бойца за вѣру, пострадавшаго за свою ревность и удаленнаго изъ столицы, когда онъ особенно былъ въ ней нуженъ. Митрополитъ Серафимъ исполнилъ ихъ желаніе и вызвалъ его въ С.-Петербургъ.

Фотій былъ въ это время еще молодой монахъ. Въ 1814 г. онъ поступилъ изъ Новогородской семинаріи въ академію; въ 1815 г. вышелъ изъ академіи по болѣзни и опредѣленъ учителемъ училища въ Невскомъ монастырѣ. Въ академіи онъ сдѣлался извѣстенъ Филарету, какъ студентъ и нѣсколько разъ получалъ отъ него, въ деликатной формѣ, пособія деньгами и вещами; но не сохранилъ сочувствія къ нему, хотя съ благодарностію вспоминалъ о его благодѣяніяхъ. Болѣе привлекъ его къ себѣ духовный аскетическій образъ Иннокентія, который былъ тогда ректоромъ семинаріи и начальствующимъ лицомъ надъ училищемъ. Рѣшившись вступить въ монашество, Фотій взялъ себѣ Иннокентія за образецъ духовной жизни, «замѣчалъ всѣ слова его, поступки, видъ, дѣйствія, духъ

[1]) Обстоятельства путешествія ихъ въ Крымъ подробно изложены въ статьѣ кн. Н. Н. Голицына: по поводу статей (Вѣстн. Евр. 1869 г.) о баронессѣ Крюднеръ. Здѣсь же сообщается о дальнѣйшей судьбѣ дочери баронессы Крюднеръ, Берхгеймъ. Рус. Арх. 1870 г. 901 и 908. Біографія Крюднеръ Эйнара: Vie de M-me Krüdener, Eynard, Paris, 1849. Перечень ея сочиненій въ словарѣ Русскихъ писательницъ, кн. Н. Н. Голицына; Рус. Арх. 1865 г. стр. 1183.

вѣры, его ученія, все замѣчалъ, дабы ему для себя составить, собственно въ сердцѣ, образъ житія благочестиваго». Въ 1817 г. учитель Спасскій вступилъ въ монашество и опредѣленъ учителемъ во 2-й кадетскій корпусъ. Съ этого времени онъ и начинаетъ, какъ самъ пишетъ [1]), свои подвиги въ борьбѣ съ тайными обществами. «Въ 1817 г. убогій Фотій дѣйствовалъ противъ масоновъ, иллюминатовъ, методистовъ, противъ Лабзина и прочихъ и разорвалъ связь духовныхъ лицъ и членовъ Синода съ тайными обществами и масонами». «Въ слѣдующемъ 1818 году дѣйствовалъ съ опасностію жизни противъ Сіонскаго Вѣстника, Лабзина, ложъ масонскихъ, ересей и старался ходъ расколовъ ихъ остановить». Въ это же время (въ Маѣ 1818 г.) по поводу совершеннаго, подъ вліяніемъ Лабзина, законоучителемъ морскаго корпуса, Іовомъ, кощунственнаго поступка, Фотій возвысилъ гласъ свой и вопль свой, яко трубу, борясь противъ вольнодумства. Онъ досталъ масонскій катихизисъ и съ замѣтками своими, что «масоны вѣруютъ въ антихриста, діавола и сатану», роздалъ кадетамъ, а тѣ разнесли его по домамъ. Въ городѣ стали ходить про него разные слухи: одни говорили, что онъ помѣшался, другіе — что онъ дикій изувѣръ и фанатикъ. «Фотій—какъ самъ о себѣ пишетъ—храбро подвизался за вѣру и за святыню и содержался три дня подъ присмотромъ въ Лаврѣ за стойкость и правду, дабы царю не донесть о тѣхъ соблазнахъ». Въ Лаврѣ митрополитъ Михаилъ поручилъ поговорить съ нимъ и успокоить его ректору семинаріи Иннокентію, но Иннокентій, сочувствовавшій его настроенію, вмѣсто вразумленія такъ обласкалъ его, что Фотій принялъ его увѣщаніе за выраженіе сочувствія и одобренія его подвигу.

Въ 1819 году скончался духовный руководитель Фотія, Иннокентій, рукоположенный въ епископа Пензенскаго. На пути въ свою епархію, онъ долго пролежалъ больной въ Москвѣ, гдѣ съ усердіемъ и любовію сестры милосердія заботилась о немъ графиня А. А. Орлова-Чесменская. «Спро́сите, писалъ онъ изъ Москвы 29 Мая 1819 г. къ княгинѣ С. С. Мещерской,—кто же чѣмъ нибудь нужнымъ послужитъ больному? Но нашлась новая благодѣтельница, которую, по любви Христіанской и за чистую любовь, прошу поблагодарить: истинная благотворительница. Слава Господу, что есть та-

[1]) «Убогія дѣла Фотія». Записка, представленная Государю 14 Іюня 1824 г.

кія въ царствѣ Его, что не забываются въ суетѣ и роскоши, имѣя всѣ способы къ тому: это графиня Анна Алексѣевна Орлова. Премудрый Господь соединяетъ въ ней простоту съ милосердіемъ и благотворительностію! Не возносится, не паритъ, не вдается въ мечтанія и не унижается до гнусности, о Господѣ имѣя попеченіе, кажется, ежедневное. Дай Богъ, чтобы тѣ чувства, которыя въ ней есть теперь, остались навсегда и возрастали въ мѣру возраста Господня [1])». Кажется въ это время Иннокентій указалъ А. А. Орловой на Фотія, какъ на ревнителя по вѣрѣ и рекомендовалъ его ей въ духовные отцы. Но Фотій долгое время отказывался принять ее въ свое духовное руководство.—Въ слѣдующемъ, 1820 году, 27 Апрѣля, въ день рожденія великаго князя Константина Павловича, онъ говорилъ обыкновенную очередную проповѣдь въ Казанскомъ соборѣ на текстъ: *Бога бойтеся*. Фотій пишетъ, что за эту проповѣдь онъ удаленъ былъ, по происками тайнаго общества, чрезъ дѣйствіе Тургенева, въ самый разоренный Деревяницкій монастырь [2]). Это была не первая и не единственная проповѣдь, которую онъ говорилъ въ Казанскомъ соборѣ. Всѣ проповѣди его просматривались передъ произнесеніемъ митрополитомъ Михаиломъ. Мы видѣли и читали и эту и другія его проповѣди. Онѣ увлекаютъ одушевленностію изложенія и отличаются своеобразнымъ языкомъ, напоминающимъ языкъ Денисовыхъ и Аввакума. Въ послѣдующихъ сочиненіяхъ, онъ держалъ тонъ нѣсколько приподнятый наставительный и мѣшалъ русскую рѣчь съ церковно-славянскою. А въ самыхъ позднихъ по времени сочиненіяхъ, онъ уже выдаетъ себя какимъ то вдохновеннымъ вѣщателемъ, созерцающимъ видѣнія, получающимъ откровенія и возвѣщающимъ небесныя повелѣнія. Проповѣдь 27 Апрѣля слушала и А. А. Орлова и, вслѣдъ за тѣмъ, 2 Мая, пригласивъ его къ себѣ, просила его принять ее въ свое духовное руководство: и съ того времени была его послушною духовною дочерью до самаго конца его жизни. Удаленіе Фотія изъ

---

[1]) Письма Иннокентія къ кн. С. С. Мещерской. Чтен. въ Общ. Ист. 1871 г. кн. IV. Письмо 39.

[2]) «Въ 1820 г. за проповѣдь говоренную: Бога бойтеся, Царя чтите, 27 Апрѣля, отъ тайныхъ обществъ чрезъ дѣйствіе Тургенева, былъ удаленъ въ самый разоренный монастырь, дабы гладомъ и скорбію уморить его». Деревяницкій монастырь въ 3-хъ верстахъ отъ Новгорода. Нынѣ (съ 1875 г.) училищный—женскій. Фотій опредѣленъ настоятелемъ Деревяницкаго монастыря, съ возведеніемъ въ игумена, 20 Іюля 1820 г.

С.-Петербурга состоялось, конечно, не безъ вѣдома и не безъ согласія князя Голицына, который не имѣлъ повода быть довольнымъ его дѣйствіями. О митрополитѣ Михаилѣ трудно сказать съ увѣренностью, уступилъ ли онъ въ этомъ дѣлѣ только настояніямъ Голицына и Тургенева, или самъ находилъ нужнымъ удаленіе Фотія, чтобы не возбуждать излишнихъ толковъ и безпокойнаго движенія въ обществѣ. Во всякомъ случаѣ положеніе Фотія было какъ бы опальное, и только участливое вниманіе къ нему его духовной дочери и присылаемыя ею средства на поддержаніе и возобновленіе раззоренпаго монастыря, дѣлали хотя нѣсколько сноснымъ это его положеніе. Графиня А. А. сообщала ему обо всемъ, что происходило въ столицѣ, о распространявшихся въ обществѣ ложныхъ ученіяхъ, о тайныхъ сборищахъ и, возбуждая его къ борьбѣ за вѣру, въ то же время изыскивала способы какъ бы опять вызвать его въ С.-Петербургъ. Наконецъ ей удалось расположить въ его пользу митрополита Серафима. Тонкій и разсчетливый старикъ прежде всего переведъ Фотія (29 Января 1822 г.) изъ Деревяницкаго монастыря въ Сковородскій, чтобы на средства графини поправить одинъ за другимъ захудалые Новгородскіе монастыри, а потомъ, послѣ Пасхи 1822 г., вызвалъ въ С.-Петербургъ и помѣстилъ у себя въ Лаврѣ. Но въ Лаврѣ Фотій оставался мало. Бесѣды за бесѣдой шли то у графини А. А. Орловой, то у Дарьи Державиной, вдовы поэта, то въ Таврическомъ дворцѣ и у иныхъ лицъ, извѣстныхъ благочестіемъ: «но все слово и дѣло направляемо было къ настоящей цѣли, како враговъ одолѣть и церкви святой сдѣлать пособіе». Наконецъ познакомился съ Фотіемъ и князь Голицынъ. Въ первый разъ они встрѣтились въ Невскомъ монастырѣ, въ алтарѣ, при освященіи новой Духовской церкви, 21 Мая, въ день Сошествія Святаго Духа; а послѣ службы долго бесѣдовали въ покояхъ митрополита, который рекомендовалъ Голицыну «юнаго старца» и просилъ полюбить его [1]). Князь Голицынъ пригласилъ его къ себѣ, для благочестивой бесѣды, на что Фотій охотно согласился, принявъ это приглашеніе за указаніе свыше. Послѣ перваго свиданія, князь пожелалъ еще видѣть его и слышать его бесѣду. Графиня

[1]) 21 Мая 1822 г. Голицынъ писалъ къ графинѣ Орловой. «Я недавно познакомился съ о. Фотіемъ и сожалѣю, что сего не сдѣлалъ прежде, когда онъ имѣлъ здѣсь свое пребываніе. Его разговоръ назидателенъ и имѣетъ силу, которую единъ Господь можетъ дать». Рус. Арх. 1869 г. стр. 944.

А. А. просила его пріѣзжать къ ней, гдѣ «Фотій предлагалъ имъ—дѣвицѣ и князю слово и дѣло Божіе по три, по шести и до девяти часовъ въ день». Когда Фотій сталъ собираться изъ С.-Петербурга въ свою обитель, князь просилъ его подождать прибытія Государя (бывшаго въ то время въ отъѣздѣ для осмотра войскъ, расположенныхъ въ Витебской, Виленской и другихъ сосѣднихъ губерніяхъ) и преподать ему благословеніе. По прибытіи Государя, князь увѣдомилъ его, что Государь приметъ его 5 Іюня на Каменномъ островѣ. Митрополитъ старался его наставить, какъ и что съ Царемъ говорить и, взявъ древній образъ Спаса Нерукотвореннаго, благословилъ имъ Фотія «да дастъ Онъ ему смыслъ, вѣдѣніе и крѣпость, что совершить и творить во славу Божію». Князь также велѣлъ Фотію прежде Царскаго свиданія явиться къ нему и также далъ ему наставленіе, что говорить и дѣлать, будучи у Царя. Но Фотій примѣтилъ въ этомъ только опасеніе за себя со стороны князя. «Въ назначенный часъ для пріема, въ 7 часовъ вечера, идя по лѣстницамъ дворца, Фотій крестилъ во всѣ стороны дворецъ, проходы, помышляя, что тьмы здѣсь живутъ и дѣйствуютъ силъ вражіихъ». Разговоръ съ Государемъ былъ о дѣлахъ вѣры и церкви. Фотій хвалилъ ревность митрополита Серафима и любовь его къ святой церкви и говорилъ объ опасности, угрожающей церкви со стороны ея враговъ явныхъ и тайныхъ. «Когда послѣ того онъ увидѣлъ князя, не повѣдалъ ему ничего, что съ Царемъ тайное говорено было, ни Царь никогда не повѣдалъ князю, при всѣхъ его желаніяхъ испытать, сущность бывшей бесѣды». Съ этого времени Фотій началъ и самъ смотрѣть на себя какъ на избранника Божія, призваннаго искоренить зловѣріе и нечестіе въ Россіи.

Государь пожаловалъ ему 25 Іюня наперсный крестъ изъ Кабинета съ драгоцѣнными украшеніями; а митрополитъ Серафимъ перевелъ его, съ утвержденія Святѣйшаго Синода, 21 Августа, настоятелемъ въ первоклассный Юрьевскій монастырь [1]). На пути изъ С.-Петербурга въ Новгородъ, онъ принятъ былъ, по предварительному приглашенію, Императрицей Маріей Ѳеодоровной. «Въ разго-

[1]) Въ представленіи Св. Синоду, выставляя заслуги Фотія, м. Серафимъ писалъ, что «въ короткое время исправивши два монастыря, Деревяницкій и Сковородскій, важными починками, стоющими нѣсколькихъ тысячъ рублей, полученныхъ имъ не отъ казны, но единственно отъ доброхотныхъ дателей, онъ подаетъ несомнѣнную надежду въ исправленіи и Юрьева монастыря». (Дѣло Арх. Св. Син. 1822 г. № 793).

ворѣ коснулись до князя Голицына и прочихъ враговъ вѣры, сыновъ беззаконія» [1]).

Между тѣмъ князь Голицынъ включилъ себя въ число его духовныхъ учениковъ и наслаждался бесѣдою этого «Златоуста». Сверхъ устныхъ бесѣдъ, происходившихъ въ домѣ Орловой, онъ велъ съ Фотіемъ переписку и получаемыя отъ него письма или «посланія» собственноручно переписывалъ и посылалъ къ графинѣ [2]). «Хотя мнѣ всякое писаніе его пріятно, писалъ онъ графинѣ, но въ перепискѣ моей съ нимъ заключается пища духовная, которая дается въ мѣру и во время. Я и самъ къ нему пишу, когда сердце мое жаждетъ его бесѣды и признаюсь вамъ, что нерѣдко сіе случается» [3]). Оба они—князь и графиня, переименовавшіеся уже въ брата и сестру о Господѣ, почитали своего общаго духовнаго отца Фотія за великаго угодника Божія, а онъ изрекалъ имъ свои глаголы, какъ велѣнія Божіи. «Искусивъ о тебѣ вся, писалъ Фотій кн. Голицыну, я свыше отъ Господа извѣщенъ, что Господня десница коснулась твоей главы: и повелѣно было мнѣ на тебѣ руку возложить еще во второе посѣщеніе тебя въ твоемъ дому, и тотъ,

---

[1]) Русск. Арх. 1869 г. стр. 930—944. Императрица Марія Ѳеодоровна, повидимому, не имѣла личнаго нерасположенія къ кн. Голицыну, но она не любила мистицизма во всѣхъ его видахъ и, завѣдуя многими, преимущественно женскими, учебными заведеніями, боялась вреднаго вліянія его на воспитаніе. Въ запискахъ Ю. И. Бартенева есть разсказъ объ этомъ самого князя А. Н. Голицына. «У насъ въ Россіи, говорилъ онъ, вмѣсто того, чтобы преслѣдовать и уловлять обрѣдѣлую истину, которая какъ феноменъ проявляется и исчезаетъ, тушатъ ее. Боятся подходить къ ней близко, видятъ даже въ томъ какой-то соблазнъ, потому только, что эта истина не въ одной рамкѣ съ избитыми нашими понятіями о натурѣ духа человѣческаго. Къ удивленію даже люди, исполненные практическаго христіанства, со всею доброю ихъ волею пугаются таковыхъ событій, уклоняются отъ оныхъ, всячески заслоняютъ развитіе ихъ и обслѣдованіе и сжимаютъ ихъ, такъ сказать, въ самомъ зародышѣ. Вотъ недалеко сказать, сама блаженной памяти Императрица Марія Ѳеолоровна, за практическое христіанство которой я могу торжественно поручиться, ибо сердце ея мнѣ было совершенно извѣстно, не была изъята подобныхъ опасеній. Слово мистицизмъ было синонимомъ зловѣщаго для нея слова; она опасалась и боялась всего, что не подходило къ обыкновенной жизни, къ видимой формальности». Далѣе князь разсказываетъ въ подтвержденіе этого нѣсколько случаевъ бывшихъ съ воспитанницами въ женскихъ институтахъ. Рус. Арх. 1886. III стр. 155.

[2]) Между бумагами Фотія сохранились четыре посланія его къ князю въ отвѣтъ на его письма: 1) отъ 15 Іюня 1822 г. «о духовномъ мирѣ свыше ниспосылаемомъ»; 2) отъ 24 Сентября «о премудрости Божіей, вѣрѣ, надеждѣ и любви и о пожарѣ въ Юрьевѣ монастырѣ»; 3) отъ 16 Ноября «о неизбѣжной смерти всѣхъ вообще» и 4) отъ 26 Ноября, «о смерти—пути къ вѣчности».

[3]) 11-ть писемъ кн. А. Н. Голицына къ графинѣ А. А. Орловой-Чесменской въ 1822—1823 г. г. помѣщены въ Русск. Арх. 1869 г. стр. 943 и слѣд.; два письма къ Фотію, 1822 г., въ Чтеніяхъ въ Общ. Ист. 1868, III, смѣсь, стр. 237.

кто мнѣ повѣдалъ, сказалъ, бысть свыше увѣреніе не возлагать скоро руки на тебя безъ искушенія тебя; и егда позналъ той человѣкъ, яко Господь къ тебѣ приблизился, посла того человѣка и благословляя благословилъ тебя и руку возложилъ едину точію десную на главу твою, моляся о тебѣ: ибо ты кротокъ и добръ по сердцу, а посему врагъ и супостатъ яко тать татски окрадалъ тебя много, и нѣкогда, уже года четыре, какъ уже случилось, было человѣку о тебѣ извѣщеніе свыше въ семъ разумѣ. Все измѣнилось, ты живъ, ты съ Богомъ, тебѣ завѣса тайная раздирается и ты входишь въ свѣтъ Божій». Фотій, очевидно, уже вошелъ въ свою роль, имѣлъ видѣнія, получалъ откровенія и повелѣнія и изрекалъ суды Божіи людямъ.

Въ Августѣ 1822 г. Государь отправился на конгрессъ въ Верону; но, передъ отъѣздомъ, рескриптомъ на имя Кочубея отъ 1 Августа, повелѣлъ: «всѣ тайныя общества, подъ какимъ бы наименованіемъ они не существовали, какъ то масонскихъ ложъ или другими, закрыть и учрежденія ихъ впредь не дозволять, а всѣхъ членовъ сихъ обществъ обязать подписками, что они впредь ни подъ какимъ видомъ, ни масонскимъ, ни другихъ тайныхъ обществъ, ни внутри Имперіи, ни внѣ ея, составлять не будутъ». Когда въ собраніи конференціи академіи художествъ отбираемы были такія подписки отъ чиновниковъ академіи, Лабзинъ, давши такую подписку, сказалъ: «что тутъ хорошаго? Сегодня запретили ложи, а завтра принудятъ въ оныя ходить. Ложи вреда не дѣлали; а тайныя общества и безъ ложъ есть,—вотъ у Кошелева тайные съѣзды и князь Голицынъ туда ѣздитъ. Чортъ ихъ знаетъ, что они тамъ дѣлаютъ». Но одно изъ слѣдующихъ послѣ этого собраній конференціи, именно 13 Сентября, было роковымъ для Лабзина. «Когда президентъ А. Н. Оленинъ предложилъ избрать въ почетные члены академіи графовъ Кочубея, Аракчеева и Гурьева, Лабзинъ отозвался, что этихъ людей онъ не знаетъ и о достоинствахъ ихъ не слыхалъ. Когда ему объясняли собравшіеся члены, что они на основаніи положенія выбираютъ этихъ лицъ, какъ знатнѣйшихъ, и что лица эти близки къ Особѣ Государя Императора, то вице-президентъ Лабзинъ отозвался, что ежели тѣ Особы выбираются потому, что они близки къ Особѣ Государя Императора, то онъ, съ своей стороны, какъ вице-президентъ, предлагаетъ кучера Илью, который гораздо ближе къ Особѣ Государя Императора, нежели на-

званныя лица». По доведеніи объ этомъ до свѣдѣнія Государя, Лабзинъ былъ уволенъ отъ службы и сосланъ въ г. Сенгилей, Симбирской губерніи [1]).

Лабзинъ приписывалъ постигшее его преслѣдованіе графу Кочубею и, главнымъ образомъ, кн. Голицыну, котораго считалъ своимъ недоброжелателемъ за прекращеніе «Сіонскаго Вѣстника» въ первое время его изданія и за подчиненіе его духовной цензурѣ во второй періодъ его изданія. «Назвавъ меня въ грамотѣ на Владимірскій орденъ почти просвѣтителемъ Россіи, писалъ онъ къ князю Голицыну уже изъ ссылки, и раздража тѣмъ всѣхъ бородачей, послѣ выдать имъ меня на съѣденіе, не подкрѣпивъ ни чѣмъ, кому придетъ охота съ ними грызться». Лабзинъ указываетъ этимъ на то, что подчиненіе его журнала духовной цензурѣ равносильно было запрещенію изданія, которое онъ и прекратилъ. Но князь Голицынъ указывалъ ему на другія причины паденія его журнала. «Вспомните, что вы начали писать масонскія пьесы. Потрясеніе наружной церкви, чудеса, кои не имѣли той вѣрности, какая нужна въ подобныхъ случаяхъ и накопецъ противоборство цензурѣ (дошло) до того, что я принужденъ былъ прекратить соблазнъ, который происходилъ, и избавиться упреку, что я покровительствую тому, что церковь должна бы останавливать» [2]). Эти объясненія князя въ защиту наружной церкви весьма характерны для того времени.

Е. Ф. Татаринова, еще въ 1821 году, выселена была изъ Михайловскаго замка, а въ 1822 г., въ послѣдствіе Высочайшаго указа отъ 1 Августа, обязалась подпиской, что не будетъ имѣть тайныхъ собраній. Но, какъ говорятъ, отъ себя не уйдешь. Сначала она перешла въ наемное помѣщеніе и продолжала свои собранія, а потомъ, послѣ подписки, купила съ помощію своихъ почитателей три дачи за Московской заставой, на Царскосельской дорогѣ, гдѣ и устроила родъ монастырскаго общежитія для своихъ послѣдователей. Здѣсь общество ея увеличилось нѣсколькими новыми лицами, въ числѣ которыхъ особенно замѣчателенъ своею сильною привязанностію къ Татариновой Е. А. Головинъ, бывшій въ то время командиромъ Егерскаго полка, а впослѣдствіи главно-

[1]) «Дѣло А. Ѳ. Лабзина» въ Рус. Стар. 1885 г. IV, стр. 381.
[2]) Рус. Арх. 1892 г. кн. 12 стр. 384.

командующимъ въ Грузіи, генералъ-губернаторомъ Рижскимъ и, наконецъ, членомъ Государственнаго Совѣта [1]).

Молитвенныя собранія у Екатерины Филипповны, соединенныя съ радѣніемъ и пророчествами, продолжались по прежнему. «Воскресенье,—записалъ въ своемъ дневникѣ объ одномъ изъ этихъ собраній Боровиковскій. Увидѣлся со всѣми, въ свободѣ. Продолжалъ пѣть и то и се. Мартынъ Степановичъ сказалъ, что Петръ Филипповичъ пророкъ. Продолжали пѣть; и открылось пророчество Евгенія Александровича и потомъ общее: «Плачу и рыдаю». Сказали, что я могу пѣть. Такъ и принужденъ пѣть. Сначала кое-какъ, а потомъ робѣть, и больше, и кое-какъ допѣлъ; а никто не помогъ. Е. Ф. сказала: «на послѣднее мѣсто садился бы». Такъ и сѣлъ и робѣлъ, и еще пѣлъ: Іисусе мой, прелюбезный сердцу, сладость. И потомъ началъ Петръ Филипповичъ въ первый разъ пророчествовать всѣмъ и мнѣ, и «царско сердце обовью», и все любовь и милосердіе. И потомъ Е. Ф. еще и мнѣ премилосердное пророкла: при прощаньи показала любовь: «крылушки скоро привью, буду летать» [2]).

Въ Августѣ 1822 г. возвратился въ С.-Петербургъ Московскій архіепископъ *Филаретъ*, но уже нашелъ во всемъ большую перемѣну. Первенствующій членъ Святѣйшаго Синода (митрополитъ Серафимъ и министръ духовныхъ дѣлъ (министръ надъ Синодомъ) находились въ открытой непріязни. Всѣмъ извѣстно было недавнее свиданіе Фотія съ Государемъ и хотя разговоръ ихъ оставался тайною, но образъ мыслей Фотія, какъ и дѣйствія его, всѣмъ были извѣстны. Закрытіе масонскихъ ложъ и тайныхъ обществъ также

---

[1]) Объ обстоятельствахъ, сблизившихъ Головина съ Татариновою и о силѣ вліянія ея на Головина—разсказъ князя А. Н. Голицына въ запискахъ Ю. Бартенева (Рус. Арх. 1886, т. III. стр. 150).

[2]) Такъ какъ ничего ни политическаго, ни безнравственнаго въ собраніяхъ Татариновой не было, то правительство смотрѣло на нихъ сквозь пальцы. Но когда открылось, что одинъ изъ фанатическихъ послѣдователей ея, В. М. Поповъ, побоями и истязаніями принуждаетъ своихъ дочерей къ участію въ ея радѣніяхъ, то духовный союзъ ея былъ уничтоженъ и сообщники ея были разосланы по разнымъ монастырямъ. Сама Е. Ф. выслана была въ 1837 г. изъ Петербурга и помѣщена въ Калязинскій монастырь Тверской губ. Въ 1843 г. ей разрѣшено было жить въ Москвѣ съ воспрещеніемъ выѣзда въ С.-Петербургъ. Тамъ она и скончалась 12 Іюня 1856 г. (Ю. В. Толстаго: О духовномъ союзѣ Татариновой. «XIX вѣкъ». М. 1872 г. Тамъ же записная книжка Боровиковскаго и біографія Е. А. Головина. Ср. Анти-Фотій, *Кульчинка*, въ Рус. Арх. 1874 г. т. I стр. 589 и Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. 1868 г. кн. 4).

было знаменіемъ времени, примѣтнымъ даже и для небольшой проницательности. Наконецъ и ссылка Лабзина,—оракула мистики, показывала, что время ея проходитъ. Митрополитъ Серафимъ встрѣтилъ Филарета холодно и направилъ его на практическое дѣло, поручивъ ему составленіе катихизиса. Филаретъ исполнилъ это порученіе съ полнымъ послушаніемъ и вниманіемъ ко всѣмъ замѣчаніямъ Серафима. Это нѣсколько уравновѣсило отношенія его къ первенствующему іерарху. Катихизисъ положено было поднесть къ утвержденію Государя. «Обозрѣвая—сказано было въ опредѣленіи Святѣйшаго Синода по этому предмету изданныя въ разныя времена и подъ разными наименованіями книги, содержащія въ себѣ катихизическое ученіе православныя греко-россійскія церкви, Святѣйшій Синодъ усмотрѣлъ, что въ нихъ не имѣется единообразія, полноты, ясности и простоты, которыя бы служили истиннымъ руководствомъ къ прямому познанію христіанскаго ученія, изложеннаго въ Священномъ Писаніи; и потому, признавая необходимо нужнымъ издать вновь катихизическое ученіе, расположенное по приличнѣйшей системѣ, слогомъ чистымъ, яснымъ и вразумительнымъ, предоставлялъ составленіе таковаго катихизиса попеченію члена своего, преосвященнаго Михаила, митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго, а, по кончинѣ его, Синодальному же члену, преосвященному Филарету, архіепископу Московскому; и вслѣдствіе того онъ, преосвященный, по совершеніи сего сочиненія, предложилъ оное Святѣйшему Синоду подъ названіемъ: «православный христіанскій катихизисъ». По внимательномъ разсмотрѣніи его, Святѣйшій Синодъ постановилъ издать оный и впредь издавать для всеобщаго обученія по оному православнаго греко-россійскаго юношества въ духовныхъ и прочихъ училищахъ. Но, какъ пространный катихизисъ изданъ въ царствованіе покойной Государыни Императрицы Екатерины Второй, при учрежденіи народныхъ училищъ Россійской Имперіи, то составленный нынѣ вновь катихизисъ поднесть въ рукописи предварительно Государю Императору на Высочайшее Его Величества усмотрѣніе и испрошеніе соизволенія на изданіе онаго въ печать». 20 Мая Государь соизволилъ на напечатаніе катихизиса, но съ тѣмъ, чтобы первое изданіе было напечатано церковными буквами [1]).

---

[1]) Дѣло К. Об. Пр. 1823 г. № 9320.

Но въ воздухѣ, въ политической атмосферѣ, носилось что-то тяжелое. «Трудно изобразить—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Вигель — состояніе, въ которомъ находился Петербургъ весною 1823 г. Онъ былъ подернутъ какимъ-то нравственнымъ туманомъ; мрачные взоры Александра, болѣе печальные, чѣмъ суровые, отражались на его жителяхъ и это вліяніе проникало даже до людей, подобно мнѣ, малозначительныхъ. Говорили многіе: «чего ему надобно? Онъ стоитъ на высотѣ могущества. Всякій объяснялъ по своему причину его неутѣшной грусти».

Причинъ этихъ, конечно, было много и тяжесть ихъ не только сообщала душѣ Александра печальное настроеніе, но наклоняла ее къ мыслямъ о близости неизбѣжнаго конца всѣхъ тревогъ и волненій. Въ этомъ настроеніи, онъ поручилъ митрополиту Филарету, въ великой тайнѣ, составить проэктъ манифеста о наслѣдованіи престола послѣ кончины его (Александра). Послѣ исполненія этого порученія, митрополитъ Филаретъ, въ началѣ Августа, отбылъ въ Москву, въ испрошенный двухгодичный отпускъ изъ Синода, а съ прибытіемъ туда же, въ концѣ Августа, Государя, исполнилъ другую часть порученія относительно того же акта—положенія его на храненіе до времени въ Успенскомъ соборѣ, вмѣстѣ съ прочими царственными актами.

Въ это время Филаретъ едва ли могъ думать о близкомъ паденіи Голицына; но, что понималъ весьма ясно опасность своего положенія, это больше чѣмъ вѣроятно. Расположенный къ нему, Ярославскій архіепископъ Симеонъ, писалъ къ Владимірскому епископу Нарооніо 4 Іюня, «о Московскомъ непріятно говорятъ. Эти слухи, конечно, доходятъ и до него». Конечно это и побудило его стушеваться на время. Онъ и выпросилъ себѣ продолжительный отпускъ изъ Синода, на два года. «Московскій—писалъ тотъ же архіепископъ Симеонъ,—ѣдетъ на два года, а мнѣ сказывалъ князь Голицынъ, бывшій здѣшній (Ярославскій) губернаторъ, недавно изъ С.-Петербурга, что и долѣе пробудетъ. Мода съ него спала, какъ говорятъ».

Въ Синодъ на мѣсто его вызванъ былъ Кишиневскій архіепископъ, Димитрій Сулима [1]). Еще прежде, въ Февралѣ 1823 г.,

[1]) *Димитрій Сулима*, род. изъ Новой Водолаги; по окончаніи курса въ Харьковскомъ коллегіумѣ—учитель, потомъ священникъ, съ 1806 г. протоіерей морскаго вѣдомства въ Николаевѣ; по вступленіи въ монашество, съ 1811 г., викарный у Кишиневскаго митрополита Гавріила, съ 1821 г. преемникъ его. † 1843 г.

пожалованъ былъ въ члены Синода Тверской архіепископъ, Іона Павинскій [1]). Выборъ и вызовъ этихъ лицъ объясняли въ то время сочувствіемъ ихъ направленію князя Голицына [2]).

Князь Голицынъ продолжалъ услаждаться проповѣдями нѣмецкихъ проповѣдниковъ и мистическими сочиненіями. Модный нѣмецкій проповѣдникъ, пасторъ Госперъ, не довольствуясь проповѣдями, издалъ въ 1824 г., въ С.-Петербургѣ книгу: Geist des Lebens und der Lehre Iesu Christi in Betrachtungen und Bemerkungen über das ganze neue Testament. Erster Band. Mathäus und Marcus. Генералъ Брискорнъ началъ, а директоръ департамента народнаго просвѣщенія и секретарь Библейскаго Общества, В. М. Поповъ, окончилъ переводъ этой книги на русскій языкъ, исправивъ и часть перевода Брискорна. Переводъ подъ заглавіемъ: «о Евангеліи отъ Матѳея» печатался въ типографіи Греча.

На этой то книгѣ и завязался узелъ интриги противъ Голицына.

Лица, дѣйствовавшія противъ Голицына, сплотились уже въ тѣсный союзъ, во главѣ котораго стояли: митрополитъ Серафимъ, Аракчеевъ и Фотій. Когда и какъ они успѣли сплотиться и кто былъ объединяющимъ центромъ и главнымъ направителемъ борьбы—Серафимъ, Аракчеевъ или Фотій, на эти вопросы трудно отвѣтить, по недостатку свѣдѣній. Могло быть, что Аракчеевъ, узнавъ объ аудіенціи Фотія у Государя и зная подозрительный нравъ Государя, захотѣлъ склонить Фотія на свою сторону, а затѣмъ соединился съ его цѣлями и собственную освободиться отъ соперника и властвовать одному въ довѣріи и совѣтѣ Государя. Къ нимъ примкнулъ переметчикъ Магницкій, предательски перебѣжавшій отъ князя Голицына къ Аракчееву. Собственно эти четыре лица и составляли союзъ, дѣйствовавшій противъ Голицына. Но къ нимъ

---

[1]) *Іона Павинскій*, по окончаніи курса въ Невской семинаріи, священникъ въ Спб., потомъ въ Копенгагенѣ, съ 1811 г. духовникъ В. К. Екатерины Павловны; въ 1813 г. постриженъ въ монашество; съ 1817 г. епископъ Орловскій, съ 1821 Тверской.

[2]) «Извѣстно—писалъ впослѣдствіи (въ 1824 г.) А. С. Шишковъ въ докладной запискѣ Государю, что они оба были избраны по совѣту архим. Ософила того самаго, который нынѣ удаленъ изъ Одесскаго лицея и противъ котораго весь тамошній край вопіетъ». Чтен. въ Общ. Ист. и Древн. Росс. 1868 г., 3, стр. 66. Подробности о Ософилѣ въ Исторіи перевода Библіи на русскій языкъ И. Чистовича, ч. I, стр. 109—114. Спб. 1873 г.

присоединился, въ качествѣ служебнаго и исполнительнаго споспѣшника, чиновникъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Святѣйшемъ Синодѣ камергеръ *А. Павловъ*.

Павловъ женатъ былъ на сестрѣ главнокомандующаго въ Грузіи А. П. Ермолова, но, повидимому, не имѣлъ успѣха на томъ поприщѣ, на которомъ отличался и такъ высокъ былъ Ермоловъ. Съ 1799 г. онъ служилъ въ Конномъ полку, но въ 1803 г. уволенъ съ чиномъ штабъ-ротмистра; въ 1813 г. снова поступилъ въ тотъ же полкъ и вслѣдъ затѣмъ перешелъ въ Уланскій, но въ 1817 г. опять уволенъ отъ службы. Въ 1821 г. опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій въ Министерство внутреннихъ дѣлъ и въ томъ же году пожалованъ камеръ-юнкеромъ, но вскорѣ оставилъ и эту службу. Наконецъ, онъ нашелъ свое настоящее призваніе и въ Ноябрѣ 1823 г. заявилъ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода князю Мещерскому объ «одушевляющей его теплой вѣрѣ» и объ искреннемъ желаніи его «посвятить себя на службу по вѣдомству министра духовныхъ дѣлъ, гдѣ бы государственная служба соединена была съ чистѣйшею приверженностію къ церкви». Кто-то сказалъ ему, что въ Синодѣ есть должность, соотвѣтствующая его положенію и характеру, именно чиновника за оберъ-прокурорскимъ столомъ, которую занималъ при Екатеринѣ Потемкинъ и которая съ тѣхъ поръ остается вакантною. Князь Мещерскій долго колебался принять его на эту должность, но наконецъ согласился и 29 Декабря 1823 г., по докладу князя Голицына, состоялось Высочайшее повелѣніе объ опредѣленіи Павлова за оберъ-прокурорскій столъ въ Синодѣ съ жалованьемъ по 1500 рублей въ годъ [1]). По склонности или по разсчету, Павловъ сталъ на сторону партіи, враждебной Голицыну: заискивалъ въ митрополитѣ Серафимѣ и вошелъ въ сношенія съ Фотіемъ; сообщалъ ему секретно свѣдѣнія о Библейскомъ Обществѣ и «неопустительно надзиралъ за Госнеромъ» въ роли полицейскаго сыщика, «къ чему, по словамъ Фотія, имѣлъ способность».

Въ Февралѣ 1824 г. Фотій вызванъ былъ въ Петербургъ: это время можно считать началомъ рѣшительной борьбы противъ князя Голицына. Началось съ того, что Магницкій досталъ изъ типографіи Греча листы печатавшагося перевода книги

[1]) Дѣло Арх. Св. Синода 1823 г. № 2674.

Госнера [1]) и сообщилъ ихъ митрополиту Серафиму. Митрополитъ поручилъ своему викарію, Григорію, ректору академіи, составить обличеніе на Госнера, но тотъ, по совѣту Филарета, отказался. Тогда обличеніе или «апологію» (церкви) изготовилъ самъ Серафимъ; а Фотій написалъ «обличительную апологію» на книгу: «Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова».

12 Апрѣля, въ субботу пасхальной недѣли, Фотій вручилъ (вѣроятно Аракчееву) два посланія къ государю для доставленія въ собственныя руки. Въ первомъ изъ этихъ посланій Фотій писалъ: «Отъ юности моя старался я работать Господу Богу и хранить святыя Его заповѣди. Мудрости философской, ораторской и науки человѣческой старался я научиться, дабы всячески Богу и царю вѣрою и правдою служить, но яко суету и къ спасенію не полезную, оную мудрость вовсе презрѣвъ, я искалъ премудрости Божіей и началомъ Ея полагалъ страхъ Божій, поучался въ законѣ Божіемъ день и нощь: книги святыхъ отецъ и учителей церкви внимательно читалъ и по нимъ всячески старался жить, все то исполняя словомъ и дѣломъ, чего требуетъ отъ меня Богъ, какъ отъ христіанина, монаха и священника, служителя церкви по закону, по совѣсти и по присягѣ, восемь лѣтъ постяся и молясь и всячески угождая Господу моему, я презрѣлъ страхъ людей, клеветы и поруганія, имѣлъ въ виду данную мною присягу служить Богу и царю вѣрою и правдою и въ оные годы сражался я съ тайными обществами, съ отступниками, еретиками и карбонаріями, Господу помогающему мнѣ всегда я ихъ одолѣвалъ тьмы, хотя тебѣ можетъ быть и непзвѣстно, но какъ я много жертвъ отъ нихъ отнялъ, умыслы ихъ знаю и ничѣмъ ихъ не прельщаюся: то Господь меня безоружнаго и меньшаго, паче всѣхъ, далъ имъ въ страхъ великъ; всячески они старалися и стараются, какъ бы меня единаго погубити. Враги сіи царя и церкви только сѣти мнѣ ставили оныя: клеветы, хулы и насмѣшки мнѣ дѣлали и тѣмъ иногда начальству въ худомъ видѣ меня выставляли. По милости Божіей,

[1]) «Предательство Магницкаго говоритъ Панаевъ въ своихъ Воспоминаніяхъ— объяснить не трудно. Онъ постигалъ постепенно возрастающую силу Аракчеева, зналъ, что ему хотѣлось ниспровергнуть Голицына, видѣлъ, что мѣста графа Гурьева и князя Волконскаго замѣнены людьми хотя даровитыми, но незначительными по происхожденію, по чинамъ, по занимаемымъ предъ тѣмъ должностямъ и могъ надѣяться, что Аракчеевъ за оказанную услугу возведетъ его въ званіе министра. Вѣстн. Евр. 1867 г. IV, стр. 84.

это я не считаю за болѣзнь никогда: и какъ знаю, многія ихъ тайныя злодѣйства, подъ видомъ набожности и добра дѣлаются, то молился Господу, дабы Онъ меня сдѣлалъ орудіемъ въ сіи смутныя времена на пользу церкви, царю и отечеству. Вотъ я по жребію пріѣхалъ въ С.-Петербургъ и узналъ многіе замыслы тайные, сдѣланные въ теченіе года и 6-ти мѣсяцевъ, которые я жилъ въ монастырѣ: еще заранѣе въ теченіи 6-ти мѣсяцевъ я старался до твоего свѣдѣнія довести многія тайны, но не нашелъ человѣка, который бы служилъ вѣрѣ и правдѣ изъ знакомыхъ мнѣ и къ Тебѣ приближенныхъ: одни были сами замѣшаны во всемъ и первые еще, а другіе были страшливы изъ мірскихъ видовъ. Пребывая въ семъ градѣ полтора мѣсяца, я вслѣдъ тайно за Госперомъ назпралъ и узналъ, что онъ для пріуготовленія *къ революціи* умы вызвалъ учить и всячески такъ огражденъ, что никто не смѣетъ его и коснуться: онъ вызванъ потому, что изъ нашего духовенства правовѣрнаго никого не нашлось способнаго къ умысламъ. Вдругъ не могъ и я противуставъ *открыть* умыслы всѣхъ въ томъ. И довести непрестанно просилъ князя Голицына до свѣдѣнія твоего, но тщетно; наконецъ какъ плакалъ о *грядущей опасности* церкви и отечеству, просилъ Бога, чтобы Онъ Самъ все сіе, какъ вѣдаетъ, устроилъ, открылъ и до твоего свѣдѣнія довелъ путями необыкновенными, то вотъ что въ слѣдствіе того случилось. Сего 1824 года, Марта на 30 число, на Вербное воскресенье, было мнѣ видѣніе отъ Бога послано: предсталъ мнѣ Ангелъ Божій во время дреманія моего: разгнулъ книгу имѣя въ рукахъ предо мною: и былъ гласъ свыше: *зри и разумѣй.* Въ сей книгѣ нигдѣ, ни сверху ни снизу, ничего не было написано, а по срединѣ токмо по обѣимъ страницамъ въ одну черту были сіи слова: *сія книга составлена для революціи и теперь напряженіе ея революція.* Я же, желая знать что это за книга — и узналъ въ видѣніи, что она есть книга *Воззваніе къ человѣкомъ о послѣдованіи внутреннему влеченію Духа Христова.* И повелѣно мнѣ было; дабы я не умолчалъ, а открылъ все сіе, кому слѣдуетъ, прямо. Сверхъ чего я имѣю тебѣ *многія тайны* открыть. Богъ любитъ церковь нашу, царя и народъ; и потому заранѣе посылаетъ меня тебѣ открыть и, можетъ быть, какъ духъ мнѣ говоритъ, за *четыре года* ранѣе все открываю: можно весь *планъ* разрушить *революціи:* что же дѣлать, мнѣ все открыто — все сіе вѣдая тайно содержи, какъ будто ничего не вѣдая. Графъ Аракчеевъ все можетъ

сдѣлать; онъ вѣренъ; объ немъ мнѣ открыто тогда, какъ я тебя видѣлъ въ видѣніи; а если не возьмешь мѣръ, все узнавъ отъ меня на бумагѣ и отъ устъ моихъ, то такой *планъ* сдѣланъ, что можетъ быть чрезъ четыре года и выполнится, если созрѣетъ все къ тому. Чтобы вдругъ весь планъ разрушить, то *двухъ* человѣкъ отъ должности удали: одного отъ себя, а другаго отъ службы. Знай, о великій Царь, что Господь все мнѣ открывалъ прежде и все впредь заранѣе откроетъ: никакой бѣды не будетъ, если Ты послушаешь Господа, чрезъ меня Тебѣ глаголющаго: Богъ мнѣ сіе открылъ, яко служителю своему вѣрному, а я Тебѣ открываю, по данной мною присягѣ, яко рабъ вѣрный Бога моего. У насъ единая святая правая вѣра, а потому Богъ и открываетъ намъ, а не другимъ. Знай, о Божій слуга, Царь мой христолюбивый! Я ничего не убоюся служить вѣрою и правдою, я знаю, кто мой *помощникъ и покровитель: съ нами Богъ! Сей мой Богъ и прославлю Его, Богъ Отца моего и вознесу Его: славно бо прославися* въ насъ и въ нашемъ царствѣ въ 1812 году. Послушай того Господа, о Царь! Ты Его знаешь и Его намѣстникъ на земли. Я Тебѣ служу вѣрно, яко Богу. Онъ въ лицѣ Тебя царствуетъ. Знай, что я за вѣру, за церковь, за Тебя Царя и отечество смерти я не боюсь. Смерти мнѣ не будетъ, а будетъ одинъ переходъ къ Царю моему Богу въ небесныя обители. Служить царю вѣрою есть первое дѣло Божіе—нашея вѣры; я ближняго долженъ любить по Евангелію, но Царь первый и большій всѣхъ ближнихъ моихъ, ближній отецъ мой и всѣхъ защитникъ. О любимѣйшій мой о Господѣ и кроткій Царь! Ежели Ты услышишь отъ кого на меня худое, какъ то клеветы и праздныхъ людей пустыя слова, не вѣруй. Всякими мѣрами діаволъ научаетъ людей меня оклеветать, дабы Богъ чрезъ меня не разрушилъ планъ враговъ. Буди въ мирѣ, радуйся о Христѣ. Господь съ Тобою. Господь сокрушитъ враговъ и сломитъ ихъ оружіе и щиты ихъ сожжетъ огнемъ. Господи, силою Твоею, возвеселится Царь и о спасеніи Твоемъ возрадуется зѣло». Подпись: «Рабъ Бога и Господа Іисуса Христа и Духа Свята служитель святой церкви вѣрноподданный Царю и послѣднѣйшій».

Въ одно время съ этимъ посланіемъ передано Государю другое о томъ, что «въ наше время о многихъ книгахъ сказуется и многими обществами и частными людьми возвѣщается о какой то *новой религіи*, якобы предуставленной для послѣднихъ временъ.

Сія новая религія, проповѣдуемая въ разныхъ видахъ, то подъ видомъ новаго свѣта, то новаго ученія, то пришествія Христа въ Духѣ, то соединенія церквей, то подъ видомъ какого то обновленія и акибы Христова тысячелѣтняго царствованія, то внушаемая подъ видомъ какой-то новой истины, есть отступленіе отъ вѣры Божіей, Апостольской, отеческой, православной. Эта новая религія есть вѣра въ грядущаго антихриста, двигающая революціею, жаждущая кровопролитія, исполненная духа сатанина. Ложные пророки ея и апостолы—Юнгъ-Штиллингъ, Эккартсгаузенъ, Гіонъ, Бемъ, Лабзинъ Госнеръ, Фесслеръ, методисты, Гернгутеры». Посланіе оказывается воззваніемъ къ Царю: «Да воскреснетъ Богъ и десницею Твоею и духомъ на Тебѣ сущимъ да расточатся враги Бога отцовъ нашихъ и да исчезнутъ со всѣми ложными ученіями отъ лица земли нашея». Посланія приняты были Государемъ благосклонно. Первый приступъ къ выполненію задуманнаго плана оказался удачнымъ.

Ставшій въ центрѣ этого дѣйствія, Аракчеевъ привелъ въ движеніе другія струны. Мы упомянули выше о переводѣ книги Госнера. О вредномъ направленіи этой книги доведено было до свѣдѣнія Государя. Изъ сопоставленія различныхъ свѣдѣній по сему предмету можно полагать, что переводъ этой книги и былъ ближайшимъ поводомъ къ испрошенію митрополитомъ Серафимомъ аудіенціи у Государя, которую онъ и имѣлъ 17 Апрѣля (въ четвергъ наѲоминой недѣлѣ) [1]). Послѣдствіемъ этой аудіенціи было то, что Государь приказалъ С.-Петербургскому военному губернатору представить ему книгу Госнера и когда она была представлена передалъ въ Комитетъ Министровъ, а Комитетъ поручилъ разсмотрѣніе ея президенту Академіи Наукъ, А. С. Шишкову и министру внутреннихъ дѣлъ, В. С. Ланскому.

Зналъ ли князь Голицынъ о переданномъ Государю посланіи Фотія и объ аудіенціи Серафима у Государя? Очень можетъ быть, что не зналъ, по крайней мѣрѣ, всего. 20 Апрѣля Фотій призванъ былъ во дворецъ съ повелѣніемъ «явиться съ секретнаго входа и тайною лѣстницею въ кабинетъ къ Государю, дабы сіе не было всѣмъ гласно». Государь «бесѣдовалъ съ Фотіемъ три часа отъ 6

---

[1]) А. С. Шишковъ писалъ въ 1826 г. въ докладѣ Государю: «Книгу Госнера перевели на русскій языкъ и уже почти всю напечатали, но *не знаю, какимъ образомъ доведено о семъ было до свѣдѣнія блаженной памяти Государя Императора.* Чтенія въ Общ. Ист. 1868, III стр. 113.

до 9 вечера и явился благъ и милостивъ къ Фотію, яко ангелъ Божій и съ миромъ остался Царь послѣ бесѣды».

23 Апрѣля кн. Голицынъ пожелалъ видѣться съ Фотіемъ и пришелъ къ нему. Фотій началъ говорить такъ: «Вотъ уже два почти года увѣщеваю тебя отстать отъ заблужденій. Умоляю тебя ради Господа, остановi ты книги, кои въ теченіи твоего министерства изданы противъ церкви, власти царской, противъ всякой святыни, и въ коихъ ясно возвѣщается революція или доложи ты Помазаннику Божію. Но онъ, князь Голицынъ, отвѣчалъ: что мнѣ теперь дѣлать? Всѣ университеты и учебныя заведенія сформированы уже для революціи». Я ему сказалъ: «ты, яко оберъ-прокуроръ, а теперь министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, могъ бы уже исправить». И сказалъ кн. Голицынъ: «не я, а Государь виноватъ, который такого же духа будучи, желалъ». Я же сказалъ кн. Голицыну: «но я тебя увѣряю, что можешь еще остановить». Но кн. Голицынъ сказалъ: «поздно уже остановить, все уже въ большой силѣ». Видя ложь и дерзость кн. Голицына, я удивился и пожалѣлъ о томъ, что два года напрасно употребилъ, обращая его отъ заблужденія и рѣшился болѣе не видѣться съ княземъ, яко врагомъ церкви и государства». 25-го Апрѣля князь Голицынъ пожелалъ еще видѣться съ Фотіемъ и пришелъ къ нему въ часъ пополудни [1]). «Фотій стоитъ у св. иконъ: горитъ свѣща, святыя тайны Христовы предстоятъ, Библія раскрыта (Іерем. XXIII гл.). Входитъ князь и образомъ яко звѣрь рысь является (Іерем. гл. V, ст. 6), протягиваетъ руку для благословенія. Но Фотій, ему не давая благословенія, говоритъ тако: въ книгѣ «Таинство креста» подъ твоимъ надзоромъ напечатано: духовенство есть звѣры, а я Фотій изъ числа духовенства есть іерей Божій, то благословить тебя не хощу, да тебѣ и не нужно оно. (Далъ ему прочитать Іерем. гл. XXIII). Но кн. Голицынъ не хотѣлъ и убѣжалъ, но Фотій въ слѣдъ отворенной двери закричалъ: если не покаешься, то попадешь въ адъ» [2]). Описавъ оба эти разговоры свои и посту-

---

[1]) Въ запискахъ Шишкова говорится, что это свиданіе Голицына съ Фотіемъ происходило въ домѣ графини Орловой, въ которомъ уже наперед все приготовлено было для описанной ниже встрѣчи кн. Голицына. (Чтен. 1868, 3 стр. 92).

[2]) «И эти безобразныя и отвратительныя сцены, говоритъ Д. Н. Свербеевъ, происходили въ высшей сферѣ Европейской столицы Россіи! Въ домѣ камеръ-фрейлины, графини Орловой-Чесменской, всѣми уважаемой и вполнѣ достойной общаго уваженія и по знаменитости рода, и по огромному богатству, и по личнымъ ея нравственнымъ и

покъ свой съ Голицынымъ, Фотій въ тотъ же день, 25 Апрѣля, послалъ (вѣроятно, чрезъ Аракчеева) описаніе это къ Государю.

Въ этотъ же самый день кн. Голицынъ получилъ подписанный Государемъ рескриптъ по дѣлу о книгѣ Госнера. Шишковъ и Лапской представили составленный первымъ изъ нихъ разборъ книги Госнера. По выслушаніи этого отзыва, Комитетъ Министровъ призналъ единогласно, что толкованія пастора Госнера, кромѣ того, что противны правиламъ всѣхъ исповѣданій христіанской религіи, оскорбительны для господствующей въ государствѣ нашемъ Греко-Россійской вѣры и содержатъ въ себѣ мнѣнія, клонящіяся къ разрушенію общественнаго благоустройства. Вслѣдствіе этого, книгу Госнера постановлено было предать сожженію [1]), а переводчиковъ, исправителей, издателей, цензора и типографщиковъ предать суду [2]). Сверхъ того Высочайшимъ рескриптомъ на имя министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія отъ 25 Апрѣля 1824 года повелѣно ему «отъ дозволившаго напечатать эту книгу на русскій языкъ цензора истребовать объясненіе, по какимъ причинамъ могъ онъ пропустить оную. Что же принадлежитъ—сказано далѣе въ

умственнымъ качествамъ, приглашается въ извѣстный часъ одинъ изъ первыхъ государственныхъ сановниковъ имперіи и сверхъ того одно изъ самыхъ близкихъ лицъ къ Государю. И что же тамъ происходитъ? Сдѣланное этою дамою приглашеніе министру духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія было guet—apens, западня, заранѣе обдуманное, приготовленное ему неслыханное поруганіе. Тамъ встрѣчаетъ его фанатикъ священно-инокъ Фотій, настоятель монастыря совсѣмъ другой епархіи, человѣкъ не только не имѣющій надъ нимъ никакой духовной власти, но скорѣе отъ него зависимый, и этотъ человѣкъ съ перваго слова требуетъ отъ министра клятвы или какой-то присяги предъ налоемъ съ крестомъ и Евангеліемъ въ томъ, что князь Голицынъ отрицается отъ книги мистическаго сочинителя Госнера и когда послѣдній, ошеломленный неслыханнымъ требованіемъ, съ большимъ смущеніемъ отъ него отказывался, тогда Фотій, провожая его по ряду комнатъ, предалъ его проклятію ни дать ни взять тѣми же пустозвонными словами, коими ругаются между собою на базарѣ какія нибудь торговки: будь ты анаѳема, проклятъ. Съ точки зрѣнія каноническаго права это есть ничто иное какъ кощунство; съ точки зрѣнія юридическаго ничто иное, какъ неслыханное оскорбленіе самодержавной власти и вмѣстѣ поруганіе ея органа». Рус. Арх. 1871 г. стр. 179.

[1]) Шишковъ говоритъ въ своихъ запискахъ, что книга Госнера «съ утвержденія Его Императорскаго Величества сожжена». (Записки Шишкова. Чтен. въ Общ. Ист. 1868, III, стр. 97). При сожженіи ея въ Невской Лаврѣ присутствовали губернаторъ Уваровъ и чиновникъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Св. Синодѣ, А. Павловъ. Одинъ экземпляръ, полуобожженный, Павловъ успѣлъ взять себѣ и сохранить. (Р. Арх. 1868 г. стр. 1368).

[2]) Суду преданы были переводчики и поправители директоръ департамента народнаго просвѣщенія Поповъ, бывшій профессоръ Казанскаго университета Яковкинъ, и чиновникъ Трескинскій, цензоры Бируковъ и фонъ Поль, и содержатели типографій П. П. Гречъ и Край. У послѣдняго печатался нѣмецкій оригиналъ, у Греча переводъ.

рескриптѣ—до пастора Госпера, то поелику послѣ всѣхъ сдѣланныхъ Комитетомъ Министровъ замѣчаній и послѣ обнаруженнаго имъ въ сочиненіи своемъ образа мыслей, не остается уже никакого сомнѣнія въ предосудительности поступковъ его и въ самой чистотѣ предлагаемыхъ имъ поученій, я призналъ необходимымъ, производившіяся доселѣ въ занимаемой имъ квартирѣ собранія для слушанія его проповѣдей воспретить, а самого его удалить изъ Россіи; для сего вмѣстѣ съ симъ повелѣлъ я министру внутреннихъ дѣлъ выпроводить Госпера заграницу на томъ же основаніи, какъ высланъ былъ изъ Одессы пасторъ Линдль, и съ такими же пособіями, какія оказаны были въ то время Линдлю». Наконецъ кн. Голицыну поручалось снестись съ митрополитомъ Серафимомъ о тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ должна быть установлена цензура сочиненій и переводовъ, издаваемыхъ на русскомъ языкѣ по предметамъ, до вѣры касающимся, и внесть общее ихъ заключеніе на разсмотрѣніе Комитета Министровъ [1]).

Дѣло пока этимъ ограничилось. Фотій и клевреты его распространяли всюду о проклятіи князя Голицына Фотіемъ. Изувѣры восхищались этою грубостію, считая ее за проявленіе ревности и мужества. Но Государь счелъ поступокъ Фотія прямо неприличнымъ, не христіанскимъ и несообразнымъ съ требованіями подчиненности, что и выразилъ ему, но уже послѣ, мѣсяца чрезъ полтора; а теперь оставилъ это его посланіе безъ всякаго отвѣта. Странно, конечно, что онъ отдавалъ своего любимца, одного изъ первыхъ сановниковъ Имперіи, безнаказанно, въ публичное поруганіе. Но въ этомъ процессѣ не оберешься странностей. Между тѣмъ, враговъ князя Голицына смущало, что, не смотря на самыя энергическія дѣйствія, дѣло ихъ подвигалось медленно. Нужно было усилить нападеніе, участить выстрѣлы и продолжать до тѣхъ поръ, пока крѣпость будетъ взята или совершенно разрушена; благо есть такой безстрашный застрѣльщикъ, какъ Фотій.—29 Апрѣля Аракчеевъ (полагаемъ, что онъ) вручилъ Государю новое посланіе Фотія съ изложеніемъ «плана разоренія Россіи и способа оный планъ вдругъ уничтожить тихо и счастливо». Въ первой изъ этихъ хартій онъ называетъ по именамъ враговъ Россіи и описываетъ способъ ихъ дѣй-

[1]) Подробности о процессѣ по дѣлу Госпера въ запискахъ А. С. Шишкова (Чтен. 1868, кн. 3) и П. П. Грева, участвовавшаго въ этомъ процессѣ отвѣтственнымъ лицомъ (Рус. Арх. 1868 г. стр. 1403).

ствій, начиная съ *Кошелева* и *князя Голицына, Рунича, Оболенскаго, Карпьева,* архимандрита *Ѳеофила, Тургенева, Попова* до *фонъ-Фока, Грена, Тимковскаго* и проч. «А духовенство, яко подневольное, изъ разныхъ причинъ затворило уста и никто правды сказать не смѣетъ, а кто препятствовалъ, тѣ уже въ гробахъ лежатъ по гоненію (М. Амвросій, Михаилъ, Иннокентій, архимандритъ Симеонъ и проч.)». Въ другой хартіи указывается способъ, какъ дѣйствовать и что предпринять, чтобы остановить революцію. «На вопросъ твой—*какъ пособить, дабы остановить революцію,* молился Господу Богу и вотъ что открыто, только дѣлать немедленно. Способъ весь планъ уничтожить вдругъ тихо и счастливо есть таковъ: 1) Министерство духовныхъ дѣлъ уничтожить, а другія два отнять отъ настоящей особы; 2) Библейское Общество уничтожить подъ тѣмъ предлогомъ, что уже много напечатано Библій и оно теперь не нужно; 3) Синоду быть по прежнему и духовенству надзирать при случаяхъ за просвѣщеніемъ, не бываетъ ли гдѣ чего противнаго власти и вѣрѣ; 4) Кошелева отдалить, Госнера выгнать, Феслера изгнать и методистовъ выгнать, хотя главныхъ. Провидѣніе Божіе теперь ничего болѣе дѣлать не открыло. Повелѣніе Божіе я возвѣстилъ: исполнить же въ Тебѣ состоитъ. Отъ 1812 года до сего 1824 г. ровно 12 лѣтъ Богъ побѣдилъ видимаго Наполеона, вторгшагося въ Россію. Да побѣдитъ онъ духовнаго Наполеона лицемъ твоимъ, коего можешь, Господу содѣйствующу, побѣдить въ *три* минуты чертою пера. А вся сила духовнаго Наполеона въ четырехъ пунктахъ состоитъ».

7 Мая Фотій отправилъ и еще новое посланіе къ Государю: «Дѣло Божіе всецѣло исправи». Съ посланіемъ вручепъ Его Величеству: «планъ революціи, обнародываемый тайно или тайна беззаконія, дѣемая тайнымъ обществомъ въ Россіи и вездѣ».

Наконецъ враги князя Голицына одержали побѣду. 15 Мая 1824 послѣдовалъ Высочайшій указъ Синоду: «Назначивъ особаго министра народнаго просвѣщенія, повелѣваемъ: дѣламъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, до назначенія министра духовныхъ дѣлъ, имѣть то же теченіе, въ какомъ они находились до учрежденія сего Министерства 24 Октября 1817 года». Оберъ-прокуроромъ остался занимавшій эту должность съ 1817 г. князь П. С. Мещерскій. Высочайшимъ указомъ Комитету Министровъ предписано было передать въ вѣдѣніе оберъ-прокурора «Первое Отдѣленіе Де-

партамента Духовныхъ Дѣлъ», съ присвоеніемъ ему наименованія «Отдѣленія духовныхъ дѣлъ Греко-Россійскаго исповѣданія при Оберъ-Прокурорѣ Святѣйшаго Синода». Изъ трехъ остальныхъ отдѣленій департамента образовано «Управленіе духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій», перешедшее въ завѣдываніе назначеннаго министромъ народнаго просвѣщенія, адмирала А. С. Шишкова.

17 Мая послѣдовалъ новый указъ Святѣйшаго Синода объ увольненіи князя Голицына отъ званія члена Коммиссіи Духовныхъ Училищъ. Высочайшій указъ сообщенъ былъ Коммиссіи въ копіи съ опредѣленія Святѣйшаго Синода и доложенъ 23 Мая. Князь Голицынъ уже не присутствовалъ въ этомъ засѣданіи; не было и Галахова, отозвавшагося болѣзнію. Вслѣдъ за тѣмъ, 29 Мая, князь Голицынъ объявилъ Коммиссіи Высочайшее повелѣніе, состоявшееся 16 Мая, объ увольненіи правителя дѣлъ Коммиссіи, Ястребцова, въ отпускъ, на годъ, съ выдачею впередъ годоваго жалованья и пенсіи его [1]), а 11-го Іюня, Высочайшимъ указомъ Синоду, уволенъ отъ должности члена Коммиссіи, по болѣзненному состоянію, д. с. с. Галаховъ.

Не довольствуясь полученной побѣдой, Аракчеевъ съ Фотіемъ добивались еще чего-то. Князь Голицынъ оставался при Государѣ и продолжалъ, на правахъ министра, завѣдывать почтовымъ вѣдомствомъ, котораго у него не отобрали. Многія лица, завиненныя Фотіемъ въ революціонныхъ дѣйствіяхъ, оставались на своихъ мѣстахъ. Наконецъ Библейское Общество не было закрыто.

14 Іюня Аракчеевъ устроилъ свиданіе Государя съ Фотіемъ, происходившее съ 7-ми до 9-ти часовъ вечера. Независимо отъ устной бесѣды, Фотій успѣлъ вручить Государю хартію «О дѣйствіяхъ тайныхъ обществъ въ Россіи чрезъ Библейское Общество». Дѣло спасателей Россіи становилось тверже, но Аракчеевъ все продолжалъ укрѣплять его еще болѣе, чтобы было тверже. 1 Августа онъ писалъ Фотію, что имѣлъ счастіе докладывать Государю «о нашихъ свиданіяхъ» и Его Императорскому Величеству пріятно было слышать объ усердіи его (Фотія) къ церкви Божіей и отечеству». При этомъ онъ извѣщалъ Фотія, что Его Величество позволяетъ ему пріѣзжать въ С.-Петербургъ, когда угодно будетъ, и въ

[1]) Пожизненная пенсія по 3600 р. въ годъ, изъ капиталовъ Коммиссіи, сверхъ жалованья, назначена была Ястребцову за содѣйствіе къ приведенію въ порядокъ бухгалтеріи, Высочайшимъ указомъ еще 8 Іюля 1820 г.

доказательство своего благоволенія, изъявилъ желаніе видѣть его у себя въ С.-Петербургѣ прежде своего отъѣзда въ воякъ. Аракчеевъ просилъ Фотія расположить свой пріѣздъ такъ, чтобы могъ быть у Государя между 3 и 10 числами Августа. Государь принялъ Фотія (во дворцѣ на Каменномъ Островѣ) 6-го Августа въ 8 часу вечера. Въ этотъ разъ Фотій вручилъ Государю два своихъ писанія, одно: «открытіе заговора подъ звѣринымъ апокалипсическимъ числомъ 666 и о вліяніи Англіи подъ тѣмъ предлогомъ на Россію» и другое «о революціи подъ именемъ тысячелѣтняго Христова царствія, готовимой къ 1836 году въ Россіи чрезъ вліяніе тайныхъ обществъ и англійскихъ методистовъ». На другой день, 7-го Августа, послалъ Государю новое свое писаніе подъ заглавіемъ: «Записка настоятельная, дабы взять рѣшительныя мѣры къ прекращенію революціи, готовимой въ тайнѣ». Въ этой запискѣ Фотій писалъ, что «непремѣнно и немедленно нужно нынѣ выслать изъ столицы нѣкоторыхъ навсегда: по прежнему плану поданному выполнить нужно, т. е. лицъ въ опомъ выставленныхъ, отъ своихъ мѣстъ нужно удалить, для того, что домогаются занять прежнія свои позиціи и выгоды, и будутъ всеусильно домогаться придти въ прежнее свое положеніе. Всѣ они весьма нынѣ ослабѣли, разсѣялись, но еще думаютъ, что авось либо не удастся ли укрѣпиться и собраться во едино. А посему по всѣмъ обстоятельствамъ нужно теперь нѣчто рѣшительное додѣлать». Отбытіе Государя, 16 Августа изъ Петербурга въ воякъ остановило на время фанатическіе порывы Фотія; но въ Декабрѣ онъ подалъ ему, чрезъ Аракчеева, записку объ открытіи новой секты въ Донскомъ войскѣ [1]).

---

[1]) Это была секта *духоносцевъ*, измышленная эсауломъ Донскаго войска, Евлампіемъ Котельниковымъ. Котельниковъ съ начала службы своей, съ 1787 г., уже нѣсколько разъ подвергался крупнымъ взысканіемъ за свой безпокойный характеръ и дерзкіе поступки. Въ 1805 г. лишенъ былъ чиновъ; въ 1815 г. чины были возвращены ему, но въ 1817 г., за публичныя, дерзкія порицанія въ церкви мѣстныхъ священниковъ (Верхней Курмоярской станицы. Въ Чтен. Общ. ист. и древн. 1863 г., кн. 3 напечатано описаніе этой станицы, составленное Котельниковымъ), что они не по правиламъ отправляютъ богослуженіе и за распространеніе на Дону вредныхъ толковъ о вѣрѣ, преданъ суду и 4 года содержался въ Новочеркасскѣ; въ 1824 г. фельдъегеремъ взятъ былъ въ С.-Петербургъ, содержался 3 мѣсяца и былъ отпущенъ; въ концѣ 1825 г. вмѣстѣ съ дочерью, урядинческой женой, Маріей Кустовой, вторично взятъ въ С.-Петербургъ, содержался на испытаніи у Фотія въ Юрьевскомъ монастырѣ, но чрезъ 6 мѣсяцевъ посаженъ былъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, куда заключена была также и его дочь, и содержались

Преемникомъ князя Голицына по должности министра народнаго просвѣщенія назначенъ былъ, вѣроятно, по указанію Аракчеева, адмиралъ А. С. Шишковъ. Благонамѣренный, но престарѣлый Шишковъ увидѣлъ въ самомъ назначеніи этомъ, котораго не ожидалъ, призваніе къ чрезвычайной дѣятельности и къ спасенію Россіи отъ охватившаго ее нравственнаго разврата и просилъ

тамъ каждый въ особомъ казематѣ, не зная одинъ объ другомъ; но чрезъ 6 мѣсяцевъ заключенія въ крѣпости, въ Мартѣ 1826 г., Котельниковъ отправленъ былъ въ Соловецкій монастырь на покаяніе, дочь—въ Кашинскій монастырь. Дочь чрезъ годъ была освобождена, а отецъ съ 1828 г. началъ мѣняться въ разсудкѣ и оставленъ на пребываніе въ монастырѣ. Женѣ его съ семьей дано, по Высочайшему повелѣнію, денежное пособіе. Передъ освобожденіемъ Кустовой, по Высочайшему повелѣнію, поручено было Тверскому архіепископу испытать ея раскаяніе. Изъ объясненій ея касательно сущности ихъ секты открылось, что «они, читая отчеты Библейскаго Общества и воззванія онаго и видя изъ оныхъ, что надлежитъ проповѣдывать слово Божіе всѣмъ и повсемѣстно, вообразили, что настали времена апостольскія, каковы были при началѣ проповѣди Евангельской, а потому заключили, что всякій христіанинъ долженъ быть апостоломъ. А поелику апостолы имѣли благодатные дары Св. Духа и содѣлывали чрезъ оные многія знаменія и чудеса, то и они начали искать сихъ даровъ Духа, т. е. прозрѣній, откровеній, пророчествъ и силъ духовныхъ творить чудеса; для чего прибѣгли они къ продолжительнымъ и изнурительнымъ постамъ, такъ что ничего не вкушали отъ дня воскресенія до слѣдующей субботы, съ безпрестанными молитвами и бдѣніями духовными. Продолжая такимъ образомъ посты сіи и молитвы, приходили они въ изступленіе и какъ бы въ мертвую безчувственность, въ которой созерцали предметы духовные, ужасы ада и красоты рая. Сіи картины производили въ нихъ разныя дѣйствія: отъ первыхъ рождался страхъ и трепетъ, отъ вторыхъ чрезъестественный восторгъ и услажденіе. Къ сему присоединялась увѣренность, якобы они въ состояніи творить чудеса, что называли они плодами Духа Божія и симпатическимъ, какъ они называли, электрицизмомъ, котораго свойства и значеніе и сама она объяснить была не въ состояніи, а только описала наружныя дѣйствія онаго т. е. что сія симпатія, электризуя души ихъ, потрясала и всю внѣшность ихъ и, наконецъ, какъ бы умерщвляя оную, открывалась въ душевныхъ умозрѣніяхъ. Въ семъ-то положеніи, они понимали мысли другихъ и даже мысли не участвующихъ въ ихъ мудрованіяхъ и, предаваясь совершенно вліянію духа, исполняли всѣ побужденія онаго, говорить ли или нѣтъ или дѣйствовать. Въ семъ состояніи они почитали себя достигшими высоты духовнаго совершенства и страшились потерять оную, для чего укрѣпляли себя еженедѣльно причащеніемъ, тѣмъ паче, что, начитавшись апокалипсиса, ежедневно ожидали пришествія Христова, поелику думали, что въ наше время исполнились уже всѣ пророчества сей таинственной книги, а по распространеніи Библейскимъ Обществомъ во всѣ концы земли слова Божія, настала уже кончина вѣка, по слову Спасителя: *и проповѣстся Евангеліе сіе во всей вселенной и тогда кончина.* А какъ невозможно имъ было еженедѣльно пріобщаться Св. таинъ то и принимали они собственно свое причащеніе, преломляя хлѣбъ и употребляя вино. Читали они, кромѣ священнаго писанія и св. отцевъ, сочиненія Іакова Бема, Эккартсгаузена, Штиллинга, мадамъ Гіонъ и другія мистическія книги, какія есть на русскомъ языкѣ. Сіи-то книги, споспѣшествовали утвержденію ихъ въ заблужденіяхъ: Бемъ—*въ видѣніяхъ духовныхъ и отправленіяхъ,* Эккартсгаузенъ—*въ симпатіи электрицизма,* Штиллингъ—*въ мысли о скоромъ пришествіи Христовомъ.* Гіонъ—*въ непрестанной молитвѣ и погруженіи себя въ Бога.* Затѣмъ Кустова разсказала нѣсколько своихъ видѣній (дѣло канц. об. пр. 1823 г. № 8962). Рус. Арх. 1868 г. стр. 1345.

Государя облечь его довѣріемъ и полномочіями, которыя бы соотвѣтствовали этому его назначенію и видны были для общества. Государь находилъ доклады его «краснорѣчивыми и написанными въ хорошихъ правилахъ», но, не утверждая ихъ и не желая обидѣть старика, оставлялъ ихъ у себя (такъ какъ всѣ доклады были письменные) для просмотра. Не видя успѣха для своихъ докладовъ, представляемыхъ прямо Государю, онъ сталъ направлять ихъ къ Аракчееву и имѣлъ въ этомъ болѣе успѣха, по крайней мѣрѣ, по нѣкоторымъ дѣламъ. Большихъ усилій стоило ему испросить Высочайшее повелѣніе о преданіи суду В. М. Попова. Государь при докладахъ всегда отзывался о немъ съ похвалою и защищалъ его, но, наконецъ, уступилъ настояніямъ министра и далъ повелѣніе о разслѣдованіи дѣла Попова (т. е. участія его въ переводѣ и изданіи книги Госнера) судомъ. Однакожъ процессъ этотъ, стоившій Шишкову большихъ хлопотъ и причинившій ему массу непріятностей, кончился ничѣмъ—т. е. оправданіемъ Попова [1]).

Заручившись обѣщаніемъ Аракчеева содѣйствовать ему въ его намѣреніяхъ, Шишковъ просилъ его доложить Государю «о продолжающихся покушеніяхъ и стараніяхъ продолжать собранія Библейскихъ Обществъ и распространять не переводы, а, такъ сказать, перекладку священныхъ писаній съ высокаго и важнаго языка на простонародное нарѣчіе» и въ доказательство этого препроводилъ вышедшую книжку «Извѣстій о Библейскихъ Обществахъ» и только что предъ тѣмъ напечатанный краткій катихизисъ», въ которомъ «Отче нашъ», «Вѣрую во единаго Бога» и «Заповѣди Господни» переложены на простой языкъ, перепачены и нарочно напечатаны церковнымъ шрифтомъ [2]).

[1]) Записки А. С. Шишкова. Чтен. въ Общ. Исторіи и Древ. Росс. 1868 г. кн. 3.

[2]) „Шишковъ,—говоритъ Д. Н. Свербеевъ,—не смотря на всю свою европейскую образованность, какъ-бы увѣровалъ и исповѣдывалъ, что все Св. Писаніе, наша литургія и весь церковный нашъ уставъ были написаны издревле не на иномъ какомъ языкѣ, какъ на славянскомъ. Отъ вѣрованія въ боговдохновенность Св. Писанія перешелъ онъ такимъ образомъ къ увѣренности въ боговдохновенности самаго церковно-славянскаго языка; отсюда и его литературная ересь, состоящая въ томъ, что церковно-славянскій языкъ и нашъ русскій суть безразлично одно и тоже; что языкъ, употребляемый нами въ печати, письмѣ и разговорѣ, есть только простонародное нарѣчіе перваго; что потому дерзать на переводъ съ славянскаго на русскій Св. Писанія, а равно отеческихъ и богослужебныхъ книгъ, значитъ, по его мнѣнію, касаться рукою скверною къ Божію кивоту, значитъ уничтожать святость предками завѣщаннаго намъ слова, низводить его до уничиженнаго, ежедневнаго простонароднаго употребленія». Д. Н. Свербеева: Первая и послѣдняя моя встрѣча съ А. С. Шишковымъ. Рус. Арх. 1871 г. стр. 178.

По докладу Аракчеева, Государь приказалъ имъ съѣздить къ митрополиту Серафиму и съ нимъ объясниться. На совѣщаніи ихъ, 6 Ноября, митрополитъ Серафимъ «Извѣстій» не защищалъ, — хотѣлъ дотянуть ихъ только до конца года, чтобы удовлетворить подписчиковъ; а катихизисъ, напечатанный подъ его высшей цензурой, защищалъ весьма слабо и закончилъ самымъ слабымъ аргументомъ: «Да куда жъ дѣваться намъ съ такимъ множествомъ напечатанныхъ книгъ?» Шишковъ говоритъ, что, услышавъ это, онъ едва удержался въ предѣлахъ должнаго уваженія къ священному сану. Графъ Аракчеевъ также не вытерпѣлъ и сказалъ, что «не о деньгахъ дѣло идетъ». Наконецъ, послѣ долгаго пренія, принято было общее заключеніе, что Библейское Общество должно прекратить, переводъ Священныхъ Писаній на простое нарѣчіе не выпускать и краткій катихизисъ остановить!» [1]) Государь утвердилъ представленіе только о пріостановленіи выпуска краткихъ катихизисовъ.

16 Ноября Шишковъ снова докладывалъ Государю, что былъ у него митрополитъ Серафимъ и просилъ представить Его Величеству о немедленномъ закрытіи Библейскаго Общества, остановленіи переводовъ Священнаго Писанія на простое нарѣчіе, о вызовѣ въ С.-Петербургъ митрополита Евгенія съ тѣмъ, чтобы поручить ему въ особенности устроить духовныя училища и очистить ихъ отъ проникшихъ въ нихъ заразительныхъ правилъ и наконецъ о замѣнѣ присутствующихъ въ Синодѣ Тверскаго и Кишиневскаго архіереевъ другими. Вскорѣ затѣмъ (11 Декабря) и самъ митрополитъ Серафимъ ходатайствовалъ о томъ же предъ Государемъ. Но Государь, утвердивъ прочія представленія Шишкова и митрополита — о разсмотрѣніи вредныхъ книгъ, о напечатаніи вновь и на казенный счетъ, запрещенной въ 1818 г. книги: «Бесѣда на гробѣ младенца», о замѣнѣ присутствующихъ въ Синодѣ архіереевъ другими и о вызовѣ въ Синодъ Кіевскаго митрополита Евгенія, настойчиво и рѣшительно отклонилъ ходатайства о закрытіи Библейскаго Общества и прекращеніи перевода Библіи. Въ концѣ года, 28 Декабря, митрополитъ Серафимъ еще разъ возобновилъ свое ходатайство объ этомъ, прося увѣнчать такой важный для православія годъ новымъ знакомъ промышленія о церкви и даровать ей новое, для полнаго торжества ея, благодѣяніе [2])... но и въ этотъ разъ не имѣлъ успѣха.

---

[1]) Записки А. С. Шишкова. Чтен. въ Общ. Ист. и Древн. Росс. 1868 кн. 3 стр. 50.
[2]) Рус. Арх. 1868 г., стр. 940.

Впослѣдствіи уже, послѣ оставленія министерскаго поста, оглядываясь на это прошлое и вспоминая о событіяхъ этого времени, о своихъ докладахъ Государю, вызванныхъ ревностію ко благу Россіи и объ уклончивости Государя отъ утвержденія этихъ докладовъ, Шишковъ (въ оставленныхъ имъ запискахъ) писалъ: «къ чему служило мнѣ рвеніе мое остановить усилившуюся заразу? Съ одной стороны Богъ, совѣсть и отечество требовали отъ меня, чтобы я, по долгу званія моего, сопротивлялся, сколько могу, безнравственному и пагубному вольнодумству или такъ называемому духу времени; но съ другой часъ отъ часу болѣе усматривалъ я, что не могу имѣть ни средствъ, ни возможности поставить преграду сему широко развившемуся и безпрепятственно текущему злу. Надлежало мнѣ или уступить обстоятельствамъ или, со вредомъ себѣ, противоборствовать онымъ. Я избралъ послѣднее. Сначала казалось что обстоятельства благопріятствуютъ тому, чтобы гласъ истины, долгое время не дерзавшій вопіять противъ гласа лжи, напослѣдокъ возгремѣлъ противъ ней и злыя поученія ея изобличилъ и опровергъ, ибо возмущенія, происходившія въ Испаніи, въ Неаполѣ, и пребываніе Государя Императора въ Австріи, перемѣнили во многомъ образъ мыслей его. Онъ пересталъ помышлять о дарованіи вольности народу, о соединеніи всѣхъ вѣръ, о новой философіи, подъ именемъ высокихъ таинствъ разрушавшей всѣ связи обществъ, и другихъ подобныхъ сему мечтаніяхъ. Случай, подавшій поводъ къ перемѣнѣ Министерства народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, казалось открылъ ему злонамѣренность тѣхъ правилъ, которымъ доселѣ послѣдовалъ онъ съ такою ревностію. Благосклонное вниманіе его ко всѣмъ моимъ представленіямъ и кроткое выслушиваніе всѣхъ моихъ вопіяній противъ учрежденій и книгъ, имъ самимъ вводимыхъ и одобряемыхъ, подавали мнѣ надежду, что, поддерживаемый силою гласа и твердостію воли его, могу я благоуспѣшно дѣйствовать, исторгая сѣмена лжеученія и препятствуя возрастать имъ. Но вскорѣ увидѣлъ я, что всѣ мои надежды были тщетны. Привязанность, или, какъ бы, пѣкая страсть его къ прежнимъ своимъ дѣяніямъ и образу мыслей, не взирая на силу опытовъ и убѣжденій, не могла въ немъ истребиться, такъ что, казалось, онъ самъ съ собою борясь, увлекался попеременно то тѣми, то другими мыслями. Очевидность доказательствъ и сильныя мои настоянія принуждали его соглашаться на предпріемлемыя мною

мѣры, но онъ разрушалъ ихъ тайнымъ образомъ. По дѣлу пастора Госнера, отдавъ Попова подъ судъ, уговаривалъ Милорадовича, чтобы онъ старался оправдать его». Сказавъ потомъ, что въ Сенатѣ Муравьевъ-Апостолъ подалъ мнѣніе, которымъ старался оправдать Попова, Шишковъ продолжаетъ: «кто повѣритъ, что онъ (Государь) тихимъ образомъ призывалъ къ себѣ Муравьева и благодарилъ за поданный имъ въ Сенатѣ голосъ!... И такъ, хотя смѣна министра народнаго просвѣщенія, изгнаніе Госнера, данный на имя мое рескриптъ, позволеніе вновь напечатать книгу Станевича, закрытіе Библейскихъ Обществъ и пр. съ одной стороны, гласно обвиняли дѣйствія Министерствъ просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, однако жъ, съ другой, не только защита, но и награды тѣмъ, кои были въ немъ дѣйствующими лицами, столь же гласно показывали одну токмо наружность сихъ мѣръ, безъ всякаго намѣренія и желанія приводить ихъ въ дѣятельное исполненіе» [1]).

Движимый самыми благонамѣренными желаніями, А. С. Шишковъ имѣлъ право обижаться недостаткомъ вниманія Государя къ его докладамъ о мѣрахъ къ отвращенію отъ Россіи угрожающаго ей зла и, какъ бы нѣкоторою двуличностію въ его дѣйствіяхъ. Но, независимо отъ общей манеры дѣйствій Александра въ дѣлахъ щекотливыхъ и отъ чрезвычайной скрытности его, обманывавшей самыхъ проницательныхъ людей, нельзя не принять во вниманіе, что Императоръ Александръ, въ продолженіи многихъ лѣтъ имѣя обычай читать слово Божіе каждый день, до того сродинлся съ этимъ обычаемъ и такъ убѣжденъ былъ въ спасительномъ дѣйствіи этого чтенія, что ему могло казаться непонятнымъ, какъ могутъ находить вреднымъ и опаснымъ для народа то, въ чемъ онъ видѣлъ только неоцѣненный даръ Божій, данный людямъ въ наставленіе и утѣшеніе. Чтеніе слова Божія было для него не только дѣломъ привычки, но можно сказать, что, по настроенію его души, особенно во время тяжкихъ обстоятельствъ военнаго времени, было для него душевною потребностію, питало и оживляло его вѣру, подкрѣпляло и утѣшало среди всѣхъ превратностей, которымъ на его глазахъ подвергались царства и народы. Въ эти тайны своего сердца онъ ввелъ единственнаго человѣка, съ которымъ дѣлился своими душевными радостями и скорбями, съ которымъ вмѣстѣ

---

[1]) Записки А. С. Шишкова. Чтенія въ Общ. Ист. 1868, 3, стр. 104—107.

читалъ слово Божіе и раздѣлялъ всѣ утѣшенія, доставляемыя этимъ чтеніемъ: это былъ князь А. П. Голицынъ, пользовавшійся его безграничнымъ довѣріемъ [1]). На этой любви къ чтенію слова Божія, сдѣлавшейся его жизненною потребностію, сосредоточена была вся духовная жизнь Александра. И потому легко понять, что устремленія Фотія, Аракчеева и Шишкова направлялись, можно сказать, въ самое сердце Государя и что, хотя онъ принималъ ихъ съ наружнымъ спокойствіемъ, но съ внутреннею болью и относилъ ихъ скорѣе къ недостатку понятій, нежели къ достоинству и силѣ руководящихъ ими побужденій. Повидимому, онъ подозрѣвалъ даже тенденціозность въ дѣйствіяхъ враговъ кн. Голицына; по крайней мѣрѣ, при всемъ наружномъ довѣріи къ Фотію, Государь приказалъ ему составить извѣстную (упомянутую выше) записку: «съ какого времени и въ чемъ онъ потрудился противъ тайныхъ обществъ и нѣтъ ли личной или другой причины противъ кн. Голицына, кромѣ любви къ православію, престолу, царю и отечеству».

Допуская даже, что Александръ показалъ въ этомъ случаѣ колебаніе, недостатокъ силы воли, необходимо принять во вниманіе, что великія событія, которыя наполняли почти все его царствованіе и въ которыхъ, въ первое время военныхъ дѣйствій, успѣхи и счастіе не всегда были на его сторонѣ, а въ послѣднее время успѣхъ подавлялъ самою силою достигнутаго величія, и въ то же время омрачаемъ и оттѣняемъ былъ интригами зависти и недоброжелательства, могли потрясти и привесть въ изнеможеніе самую сильную и крѣпкую натуру, такъ что еще надобно удивляться, какъ онъ сохранилъ, послѣ всѣхъ этихъ потрясеній, столько душевной

---

[1]) Въ воспоминаніяхъ своихъ (записанныхъ съ его словъ Ю. Бартеневымъ) князь А. П. Голицынъ подробно разсказывалъ, какъ онъ съ своимъ царственнымъ другомъ условливались читать вмѣстѣ слово Божіе и какъ Государь самъ разграфилъ первый листъ въ тетрадкѣ, приготовленной для записыванія порядка чтеній и въ одной графѣ надписалъ даты, въ другихъ заглавія свящ. книгъ: Ancien Testament, Evangiles, Epîtres. Затѣмъ князь также подробно описываетъ, съ котораго числа и года и съ какихъ мѣстъ Библіи началось чтеніе. «Государь ѣздилъ по Россіи, странствовалъ и внѣ оной по землямъ чуждымъ; чтеніе отъ того не прерывалось и даже въ случаѣ сомнѣнія когда глава или раздѣлялась или въ Библіи встрѣчался какой нибудь вводный отрывокъ, не поименованный въ счисленіи или внѣ его порядка, то Государь бывало, гдѣ бы онъ ни былъ, нарочно посылывалъ къ князю, хотя бы то доводилось изъ чужихъ краевъ, чтобы князь зналъ, какъ ту или другую главу считать въ порядкѣ счисленія и какъ вводный отрывокъ за одну главу почитать или особенно. Были случаи, что, прочитавъ такимъ образомъ какую нибудь главу по порядку, Государь требовалъ мнѣнія князя или сообщалъ ему свое»... Изъ записокъ Ю. Н. Бартенева. Рус. Арх. 1886. II. 107. Ср. стр. 88.

силы и ясности, сколько показалъ въ послѣднее время своего царствованія, когда, одолѣвъ внѣшнихъ враговъ, вынужденъ былъ у себя дома защищать собственное дѣло, которое онъ считалъ святымъ и покровительство которому считалъ въ числѣ своихъ заслугъ. Та мудрая средина, которую Государь избралъ въ этомъ дѣлѣ, представляетъ собою ясное доказательство крайней осторожности, съ какою онъ отнесся къ этому мудреному и запутанному дѣлу.

Митрополитъ Евгеній. Высочайшее повелѣніе о вызовѣ въ С.-Петербургъ митрополита Евгенія состоялось 19-го Декабря.

А. С. Шишковъ съ радостію извѣщалъ его объ этомъ призваніи на подвигъ для сердца и сана его священный. «Намъ предлежитъ, —писалъ онъ —общій и весьма тяжелый трудъ и борьба, но Богъ поможетъ намъ. Онъ подкрѣпитъ наши силы и не допуститъ мерзости и запустѣнію стать на мѣстѣ святѣ» [1]). Но торжествующій Фотій писалъ къ нему о томъ же въ какой-то экзальтаціи и тономъ покровительства. «Радуйся, святителю Божій! И съ Богомъ, немедля, пріѣзжай къ намъ въ святый градъ Петра: съ нами Богъ, Господь силъ съ нами. Видѣша вси концы спасеніе Бога нашего. Святая и православная наша церковь торжествуетъ: вѣра Христова наша на орлѣ православія всюду летаетъ. И такъ прилети ты къ намъ, святитель Божій: Тебя зоветъ, желаетъ, ожидаетъ церковь, нуждаясь въ тебѣ; тебя Помазанникъ Божій знаетъ какъ святителя Божіяго; тебя сонмъ православныхъ и новый нашъ святитель Николай, съ новымъ Георгіемъ, знаютъ, какъ столпа святыя церкви, *за законы отеческія* ревнителя, пастыря и учителя правовѣрнаго. Скажу же тебѣ и радость велію, что богоборное скопище, яко адъ возстена и сокрушися силою Христовою, и уже престало время свѣтильнику быть подъ спудомъ. Принеси благодареніе Господу и помолись о насъ тамъ, гдѣ ты живешь и гдѣ первый, такъ сказать, камень вѣры въ основаніе церкви нашей положенъ древле отъ отцовъ нашихъ».

«Почти не бывалое дѣло дѣется нынѣ, что изъ Богоспасаемаго Кіева грядетъ святитель во градъ святаго Петра на дѣло Божіе. Чудо сіе есть чудо для людей, а не для Бога нашего. Ибо кто Богъ великій, яко Богъ нашъ. Ты еси Богъ творяй чудеса единъ.

[1]) Письмо Шишкова къ Евгенію и отвѣтъ послѣдняго въ запискахъ Шишкова, стр. 79. 80. Чтен. 1868, 3.

Велій еси Господи и дивна дѣла Твоя и ни единоже слово будетъ довольно къ пѣнію чудесъ Твоихъ».

Прославь убо сего Бога нашего, пастырь добрый Евгеній, да сбудется слово Господне и на Тебѣ: тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ добрая дѣла ваша и прославятъ Отца вашего, Иже есть на небесѣхъ. Аминь. Убогій и послѣднѣйшій, но правовѣрный архимандритъ Фотій. 1824 г. 23 Декабря. Невская Лавра».

Вызовъ въ Синодѣ Кіевскаго митрополита произвелъ въ духовномъ кругу движеніе и возбудилъ разныя предположенія и толки. «Вызовъ Кіевскаго митрополита—писалъ Калужскій епископъ Филаретъ (Амфитеатровъ) Московскому архіепископу Филарету (Дроздову)—по необычайности своей много заставляетъ думать. Желательно, что хотя бы онъ заставилъ молчать мечтателей. Впрочемъ одинъ Господь Іисусъ Христосъ—утвержденіе Своей Церкви и Онъ, вѣчная премудрость Бога Отца, вѣрно найдетъ способъ извести въ свѣтъ истину, ими же вѣсть судьбами».

Митрополитъ Евгеній съ самаго того времени, какъ выѣхалъ изъ С.-Петербурга, былъ какъ бы чужимъ для Петербурга [1]). Ученыя, историческія и археологическія розысканія и изслѣдованія, которыми онъ занимался съ такимъ увлеченіемъ, мало интересовали высшій Петербургскій духовный кругъ; а Евгеній, съ своей стороны, мало интересовался Петербургскими дѣлами, отдавался весь ученымъ кабинетнымъ работамъ. Сношенія его съ Петербургомъ, за исключеніемъ служебныхъ, дѣловыхъ, были чисто ученаго свойства - пріобрѣтеніе книгъ, отыскиваніе памятниковъ, разныя ученыя справки: онъ былъ въ постоянной перепискѣ съ лицами одного направленія съ нимъ, съ графомъ Румянцевымъ, съ библіографомъ Анастасевичемъ и другими. Въ такихъ занятіяхъ, онъ переходилъ общимъ порядкомъ перемѣщенія изъ одной епархіи въ другую, изъ Вологды въ Калугу, изъ Калуги въ Псковъ, пока, наконецъ, не взошелъ на высокій іерархическій постъ Кіевскаго митрополита. Но, стоя вдали отъ средоточія духовнаго управленія, онъ не былъ совершенно безучастенъ къ тому, что тамъ происходило, и выражалъ свои мысли по поводу Петербургскихъ событій въ письмахъ къ

[1]) Только въ Январѣ 1822 г., при назначеніи митрополитомъ въ Кіевъ, онъ вызванъ былъ на короткое время въ С.-Петербургъ для представленія Государю и 16 Марта отпущенъ, съ пожалованіемъ, при отпускѣ, въ члены Св. Синода.

близкимъ лицамъ. Такъ въ 1819 г., по поводу дошедшаго до него слуха объ удаленіи изъ С.-Петербурга ректора семинаріи, архимандрита Иннокентія (Смирнова), онъ писалъ къ Анастасевичу 14 Февраля: «О назначеніи цензора Иннокентія уже не въ Оренбургъ, а въ Новгородъ, и ко мнѣ пишутъ. Это кажется только привязка, чтобы не имѣть сверстника и одному [1]) остаться необходимымъ по училищной части. У Петербургскихъ много хитрости и рады всякому случаю отгонять другихъ». Отъ 11 Марта продолжалъ опять о томъ же предметѣ: «Вы говорили, что Иннокентія отстаивали отъ посылки въ Оренбургъ. Почему же Старорусскаго настаивали туда послать, если бы Аракчеевъ не отстоялъ. А будто первой больше стоитъ, нежели второй. И тутъ все пристрастіе временщиковъ». Въ томъ же (1819) году скончался Московскій архіепископъ Августинъ. Сообщая объ этомъ Анастасевичу, Евгеній писалъ: «Я лучше и вѣрнѣе васъ угадаю, что мѣсто его достанется Тверскому (Серафиму), а Тверское Ревельскому (Филарету) со всѣми прочими принадлежностями». Въ Мартѣ того же года, по поводу какого-то сообщеннаго ему Анастасевичемъ извѣстія о какомъ-то бывшемъ разговорѣ по духовной части, писалъ: «я всегда отвращался отъ Петербурга. Становиться въ параллель съ временщиками тяжело и унизительно, но судьбы и ихъ зависятъ отъ непредвидимаго случая». Въ концѣ слѣдующаго, 1820 г., Анастасевичъ сообщилъ ему о разнесшемся слухѣ, что Кіевскій митрополитъ Серапіонъ просится на покой, а онъ, Евгеній, назначается на его мѣсто. По этому поводу Евгеній писалъ: «Спасибо вамъ и за преждевременную радость о Кіевѣ для меня. Я чувствую, что публика весьма ко мнѣ благосклонна назначеніемъ меня на каждую открывающуюся вакансію: но есть у васъ и злые духи, недоброхотливые мнѣ. Но самъ я доволенъ и спокоенъ на теперешнемъ мѣстѣ. Пусть Филаретъ теперь старшимъ предо мною и по Ярославлю: онъ спѣшитъ возноситься безъ соперниковъ, и онъ-то выбралъ на мѣсто себя въ Тверь Симеона [3]), а не митрополитъ. Вы близко къ нимъ

[1]) Разумѣется Филаретъ.

[2]) Старорусскимъ епископомъ, викаріемъ Новгородской митрополіи, былъ тогда Амвросій Орнатскій, сотрудникъ Евгенія по исторіи іерархіи Россійской церкви. Въ 1819 г. ему суждено было занять послѣ Иннокентія каѳедру въ Пензѣ.

[3]) Симеонъ Крыловъ-Платоновъ, родомъ Москвичъ, Дмитровскаго уѣзда, воспитанникъ и потомъ преподаватель Троицкой семинаріи; если не былъ учителемъ Филарета, то былъ въ числѣ наставниковъ его времени. Преемствовалъ Филарету въ Твери и потомъ въ Ярославлѣ, гдѣ и скончался въ 1824 г.

живете, но иногда не отгадываете ихъ» [1]). Изъ этихъ выписокъ видно, что митрополитъ Евгеній не сочувственно относился къ Петербургскимъ событіямъ и заправлявшимъ ими лицамъ и главнымъ образомъ къ Филарету. Но не съ большимъ также сочувствіемъ относился онъ и къ преобразованнымъ духовнымъ училищамъ. «У насъ обыкновенно рескрипты предваряютъ успѣхи, писалъ онъ въ 1820 г. къ тому же Анастасевичу. Вскорѣ за похвалою и Невскихъ перваго курса профессоровъ, воспитаншихъ благонравно, выключены были изъ семинарій многіе, отличившіеся развратомъ ума и поведенія, и теперь еще остаются такіе жъ». Этотъ упрекъ 1-му курсу академіи совершенно несправедливъ: но мы приводимъ его не какъ историческій фактъ, а какъ черту, характеризующую образъ мыслей митрополита Евгенія. Московскій архіепископъ Филаретъ предчувствовалъ опасность въ этомъ направленіи, и 17 Января 1825 г. писалъ къ Тверскому архіепископу Гавріилу: «Готовятъ новый пересмотръ училищамъ. Да даруетъ Господь лучшее» [2]). И опасенія митрополита Филарета не были безосновательны. Сочувствіе митрополита Евгенія было не на сторонѣ новыхъ училищъ. Проведши вѣкъ при дѣйствіи прежнихъ педагогическихъ привычекъ и порядковъ, прежнихъ учебниковъ и руководствъ, когда въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ науки преподавались на латинскомъ языкѣ, когда въ модѣ были схоластическіе диспуты, когда не было ни ученыхъ степеней магистра и доктора богословія, ни соединенныхъ съ этими степенями знаковъ отличій и денежныхъ пенсіоновъ, когда, наконецъ, академіи и семинаріи были вполнѣ епархіальными учрежденіями и находились въ полномъ и безраздѣльномъ вѣдѣніи епархіальныхъ архіереевъ,—митрополитъ Евгеній смотрѣлъ съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ на новыя учебныя заведенія и новые въ нихъ порядки, а также и на лицъ, заправлявшихъ ими. Близость этихъ лицъ къ Государеву любимцу, князю Голицыну, и, благодаря этой близости, быстрое возвышеніе ихъ еще болѣе усиливали предубѣжденіе его противъ этихъ лицъ и ихъ дѣйствій, иногда даже съ явною къ нимъ несправедливостію. Евгеній называлъ ихъ, какъ мы видѣли выше, *временщиками*.

---

[1]) Русск. Арх. 1889 г. II, стр. 176, 180, 354, 370.

[2]) Письмо м. Филарета къ Высоч. особамъ и разн. лицамъ, изд. архіеп. Саввою. Тверь, 1888 г., ч. I стр. 51.

Митрополитъ Евгеній прибылъ въ С.-Петербургъ въ Февралѣ 1825 г. и съ Высочайшаго соизволенія, объявленнаго митрополиту Серафиму графомъ Аракчеевымъ, остановился на Московскомъ подворьѣ Троицкой Сергіевой Лавры, гдѣ и имѣлъ пребываніе во все время присутствованія въ Синодѣ. 25 Февраля назначенъ членомъ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ. 1 Марта вечеромъ представлялся Государю, который удостоилъ его своей бесѣды въ продолженіи $1^1/_2$ часовъ [1]). Въ первый разъ въ засѣданіи Коммиссіи митрополитъ Евгеній былъ 5 Марта.

Въ производствѣ дѣлъ въ Коммиссіи, послѣ увольненія князя Голицына, произошла только та перемѣна, что прежде, съ самаго учрежденія Коммиссіи 8 Августа 1808 г., всеподданнѣйшіе доклады представлялись Государю и сношенія съ министрами и другими начальственными лицами производились княземъ Голицынымъ, а теперь веденіе всѣхъ означенныхъ дѣлъ Коммиссія поручила члену своему, князю П. С. Мещерскому [2]). И на убылое мѣсто въ Коммиссіи, послѣ Галахова, опредѣленъ въ Декабрѣ 1824 г., состоявшій за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Святѣйшемъ Синодѣ, камеръ-юнкеръ Павловъ съ жалованьемъ по 2500 рублей въ годъ. Но этотъ новый и дѣятельный членъ, не бывъ ни разу въ засѣданіи Коммиссіи, получилъ 13 Января 1825 г., съ Высочайшаго соизволенія, отпускъ на 4 мѣсяца съ сохраненіемъ содержанія, а по прошествіи четырехъ мѣсяцевъ, въ Маѣ 1825 г., заявилъ оберъ-прокурору Мещерскому, что въ свое время не могъ воспользоваться Всемилостивѣйше дарованнымъ ему отпускомъ и отлагаетъ оный до удобнѣйшаго времени.

Между тѣмъ въ Коммиссіи начались сужденія, имѣвшія видъ реакціи по отношенію къ доселѣшному направленію и дѣйствіямъ Коммиссіи.

Въ Маѣ 1825 г., по случаю приближавшагося окончанія курса въ С.-Петербургской и Кіевской академіяхъ, митрополитъ Серафимъ внесъ въ Коммиссію предложеніе, чтобы, независимо отъ экзаменовъ, производимыхъ конференціями, произведены были предварительныя испытанія оканчивающихъ курсъ студентовъ въ С.-Петербургской академіи преосвященнымъ Григоріемъ, а въ Кіевской тамошнимъ викарнымъ, преосвященнымъ Аѳанасіемъ. Утвердивъ это

[1]) Кіев. Старина, 1883, кн. 6 стр. 310.
[2]) Ж. К. Д. У. по уч. экон. 28 Мая 1824 г.

предложеніе, Коммиссія поручила обоимъ преосвященнымъ, по окончаніи испытаній, особо донесть ей объ успѣхѣ оныхъ, а конференціямъ предписала, чтобы, при представленіи о студентахъ, которые признаны будутъ достойными академическихъ степеней, представлено было въ Коммиссію по двѣ или по три диссертаціи на латинскомъ и россійскомъ языкахъ, причемъ конференціямъ поручено было наблюсти, чтобы диссертаціи эти, по примѣру ученыхъ сочиненій сего рода, были съ достаточною подробностію и обширностію о предметахъ особенно къ россійской православной церкви относящихся или хотя о предметахъ общихъ, но новыхъ и служащихъ къ распространенію свѣдѣній въ кругѣ богословскаго ученія сей церкви [1]).

Предъявленное къ оканчивающимъ курсъ студентамъ требованіе сочиненій на ученую степень было вполнѣ справедливо, какъ справедливо и то, что сочиненія эти должны быть писаны на темы, относящіяся къ ученію и исторіи православной церкви; но митрополитъ Евгеній, уступая собственной склонности къ русской исторіи, нѣсколько съузилъ это требованіе, ограничивъ темы сочиненій предметами особенно россійской церкви; притомъ же и Коммиссія предъявила это требованіе къ студентамъ при самомъ окончаніи ими курса, когда уже начались окончательные экзамены.

Вслѣдъ затѣмъ, 6 Іюня, Коммиссія занялась пересмотромъ учебниковъ по предметамъ академическаго и семинарскаго курсовъ. Поводомъ къ этому пересмотру послужило то обстоятельство, что, по дошедшимъ до Коммиссіи свѣдѣніямъ, нѣкоторые изъ учащихъ въ академіяхъ и семинаріяхъ, подъ предлогомъ недостаточности учебныхъ книгъ, пишутъ собственные свои уроки и составленіемъ ихъ много обременяютъ учащихся; а нѣкоторые, избирая въ руководство, по своему произволу, писателей иностранныхъ, при изъясненіи предметовъ богословскихъ и философскихъ, уклоняются въ излишнія умствованія. Въ пресѣченіе этого безпорядка, Коммиссія постановила указать извѣстные предѣлы, изъ которыхъ не должны выходить наставники, и назначить учебники, по которымъ они должны преподавать уроки. Такимъ образомъ, въ академіяхъ по классу чтенія Священнаго Писанія назначено «Руководство митрополита Амвросія»; для герменевтики—Рамбахія (съ порученіемъ

[1]) Ж. К. Д. У. 22 Мая 1825 г.

С.-Петербургской духовной академіи сократить эту книгу); для догматическаго и дѣятельнаго богословія Ѳеофилакта; для обличительнаго—Иринея Фальковскаго; для философскихъ наукъ—Винклера и Бруккера; въ семинаріяхъ: для философіи—Баумейстера и Бруккера, для реторики—Бургія, съ присоединеніемъ «Начертанія теоріи и исторіи изящныхъ искусствъ Мейнерса. Точно также назначены учебныя руководства и по всѣмъ прочимъ предметамъ семинарскаго и училищнаго курсовъ [1]).

М. м. Филаретъ, только по слуху и по письмамъ преосвященнаго Григорія, узнавалъ, что дѣлается въ Коммиссіи. Мнѣнія его въ такомъ важномъ дѣлѣ—какъ пересмотръ учебной части въ академіяхъ, семинаріяхъ и училищахъ, не желали знать и о предполагавшейся реформѣ даже и не сообщили ему, хотя онъ былъ членомъ Коммиссіи. Все, что онъ съ такою заботливостію и съ такимъ трудомъ насаждалъ, ростилъ, поднималъ, разрушалось. Снова наступало царство латыни и латинскихъ учебниковъ. Не менѣе тяжело было и положеніе преосвященнаго Григорія. Онъ первый началъ преподавать въ академіи богословіе на русскомъ языкѣ и составилъ записки почти по всѣмъ богословскимъ предметамъ академическаго курса. Теперь все это едва не ставилось ему въ вину и самое порученіе ему ревизіи академіи, въ которой онъ былъ ректоромъ, направлено было противъ тѣхъ порядковъ, которыхъ онъ былъ представителемъ.

Преосвященный Григорій съ полною искренностію, но въ то же время съ полною твердостію своихъ убѣжденій, исполнилъ возложенное на него порученіе и донесъ Коммиссіи, что «студенты при устномъ испытаніи вполнѣ соотвѣтствовали тому ожиданію, какое должно было имѣть о нихъ при постепенно возвышающемся духовномъ образованіи»; затѣмъ, аттестуя преподавателей, началъ, со всею прямотою и искренностію, съ самого себя.

«Богословія преподана по запискамъ профессора и частію по запискамъ его баккалавровъ, которыя, впрочемъ, профессоромъ всегда были пересматриваемы предварительно. Записки профессора, писанныя за четыре и за пять лѣтъ предъ симъ, не столь удовлетворительны, какъ должно было бы ожидать отъ одиннадцатилѣтняго его занятія богословіемъ. Но въ семъ отношеніи онъ нѣ-

[1]) Ж. К. Д. У. 6 Іюня и 4 Декабр. 1825 г.

сколько извинителенъ частію потому, что особливо въ послѣдніе предъ симъ три года онъ весьма развлеченъ былъ посторонними занятіями по разнымъ должностямъ и частнымъ порученіямъ, а частію потому, что онъ, при преподаваніи уроковъ, устно дополнялъ недостатки записокъ, такъ что не остался ни одинъ изъ преподанныхъ имъ предметовъ, который бы не заключалъ въ себѣ полнаго обозрѣнія всего того, что говорили о томъ отцы церкви и пріобрѣтшіе всеобщее уваженіе богословы россійскіе». Далѣе слѣдуютъ весьма любопытные и характерные отзывы о преподаваніи прочихъ предметовъ. На экзаменѣ по церковной исторіи «студенты говорили по сему предмету многое весьма нужное, чего нѣтъ въ классическихъ книгахъ». «Изъ языковъ главное вниманіе обращено было на греческій, поелику сей языкъ весьма нуженъ, ибо онъ есть языкъ Писанія и св. отцевъ, языкъ, на которомъ предложены всѣ коренныя основанія греко-россійской и вселенской церкви, а такъ какъ, между тѣмъ, на немъ ни по какому предмету не преподаются уроки, какъ на латинскомъ, то дабы студенты знали его, сколько возможно хорошо, они непрерывно, а особливо въ свободныя отъ классовъ времена, занимаемы были переводами съ этого языка. Такимъ образомъ ими переведены всѣ древнія, писанныя на греческомъ языкѣ, церковныя исторіи, какъ-то исторія Евсевія, Сократа, Созомена, Ѳеодорита, Евагрія и Ѳеодора чтеца. Кромѣ сего ими переведено православное исповѣданіе вѣры Петра Могилы и многія статьи изъ Филокаліи, которыя частію уже и напечатаны въ Христіанскомъ Чтеніи, а большею частію составляютъ запасъ для него на будущее время. Нѣтъ ни одного студента, который бы не могъ довольно свободно переводить съ сего языка, такъ что конференція всѣхъ тѣхъ, которые, переводя во время испытанія избранную ею книгу, не знали значенія хотя двухъ словъ, отмѣчала третьимъ цифромъ». О профессорѣ еврейскаго языка, протоіереѣ Павскомъ, преосвященный Григорій свидѣтельствовалъ, что «по глубокимъ свѣдѣніямъ почти во всѣхъ преподаваемыхъ въ академіи наукахъ и языкахъ, по безпрекословному исполненію всѣхъ дѣлаемыхъ ему ученыхъ порученій и по вѣрному взору на вещи, онъ весьма полезенъ для академіи» [1]).

На публичномъ экзаменѣ въ академіи присутствовали оба митрополита Серафимъ и Евгеній, слушали отвѣты студентовъ и чи-

[1]) Журн. К. Д. У. 14 Авг. 1825 г.

таиныя ими диссертаціи и нашли ихъ прекрасными. Вообще студенты Петербургской академіи исполнили во время и вполнѣ удовлетворительно всѣ требованія коммиссіи. Въ Іюлѣ конференція представила въ Коммиссію разрядные списки окончившихъ курсъ студентовъ и, вмѣстѣ съ прочими документами, четыре печатныхъ книги упражненій студентовъ и рукописныя ихъ диссертаціи 37 на русскомъ и 54 на латинскомъ языкѣ. Разсмотрѣніе этихъ сочиненій Коммиссія поручила Кіевскому митрополиту Евгенію [1]).

Но Кіевская академія, находившаяся подъ ближайшимъ руководствомъ м. Евгенія, оказалась менѣе точною и исправною. Нечаянность требованія привела студентовъ въ нѣкоторое замѣшательство и затрудненіе. Это крайне разгнѣвало м. Евгенія и онъ излилъ свой гнѣвъ въ письмѣ къ ректору академіи, архимандриту Мелетію, отъ Іюля 1825 г. «Есть ли ваши студенты предложеніями Коммиссіи о представленіи диссертаціи, какъ вы пишете, приведены въ уныніе, то это ясное доказательство слабости ихъ въ приготовленіи себя достойными служенія нашей церкви; а есть ли трудны имъ кажутся предметы, относящіеся собственно къ православной нашей церкви, то въ этомъ виноваты вы, при преподаваніи имъ общихъ богословскихъ лекцій не показавшіе имъ источниковъ сихъ нашей церкви предметовъ. Есть ли бы давно дали имъ въ руки весьма многія уже въ нашей церкви, на защиту ея написанныя книги, то они давно были бы къ сему и готовы. Но у нашихъ школяровъ давно обычай заглядывать только въ иностранныхъ богослововъ, а не въ своихъ. Если бы имъ извѣстны были, напримѣръ, книги: Камень вѣры Стефана Яворскаго, Пращица Питиримова, Розыскъ Дмитріевъ и весьма многія сочиненія на раскольниковъ изданныя, то бы не отговаривались они трудностію въ предметахъ россійской церкви. Невскіе студенты воспользовались уже всѣми сими источниками и мы слышали уже прекрасныя диссертаціи ихъ о почитаніи святыхъ, о постѣ, о крестѣ, о мощахъ святыхъ и проч. Вотъ это-то надобно твердить нашимъ православнымъ. Вы не поняли задачи коммисской. Когда поймутъ ее и въ семинаріяхъ, то являться будутъ и оттуда студенты, готовые къ полученію усовершенія своего на достоинства пастырскія *нашей* церкви, а *не всеобщей*, для которой доселѣ вы воспитывали студентовъ.

---

[1]) Ж. К. Д. У. 21 Авг. 1825 г.

Пріѣзжающихъ же въ академію для полученія только академическихъ степеней безъ достоинства къ онымъ, есть ли и мало будетъ, то не вредно ни академіямъ, ни церкви. Стыдно и давать степени недостойнымъ. Публика уже видитъ такихъ, и надобно будетъ придумать дѣло полезное нашей церкви и тѣмъ, кои уже возведены на степени и получили пенсіоны не для тунеядства». Разгнѣванный Владыка заключилъ: «Для ректорства своего и вы должны представить какой нибудь Specimen [1]).

Раздраженіе долго не оставляло его. Почти чрезъ мѣсяцъ послѣ вышеприведеннаго письма онъ писалъ къ ректору академіи: «Щастье и для васъ, что я здѣсь. А прежніе временщики замышляли даже уничтожить Кіевскую академію и обратить въ семинарію, дабы свѣтъ истекалъ только отселѣ и изъ Москвы!!! Но сего стыда не открывайте никому. Homo proponit, Deus disponit [2])».

Въ Октябрѣ и Кіевская конференція представила разрядные списки окончившихъ курсъ студентовъ, вмѣстѣ съ диссертаціями ихъ на ученыя степени. Разсмотрѣніе ихъ поручено было Коммиссіей митрополиту Серафиму съ преосвященнымъ Григоріемъ.

По разсмотрѣніи этихъ сочиненій, Коммиссія сдѣлала 4 Декабря общее постановленіе объ окончившихъ курсъ студентахъ С.-Петербургской и Кіевской академій, именно: студентамъ, предназначеннымъ академическими конференціями къ званію магистровъ и старшихъ кандидатовъ, присвоить на первый разъ только званіе кандидатовъ, съ правомъ получить магистерскую степень черезъ два года, ежели заслужатъ одобреніе начальства за усердное прохожденіе должностей и доброе поведеніе; студентовъ, предназначенныхъ къ степени кандидата и получившихъ назначенія на учебныя должности, утвердить въ степени кандидата, а о неполучившихъ назначенія имѣть особое о каждомъ разсмотрѣніе по опредѣленіи на учебную службу [3]). Въ числѣ окончившихъ курсъ студентовъ, которые лишены были магистерской степени на два года, были: въ С.-Петербургской академіи: высокопреосвященный митрополитъ Исидоръ и бывшій архіепископъ Казанскій Аѳанасій (Соколовъ); въ Кіев-

---

[1]) Кіев. Стар. 1883 г. кн. 6 стр. 314—315.

[2]) Митрополитъ Евгеній намекаетъ на то, что, будто, Коммиссія имѣла въ виду навсегда оставить Кіевскую академію семинаріею, какъ поступлено было съ Казанскою академіею, но этого предположенія не было.

[3]) Ж. К. Д. У, 4 Дек. 1825 г.

ской — покойный архіепископъ Могилевскій Анатолій (Мартыновскій), Полтавскій епископъ Наѳанаилъ (Савченковъ), профессоръ В. Н. Карповъ и другіе.

Митрополитъ Филаретъ, не принимавшій въ то время участія въ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ, порицалъ эту мѣру, какъ принятую въ противность устава и въ особенности несправедливо примѣненную къ С.-Петербургской академіи, которая, по признанію самихъ митрополитовъ Серафима и Евгенія, представила прекрасные опыты своихъ студентовъ. «Когда въ 1825 г.,—писалъ онъ,—при выпускѣ изъ С.-Петербургской духовной академіи студентовъ, которыхъ достоинство доказано напечатанными тогда же четырьмя томами ихъ диссертацій и проповѣдей, Коммиссія Духовныхъ Училищъ, въ противность 94 пункта Высочайше утвержденныхъ правилъ, ни одного изъ нихъ не возвела на степень магистра, сіе произвело въ училищахъ неблагопріятное для ученія уныніе и недоразумѣніе о томъ, чѣмъ недовольно начальство и чего оно желаетъ отъ училищъ» [1]).

Тогда же возбужденъ былъ въ Коммиссіи вопросъ объ измѣненіи формы магистерскаго креста. Коммиссія находила, что приличнѣе было бы носить его не въ петлицѣ, но на персяхъ и самый крестъ сдѣлать вмѣсто равночастнаго болѣе продолговатымъ, по примѣру наперсныхъ крестовъ, даваемыхъ отъ Синода, только въ уменьшенномъ противъ нихъ видѣ. На крестѣ прежней формы помѣщенъ былъ терновой вѣнецъ безъ изображенія Спасителя, а на вновь проэктируемомъ крестѣ предполагалось сдѣлать изображеніе Распятія въ выпукломъ видѣ, и также въ сіяніи, а накладной вѣнецъ снять. Кресту быть также серебряному, вызолоченному, а въ верхней части его изъ золота; цѣпочкѣ быть серебряной, вызолоченной изъ мелкихъ колечекъ. Такъ какъ рисунокъ прежней формы представляемъ былъ въ 1809 г. на Высочайшее воззрѣніе и удостоенъ апробаціи: то Коммиссія поручила члену своему, князю Мещерскому, представить и новый рисунокъ на Высочайшее благоусмотрѣніе [2]).

Но, сперва за отсутствіемъ, а потомъ за болѣзнію и кончиною Императора Александра, докладъ Коммиссіи не былъ ему представленъ. Князь Мещерскій поднесъ его въ Январѣ 1826 года уже

[1]) Собр. мн. и отз. м. Филарета, т. II, стр. 209.
[2]) Журн. К. Д. У. 1 и 6 Іюня 1825 г.

Императору Николаю. 7 Февраля статсъ-секретарь Муравьевъ возвратилъ его князю Мещерскому съ слѣдующею надписью: Государь Императоръ не соизволяетъ, такъ какъ прежній образецъ Высочайше утвержденъ, съ примѣчаніемъ Его Величества по поводу сего, что потому и не должно было предпринимать представленіе о перемѣнѣ онаго». Но, при слушаніи сего въ Коммиссіи, митрополитъ Серафимъ объявилъ Высочайшую волю, сообщенную ему Муравьевымъ, что Его Величество соизволяетъ представить Себѣ такой рисунокъ магистерскаго креста, на коемъ, при сохраненіи прежней формы, находилось бы вмѣсто терноваго вѣнца изображеніе Спасителя такъ, какъ оно изображается на нерукотворенномъ Его образѣ [1]). Митрополитъ Серафимъ представилъ Государю такой рисунокъ, а 5 Марта статсъ-секретарь Муравьевъ возвратилъ его съ слѣдующею надписью: «Государь Императоръ соизволилъ утвердить сей образецъ для употребленія, вмѣсто прежнихъ, магистрами [2]).

---

[1]) Ж. К. Д. У. 10 Февр. и 2 Марта 1826 г.
[2]) Ж. К. Д. У. 15 Марта 1826 г.

X.

Протесты митрополита Филарета противъ новаго („обратнаго“) направленія Коммиссіи Духовныхъ Училищъ.—Филаретъ (Амфитеатровъ) архіепископъ Рязанскій.—Оберъ-священникъ Музовскій.—Прибытіе въ С.-Петербургъ митрополита Филарета.—Отношенія его къ митрополиту Серафиму.

Новое царствованіе весьма значительно измѣнило положеніе вещей въ общемъ государственномъ и церковномъ правленіи. Государь Николай Павловичъ былъ человѣкъ строгій и прямой, требовалъ дѣла, не терпѣлъ интригъ и кривыхъ путей и не допускалъ вмѣшательства личныхъ самолюбій въ дѣла общаго порядка.

Первымъ лицомъ изъ духовнаго круга, которое удостоилось его благоволенія, былъ, находившійся уже болѣе двухъ лѣтъ въ удаленіи отъ дѣлъ высшаго духовнаго правительства, Московскій архіепископъ Филаретъ. 25 Декабря 1825 г. Государь пожаловалъ ему брилліантовый крестъ для ношенія на клобукѣ, а въ слѣдующемъ году, въ день коронаціи, 22 Августа, возвелъ его въ санъ митрополита. Въ лицѣ его Государь пріобрѣлъ сподвижника, послужившаго благу и славѣ его царствованія.

Во время коронаціи, Святѣйшій Синодъ и Коммиссія Духовныхъ Училищъ находились въ Москвѣ. Филаретъ участвовалъ въ ихъ совѣщаніяхъ сначала въ санѣ архіепископа, потомъ въ санѣ митрополита.

Въ одномъ изъ засѣданій Коммиссіи, 2 Сентября, доложено было донесеніе митрополита Филарета, при его присутствіи, о произведенной имъ въ Іюлѣ ревизіи Московской академіи. Въ донесеніи демонстративно заявлялось, что «богословіе догматическое преподано, и въ конспектѣ означено, и на испытаніи представлено,

сначала на русскомъ языкѣ, а далѣе на латинскомъ. Предложенное на русскомъ преимуществуетъ порядкомъ и ясностію изложенія. Предложенное на латинскомъ, вѣроятно по дѣйствію классической книги, ознаменовано болѣе сухимъ и маловразумительнымъ языкомъ школы, нежели силою истины общевразумительной и общеполезной». Коммиссія также демонстративно постановила правленію академіи озаботиться улучшеніемъ преподаванія богословскихъ наукъ. Разрядный списокъ окончившихъ курсъ студентовъ утвержденъ съ перемѣнами, но митрополитъ Филаретъ настоялъ, чтобы лучшіе студенты выпущены были прямо магистрами. Тогда же, въ Москвѣ, возбужденъ былъ вопросъ о возобновленіи катихизиса. Оберъ-прокуроръ князь Мещерскій предложилъ Синоду, сообщенныя ему начальникомъ Главнаго штаба, два Высочайшихъ повелѣнія, первое— что Государю Императору угодно, дабы для единообразнаго преподаванія Закона Божія во всѣхъ вообще учебныхъ заведеніяхъ, а въ особенности въ военныхъ училищахъ, составлена была, по вѣдомству духовнаго начальства, приличная для сего учебная книга и второе—чтобы составленъ былъ, по порученію и подъ руководствомъ Святѣйшаго Синода, катихизисъ для нижнихъ военныхъ чиновъ. При происшедшихъ, по этому поводу, разсужденіяхъ въ Синодѣ, сначала была рѣчь о томъ, чтобы вновь написать катихизисъ; но потомъ рѣшили только поправить уже написанный и запрещенный въ 1824 г. М. Филаретъ предлагалъ возстановить его по изданію 1823 г. съ русскимъ переводомъ Символа вѣры, молитвы Господней и Заповѣдей. Но митрополитъ Серафимъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ послѣ того, какъ закрыто Библейское Общество и остановленъ переводъ Библіи на русскій языкъ. Митрополитъ Евгеній принялъ сторону м. Серафима и Филарету поручено было пересмотрѣть и исправить составленные имъ катихизисы, изложивъ всѣ священные тексты по славянски.

Въ Сентябрѣ Святѣйшій Синодъ и Коммиссія Духовныхъ Училищъ отбыли въ Петербургъ.

Митрополитъ Филаретъ, у котораго давно уже кипѣло въ груди недовольство дѣйствіями Коммиссіи, далъ наконецъ полную свободу своему слову. Первый незначительный случай къ этому представился съ разсылкою по семинаріямъ одной изъ одобренныхъ Коммиссіею учебныхъ книгъ, именно книги Мейерса. Правленія семинарій открыли подписку между учениками на пріобрѣтеніе этой

книги, но митрополитъ Филаретъ, по усмотрѣннымъ въ ней недостаткамъ, остановилъ подписку на нее въ своей семинаріи и сообщилъ объ этомъ митрополиту Серафиму, прося его руководства и указанія [1]). Митрополитъ Серафимъ письмомъ отъ 20 Октября одобрилъ образъ дѣйствій Филарета—что онъ отнесся партикулярно къ нему и оберъ-прокурору, а не формально въ Коммиссію Духовныхъ Училищъ, однакожъ на вопросъ Филарета не отвѣтилъ. А въ Декабрѣ Филаретъ получилъ письмо уже отъ князя Мещерскаго, съ довольно прозрачнымъ отъ имени Коммиссіи Духовныхъ Училищъ порицаніемъ образа его дѣйствій. Филаретъ крайне возмутился этимъ и написалъ митрополиту Серафиму, что Коммиссія не имѣетъ права обращаться къ нему съ требованіями и указаніями. «Коммиссія Духовныхъ Училищъ не то, что Святѣйшій Синодъ. Она не есть мѣсто собственно іерархическое, потому что въ ней присутствуютъ и свѣтскія особы, которымъ подчинить дѣло епископовъ было бы несообразно съ порядкомъ церковной іерархіи [2]).

Но болѣе рѣшительно Филаретъ заявилъ свой протестъ противъ дѣйствій Коммиссіи того времени въ донесеніи Государю 26 Ноября.—Поводомъ къ этому было слѣдующее обстоятельство.

Въ Маѣ или въ Іюнѣ 1826 г. до Государя дошли свѣдѣнія о нѣкоторыхъ неправильныхъ дѣйствіяхъ сельскаго духовенства въ отношеніи ихъ прихожанъ — помѣщичьихъ крестьянъ. Изъ этихъ свѣдѣній Государь изволилъ съ сожалѣніемъ усмотрѣть, что во многихъ мѣстахъ священники ободряли и руководили крестьянъ къ неповиновенію помѣщикамъ и Его Величество изволилъ тѣмъ болѣе удивляться сему, что сіе случается за распространеніемъ и улучшеніемъ въ Россіи духовныхъ училищъ, хотя похвальные успѣхи сего улучшенія уже очевидны на тѣхъ изъ учившихся въ нихъ, кои занимаютъ свѣтскія должности.

Статсъ-секретарь Муравьевъ сообщилъ объ этомъ князю Мещерскому для предложенія Синоду и изысканія способовъ къ лучшему образованію духовенства и замѣщенію священническихъ должностей въ сельскихъ приходахъ достойными духовными пастырями. Святѣйшій Синодъ потребовалъ мнѣнія по этому предмету отъ своихъ членовъ и отъ нѣкоторыхъ архіереевъ. Но независимо отъ предложенія этого дѣла на общее обсужденіе Синода, Государь пожe-

[1]) Собр. мн. и отз. II, № 175, стр. 152.
[2]) Собр. мн. и отз. II, № 181, стр. 176—182.

лалъ знать мнѣніе по этому предмету Московскаго митрополита. Митрополитъ Филаретъ представилъ свои соображенія и мнѣніе 26 Ноября того же года. И здѣсь-то, объясняя причины, отъ которыхъ происходитъ недостатокъ достойныхъ сельскихъ священниковъ, одною изъ важнѣйшихъ причинъ поставилъ рѣзкую перемѣну въ направленіи дѣйствій Коммиссіи Духовныхъ Училищъ, клонящемся къ возстановленію старыхъ учебныхъ порядковъ, осужденныхъ временемъ и опытомъ и колеблющихъ новый порядокъ, который только что началъ слагаться и устанавливаться [1]). Мы еще встрѣтимся съ этимъ мнѣніемъ впереди.

Между тѣмъ въ это время въ составѣ Святѣйшаго Синода и Коммиссіи Духовныхъ Училищъ произошли значительныя перемѣны. Въ Ноябрѣ 1826 г. вызванъ былъ въ Синодъ для присутствованія, и вслѣдъ затѣмъ опредѣленъ членомъ Коммиссіи, Рязанскій архіепископъ *Филаретъ (Амфитеатровъ);* а въ началѣ слѣдующаго года, отбылъ въ свою епархію, присутствовавшій въ Синодѣ и Коммиссіи, Кіевскій митрополитъ *Евгеній.*—На мѣсто скончавшагося въ 1826 г. оберъ-священника И. С. Державина, должность его занялъ протоіерей Павелъ Антоновичъ *Моджугинскій*, съ назначеніемъ членомъ Святѣйшаго Синода; но въ то же время пожалованъ въ члены Святѣйшаго Синода и Коммиссіи Духовныхъ Училищъ духовникъ Ихъ Величествъ, протоіерей Николай Васильевичъ *Музовскій*. Наконецъ, въ Маѣ 1827 года, прибылъ въ С.-Петербургъ, послѣ почти четырехлѣтняго отсутствія, Московскій митрополитъ Филаретъ.

Филаретъ (Амфитеатровъ) прошелъ тяжелую школу. По окончаніи курса въ Орловской семинаріи, онъ былъ въ ней съ 1798 г. учителемъ, съ 1802 г. ректоромъ; въ 1804 г. переведенъ на должность ректора въ Оренбургскую семинарію. Здѣсь два года служилъ съ простымъ и кроткимъ архіереемъ Амвросіемъ (Келембетомъ); но, назначенный послѣ Амвросія въ Оренбургъ, Августинъ Сахаровъ, человѣкъ ограниченный, великій законникъ съ канцелярской закваской и строгій формалистъ, обрушился на него съ страшною силою. Сначала, въ Іюнѣ 1808 г., онъ донесъ Святѣйшему Синоду, что архимандритъ Филаретъ, по разстроенному здоровью и истощенію силъ, чувствуетъ себя неспособнымъ къ исправленію возложенныхъ на него должностей по семинаріи, консисторіи и монастырю,

[1]) Собр. мнѣній и отз. м. Филарета, т. II, № 177, стр. 156 и слѣд.

и просить объ увольненіи отъ оныхъ и перемѣщеніи для поправленія здоровья изъ Оренбургской епархіи въ другую на одну пастоятельскую должность въ какой нибудь монастырь. Законникъ архіерей прописалъ и объ освидѣтельствованіи здоровья архимандрита Филарета мѣстной врачебной управой. Но это было только началомъ горя для Филарета. Чрезъ три мѣсяца Августинъ прислалъ въ Синодъ другое донесеніе о сдѣланномъ на Филарета денежномъ начетѣ за непринятіе мѣръ ко взысканію съ бывшихъ членовъ Оренбургскаго духовнаго правленія казенной суммы, не оказавшейся при сдачѣ дѣлъ изъ правленія въ консисторію въ 1801 году. Затѣмъ пошелъ цѣлый рядъ слѣдствій о разныхъ взведенныхъ на Филарета обвиненіяхъ: о жестокостяхъ въ наказаніи учениковъ, безпорядкахъ и упущеніяхъ при сдачѣ семинарской библіотеки, неисполненіи Филаретомъ должности ректорской и учительской, нехожденіи его въ классы и прочее. Филарета допрашивали по всѣмъ этимъ дѣламъ и требовали письменныхъ показаній. Архіерей относился къ нему съ какимъ-то злобнымъ раздраженіемъ, самъ присутствовалъ въ консисторіи при его допросахъ и, при всякомъ случаѣ возраженій Филарета на предлагаемые ему вопросы, приказывалъ составлять акты объ оскорбленіи его преосвященства и консисторіи. Съ такимъ же непонятнымъ озлобленіемъ и совершенно произвольно онъ лишалъ его жалованья по ректорской и учительской должности на нѣсколько мѣсяцевъ.

Не предугадывая, какъ далеко зайдетъ дѣло, Филаретъ смиренно просилъ консисторію рѣшить дѣло на основаніи законовъ, не доводя до разсмотрѣнія Святѣйшаго Синода, и какое послѣдуетъ рѣшеніе, въ томъ полагается совершенно на милость и судъ епархіальнаго начальства. Но, когда по всѣмъ этимъ дѣламъ заготовлены были на сотняхъ листовъ записки съ явнымъ и усиленнымъ обвиненіемъ его по всѣмъ пунктамъ, для представленія Святѣйшему Синоду, и даны были ему для прочтенія, то онъ написалъ, что все переносилъ, надѣясь на милость начальства, что готовъ былъ трудиться и безъ жалованья и когда его учительскіе труды обратили ему въ источникъ страданій, то онъ и страдать готовъ былъ, потому что невинность страдать умѣетъ; но, видя, что его судятъ по законамъ, которые къ его дѣлу не относятся, онъ не можетъ ввѣрить рѣшенія этого дѣла и своей судьбы Оренбургской духовной консисторіи и проситъ представить все на милостивое разсмотрѣніе

Святѣйшаго Синода. Августинъ представлялъ въ этотъ разъ уже не объ удаленіи Филарета изъ епархіи, а объ оставленіи его въ полной зависимости его, преосвященнаго, для возложенія на него монастырскихъ послушаній. Святѣйшій Синодъ, разсмотрѣвъ всѣ извѣты архіерея и консисторіи, написанные на сотняхъ листовъ, со всевозможными статьями изъ Уложенія, Генеральнаго и Духовнаго Регламентовъ, Воинскаго Устава, манифестовъ, пунктовъ и указовъ Синодскихъ и Сенатскихъ, 3 Октября—2 Декабря 1810 г. призналъ эти извѣты по всѣмъ пунктамъ не заслуживающими уваженія. «А, какъ по вышеизъясненнымъ—сказано въ заключеніи Синодальнаго опредѣленія—и по другимъ дѣламъ, усматриваетъ (Святѣйшій Синодъ), что онъ, епископъ Августинъ, резолюціями своими, останавливая законныя дѣйствія дѣлъ, обязывалъ неоднократно консисторію производить новыя изслѣдованія по такимъ предметамъ, кои, по существу своему, никакой важности не составляли къ немомѣрному ея и подсудимаго ему духовенства отягощенію, и таковыми дѣлами, кои болѣе зависятъ отъ архипастырскаго его, епископа, разсмотрѣнія, затрудняетъ и отвлекаетъ Святѣйшій Синодъ отъ важнѣйшихъ его занятій по лежащей на немъ должности, да и вообще Святѣйшій Синодъ, находя его, епископа, въ образѣ управленія ввѣренною ему епархіею, тягостнымъ, не можетъ не обратить на все сіе вниманія; и для того, замѣтивъ оное ему, епископу, подтвердить, чтобы впредь, въ правленіи ввѣренной ему паствы, поступалъ сообразно правиламъ святыхъ Апостолъ и Отецъ». Но еще прежде, чѣмъ состоялось это опредѣленіе, Святѣйшій Синодъ укрылъ Филарета отъ злобы Августина и перемѣстилъ ректоромъ въ Тобольскъ, къ прежнему начальнику его, Амвросію [1]).

Чрезъ три года пребыванія въ Сибири, Филаретъ вызванъ былъ въ 1814 г. въ С.-Петербургъ, на чреду и, предъ самымъ окончаніемъ перваго курса въ С.-Петербургской духовной академіи, опредѣленъ въ нее инспекторомъ; а при окончаніи курса и при открытіи академической конференціи въ 1814 г. именованъ докторомъ богословія. При открытіи въ томъ же году Московской академіи, Филаретъ опредѣленъ въ нее профессоромъ богословскихъ наукъ и инспекторомъ, а въ 1816 г. 16 Марта, ректоромъ. Ревизовавшій Московскую академію, ректоръ С.-Петербургской академіи, архимандритъ

[1]) Св. Син. 1818 г., № 557.

Филаретъ, въ отзывѣ объ инспекторѣ Московской академіи Филаретѣ, представлялъ Коммиссіи, что «благочестіе и строгая жизнь даютъ важность его наставленіямъ и силу его власти. Онъ назидаетъ своимъ примѣромъ и учащихся и учащихъ». Такой же отзывъ Филаретъ далъ о немъ послѣ ревизіи академіи, уже какъ о ректорѣ академіи, въ 1818 году: «Свидѣтельство, данное о немъ въ прежнее обозрѣніе, въ бытность его инспекторомъ, сугубо оправдываетъ, будучи ректоромъ. Общій характеръ академіи, какъ новаго заведенія, образовался преимущественно назидательнымъ дѣйствіемъ его характера» [1]). Любопытная черта его взглядовъ выразилась въ рѣшеніи по слѣдующему дѣлу. Воронежская семинарія представила въ академическое правленіе объ утвержденіи въ должности секретаря правленія, чиновника (повытчика) тамошней консисторіи, бывшаго прежде того, по окончаніи курса въ Московской академіи, учителемъ этой семинаріи. Академическое правленіе, опасаясь того, что «вступающіе въ семинарскую канцелярію изъ консисторской или другихъ подобныхъ по пріобрѣтенному навыку могутъ умножать приказныя формы, обременительныя для училищнаго правленія, постановило правиломъ, чтобы должность секретаря семинарскаго правленія предоставляема была преподавателямъ семинаріи или находящагося при семинаріи училища и только, въ случаѣ совершеннаго недостатка упомянутыхъ лицъ, допускать посторонихъ чиновниковъ». Коммиссія утвердила это постановленіе [2]).

Въ Маѣ 1819 г. Филаретъ назначенъ епископомъ въ Калугу, въ Январѣ 1825 г. переведенъ въ Рязань; въ слѣдующемъ году вызванъ въ С.-Петербургъ.

П. В. Музовскій былъ уже заслуженною особою при Дворѣ. Сынъ протоіерея Сергіевскаго артиллерійскаго собора, Музовскій обучался въ С.-Петербургской семинаріи, и, по окончаніи курса, былъ въ ней годъ учителемъ; въ 1787 г. посвященъ былъ въ духовный санъ и опредѣленъ въ Дрезденъ къ посольской церкви при Саксонскомъ Дворѣ; въ 1791 г., по желанію посла, князя А. М. Бѣлосельскаго, переведенъ къ посольской церкви при Сардинскомъ Дворѣ, но, по случаю вступленія въ Туринъ французскихъ войскъ и происшедшаго возмущенія, сопровождавшагося изгнаніемъ Сардинскаго короля, принужденъ былъ выѣхать изъ Турина и отправленъ былъ

[1]) Собр. мн. и отз. м. Филарета, т. I стр. 298 и 442.
[2]) Ж. К. Д. У. 8 Марта 1818 г.

посломъ Штакельбергомъ въ Тріестъ. Оставаясь здѣсь въ продолженіе шести лѣтъ съ 1798 по 1803 г. безъ всякаго служебнаго дѣла, Музовскій терпѣлъ съ семьею крайнюю нужду. Въ Октябрѣ 1803 г., бывшій при дворѣ в. к. Александры Павловны, а потомъ при гробѣ ея, протоіерей Самборскій, пригласилъ Музовскаго помочь ему въ священнослуженіи, а въ слѣдующемъ году, съ Высочайшаго соизволенія, передалъ ему свое мѣсто. Музовскій взялъ его по нуждѣ, но бѣдствовалъ не меньше прежняго. Живя въ Премѣ, близъ Офена, онъ помѣщался съ семьею въ деревенскомъ домѣ; содержаніе получалъ скудное; удобствъ никакихъ [1]); а между тѣмъ, имѣя семерыхъ дѣтей, не имѣлъ никакихъ способовъ къ ихъ воспитанію и образованію и просилъ Императрицу Марію Ѳеодоровну о призрѣніи его дочерей, но получилъ отвѣтъ, что въ институтъ болѣе одной не принимаютъ, а у него ихъ было три. Кое-какъ онъ переносилъ еще свое положеніе, пока посломъ въ Вѣнѣ былъ князь А. Б. Куракинъ, который поддерживалъ его своимъ вниманіемъ, участіемъ и ревностію къ православной церкви; но съ назначеніемъ князя Куракина въ 1808 г. въ Парижъ онъ сталъ настойчиво просить о перемѣщеніи его изъ «сей горькой пустыни къ какой нибудь миссіи или о возвращеніи въ Россію, а князя А. Н. Голицына просилъ чрезъ А. И. Тургенева, чтобы его не сунули на какое нибудь мѣсто, гдѣ принужденъ будетъ въ потѣ лица доставать хлѣбъ и что онъ счелъ бы благополучнымъ заступить мѣсто покойнаго отца своего при церкви святаго Сергія въ артиллеріи и тамъ бы съ удовольствіемъ закрылъ глаза, гдѣ увидалъ первый свѣтъ» [2]). Въ Мартѣ 1809 г. постигло его новое горе —смерть жены. Наконецъ, по докладу князя Голицына, послѣдовало Высочайшее соизволеніе на возвращеніе его въ Россію, когда полити-

---

[1]) «Будучи въ отдаленности отъ города—писалъ онъ къ кн. Куракину 25 Авг. 1806 г. – и обязанъ еженедѣльно, какъ за съѣстными припасами, такъ и за домашними нуждами имѣть сообщеніе съ онымъ, надѣялся я, что мнѣ будутъ даваться сельскія лошади по праву, но, не получивъ того, принужденъ содержать собственныхъ, не имѣя ни полей, ни сѣнокосовъ и получая все изъ дальныхъ мѣстъ».

[2]) Будущій царедворецъ писалъ къ Тургеневу: «Чистые и непринужденные знаки доброжелательства и дружества, которые вы мнѣ въ краткое ваше здѣсь пребываніе оказали, не даютъ мѣста сумнѣваться, чтобъ вы, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, не употребили старанія (если возможность къ тому найдется) въ мою пользу его сіятельству князю Голицыну. Я знаю, что вы не сіятельный, не свѣтлѣйшій, но изъ вашихъ добродѣтельныхъ ни ласкательству, ни похлѣбству не подверженныхъ устъ, доброе слово и сильнѣе и для меня важнѣе всѣхъ княжескихъ грамотъ» (10—29 Ноябр. 1808 г.).

ческія обстоятельства позволятъ [1]). Черезъ два года послѣ этого, Музовскій возвратился въ Петербургъ и въ 1811 г. опредѣленъ былъ законоучителемъ новоучрежденнаго Царскосельскаго лицея.

Въ 1816 г. посланъ былъ въ Германію для обученія Закону Божію и русскому языку Августѣйшей невѣсты в. к. Николая Павловича; по возвращеніи, опредѣленъ протоіереемъ церкви Аничковскаго дворца и былъ духовникомъ Ихъ Высочествъ. Въ 1822—1823 г. находился въ Штутгардтѣ для обученія Закону Божію Виртембергской принцессы невѣсты, впослѣдствіи супруги в. к. Михаила Павловича. Въ 1826 г. 2 Декабря назначенъ управляющимъ придворнымъ духовенствомъ и членомъ Святѣйшаго Синода съ пожалованіемъ ему митры и съ порученіемъ ему Малой церкви Зимняго дворца; въ 1827 г. 27 Января, по увольненіи отъ службы протоіерея Торопогрицкаго, назначенъ оберъ-священникомъ Главнаго штаба и управляющимъ гвардейскимъ духовенствомъ.

П. Моджугинскій былъ съ 1792 г. полковымъ священникомъ, а ко времени назначенія его, 3 Іюля 1826 г., на должность оберъ-священника арміи и флота полковымъ оберъ-священникомъ 1-й арміи и имѣлъ пребываніе въ Могилевѣ. По прибытіи въ С.-Петербургъ, въ бытность Святѣйшаго Синода, по случаю коронаціи, въ Москвѣ, присутствовалъ въ учрежденной въ С.-Петербургѣ, подъ предсѣдательствомъ преосвященнаго Никанора, епископа Ревельскаго, синодальной конторѣ; 24 Октября того же года повелѣно ему присутствовать въ Святѣйшемъ Синодѣ. 13-го Ноября утвержденъ оберъ-священникомъ арміи и флотовъ, 4-го Декабря пожалована ему митра, а въ 1827 г. 3 Сентября, Высочайшимъ Именнымъ указомъ Синоду, за болѣзнію, уволенъ отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей, съ повелѣніемъ Синоду избрать на мѣсто его и представить достойныхъ кандидатовъ [2]).

---

[1]) Дѣло Арх. Св. Син. 1810 г. № 5277.

[2]) Бывшій оберъ-священникъ Моджугинскій послѣ трехъ лѣтъ пребыванія на Валаамѣ, не получивъ разрѣшенія на опредѣленіе въ Могилевъ къ прежнему или другому какому мѣсту въ военномъ вѣдомствѣ, испросилъ Высочайшее соизволеніе на постриженіе въ монашество и перемѣщеніе изъ Валаамскаго въ другой монастырь, состоящій въ одной изъ южныхъ епархій; причемъ разрѣшено ему, какъ не запрещенному въ священнослуженіи, пользоваться степенью простаго іеромонаха, безъ возведенія въ настоятельскую степень игумена или архимандрита и безъ сохраненія, по постриженіи въ монашество, права ношенія митры; а Св. Синоду повелѣно назначить для пребыванія его монастырь извѣстный строгостію жизни монашествующихъ и порядкомъ своего управленія и чтобы въ ономъ продолжаемъ былъ надъ нимъ надлежащій надзоръ;

Святѣйшій Синодъ, до опредѣленія другаго оберъ-священника, поручилъ исправленіе должности члену своему, оберъ-священнику Главнаго штаба, протоіерею Музовскому, а при разсужденіи о кандидатахъ на должность оберъ-священника арміи, полагая, что до 1816 г. онъ завѣдывалъ духовенствомъ и гвардейскаго корпуса и что раздѣленіе его управленія сдѣлано въ уваженіе личныхъ заслугъ протоіерея Торопогрицкаго и можетъ почитаться временнымъ,— представилъ первымъ кандидатомъ протоіерея Музовскаго, дабы соединить въ его лицѣ и должности управленіе всѣмъ военнымъ духовенствомъ; вторымъ, въ качествѣ оберъ-священника арміи, по кромѣ уже гвардейскаго корпуса, «небезъизвѣстнаго по ученію и нравственности и служившаго съ одобреніемъ въ арміи» придворнаго протоіерея Григорія Мансветова и третьимъ—«одобряемаго по послужнымъ спискамъ» полеваго оберъ-священника 1-й арміи, Алексѣя Карышева [1]).

На докладѣ Святѣйшаго Синода Государь написалъ 10 Сентября: «докладъ сей я не разрѣшаю, а велѣть протоіерею Карышеву прибыть сюда для исправленія сей должности на испытаніе». Но, получа свѣдѣніе о не бывшемъ прежде сего въ виду дѣлѣ касательно нѣкоторыхъ поступковъ означеннаго протоіерея, приказалъ: «не призывать его сюда, а велѣть на пробу исполнять должность оберъ-священника протоіерею Мансветову». 27-го Сентября разосланы были печатные указы «О порученіи на пробу исправленія должности оберъ-священника арміи и флотовъ придворному прото-

---

Моджугинскій отправленъ былъ въ Глинскую Богородицкую пустынь Курской епархіи, въ которой 4 мая 1831 г. и постриженъ съ наименованіемъ *Петромъ*. Въ первый же разъ при служеніи въ санѣ іеромонаха, Петръ пожелалъ надѣть набедренникъ и палицу и другія отличія, какія имѣлъ во время службы въ бѣломъ духовенствѣ; Святѣйшій Синодъ предоставилъ ему употребленіе сихъ отличій, какъ не воспрещенныхъ Высочайшимъ повелѣніемъ, кромѣ митры (Дѣло Арх. Св. Син. 1827 г., № 1279).

[1]) Протоіерей Г. Мансветовъ обучался съ 1789 г. въ Тобольской и съ 1793 г. въ Александроневской семинаріяхъ; съ 1799 г. былъ учителемъ, съ 1803 г. священникомъ въ Тобольской епархіи и членомъ консисторіи, съ 1805 г. полковымъ священникомъ; съ 1812 учителемъ армейской семинаріи и законоучителемъ въ С.-Петербургскомъ высшемъ училищѣ; съ 1816 г. протоіереемъ при церкви армейской семинаріи. По закрытіи семинаріи, 26 января 1819 г., опредѣленъ законоучителемъ С.-Петербургской гимназіи и 15 Іюня перемѣщенъ къ придворному собору.

Карышевъ окончилъ курсъ въ Орловской семинаріи; съ 1803 г. былъ епархіальнымъ, съ 1810 г. полковымъ священникомъ; въ 1812—1816 г. г. участвовалъ во всѣхъ походахъ противъ французскихъ войскъ и подъ Бріеномъ получилъ контузію; въ 1827 г. былъ полковымъ оберъ-священникомъ 1-й арміи.

іерею Мансветову». Но Мансветовъ не былъ назначенъ Синодальнымъ членомъ [1]).

Такимъ образомъ, въ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ, ко времени прибытія митрополита Филарета, были членами: митрополитъ Серафимъ, Рязанскій архіепископъ Филаретъ (Амфитеатровъ) [2]), Калужскій епископъ Григорій (Постниковъ) [3]), духовникъ протопресвитеръ П. В. Криницкій, оберъ священникъ Н. В. Музовскій, князь Мещерскій и, числившійся въ Коммиссіи съ званіемъ члена, Павловъ. Правителемъ дѣлъ былъ послѣ Ястребцова, съ Мая 1824 г., Никифоръ Петровичъ *Чичаговъ*, занимавшій также съ 1829 г. должность помощника статсъ-секретаря въ Государственномъ Совѣтѣ по Департаменту законовъ [4]).

Митрополитъ Филаретъ прибылъ въ С.-Петербургъ въ Маѣ 1827 г. По чьей мысли состоялся вызовъ его—было ли на то прямо желаніе и указаніе Государя, или митрополитъ Серафимъ желалъ имѣть въ немъ помощника въ Синодѣ, мы не знаемъ. Но первое предположеніе кажется болѣе вѣроятнымъ, потому что, по многимъ, доходившимъ въ это время до свѣдѣнія или представляемымъ на утвержденіе Государя, дѣламъ, Государь изъявлялъ желаніе знать мнѣніе митрополита Филарета и оказывалъ предпочтительное вниманіе къ его мнѣніямъ.

Въ первые мѣсяцы пребыванія въ С.-Петербургѣ, митрополитъ Филаретъ занялся исправленіемъ Пространнаго катихизиса и составленіемъ краткаго съ Священной Исторіей или начатковъ, которые, въ первой половинѣ Августа, представлены были Святѣйшему Синоду и, послѣ подробной цензуры изложенія и дополненія членами Святѣйшаго Синода, одобрены и въ концѣ года напечатаны. Символъ вѣры, тексты изъ библіи и, приведенныя въ Пространномъ катихизисѣ доказательства изъ отеческихъ писаній, предложены по славянски.

Митрополитъ Филаретъ былъ и теперь, какъ и прежде, самымъ дѣятельнымъ членомъ въ Синодѣ и въ Коммиссіи и, не выходя

---

[1]) Дѣло Арх. Св. Син. 1827 г., № 1279.

[2]) Филаретъ вскорѣ, 25 Февр. 1828 г., переведенъ въ Казань и не присутствовалъ болѣе въ Синодѣ и въ Коммиссіи.

[3]) Григорій, 3 Марта 1828 г., переведенъ на мѣсто Филарета въ Рязань, съ возведеніемъ въ санъ архіепископа.

[4]) П. П. Чичаговъ, изъ дворянъ Костромской губерніи, по окончаніи въ 1806 г. курса въ Московской гимназіи, служилъ въ Сенатѣ, въ Министерствѣ вн. дѣлъ, въ Госуд. Контролѣ и, съ 1819, бухгалтеромъ въ Коммиссіи Дух. Училищъ.

изъ почтительнаго отношенія къ старѣйшему и первенствующему іерарху, митрополиту Серафиму, имѣлъ наибольшее вліяніе на ходъ и направленіе дѣлъ. Нельзя сказать, чтобы такое положеніе его создавалось безъ прекословій и безъ препятствій. Личное превосходство, хотя бы и общепризнанное, всегда возбуждаетъ и встрѣчаетъ на своемъ пути разныя противодѣйствія. Но въ частности—въ самомъ направленіи дѣйствій Филарета въ то время было нѣчто вызывающее. Онъ старался возстановить то, что хотѣли уронить и ослабить во время его удаленія изъ Синода и Коммиссіи. Митрополитъ Серафимъ не могъ, конечно, относиться къ этому равнодушно. А митрополитъ Филаретъ съ своей стороны не могъ думать и надѣяться, чтобы голосъ его въ дѣлахъ общей церковной и государственной важности, получилъ перевѣсъ надъ голосомъ первенствующаго въ Синодѣ и уважаемаго Государемъ митрополита Серафима. Такимъ образомъ выдающееся положеніе Филарета создавалось подъ сдерживающимъ вліяніемъ митрополита Серафима и эта двойственность отражалась на многихъ производившихся въ то время дѣлахъ въ Святѣйшемъ Синодѣ.

Вскорѣ послѣ прибытія Филарета въ С.-Петербургъ, въ Синодѣ долженъ былъ обсуждаться представленный Государю проэктъ объ улучшеніи духовнаго управленія. «Здѣсь,—говорилъ потомъ, спустя много лѣтъ, Филаретъ—сказано было много невыгоднаго о тогдашнемъ состояніи дѣлъ русской церкви, напримѣръ, что Синодъ самъ не знаетъ положенія церкви, что никакихъ ревизій въ епархіяхъ не производится, а Синодъ только разсматриваетъ поступающія въ него дѣла и много было говорено объ упущеніяхъ въ различныхъ частяхъ управленія церковнаго, между прочимъ и въ училищахъ». Въ проэктѣ предполагалось учредить надъ Синодомъ что-то въ родѣ протестантской консисторіи изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что настоящіе члены Синода обременены дѣлами епархіальнаго управленія. Проэктъ коснулся и вопроса о переводѣ Библіи. Государь приказалъ разсмотрѣть этотъ проэктъ въ Святѣйшемъ Синодѣ. При докладѣ о немъ, преосвященный Серафимъ сказалъ: знаю я, кто его писалъ. «Я, говоритъ преосвященный Филаретъ, имѣя въ виду неудовольствіе, полагалъ, что не будутъ со мною искренни, а потому не спросилъ, кто же именно писалъ. Только передъ этимъ вышелъ изъ Синода Павловъ, такъ что первую бумагу при мнѣ докладывалъ Ханыковъ объ увольне-

ніи Павлова [1]). Докладчикъ предложилъ, что, такъ какъ проэктъ весьма обширенъ и требуетъ разсмотрѣнія многихъ предметовъ, то не угодно ли будетъ членамъ предварительно прочесть его съ тѣмъ, чтобы при общемъ слушаніи предложить свои замѣчанія. Зналъ я, что Государь былъ характера сильнаго и имѣлъ желаніе прекратить разныя злоупотребленія, вкравшіяся въ послѣдніе годы царствованія Александра, когда управлялъ дѣлами Аракчеевъ, а потому опасался, что если Синодъ не сдѣлаетъ основательнаго отвѣта на проэктъ и не изберетъ своихъ мѣръ къ улучшенію церковнаго состоянія, то будутъ приняты предложенныя: проэктъ могъ понравиться. Вотъ я и рѣшилъ написать свою записку о проэктѣ для предложенія прочимъ членамъ. Здѣсь, между прочимъ, нужно было коснуться и перевода Священнаго Писанія. Я изложилъ тоже, что говорилъ преосвященному Серафиму. Записка была прочтена. О переводѣ снова изъявилъ несогласіе преосвященный Серафимъ. Не смотря на то, положено было представить ее Государю, какъ мнѣніе одного изъ членовъ Синода. Если бы Государь и не одобрилъ, Синодъ не потерпѣлъ бы пораженія, представляя только частное мнѣніе. Государь прочиталъ и написалъ: «Справедливо». Послѣ говорилъ мнѣ А. Н. Голицынъ: что же вы не настояли на свое мнѣніе о переводѣ Священнаго Писанія? Я отвѣчалъ, что не хочу производить раскола въ Церкви» [2]).

Въ то же время въ Синодѣ шло другое дѣло, начавшееся по Высочайшему повелѣнію въ Іюлѣ 1826 г. объ улучшеніи состоянія сельскаго духовенства. Синодъ потребовалъ отъ своихъ членовъ и присутствующихъ и отъ нѣкоторыхъ епархіальныхъ преосвященныхъ соображеній и мнѣній по этому предмету, а изъ консисторій — подробныхъ статистическихъ свѣдѣній о наличномъ числѣ церквей и

---

[1]) Павловъ, бывшій въ Синодѣ чиновникомъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ и членомъ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ, Высочайшимъ указомъ 3 Іюля 1827 г. уволенъ отъ службы съ пенсіономъ по 1500 р. въ годъ. Изъ сопоставленія упоминанія о немъ съ дѣломъ о проэктѣ, слѣдуетъ заключить, что Филаретъ считалъ его составителемъ проэкта. Въ дѣлахъ Коммиссіи Дух. Училищъ намъ встрѣчалось указаніе, что м. Серафимъ требовалъ доставленія ему свѣдѣній по тѣмъ предметамъ, о которыхъ упоминается въ проэктѣ. Въ запискахъ И. В. Сушкова, писанныхъ также по воспоминаніямъ покойнаго м. Филарета, составителемъ проэкта названъ, бывшій при воспитаніи Цесаревича Александра Николаевича, генералъ Карлъ Карловичъ Мердеръ, лютеранинъ (Сушкова, Записки о жизни Филарета стр. 134): но онъ не могъ такъ близко и подробно знать положеніе дѣлъ, касающихся русской церкви, какъ изложено въ проэктѣ. Можетъ быть, Павловъ чрезъ него представилъ свою записку Государю.

[2]) Прав. Обозр. 1868 г. т. 26.

причтовъ, о малоприходныхъ и бѣднѣйшихъ церквахъ, о количествѣ принадлежащей церквамъ земли и пр., отъ семинарій о числѣ воспитанниковъ, о состоящихъ на казенномъ и на своемъ содержаніи и пр. Дѣло длилось; свѣдѣній собрано было много; но не видно было конца организаціонной работы.

Между тѣмъ, Государю представленъ былъ (маркизомъ Паулуччи) еще новый проэктъ по этому же предмету, состоящій въ томъ, чтобы, на основаніи указа Петра I, крестьяне обработывали землю приходскихъ священниковъ.

Государь поручилъ предсѣдателю Государственнаго Совѣта, графу В. П. Кочубею, пригласить князя А. Н. Голицына и митрополита Филарета и при участіи ихъ разсмотрѣть этотъ проэктъ, а такъ какъ онъ относился къ тому же предмету, по которому въ Іюлѣ 1826 г. дано было Святѣйшему Синоду Высочайшее повелѣніе чрезъ статсъ-секретаря Муравьева, то обсудить, «какъ поступить, чтобы Синодъ дѣятельнѣе и неукоснительнѣе занялся исполненіемъ этого Высочайшаго повелѣнія. Нуженъ ли для сего указъ Синоду или можно какъ либо иначе распорядиться». Въ этомъ совѣщаніи митрополитъ Филаретъ изложилъ свои мысли, выраженныя имъ въ запискѣ, представленной Государю 26 Ноября 1826 г., и заявилъ, что «при сужденіи дѣла въ Синодѣ онъ предъявитъ, въ видѣ мнѣнія своего, все то, что изъ записки его, Государю Императору представленной, Его Величествомъ за благо принято будетъ» [1]).

Вскорѣ послѣ этого, 11 Января 1828 г., послѣдовалъ Высочайшій указъ Святѣйшему Синоду о мѣрахъ къ успѣшнѣйшему образованію духовнаго юношества и къ обезпеченію приходскаго духовенства; а 23 Января Филаретъ предъявилъ въ Синодѣ свое мнѣніе по этимъ предметамъ. Для насъ любопытенъ первый отдѣлъ этого мнѣнія—о способахъ къ лучшему образованію духовнаго юношества, въ которомъ онъ настойчиво протестовалъ противъ распоряженій Коммиссіи Духовныхъ Училищъ, послѣдовавшихъ съ 1825 г. и представлявшихъ собою *обратный ходъ* отъ того направленія, которому она слѣдовала съ 1808 года. Возвращеніе къ старинному латинскому схоластическому учебнику, запрещеніе преподавать богословіе на русскомъ языкѣ, лишеніе лучшихъ оканчивающихъ ака-

[1]) Собр. мн. и отз. м. Филарета, 2, № 188, стр. 216.

демическій курсъ студентовъ степени магистра—составляли, по его мнѣнію, колебаніе порядка, который началъ устанавливаться такъ прочно и привелъ уже къ желаннымъ благимъ слѣдствіямъ. «До преобразованія духовныхъ училищъ—писалъ онъ—нѣкоторыя изъ сихъ училищъ полагали свою славу въ преимущественномъ предъ другими знаніи латинскаго языка. Отсюда священники, которые лучше знали языческихъ писателей, нежели священныхъ и церковныхъ, лучше говорили и писали на латинскомъ языкѣ, нежели на русскомъ, болѣе способны были блистать въ кругѣ ученыхъ отборными выраженіями мертваго языка, нежели свѣтить народу живымъ познаніемъ истины. Богословія преподаваема была только догматическая, по методѣ слишкомъ школьной. Отсюда знаніе сухое и холодное, недостатокъ дѣятельной назидательности, принужденный тонъ и безплодность поученій, неумѣніе говорить съ народомъ о истинахъ, которыя казались очень знакомыми въ училищѣ. Вмѣсто испытаній въ высшихъ предметахъ ученія, употреблялись, такъ называемые, диспуты, въ которыхъ большая часть учениковъ не участвовала, и слѣдственно совсѣмъ не испытывалась, а нѣкоторые раздѣлялись на двѣ стороны, такъ что искусство доказывать ложь соперничествовало съ искусствомъ защищать истину, и хитрое возраженіе одобряемо было не меньше основательнаго опроверженія; отсюда склонность къ спорамъ, часто соблазнительнымъ и большею частію безполезнымъ для наставленія народа, потому что школьныя возраженія и рѣшенія не входятъ въ кругъ понятій, обращающихся въ народѣ. Со времени преобразованія духовныхъ училищъ, въ 1814 г., введено преподаваніе дѣятельной богословіи; такимъ образомъ богословское ученіе сдѣлалось ближе къ употребленію въ жизни. Вмѣсто диспутовъ между немногими о немногомъ, введены испытанія всѣхъ учениковъ, во всѣхъ предметахъ ученія; такимъ образомъ и надзоръ за успѣхами въ ученіи вѣрнѣе направленъ къ усовершенію учащихся и самаго ученія. Дозволено преподавать богословскіе уроки на русскомъ языкѣ; отъ сего, правда, знаніе латинскаго языка сдѣлалось слабѣе, но за то школьная терминологія начала уступать мѣсто болѣе чистому и ясному изложенію истины, распространеніе существенныхъ познаній усилилось и сообщеніе оныхъ народу въ поученіяхъ облегчилось».

«Хотя, по уставамъ училищъ, богословскія, такъ какъ и прочія науки должны быть преподаваемы по утвержденнымъ учебнымъ

книгамъ, но, по недостатку хорошихъ и для ободренія къ сочиненію оныхъ, допущено было, подобно какъ и прежде преобразованія училищъ допускаемо было, преподаваніе самими учащими вновь составляемыхъ уроковъ. Слѣдствіемъ сего допущенія было то, что нѣкоторыми наставниками, въ дѣлѣ своемъ еще новыми, преподаваемы были уроки не въ довольномъ совершенствѣ; что по нѣкоторымъ предметамъ духовнаго ученія составились учебныя книги, которыхъ до того не было, какъ то, по библейской и церковной исторіи; что, по нѣкоторымъ опытамъ богословскихъ уроковъ, напечатаннымъ въ Христіанскомъ Чтеніи, оказывалась надежда имѣть собственныя классическія книги по богословіи, не такъ поспѣшно, по важности предмета, но тѣмъ основательнѣе обработываемыя; что ученіе начинало ближе приспособляться къ дѣйствительнымъ потребностямъ времени и будущаго служенія наставляемыхъ, какъ, напримѣръ, въ Московской академіи, по части богословіи полемической, начались было уроки о расколахъ, возникшихъ въ россійской церкви, и средствахъ къ вразумленію впадающихъ въ оные. Но въ 1825 г. Коммиссія Духовныхъ Училищъ, вѣроятно, по замѣчанію того, что нѣкоторые собственные уроки наставниковъ несовершенны, предписала духовнымъ училищамъ, чтобы никто собственныхъ уроковъ не преподавалъ, чтобы богословія преподаваема была исключительно на латинскомъ языкѣ, чтобы классическою книгою была богословія Оеофилакта, выписанная изъ лютеранской богословіи Буддея, и проч. Сей обратный ходъ отъ внятнаго ученія на природномъ языкѣ къ латинскому схоластицизму не можетъ способствовать усовершенію образованія готовящихся къ священству, и удивительно, что, во время, особенно хвалящееся ревностію по православіи, возращается пристрастіе къ латинскому языку, который, по первоначальному своему образованію, есть языкъ народа языческаго, по нынѣшнему употребленію--языкъ церкви западной, а языкомъ церкви восточной и не былъ и быть причины не имѣетъ». Митрополитъ Филаретъ полагалъ напротивъ, что уставы духовныхъ училищъ 1808—1814 г.г. могутъ и впредь служить прочнымъ основаніемъ къ доброму устройству духовныхъ училищъ, къ правильному образованію духовнаго юношества и предлагалъ: 1) только исправить и дополнить эти уставы по указаніямъ десятилѣтняго опыта и представить оные къ Высочайшему утвержденію; 2) постоянно держаться принятыхъ и утвержденныхъ правилъ; ибо не-

твердость въ правилахъ и лучшимъ учрежденіямъ даетъ зыблющійся ходъ и отнимаетъ бодрость у подчиненныхъ, содержа ихъ въ непрестанномъ опасеніи перемѣнъ, чрезъ которыя труды ихъ могутъ сдѣлаться безплодными; 3) употреблять попеченіе, чтобы училища, еще не довольно благоустроенныя, исправлять, а благоустроенныя поддерживать въ устройствѣ и направлять къ дальнѣйшему усовершенію, для чего нужно внимательное и неослабное дѣйствованіе Коммиссіи Духовныхъ Училищъ и епархіальныхъ архіереевъ. Поводомъ къ замѣчанію относительно епархіальныхъ архіереевъ служило то обстоятельство, что, до начала текущаго столѣтія, семинаріи съ училищами состояли въ непосредственномъ и полномъ завѣдываніи и распоряженіи епархіальныхъ преосвященныхъ, которые заботились объ ихъ устройствѣ и содержаніи, о пріисканіи для нихъ учителей, о снабженіи ихъ учебными руководствами и проч. Со времени же учрежденія Коммиссіи Духовныхъ Училищъ, ближайшее завѣдываніе низшими училищами предоставлено семинаріямъ, завѣдываніе семинаріями — академіямъ, а высшее управленіе всѣми училищами сосредоточено было въ Коммиссіи; вслѣдствіе чего, нѣкоторые изъ архіереевъ сочли себя какъ бы устраненными отъ наблюденія за училищами. Почему митрополитъ Филаретъ предлагалъ разъяснить имъ, что они, по своему званію, должны полномочно начальствовать въ училищахъ, но безъ нарушенія училищныхъ постановленій; 4) поелику въ 1825 г. Коммиссія Духовныхъ Училищъ, взявъ обратный ходъ отъ общевразумительнаго ученія къ схоластизму, предписала богословіе преподавать исключительно на латинскомъ языкѣ, по книгамъ, въ которыхъ недостаточное ученіе обременено тяжелою школьною терминологіею, по сей принужденный образъ преподаванія на мертвомъ языкѣ не благопріятствуетъ образованію приходскихъ священниковъ, которые обязаны излагать истины вѣры, большею частію, неученымъ людямъ, какъ можно просто, на языкѣ природномъ, и, притомъ, латинскій языкъ,—который, по первоначальному своему образованію, имѣетъ характеръ языческій, и, по нынѣшнему употребленію, принадлежитъ церкви западной, — безъ правъ и приличія стѣсняетъ изложеніе истины въ церкви восточной: то установить рѣшительно, особенно въ семинаріяхъ, преподаваніе богословскаго ученія на языкѣ россійскомъ и поощрить способныхъ людей къ составленію учебныхъ книгъ богословскихъ, въ истинномъ духѣ слова Божія и святыхъ отцевъ, съ

точнымъ ученіемъ, но, притомъ, сколько можно общепонятнымъ изложеніемъ истинъ. Въ подкрѣпленіе своего мнѣнія о преподаваніи богословія на русскомъ языкѣ, митрополитъ Филаретъ приложилъ къ нему особое дополненіе, въ которомъ доказывалъ, что изданіе ученыхъ богословскихъ книгъ на русскомъ языкѣ есть дѣло уже не новое; что, до учрежденія латинскихъ школъ въ Россіи, для образованія духовнаго юношества существовали уже школы грекославянскія, что латинскія школы учреждены у насъ изъ подражанія иностраннымъ образцамъ, чуждымъ восточной церкви; и что и въ римской церкви латинскій языкъ сдѣлался господствующимъ не иначе, какъ бывъ природнымъ». Святѣйшій Синодъ разославъ мнѣніе М. м. Филарета ко всѣмъ членамъ и присутствовавшимъ въ Синодѣ: не признаетъ ли кто измѣнить что въ ономъ или чѣмъ дополнить.

Въ Февралѣ представилъ свое мнѣніе Филаретъ, архіепископъ Рязанскій. Не вступая въ открытую полемику съ Московскимъ митрополитомъ Филаретомъ, онъ сильно отстаивалъ латинскій языкъ въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ.

«Преподаваніе богословіи догматической на латинскомъ языкѣ, писалъ онъ, съ пользою для образованія священнослужителей продолжавшееся въ россійскихъ духовныхъ училищахъ болѣе столѣтія и положенное въ Высочайше утвержденныхъ правилахъ о усовершеніи опыхъ, оставить въ своей силѣ по слѣдующимъ причинамъ: знаніе латинскаго языка, теперь уже недостаточное въ ученикахъ, еще въ большее придетъ ослабленіе, ежели богословіе будетъ преподаваться на россійскомъ языкѣ. Латинскій языкъ, по общему мнѣнію просвѣщенныхъ людей, считается ключемъ къ основательной учености. На семъ языкѣ и для духовнаго образованія можно читать то, что написано какъ древними учителями православной церкви, такъ и новѣйшими сочинителями богословской системы. Ибо всѣ отцы церкви переведены съ греческаго на латинскій языкъ. А многихъ, весьма важныхъ православной церкви писателей на латинскомъ языкѣ, нѣтъ на греческомъ, какъ напримѣръ блаженнаго Іеронима, святаго Кипріана, блаженнаго Августина, святаго Амвросія Медіоланскаго, святаго Григорія Великаго и другихъ. Слѣдственно оскудѣніе знанія въ латинскомъ языкѣ было бы великою потерею для просвѣщенія всего россійскаго духовенства.

Не безъ важныхъ причинъ просвѣщенные пастыри россійской церкви, съ ревностію занимавшіеся образованіемъ духовнаго юношества болѣе столѣтія, постоянно удерживали преподаваніе догматическаго богословія на латинскомъ языкѣ. Между другими причинами можетъ быть поставлена слѣдующая. Въ преподаваніи догматическаго богословія необходимо нужно излагать многія и разныя лжеученія для опроверженія оныхъ. Когда сіи лжеученія излагаются по книгѣ на латинскомъ языкѣ ученикамъ, уже приготовленнымъ къ различенію истины отъ лжи: тогда изложеніе ихъ опытнымъ наставникомъ, съ опроверженіемъ оныхъ, обращается въ утвержденіе истины догматовъ вѣры. Но ежели лжеученія, напечатанныя въ книгѣ на россійскомъ языкѣ, хотя бы и съ основательнымъ опроверженіемъ оныхъ, изъ сей книги перейдутъ во всѣ сословія народа, который не будетъ къ тому приготовленъ, то болѣе получится вреда отъ чтенія оныхъ, нежели пользы. Простота вѣры народной отъ сего потерпитъ невозвратную потерю и священные предметы вѣры, вмѣсто должнаго къ нимъ благоговѣнія, обратятся въ предметы разныхъ толковъ. Почему полезнымъ признаю преподаваніе на россійскомъ языкѣ одной только дѣятельной богословіи, какъ болѣе нужной и болѣе приближенной къ понятіямъ всѣхъ сословій народа. А для общественнаго наставленія православныхъ христіанъ въ догматахъ вѣры довольно пространныхъ катихизисовъ и уже изданныхъ богословій, какъ-то преосвященнаго Платона, архимандрита Макарія и другихъ, и на славянскомъ—Православнаго исповѣданія восточной церкви, которую желательно видѣть изданною на россійскомъ языкѣ съ славянскимъ текстомъ. Наконецъ, всего болѣе нужнымъ нахожу обратить вниманіе на то, чтобы, преимущественно въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ, люди, знающіе греческій и латинскій языки, занялись переводами на россійскій твореній святыхъ отцевъ православной церкви: ибо ничто не можетъ быть полезнѣе и вѣрнѣе къ образованію священнослужителей и къ назиданію вѣры и нравовъ всѣхъ сословій народа, какъ чтеніе твореній святыхъ отцевъ Церкви. Безъ занятія переводами, особенно съ греческаго языка, обученіе сему языку, почти для всѣхъ учениковъ, остается безплоднымъ по рѣдкости греческихъ книгъ, хранящихся въ однихъ только училищныхъ библіотекахъ, большею частію, неприкосновенными».

М. м. Филаретъ принялъ на себя приведеніе въ порядокъ всего собраннаго матеріала и редакціонную работу вновь проэкти-

руемаго положенія объ улучшеніи образованія и обезпеченія духовенства. Филаретъ ввелъ въ него всѣ основныя положенія, изложенныя въ его мнѣніи о лучшемъ образованіи духовнаго юношества за исключеніемъ преподаванія богословскихъ наукъ на русскомъ языкѣ, въ чемъ, очевидно, долженъ былъ сдѣлать уступку Серафиму и Филарету; но и этотъ пунктъ изложилъ такъ, что наклонилъ его ближе къ своему мнѣнію, именно: «дабы преподаваемое въ духовныхъ училищахъ ученіе вѣрнѣе направлять къ цѣли народнаго наставленія въ вѣрѣ и нравственности чрезъ образованное духовенство, для сего поощрить способныхъ людей къ составленію учебныхъ книгъ богословскихъ съ изложеніемъ истинъ точнымъ и не запутаннымъ схоластическими тонкостями, съ приспособленіемъ ученія къ состоянію восточной греко-россійской церкви».

13-го Апрѣля 1828 года былъ уже подписанъ членами Синода протоколъ съ проэктомъ положенія о лучшемъ образованіи и обезпеченіи духовенства и вслѣдъ затѣмъ проэктъ этотъ поднесенъ Государю и, по Высочайшему повелѣнію, переданъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта [1]). Съ половины Мая по Ноябрь, митрополитъ Филаретъ находился въ епархіи и присутствовалъ на экзаменахъ въ Московской академіи при окончаніи въ оной 7-го учебнаго курса [2]).

Послѣдующія отношенія митрополита Серафима къ Филарету всегда были напряженныя. Независимо отъ принципіальнаго несо-

---

[1]) Высочайшее утвержденіе, представленныхъ Св. Синодомъ и разсмотрѣнныхъ въ Государственномъ Совѣтѣ предположеній, послѣдовало 6 Декабря 1829 г. (П. С. З. 1829 г., № 3323).

По поводу этого «Положенія», м. Филаретъ писалъ къ своему викарному, Иннокентію, 7 Янв. 1830 г.: «Оно сдѣлано такъ, какъ можно было по обстоятельствамъ, а не такъ, чтобы не могло быть лучше, еслибы обстоятельства болѣе благопріятствовали. Мои мысли въ немъ есть, но перестали быть моими, потому что приняты Синодомъ, и потому что приняты съ видоизмѣненіями, какія нужны были для соглашенія моихъ мыслей съ мыслями другихъ, которымъ ихъ мысли не менѣе кажутся правильными какъ мнѣ мои». Приб. къ твор. св. Отцевъ, ч. XXXVII (1886 г.), стр. 309.

[2]) По поводу вызова воспитанниковъ семинаріи въ составъ новаго, VIII курса, м. Филаретъ испросилъ распоряженіе Коммиссіи, чтобы дозволено было семинарскимъ правленіямъ, въ случаѣ недостатка въ богословскомъ классѣ способныхъ къ слушанію академическаго курса, присылать отличныхъ изъ средняго отдѣленія. Въ силу этого распоряженія, Костромская семинарія прислала въ академію ученика средняго отдѣленія Александра Горскаго, имѣющаго отъ роду 16 лѣтъ. По справкѣ съ постановленіями оказалось, что предварительными правилами объ устройствѣ С.-Петербургской духовной академіи воспрещено принимать въ академію учениковъ старше 22 лѣтъ, но моложе сколькихъ лѣтъ—правилами не опредѣлено. М. Филаретъ довелъ, однакожъ, объ этомъ до свѣдѣнія Коммиссіи Дух. Училищъ: но тѣмъ дѣло и кончилось.

гласія ихъ по нѣкоторымъ вопросамъ, митрополитъ Серафимъ ревниво смотрѣлъ на притязательность митрополита Филарета въ дѣлахъ и на выставленіе имъ своего умственнаго превосходства. Филаретъ часто и самъ подавалъ поводъ къ такому нерасположенію, простирая свое наблюденіе на учрежденія, прямо и непосредственно подвѣдомыя С.-Петербургскому митрополиту. Серафиму не могло нравиться такое вмѣшательство въ его дѣла. Такъ, напримѣръ, въ Ноябрѣ 1828 г. онъ внесъ въ Святѣйшій Синодъ предложеніе о напечатанныхъ въ издаваемомъ при С.-Петербургской духовной академіи «Христіанскомъ Чтеніи» статьяхъ «законоучителя благороднаго пансіона» (протоіерея Г. П. Павскаго), «отъ которыхъ опасаться должно соблазна» [1]). Митрополитъ Серафимъ не велѣлъ звать его, послѣ этого, на экзамены въ академію и въ конференцію, а Филаретъ оскорблялся этимъ. «Петербургская академія—писалъ онъ въ Москву своему викарному Иннокентію 30 Декабря того же года—не по важности не зоветъ на экзамены, а по Александровской политикѣ. Я имѣлъ безстыдство говорить и владыкѣ и членамъ академіи, что я, бывъ сдѣланъ почетнымъ, опредѣленіемъ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ оставленъ въ то же время и дѣйствительнымъ членомъ академіи, и потому поступаютъ противъ опредѣленія Коммиссіи Духовныхъ Училищъ, не приглашая меня никогда въ конференцію. Въ отвѣтъ на сіе, Владыка ссылается на нихъ, а они на него».

Но это—мелкія неудовольствія, а главное—у нихъ не было согласія во взглядахъ и понятіяхъ на нѣкоторые весьма важные предметы церковнаго управленія. «Владыка (Серафимъ)—писалъ митрополитъ Филаретъ въ Москву къ своему викарію, преосвященному Иннокентію, 23 Марта 1829 г., не перестаетъ вѣровать въ Кіевскаго, хотя не можетъ отрицать нелѣпости иныхъ распоряженій, частію сдѣланныхъ при Кіевскомъ, частію приготовленныхъ при немъ, но, по милости Божіей, оставшихся безъ исполненія».

Вслѣдъ затѣмъ, отъ 26 Марта, митрополитъ Филаретъ писалъ къ тому же преосвященному: «Прискорбна душа моя, преосвященнѣйшій! Мнѣ кажется, что судъ, начинающійся отъ дома Божія, болѣе и болѣе открывается. Сегодня вновь и достовѣрнѣе получилъ извѣстіе, что г. Демидовъ [2]) предписалъ директорамъ подчиненныхъ

[1]) Собр. мнѣній и отз. м. Филарета, т. 2 стр. 246.

[2]) Главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній.

ему заведеній строго запретить воспитанникамъ чтеніе Библіи. Причина та, что два кадета лишились ума. Но достовѣрно извѣстно, что они не были охотники читать Библію; что одинъ лишился ума отъ отчаянія, а другой отъ раздраженнаго честолюбія. Но вотъ что не менѣе печально: старшіе законоучители, въ томъ числѣ и пресловутый, уважаемый г. Демидовымъ, Кочетовъ, при личномъ отъ г. Демидова объявленіи сего распоряженія, не отверзали устъ своихъ для представленія истины. Но прекратимъ рѣчи, за которыя и меня, можетъ быть, лишили бы Библіи, есть ли бы на то власть была».

Тягость положенія митрополита Филарета въ Синодѣ увеличилась обстоятельствами, навлекшими на него, какъ по крайней мѣрѣ ему казалось, гнѣвъ Государя. Одно изъ нихъ было дѣло о бракѣ флигель-адъютанта А. П. Мансурова, женившагося на своей двоюродной сестрѣ. Бракъ этотъ совершенъ былъ еще въ Ноябрѣ 1826 года и тогда же началось дѣло объ этомъ бракѣ. Но къ концу 1828 г. достигло такой напряженности, что, послѣ, переданнаго ему Московскимъ генералъ-губернаторомъ, письма, по этому дѣлу, барона И. И. Дибича, съ выраженіемъ неудовольствія Государя на испытываемыя Мансуровымъ непріятности и повелѣніемъ пріостановить мѣры, которыя могли бы быть приняты противъ него, митрополитъ Филаретъ написалъ на имя Государя прошеніе (помѣченное 6-мъ Декабря 1828 г.) объ увольненіи его отъ управленія епархіею и дозволеніи ему избрать жительство безъ управленія въ одномъ изъ монастырей. Было ли подано это прошеніе и какой былъ отвѣтъ, неизвѣстно [1]). Но оно показываетъ тягостное настроеніе духа митрополита Филарета.

Вслѣдъ затѣмъ случилось другое обстоятельство, еще усилившее эту тягость, только не знаемъ, съ которой стороны,—отъ неудовольствія ли Государя или отъ разномыслія въ Святѣйшемъ Синодѣ. Генералъ-адъютантъ, П. А. Клейнмихель, обратился въ Синодъ съ прошеніемъ о дозволеніи ему вступить въ бракъ съ фрейлиною Кокошкиною, двоюродною сестрою бывшей его жены, бракъ съ которою былъ расторгнутъ по винѣ просителя. Въ Святѣйшемъ Синодѣ произошли разныя мнѣнія. Митрополитъ Филаретъ заявилъ мнѣніе [2]), съ которымъ согласился митрополитъ Серафимъ и Курс-

[1]) Собр. мн. и отз. м. Филарета, II, стр. 252.

[2]) Въ тотъ же день, какъ онъ подалъ свое мнѣніе (3 Апрѣля 1829 г.), онъ послалъ копію съ него къ преосв. Иннокентію въ Москву и писалъ ему: «Для образчика моихъ

кій епископъ Владиміръ. Но протопресвитеръ Крицкій и духовникъ Музовскій подали особое мнѣніе въ пользу просителя. Оберъ-прокуроръ, князь Мещерскій, представилъ оба мнѣнія на Высочайшее благоусмотрѣніе. Но Государь написалъ на докладѣ 13 Апрѣля: «Въ догматахъ вѣры разногласія быть не можетъ и не должно. Посему подобнаго представленія принять я не могу отъ высшаго духовнаго мѣста въ государствѣ. Вамъ, какъ блюстителю законовъ, должно сіе вразумить чинамъ Синода и, когда положится общее единогласное мнѣніе, основанное не на умствованіяхъ и толкованіяхъ, а на точномъ смыслѣ догматовъ, тогда мнѣ оное представить. Симъ дѣломъ заняться немедля; ибо впредь строго вамъ запрещаю входить съ подобными докладами, который совершенно выходитъ изъ всякаго приличія».

Въ концѣ Апрѣля 1829 г., Государь отправился къ арміи и при отъѣздѣ прислалъ князя А. Н. Голицына къ митрополиту Серафиму и Филарету сказать, что Государь чрезъ него прощается съ ними, не могши проститься лично по стеченію обстоятельствъ. По этому поводу Филаретъ писалъ къ Иннокентію отъ 22 Апрѣля. «Пришло мнѣ на мысль, что можетъ быть это милость Божія, что не случилось мнѣ въ сіи дни видѣться съ Государемъ. По направленію, какое дали мыслямъ моимъ настоящія обстоятельства, я былъ бы въ затрудненіи, чтобы не сказать менѣе, нежели требуетъ ревность, или болѣе, нежели требуетъ терпѣніе [1])».

Лѣта 1829 г. Филаретъ провелъ въ Москвѣ. Въ слѣдующемъ 1830 г., отпуская его въ епархію, Государь написалъ на докладѣ Оберъ-прокурора князя Мещерскаго: Согласенъ, но прошу возвратиться сюда въ Сентябрѣ».

Это показываетъ, какъ цѣнилъ его Государь.

занятій, прочитайте прилагаемую записку, сообщаемую для повѣрки моихъ мыслей, съ сохраненіемъ должностной тайны. Вы догадаетесь, что когда мнѣнія доказываютъ и защищаютъ, то, вѣроятно, есть разныя мнѣнія. Мы живемъ въ церкви воинствующей. Молитесь о защитѣ свыше».

[1]) Письма м. Филарета къ Иннокентію, епископу Дмитровскому. Твор. Св. отц. 1873 г., кн. 3. Прибав. ст. 430—444.

XI.

Свѣдѣнія о послѣдующей судьбѣ кн. Голицына, Попова, Тургенева, Магницкаго и Фотія.

Князь А. Н. Голицынъ, послѣ уничтоженія Министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, остался только главноуправляющимъ почтовою частію и членомъ Государственнаго Совѣта, по повидимому, сохранилъ полное довѣріе и расположеніе Государя. При вступленіи на престолъ Императора Николая Павловича, онъ былъ въ числѣ самыхъ приближенныхъ къ Государю и, во время событій 14 Декабря, охранялъ Царскую Семью. Государь впослѣдствіи поручалъ ему свою Семью, когда уѣзжалъ надолго изъ С.-Петербурга. Такимъ образомъ, князь А. Н. Голицынъ былъ не только оффиціальнымъ царедворцемъ, но, можно сказать, другомъ Государя и всей его Августѣйшей Фамиліи. Во внѣшнемъ служебномъ положеніи его произошла только та перемѣна, что, съ 1830 г., онъ былъ Канцлеромъ Россійскихъ Орденовъ: но это было болѣе почетное, нежели вліятельное званіе. Собственно государственное значеніе его кончилось со смертію Александра и имя его уже не соединялось болѣе ни съ однимъ значительнымъ событіемъ царствованія Императора Николая.

Князь А. Н. не получилъ полнаго и правильнаго не только религіознаго, но и общаго образованія; вслѣдствіе чего, увлекшись мистицизмомъ, онъ дошелъ въ этомъ мистическомъ настроеніи до такихъ крайностей, что терялъ различіе между православіемъ и сектами, между церковью и расколомъ. Многіе, писалъ В. П. Панаевъ, сомнѣвались въ чистотѣ религіозныхъ чувствъ князя Голицына: но я, служившій въ то время подъ его начальствомъ и бывшій въ короткихъ отношеніяхъ съ самыми близкими къ нему людьми, могу утвердительно сказать, что этотъ достойный человѣкъ, при добрѣйшемъ довѣрчивомъ сердцѣ, склонный по самому характеру своему къ созерцательности, къ чу-

деспому, дѣйствовалъ вслѣдствіе внутренняго увлеченія; оттого, можетъ быть, и переходилъ за черту, не зналъ предѣловъ своей ревности; оттого вѣрилъ ложному благочестію другихъ и, къ сожалѣнію, подчинялся вредному ихъ вліянію [1]). Покойный М. Я. Морошкинъ, обстоятельно изучившій дѣятелей той эпохи, даетъ такую характеристику князя А. Н. Голицына: «этотъ странный и, повидимому, добрый человѣкъ, изучившій до тонкости и до малѣйшихъ подробностей науку царедворскую, хитрый придворный, умѣвшій ловко и безопасно пролавировать между дворскими Сциллами и Харибдами при трехъ царствованіяхъ, не совсѣмъ похожихъ другъ на друга, былъ совершенный младенецъ въ религіозныхъ предметахъ, почти невѣжа въ православіи и жалкое игралище всѣхъ сектантовъ, всѣхъ религіозныхъ утопистовъ, представителей всѣхъ религіозныхъ теорій, начиная съ масоновъ и кончая изуродованнымъ и полуразложившимся скопцомъ Селиваповымъ и полубѣснующеюся Татариновою. Въ этой душѣ, не имѣвшей прочной и религіозной подкладки и фундамента, спокойно умѣщались и уживались всѣ религіозныя вѣрованія, какъбы они противорѣчивы ни были и какъбы они не исключали себя взаимно» [2]). Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, князь Голицынъ обнаруживалъ крайнюю нетерпимость къ людямъ, не раздѣлявшимъ его мнѣній. «Страшно было видѣть смирнаго человѣка,— говоритъ о немъ Вигель— сдѣлавшагося жестокимъ гонителемъ за вопросы, которыхъ онъ не умѣлъ ни объяснять, ни даже понимать. А, между тѣмъ, знаменитѣйшія жертвы падали подъ ударами его». Почтеннѣйшаго, заслуженнаго, дѣятельнѣйшаго члена Святѣйшаго Синода и Коммиссіи Духовныхъ Училищъ, архіепископа Рязанскаго Ѳеофилакта, онъ съ униженіемъ и безславіемъ удалилъ изъ Синода и Коммиссіи въ то время, когда тотъ только что вернулся въ Петербургъ послѣ исполненія имъ важнаго и труднаго порученія— обозрѣнія епархій, пострадавшихъ отъ непріятеля, возстановленія въ нихъ порядка и оказанія необходимой первой помощи потерпѣвшему духовенству. «Амвросій,—продолжаемъ словами Вигеля—болѣе двадцати лѣтъ митрополитъ С.-Петербургскій и первенствующій членъ Синода, умѣлъ соединять уступчивость придворнаго человѣка съ достоинствами верховнаго пастыря церкви. Терпѣніе его истощилось, когда онъ увидѣлъ неисчислимыя раны, наносимыя гос-

[1]) Воспоминанія В. И. Панаева, гл. III.

[2]) Морошкинъ. Іезуиты въ Россіи ч. 2 стр. 30. Спб. 1870.

подствующей вѣрѣ и онъ слегка началъ противодѣйствовать совращеніямъ. Мастистая старость его послужила Голицыну предлогомъ къ его удаленію. Для него отдѣлена Новгородская епархія, онъ сосланъ туда и, удрученный лѣтами, вскорѣ угасъ тамъ въ горести. На его мѣсто призванъ былъ архіепископъ Черниговскій Михаилъ, извѣстный своею кротостію. Но, чего не видѣли руководители Голицына, онъ былъ самый жаркій поборникъ православія; это вскорѣ открылось и несогласія начались. Въ этой борьбѣ скоро истощились силы человѣка, привыкшаго къ уединенной и мирной жизни и онъ также началъ клониться ко гробу [1])».

Въ 1842 году князь А. Н. совершенно оставилъ службу, поселился въ Крыму и въ 1843 г. устроилъ въ своемъ имѣніи, въ Гаспрѣ, небольшую домовую церковь [2]), и въ слѣдующемъ, 1844 г., скончался.

Изъ ближайшихъ сотрудниковъ его, *В. М. Поповъ* преданъ былъ суду за переводъ книги Госнера и уволенъ отъ должности директора департамента народнаго просвѣщенія. Князь А. Н. Голицынъ принялъ своего несчастнаго и жалкаго сотрудника въ свое вѣдомство и выпросилъ ему назначеніе членомъ Совѣта въ своемъ управленіи, а судъ оправдалъ его, какъ и всѣхъ прочихъ лицъ, прикосновенныхъ къ изданію перевода книги Госнера [3]). Но Поповъ беззавѣтно вдался въ мистицизмъ, поселился подлѣ Татариновой (на дачѣ за Московской заставою) и былъ самымъ ревностнымъ, не только до фанатизма, но до глупости, членомъ на ея радѣніяхъ. Долго продолжалось это не гласно; правительство смотрѣло, повидимому, на этотъ странный союзъ сквозь пальцы; но, когда сдѣлались извѣстными безобразныя и варварскія принужденія Поповымъ своихъ дочерей къ участвованію въ этихъ радѣніяхъ, правительство разрушило это сборище. Поповъ сосланъ былъ въ Зилантовъ монастырь, Казанской губерніи, гдѣ и умеръ 23 Апрѣля

---

[1]) Записки Вигеля ч. VI гл. 3 стр. 36. (Изд. Русск. Арх.)

[2]) Священникомъ этой церкви (принадлежавшей тогда вмѣстѣ со всѣми церквами Таврическаго полуострова къ Екатеринославской епархіи) и духовникомъ князя былъ протоіерей Андрей Пакроминъ. Рѣчь его при погребеніи князя въ біографическомъ словарѣ Бантышъ-Каменскаго т. 1 изд. 1847 г. О Пакроминѣ свѣдѣнія въ Рус. Арх. 1867 г. стр. 1698. Пакроминъ занимался переводами книгъ, преимущественно религіозно-мистическихъ, съ нѣмецкаго языка и, между прочимъ, перевелъ сочиненіе Гейнрота: «Объ Истинѣ», разосланное Коммиссіею Духовныхъ Училищъ по академіямъ и семинаріямъ. Журн. К. Д. У. 24 Февр. 1836 г.

[3]) Записки Н. И. Греча. Р. Арх. 1868 г. стр. 1412.

1842 г. на 71 г. отъ роду. Что довело его до такого изступленія и уничиженія? Безспорно онъ былъ человѣкъ умственно даровитый и могъ бы сдѣлать себѣ блестящую карьеру. Но несчастная женитьба разстроила и сломила его жизнь; а одна изъ дочерей, которая такъ упорно отказывалась отъ радѣній, казалось ему, своимъ упрямствомъ напоминаетъ свою мать: и это его раздражало противъ нея [1]).

Блестящая служба другаго директора князя А. И. Голицына, по департаменту духовныхъ дѣлъ, *А. И. Тургенева*, кончилась послѣ уничтоженія Министерства духовныхъ дѣлъ, но независимо отъ этого. Въ судьбѣ его огромное значеніе имѣлъ меньшой братъ его, Николай, имѣвшій также блестящую карьеру. Въ молодости, считаясь на службѣ по Министерству иностранныхъ дѣлъ, онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Германіи, пламенѣвшей тогда злобою на порабощеніе, которому подвергъ ее Наполеонъ и жаждавшей возстановленія подавленной свободы. Это патріотическое одушевленіе Германіи выразилось въ основаніи (въ 1808 г.) извѣстнаго общества друзей добродѣтели (Tugenbund), поставившаго своей задачей стремленіе соединенными усиліями къ возвышенію научнаго, художественнаго и нравственнаго образованія народа и къ улучшенію его всесторонняго благосостоянія. Направленіе союза добродѣтели нашло себѣ откликъ въ либерально-патріотическомъ настроеніи въ Россіи, среди молодаго поколѣнія, и дало ему формулу. Н. Тургеневъ, занявъ, по возвращеніи изъ-за границы, въ 1816 г., должность помощника статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта по Департаменту законовъ, вступилъ, въ концѣ 1819 г., въ союзъ благоденствія. Насколько первоначальныя склонности Императора Александра благопріятствовали либеральному движенію и, можно сказать, даже вызывали его, столько же послѣдующее душевное настроеніе его сдѣлалось для него неблагопріятно; тѣмъ болѣе, что и общество начало увлекаться разными «соціалистическими теоріями», которыхъ не одобряли даже умѣреннѣйшіе изъ членовъ общества. Въ началѣ 1824 г. Н. Тургеневъ разорвалъ сношенія съ обществомъ и въ Апрѣлѣ этого года уѣхалъ за границу. Но въ 1825 году при слѣдствіи о тайномъ обществѣ обвиненъ и потомъ осужденъ былъ какъ соучастникъ въ заговорѣ противъ правительства:

[1]) Русскій Вѣстникъ 1892 г. кн. 1. «Изъ исторіи мистицизма. Татаринова и Головинъ».—Вартенева: XIX в. кн. 1 стр. 229.

это было причиною того, что онъ болѣе уже не возвращался въ Россію [1]). Это событіе наложило печальную тѣнь на всю послѣдующую жизнь и брата его, А. И. Тургенева. Оставивъ службу, онъ разорвалъ почти всѣ свои служебныя и дружескія связи и жилъ, большею частію, заграницей, посвятивъ свою жизнь судьбѣ брата [2]). Онъ сохранилъ придворное званіе камергера и считался въ отпуску. Чтобы не остаться вовсе безъ занятій, онъ выпросилъ себѣ, чрезъ князя А. Н. Голицына, порученіе розыскивать въ иностранныхъ архивахъ письменные памятники, относящіеся къ исторіи Россіи и собралъ множество драгоцѣнныхъ документовъ [3]). За этотъ трудъ онъ получилъ орденъ Станислава 1 степени, имѣя, впрочемъ, еще съ 1822 г., орденъ Владиміра 2 ст. Въ годъ смерти Пушкина, онъ былъ въ Петербургѣ и, въ качествѣ стариннаго друга его, имѣлъ порученіе отъ Государя сопровождать тѣло Пушкина къ мѣсту его погребенія въ Святогорскій монастырь [4]). Послѣдніе годы жизни въ Москвѣ онъ посвятилъ дѣламъ благотворительности. Но благотворительность его приняла особое направленіе, связанное съ воспоминаніями о лицахъ, изъ которыхъ многія нѣкогда были весьма близки ему, но потомъ сдѣлались несчастными и томились въ заключеніи. Въ Апрѣлѣ 1843 года, В. А. Жуковскій, поздравляя Булгакова (Московскаго почтдиректора) съ свѣтлымъ праздникомъ Воскресенія, писалъ ему: «Похристосуйся за меня съ Тургеневымъ, если удастся тебѣ гдѣ нибудь его встрѣтить. Чтобы это вѣрнѣе сдѣлать, можешь на мой счетъ нанять извощика и съѣздить на Воробьевы горы (бывшія сборнымъ мѣстомъ предъ отправленіемъ въ Сибирь преступниковъ, приговоренныхъ къ ссылкѣ или къ каторжной работѣ [5]). А. И. Тургеневъ скончался въ Москвѣ 3 Декабря 1845 г. [6]). Узнавъ о кончинѣ его, Жуковскій писалъ къ Булгакову: «вотъ и еще одинъ дорогой товарищъ жизни меня оставилъ. По старшинству лѣтъ надлежало бы мнѣ

---

[1]) О послѣдующей жизни И. Тургенева: Д. И. Свербеева. «И. И. Тургеневъ». Рус. Арх. 1871 г. стр. 1975 объ изданной имъ въ 1847 г. въ Парижѣ книгѣ подъ заглавіемъ: La Russie et les Russes; см. Е. Ковалевскаго: «Графъ Блудовъ и его время Спб. 1866. стр. 170—178.

[2]) Князь Вяземскій и весь пріятельскій кружокъ звали его *Грамъ-Пилигримъ*. Р. Арх. 1868 г. стр. 631.

[3]) Рус. Арх. 1871, стр. 1974.

[4]) Рус. Арх. 1864, стр. 469.

[5]) Библ. Зап. т. 1 стр. 550. Спб. 1858.

[6]) Рус. Арх. 1871 г. стр. 1973.

пойти впередъ, но Богъ милостивъ со мною, такъ недавно окруживъ меня моимъ особеннымъ міромъ, въ которомъ жизнь моя можетъ быть и мила и нужна не мнѣ, а моимъ. Онъ благоволилъ отложить мое отбытіе. Онъ выбралъ изъ нашего круга одного изъ самыхъ усталыхъ и послалъ ему смерть, какъ награду, быструю и безъ страданія и даже христіански - приготовленную: какого приготовленія къ смерти можно желать лучше этихъ часовъ, проведенныхъ подъ зимнею вьюгою, посреди бѣдныхъ ссыльныхъ, для раздачи имъ помощи предварительно собранной Христа ради. Смерть удивительно и быстро знакомитъ съ *истиннымъ* бывшимъ человѣкомъ: теперь, когда думаю объ немъ, вижу одну младенческую душу безъ пятна, въ которую никогда злое намѣреніе не заходило. Все мелочное осыпалось, какъ пыль; одно доброе, истинно прекрасное, сіяетъ предъ умиленнымъ сердцемъ. Это мелочное принадлежало жизни, это прекрасное съ нимъ на всю вѣчность [1]).

Магницкій надѣялся послѣ князя А. Н. Голицына, быть министромъ народнаго просвѣщенія, но обманулся въ разсчетѣ. Новый министръ, А. С. Шишковъ, предложилъ ему въ Іюнѣ 1825 г. отправиться въ Казань, гдѣ присутствіе его, какъ попечителя, необходимѣе, чѣмъ въ С.-Петербургѣ. Магницкій отправился, но осенью возвратился безъ разрѣшенія и проѣхалъ прямо въ Грузино, къ Аракчееву, а потомъ прибылъ въ С.-Петербургъ уже въ качествѣ приближеннаго лица къ графу и на своего министра не обращалъ вниманія, разсчитывая, по возвращеніи Государя изъ Таганрога, занять мѣсто Шишкова. Затѣмъ, когда получено было извѣстіе о смерти Императора Александра, онъ началъ, въ своихъ видахъ, громко толковать о правѣ наслѣдія, выражалъ свою преданность цесаревичу Константину и написалъ ему въ Варшаву поздравительное письмо. Это письмо навлекло на него подозрѣнія, вслѣдствіе чего великій князь Николай Павловичъ 1 Декабря приказалъ отправить его изъ С.-Петербурга въ Казань къ мѣсту его

---

[1]) Р. Арх. 1868 г. стр. 1456. «Многіе, говоритъ кн. Вяземскій, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые видѣли въ немъ человѣка опаснаго для общественнаго спокойствія и гражданской [illegible]; они приписывали ему тайные помыслы и виды». Такъ писалъ о немъ, между прочимъ, П. И. Гречъ въ своихъ запискахъ. Р. Арх. 1871 г. стр. 252). «Но, [illegible] кн. Вяземскій, эти опасенія были до крайности забавны и [illegible]. Не [illegible] болѣе безвреднаго и безобиднаго. Можетъ быть ему самому [illegible] слыть такимъ пугаломъ». (Рус. Арх. 1875, 1 стр. 61).

прямой службы. Магницкій заявилъ протестъ и написалъ жалобу Государю (Константину Павловичу): но его съ полицейскимъ отправили по назначенію. Въ началѣ 1826 г., Государь поручилъ генералу Желтухину обозрѣть состояніе Казанскаго университета. Магницкій, не дождавшись конца ревизіи, снова безъ дозволенія пріѣхалъ въ С.-Петербургъ, но, по Высочайшему повелѣнію, изъ С.-Петербурга высланъ былъ и отвезенъ фельдъегеремъ въ Ревель [1]). Здѣсь сблизился онъ съ учителемъ русскаго языка въ тамошней гимназіи, А. И. Бюргеромъ и участвовалъ въ издаваемомъ имъ журналѣ «Радуга». Статьи Магницкаго, по словамъ Фортунатова, узнать можно по витіеватому, восторженному языку, по остротамъ и насмѣшкамъ надъ философіею. Подъ статьями своими Магницкій подписывался: М. Простодумовъ, помѣщикъ села Спасскаго, Саратовской губерніи. Со второй же книги «Радуги» начинаются статьи Магницкаго: «отломки отъ философскаго мозаика степнаго отшельника». «Мы слышали, прибавляетъ Фортунатовъ, что участіе Магницкаго въ «Радугѣ» было поводомъ къ разнымъ затрудненіямъ со стороны цензуры». Бюргеръ, не окончивъ года, прекратилъ изданіе, объявивъ подписчикамъ, что онъ принимаетъ православіе, что и исполнилъ 6 Августа 1833 г. [2]).

Изъ Ревеля Магницкій взмолился къ кн. Голицыну объ исходатайствованіи ему пребыванія въ лучшемъ климатѣ. Голицынъ отвѣчалъ: «Я очень хорошо зналъ, сколько вы были предо мною виноваты и простилъ васъ тогда же». Магницкому дозволено было переселиться въ Одессу [3]), но, по своему безпокойному характеру, онъ вошелъ скоро въ непріятности съ управлявшимъ Новороссій-

[1]) Бартенева, Девятнадцатый вѣкъ кн. I, стр. 247. Воспоминаніе К. С. Сербиновича о Н. М. Карамзинѣ въ Рус. Стар. 1874 г. т. XI стр. 255—256 и П. П. Мурзакевича, тамъ же стр. 273—275. Воспоминанія В. И. Панаева, Вѣстн. Евр. 1867 т. IV стр. 111 и 11.

[2]) А. И. Бюргеръ, по окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ, былъ съ 1828 г. учителемъ русской словесности и статистики въ Ревельской гимназіи; въ 1834 г. 28 Мая, по выраженному м. Филаретомъ Нечаеву, желанію о принятіи его на службу въ духовное вѣдомство, опредѣленъ столоначальникомъ и переводчикомъ въ канцелярію оберъ прокурора Св. Синода; послѣ того исправлялъ должность начальника отдѣленія въ канцеляріи и въ хозяйственномъ управленіи; въ началѣ 1842 г. вышелъ изъ службы по духовному вѣдомству и въ слѣдующемъ опредѣленъ совѣтникомъ Могилевской палаты государственныхъ имуществъ; съ 1845 г. служилъ по Министерству внутреннихъ дѣлъ; съ 1860 до смерти (28 Іюня 1888 г.) опять въ духовномъ вѣдомствѣ.

[3]) По другому извѣстію (П. П. Мурзакевича въ Рус. Стар. 1874 г. т. XI, стр. 275) сынъ Магницкаго, кавалерійскій офицеръ, упросилъ графа Витта, начальника поселенной резервной кавалеріи, исходатайствовать чрезъ графа Воронцова дозволеніе отцу его переселиться въ Одессу для совмѣстнаго житья.

скимъ краемъ, графомъ М. С. Воронцовымъ [1]) и удаленъ былъ изъ Одессы въ Херсонъ. Потомъ дозволено ему было снова возвратиться въ Одессу, гдѣ онъ и скончался въ 1844 году, 75 лѣтъ, отъ роду [2]). А. С. Стурдза, съ которымъ онъ сблизился въ Одессѣ, почтилъ память его теплымъ дружескимъ словомъ [3]). Авторъ «Старой Записной Книжки» говоритъ о Магницкомъ: «Многіе привыкли видѣть въ немъ только лѣшаго казанскихъ лѣсовъ или Казанскаго университета. Но онъ имѣлъ нѣкоторыя и человѣческія черты» [4]). Въ этомъ, конечно, не можетъ быть и сомнѣнія: но лучшія внутреннія качества его были подавлены и искажены дурными инстинктами и стремленіями. Самъ онъ въ «Запискѣ о своей службѣ» [5]) старается оправдать свои дѣйствія лучшими побужденіями и говоритъ что они были вызваны совѣстью и необходимостью: но весьма многіе факты въ его жизни показываютъ противное, т. е. что онъ измѣнялъ свои убѣжденія и направлялъ свои дѣйствія, соображаясь не съ гуманными и нравственными принципами, а съ эгоистическими видами честолюбія и личной пользы [6]).

Фотій. Случайное значеніе Фотія въ послѣдніе годы царствованія Императора Александра кончилось со смертію этого Государя. Императоръ Николай не показывалъ къ нему ни особеннаго благоволенія, ни неблаговоленія. Получивъ отъ него нѣкоторыя бумаги, вѣроятно имѣвшія отношенія къ событіямъ того времени или къ

---

[1]) Мурзакевичъ говоритъ, впрочемъ, по слухамъ, будто Магницкій и чиновникъ Одесскаго военнаго губернатора, М. И. Тонилевскій, составили годичный отчетъ по управленію Одесскимъ градоначальствомъ за 1839 г. въ такихъ чертахъ, что онъ возбудилъ вниманіе Комитета министровъ.

[2]) Ѳ. Фортунатовъ—Памятныя записки Вологжанина; Рус. Арх. 1867 г. стр. 1663—1668 и 1692—1707. Здѣсь же о литературныхъ трудахъ Магницкаго въ молодости. О пребываніи Магницкаго въ Одессѣ—статья П. Морозова: «Мое знакомство съ М. Л. Магницкимъ». Р. Арх. 1875 г. III, стр. 241. Записка Магницкаго о его службѣ, писанная въ 1829 г.: XIX вѣкъ, кн. 1 стр. 238.

[3]) Рус. Арх. 1868 г. стр. 26—938.

[4]) Рус. Арх. 1874, I, стр. 193.

[5]) XIX вѣкъ, кн. I стр. 235.

[6]) Сатира, конечно, не историческій документъ, но все же, не смотря на преувеличеніе, въ ней вѣрно отражаются общія и главныя черты характера лица и времени. Съ этимъ замѣчаніемъ можно привесть здѣсь четыре стиха изъ «Дома сумасшедшихъ» Воейкова, относящіеся къ Магницкому:

Я за орденъ—христіанинъ;
Я за деньги—мартинистъ;
Я за землю—мусульманинъ;
За аренду—атеистъ.

Рус. Ст. 1874 г. т. IX, стр. 587.

памяти покойнаго Государя, Николай Павловичъ дозволилъ ему писать прямо къ нему и пересылать въ собственныя руки обо всемъ, что нужно и угодно: но этимъ дозволеніемъ, кажется, и кончилось благоволительное отношеніе къ нему Государя [1]). И Фотій принужденъ былъ стать въ общія рамки служебнаго порядка и въ общія отношенія подчиненности своей ближайшей и высшей духовной власти. Не легко ему было примириться съ этимъ положеніемъ. Привычка къ широкой, энергической и властной дѣятельности, къ обращенію въ самыхъ высокихъ кругахъ общества, къ почету и вниманію, съ какимъ его встрѣчали и провожали, наконецъ сознаніе важности совершенныхъ имъ дѣлъ и заслугъ оказанныхъ имъ церкви и государству не могли замереть у него вдругъ. И вся послѣдующая, недолгая, жизнь его, полная разнаго рода странностей и выходокъ, представляетъ непрерывную борьбу его съ самимъ собою. Не имѣя исхода въ подходящей внѣшней дѣятельности, онъ мучилъ самого себя, придумывалъ и продѣлывалъ разныя, часто несообразныя, штуки и какъ конь на привязи, рвался и метался и бился до изнеможенія, пока смерть не погасила снѣдавшаго его пламени. Сродный ему по энергіи воли и по многимъ другимъ чертамъ характера, Аракчеевъ легче перенесъ свое паденіе, нежели онъ, можетъ быть потому, что Аракчеевъ, если не пресытился, то уже насытился властію, а Фотій только что дошелъ до завѣтнаго чертога ея, какъ судьба закрыла предъ нимъ двери его.

Обаяніе извѣстности и нѣкоторой величавости еще сохранилось около его имени, вслѣдствіе сильнаго впечатлѣнія, произведеннаго совершившимися недавно событіями, въ которыхъ онъ принималъ такое своеобразное участіе. Потаенныя аудіенціи у покойнаго Государя, о которыхъ зналъ, конечно, не одинъ онъ, придавали этому видъ таинственности и возбуждали особый интересъ къ лицу Фотія. Наконецъ необычайно было и то, что знаменитая по своему происхожденію и положенію въ свѣтѣ особа, обладавшая притомъ огромнымъ богатствомъ, сдѣлавшись его духовною дочерью, не только предоставила въ его распоряженіе весьма значи-

[1]) Въ книгѣ «Посланій (писемъ) Фотія» съ 1822 по 1832 г. есть двѣ статьи подъ 1831 г., помѣченныя для Государя Императора: Выпись изъ Кормчей книги 1-й части о монашествѣ (20 Ноября 1831 г., Императору вручить дано чрезъ Г. О.) и «О дѣвствѣ, чистотѣ и монашествѣ и духовенствѣ для вручения Императору, что монашество нужно есть въ царствѣ».

тельныя средства на возобновленіе обители и учрежденіе при ней страннопріимныхъ домовъ, но, можно сказать, посвятила свою жизнь на служеніе своему духовному избраннику и съ самоотверженіемъ совершала подвигъ исполненія его воли, которую почитала святою. Весьма часто и по долгу и сама она живала въ монастырской келліи, устроенной на купленной ею усадьбѣ подлѣ Юрьевскаго монастыря.

Но Фотій страдалъ. Внутренній огонь пожиралъ его. Онъ искалъ, такъ сказать, забыться въ усиленной внѣшней дѣятельности, устроивалъ монастырь, работалъ самъ и пріучалъ монаховъ къ работѣ; завелъ въ монастырѣ общежитіе. Но, доводя все до крайности, возбудилъ противъ себя сильное неудовольствіе въ братіи. Пошли пререканія, взаимныя обиды. Чтобы подѣйствовать на братію, а больше съ досады, Фотій написалъ къ ней посланіе, въ которомъ вовсе отрекался отъ пищи и питья и приказалъ прочитать въ собраніи всей братіи. Монахи отвѣчали ему своимъ посланіемъ, въ которомъ, искренно или нѣтъ, раскаявались въ своей винѣ, и примѣрами изъ житій святыхъ подвижниковъ, умоляли его не отказываться отъ принятія пищи и полезнаго питія. «И измовенія ты, отецъ нашъ, не отлагай отъ себя. Ибо великій Пименъ, когда мало возливалъ воды на ноги своя, вопрошенъ былъ Аввою Исаакомъ: како пѣцыи обыкоша жестоко удручать тѣлеса своя? и глагола ему сей великій старецъ: мы не паучихомся тѣлоубійцы быти» [1]). Митрополитъ Серафимъ узналъ объ его скорби и болѣзни: но, утѣшая его въ одномъ горѣ, повергалъ его въ другое, болѣе тяжелое. 3 Января 1827 г. онъ написалъ Фотію письмо, въ которомъ совѣтовалъ меньше трудиться и не принимать всего близко къ сердцу; но изъ отвѣтнаго письма Фотія отъ 27 Января видно, что въ письмѣ митрополита были какіе-то намеки, оскорбившіе Фотія. Тронутый этими подозрѣніями до глубины души, Фотій писалъ митрополиту: «Ты меня породилъ, Владыко и отче мой, ты меня воспиталъ, и ты меня возростилъ, и ты меня воздвигъ на дѣло. Лѣто Господне для насъ пріятное, лѣто 1824-е, въ кое лѣто и сердце и душа наша едино были о Господѣ у насъ, то лѣто Господне для святыя церкви православныя, вѣры и отечества, лѣто тебѣ свѣдомое, даетъ мнѣ сыновнее къ тебѣ дерзновеніе исповѣдаться предъ

[1]) «Умилительное посланіе братіи о. Фотію о томъ, дабы воздержанія и прочихъ подвиговъ вельми не имѣть». 27 Ноября 1826 г.

лицемъ твоимъ и тебѣ самому. Ты же безъ клятвы и отчужденія, яко отецъ пріими исповѣдь твоего сына, якоже матерь пріемлетъ со сладостію лепетаніе трилѣтняго младенца исчадія своего. Я и скорбенъ до зѣла и немощенъ доселѣ. Твоя же любовь, такъ сказать лелея меня, пишетъ ко мнѣ, между прочимъ, тако: «Я не докторъ, но могу васъ вылечить, и притомъ безъ всякаго лекарства, а однимъ токмо совѣтомъ. Вотъ мой простой совѣтъ: меньше трудитесь и не принимайте всего близко къ сердцу». Но со слезами на сіе тебѣ реку, каяся, что уже не токмо нынѣ труда не имѣю внѣшняго, но и келейнаго мало несу; а немощь моя меня подстрекаетъ: лишь я подпимуся на мои ноги, а оная паки меня валитъ на землю. Что же касается до того, дабы всего близко къ сердцу не принимать, то сердце мое я отдалъ Господу и той до него ничего не допускаетъ: да никому, никогда и ни въ чемъ не дамъ сердца; всего себя отдамъ въ волю Божію. Воздвигаетъ Господь руку Свою и поитъ меня изъ чаши ядомъ, и азъ живу: ибо въ рукахъ Живодавца и ядъ не лишаетъ живота. Напояетъ меня Господь мутною водою безчестія, и азъ со сладостію утоляю жажду мою, да не возжаждаю славы и чести земныя. Къ чему мнѣ принимать все безчестіе къ сердцу моему близко? Чего мнѣ бояться? Чего мнѣ гнушаться симъ врачествомъ врача небеснаго, чрезъ чьи бы то руки ни было оно мнѣ подаваемо? Чести отъ тебя я не ищу; власти и сана я отрекся наравнѣ пріяти съ моею братіею; страха я не имѣю къ тебѣ, ни къ Богу, ибо я имѣю любовь къ Богу и къ тебѣ, и о ней во всемъ дерзаю. Чего мнѣ бояться потерять? Я нагъ отъ чрева матери моея изшелъ и притомъ въ хлѣвѣ на соломѣ: вотъ престолъ моего наслѣдства отъ родителей, богатыхъ единымъ благочестіемъ. Въ крайнихъ нуждахъ, скорбяхъ, болѣзняхъ и гоненіяхъ возросъ я. Во всю мою жизнь не видѣлъ свѣту бѣлаго на землѣ до святаго ангельскаго образа. Я, въ мірѣ пребывая, ни единожды не коснулся плоти женскія: Господь бо не даде мнѣ видѣти злая плоти и Господь меня соблюдалъ Себѣ, какъ и гдѣ — не вѣмъ. Нѣкто отецъ духовный, еще мнѣ нѣкогда предъ престоломъ Божіимъ меня исповѣдуя, внушалъ, да виду въ сонмъ тайнаго невѣрія и нечестія [1]): но Господь тако воспламенилъ меня любовію въ Свою святую любовь, что я поклялся сокрушить выю

[1]) Извѣстный іеромонахъ Іовъ, о которомъ говорено было выше.

вражію, не смотря на необъятный сонмъ; и когда при всей ревности моей вмалѣ успѣвалъ, я молился Богу, дабы Онъ послалъ мнѣ человѣка, какого бы полу ни было, въ пособіе со внѣшней стороны, могущаго меня укрѣплять и утѣшать. Многихъ многажды я имѣлъ готовыхъ на дѣло и слово Божіе: но я искалъ чистый, непорочный, неповинный и сосудъ Господу въ честь годный: и вотъ Господь явилъ мнѣ въ Богомъ данномъ чадѣ духовномъ все вполнѣ: я отецъ ей по духу твоею волею есмь; а посему тебѣ и исповѣдаюся за нее, азъ твой приставникъ къ ней приставленный. Чадо мое о Господѣ есть дѣвица непорочная во всецѣлости. Я грѣшникъ, но рабъ Бога моего вѣрный: то ужели бы на дѣло Божіе избралъ сосудъ растлѣнный и нечистый? Бога ради взыскала дѣвица непорочная себѣ меня въ вождя. Я слѣпый вождь воистину: по такожде еще въ мірѣ не позналъ сласти. Ты меня поставилъ быти вождя и благословилъ предъ Господомъ во имя Господне. На ней Божіе благословеніе выну, она есть агница непорочная, Христова раба вся. Убо кто ны разлучитъ отъ любви Божіей? Сердце мое речетъ, яко во плоти есть Божій ангелъ. Теперь ты вѣси, Владыко, что есть человѣкъ, въ дѣвствѣ сый, оглаголуемъ якоже блудница?... Но увы мнѣ, я скорблю о томъ, что предъ очами твоего сердца есмь во студѣ и срамѣ: горько для меня, что есть ли соблазномъ и вредомъ мы будемъ къ твоему спасенію. Лишеніе въ чемъ либо твоего спасенія, или веселія или утѣшенія или святыни въ тебѣ ради насъ, есть горесть для меня паче всякія горести; болѣе же ничтоже меня можетъ тяготити. Что касается до дѣла Божія и слова, ревность во мнѣ о Господѣ не угасла. Я сижу во глубинѣ безмолвія и уединенія и молю Господа, да изведетъ въ Свое время на дѣло Свое человѣка Божія подкопомъ взорвати дно глубинъ сатанинскихъ, содѣянныхъ въ тайныхъ вертепахъ—тайныхъ обществъ Волтеріанцевъ, Франкмасоновъ, Мартинистовъ и сокрушить главу седмиглаваго змія, треклятаго иллюминатства, его же жрецъ или магъ недавно въ день святаго Георгія двадесять шестаго дня Ноемврія позванъ на судъ ко Господу» [1]).

Но митрополитъ Серафимъ все не могъ привыкнуть къ необычности этихъ отношеній Фотія. Въ Сентябрѣ 1827 г. былъ въ

---

[1]) Разумѣется кончина Г. А. *Кушелева*, скончавшагося 26 Ноября 1826 г.—«Посланіе Серафиму митрополиту противъ клеветы на архимандрита Фотія и о смерти лютой явнаго и тайнаго врага церкви и вѣры, Р. Кушелева. 23 Января 1827 г.»

Юрьевскомъ монастырѣ, по порученію митрополита, извѣстный уже намъ А. Павловъ. По поводу этого посѣщенія, Фотій писалъ митрополиту: «Въ праздникъ Обновленія храма, былъ г. Павловъ въ монастырѣ и нѣкую особу, отъ лица твоего, просилъ, дабы та особа сговорила меня уѣхать въ Кіевъ для богомолепія на годъ или, по крайней мѣрѣ, на полгода. Узнавъ сіе вскорѣ, я смотрѣть не могъ на г. Павлова, человѣка свѣтскаго, столько имѣющаго понятія о нашемъ монашескомъ дѣлѣ, сколько слѣпый понимаетъ о цвѣтахъ. Сей Павловъ самъ лично, наконецъ, говорилъ о томъ. Причиною же поѣздки моей на богомоленіе въ Кіевъ онъ полагаетъ, что о мнѣ, якобы, худо говорятъ; но я увѣренъ, что все худое начало быть о насъ отъ Павлова одного. Я худа еще не слышу, да если бы мнѣ и всѣ злая повѣдали, но Христосъ Господь клянетъ не злословимыхъ отъ всѣхъ, но хвалимыхъ всѣми: *горе вамъ, аще вси о васъ рекутъ добрѣ.* А посему сладкою надеждою я питаюся о Христѣ.—Между прочимъ, сей г. Павловъ еще говорилъ, что есть секретъ у тебя, моего владыки и отца, о Господѣ возлюбленнаго, не въ отраду для меня. До сего времени не иму вѣры, чтобъ твое сердце мнѣ, сыну, камень бросило вмѣсто хлѣба, или змію вмѣсто рыбы. Ты ли не вѣдаешь даяти даянія твоимъ чадамъ, между коими пусть я есмь предъ тобою и мній сынъ? Еще тою же отрадою утѣшаетъ и меня утѣшитель скорбныхъ, Господь, коею и отца моего, епископа Иннокентія, утѣшалъ на одрѣ болѣзни, предъ смертію и при смерти. Я говорю о богоданномъ мнѣ бывомъ духовномъ чадѣ чрезъ твои руки святительскія. Господинъ Павловъ своимъ лицемъ разстроилъ людей Христовыхъ, водворилъ не миръ между ими и отъ лица твоего впушилъ, дабы я водворилъ миръ паки. Помилуй мя, Владыко мой, я живу не въ мірѣ, а въ затворѣ, можно сказать и самъ мира Христова столько имѣю, что едва-едва для себя достаетъ. Живу въ мірѣ безотрадно, гоними въ лицѣ сущихъ отъ него. Я еще не началъ терять чувства, что ты отецъ мнѣ: есть ли же воистину твоя воля есть, дабы горе на горе мнѣ было, буди воля твоя на мнѣ, яко и воля Авраама на сынѣ Исаакѣ; столько десницу отяготишь на мнѣ, сколько угодно будетъ общему нашему Владыкѣ и Отцу небесному».

Митрополитъ, письмомъ отъ 14 Сентября, благодарилъ его за обновленіе обители; а своему викарному въ Новгородѣ, преосвященному Моисею, все-таки поручилъ наблюдать за Юрьевскимъ мона-

стыремъ и требовать, чтобы правила введеннаго въ немъ общежитія исполнялись во всей строгой точности. Распоряженіе это крайне огорчило Фотія своею придирчивою требовательностію. «Во всякомъ дѣлѣ, писалъ онъ митрополиту, всякому должно имѣть терпѣніе и долготерпѣніе; и необходима постепенность. Такъ все всходитъ, растетъ, цвѣтетъ и созрѣваетъ, плодъ принося земледѣльцамъ; все сіе видно на садахъ и прочемъ въ природѣ подъ солнцемъ; а посему и въ заведеніи общежитія нужно имѣть терпѣніе и долготерпѣніе намъ и постепенность. Въ Юрьевѣ не только что зѣло поспѣшно и безъ постепенности и безъ терпѣнія нудится къ дѣлу, но и такъ, что не согласно ни съ мѣстными обстоятельствами и съ самими людьми. Около Пасхи было у меня шесть іеродіаконовъ и довольно іеромонаховъ, но въ Маѣ, когда пастырь, Юрьевскій настоятель, былъ пораженъ въ главу и стаду братскому объявлено было о *предварительныхъ правилахъ*, все стадо смутилось. Наилучшіе іеродіаконы выбѣжали изъ Юрьева съ возмущеніемъ и досадами. Я остался съ тремя іеродіаконами и долженъ былъ сносить необыкновенныя слабости и въ праздники двунадесятые не служилъ. Іеромонахи выбѣжали нужные. Вѣльцовъ треть выбѣжала. Въ Юрьевѣ то требуется въ мѣсяцы одни, чего въ Саровской и Валаамской пустыняхъ вѣками не совершается. Я подъ судомъ и надзоромъ не бывалъ; а нынѣ состоя, такъ безсиленъ сталъ, что боясь въ судъ идти съ кѣмъ либо, что ни сдѣлается—я ничего за соблазнъ и пороки дѣлать не могу. Въ послѣдній разъ прошу милости, Христа ради: аще ли я безплодная смоковница, потерпи ты меня Господи; аще ли плевелы мы, ужели до жатвы Господней оставить насъ не можно? Аще ли я предъ лицемъ твоимъ обрѣлъ когда либо милость твою, помяни отче святый и Владыко, первая наша и хотя тѣхъ ради потерпи меня и помилуй. Боюсь въ многолѣтнихъ и непрестанныхъ искушеніяхъ отъ чуждыхъ и своихъ потерять огнь небесный. Я такъ боленъ душевно и немощенъ, что отъ угнетенія и гоненія въ уныніе впадаю. Я утѣшался втайнѣ твоимъ отчимъ посланіемъ и думалъ, что жаркое для меня лѣто миновалось и варъ и зной прошли. Но увы, суровая осень и хладная зима начинается съ уныніе» [1]). Теряя въ лицѣ митрополита послѣднюю защиту и находясь притомъ, по общему порядку подчи-

[1]) Посланіе Серафиму митрополиту о притѣсненіяхъ и скорбяхъ отъ него непрестанно чинимыхъ Фотію. 3 Окт. 1827 г.

ненности, въ полной отъ него зависимости, доведенный почти до отчаянія, Фотій просилъ одну изъ своихъ почитательницъ, Дарью Державину (вдову поэта), побывать у митрополита и поговорить съ нимъ въ защиту его. Державина исполнила порученіе и 7 Ноября писала Фотію: «я была тамъ, гдѣ мнѣ быть приказано: я была у Серафима митрополита, разговоръ былъ у насъ предлинный, описывать оный считаю не нужнымъ, да этобъ было слишкомъ длинно, а только скажу тебѣ, отче мой, о многихъ вещахъ отдавалъ вамъ справедливость: и во первыхъ о защитѣ церкви нашей во время Госперовское; а другіе разговоры были мнѣ очень непріятны; говорилъ со мною очень откровенно и увѣрялъ меня, что злобы въ душѣ у него совершенно нѣтъ и что дѣлаетъ по долгу христіанскому и просилъ меня повѣрить сему, что онъ говорилъ истину, что онъ гораздо болѣе знаетъ, нежели мы, жалѣетъ крайне о васъ и говоритъ, что ты, отецъ мой, самъ себя губишь: и вотъ его слова: что не сносить ему (Фотію) головы своей, ежели права своего не перемѣнитъ, въ которомъ еще не видать никакой перемѣны, и что тогда ты и никто ему помощи не въ силахъ будетъ: клонитъ старикъ болѣе все на *гордость* и на *своенравіе*».

Фотій отвѣчалъ ей «На сіе твое восписаніе отвѣчаю, пиша не чернилами, а слезами моими. На все кратко реку съ святымъ Павломъ апостоломъ: Господь пришелъ грѣшныхъ спасти, отъ нихъ же первый есмь азъ. Грѣшенъ, виновенъ и неправъ во всемъ предъ Господомъ моимъ Богомъ, но не предъ человѣками: предъ митрополитомъ же я по всему правъ и чистъ и особенно по должности моей архимандрической, въ чемъ онъ долженъ взыскивать съ меня, какъ и со всѣхъ всегда бываетъ, по монастырю, братству и моей должности: а подъискиваться во нравъ каждаго настоятеля есть беззаконно, и дѣло Божіе. Я настоятель архимандритъ: да я же и сынъ ему; я за честь его и личность бросаюсь въ огонь и воду; я все дѣлалъ и сдѣлалъ, что онъ повелѣвалъ: откуда же вся злая у него на меня? Повѣдаетъ онъ не благое, а злая о мнѣ; а отъ избытка сердца уста глаголютъ: како же есть не отъ злобы! Будь ты судьею нашимъ въ нашемъ дѣлѣ. Меня поносятъ, меня гонятъ невинно, меня какъ беззаконнаго судятъ, отдаютъ подъ надзоръ, возмущаютъ противъ меня монашествующихъ, меня обязываютъ и связываютъ подписками, а подначальнымъ даютъ свободу: я въ кровавомъ потѣ работаю въ монастырѣ, устрояю все, собираю брат-

ство, самъ дѣлаюсь затворникомъ: мнѣ запрещаютъ выѣзжать въ городъ безъ двухъ старшихъ братій, мнѣ предписываютъ законы беззаконные; пишутъ уставъ противъ воли и желанія и согласія, приказываютъ исполнять и тѣснятъ и давятъ меня нещадно, и все грозно приказываютъ то мнѣ дѣлать, чего ни сами власти и никто мнѣ подобный не исполнялъ и исполнить никогда не возможетъ. И я повинуюсь властямъ моимъ, все исполняю съ несказанными горестями: исполняю въ точности то дѣломъ, чего и помыслить другіе не могутъ; все исполняю яко предъ Богомъ, и меня поносятъ какъ злодѣя, хотятъ у меня отнять единую отраду на свѣтѣ, хотятъ, дабы меня и духовныя дѣти бросили, забывши Бога... Никто не вѣритъ клеветамъ и поношеніямъ и бредиямъ: то хотятъ, дабы всѣ повѣрили ихъ словамъ и сану и приняли бъ за правду. Прошу и молю моихъ гонителей, дабы они помянули, что сами они человѣки и что я плотянъ и немощенъ и нездоровъ, что мнѣ терпѣть не въ силу приходитъ, что я невинно страдаю, пишу слезами къ нимъ, а не чернилами, уничижаю себя и отъ всего отрицаюсь, но меня паче гонятъ, ненавидятъ, всѣмъ поносятъ, изъ терпѣнія выводятъ, разгорячаютъ, дабы я что нибудь отъ неосторожности сдѣлалъ или написалъ, въ чемъ бы можно было меня уловить жива. Все сіе подтверждается даже отъ устъ ихъ о мнѣ. Аще ли я такой злодѣй на сей землѣ, каковымъ описываетъ меня тотъ, который ублажалъ меня нѣкогда всѣмъ вслухъ, то о, дщери мои о Господѣ, восплачите о мнѣ, вашемъ отцѣ духовномъ, яко азъ гонимъ самъ воистину за имя Христово, за святую церковь, вѣру и потому, что пріиде день моего испытанія и зрите, что сатана облекается въ образъ ангела свѣтла не самъ собою, но чрезъ правящихъ слово истины и вымышляетъ на меня предлогъ благовидный къ притѣсненію, яко азъ есмь гордъ и своенравенъ» [1]).

Наконецъ, взаимныя отношенія ихъ нѣсколько смягчились. Митрополитъ, въ порывѣ нѣжности, какъ-то сказалъ ему, что становится старъ, думаетъ выдти на покой и пріѣдетъ доживать свой вѣкъ къ нему, въ Юрьевъ. Фотій, повѣривъ, выстроилъ для него въ монастырѣ цѣлый дворецъ и въ своихъ письмахъ къ нему постоянно услаждалъ его напоминаніемъ, какъ онъ съ сыновнею преданностію послужитъ ему при смерти, закроетъ ему очи и ороситъ

[1]) Вдовицѣ, дщери, боляринѣ Даріи, о клеветахъ, врагахъ, скорбяхъ и готовности терпѣть вся. 10 Ноября 1827.

прахъ его своими слезами. Выразивъ этимъ свою благосклонность къ Юрьевскому монастырю и его настоятелю, митрополитъ находилъ, однакожъ, что для монастыря сдѣлано довольно и просилъ графиню и Фотія перенесть свою благотворительность на Софійскій соборъ, на возобновленіе его ветхостей. Графиня согласилась, а Фотій принялъ на себя, въ составѣ коммиссіи, надзоръ за производствомъ работъ по возобновленію собора. Между Фотіемъ и митрополитомъ водворился миръ. Сатана улетѣлъ и въ Юрьевѣ поселились тихіе ангелы. Въ 1831 г. Фотій писалъ Иверскому архимандриту, по поводу какой-то размолвки съ нимъ: «Сатана и діаволъ былъ въ раю и тамъ лжею и лукавствомъ бѣду горькую содѣялъ; бывалъ въ Юрьевскомъ раю, а теперь, кажется, гоститъ въ Иверскомъ клеветою. Я въ Юрьевѣ всему первая вина былъ; а въ Иверскомъ кто, не знаю сего».

Но, кажется, сатана недалеко улетѣлъ и отъ Юрьевскаго монастыря. Въ началѣ 1832 г. произошло въ немъ событіе, имѣющее страшный характеръ «навожденія нечистой силы». Фотій или кто другой, очевидецъ, описалъ это событіе и рукопись этого описанія находится между прочими, послѣ Фотія оставшимися, рукописями въ Юрьевскомъ монастырѣ. Рукопись озаглавлена: «*Событіе*, слово въ слово со словъ святаго сокровеннаго угодника Христова, таинника великія благодати, списанное свидѣтелемъ вѣрнымъ, самовидцемъ, отцемъ и новымъ сокровеннымъ чудотворцемъ». Описанію событія предпослано нѣсколько строкъ въ видѣ предисловія: «наконецъ возведенъ былъ искуситися отъ діавола тотъ таинникъ великія благодати, о коемъ нѣкто, князь міра, потомъ монахъ священникъ, новый богословъ [1]) тако воспѣлъ и написалъ на образѣ его:

Священникъ Вышняго, ревнитель вѣры правой
За подвигъ ревности вѣнчанный свыше славой
Въ пути на небеса духовнымъ вождь орламъ [2])
Свѣтлъ именемъ благимъ, сынъ свѣта по дѣламъ [3]).

Затѣмъ подробно описывается самое событіе искушенія Фотія или изгнанія изъ дѣвицы злаго духа.

---

[1]) Князь Сергій Алекс. Ширинскій-Шихматовъ, въ монашествѣ Аникита, жившій въ то время (въ 1832 г.) въ Юрьевскомъ монастырѣ († 1837).

[2]) Намекъ на фамилію А. А. *Орловой*—Чесменской.

[3]) Имя Фотій происходитъ отъ греческаго φῶς—свѣтъ.

«Въ лѣто 1832 г. [1]), накануѣ крещенія, пріиде въ монастырь духомъ дѣвица Богу помолитися и въ скорби своей просить помощи у о. настоятеля. Дѣвица была отъ роду лѣтъ яко двадесять; отъ юности, лѣтъ отъ 9, былъ въ ней духъ нечистъ, лютъ зѣло. Заутра, будучи весьма боленъ [2]), на одрѣ пріобщився, настоятель велѣлъ привести бѣсную дѣвицу на лице себѣ, дабы видѣть и приказать, что подобаетъ сдѣлать ей въ скорби великой. Схимникъ привелъ дѣвицу въ келью настоятеля. Духовникъ (схимникъ) кланялся во всѣ стороны, а дѣвица, просто скоро повертываясь знакъ нѣкоего мірскаго поклона дѣлала по обычаю нѣкоему иностранному и модному». Это было въ обѣденное время, въ присутствіи находившихся за обѣдомъ и сидѣвшихъ за столомъ Фотія, графини Анны, князя Шишпискаго и еще кого-то изъ братіи. Дѣвица (въ рукописи не названа по имени) [3]), отвѣчая на вопросы, говорила какъ и во все послѣдующее время, какъ свойственно мужчинамъ: я видѣлъ, я зналъ и пр. Съ слѣдующаго же дня начались усиленныя дѣйствія Фотія къ изгнанію изъ дѣвицы злаго духа. Духъ вступалъ иногда съ Фотіемъ въ физическую борьбу—бился, боролся и доводилъ Фотія до изнеможенія, такъ что требовалась сторонняя помощь, чтобы не дать одолѣть злому духу; иногда дѣвица какъ бы обмирала на нѣсколько сутокъ и онъ оживлялъ ее дыханіемъ устъ своихъ; разъ или два покушалась на самоубійство, то налагала на себя руки, то бросалась въ рѣку.

Читая описаніе этого страннаго событія, испытываешь такое тяжелое чувство, какъ будто находишься подъ давленіемъ какого то страшнаго кошмара: не можешь понять, явь это или сонъ и ночной бредъ. Такое же, повидимому, впечатлѣніе производило это и на братію.

Слухъ о странномъ событіи, и странномъ поведеніи Фотія дошелъ до митрополита. Митрополитъ, конечно, не подозрѣвалъ ничего дурнаго въ дѣйствіяхъ этого полумертваго аскета: но его озабочивало состояніе здоровья Фотія и его душевное настроеніе, не довелъ ли его фанатическій аскетизмъ до изступленія? Митрополитъ написалъ къ нему письмо, въ которомъ выражалъ сожалѣніе

---

[1]) Въ рукописи годъ показанъ ошибочно: 1833 г.

[2]) Фотій простудился, наблюдая за возобновленіемъ Софійскаго собора.

[3]) Мы думаемъ, что Фотиніей назвалъ ее Фотій, какъ духовную дочь по своему имени; настоящее же имя ея неизвѣстно.

объ упадкѣ его здоровья, совѣтовалъ лечиться и употреблять все нужное для здравія; а между тѣмъ писалъ и о дошедшихъ до него слухахъ на счетъ страннаго поведенія Фотія. На участливое письмо митрополита, Фотій отвѣчалъ 7 Марта 1832 г.: «Не рыдай о мнѣ, Израилю, яко объ Іосифѣ твоемъ: не звѣрь лютый адскій съѣлъ его, и не умеръ онъ, хотя братія сорыдающія, по слухамъ, а не вещію и, лучше сказать, не видѣвшіе меня, обманываютъ тебя нынѣ, якоже нѣкогда чада отца Израиля своего: тебѣ наружность мою, яко одежду, приносятъ скорбную и къ смерти близкую, яко одежду самыя смерти: и ты плачешь, отче мой возлюбленный, о сынѣ твоемъ возлюбленномъ. Іосифъ твой живъ есть: не сѣтуй до уныніи, родитель мой сладчайшій въ Дусѣ Святѣ; твое чадо еще не въ темницѣ, а близъ Христовой свѣтлицы. О, отче мой, отче, ужели сердце твое не слышитъ гласъ сына твоего, что онъ живъ есть и будетъ живъ твоея ради любви. Извѣщаю я тебя о сынѣ твоемъ возлюбленномъ, яко его присный собесѣдникъ во дни и въ нощи, что онъ славитъ Бога, стоитъ на божественной стражѣ, отъ нощи утрешюетъ духъ его, поетъ Божію силу, проситъ міру отъ Господа мира... О пастырю Божій, не смущайся, что твой агнецъ послѣдній и больный заблудился и погибъ: онъ дома и въ дому отца и во дворѣ пастыря своего. О, кій врагъ возмутилъ твою сердобольную утробу... Живъ есмь, отче; азъ, сынъ твой блудный, грядетъ отъ страны далече въ объятія отца. И тебѣ токмо возрадоватися подобаетъ нынѣ отъ гласа сына твоего, вопіющаго къ тебѣ: отче, сердце твое тебѣ въ тебѣ да речетъ о мнѣ, яко живъ есть сынъ твой и обрѣтеся... Не гласъ ли Пастыря Іисуса Христа былъ въ твоемъ гласѣ, да познаю гласъ Его и по немъ гряду? И се гряду во дворы Господни, въ возлюбленныя селенія славы Его: И ты, слухъ слыша отъ духа, не вѣмъ коего, но не Божіяго, не узнавая стопы мои, ужаснулся, яко азъ въ преисподнюю гряду и во тму. Что за бѣда, аще и сія суть со мною нынѣ? За Господомъ гряду: то куда я ни пойду и той со мною идетъ и мнѣ вездѣ будетъ благо».

Но письмо это не успокоило митрополита, тѣмъ болѣе, что вслѣдъ пришло къ нему извѣстіе о новой странной затѣѣ Фотія. Это было учрежденіе знаменитыхъ *хитоновъ*, въ которые онъ облекъ всю братію Юрьевскаго монастыря, даже послушниковъ, бѣльцовъ и рабочихъ. «Извѣстно вамъ,—писалъ въ обширномъ посланіи къ

намѣстнику съ братіею Фотій отъ 8 Марта 1832 г.,—что наша обитель святая вся обновлена, обстроена, украшена, всѣмъ снабжена; въ церквахъ все въ древнемъ положеніи и чинѣ сдѣлано; иконы святыя написаны, службы и молитвы установлены, уставъ введенъ для всего, пѣніе древнее введено, о пищѣ и питіи все чинно, по возможности, устроено. Одно у насъ еще паче всего неисправлено—монашеское общее одѣяніе. Мы ходимъ въ церковь, но ходимъ не въ святой одеждѣ, не въ Христовой ризѣ, не въ одѣяніяхъ Его, не въ томъ священномъ одѣяніи, въ какомъ святые были и жили одѣвался, Богу служили и въ какомъ пишутся они на святыхъ иконахъ всѣ въ одинаковомъ нижнемъ одѣяніи и нѣтъ ни одного святого, который бы написанъ былъ въ такомъ одѣяніи, въ какомъ мы нынѣ запросто живемъ и спастися думаемъ. Монашествующіе рясы и подрясники и рубашки носятъ, какъ и мірскіе немощные чины духовные». «Вашего одѣянія, называемаго подрясникъ, раздранаго спереди для удобства совлеченія и дѣланія всякаго грѣха, нѣтъ нигдѣ въ книгахъ и у святыхъ на ликахъ... Ангельскій образъ есть монашеское и дѣвственное состояніе: но когда дѣвы имѣютъ раздранныя и вѣтромъ развѣваемыя спереди полы, яко врата не затворенныя ко внутреннему человѣку, и гдѣ кто видѣлъ ангеловъ святыхъ въ нашихъ гнусныхъ раздранныхъ рубищахъ, совѣтомъ зміевымъ сшитыхъ?» Вмѣсто этого одѣянія Фотій установилъ хитоны, нижній бѣлый или цвѣтной, длинный, сшитый отъ низа до верха, спереди не разрѣзанный, такъ какъ у рубашки передъ весь, съ кожанымъ или цвѣтнымъ поясомъ, и верхній, родъ коротенькой мантіи, спускающейся только до пояса. «Сія мантійца, писалъ Фотій, есть келейная и сопряжена съ келейнымъ одѣяніемъ и въ ней всѣ подвижники спятъ, надѣвъ на плечи на бѣлый или какой случится, но легкій хитонъ. У меня мантійца до пояса, а у многихъ бываетъ до плечъ даже». Фотій одѣвался въ дорогіе хитоны и носилъ нарядные пояса со шнурами и кистями, «да не явлюсь, говорилъ онъ, худы ризы носяй, но якоже архіереи, архимандриты и прочіе настоятели и монашествующіе, достатокъ имущіе, дѣлаютъ лучшее: я же все даромъ имѣю». Мантійцы рясофорныхъ монаховъ были безъ крестовъ, а постриженныхъ въ мантіи съ крестами, на шеѣ, груди, спинѣ и на плечахъ правомъ и лѣвомъ. Говорятъ, что въ такой же костюмъ онъ нарядилъ и Фотинію и весь женскій персоналъ монастырскихъ больницъ и странноприимныхъ домовъ. По

городу разнеслась молва, что Фотій учредилъ какое-то раскольническое или сектантское общество и одѣлъ всю братію въ какую-то особую одежду. Губернаторъ пожелалъ узнать, что такое дѣлается въ Юрьевскомъ монастырѣ, поѣхалъ туда вечеромъ, но не могъ проникнуть въ монастырь: отозвались, что шло вечернее правило и ворота были заперты. Губернаторъ просилъ архіерея съѣздить: передъ архіереемъ, конечно, не запрутъ воротъ. Преосвященный Тимоѳей пріѣхалъ въ Юрьевъ также повечеру и прошелъ прямо въ келліи настоятеля. Фотій былъ въ своей мантіи. «Совершивъ молитвы моя, правило и поклоны, писалъ онъ потомъ митрополиту, въ потѣ лица выхожу изъ моленной и се вижу преосвященнаго. Я, подошедъ, въ землю ему падъ поклонился и благословился отъ него и той, меня объявъ, облобызалъ: а я въ другой и третій разъ обѣ руки ему поцѣловалъ. Владыко, не отпуская ни на шагъ отъ себя, взялъ за руку, удержалъ и посадилъ подлѣ себя на правую руку на диванѣ за столомъ, гдѣ всѣ бумаги и перья по столу были раскиданы, ибо днемъ я занимался письмомъ различнымъ. Не помышляя ничего, въ веселіи духа, радъ бывъ его посѣщенію, сидя молчалъ и не знаю отъ чего, а токмо весьма, что-то, ему обрадовался, хотя и чувствовалъ, что посѣщеніе его не напрасно есть. Наблюдая строгость поста, безмолвія и молитвеннаго духа и обтирая потъ платомъ со лба моего, ожидалъ, что̀ будетъ бесѣдовать и когда что спроситъ, то ему и отвѣчалъ отъ сердца моего, какъ Христу истину всю; осматривалъ мантійцу на мнѣ и осязалъ одежду мою, въ коей былъ я и спрашивалъ, что это?» Послѣ этого посѣщенія Фотія, преосвященный Тимоѳей подробно донесъ обо всемъ митрополиту и между прочимъ писалъ, что Фотій совершенно обезсилилъ себя своими неумѣренными подвигами, съ Рождества не выходитъ на свѣжій воздухъ, сдѣлался затворникомъ, наложилъ на себя молчаніе, никого не принимаетъ изъ должностныхъ лицъ и никого не допускаетъ къ себѣ изъ братіи. По поводу этого донесенія, митрополитъ писалъ Фотію: «вотъ ты убѣждалъ меня не вѣрить ложнымъ слухамъ, которые разсказываютъ о тебѣ неблагонамѣренные люди и я не вѣрилъ имъ. По теперь дошли до меня вѣрные слухи отъ преосвященнаго Тимоѳея, коимъ я уже не могу не вѣрить. Скажи мнѣ, кто теперь изъ всѣхъ монастырскихъ настоятелей ходитъ въ такомъ одѣяніи, въ какое ты вздумалъ одѣваться? И къ чему служитъ такая отъ всѣхъ отличка въ платьѣ?

Ты не можешь сказать, чтобы она служила къ спасенію души твоей, ибо платье не спасаетъ насъ: такъ къ чему же служитъ она? Ни къ чему иному, какъ токмо къ общему для всѣхъ соблазну монашествующихъ и свѣтскихъ людей. А ты знаешь, что соблазнъ есть грѣхъ и, зная сіе, не токмо самъ продолжаешь творить его, но, одѣвши нѣкоторыхъ изъ братій, живущихъ у тебя въ кельяхъ въ таковую же странную одежду, заставилъ ихъ помогать себѣ въ дѣланіи соблазна сего». Давъ ему потомъ совѣтъ достигать высоты и совершенства духовной жизни другими средствами, назначенными отъ Промысла Божія, исполненіемъ обязанностей званія своего, въ которое призванъ, такъ какъ обязанности всѣ святы и богоугодны, митрополитъ писалъ въ заключеніе: «не посѣтуй на меня, чадо мое, что письмо мое имѣетъ нѣкоторую жестокость: жестокость эта не есть слѣдствіе какого либо неудовольствія моего. Послушай меня старца, пастыря твоего, который долженъ отвѣтъ Богу за душу твою дать; послушай меня, чадо мое: ибо ты меня всегда почиталъ за отца своего, такъ какъ и я всегда же почитаю тебя за сына моего: послушай убо меня и премѣни нынѣшній образъ жизни твоей на прежній». Но, утѣшая Фотія и выражая ему на письмѣ соболѣзнованіе, митрополитъ въ то же время поручилъ бывшему въ С.-Петербургѣ, Клопскому игумену, назначенному на эту должность изъ Юрьевскихъ намѣстниковъ, *Кифѣ* произвесть подъ рукою разслѣдованіе въ Юрьевскомъ монастырѣ о состояніи здоровья и дѣйствіяхъ Фотія и если окажется нужнымъ, то принять монастырь въ свое завѣдываніе.

Фотій былъ пораженъ этимъ распоряженіемъ, такъ какъ видѣлъ въ немъ, съ одной стороны, недовѣріе къ нему митрополита, съ другой,—предательство и тайный ковъ Кифы, своего постриженника и нѣкогда любимаго ученика. Въ продолженіи многихъ лѣтъ Кифа былъ первымъ лицомъ въ монастырѣ, послѣ Фотія, и пользовался его полнымъ довѣріемъ. Фотій взялъ его въ 1825 г. въ свой монастырь изъ псаломщиковъ Почтамтской церкви, въ С.-Петербургѣ, постригъ въ монахи и, тотчасъ же по постриженіи, сдѣлалъ казначеемъ, а вслѣдъ затѣмъ намѣстникомъ Юрьевскаго монастыря. Кифа былъ живой, оборотливый, веселый и разгульный монахъ. Должность казначея въ богатомъ монастырѣ давала ему способы вознаграждать себя за тяготу принужденныхъ уставныхъ подвиговъ, а близость къ Фотію и начальственная должность на-

мѣстника выводила его изъ подъ общаго монастырскаго надзора и давала удобства проводить время по желанію. Но гдѣ бы онъ ни былъ, къ утрени являлся съ первымъ ударомъ колокола. «Ты здѣсь, сынъ мой», спрашивалъ Фотій, озирая братію изъ алтарной двери. «Здѣсь, отче святый». Когда Фотій выдумалъ хитоны, Кифа первый надѣлъ эту причудливую форму и являлся въ ней на глаза настоятелю; но, приходя домой въ келью, сбрасывалъ хитонъ, наряжался въ красную рубаху и плисовые шаровары и лихо отплясывалъ. Цѣлыхъ пять лѣтъ длилась ихъ пріязнь; но, наконецъ, произошла между ними какая то непріятность и Фотій уволилъ его отъ должности намѣстника и, такъ какъ онъ завѣдывалъ всѣмъ монастырскимъ имуществомъ, то приказалъ ему сдать монастырь новому намѣстнику. Но Кифа, не сдавая монастыря, отправился въ С.-Петербургъ и такъ описалъ Фотія митрополиту, что митрополитъ приказалъ преосвященному Тимоѳею требовать отъ Юрьевскаго намѣстника еженедѣльнаго рапорта о состояніи здоровья Фотія, а Кифѣ поручилъ имѣть тайный надзоръ надъ Юрьевскимъ монастыремъ. Кифа не скрывалъ сдѣланнаго ему порученія. Скоро узналъ о немъ и Фотій. «Пріѣхавъ изъ Петербурга—писалъ онъ митрополиту въ отвѣтъ на его письмо, 23 Марта,—тайно подошелъ (Кифа) къ тремъ старшимъ братіямъ и, показавъ имъ, удивилъ ихъ подписомъ руки твоея и, дѣлая тайно слѣдствіе по обители и въ городѣ и объявляя градоначальнику и смущая владыку и приводя въ уныніе лжею дщерь мою и всѣхъ, доселѣ живя въ городѣ, возмутилъ даже на цѣлую недѣлю и человѣка три въ монастырѣ, такъ что агницы испугались волка и какъ Симъ и Іафетъ, удивясь брату Хаму, студъ на отца глаголющему, возскорбѣли, долго я не позналъ, но познавъ, утѣшилъ ихъ упованіемъ на Бога и они мирны и радостны стали. Господи, прости Кифѣ, отъ врага преодолѣнному въ часъ искушенія, и на меня не точію тебѣ, по всему Нову-Граду и оттолѣ, далече, повѣдавшему сверхъ золъ многихъ, что уже безъ ума и монастырь ему вручень [1]). Не погибъ я умомъ, ни душею, ни духомъ. Ни въ чемъ никто меня не прельстилъ:

[1]) 16 Апрѣля того же 1832 г. Фотій писалъ о Кифѣ графинѣ Анѣ: «Нашъ другъ и врагъ, ученикъ и навѣтникъ, сребролюбіемъ и славолюбіемъ недуговавъ на меня, учителя своего, отца и наставника, возсталъ и предалъ меня за нѣсколько ласковыхъ словъ врагамъ моимъ, жалуется архіерею, съ нимъ въ злобѣ заплетшемуся, что ему, Кифѣ, нынѣ запертъ мой монастырь: дѣйствительно запертъ, яко татю, ибо кралъ бумаги мои, дабы злая мнѣ содѣлать, яко сатанѣ запертъ, понеже духъ сатаны вдыхалъ въ моихъ чадъ, да

самъ имѣю возрастъ и разумъ. Слушалъ я тебя, яко Христа доселѣ, слушаю нынѣ и послушаю до дня въ онь же закроютъ руки мои тебѣ твои очи и орошу прахъ твой слезами моими, воздая тебѣ благодареніе за вся. Тако хощу, тако и будетъ. Я чадо твое послушливое до смерти. Образъ моей жизни совсѣмъ не таковъ, каковымъ тебѣ омолвили. Я такой имѣю, какой тебѣ угодно. Точно все то творю, что ты пишешь мнѣ, совѣтуя о постѣ и о прочемъ. Но не давай другимъ дѣла изъ рукъ моихъ вырывать насильно» [1]).

Между тѣмъ, митрополитъ ли написалъ Фотію или внушеніе послѣдовало инымъ путемъ, но Фотинія была удалена изъ Юрьевскаго монастыря и при содѣйствіи Фотія, а можетъ быть и графини Орловой, устроила себѣ помѣщеніе въ Переславскомъ женскомъ монастырѣ Владимірской губерніи. Графинѣ не нравилось пребываніе ея въ Юрьевскомъ монастырѣ. «Она страдала за честь Фотія — и рада была ея удаленію. Какъ и съ кѣмъ она отправилась, не знаемъ: но Фотій, письмомъ отъ 15 Апрѣля, укорялъ графиню за какія-то подозрѣнія на счетъ Фотиніи. «Ты пишешь, что Фотинія, твоя сестра о Господѣ, а моя дщерь, по слухамъ взяла [2]) гдѣ-то на пути. Боже мой, я ли тебѣ не говорилъ, что все отъ бѣсовъ разглашено. Съ нею Христосъ Самъ Своею великою милостію; съ нею Господь: то кто же можетъ нынѣ быти еще съ нею, кромѣ единаго Господа и всего, еже есть Господу благоугодно? Не вѣрь слуху и духу людей: все ложь: все козни сатаны и діавола. Ужели нѣтъ грѣшнѣе насъ, что всѣ объ однихъ заговорили о насъ? Что о тебѣ гласитъ демонъ и о прочемъ со мною? Остави бѣсовъ глаголати злая, ты внимай всему благому и святому о Христѣ Іисусѣ. Слышу, о чадо мое возлюбленное, что Дарія поноситъ дщерь мою Фотинію. Она меня поноситъ, меня ругаетъ, отца своего, а во мнѣ Бога и Спаса Іисуса Христа, сущаго и страждущаго. Параскева Н., безстудная жена, поноситъ дѣву чисту, святаго

возстанутъ на меня; заперъ монастырь яко врагу, да не учитъ невинныхъ лести на настоятеля и самъ да не имѣетъ предлога лгать яко прелестникъ себѣ на погибель.. Тимоѳей, викарій, готовъ всякое зло творить смѣло, лишь бы ему была дана власть. Теперь Серафимъ опомнился, что согрѣшилъ много: Богъ не далъ ему меня погубить, а онъ сіе творить готовъ былъ. Господь да проститъ всѣхъ: не вѣдятъ бо что творятъ».

[1]) Пространное письмо Фотія къ митрополиту Серафиму отъ 23 Марта 1832 г. на 54 страницахъ. Въ книгѣ посланій 1832 г. подъ заглавіемъ: Посланіе Серафиму митрополиту. Эхо лжи и гласъ истины или апологія архимандрита Фотія противу вражіихъ искушеній.

[2]) Неразобрано слово. *И. И. Ч.*

ангела, но я не дивлюсь ей; она и тебя всячески прежде поносила. Съ сею непотребною женою не имѣй свиданья и не пріемли: съ нею духъ сатаны. Дарію бѣсъ также смущаетъ. Агриппина, яко Архангелъ Господень, крѣпко стоитъ за меня и гласитъ: да дастъ ей Господь благодать велію Свою. Благодарю Агриппину: она истинная дѣвица и за истину Христову стоитъ. Да будетъ съ нею Господь. Или ты меня не знаешь, чадо мое? Не мы ли съ тобою единъ духъ имѣемъ? Въ насъ единъ умъ и едино все о Господѣ. Вѣруй Господу, не оставляй твоего отца въ сей жизни. Миръ тебѣ, радуйся» [1]). Но такъ какъ о близости графини къ Фотію знали при дворѣ, то исторія съ Фотиніей имѣла вліяніе на придворное положеніе графини. «Пишешь ты, писалъ ей Фотій, что хотѣли во плоти сущіе бѣсы надъ тобою посмѣяться въ присутствіи царицы, нечестивые ласкатели придворные: но слышала ты, что Царица имъ сіе запретила сдѣлать. Ежели же сдѣлается когда либо, потерпи Бога ради вся, да свѣтлый вѣнецъ за терпѣніе обрящешь на небесахъ. Спаси Боже Царицу и помилуй за ея благость, кротость и мудрость. Ежели бы сіе осмѣлились сдѣлать, то вышло бы то, что нога твоя бы не была во дворѣ никогда впредь: это была бы вина благословная не входить къ Царицѣ: убытка бы тебѣ не было».

Но убытокъ тотчасъ же оказался для самого Фотія. Ему хотѣлось освободиться изъ подъ надзора епархіальной власти и онъ просилъ графиню исходатайствовать у Государя обращеніе Юрьевскаго монастыря въ ставропигіальный съ подчиненіемъ только Святѣйшему Синоду. Но ходатайство графини не имѣло успѣха. «Вчера, въ полдень, писала она къ Фотію 26 Апрѣля, только что я отправила къ тебѣ письмо мое, пришелъ оберъ-прокуроръ синодальный [2]) и мнѣ объявилъ отказъ отъ Царя на мое святое, такъ сказать, требованіе и весьма законное; а я ему на сіе сказала: буди во всемъ воля Божія; удивляюсь же, что Царь самъ мнѣ не сказалъ, имѣвши нѣсколько разъ случай меня видѣть, а далъ порученіе тебѣ, которое совершенно до тебя не касается и чрезъ тебя не шло. И наконецъ онъ мнѣ сказалъ, что чрезъ статсъ-секретаря ему самому объявлено. Вотъ какъ все идетъ. Ничего не дѣлается, дабы любовь и привязанность въ людяхъ приверженныхъ поддержать, а напротивъ послѣднюю искру погашаютъ». «На сіе тебѣ скажу я, от-

[1]) Письма 1832—33 гг. Письмо 4.

[2]) С. Д. Нечаевъ.

вѣчалъ Фотій, что давно замѣтили мы нечувствешность, лесть и обманъ во всѣхъ тѣхъ, конхъ мы старались любить и имъ служить отъ сердца. Я уже не говорю объ тѣхъ, которыхъ ты сама видишь неблагодарными; но скажу то, что колико мы хотѣли, дабы съ Филаретомъ о Господѣ едино въ любви, но онъ во все наше пребываніе въ 12 лѣтъ ни единаго добра не сотворилъ ни мнѣ, ни тебѣ, ни обители нашей; даже при случаяхъ крайнихъ утѣшенія добраго слова не употребилъ. Гдѣ можно укусить по навожденію бѣсовскому, тамъ случая не упускали. О Серафимѣ митрополитѣ я тебѣ скажу то, что у него все на внѣшнемъ основано. При малѣйшемъ случаѣ онъ старался разорвать союзъ, насъ связующій: у него вся цѣль была держать насъ у себя въ наружномъ благоволеніи; когда міръ на меня или на тебя бросался со злобою и онъ въ то время болѣе всѣхъ язвъ намъ дѣлалъ и болѣе всѣхъ чашу горести подносилъ испить. Онъ, нынѣ клеветниковъ возлюбивъ, положилъ тайно тебя оторвать отъ меня, имѣя въ виду, что онъ есть единъ паче и святѣе всѣхъ на землѣ судія, а чрезъ то хотѣлъ, дабы ты Софійскому собору въ угодность ему принесла и привозила злато, сребро и вся благая, а тебѣ отъ него послѣ посмѣяніе пріять и презрѣніе. Всѣмъ я служилъ и деньгами и противу враговъ и любовію, не щадя живота и былъ яко родный сынъ ему, а онъ во дни святаго и великаго поста хотѣлъ меня убить руками враговъ нашихъ: ей, сотворилъ бы сіе дѣло, но Господь не допустилъ до сего... Ты пишешь мнѣ, наконецъ, письмо такъ: «очень что-то съ нѣкотораго времени у меня, чада твоего, не весело на сердцѣ: но да буди во всемъ воля Божія надо мною окаянною: видно тако надобно для моего спасенія». На сіе тебѣ азъ, твой отецъ, скажу истину: послушай ты меня чадо, всегда непрестанно имѣй на сердце веселіе борися крѣпко съ духами злобы и обличай вездѣ нечестіе и мерзость, гдѣ случай будетъ и лесть и обманъ тѣхъ, конхъ ты знаешь, яко тя боятся. Когда весьма тебѣ не весело, то съ Богомъ лети въ рай твой пресладкій для души. Это мѣсто твоего веселія; можешь сказать причину, что тебѣ нѣтъ пріятности, а всякъ старается чинить однѣ непріятности» [1]).

Въ Январѣ 1833 г. митрополитъ пригласилъ его пріѣхать въ С.-Петербургъ. Фотій отказался, сославшись на болѣзнь и по этому

---

[1]) Письма 1832—1833 г. Письмо 8.

поводу писалъ графинѣ 18 Января: «Радуйся чадо о Господѣ, но радуйся не о томъ, что я ѣду скоро или пріѣду въ С.-Петербургъ для свиданія съ Владыкою: радуйся о томъ, что я не могу пріѣхать въ столицу: она для меня единаго сдѣлалась адъ. Въ ней мнѣ искушеніе и смерть: я изъ помысла не могу истребить того, что ежели послѣ тяжкой болѣзни, послѣ срама и позора общаго о мнѣ, пріѣду въ столицу, добра не будетъ мнѣ. Вообрази, чадо мое, куда я пріѣду. Къ тебѣ ли пріѣду? Я радъ, мнѣ у тебя хорошо: ты меня и мертваго вывезешь изъ дому и столицы и привезешь въ монастырь и предашь тѣло мое грѣшное землѣ. Но я отъ тебя долженъ пріѣхать въ Лавру, гдѣ митрополитъ; тамъ съ нимъ первый врагъ мой живетъ; туда пишетъ его союзникъ противъ меня клеветавшій на меня. Тамъ мнѣ дадутъ старое жилище и отходъ смертельный для болѣзненнаго тѣла моего. При томъ же я требуюсь не къ радости, не для любви, а для слышанія новыхъ оскорбленій и болѣзней. За чѣмъ же я поѣду? Нѣтъ дѣлъ никакихъ. Врагъ діаволъ молву пуститъ, что я на судъ къ отвѣту истребованъ: вообрази, чадо, что я пріѣду блѣдный, худой, тощій какъ смерть: буду посмѣшищемъ всѣмъ, всѣ на меня, какъ на чудовище, будутъ смотрѣть. Къ чему? Развѣ толико лѣтъ митрополитъ не могъ меня узнать? Нынѣ судъ мнѣ приходитъ. Съ 1826 г. я подъ надзоромъ имѣюсь у митрополита: гдѣ же любовь его, гдѣ же вѣра? Со всѣхъ сторонъ ему дуютъ въ уши и вѣритъ всему. Давно ли онъ меня благословлялъ? Давно ли удивлялся житію моему? Я живу явно. Что же еще отъ тайныхъ слугъ бѣсовскихъ тайное о мнѣ испытывать и меня мучить? Кому я что сдѣлалъ? Митрополитъ паки не спитъ ночей. О Боже, я ли виноватъ сему? Винитъ моего Арсенія, но это для того, дабы меня болѣе уязвить. Скорбитъ на дщерь мою дѣву Фотинію; почто? Развѣ другіе настоятели не имѣютъ свиданія съ своими? Опомнись, Владыко, что ты дѣлаешь? Желаетъ Серафимъ митрополитъ, дабы я одну Фотинію дщерь многоболѣзненную бросилъ. Нѣтъ, во вѣки сего не будетъ, что угодно пусть дѣлаетъ Серафимъ. И въ огнь и въ воду и на муки и на вся смерти гряду за Фотинію и Арсенія. Когда-бъ митрополитъ, слушая словеса Божіи, исполнялъ бы, то бы не уподобился храмнѣ, на пескѣ основанной. Всякое мірское смущеніе его о мнѣ смущаетъ. Что онъ печется о мнѣ паче всѣхъ? Развѣ я одинъ у него? Почто тайный надзоръ держитъ? Богъ съ нимъ. Когда бы онъ уши не отверзалъ

къ слушанію на меня слуховъ, никто не смѣлъ бы и говорить о мнѣ. Кто нынѣ виною смущенія моего? Ужели паки Филаретъ? Ужели Палладій, Ефремъ и подобные? Чадо, ты знаешь, колико мнѣ было притѣсненій, дабы насъ разлучить. Все то искушеніе миновалось: тамо меня осуждали, что я съ тобою ѣздилъ; а теперь судятъ, что съ моею дщерію сынъ мой ѣздитъ. Кая бѣда, аще бы и правда была. Кому какое дѣло? Пріидите, осудители мои, въ Переславль, въ дѣвичій монастырь, тамъ увидите, услышите, познаете отъ дѣлъ, а не отъ слуховъ, коль доброе древо есть Фотинія: она непрестанно больна, но болѣе Богу годна, нежели всяка иная здравая плоть человѣча» [1]).

Фотій переписывался съ Фотиніей и съ игуменьей Переславскаго женскаго монастыря, Серафимой. Въ Мартѣ 1832 г. Фотинія писала ему: «Прошу тебя, отче святый, не забудь меня, когда предстоишь у Престола Господня: помяни мя, грѣшную, въ твоихъ святыхъ молитвахъ и заочно благослови меня и не остави меня своими наставленіями. Ты мнѣ все пишешь, чтобъ терпѣть. Истинно, отче, видно ты знаешь, что есть мнѣ крестъ: но дай Богъ, чтобы мнѣ его снести съ радостію; ибо болѣе сего искушенія, которое я теперь при Божіей помощи несу, кажется, не можетъ еще быть болѣе. Дай Богъ, чтобы мнѣ снести и тѣмъ попрать врага, который всячески старается наводить намъ различныя искушенія. Съ нами Богъ! да будетъ проклятъ сатана. Ибо, когда онъ не нашелъ себѣ во мнѣ жилища, и когда твоя святыня изгнала его, мерзость, изъ внутренняго храма: то онъ не нашедъ мѣста, и старается наводить пакости, дабы тѣмъ привести меня въ ропотъ и опять старается придти въ свое прежнее жилище. Но надѣюсь на милосердую нашу Заступницу, Пресвятую Дѣву Богородицу, что не допуститъ его до сего; не ради моего окаянства, ибо по моему житію всякій часъ двери для него отверсты, но за твоими святыми молитвами и ради твоихъ трудовъ, которые ты имѣлъ со мною, навѣрно Господь услышитъ тя, призывающаго имя Его и дастъ ти, по прошенію твоему. Прости, не забывай своего чада». Фотій отвѣчалъ ей на ея письма обширными посланіями. Не зная ни въ чемъ мѣры и границы онъ и въ своемъ увлеченіи благочестивыми порывами Фотиніи восхвалялъ и ублажалъ ее какъ святую и непорочную дѣву и, между

[1]) Письмо 15.

прочимъ, писалъ ей: «азъ тебя помнпаю въ молитвахъ моихъ и приношу жертву Спасу-Богу и за тебя: и яко тебя саму всю—часть вземлю и поставляю на Престолъ славы предъ Богомъ». Посланія его къ ней начинались воззваніемъ: «Радуйся, чадо мое, въ Дусѣ святѣ возлюбленное, дщерь моя единородная, дѣва свѣтлая! Радуйся, Господь съ тобою».

Но Фотинія почему-то не полюбилась нѣкоторымъ святымъ дѣвамъ Переславской обители. О новой пришелицѣ начали сплетаться разныя басни и переносились изъ обители въ городъ, изъ города въ Москву. Въ Москвѣ жила покровительница нѣкоторыхъ сестеръ, Варвара Нарышкина, близкая съ митрополитомъ Филаретомъ. Получая вѣсти изъ Переславля, она передавала ихъ Филарету, а Филаретъ сообщалъ обо всемъ митрополиту Серафиму. Это и было причиною раздраженія Фотія противъ Филарета, рѣзко выраженнаго имъ въ письмахъ къ графинѣ Аннѣ. «Онъ главный виновникъ всѣхъ нестроеній во время князя Голицына, другъ и союзникъ Кошелева и Лабзина и всѣхъ тайныхъ и явныхъ враговъ вѣры и церкви. Никто не могъ остановить его дерзости, такъ былъ сплетенъ съ сильными вѣка сего; кто противился и могъ быть ему вреденъ, для церкви же полезенъ, онъ гналъ тайно и вмѣсто ссылки таковые удалялись, а иные умирали отъ горести, коея чашу Филаретъ съ усмѣшками подносить любилъ. Таковую чашу испилъ Леонидъ архимандритъ, епископъ Иннокентій, Амвросій Тверскій и другіе. По его волѣ князья и прочіе дѣйствовали; всѣ власти по вліянію Филарета творили. Ты знаешь, что въ сокрушеніи зла всего Богъ меня убогаго употреблялъ. Хотя я щадилъ Филарета, онъ меня не щадилъ; онъ меня гналъ; прежде Михаила митрополита смущалъ противъ меня, а потомъ непрестанно Серафима, лично, письменно, и самъ, и чрезъ другихъ. Я терпѣлъ отъ него все, не мстилъ ему. Гдѣ бывало я коснуся разорить скопище злочестія, а тутъ вездѣ Филаретъ виновникъ и участникъ. Честолюбіе его снѣдало. Послѣ смерти Александра Императора колико мнѣ было отъ него гоненій, клеветъ; какихъ онъ хитростей не употреблялъ истребить меня и паче всего поссорить отца съ сыномъ и успѣвалъ во многомъ. Въ настоящемъ же году хотя я заключился въ ущеліяхъ келлій моихъ, но лукавство Филарета назираетъ и не даетъ покоя. Открылось, что дщерь моя Фотинія близка ко мнѣ: близость же по Богѣ. О, колико смущеній сдѣлалось! Обѣ столицы хотѣли меня пожрать;

отъ царя до раба всѣ смутились: князья и вельможи первые противъ меня вооружились какъ львы, всѣ проклинали меня, Фотинію, тебя и молили Серафима, дабы меня истребить. Сему же виною болѣе Филаретъ. А увидѣвъ свое заблужденіе не раскаялся, не хотѣлъ мнѣ написать, что виноватъ. Самъ себя любитъ разрѣшать и думаетъ, что онъ самъ собою имѣетъ право болѣе другихъ въ Царствіе Небесное внити».

Филаретъ былъ въ С.-Петербургѣ, когда митрополитъ Серафимъ вызывалъ Фотія въ С.-Петербургъ. Фотій сначала отказался и написалъ митрополиту, что не можетъ пріѣхать, особенно вскорѣ, но потомъ передумалъ и 23 Января прибылъ въ С.-Петербургъ, въ домъ графини. Въ тотъ же день написалъ митрополиту письмо и просилъ дать ему на короткое время помѣщеніе по прежнему, у себя въ кельяхъ. Митрополитъ позволилъ и принялъ его «обнявъ и поцѣловавъ, какбы не имѣя гнѣва». На другой день «началось слово о дѣлѣ, между прочимъ, о хитонѣ». Митрополитъ бесѣдовалъ съ нимъ съ 10 ч. вечера до 2 часовъ ночи, уговаривалъ оставить ношеніе хитона, но Фотій упорно отказывался; наконецъ въ 2 часа ночи сказалъ ему, что запретитъ ему священнослуженіе, если не отречется отъ хитона и отдастъ его подъ судъ. Фотій упалъ предъ митрополитомъ на колѣни и сказалъ, что принимаетъ запрещеніе за особенное пастырское благословеніе и за милость Божію. Митрополитъ сдернулъ съ него рясу и началъ осматривать, что такое есть хитонъ, который послалъ Фотій, и увидѣвъ красный поясъ, которымъ былъ подпоясанъ, обругалъ и велѣлъ надѣть рясу; а потомъ когда Фотій ушелъ въ свою комнату, снова пришелъ къ нему и сказалъ ему: сними съ себя хитонъ и покажи мнѣ подробно, что онъ есть такое. «Хитонъ, пишетъ Фотій, былъ на мнѣ изъ лучшей агнчей шерсти цвѣтомъ голубой и какъ Серафимъ самъ коснулся снять съ меня хитонъ, то я ему и подмогъ хитонъ снимать и снявъ отдалъ ему, пусть что хощетъ, то дѣлаетъ и представляетъ, какъ вещь, въ мое обличеніе, отдавая меня подъ судъ. Послѣ того, увидѣвъ вериги, спросилъ, какъ называется то, на чемъ онъ носитъ ихъ. Фотій сказалъ, что это короткій на ватѣ для теплоты хитонъ. Митрополитъ спросилъ: еще что у тебя подъ коротким хитономъ. На тѣлѣ нижній хитонъ или власяница. Отдавая голубой хитонъ, митрополитъ велѣлъ надѣть и сказалъ, что нѣтъ ничего сумнительнаго.

Фотій былъ доволенъ своею поѣздкою. Но скоро отношенія его съ митрополитомъ опять обострились. Митрополитъ требовалъ, чтобъ онъ прекратилъ сношенія съ Фотиніею, но Фотій наотрѣзъ отказался. Тогда митрополитъ сказалъ, что Владимірскій епископъ Парфеній выгонитъ ее изъ монастыря, а ни онъ, ни Филаретъ не примутъ ее въ монастыри своихъ епархій. «Сказываетъ, писалъ Фотій графинѣ 20 Апрѣля 1833 г., что онъ въ свою епархію не приметъ въ монастырь дщерь: да сему не бывать, если бы онъ день и ночь старался, чтобы она пошла: я не благословлю. Говоритъ, что и Филаретъ не возметъ: ей, чести сей не будетъ имѣть у себя, чтобы Богъ подъ власть его привелъ чадо мое. Хвалится Парфеній, что лишь выѣдетъ [1]), то не приметъ Фотинію въ монастырь. Но она не принята; живетъ безъ указа въ своемъ жилищѣ и имѣетъ свободу уѣзжать и пріѣзжать». «Весь гнѣвъ свой являя, продолжаетъ Фотій, архіерей [2]) сказалъ дщери Агриппинѣ, что хотя я и приготовилъ кельи для него, но онъ не пойдетъ. А я на сіе скажу, что, послѣ такихъ худыхъ поступковъ его, не можно идти ко мнѣ на покой; я радъ, что совѣсть его удаляетъ отъ меня и онъ самъ по себѣ уже не желаетъ идти ко мнѣ. Ты ли не знаешь, чадо, мои услуги и мою любовь сыновнюю къ нему? Кто виноватъ изъ насъ? Кто кому зло учинилъ? Я трудился строить, а онъ изъ гордости презираетъ мои труды кровавые. Господи, устрой, дабы онъ не былъ у меня въ монастырѣ. Зри чадо, былъ я въ Генварѣ, все въ тишину претворилъ: но вотъ, съ того времени, вмѣсто мира сколько вражды онъ насѣялъ. Самъ вызываетъ и придумываетъ соблазны, а говоритъ, что другіе соблазняются».

Послѣдніе годы жизни Фотія посвящены были строгому аскетизму. Въ келліяхъ его, подлѣ алтаря Спасскаго собора, имъ устроена была небольшая моленная кельица, высотою въ ростъ человѣка, длиною въ сажень и шириною въ 16 вершковъ по образцу такой же моленной въ келліяхъ Іоанна архіепископа; тамъ Фотій молился предъ иконою Божіей Матери, съ неугасимой лампадой и оттуда былъ ходъ въ усыпальницу подвальной церкви Похвалы Пресвятой Богородицы, гдѣ онъ приготовилъ для себя гробъ и гдѣ былъ потомъ похороненъ послѣ кончины 26 Февраля 1838 г.

---

[1]) Преосв. Владимірскій Парфеній находился въ то время въ С.-Петербургѣ для присутствованія въ Св. Синодѣ.

[2]) Митрополитъ Серафимъ.

XII.

С. Д. Нечаевъ и графъ Н. А. Пратасовъ.

Закрытіе Коммиссіи Духовныхъ Училищъ. Новые взгляды на задачу и цѣль образованія въ духовныхъ училищахъ.—Реформа богословской науки. Преосвящ. Аѳанасій Дроздовъ. Дѣло о переводѣ Библіи протоіерея Павскаго.—Удаленіе обоихъ Филаретовъ изъ Синода.—Аѳанасій и В. Б. Бажановъ.—Панигирикъ Аѳанасію архіепископа Никанора.

Въ Декабрѣ 1828 годъ поступилъ на службу въ Святѣйшій Синодъ Степанъ Дмитріевичъ *Нечаевъ*. 6 Декабря митрополитъ Филаретъ писалъ къ своему викарному въ Москву: «Степанъ Дмитріевичъ Нечаевъ посаженъ за оберъ-прокурорскій столъ въ Синодъ. О немъ можно имѣть добрыя чаянія». По сообщаемымъ въ «Воспоминаніяхъ графа М. В. Толстого» свѣдѣніямъ, Нечаевъ, зажиточный помѣщикъ Рязанской губерніи, въ молодости занимался литературой; съ 1819 г. былъ ученикомъ въ какой-то масонской ложѣ, потомъ служилъ въ Москвѣ при князѣ Д. В. Голицынѣ, женился на Софьѣ Сергѣевнѣ (Мальцевой) и, пользуясь покровительствомъ дяди ея, оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, князя Мещерскаго и князя А. Н. Голицына, получилъ мѣсто за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Синодѣ [1]).

Въ слѣдующемъ 1829 году, 6 Апрѣля, назначенъ членомъ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ (съ жалованьемъ по 2,500 р. въ годъ)

---

[1]) Рус. Арх. 1881 г. II, стр. 98. Сообщеніе это можно пополнить слѣдующими оффиціальными свѣдѣніями. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ, Нечаевъ въ Январѣ 1811 г. поступилъ на службу въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ; въ Апрѣлѣ того же года, по Высочайшему повелѣнію, опредѣленъ къ Рижскому военному губернатору князю Лобанову-Ростовскому; въ 1814 г. уволенъ изъ вѣдомства коллегіи и опредѣленъ почетнымъ смотрителемъ училищъ Скопинскаго уѣзда, а съ 1817 по 1823 г. директоромъ училищъ Тульской губерніи; въ 1824 г. служилъ въ Москвѣ по благотворительнымъ учрежденіямъ; въ 1827 г. причисленъ къ собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Въ 1828 г. 1 Декабря опредѣленъ въ Синодъ съ жалованьемъ по 1500 р. въ годъ. Женатъ былъ на дочери корнета Мальцева, Софьѣ Сергѣевнѣ.

и въ отсутствіе князя Мещерскаго, съ Мая по Сентябрь этого года за границу, исполнялъ его обязанности по Синоду и по Коммиссіи; въ 1831 г. 8 Декабря произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а въ 1833 г. 2 Апрѣля опредѣленъ на мѣсто князя Мещерскаго оберъ-прокуроромъ. Бывшій оберъ-прокуроръ, князь Мещерскій, произведенъ въ сенаторы, но остался членомъ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ и въ отсутствіе Нечаева, въ 1834 г. съ Іюля по Декабрь, исполнялъ его оберъ-прокурорскія обязанности. С. Д. Нечаеву довелось быть оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода въ трудное время, когда начавшееся, за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, сближеніе западно-русскихъ уніатовъ съ православною церковію приняло весьма значительные размѣры и надлежало принять рѣшительныя мѣры къ вѣрному и твердому направленію и къ успѣшному окончанію этого важнаго, сложнаго и труднаго дѣла. Чтобы ознакомиться съ положеніемъ его на мѣстѣ, онъ предпринялъ, съ Высочайшаго соизволенія, личное обозрѣніе уніатскихъ епархій и въ продолженіи полугода, съ Іюня по Декабрь 1834 г., изучалъ тамъ обстоятельства и ходъ событій, наблюдалъ за направленіемъ умовъ уніатскаго духовенства и населенія и, съ одной стороны, направлялъ духовныя и гражданскія власти дѣйствовать по той системѣ, которая была выработана правительствомъ, съ другой — повѣрялъ на мѣстѣ правильность самой этой системы какъ въ основаніяхъ ея, такъ и въ важнѣйшихъ подробностяхъ. Результатомъ этого обозрѣнія были весьма важные доклады его Государю, отличающіеся ясностію и основательностію его взгляда на тогдашнее положеніе вещей.

При немъ Святѣйшій Синодъ перешелъ въ 1835 г. изъ дома 12-ти Коллегій въ новое зданіе (нынѣшнее помѣщеніе), выстроенное по Высочайше утвержденному плану на капиталъ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ. Здѣсь же отдѣлено было помѣщеніе и для Коммиссіи [1]). 29 Мая, въ день Сошествія Святаго Духа, освящена была Синодальная церковь, а 4 Іюня, въ первое присутствіе Святѣйшаго Синода въ новомъ зданіи, Государь удостоилъ Синодъ своимъ посѣщеніемъ. Прибылъ въ оный съ Цесаревичемъ, въ 12 часовъ дня, и встрѣченный членами Святѣйшаго Синода въ мантіяхъ,

[1]) Всего на покупку дома Кусовниковой, ломку его и на устройство на мѣстѣ его синодскаго зданія, съ отдѣлкой и меблировкою, употреблено изъ суммы К. Д. У. 1.915.000 р.

а первенствующимъ и въ омофорѣ, съ святымъ крестомъ, Государь слушалъ въ синодальной церкви краткое молебствіе, а за тѣмъ вступилъ въ зало присутствія, гдѣ занялъ мѣсто не на приготовленномъ тронѣ, но на креслахъ, имѣя по правую руку Наслѣдника Цесаревича и повелѣвъ членамъ Синода занять свои мѣста. Государь пробылъ въ Синодѣ почти все время присутствія, а по выходѣ изъ синодальнаго зала, посѣтилъ присутственную комнату Коммиссіи Духовныхъ Училищъ и канцелярію Синода [1]).

Присутствіе Святѣйшаго Синода составляли въ это время м. Серафимъ, М. м. Филаретъ, м. Іона (бывшій экзархъ Грузіи), архіепископъ Тверской Григорій, протопресвитеръ П. В. Криницкій и оберъ-священники, протоіереи Н. В. Музовскій и В. П. Кутневичъ.

Членами Коммиссіи Духовныхъ Училищъ въ это время были: митрополитъ Серафимъ, Московскій митрополитъ Филаретъ, Казанскій архіепископъ Филаретъ [2]), Тверской архіепископъ Григорій, духовникъ покойной Императрицы Маріи Ѳеодоровны Криницкій, оберъ-священникъ, духовникъ Н. В. Музовскій, сенаторъ князь Мещерскій и оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода Нечаевъ. Криницкій скончался въ Декабрѣ 1835 г. На его мѣсто членомъ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ назначенъ, занявшій съ 1832 г. послѣ Г. И. Машевстова († 12 Ноября 1832 г.) должность оберъ-священника арміи и флота и съ 1833 г. присутствовавшій въ Святѣйшемъ Синодѣ, протоіерей Василій Ивановичъ *Кутневичъ*. Правителемъ дѣлъ послѣ Чичагова, уволеннаго 12 Марта 1832 г., опредѣленъ былъ 27 Августа того же года состоявшій при Министерствѣ финансовъ чиновникомъ особыхъ порученій, надворный совѣтникъ Александръ Ивановичъ *Карасевскій* [3]).

Въ 1835 году Высочайшимъ указомъ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ 19 Декабря повелѣно перевесть въ ея вѣдѣніе греко-уніатскія духовныя училища и по дѣламъ этихъ училищъ присутствовать въ Коммиссіи греко-уніатскому митрополиту *Іосафату* (*Булгаку*)

---

[1]) Посѣщеніе Государемъ Св. Синода, съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ обстоятельствъ этого событія, изложено въ особомъ журналѣ Св. Синода (въ редакціи м. Филарета), буквально потомъ напечатанномъ въ Русск. Арх. 1869 г. стр. 745, слѣд.

[2]) Въ Сентябрѣ 1836 г. перемѣщенъ въ Ярославль, а съ Апрѣля 1837 г. митрополитъ Кіевскій.

[3]) Карасевскій окончилъ курсъ въ Московскомъ Университетѣ въ 1814 г. и, по окончаніи курса, проходилъ разныя должности по министерствамъ военному и финансовъ.

и Литовскому епископу *Іосифу (Сьмашко)*. Въ первый разъ они присутствовали 25 Апрѣля 1836 г. и подписались Іосафатъ послѣ митрополита Московскаго Филарета, Іосифъ послѣ Григорія. Въ послѣдующее время 1837 -1838 гг. они были всегда приглашаемы, когда происходили разсужденія о семинаріяхъ и училищахъ грекоуніатскихъ епархій (Литовской и Бѣлорусской), о вызовѣ изъ нихъ воспитанниковъ въ духовныя академіи и назначеніи ихъ, по окончаніи курса, на службу въ эти епархіи.

Въ это время на сцену выступило лицо, которому суждено было играть продолжительное время очень важную роль въ духовномъ управленіи Россіи. Это былъ графъ *Николай Александровичъ Пратасовъ*.

Въ началѣ 1836 года, Нечаевъ принужденъ былъ болѣзнію жены сопровождать ее для леченія на южный берегъ Крыма. Князь П. С. Мещерскій, который прежде исполнялъ его оберъ-прокурорскія обязанности, былъ въ отсутствіи. Чиновникъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ, А. Н. Муравьевъ, не имѣлъ еще надлежащаго авторитета, чтобы поручить ему исправленіе оберъ-прокурорской должности; притомъ же онъ не пользовался довѣріемъ Нечаева. Поэтому Нечаевъ просилъ Государя поручить доклады по дѣламъ Синода товарищу министра народнаго просвѣщенія графу Пратасову. Государь соизволилъ и 24 Февраля графъ Пратасовъ вступилъ въ исправленіе оберъ-прокурорскихъ обязанностей, а 21 Іюня опредѣленъ членомъ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ. — Нечаевъ находился еще въ Крыму, гдѣ имѣлъ несчастіе потерять жену, какъ Пратасовъ назначенъ былъ 25 Іюля оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода, а онъ, бывшій оберъ-прокуроръ, къ присутствованію въ Сенатѣ, съ пожалованіемъ въ тайные совѣтники и съ оставленіемъ членомъ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ [1]). Но, получивъ назначеніе присутствовать въ одномъ изъ Московскихъ департаментовъ Сената, онъ уже не присутствовалъ въ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ.

Графъ Пратасовъ происходилъ изъ дворянъ Московской губерніи; воспитаніе получилъ домашнее; въ 1817 г., 15-ти лѣтъ отъ

[1]) Бывшій въ то время секретаремъ Синода, Ф. Измайловъ въ своихъ Воспоминаніяхъ говоритъ, что будто бы увольненіе Нечаева и назначеніе гр. Пратасова послѣдовало по, лично представленному Государю, докладу и ходатайству митрополита отъ лица Синода, и что, будто бы, склонилъ къ этому митрополита чиновникъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Синодѣ, А. Н. Муравьевъ (Страни. 1882 г. Сент. стр. 80).

роду, поступилъ въ л.-гв. гусарскій полкъ юнкеромъ; съ 1819 г. проходилъ должность адъютанта при генералъ-адъютантѣ Васильчиковѣ, графѣ Бенкендорфѣ и генералъ-фельдмаршалѣ графѣ Дибичѣ-Забалканскомъ; въ 1831 г. пожалованъ въ флигель-адъютанты. Но затѣмъ карьера его направилась въ другую сторону—съ военной на гражданскую службу. Въ 1834 г., въ чинѣ полковника л.-гв. гусарскаго полка, онъ назначенъ былъ членомъ Главнаго правленія училищъ, Главнаго правленія цензуры и Комитета по устройству учебныхъ заведеній; въ 1835 г. 11 Апрѣля исправляющимъ должность товарища министра народнаго просвѣщенія. Въ томъ же году ему поручено было наблюденіе за главнымъ Педагогическимъ институтомъ и Румянцевскимъ музеемъ, обозрѣніе Бѣлорусскаго учебнаго округа и затѣмъ ближайшее завѣдываніе этимъ округомъ. Съ назначеніемъ въ слѣдующемъ году оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода, онъ уволенъ только отъ должности товарища министра народнаго просвѣщенія, но остался членомъ Главнаго правленія училищъ и цензуры. Графъ Пратасовъ женатъ былъ на Натальѣ Дмитріевнѣ княжнѣ Голицыной, дочери Московскаго военнаго генералъ-губернатора (съ 1820 г. до кончины въ 1844 г.). князя Дмитрія Владиміровича Голицына.

Московскій митрополитъ Филаретъ, бывшій, во время назначенія его, въ Москвѣ, привѣтствовалъ его письмомъ. «Послѣ долгихъ и неопредѣленныхъ слуховъ, удостовѣрясь на сихъ дняхъ указомъ Святѣйшаго Синода о Высочайшемъ назначеніи Вашего Сіятельства оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода, полагаю на себя пріятный долгъ привѣтствовать Ваше Сіятельство съ симъ новымъ опытомъ Высокомонаршаго довѣрія; и сіе исполняю не просто по обычаю, но съ полнымъ участіемъ, удовольствіемъ и благими надеждами, которыя естественно возникли изъ опыта временнаго служенія Вашего по Святѣйшему Синоду. Молю Бога, да благословитъ служеніе Ваше и управитъ къ пользамъ церкви и къ исполненію благотворныхъ намѣреній благочестивѣйшаго Государя» [1]). Многіе другіе преосвященные привѣтствовали графа Пратасова. Въ Августѣ прислалъ ему поздравительное письмо ректоръ Кіевской академіи, архимандритъ Иннокентій. «Хотя въ одиннадцатый часъ, но спѣшу, по возвращеніи моемъ изъ двухмѣсячнаго странствія, явиться

[1]) Дѣло Канц. Об.-Пр. Св. Син. № 6105.

мысленно и къ Вашему Сіятельству для привѣтствія Васъ съ новымъ знакомъ особеннаго довѣрія Монаршаго къ талантамъ и трудамъ Вашимъ. Не мое дѣло оцѣнять важность званія, на Васъ возложеннаго (посредникъ между престоломъ и церковію не можетъ и самъ не быть въ нѣкоторомъ смыслѣ лицемъ священнымъ). Я, какъ очевидецъ, могу сказать только, что вѣсть о избраніи Васъ пронеслась во многихъ мѣстахъ самымъ пріятнымъ образомъ и возвеселила многихъ и многихъ. А для насъ, школьниковъ, пріятно уже и то, что жребій попечительства о церкви палъ на того, кто столько извѣстенъ усердіемъ къ пользѣ наукъ. Вертограды просвѣщенія издавна Вашему Сіятельству свои; посему и вертоградари ихъ надѣются быть не чуждыми васъ. Послѣ сего остается только молить Господа, чтобы Онъ даровалъ Вамъ духъ премудрости и силъ, и благословлялъ успѣхомъ всѣ благія начинанія и труды Ваши на пользу святой церкви, и молитва сія будетъ произноситься искренно и постоянно отъ всѣхъ истинныхъ чадъ церкви, разумѣющихъ всю важность служенія Вашего».

Первый «вертоградъ наукъ», посѣщенный графомъ Пратасовымъ, былъ С.-Петербургская духовная академія, которая потомъ долго помнила это посѣщеніе. Достопамятное пронествіе это подробно и не безъ юмора описано бывшимъ очевидцемъ его, покойнымъ профессоромъ академіи, Д. И. Ростиславовымъ, въ статьѣ, напечатанной въ «Вѣстникѣ Европы» за 1885 г. Послѣдствіемъ его для начальствующихъ въ академіи лицъ было то, что ректоръ, архимандритъ Виталій переведенъ викарнымъ къ Московскому митрополиту Филарету, инспекторъ, архимандритъ Платонъ ректоромъ въ Костромскую семинарію, а оттуда вскорѣ—въ братство Виленскаго Свято-Духова монастыря.

Отпуская графа Пратасова на новую начальственную должность въ духовное вѣдомство, Министерство народнаго просвѣщенія снабдило его проэктомъ преобразованія духовныхъ училищъ. Въ проэктѣ этомъ осуждалось отдѣльное существованіе духовныхъ училищъ, какъ порожденное вреднымъ эгоизмомъ званія (сословнымъ сепаратизмомъ); указывалось на отсталость духовныхъ училищъ отъ свѣтскихъ и самые уставы ихъ, дѣйствовавшіе съ 1814 г. безъ перемѣны, назывались неподвижными, стереотипными; порицалась система воспитанія въ духовныхъ училищахъ, какъ основанная на страхѣ; показывалась неудовлетворительная поста-

повка учебной части въ академіяхъ и семинаріяхъ; выставлялся на видъ недостатокъ учебниковъ; въ особенности указывалось на вредъ философіи, стремящейся превратить въ мнѣ все непостижимое въ христіанствѣ. Въ заключеніе проэктъ предлагалъ соединить уѣздныя и приходскія духовныя училища съ свѣтскими. Московскій митрополитъ Филаретъ разобралъ этотъ проэктъ по пунктамъ и показалъ неосновательность обращаемыхъ на духовныя училища обвиненій и неудобство соединенія духовныхъ училищъ со свѣтскими [1]).

Но графъ Пратасовъ не удовлетворился доводами митрополита Филарета относительно совершенства духовныхъ училищъ. Соглашаясь, что духовныя училища, ближайшимъ образомъ семинаріи, имѣютъ спеціальное назначеніе приготовлять достойныхъ священнослужителей, онъ находилъ, что они недостаточно приспособлены къ этой цѣли,—что въ нихъ есть излишества, не требуемыя спеціальностію ихъ назначенія, и, напротивъ, нѣтъ предметовъ, изученіе которыхъ необходимо или полезно для будущихъ пастырей народа, что будущихъ священниковъ мало знакомятъ съ церковнымъ уставомъ и церковными законоположеніями и съ примѣрами изъ исторіи христіанской жизни и что въ преподаваніи богословскихъ наукъ нѣтъ однообразія и разъ введенныя и устарѣвшія уже классическія книги не замѣняются новыми.

Коммиссія Духовныхъ Училищъ не нашла въ этомъ повода къ пересмотру самаго устава семинарій и училищъ и къ преобразованію въ нихъ учебной части, но полагала только пересмотрѣть учебныя и вспомогательныя книги и для однообразной и лучшей постановки преподаванія богословскихъ наукъ въ семинаріяхъ потребовать отъ академическихъ и семинарскихъ ректоровъ конспекты богословскаго ученія.

«Коммиссія Духовныхъ Училищъ,—сказано въ журналѣ ея 6 Мая 1837 года,—имѣвъ разсужденіе о томъ, чтобы при возростающемъ образованіи и умножаемыхъ способахъ образованія, преподаваніе богословскихъ наукъ въ духовныхъ училищахъ возводимо было къ большему совершенству, систематической правильности и единообразному порядку, съ ближайшимъ приспособленіемъ не только къ догматамъ, но и къ преданіямъ и чинноположеніямъ православно-каѳолической Восточной церкви, признала за нужное: 1) при кон-

[1]) Собр. мнѣній и отз. м. Филарета т. II, № 228, стр. 386.

ференціи С.-Петербургской духовной академіи составить особый комитетъ для разсмотрѣнія классическихъ и вспомогательныхъ книгъ по всѣмъ частямъ богословскаго ученія съ тѣмъ, чтобы опредѣлить, какія изъ прежнихъ книгъ могутъ остаться въ учебномъ употребленіи, какія могутъ быть приняты вновь, какія требуютъ усовершенія и по какимъ частямъ должно составить новыя учебныя книги. Въ составъ комитета, подъ предсѣдательствомъ С.-Петербургскаго викарія, преосвященнаго Веніамина Григоровича, епископа Ревельскаго, назначены ректоръ и инспекторъ академіи (архимандритъ Николай и Платонъ Городецкій), ректоръ С.-Петербургской семинаріи, архимандритъ Макарій, находившіеся въ С.-Петербургѣ, на чредѣ, ректоры семинарій (Черниговской—Іустинъ и Костромской—Аѳанасій Дроздовъ) и придворный протоіерей Бажановъ. Комитетъ долженъ былъ представить свои заключенія не позже Декабря 1837 г., 2) отъ ректоровъ академій и семинарій потребовать конспекты богословскаго ученія, обязавъ ихъ доставить оные также не позже Декабря. Составителямъ поручено не держаться рабольпно принятаго порядка и способа ученія, но употребить собственныя свои мысли и предположенія къ усовершенію и облегченію ученія, къ устраненію ненужныхъ, излишнихъ, любопытствомъ или духомъ школы изысканныхъ, любопреній, къ пополненію свѣдѣній о предметахъ нужныхъ, полезныхъ и употребительныхъ въ священномъ служеніи церкви, къ которому готовятся образующіеся въ духовныхъ училищахъ [1]).

26 Іюля графъ Пратасовъ доложилъ Государю объ этихъ распоряженіяхъ Коммиссіи. Прочитавъ копію съ журнала ея 6 Мая, Государь выразилъ удовольствіе по поводу столь полезнаго для духовныхъ училищъ распоряженія и повелѣлъ озаботиться приведеніемъ этого дѣла къ скорѣйшему окончанію [2]).

Послѣ подписанія журнала 6 Мая, оба Филарета отправились въ свои епархіи. Кіевскій—для ознакомленія съ своей новой епархіей, въ которую только въ Апрѣлѣ этого 1837 года переведенъ былъ изъ Ярославля и для обозрѣнія Кіевской академіи, въ которой, какъ и въ С.-Петербургской, было въ томъ году окончаніе курса; Московскій—по своимъ епархіальнымъ нуждамъ; и возвра-

[1]) Ж. К. Д. У. 6 Мая 1837 г. Подписали м. Серафимъ, оба Филарета, Музовскій, Кутневичъ, Мещерскій и Пратасовъ.

[2]) Ж. К. Д. У. 10 Авг. 1837.

тились въ С.-Петербургъ Кіевскій—въ концѣ Октября, Московскій—въ концѣ Декабря.

21 Декабря Комитетъ представилъ докладъ съ подробными отзывами объ употреблявшихся въ семинаріяхъ учебныхъ и вспомогательныхъ книгахъ по богословскимъ предметамъ и съ своимъ заключеніемъ, которое, въ сущности, сводилось къ тому, что ни одна изъ принятыхъ въ классическое употребленіе книгъ не можетъ быть признана совершенно удовлетворительнымъ руководствомъ и что нѣкоторыя изъ нихъ необходимо требуютъ значительныхъ исправленій и усовершенствованія, иныя совершенной замѣны ихъ другими, а по нѣкоторымъ предметамъ нужно составить вновь руководства, которыхъ доселѣ не было.

Графъ Пратасовъ, повидимому, отнесъ такое положеніе дѣла къ недостаточной дѣятельности Коммиссіи Духовныхъ Училищъ, а между тѣмъ, со стороны Коммиссіи встрѣчалъ только, — какъ казалось ему, — противодѣйствіе къ осуществленію предлагаемыхъ имъ мѣръ улучшенія духовныхъ училищъ. Противодѣйствіе это особенно рѣзко обнаружилось по поводу предложенія вновь учрежденнаго Министерства государственныхъ имуществъ о введеніи медицины и сельскаго хозяйства въ кругъ предметовъ семинарскаго преподаванія. Не установивъ еще и неопредѣливъ своей ближайшей задачи, оно устремилось съ своей заботливой попечительностію на сельское духовенство и предложило обезпечить его состояніе новыми придуманными имъ способами, а чрезъ него облагодѣтельствовать народъ обученіемъ въ семинаріи будущихъ приходскихъ священниковъ естественной исторіи, медицинѣ и сельскому хозяйству. Графъ Киселевъ представилъ докладъ объ этомъ Государю. Государь отнесся къ этому предположенію сочувственно и приказалъ сообщить оное графу Пратасову. Графъ Пратасовъ предложилъ его на обсужденіе Святѣйшаго Синода. Московскій митрополитъ Филаретъ писалъ отзывъ за отзывомъ, разъясняя всю непрактичность предположеній объ обезпеченіи сельскаго духовенства, предлагаемыми Министерствомъ государственныхъ имуществъ, способами и всѣ неудобства введенія въ духовныя семинаріи медицины и сельскаго хозяйства [1]). Отзывы эти представляемы были графомъ Пратасовымъ Государю и, надо полагать, расположили Государя отнестись благоволительно къ

[1]) Собр. мнѣній и отзывовъ м. Филарета, т. 2, № № 234—239.

мѣрамъ, какія вслѣдъ затѣмъ онъ предпринялъ относительно духовныхъ училищъ. Графъ Пратасовъ повелъ дѣло помимо Коммиссіи Духовныхъ Училищъ. 23-го Марта 1838 года онъ представилъ Государю докладъ, въ которомъ изъяснялъ, что «Уставы духовныхъ училищъ, составленные въ 1814 г., оставаясь доселѣ безъ измѣненія, требуютъ пересмотра и ближайшаго приспособленія къ главной цѣли духовнаго воспитанія и потребностямъ настоящаго времени. Признавая необходимо нужнымъ неотлагательное исправленіе тѣхъ уставовъ, онъ полагалъ бы первоначальныя соображенія объ исправленіи и дополненіи опыхъ поручить сдѣлать двумъ или тремъ ректорамъ семинарій подъ непосредственнымъ его руководствомъ и наблюденіемъ, придавъ имъ въ помощь, буде окажется нужнымъ, и гражданскихъ чиновниковъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ Пратасовъ испрашивалъ Высочайшее разрѣшеніе избрать ректоровъ для исполненія этого порученія, вызвать ихъ сюда и назначить имъ помѣщеніе въ зданіяхъ духовнаго вѣдомства; по окончаніи порученія отправить обратно и, въ случаѣ нужды, замѣнить другими; а по окончаніи пересмотра, дать этому дѣлу надлежащее движеніе и представить оное на Высочайшее усмотрѣніе.

Выше мы упомянули, что отъ ректоровъ академій и семинарій потребованы были конспекты богословскихъ наукъ. Изъ представленныхъ конспектовъ графу особенно понравился конспектъ ректора Вятской семинаріи, архимандрита *Никодима* Казанцева. Графъ поручилъ Карасевскому попросить Московскаго митрополита прочитать конспекты и указать лучшій и въ особенности сказать мнѣніе о конспектѣ Никодима. Митрополитъ Филаретъ далъ одобрительное мнѣніе и сказалъ, что въ немъ есть зерно мысли, а не одно перечисленіе заглавій. Графъ вызвалъ Никодима въ С.-Петербургъ, а по прибытіи его, въ Іюнѣ 1838 г., въ продолжительныхъ разговорахъ съ нимъ изъяснилъ ему свои мысли на счетъ образованія духовнаго юношества и поручилъ ему пересмотрѣть учебную часть академій, семинарій и училищъ, поощривъ и обнадеживъ его разными обѣщаніями.

«Мы васъ позвали на работу. Прошу потрудиться. Вашъ конспектъ отличный. Онъ доказалъ, что вы съ талантами: намъ такіе люди нужны. Конспектъ будетъ напечатанъ. Васъ ожидаетъ докторство богословія. Прошу знать меня и еще никого. Мы васъ успокоимъ, дадимъ все. Не бойтесь никого, ниже вашихъ архіереевъ.

Я вашъ заступникъ. Храните въ тайнѣ все, что будетъ поручено вамъ». Разъясняя Никодиму свой взглядъ на духовныя семинаріи, графъ говорилъ: «Ваша богословія очень выспренія. Ваши проповѣди высоки. Мы васъ не понимаемъ. У васъ нѣтъ народнаго языка. Вы чуждаетесь церковности. Практическое богослуженіе вамъ не извѣстно. Вы почитаете для себя низкимъ знать и изучить его: отъ того смѣшите, вступая въ священную должность: не умѣете ни пѣть, ни читать, не знаете церковнаго устава. Васъ руководятъ дьячки; надъ вами издѣваются начитанные мѣщане.—Въ вашихъ школахъ нѣтъ спеціальности. Вы хотите быть и почитаться универсально учеными. Это ошибка. У насъ всякій кадетъ знаетъ маршъ и ружье; морякъ умѣетъ назвать послѣдній гвоздь корабля, знаетъ его мѣсто и силу; инженеръ пересчитаетъ всевозможные ломы, лопаты, крюки, канаты. А вы, духовные, не знаете вашихъ духовныхъ вещей.—Вы избрали для себя какой-то свой языкъ подобно медикамъ, математикамъ, морякамъ. Безъ толкованія васъ не поймешь. Говорите съ нами языкомъ намъ понятнымъ, научайте Закону Божію такъ, чтобъ васъ понималъ съ перваго раза послѣдній мужикъ». Потомъ, объясняя, что нужно измѣнить въ семинаріяхъ и какъ упростить существующія науки, говорилъ: «Помните, семинарія не академія. Изъ академіи идутъ профессоры: имъ много знать нужно. Изъ семинарій поступаютъ въ священники по селамъ. Имъ надобно знать сельскій бытъ и умѣть быть полезными крестьянину даже въ его дѣлахъ житейскихъ. И такъ, на что такая огромная богословія сельскому священнику? Къ чему нужна ему философія, наука вольномыслія, вздоровъ, эгоизма, фанфаронства? На что ему тригонометрія, дифференціалы, интегралы? Пусть лучше затвердятъ хорошенько катихизисъ, церковный уставъ, нотное пѣніе. И довольно. Высокія науки пусть останутся въ академіяхъ». «Особенно, прибавляетъ Никодимъ, грустно было выслушивать оскорбительныя рѣчи графа о митрополитѣ Филаретѣ.

Вспоминая объ этомъ первомъ разговорѣ съ графомъ Пратасовымъ, Никодимъ пишетъ, что вышелъ отъ графа грустный. Увидѣлъ, что его хотятъ сдѣлать орудіемъ униженія и разстройства нашей ученой части. Возражалъ противъ введенія въ семинаріи медицины и сельскаго хозяйства и представлялъ, что размѣстясь между нынѣ существующими науками, изъ коихъ ни одной нѣтъ безполезной, онѣ стѣснятъ ихъ и сократятъ, отчего произойдетъ

потеря, а не пріобрѣтеніе. Никодимъ долго также препирался, защищая философію. «Напрасно, говорилъ онъ, вы отнимаете у насъ философію. Она у насъ смиренна, ибо обуздывается богословіемъ. У насъ есть надзоръ: архіерей, ректоръ, инспекторъ, экзамены: мы не дозволимъ профессору заговариваться. Да и кто нашъ профессоръ философіи? Нашъ же, изъ насъ, и учился вмѣстѣ съ нами. Намъ нужна философія для раскрытія и укрѣпленія строгости и правильности мышленія, для ознакомленія себя съ истинами естественными, умозрительными и нравственными, на коихъ святое откровеніе зиждетъ свои небесныя истины. Самое откровеніе дѣлается сознательнымъ и твердымъ послѣ правильнаго разумѣнія истинъ натуры. Боитесь нашихъ вольностей? Но дашь ли поводъ къ такимъ опасеніямъ? Почти сто лѣтъ въ нашихъ семинаріяхъ преподается полная философія: наши ученики философіи не запятнали себя никакою вольностію». Отвѣтомъ на это было: «оставьте, не хочу слушать вашихъ апологій».

Митрополита Филарета не было въ Петербургѣ, когда Никодимъ прибылъ и явился на службу къ графу Пратасову. Но по возвращеніи Филарета, осенью, изъ Москвы въ С.-Петербургъ, Никодимъ сообщилъ ему о своихъ занятіяхъ. Митрополитъ Филаретъ едва сдерживалъ гнѣвъ и досаду, считая сочиненіе новаго устава для духовныхъ училищъ лишнею затѣею, тѣмъ болѣе, что оно предпринято безъ вѣдома Святѣйшаго Синода. Но такъ какъ оффиціально не было заявлено объ этомъ дѣлѣ ни въ Святѣйшемъ Синодѣ, ни въ Коммиссіи, то о немъ не было и разговоровъ и сужденій въ оффиціальныхъ кругахъ.

Оффиціально чрезъ Коммиссію Духовныхъ Училищъ проведены были только правила относительно преподаванія предметовъ семинарскаго курса съ ближайшимъ направленіемъ ихъ къ цѣлямъ духовнаго образованія семинарскихъ воспитанниковъ. Правила эти касаются всѣхъ предметовъ семинарскаго курса какъ богословскихъ, такъ и общеобразовательныхъ и послѣднихъ даже болѣе, чѣмъ первыхъ, и расположены по порядку преподаванія ихъ въ семинаріи, начиная съ класса словесности. «Наставникъ сей науки, сказано въ правилахъ о ней, долженъ помнить, что прямая цѣль его стремленія есть образовать человѣка, который бы могъ правильно, свободно, вразумительно и убѣдительно бесѣдовать съ народомъ о истинахъ вѣры и нравственности. По-

сему правила и образцы свѣтскаго краснорѣчія долженъ онъ показывать мимоходомъ, дабы разносторонними взглядами на предметъ ученія способствовать болѣе свободному раскрытію способностей учениковъ: напротивъ того преимущественное и полное вниманіе обращать долженъ на правила и образцы словесности духовной и краснорѣчія церковнаго. Образцы изъ латинскихъ, такъ называемыхъ классическихъ, писателей нужно представлять нерѣдко для укорененія въ ученикахъ сего языка: но при семъ или вовсе надлежитъ избѣгать такихъ мѣстъ изъ латинскихъ писателей, которыя пропикнуты духомъ языческаго міра, или, если нужно привести одно изъ такихъ мѣстъ, немедленно преслѣдовать оное замѣчаніемъ о несовершенствѣ языческихъ понятій относительно вѣры, нравственности и общежитія. Преподать весьма кратко правила стихотворства не излишне въ семинаріи, также для разносторонняго развитія словесной способности и для того, чтобы усиліе собирать и разнообразить слова, для установленія ихъ въ мѣрную рѣчь, образовало привычку оборотливѣе владѣть языкомъ. Разные роды свѣтской поэзіи довольно наименовать и опредѣлить. Всемѣрно остерегать должно юные умы отъ незаконныхъ порожденій поэзіи, въ которыхъ преобладаетъ страсть и чувственность. Напротивъ того нигдѣ такъ не должны быть знакомы, какъ въ духовномъ училищѣ, безпримѣрно высокіе и чистые образцы истинно высокаго и изящнаго въ словѣ, которое представляетъ Священное Писаніе. Пусть плѣняются его словами и съ тѣмъ вмѣстѣ непримѣтно напитываются его духомъ. Пусть еще съ поприща словесности усматриваютъ, какъ высоко безыскусственное величіе и изящество священнаго пѣснопѣвца или пророка, предъ усильно выработанною прелестію стихотворца. Въ классѣ языка греческаго, языческихъ писателей съ выборомъ употребить отчасти нужно, чтобы дать понятіе о разныхъ нарѣчіяхъ и видоизмѣненіяхъ языка: но преимущественно употреблять должно писателей церковныхъ. Въ классахъ новыхъ языковъ отъ чтенія свѣтскихъ сочиненій должно удержаться, такъ какъ и отъ сочиненій написанныхъ въ духѣ иновѣрія, секты или толка, односторонно и пристрастно; читать же проповѣдниковъ и сочиненія о религіи, нравственности и церковной исторіи, благопамѣренныя и безпристрастныя. Если въ семъ чтеніи встрѣтится мысль, несогласная съ православіемъ, наставникъ долженъ исправить ее замѣчаніемъ, чтобы она не оставила ложнаго

впечатлѣнія въ умахъ неопытныхъ. Ученіе исторіи въ семинаріяхъ надлежитъ охранить отъ нѣсколькихъ односторонностей, которымъ оно подвержено въ настоящее время и которыя особенно вредны и неумѣстны были бы въ училищѣ духовномъ, какъ-то: а) отъ усиленнаго критицизма, который оружіемъ односторонней логики покушается разрушать историческіе памятники и особенно древнюю исторію думаетъ начать неизвѣстностію и баснями, забывая, что достовѣрнѣйшія начала исторіи рода человѣческаго и древнихъ народовъ находятся въ Священномъ Писаніи; б) отъ произвольнаго систематизма, который, усиливаясь дать исторіи единство, по произволу, въ извѣстное историческое время, назначаетъ какой-либо народъ представителемъ рода человѣческаго и какого либо человѣка представителемъ своего времени, и воображаетъ народъ и его исторію невольнымъ развитіемъ какой нибудь роковой для него идеи; в) отъ неосмотрительнаго политическаго направленія, порождающаго въ незрѣлыхъ умахъ наклонность мечтательно судить о томъ, что не должно подчиняться ихъ сужденіямъ. Излагая событія просто, кратко, вѣрно съ чистыми первоначальными источниками свѣдѣній, преподаватель долженъ обращать особенное вниманіе въ исторіи на черты нравственныя, на слѣды провидѣнія Божія въ происшествіяхъ общественныхъ и приключеніяхъ частныхъ, на связь и послѣдовательность въ судьбахъ народовъ нравственнаго улучшенія и благодѣтствія, или, напротивъ, нравственнаго поврежденія и упадка благосостоянія. Въ особенности логика должна быть тщательно преподана въ томъ отношеніи, чтобы научить правильно, послѣдовательно и основательно мыслить. Надобно, чтобы сія часть ученія, сколько можно, менѣе отуманена была отвлеченіями критицизма, которыхъ разбирательство для незрѣлыхъ умовъ представляетъ болѣе трудности нежели пользы. Въ метафизикѣ надлежитъ освѣтить возможнымъ свѣтомъ естественнаго познанія главныя понятія о Богѣ, его свойствахъ, провидѣніи и міроправленіи, о духовности и безсмертіи души человѣческой и въ то же время показать недостаточность естественнаго познанія и потребность высшаго свѣта откровенія. Такъ истинная, смиренная философія должна сдѣлаться служительницею истинной религіи, способною низлагать возношенія ложной, гордой и самонадѣянной философіи, взнимающіяся на разумъ Божій. Съ тою же скромностію должны быть преподаны начала и нравственной философіи. Напротивъ того, все-

мѣрно беречься должно недуга состязаній и словопреній лжепмнаго разума и отнюдь не вдаваться въ изслѣдованія, или превышающія возрастъ учащихся, или находящіяся внѣ круга свойственнаго имъ образованія и въ сторонѣ отъ цѣли, для нихъ предоставленной, каковы, напримѣръ, изслѣдованія, относящіяся къ праву естественному и вопросы политическіе. Сочиненія учениковъ по классу философіи должны быть писаны чаще на латинскомъ языкѣ, нежели на русскомъ. Философія привыкла говорить латинскимъ языкомъ: и сочиненія, на немъ пишемыя, должны усиливать знаніе его въ семинаріи. Преподаваніе собственно богословскихъ наукъ въ высшемъ отдѣленіи семинаріи должно быть тщательно сообразовано съ степенью, которая занимаетъ семинарія въ системѣ духовныхъ училищъ, съ естественнымъ и духовнымъ возрастомъ учащихся и главнѣйшимъ назначеніемъ ихъ, то есть, съ приготовленіемъ священнослужителей къ церквамъ. Катихизическое наставленіе было бы здѣсь недостаточно, а нѣкоторыя изслѣдованія академическія преждевременны и не по силамъ пріемлющихъ наставленіе. Таковы суть пространныя, болѣе философскія, нежели богословскія изслѣдованія о религіи вообще, не излишнія въ высшемъ образованіи, для готовности отвѣщать вопрошающему изъ числа такихъ людей, для которыхъ, по несчастію вѣка, иногда нужно бываетъ разрѣшать сомнѣнія о первыхъ понятіяхъ религіи, но для семинариста и будущаго сельскаго священника болѣе обременительныя, нежели полезныя и даже возмущающія мыслію о возможности сомнѣній, которыхъ неиспорченный умъ и не подозрѣваетъ. Вообще буквальное перенесеніе уроковъ академическихъ въ семинарію есть не только не похвальная небрежность, но погрѣшность и неразсудительность, требующая исправленія. Чѣмъ болѣе академическій урокъ приспособленъ къ степени и потребности академическаго образованія, тѣмъ болѣе онъ или преждевременепъ, или посторонепъ для наставленія семинарскаго. Семинарское вступленіе въ богословію должно состоять изъ разсужденій о Божественномъ происхожденіи и достоинствѣ христіанской религіи, предложенныхъ безъ излишнихъ отвлеченностей, съ систематическою правильностію, но съ возможною общеразумительною простотою, такъ, чтобы сіе ученіе священникъ безъ большой работы могъ приспособить и употребить, когда получитъ случай бесѣдовать съ простолюдиномъ, рожденнымъ въ магометанствѣ или язычествѣ, или совращенномъ отъ христі-

анства. Подобнымъ образомъ и преподаваніе и всѣхъ частей богословія тщательно должно быть приспособляемо къ употребленію, по возможности освобождаемо отъ сухихъ и не вразумительныхъ формъ школы и не преобладаемо стремленіемъ къ блестящей, но холодной учености. Надобно, чтобы ученіемъ богословія проникнуто и согрѣто было сердце слушателя: только вмѣстѣ съ симъ истинно просвѣтится его умъ и способенъ будетъ озарять и другихъ свѣтомъ живымъ, благотворнымъ и спасительнымъ».

Но самую важную особенность этихъ правилъ составляетъ то, что ими введены нѣкоторые новые предметы въ кругъ семинарскаго преподаванія, именно: «Историческое ученіе о святыхъ отцахъ» и «Православное исповѣданіе вѣры» Кіевскаго митрополита Петра Могилы. «Въ руководство богословскаго ученія нужна книга такого достоинства, чтобы ею могли быть повѣряемы другія. Къ сему служитъ можетъ Православное исповѣданіе каѳолической и апостольской церкви Восточной Кіевскаго митрополита Петра Могилы, утвержденное патріархами Восточно-каѳолическія церкви. Ее употребить должно слѣдующимъ образомъ: въ началѣ курса прочитать непрерывно, съ краткимъ объясненіемъ и съ строгимъ отчетомъ, въ видѣ повторенія катихизическаго ученія и приготовленія къ богословскому; а потомъ уже преподавать догматическое и нравственное богословіе, по назначеннымъ классическимъ книгамъ, и повѣрять подробности сего ученія съ православнымъ исповѣданіемъ».

Принималъ ли участіе митрополитъ Филаретъ въ составленіи этихъ правилъ и были ли они обсуждаемы въ Коммиссіи при его присутствіи и участіи, мы не знаемъ; но подъ журналомъ Коммиссіи 16 Іюня, которымъ постановлены эти правила, нѣтъ подписи ни его, ни митрополита Кіевскаго. Они находились въ это время въ своихъ епархіяхъ.

Такъ какъ для историческаго ученія о святыхъ отцахъ не было въ виду особаго руководства, то академическимъ конференціямъ предписано было составить для преподаванія этой науки особый конспектъ [1]).

[1]) Составленные академіями, конспекты богословско-историческаго ученія объ отцахъ церкви, препровождены были, при указѣ Св. Синода отъ 24 Ноября 1839, къ м. М. Филарету съ порученіемъ разсмотрѣть ихъ и дать отзывъ о ихъ сравнительномъ достоинствѣ. Отзывы м. Филарета напечатаны въ собраніи мнѣній и отзывовъ его, т. II. № 214, стр. 456. Спб. 1885 г.

Въ 1838 г., по предложенію графа Пратасова, митрополитомъ Филаретомъ переведены съ греческаго на русскій языкъ и изданы «*Грамоты Восточныхъ патріарховъ* объ учрежденіи Святѣйшаго Синода въ Россіи», съ посланіемъ патріарховъ, содержащимъ «Изложеніе вѣры», составленное на Іерусалимскомъ соборѣ 1672 года. Въ «Изложеніи вѣры», между прочимъ, находится мысль о недозволеніи читать Священное Писаніе всѣмъ безъ разбора и о свидѣтельствѣ церкви, какъ авторитетномъ голосѣ преданія, имѣющемъ не меньшую силу, какъ и Божественное Писаніе. Первая изъ этихъ мыслей имѣетъ католическій оттѣнокъ, а потому нѣкоторые члены Святѣйшаго Синода находили неудобнымъ печатаніе грамотъ: но грамоты были напечатаны.

Тогда же графъ Пратасовъ предложилъ митрополиту Филарету пересмотрѣть и дополнить составленный имъ и издававшійся отъ Синода *Катихизисъ* и когда митрополитъ Филаретъ исполнилъ это, графъ Пратасовъ представилъ о семъ Государю въ слѣдующемъ докладѣ: «По Высочайшему повелѣнію изданъ въ 1827 г. отъ Святѣйшаго Синода пространный катихизисъ, составленный митрополитомъ Московскимъ для единообразнаго преподаванія по оному Закона Божія во всѣхъ вообще духовныхъ и свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ высшихъ училищахъ. При наблюденіи за употребленіемъ сего катихизиса усмотрѣно, что законоучители въ высшихъ классахъ учебныхъ заведеній дѣлаютъ въ преподаваніи по оному дополненія, но иногда не въ тѣхъ частяхъ, въ которыхъ могли бы получить особенно полезное развитіе. Посему митрополитъ Московскій, по совѣщанію съ митрополитами С.-Петербургскимъ и Кіевскимъ, призналъ нужнымъ пересмотрѣть означенную книгу и дополнить оную въ главнѣйшихъ частяхъ ученія, дабы при руководствѣ болѣе полномъ ученіе менѣе подвергалось недосмотрамъ и произволу. Святѣйшій Синодъ, по внимательномъ разсмотрѣніи, находя сдѣланныя въ катихизисѣ дополненія вполнѣ соотвѣтствующими важной цѣли сей книги и потребностямъ преподаванія, полагаетъ напечатать оной нужное количество экземпляровъ для введенія въ преподаваніе по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ, въ замѣнъ прежнихъ» [1]). Въ этомъ исправленномъ видѣ катихизисъ напечатанъ былъ въ 1839 году.

[1]) 29 Іюня того же 1839 года, по напечатаніи уже катихизиса, графъ Пратасовъ препровождая экземпляръ онаго къ Литовскому епископу Іосифу, просилъ его поручить

Въ Февралѣ 1839 года, графъ Пратасовъ представилъ Государю докладъ *о новомъ устройствѣ Высшаго Управленія православнаго духовнаго вѣдомства и объ упраздненіи Коммиссіи Духовныхъ Училищъ.*

«Духовное православное вѣдомство,—писалъ онъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ, совершенно отдѣльное отъ всѣхъ прочихъ отраслей Правительства, состоя изъ частей между собою разнородныхъ, имѣетъ свое особенное управленіе, свой судъ и полицію, свою систему обученія, свои источники доходовъ и свой контроль. Всѣ сіи части, не смотря на множество предшествовавшихъ благодѣтельныхъ постановленій Правительства, требовали и еще долго будутъ требовать усиленныхъ мѣръ къ улучшенію ихъ: всѣ прежнія средства коснулись только высшаго и среднихъ слоевъ духовнаго званія, но не проникли до низшихъ или основныхъ; сверхъ того, многія изъ прежнихъ распоряженій были сдѣланы въ половину; иныя и вовсе оставлены. Вообще, въ прошедшемъ столѣтіи, когда на всѣ классы народа обращаемо было самое бдительное вниманіе правительства; когда всѣ части Государственнаго управленія быстро совершенствовались, одно лишь званіе духовное было предоставлено, такъ сказать, самому себѣ, и только блаженныя памяти Государь Императоръ Александръ Павловичъ принялъ живое участіе въ образованіи его и Высочайше даровалъ новое устройство духовно-учебнымъ заведеніямъ, въ надеждѣ, что, образуемые въ нихъ служители Слова Божія, возвысятъ свой санъ въ глазахъ народа и чрезъ то подѣйствуютъ на утвержденіе въ паствѣ вѣры и нравственности. Но тридцатилѣтній опытъ еще далеко не представляетъ удовлетворительныхъ слѣдствій и заставляетъ изыскивать причины столь малой успѣшности мѣръ благодѣтельныхъ. Еще сельская, т. е. самая многочисленная часть духовенства, пребываетъ въ невѣжествѣ и грубости нравовъ; не обезпеченная въ средствахъ безбѣднаго содержанія, она, поневолѣ, существуетъ такими доходами, изъ которыхъ удобно дѣлать злоупотребленія [1]); надзоръ за нимъ не

кому либо изъ извѣстныхъ ему духовныхъ лицъ, равно свѣдущихъ въ русскомъ и польскомъ языкахъ, перевести его на польскій языкъ для духовенства возсоединенныхъ епархій. Іосифъ отдалъ его для перевода Бытенскому архимандриту, вице-предсѣдателю Бѣлорусско-Литовской консисторіи, доктору богословія, Михаилу Голубовичу.

[1]) Въ числѣ предположеній Министерства государственныхъ имуществъ было, между прочимъ, предположено «освободить духовенство отъ необходимости брать плату за требы». М. Филаретъ составилъ особую записку по этому предмету, напечатанную въ собраніи его мнѣній и отзывовъ, т. II. № 238.

приведенъ еще въ надлежащую опредѣленность; самое епархіальное управленіе, а тѣмъ менѣе дѣлопроизводство, не имѣли доселѣ общихъ, единообразныхъ формъ; правильная отчетность въ суммахъ только лишь вводится въ духовенствѣ; а по нѣкоторымъ родамъ суммъ еще и вовсе не существуетъ; источники церковныхъ доходовъ требуютъ особаго вниманія правительства для ихъ усиленія: вся учебная часть — совершеннаго преобразованія; духовный судъ, и, что всего важнѣе, самые догматы церкви нуждаются въ изданіи книгъ, которыя служили бы основаніемъ православію, и которыхъ доселѣ въ отечествѣ нашемъ не было. И всѣ сіи предметы требуютъ зрѣлыхъ соображеній и неусыпнаго надзора со стороны главнаго духовнаго управленія: чего и быть не можетъ безъ упрощеннаго устройства составляющихъ оное мѣстъ, и безъ самаго правильнаго раздѣленія трудовъ между ними.

Въ виду этого, какъ изъяснено въ докладѣ графомъ Пратасовымъ, послѣ вступленія его въ должность уже предприняты были и Высочайше утверждены нѣкоторыя мѣры къ упрощенію устройства высшаго духовнаго управленія и улучшенію дѣлопроизводства въ ономъ, именно учрежденъ былъ хозяйственный комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ для завѣдыванія синодальнымъ имуществомъ съ учрежденіемъ при немъ контроля; учреждена канцелярія оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода [1]), и наконецъ одному изъ чиновниковъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ поручено наблюденіе за дѣлопроизводствомъ синодальной канцеляріи. Мѣры эти произвели

---

[1]) Канцелярія оберъ-прокурора Св. Синода учреждена черезъ 6 дней послѣ назначенія графа Пратасова оберъ-прокуроромъ. Указъ о назначеніи Пратасова подписанъ 25-го Іюля 1836 г., а представленіе его объ учрежденіи канцеляріи Высочайше утверждено 1-го Августа того же года. Сумма на содержаніе ея, въ количествѣ 29.200 р. отнесена на счетъ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ на томъ основаніи, что «чрезъ нее имѣютъ проходить всѣ тѣ распоряженія Коммиссіи, которыя представляются на Высочайшее усмотрѣніе», о чемъ и данъ указъ Коммиссіи за Высочайшимъ подписаніемъ 3 Августа. На должность директора канцеляріи опредѣленъ 17 Окт. надв. сов. *К. С. Сербиновичъ*, бывшій редакторомъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія. Изъ оффиціальныхъ свѣдѣній о прежней службѣ его видно, что по окончаніи въ 1818 г. курса въ Полоцкой академіи, онъ поступилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ актуаріусомъ, но въ 1820 г. перешелъ къ кн. А. Н. Голицыну въ департаментъ духовныхъ дѣлъ, въ которомъ исполнялъ разныя порученія и, между прочимъ, въ 1825 г. 24 Апрѣля командированъ былъ въ коммиссію, учрежденную для изысканія о злоумышленныхъ обществахъ; въ Августѣ слѣдующаго 1826 г. опредѣленъ цензоромъ; въ Іюлѣ и Августѣ 1827 г. находился при С.-Петербургскомъ военномъ губернаторѣ до окончанія секретнаго слѣдствія въ С.-Петербургской крѣпости; въ 1830 г. опредѣленъ въ департаментъ народнаго просвѣщенія начальникомъ отдѣленія; въ 1833 г. редакторомъ журнала М. Н. Пр. и членомъ Архео-

желаемыя слѣдствія. Производство дѣлъ въ Святѣйшемъ Синодѣ улучшено и ускорено; но устройство, сосредоточеннаго въ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ духовно-учебнаго управленія, осталось въ прежнемъ неудовлетворительномъ состояніи.

«Вникая въ недостаточности дѣйствій Коммиссіи Духовныхъ Училищъ, обремененной многими важными предметами, я нашелъ слѣдующія тому причины въ самомъ ея устройствѣ: Коммиссію составляютъ почти тѣ же лица, кои присутствуютъ въ Синодѣ. Ея обширною канцеляріею съ бухгалтеріею и контролемъ, завѣдываетъ правитель дѣлъ подъ главнымъ начальствомъ одного изъ членовъ съ гражданской стороны: обязанность, лежавшая прежде на министрѣ духовныхъ дѣлъ, а потомъ, съ другими его обязанностями, перешедшая къ оберъ-прокурору. Такимъ образомъ, сіе, по существу своему духовно-гражданское, мѣсто представляетъ въ духовномъ вѣдомствѣ отдѣльную отъ Синода власть, при установленіи коей безъ сомнѣнія имѣлось въ виду дать высшему духовно-учебному начальству болѣе свободы въ дѣйствіяхъ; но такое раздвоеніе высшаго духовнаго правительства необходимо отразилось и на цѣломъ вѣдомствѣ его, сдѣлавъ повсюду духовно-учебную и епархіальную части одну другой чуждыми и устранивъ духовныя училища отъ должнаго вліянія епархіальныхъ властей, такъ что, вопреки духу церковныхъ правилъ нигдѣ учебныя заведенія не знали надъ собою прямой власти особъ архіерейскаго сана, кромѣ лишь тѣхъ, которые по Высочайшимъ указамъ засѣдаютъ въ Коммиссіи. Но слѣдствія сего взаимнаго отчужденія замѣтны и въ самой Коммиссіи. Ея духовные члены, будучи епархіальными архіереями, привыкли взирать на учебную часть, какъ на нѣчто для нихъ постороннее, и даже, засѣдая въ Коммиссіи, не могутъ имѣть по собственнымъ епархіямъ прямаго въ ней участія. Сверхъ того, всѣ они постоянно отвлекаются главными своими занятіями по званію членовъ и присутствующихъ въ Синодѣ и другими еще болѣе прямыми обязанностями управленія собственныхъ епархій. При недостаткѣ ихъ досуга и при

графической коммиссіи. Въ 1834, по Высочайшему повелѣнію, командированъ былъ въ Кіевскую губернію для разбора и описи бумагъ, оставшихся послѣ д. т. с. Троицкаго, а по возвращеніи, состоялъ членомъ комитета для размѣщенія возвратившихся изъ Германіи русскихъ ученыхъ. При назначеніи на должность директора, Сербиновичъ остался и редакторомъ Журнала М. Н. Пр. и членомъ Археографической коммиссіи. Дѣло Св. Синода (по канц. Об.-Прок.) 1836 № 6122.

множествѣ обременяющихъ Коммиссію разнородныхъ, особенно же экономическихъ предметовъ, ускользаетъ по неволѣ изъ виду главная обязанность ея по воспитанію юношества, которая требовала бы всего ихъ вниманія. Подобное неудобство устранено уже по Синоду учрежденіемъ хозяйственнаго комитета, гдѣ всѣ хозяйственные предметы предварительно съ полною отвѣтственностію обсуживаются, и мелкіе рѣшаются, а важные поступаютъ въ Синодъ съ мнѣніемъ комитета. Но то же неудобство въ Коммиссіи, ни чѣмъ доселѣ не отвращенное, затрудняетъ ее несравненно въ высшей степени, ибо и хозяйство Коммиссіи несравненно огромнѣе синодальнаго. Отъ того терпитъ и самая хозяйственная часть, по коей дѣла, имѣя единожды на всегда опредѣленный ходъ, нуждаются въ быстротѣ исполненія, несовмѣстимой съ порядкомъ коллегіальнымъ, требующимъ согласія членовъ и ежедневнаго подписыванія опредѣленій, которыя, при невозможности ихъ собираться ежедневно, отправляются къ нимъ по домамъ. Не менѣе наконецъ терпитъ и часть контрольная. До вступленія моего въ должность оберъ-прокурора, оставалось не обревизованныхъ отчетовъ за 20 лѣтъ на 50 милліоновъ рублей и необходимость требовала испросить учрежденія Временнаго контрольнаго отдѣленія для исправленія запущеній. Но всѣмъ симъ причинамъ, могла ли Коммиссія когда либо приступить къ первоначально возложенной на нее, при самомъ ея учрежденіи, обязанности составить подробные штаты церковныхъ причтовъ и привести въ дѣйствіе способы, назначаемые для ихъ содержанія? Что оставалось предпринять мнѣ въ столь затруднительномъ положеніи? Истощивъ всѣ средства дать скорое движеніе дѣламъ ея, и видя, что собственное устройство ея противится желаемому ихъ ходу, я долгомъ счелъ, уже не медля далѣе, изложить предъ Вашимъ Величествомъ столь важное обстоятельство. Но и несмотря на всѣ вышеписанныя препятствія, я, между тѣмъ, спѣшилъ по возможности тѣми распоряженіями, которыя не терпѣли никакого отлагательства, отъ которыхъ зависитъ важнѣйшая часть ученія, дотолѣ не имѣвшая прочныхъ основаній: таковы были мѣры къ повсемѣстному улучшенію богословскаго преподаванія на твердомъ камени православія: вновь разсмотрѣны всѣ употребляемыя для сего книги, отобрано отъ всѣхъ ректоровъ мнѣніе касательно усовершенствованія и облегченія ученія, и впредь до новаго устройства академій и семинарій постановлены для нихъ правила, могу-

щія восполнить замѣченный въ нихъ недостатокъ единства и направленія къ главной цѣли духовнаго образованія.

Вполнѣ убѣжденный, что существованіе Коммиссіи Духовныхъ Училищъ, по вышеизложеннымъ причинамъ, вовсе не представляетъ на будущее время нужныхъ средствъ къ успѣшному ходу духовно-учебной части, какъ не представляло ихъ прежде, и получая отъ членовъ Святѣйшаго Синода согласные съ моими замѣчаніями отзывы, что между управленіемъ церкви и воспитаніемъ приготовляемаго къ служенію опой юношества должна существовать въ главныхъ распоряженіяхъ тѣсная, неразрывная связь, я считаю долгомъ повергнуть на Высочайшее усмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества нижеслѣдующія мои предположенія:

1) Коммиссію Духовныхъ Училищъ упразднить, и всѣ предметы, касающіеся высшаго попеченія по учебной и хозяйственной части ея, передать Святѣйшему Синоду, усиливъ канцелярію его двумя экспедиціями.

2) Для исполнительнаго производства всѣхъ таковыхъ дѣлъ, исключая контрольныхъ, образовать при Святѣйшемъ Синодѣ Духовно-Учебное Управленіе.

3) Капиталамъ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ именоваться отнынѣ Духовно-Учебными капиталами и быть имъ по прежнему отдѣльными отъ прочихъ суммъ духовнаго вѣдомства, состоя въ непосредственномъ завѣдываніи Духовно-Учебнаго Управленія.

4) Поелику состоящій при Святѣйшемъ Синодѣ Хозяйственный комитетъ завѣдываетъ Контролемъ духовнаго вѣдомства, то передать въ оный и Контроль по суммамъ духовно-учебнымъ.

5) Сей комитетъ, для большаго удобства и соотвѣтствія, преобразовать въ Хозяйственное Управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ.

6) Какъ въ Хозяйственномъ Управленіи сосредоточится переписка оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода по синодскому имуществу, то передать въ оное и изъ канцеляріи оберъ-прокурора все дѣлопроизводство по сему предмету.

7) Всѣ права Коммиссіи Духовныхъ Училищъ передать по важнѣйшимъ предметамъ Святѣйшему Синоду, а по прочимъ Духовно-Учебному и Хозяйственному Управленіямъ, на основаніи, изложенномъ въ проэктахъ положеній опыхъ».

«При столь значительно упрощенномъ устройствѣ, съ упраздненіемъ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ, высшее завѣдываніе ду-

ховно-учебными дѣлами сосредоточится въ одномъ главномъ духовномъ правительствѣ Синодѣ, который будетъ имѣть болѣе удобства обращать все вниманіе свое на важнѣйшіе предметы воспитанія и хозяйства, не развлекаясь мелкими. За симъ и коллегіальный порядокъ, принося существенную пользу въ дѣлахъ важныхъ, не будетъ многосложностію формъ своихъ стѣснять движенія остальныхъ многочисленнѣйшихъ дѣлъ, большею частію требующихъ скораго исполненія, ибо они получатъ въ двухъ при Синодѣ управленіяхъ, подъ главнымъ начальствомъ оберъ-прокурора, теченіе быстрое, сотвѣтственное другимъ отраслямъ государственнаго управленія».

22 Февраля Государь утвердилъ докладъ вмѣстѣ съ проэктами положеній Духовно-Учебнаго и Хозяйственнаго Управленій и штатами центральныхъ учрежденій духовнаго вѣдомства.

Послѣдній журналъ, подписанный членами Коммиссіи, помѣченъ 23 Марта 1839 г.

Освободившись отъ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ, графъ Пратасовъ энергично принялся за улучшеніе ихъ, какъ онъ понималъ его. Быстрота въ дѣйствіяхъ этого улучшенія была изумительная; учреждались комитетъ за комитетомъ; одинъ не успѣвалъ кончить порученнаго дѣла, какъ на смѣну его являлся другой; составъ комитетовъ также былъ случайный, а потому и въ дѣйствіяхъ не было ни связи, ни послѣдовательности; заправляющимъ и объединяющимъ центромъ всѣхъ распоряженій по учебной части сдѣлалось духовно-учебное правленіе, образовавшееся изъ канцеляріи бывшей Коммиссіи Духовныхъ Училищъ. Вслѣдствіе всего этого, учебное дѣло въ духовныхъ семинаріяхъ вмѣсто улучшенія, начало колебаться и разстроиваться и разстройство пошло прогрессирующимъ порядкомъ. Составленный Никодимомъ, проэктъ преобразованія семинарій, не удался или не поправился графу. Судя по вышеприведеннымъ выдержкамъ изъ его воспоминаній, графъ Пратасовъ хотѣлъ преобразовать духовныя училища въ дьячковскія школы, въ которыхъ учили бы только катихизису, уставу, церковному чтенію и пѣнію. Но это было равносильно уничтоженію духовныхъ училищъ и, конечно, Никодимъ не могъ составить устава причетнической школы подъ видомъ устава семинаріи.

Въ Маѣ 1839 г. сдѣланъ былъ новый пересмотръ всѣхъ употребляемыхъ въ семинаріяхъ и училищахъ учебныхъ руководствъ

какъ по богословскимъ, такъ и по общеобразовательнымъ предметамъ семинарскаго и училищнаго преподаванія. Оказалось, что болѣе, чѣмъ по 20 предметамъ, т. е. почти по всѣмъ, требуется составить новыя руководства. Графъ Пратасовъ препроводилъ списки этихъ книгъ къ митрополитамъ С.-Петербургскому, Кіевскому и Московскому и просилъ ихъ поручить составленіе требуемыхъ учебныхъ руководствъ состоящимъ въ вѣдѣніи академическихъ конференцій лицамъ учебной и епархіальной службы, взявъ отъ нихъ отзывы о согласіи и готовности ихъ принять на себя это порученіе и исполнить его въ опредѣленный срокъ. Академическія конференціи назначили въ каждомъ учебномъ округѣ по два и по три лица для каждаго учебника, такъ что во всѣхъ трехъ округахъ для составленія той или другой классической книги назначено было по четыре—пяти и до девяти лицъ. Святѣйшій Синодъ утвердилъ эти распоряженія 28 Февраля 1841 года [1]).

По пока шло это дѣло, графъ Пратасовъ съ директоромъ духовно-учебнаго управленія, А. И. Карасевскимъ произвели важную реформу въ учебной части духовныхъ семинарій. Въ число предметовъ семинарскаго курса введены: Естественная исторія, Геодезія, Сельское хозяйство и Медицина и исключены нѣкоторые, прежде преподававшіеся въ семинаріяхъ, предметы (Исторія философіи и др.). Новымъ предметамъ нужно было дать мѣсто среди прочихъ предметовъ, распредѣлить по классамъ, назначить учебные часы; но такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ существенно измѣнялась постановка прочихъ предметовъ учебнаго курса семинарій, то академическимъ конференціямъ поручено было составить новые конспекты для всѣхъ наукъ семинарскаго курса, а для разсмотрѣнія конспектовъ учрежденъ особый комитетъ при здѣшней духовной академіи подъ предсѣдательствомъ ректора, архимандрита Николая изъ членовъ: изъ находившихся на чредѣ архимандритовъ—ректоровъ Харьковской семинаріи Іоанна и Казанской—Стефана, баккалавра академіи, іеромонаха Іоасафа и члена академической конференціи, протоіерея училища правовѣдѣнія, М. Богословскаго. Въ этотъ же комитетъ должны были поступать и учебныя руководства отъ лицъ, которыя приняли на себя составленіе ихъ. Въ 1841 г. ректоръ академіи, архимандритъ Николай назначенъ былъ епископомъ въ Тамбовъ

[1]) Дѣло Ком. Дух. Уч.: 1837 г. № 327.

и оставленъ въ С.-Петербургѣ только до окончанія академическихъ экзаменовъ.

Графъ Пратасовъ озабоченъ былъ выборомъ, на мѣсто Николая, новаго ректора въ С.-Петербургскую академію. Забота эта была тѣмъ важнѣе, что графу все не удавалось найти образованное духовное лицо, которое бы его понимало, раздѣляло его взгляды и помогло ему въ осуществленіи ихъ. Въ это время особеннымъ вниманіемъ графа пользовался законоучитель Цесаревича и прочихъ Августѣйшихъ Дѣтей Государя, придворный протоіерей В. Б. Бажановъ. Встрѣтившись съ нимъ во дворцѣ, графъ высказалъ ему свое затрудненіе въ пріисканіи ректора академіи и просилъ его совѣта и указанія. В. Б. Бажановъ указалъ на ректора Херсонской семинаріи *архимандрита Аѳанасія*, какъ на человѣка даровитаго и бывшаго уже ректоромъ во многихъ семинаріяхъ. Вслѣдъ затѣмъ, Аѳанасій назначенъ ректоромъ академіи, а не оказавшійся соотвѣтствующимъ видамъ графа, архимандритъ Никодимъ, тогда же переведенъ на его мѣсто ректоромъ Херсонской семинаріи.

Архимандритъ Аѳанасій и рекомендовавшій его протоіерей В. Б. Бажановъ были товарищами—земляками; оба родомъ изъ Тульской губерніи и воспитывались въ одно время и въ одной (Тульской) семинаріи. За годъ до окончанія семинарскаго курса, В. Б. Бажановъ поступилъ въ 1819 г. въ С.-Петербургскую академію; черезъ годъ послѣ него, по окончаніи полнаго семинарскаго курса, Дроздовъ поступилъ въ Московскую академію. Оба окончили академическій курсъ въ числѣ первыхъ магистровъ и оставлены были Бажановъ при Петербургской, Дроздовъ при Московской академіи баккалаврами. В. В. Бажановъ былъ потомъ въ 1826 г. священникомъ законоучителемъ одного изъ кадетскихъ корпусовъ: въ 1827 г. законоучителемъ С.-Петербургскаго университета и вскорѣ за тѣмъ вновь учрежденнаго главнаго Педагогическаго института. Университетъ помѣщался тогда на углу Кабинетской и нынѣшней Звенигородской улицы [1]). По сосѣдству съ нимъ, на углу Кабинетской и Ивановской улицъ, находилась образованная изъ университетскаго пансіона первая гимназія, въ которой Бажановъ также преподавалъ Законъ Божій. Здѣсь онъ сдѣлался извѣстнымъ

[1]) Въ 1838 году университетъ переведенъ въ зданіе 12 коллегій, а прежнее университетское зданіе продано вѣдомству Св. Синода за 135 тысячъ р. и часть мѣста безмездно отдана 1-й гимназіи.

Государю при посѣщеніи имъ первой гимназіи и, по собственному выбору Государя, назначенъ былъ, послѣ Г. П. Павскаго, въ Январѣ 1835 г., законоучителемъ Наслѣдника Цесаревича. Въ слѣдующемъ году В. Б. оставилъ университетъ, чтобы всецѣло посвятить себя своимъ высокимъ обязанностямъ; но, по настоянію министра народнаго просвѣщенія, князя Ливена, оставался еще профессоромъ богословія въ старшихъ классахъ Педагогическаго института. Въ это время онъ сблизился съ завѣдующимъ учебною частію при Цесаревичѣ, В. А. Жуковскимъ, съ воспитателемъ великаго князя Константина Николаевича, О. П. Литке, съ воспитательницею великихъ княженъ, Ю. Ѳ. Барановою и пользовался ихъ уваженіемъ и привязанностію и самъ сохранилъ къ нимъ такое же расположеніе во всю жизнь [1]). Въ 1836 г. Россійская академія избрала его въ свои дѣйствительные члены; въ 1837 г. Конференція С.-Петербургской духовной академіи, по предложенію митрополита Серафима, возвела его въ степень доктора богословія, въ которой онъ и утвержденъ Коммиссіею Духовныхъ Училищъ.

Аоанасій, принявшій монашество за годъ до окончанія курса, послѣ баккалавръства въ академіи по классу Священнаго Писанія, назначенъ былъ ректоромъ въ Пензу; въ 1828 г. поручено было ему обревизовать Костромскую семинарію, въ которой онъ открылъ большіе безпорядки; Коммиссія Духовныхъ Училищъ ему же поручила исправить эти безпорядки и перевела его въ Кострому. Въ 1837 г. онъ вызванъ былъ въ С.-Петербургъ на чреду и, какъ бывшій на виду у начальства, по окончаніи чреды, въ Декабрѣ 1837 г. переведенъ въ Рязань, а изъ Рязани ректоромъ Херсонской семинаріи. Въ Апрѣлѣ 1842 года онъ назначенъ ректоромъ С.-Петербургской академіи. Въ Аоанасіи графъ Пратасовъ нашелъ то лицо, какое нужно было ему для проведенія его убѣжденій. «Графъ Пратасовъ—писалъ митрополитъ Филаретъ уже много послѣ этого событія—въ архимандритѣ Аоанасіѣ нашелъ нѣкоторыя любимыя идеи, и понесъ его на своихъ плечахъ» [2]). Въ академіи, въ первый же годъ своего ректорства, онъ запретилъ профессору Карпову читать философію по своимъ запискамъ, и далъ ему въ руки Вин-

[1]) Въ 1841 г. 3—15 Сент. В. А. Жуковскій въ письмѣ къ О. П. Литке, изъ Германіи, посылая поклоны разнымъ лицамъ, состоящимъ при великихъ князьяхъ и княжнахъ, писалъ: «особенно напомните обо мнѣ моему сердечному другу В. Б. Баженову». Рус. Арх. 1887 г. кн. 7 стр. 332, 336.

[2]) Собр. писемъ м. Филарета къ Высочайшимъ особамъ и др. лицамъ. Ч. 2, стр. 242.

лера. Нѣкоторые изъ образованнѣйшихъ духовныхъ лицъ порицали его за это. Бывшій ректоръ Московской академіи, архимандритъ Филаретъ, назначенный въ томъ году епископомъ Рижскимъ и прибывшій для посвященія въ С.-Петербургъ, писалъ съ чувствомъ негодованія къ своему сослуживцу и другу, А. В. Горскому «слышанное о философіи въ Петербургской академіи, къ сожалѣнію, правда, точная правда. Вы знаете отвагу о. Аѳанасія. Къ тому присоединилась, какъ видно, сильная охота сдѣлать угодное людямъ вѣка». (Приб. къ твор. св. отц. 1883 г. кн. I, стр. 230).

Въ то же время, въ виду начатаго пересмотра учебной части въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ, онъ рѣшился произвесть реформу въ самомъ преподаваніи богословскихъ наукъ. Основнымъ пунктомъ этой реформы было утвержденіе церковнаго и научнаго значенія Преданія въ одинаковомъ достоинствѣ съ Священнымъ Писаніемъ и даже съ предпочтеніемъ его Священному Писанію въ вопросахъ о достовѣрности священнаго текста и правильномъ его изъясненіи. Самъ Аѳанасій не занималъ профессорской каѳедры въ академіи и не преподавалъ никакой богословской науки; но, въ качествѣ начальника академіи, давалъ преподавателямъ богословскихъ наукъ обязательныя руководственныя указанія, относительно направленія, въ какомъ они должны преподавать свои науки. Въ этихъ указаніяхъ онъ иногда доводилъ дѣло до крайностей, которыя возбуждали въ то время много говору и толковъ. Въ 1841 г. онъ представилъ въ академическую конференцію, а конференція—въ Святѣйшій Синодъ составленную имъ герменевтику, въ которой высказалъ порицаніе еврейскому тексту Библіи, требовалъ канонизаціи перевода LXX и говорилъ о недостаточности Священнаго Писанія для указанія истинъ вѣры. Графъ Пратасовъ съ восторгомъ встрѣтилъ это сочиненіе, увидѣвъ въ немъ выраженіе собственныхъ убѣжденій. Нужно было ввесть его въ учебное управленіе въ духовныхъ семинаріяхъ. Не надѣясь на Московскаго митрополита, графъ Пратасовъ обратился къ Кіевскому и просилъ его дать отзывъ объ этой книгѣ. По Кіевскій, подозрѣвая, что здѣсь кроется недоброе, отказался, не смотря на самыя настойчивыя упрашиванія Пратасова. Графъ обратился къ Московскому митрополиту Филарету и просилъ его дать отзывъ о книгѣ Аѳанасія.

Московскій митрополитъ указалъ въ своемъ отзывѣ на весьма важные недостатки сочиненія и выразилъ свои замѣчанія, между

прочимъ, въ такой энергической формѣ: «Долгъ вѣрности предъ Богомъ и святымъ Его словомъ и святою Его церковію обязываетъ свидѣтельствовать здѣсь, что сужденія о Священномъ Писаніи, основанныя на усиленномъ вниманіи открывать въ немъ мнимые недостатки, безъ указанія въ то же время на истинныя его совершенства, сколь не сообразны съ достоинствомъ богодерзновеннаго писанія, столько могутъ быть опасны для православія. Сіе предостерегательное напоминаніе нужнымъ представляется для многихъ мѣстъ разсматриваемой герменевтики». «Таково же сужденіе, будто по множеству варіантовъ трудно опредѣлить, которое слово есть слово Божіе и которое человѣческое. Если бы принять сужденіе разсматриваемой герменевтики за справедливое, мы не знали бы достовѣрно ни въ Ветхомъ ни въ Новомъ Завѣтѣ, которое слово есть слово Божіе и которое человѣческое. Страшно и помыслить о семъ. Слава Богу, что сужденіе разсматриваемой герменевтики несправедливо». Прочитавъ половину сочиненія, митрополитъ Филаретъ писалъ: «продолжать сіи замѣчанія не достаетъ времени» и заключилъ, что, по сдѣланнымъ замѣчаніямъ, можно видѣть, что сочиненіе требуетъ пересмотра и въ чемъ требуется этотъ пересмотръ.

Но Аѳанасій или графъ Пратасовъ не удовольствовались этимъ. Графъ Пратасовъ снова препроводилъ сочиненіе къ митрополиту Филарету и, указывая на то, что сдѣланныя замѣчанія простираются только до 107 страницы рукописи, а, между тѣмъ, желательно имѣть отзывъ о достоинствѣ всего сочиненія, просилъ сообщить мнѣніе и объ остальной части рукописи. Митрополитъ Филаретъ указалъ еще съ большею настойчивостію на главные принципіальные недостатки сочиненія съ замѣчаніями на нѣкоторыя отдѣльныя мѣста, выразилъ то же мнѣніе, что разсматриваемая герменевтика, въ настоящемъ ея видѣ, не можетъ быть съ пользою употребляема въ качествѣ классической книги и выразилъ надежду, что ревность графа о пользахъ православія и о мирѣ православной церкви обратитъ на сіе дѣло прозорливое и благопопечительное вниманіе.

Всегда осторожный въ своихъ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ, Московскій митрополитъ Филаретъ сообщилъ свои замѣчанія Кіевскому митрополиту. Кіевскій митрополитъ отвѣчалъ: «Заключеніе ваше о сей книгѣ совершенно справедливо. Вы разобрали содержаніе ея съ

свойственною вамъ проницательностію -даромъ Божіимъ, за который я всегда благодарилъ Господа. А сдѣлали отзывъ съ ревностію о православіи, достойною истиннаго пастыря святыя церкви. Богъ меня избавилъ отъ искушенія дать поспѣшный о семъ твореніи отзывъ, который съ необыкновенною настойчивостью силились отъ меня исторгнуть» [1]).

Въ то же самое время, какъ Аѳанасій въ С.-Петербургѣ выступилъ съ порицаніями еврейскаго текста и сдѣланныхъ съ него переводовъ Библіи, началось другое дѣло, однородное съ нимъ по существу, но ужасное по своему дальнѣйшему ходу,—въ которомъ опять Аѳанасій былъ тайною пружиною интриги.

Въ концѣ 1841 года присланъ былъ къ митрополитамъ С.-Петербургскому, Кіевскому и Московскому, изъ Владиміра, безъименный доносъ на литографированный переводъ Библіи протоіерея Павскаго [2]). Кіевскій митрополитъ, получивъ этотъ доносъ, поручилъ ректору академіи Аѳанасію достать ему экземпляръ перевода Павскаго и потомъ (19 Января 1842 г.) препроводилъ доносъ вмѣстѣ съ экземпляромъ перевода къ оберъ-прокурору, для соборнаго разсмотрѣнія и принятія мѣръ къ открытію виновныхъ въ этомъ дерзкомъ злоупотребленіи и къ прекращенію распространенія этой вредной книги въ учебныхъ заведеніяхъ и въ народѣ. Графъ Пратасовъ, прежде чѣмъ предложить дѣло Синоду, поручилъ директору Духовно-Учебнаго Управленія, Карасевскому произвесть о немъ предварительное дознаніе. Московскій митрополитъ думалъ, что надобно посовѣтываться съ Кіевскимъ—что слѣдуетъ предпринять въ такомъ важномъ церковномъ дѣлѣ и поѣхалъ къ нему для совѣта: но получилъ отвѣтъ, что онъ уже отослалъ экземпляръ свой оберъ-прокурору. Послѣ этого Московскій митрополитъ сдѣлалъ распоря-

---

[1]) Собр. мнѣн. и отз. м. Филарета, т. III №№ 270 и 272. Спб. 1885. Аѳанасій хотѣлъ перенесть дѣло на судъ Вост. патріарховъ. Фил. письм. къ Апт. 11, 39.

[2]) Доносъ этотъ, какъ послѣ оказалось, сдѣланъ инспекторомъ Московской академіи, іеромонахомъ Агаѳангеломъ (Соловьевымъ), бывшимъ послѣ архіепископомъ Волынскимъ. М. Филаретъ впослѣдствіи писалъ о немъ по этому поводу: «вмѣсто того, чтобы донести своему архіерею, чрезъ что дѣло получило бы церковно-вѣрный и скромный ходъ, онъ послалъ безъименный доносъ тремъ митрополитамъ, вслѣдствіе чего одинъ экземпляръ попалъ въ руки графа Пратасова и произошло дѣло съ шумомъ и соблазномъ». Указавъ потомъ на нѣкоторыя другія эксцентричныя его выходки, м. Филаретъ заключаетъ: «для меня неожиданна и непонятна эксцентричность нѣкоторыхъ движеній его ума; и не рѣшаюсь вывесть изъ сего заключеніе». Письма м. Филарета къ Высоч. особамъ и др. лицамъ, изд. Преосв. Саввою. Тверь, 1888 г. ч. 2 стр. 212.

женіе о дознаніи въ своей, Московской академіи, не находится ли у кого нибудь въ академіи этого перевода, и о своемъ распоряженіи донесъ 11 Февраля Святѣйшему Синоду. Когда дѣло этимъ путемъ уже доведено было до свѣдѣнія Синода, графъ, 13 Февраля, предложилъ о немъ Синоду, присовокупивъ свѣдѣнія, добытыя Карасевскимъ. Митрополита Серафима не было въ Синодѣ. При обсужденіи этого дѣла, Московскій митрополитъ, между прочимъ, выразилъ мнѣніе, что полезно было бы составить и издать переводъ отъ лица Святѣйшаго Синода. Митрополита попросили изложить мнѣніе это письменно, что онъ и исполнилъ. Затѣмъ, совершенно неожиданно для него, обозначилось, что мнѣніе его сообщено было митрополиту Серафиму и что митрополитъ Серафимъ нашелъ изложенныя въ запискѣ митрополита Филарета предположенія не только излишними, но даже опасными и предложилъ оставить священный текстъ Библіи въ томъ точно видѣ, въ какомъ она теперь и чтобы никто, ни подъ какимъ видомъ и предлогомъ, не отваживался посягать на преложеніе Священнаго Писанія на русскій языкъ [1]).

Графъ Пратасовъ доложилъ объ этомъ Государю. Государь одобрилъ мнѣніе митрополита Серафима и приказалъ произвесть строгое дознаніе, кто изъ начальствующихъ и вообще изъ духовенства виновенъ въ соучастіи по сему дѣлу и вмѣстѣ съ тѣмъ усилить мѣры къ охраненію книгъ Священнаго Писанія въ настоящемъ ихъ видѣ неприкосновенно и къ утвержденію всего воспитанія духовнаго юношества на истинныхъ началахъ нашего древняго православія, посредствомъ скорѣйшаго преподанія правильныхъ къ тому руководствъ. При разслѣдованіи, дѣло это поставлено было такъ рѣзко и ведено было такъ горячо, что къ нему боялись подойти близко. Допросы Павскаго, бывшаго 25 лѣтъ профессоромъ, доктора богословія, законоучителя университета, наставника Цесаревича, производили ужасное впечатлѣніе. Всѣ видѣли, какъ два самыхъ видныхъ іерарха уловлены были на этомъ дѣлѣ. Оскорбленные и униженные, митрополиты Московскій и Кіевскій, особенно первый, съ тяжелымъ чувствомъ отправились въ свои епархіи (въ Маѣ 1842 г.).

---

[1]) Два письма м. Серафима къ графу Пратасову отъ 1 и 4 Марта 1842 г. напечатаны въ Русск. Арх. 1878 г. ч. III стр. 522—524.

Аѳанасій торжествовалъ. Къ возвеличенію его торжества, въ Августѣ того же 1842 г. онъ возведенъ былъ въ санъ епископа, съ наименованіемъ Винницкимъ, викаріемъ Подольской епархіи.

Между тѣмъ, графъ Пратасовъ предложилъ В. Б. Бажанову, вмѣстѣ съ присутствующимъ въ Святѣйшемъ Синодѣ В. И. Кутневичемъ, окончательно разсмотрѣть дѣло о переводѣ Павскаго и составить заключительное постановленіе. Но они отказались отъ этого щекотливаго порученія, не рѣшаясь принять на себя отвѣтственность въ такомъ дѣлѣ, изъ-за котораго потерпѣли непріятность болѣе ихъ гарантированные синодальные члены, митрополиты Московскій и Кіевскій. В. Б. указалъ на Волынскаго архіепископа Никанора [1]), котораго въ это время (въ Маѣ 1842 г.) вызывали въ Синодъ, какъ на человѣка съ миролюбивымъ характеромъ и который могъ бы безпристрастно и безобидно закончить дѣло, изъ котораго не знали какъ выдти. Дѣйствительно комитетъ составленъ былъ (19 Октября 1842 г.) подъ предсѣдательствомъ преосвященнаго Никанора; членами комитета назначены были В. Б. Бажановъ, ректоръ академіи Аѳанасій, епископъ Винницкій, Варлаамъ, только что посвященный изъ ректоровъ Курской семинаріи въ епископа Чигиринскаго, викарнымъ Кіевскому митрополиту, каѳедральный протоіерей І. С. Кочетовъ и два свѣтскихъ чиновника—А. И. Карасевскій и А. И. Войцеховичъ. Комитетъ еще не успѣлъ начать своихъ дѣйствій, какъ скончался (Января 1843 г.) митрополитъ Новгородскій Серафимъ. Митрополиты Кіевскій и Московскій находились въ своихъ епархіяхъ. Въ Синодѣ присутствовали Волынскій архіепископъ Никаноръ и Рязанскій Гавріилъ. По жребію преемства митрополиту Серафиму на каѳедру Новгородской и С.-Петербургской митрополіи и первенства въ русской іерархіи выпалъ на долю Варшавскаго архіепископа, Антонія Рафальскаго. На его мѣсто въ Варшаву переведенъ Никаноръ, съ оставленіемъ въ его управленіи и Волынской епархіи. Въ комитетѣ съ особенною настойчивостію противъ Павскаго дѣйствовали только преосвященные Аѳанасій и Варлаамъ. Но Аѳанасій, наконецъ, присоединился къ заключеніямъ комитета, а Варлаамъ остался непреклоненъ и представилъ отдѣльное мнѣніе. Святѣйшій Синодъ постановилъ дѣло это дальнѣйшимъ производствомъ прекратить, поручивъ только Полтав-

[1]) Никаноръ Клементьевскій, впослѣдствіи митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій. См. въ Сент. 1856 года.

скому епископу Гедеону испытать келейно искренность раскаянія Павскаго. Государь утвердилъ докладъ Святѣйшаго Синода 12 Марта 1844 года.

Но если въ этомъ комитетѣ Аѳанасій долженъ былъ уступить, за то онъ наверсталъ въ другомъ комитетѣ, который учрежденъ былъ въ Іюнѣ 1842 г. для исполненія по другой части Высочайшаго повелѣнія о строгомъ сообразованіи воспитанія духовнаго юношества съ началами православія, и въ которомъ Аѳанасій былъ предсѣдателемъ. По представленію его, при самомъ его учрежденіи, членами комитета назначены были ректоръ С.-Петербургской семинаріи архимандритъ Ѳеогностъ, протоіерей училища правовѣдѣнія, М. Богословскій и законоучитель С.-Петербургскаго университета священникъ А. Райковскій. Въ Ноябрѣ того же, 1842, года, по предложенію графа Пратасова, членомъ комитета назначенъ придворный протоіерей, В. Б. Бажановъ; въ 1843 г., по представленію предсѣдателя, составъ комитета усиленъ еще назначеніемъ новыхъ членовъ: инспектора академіи, архимандрита Іоасафа Покровскаго, баккалавровъ іеромонаховъ—Макарія Булгакова, Ѳеофана Говорова и Іоанна Соколова и, кромѣ того, приглашены были къ участію въ трудахъ комитета чередные архимандриты, ректоры семинарій Екатеринославской—Іона и Костромской—Наѳанаилъ. Съ помощью этихъ лицъ, Аѳанасій надѣялся пересоздать богословскую науку и утвердить на прочныхъ основахъ православія. «Будучи ректоромъ С.-Петербургской академіи, — писалъ о немъ впослѣдствіи митрополитъ Филаретъ — преосвященный Аѳанасій утверждалъ, что всѣ русскіе богословы до него были не православны, что не должно богословію учить систематически, а довольно читать Священное Писаніе и святыхъ Отцевъ» [1]). Разумѣется, въ средѣ членовъ, людей высокообразованныхъ, ему трудно было встрѣтить полное сочувствіе такимъ односторонним взглядамъ. Но Аѳанасій дѣйствовалъ крайне властолюбиво и притязательно. Монашествующія духовныя лица еще переносили тяжесть его надменнаго властительства; но лица бѣлаго духовенства не изъявляли такой покорности требованіямъ, основывавшимся только на властолюбіи и человѣкоугодничествѣ. Первое столкновеніе произошло съ М. П. Богословскимъ.

---

[1]) Письма м. Филарета къ Высоч. особамъ, изд. Преосв. Саввою. ч. 2, стр. 242. Тверь, 1888.

Въ Октябрѣ 1843 года, отношеніемъ на имя директора Духовно-Учебнаго Управленія, Карасевскаго, онъ заявилъ, что протоіерей Богословскій, имѣя порученіе разсмотрѣть нѣкоторые конспекты, не смотря на многократныя побужденія, не представилъ доселѣ ни мнѣній о конспектахъ, ни возвратилъ самихъ конспектовъ; поэтому онъ просилъ сдѣлать зависящее распоряженіе объ истребованіи отъ протоіерея Богословскаго означенныхъ конспектовъ, самаго же протоіерея Богословскаго, какъ члена недѣятельнаго, уволить отъ занятій по комитету [1]).

Графъ Пратасовъ предложилъ это отношеніе Святѣйшему Синоду и Синодъ 20 Октября уволилъ Богословскаго отъ званія члена комитета «по усмотрѣнной въ немъ недѣятельности въ занятіяхъ по комитету». Вслѣдъ затѣмъ, 5 Ноября, графъ Пратасовъ предложилъ Синоду для свѣдѣнія, что для успѣшнѣйшаго хода дѣлъ по комитету о разсмотрѣніи конспектовъ для преподаванія учебныхъ предметовъ въ семинаріяхъ, онъ призналъ нужнымъ назначить въ число членовъ этого комитета директора Духовно-Учебнаго Управленія д. с. с. Карасевскаго, съ тѣмъ, чтобы объ успѣхѣ занятій означеннаго комитета онъ представлялъ оберъ-прокурору надлежащія свѣдѣнія. Карасевскій, въ случаѣ болѣзни Аоанасія, предсѣдательствовалъ за него въ комитетѣ [2]). Такова была политика Аоанасія держаться за свѣтскихъ и укрываться за нихъ.

Въ Маѣ 1844 г. составленные комитетомъ конспекты главнѣйшихъ богословскихъ предметовъ: введенія въ богословіе, догматическаго, нравственнаго и пастырскаго богословія препровождены были на разсмотрѣніе къ Московскому митрополиту Филарету. Но

---

[1]) Изъ дѣла видно, что у М. И. Богословскаго находились на разсмотрѣніи слѣдующія рукописи: Обозрѣніе ученія о вѣроисповѣданіяхъ, сост. ректоромъ С.-Петербургской семинаріи, архим. Оеогностомъ; обозрѣніе ученія о ересяхъ и расколахъ или богословіе обличительное, сост. баккалавромъ Кіевской академіи, іером. Серафимомъ (впослѣдствіи б. архіепископомъ Воронежскимъ). Обозрѣніе историко-богословскаго ученія о св. отцахъ церкви и проповѣдникахъ слова Божія, сост. ректоромъ Кіевской семинаріи, архим. Евсевіемъ (Ильинскимъ); Конспектъ для руководства къ познанію и употребленію богослужебныхъ книгъ, сост. прот. Аверкіемъ Пушковымъ. (Дѣло Духовно-Учебнаго Управленія при Св. Синодѣ № 193. Объ устройствѣ комитета для разсмотрѣнія конспектовъ о преподаваніи учебныхъ предметовъ въ семинаріяхъ).

[2]) Такъ, 18 Ноября 1843 г., Аоанасій писалъ ему: «Чувствуя себя нынѣ рѣшительно неспособнымъ ни къ какому серьёзному занятію, не надѣюсь и завтре (sic) быть въ состояніи присутствовать въ комитетѣ. Но поелику дѣло наше слишкомъ важно, чтобы болѣзнь предсѣдателя могла помѣшать его теченію: то я покорнѣйше просилъ бы Васъ въ засѣданіи 19 Ноября занять мое мѣсто въ комитетѣ».

митрополитъ Филаретъ, въ отзывахъ своихъ, призналъ ихъ недостаточно полными, ясными и основательными и требующими дальнѣйшаго пересмотра и усовершенія, и, между прочимъ, замѣтилъ, что въ нихъ напрасно бросается тѣнь на употреблявшіяся прежде учебныя книги, какъ бы проникнутыя раціонализмомъ и чрезмѣрно возвышается значеніе Преданія предъ Священнымъ Писаніемъ.

Въ Маѣ 1845 г. графъ Пратасовъ снова препроводилъ къ м. Филарету два конспекта—введенія въ богословіе и догматическаго богословія, исправленные комитетомъ по замѣчаніямъ митрополита. Но м. Филаретъ не призналъ ихъ и въ этомъ видѣ достаточными. (Собраніе мнѣній и отзывовъ м. Филарета, т. III №№ 286, 288—290). На этомъ, кажется, и закончилась работа комитета, надѣлавшаго столько шума.

Въ числѣ членовъ комитета, разсматривавшаго конспекты, находился, какъ мы сказали выше, и В. Б. Бажановъ. Слыша много разъ въ комитетѣ, какъ преосвященный Аѳанасій умалялъ достоинство и значеніе Священнаго Писанія, возвышая предъ нимъ преданіе, В. Б. имѣлъ случай увидѣть, что преосвященный Аѳанасій настойчиво проводитъ эти взгляды въ академіи. Въ 1845 былъ выпускъ студентовъ XV-го курса. Ревизоромъ въ академію назначенъ былъ присутствовавшій въ Синодѣ, Курскій архіепископъ, Иліодоръ[2]). В. Б. Бажановъ, какъ членъ конференціи, назначенъ былъ депутатомъ на экзамены по богословскимъ наукамъ. Между прочимъ, ему поручено было прочитать экзаменскія сочиненія студентовъ, писанныя на латинскомъ языкѣ. В. Б., прочитавъ ихъ, возвратилъ въ конференцію, кромѣ одного сочиненія Тараса Серединскаго, относительно котораго объяснилъ, что оно удержано имъ для разсужденія о немъ въ общемъ собраніи членовъ конференціи. Сочиненіе это возбудило въ рецензентѣ недоумѣніе тѣмъ, что въ немъ ученіе Іисуса Христа или Евангеліе поставлено на ряду, подъ однимъ общимъ именемъ *Слово Божіе,* съ сочиненіями Ѳеофила, Ириней, Кипріана, Іоанна Златоустаго, Амвросія, Іеронима, Августина и Ѳеодорита, съ тѣмъ только различіемъ, ничего существеннаго въ себѣ не заключающимъ, что Евангеліе названо *Словомъ Божіемъ писаннымъ,* а сочиненія упомянутыхъ церковныхъ писателей *Словомъ Божіимъ изустно преданнымъ.* Такъ какъ эта новизна совершенно противна ученію православной

[2]) Преосвященные Курскій Иліодоръ (Чистяковъ) и Полтавскій Гедеонъ (Вишневскій) присутствовали въ Синодѣ съ Янв. 1843 по 1848 г.

церкви и касается важнаго пункта его, то рецензентъ счелъ обязанностію обратить вниманіе конференціи на то, откуда студентъ Серединскій могъ получить такое неправильное понятіе о Словѣ Божіемъ,—вина ли это его собственная или плодъ внушеній сторонних и проч.».

Ректоръ академіи назначилъ собраніе конференціи для окончательнаго сужденія о студентахъ и присужденія имъ ученыхъ степеней на одинъ изъ царскихъ дней, когда В. Б. не могъ быть въ ея засѣданіи. Конференція рѣшила дѣло о Серединскомъ безъ его участія. В. Б. представилъ свой отзывъ митрополиту Антонію, объясняя въ немъ, что православная церковь, при всемъ своемъ уваженіи къ вышеозначеннымъ знаменитымъ учителямъ и святителямъ, никогда не равняла ихъ сочиненія съ Евангеліемъ и не всегда во всемъ согласовалась съ ними. В. Б. отдавалъ свое заявленіе на судъ митрополита, какъ перваго изъ верховныхъ блюстителей чистоты православнаго вѣроученія.

Аѳанасій страшно разобидѣлся этимъ отзывомъ. «И архіерей и какой-то тамъ священникъ смѣетъ учить меня православію.—Я присягу давалъ». Конференція въ журналѣ своемъ прописала, что господинъ членъ, подвергая сомнѣнію преподаваемое въ академіи ученіе о предметахъ вѣры, преступилъ предѣлы своихъ обязанностей и усвоилъ себѣ право судить о духѣ и направленіи преподаваемаго въ академіи ученія, собственно принадлежащее тому лицу, которое уполномочено Святѣйшимъ Синодомъ обозрѣть академію, какъ въ учебномъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ. Впрочемъ, конференція нашла не излишнимъ занесть въ журналъ, что отъ студента Серединскаго потребовано было объясненіе на то мѣсто экзаменской задачи, въ которомъ членъ конференціи, разсматривавшій эту задачу, нашелъ якобы неправославное понятіе о Словѣ Божіемъ и изъ объясненія оказалось, что означенный воспитанникъ имѣетъ о Евангеліи Господа нашего Іисуса Христа и писаніяхъ святыхъ Отцевъ и учителей церкви понятіе, совершенно согласное съ ученіемъ о семъ предметѣ, изложеннымъ въ православномъ исповѣданіи каѳолической и апостольской церкви Восточной и разсматриваемое мѣсто не представляетъ основанія къ тому заключенію, какое онъ, господинъ членъ, изъ него вывелъ. Митрополитъ Антоній утвердилъ журналъ конференціи 16 Августа 1845 г., В. Б. Бажановъ вышелъ изъ членовъ конференціи.

Наконецъ эксцентричности Аоанасія наскучили и графу Пратасову. Въ 1847 г. онъ переведенъ былъ на архіерейскую каоедру въ Саратовъ.

Чтобы не быть несправедливыми къ преосвященному Аоанасію, приведемъ отзывъ о немъ одного изъ его почитателей, покойнаго архіепископа Херсонскаго, Никанора Бровковича. Никаноръ былъ юношей—ученикомъ С.-Петербургской семинаріи, когда Аоанасій былъ ректоромъ академіи и какъ имѣлъ уже наклонность къ монашеству, то исполнялъ при Аоанасіѣ, во время его архіерейскихъ служеній, какую-то служебную должность.—Послѣ того, въ бытность ректоромъ въ Саратовѣ, ѣздилъ къ нему въ Астрахань, гдѣ Аоанасій, въ забытьи, доживалъ свои послѣдніе дни. Приподнятый топъ въ воспоминаніяхъ преосвященнаго Никанора объ Аоанасіи объясняется частію вообще склонностію его къ увлеченіямъ и преувеличеніямъ, частію полемическимъ характеромъ воспоминаній, направленныхъ противъ сочиненій, проникнутыхъ клеветами на духовенство и между прочимъ противъ «Записокъ сельскаго священника», въ которыхъ Аоанасій рисуется въ непривлекательномъ свѣтѣ.

«Этотъ іерархъ — такъ начинаетъ преосвященный Никаноръ свой панегирикъ Аоанасію—былъ если не чудо по учености, по громадности смысла, то, смѣло говорю, явленіе феноменальное, въ своемъ родѣ исключительное. Жизнь его, до ректорства въ С.-Петербургской духовной академіи, была бурная, и я хорошо ея не знаю. Это былъ умъ острый, способный врываться въ глубь предметовъ. Почему онъ и пріобрѣлъ себѣ съ ранней молодости репутацію, будто бы, легкомысленнаго. Къ этому прибавить нужно и темпераментъ порывисто-холерическій. По службѣ стали его толкать съ первыхъ же лѣтъ по окончаніи академическаго курса. Но какъ этотъ рѣдкій умъ постоянно бодрствовалъ надъ наукою и, обладая небывалою памятью, безъ устали и перерывовъ занимался изученіемъ классической свѣтской и духовной литературы, въ направленіи спеціально къ изученію Библіи въ первоисточникахъ ея происхожденія и толкованія; такъ какъ и по еврейски онъ перечиталъ и изучилъ все, что дошло до насъ не только въ цѣльныхъ произведеніяхъ, но и въ какихъ либо открываемыхъ фрагментахъ; такъ какъ и классическіе, латинскій и греческій языки, зналъ онъ въ исключительномъ совершенствѣ, и два новѣйшихъ языка, французскій и нѣмецкій, зналъ въ замѣчательной степени, а по нѣмецки

и объяснялся совершенно свободно: то въ Одессѣ, гдѣ онъ служилъ ректоромъ семинаріи, онъ былъ замѣченъ, какъ ученѣйшій мужъ; замѣченъ какими-то знатными иностранцами и, въ этомъ качествѣ, отрекомендованъ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода, графу Николаю Александровичу Пратасову. Пратасовъ въ эту пору только что входилъ въ побывалую силу, забирая по духовному вѣдомству все въ свои крѣпкія руки. Такъ какъ онъ начиналъ свое управленіе духовнымъ вѣдомствомъ съ предрѣшенія преобразовать духовно-учебныя заведенія, и во первыхъ академіи, и, прежде всего, С.-Петербургскую духовную академію,—то, разогнавъ въ этой послѣдней все прежнее академическое начальство, онъ посадилъ ректоромъ преобразуемой съ 1840 г. первой С.-Петербургской академіи архимандрита Аѳанасія, какъ ученѣйшаго мужа, съ возведеніемъ его, для приданія академическому ректору высшаго авторитета, въ санъ епископа. Не стану говорить объ академической службѣ преосвященнаго Аѳанасія, хотя и знаю ее хорошо, о трагическомъ его положеніи между графомъ Пратасовымъ—съ одной стороны и митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ—съ другой, между толчками съ одной стороны впередъ и толчками съ другой стороны назадъ: о томъ, какъ одному, графу Пратасову, при посредствѣ дряхлѣйшаго душевными силами, митрополита С.-Петербургскаго, Серафима, преосвященный Аѳанасій помогъ взобраться на вершину почти единодержавія въ церкви,—помогъ, думаю, полубезсознательно и невольно; а другому, митрополиту Московскому Филарету, нанесть тяжкій служебный ударъ, уронивъ значеніе власти какъ этого великаго и тогда уже властнаго іерарха, такъ и всей высшей іерархіи; о томъ, какъ всемощный графъ, усиливаясь доказать благоплодность своего всемогущества, толкалъ преосвященнаго Аѳанасія впередъ къ высокому подъему не только одной академіи, но и всего духовнаго образованія по программамъ 1840 года, а святитель Московскій, которому, какъ высшему авторитету богословскаго знанія и мѣрилу чистоты православія, тотъ же всемогущій графъ не могъ не представлять все замышляемое имъ, по части внутреннихъ своихъ реформъ, на просмотръ, святитель Московскій все, измышляемое въ Петербургѣ преосвященнымъ Аѳанасіемъ, директоромъ Духовно-Учебнаго Управленія (человѣкомъ малосвѣдущимъ вообще), А. П. Карасевскимъ и другими подъ ихъ водительствомъ,—святитель Московскій все это отталкивалъ назадъ, какъ незрѣлое или

даже со всѣмъ негодное. Наконецъ, выбившись изъ силъ въ этой непосильной, даже своему всемогуществу, борьбѣ, измучившись самъ до приближенія къ ранней смерти отъ постояннаго возбужденія, всемощный графъ Пратасовъ, съ безсердечіемъ, выбросилъ, совершенно измученнаго имъ, ректора академіи Аоанасія, какъ выжатый лимонъ, какъ разбитый горшокъ, вонъ изъ Петербурга, и пусть бы куда либо на видное мѣсто, какъ многократно шумѣлъ въ своихъ гаданіяхъ духовный Петербургъ, а то, недолго думая, по Грибоѣдовски, по Фамусовски: Въ глушь, въ Саратовъ. Въ Саратовѣ Аоанасій сряду же впалъ въ какое-то столкновеніе съ свѣтскою же властью, кажется, по дѣламъ раскола. Въ Петербургѣ, въ то время, съ осужденьемъ разсказывалось, будто епископъ Аоанасій хотѣлъ анаѳематствовать, или уже анаѳематствовалъ Саратовскаго губернатора. На самомъ же дѣлѣ, онъ только говорилъ въ Саратовѣ между своими, что за такія дѣла слѣдовало бы по канонамъ изречь анаѳему. Но ходячая въ Петербургѣ, даже въ невысокихъ, однако же шедшая изъ высшихъ сферъ, молва имѣла тотъ смыслъ, что высшая духовная власть не соблаговолила поддержать епископа Аоанасія въ его ревности, быть можетъ, и неумѣстной. Это, конечно, уронило его духъ. Чрезъ нѣсколько времени ему нанесена была и другая не легкая же обида. Когда въ Саратовѣ, по слову, данному Императоромъ Николаемъ, въ Римѣ, лично папѣ Григорію XVI, и, по широкой уступчивости, страшно скрѣпленной рукою Д. Н. Блудова, учреждена была въ Саратовѣ католическая архіерейская каоедра, съ капитуломъ и семинаріей; когда латинское духовное управленіе послало туда своихъ лучшихъ, способнѣйшихъ, испытанныхъ слугъ, епископа Фердинанда Капа, ректора каноника Іосифа Жельвовича, весьма способнаго и многоученаго мужа, и другихъ, подобныхъ же, тогда и мы задумались, какъ и намъ свое дѣло направить тамъ. Кто-то изъ Государей, не помню Николай, не помню—Александръ II, должно быть послѣдній, спрашиваетъ тогдашняго исправляющаго должность оберъ-прокурора Карасевскаго: «А каковъ тамъ православный архіерей?—Не совсѣмъ благонадеженъ, или что-то въ этомъ родѣ отвѣтилъ Его Величеству г. Карасевскій о епископѣ Аоанасіи; тотъ самый Карасевскій, который 10 лѣтъ тому назадъ, когда Аоанасій былъ въ силѣ и славѣ и въ ходу у графа Пратасова, почтительно, чуть не подобострастно цѣловалъ руку его преосвященства, а его преосвященство, не поднимаясь съ своего

предсѣдательскаго кресла, привѣтствовалъ, бывало, входящаго, тогда еще не очень преукрашеннаго, д. ст. совѣтника Карасевскаго простымъ привѣтомъ: «Здравствуйте, Александръ Ивановичъ». Да, времена перемѣнились. Александръ Ивановичъ теперь уже около года правилъ должность оберъ-прокурора и имѣлъ надежду скоро именоваться дѣйствительнымъ оберъ-прокуроромъ. Увы! Обманулся. На коронаціи 1856 года оберъ-прокуроромъ не сдѣланъ, слегъ отъ огорченія въ постель, а скоро отправился и въ могилу. Оберъ-прокуроромъ, по указанію святителя Московскаго, именованъ графъ А. П. Толстой. Святитель Московскій взошелъ въ зенитъ земной славы. А оттолкнутое имъ, не малое же въ своемъ родѣ, свѣтило, какъ комета отъ солнца, епископъ Аѳанасій закатился съ запада на востокъ догарать послѣдними несвѣтлыми лучами гаснущей въ темныхъ тучахъ вечерней зари, въ пламенной, песчаной, пропитанной соленою пылью Астрахани. Теперь будемъ говорить о томъ, чѣмъ этотъ человѣкъ безпримѣренъ. Это была глубина премудрости, если подъ премудростію разумѣть то богатство вѣдѣнія, о которомъ Соломонъ сказалъ: приложивый разумъ приложитъ болѣзнь. Начнемъ съ того, что онъ, въ неслыханномъ, среди духовной братіи, совершенствѣ, зналъ естественныя науки. Не говоримъ о физикѣ,—это знаніе между ними, до послѣдняго преобразованія нашихъ учебныхъ уставовъ, было довольно распространено. Онъ спеціально изучалъ и отлично зналъ ботанику и имѣлъ у себя гербаріи. Онъ въ совершенствѣ зналъ геологію, насколько въ его пору она развита была, какъ и минералогію, и собралъ было у себя громадные минералогическіе кабинеты. Онъ изучалъ астрономію и занимался на обсерваторіи астрономическими наблюденіями при помощи весьма мощныхъ телескоповъ. Онъ изучалъ и зналъ анатомію, для чего имѣлъ у себя анатомическіе атласы. Онъ зналъ математику, даже высшую, въ такомъ совершенствѣ, что, въ санѣ архіерея, будучи въ Петербургѣ на экзаменѣ въ какомъ то военно-учебномъ заведеніи, когда выставленный воспитанникъ дѣлалъ предъ ученымъ собраніемъ сложную математическую задачу, а наставникъ только глядѣлъ и молчалъ, вдругъ присутствующій архіерей озадачилъ всѣхъ ласковымъ, но рѣзкимъ возгласомъ: «Не такъ, милый другъ». Это было молніею, заставившею встрепенуться всѣхъ, начиная съ наставника.—«Не такъ, вы допустили ошибку тамъ-то и тамъ-то»,—продолжаетъ

архіерей и распутываетъ запутанное. Фактъ былъ тогда въ Петербургѣ общеизвѣстенъ. Свѣтскіе, съ тѣхъ поръ, провозгласили Аѳанасія свѣтиломъ и, какъ говорилось тогда, носили его на рукахъ. Буквально, генералы водили его подъ руки. Преходитъ образъ міра сего и gloria mundi transit... Какъ зналъ онъ древніе и новѣйшіе языки,—начнемъ съ того, что, въ послѣднія 25 лѣтъ своей жизни, онъ по русски ничего почти не читалъ, хотя и получалъ всю текущую литературу, какъ свѣтскую, такъ и особенно духовную.—«А я, братецъ, съ русскими книгами, вотъ какъ»,—говорилъ онъ мнѣ уже въ Астрахани. Не взрѣзывая полученныя съ почты русскія книги, а только оглядывая заглавія, онъ откидывалъ ихъ на полъ, а келейникъ подбиралъ и складывалъ рядами около стѣнъ во внутреннихъ комнатахъ громаднѣйшаго архіерейскаго дома въ Астрахани. «Дребедень, братецъ ты мой». По французски, по нѣмецки онъ выписывалъ изъ Лейпцига и чрезъ Ригу все, что выходило по части... какъ бы это сказать, все, что, какимъ бы то ни было образомъ, относилось къ Библіи, что касалось египтологіи, ассиріологіи, санскритологіи; по части религіи, откуда западные ученые переводятъ многое и въ систему откровенія; все, что касалось классической исторіи, особенно же классической финикійской, греческой, римской религіи; все, что касалось стараго и позднѣйшаго израэлитизма въ Палестинѣ, Египтѣ и разсѣяніи; все, что касалось зарождающихся идей, близкихъ къ христіанству, между евреями, особенно въ періодъ Маккавеевъ и позже, между Ѳерапевтами, Ессеями, іудейскими прозелитами; все, что касалось происхожденія Талмуда и состоянія еврейства въ Вавилонѣ, между аравитянами—въ сѣверной Африкѣ, въ Испаніи, въ Крыму, между хозарами, караимами, даже въ Афганистанѣ, какъ и между русскими субботниками, которыхъ онъ производитъ отъ древнихъ хозаръ, блуждавшихъ около устьевъ Волги и Дона. По-еврейски онъ зналъ если не глубже протоіерея Павскаго, то, безъ сомнѣнія, шире, такъ какъ онъ имѣлъ у себя и перечиталъ все, не только то, что имѣется на еврейскомъ языкѣ въ цѣльныхъ произведеніяхъ, но и всякій ново-открываемый фрагментъ. Греческихъ, латинскихъ писателей, не скажу, что онъ перечиталъ всѣхъ, до отцовъ церкви, до Фотія патріарха, включительно. Нѣтъ. Онъ ихъ изучилъ, онъ ихъ проштудировалъ почти по всѣмъ изданіямъ отъ древнихъ до новѣйшихъ. Онъ изучилъ всѣ фрагменты всѣхъ антихристіанскихъ

писателей первыхъ вѣковъ, Цельза, Порфирія и другихъ. Филона, Флавія, писателей христіанскихъ первыхъ вѣковъ, онъ изучилъ и самъ сравнилъ во всѣхъ редакціяхъ. Онъ имѣлъ у себя въ медаляхъ, монетахъ, снимки всѣхъ великихъ людей классической древности. Онъ изучалъ всѣ новѣйшія открытія по части памятниковъ первобытнаго христіанства, римскихъ катакомбъ, богослужебныхъ остатковъ, первыхъ живописныхъ изображеній и т. п. Онъ изучилъ и самъ сравнилъ всѣ редакціи какъ подлиннаго четвероевангелія, такъ и апокрифическихъ евангелій. Конечно, онъ зналъ чуть не наизусть всю нѣмецкую новѣйшую христологію, и говорилъ, что нѣмцы тупы, у нихъ нѣтъ свѣтлости мысли. Вообще презиралъ и смотрѣлъ на этихъ Штраусовъ и Бауровъ какъ на недоучившихся глупыхъ дѣтей. О французскихъ же антихристахъ, вродѣ Ренана, стыдился и упоминать, презирая ихъ глубоко за ихъ крайнюю несостоятельность. Онъ критически изучалъ все, что истреблено въ первые вѣка неразумными ревнителями христіанства, что вставлено, что измѣнено въ первыхъ памятникахъ, касающихся христіанства. Онъ прослѣдилъ всѣ варіанты текстовъ, какъ не христіанскихъ, такъ и христіанскихъ писателей, современныхъ основанію христіанства, касавшихся его, какъ-то: книгъ Сивиллы, Іосифа Флавія, Тацита, Плинія, Саллюстія, неканоническихъ писаній Эздры, книгъ Еноха праведнаго, апостола Варнавы, Игнатія Богоносца, Поликарпа, Діонисія Ареопагита, Іустина Философа, разныхъ апологій христіанства, Ѳеофила Антіохійскаго, Арнобія, Минуція, Феликса и другихъ. Онъ старался прослѣдить, отъ первыхъ источниковъ, первые зачатки христіанскаго восточно-православнаго богослуженія, находя, что нѣкоторая система устава нашего богослуженія усматривается еще въ ераневтизмѣ, утверждая, что основы нашего восточно-православнаго богослужебнаго устава, не только литургіи, но и утрени и т. д., современны самому основанію христіанства, тогда какъ богослуженіе западной церкви очень мало сохранило въ себѣ слѣдовъ первоначальной христіанской древности. Въ Саратовѣ и въ Астрахани онъ писалъ огромныя изслѣдованія, полныя и содержанія и систематической связности. Писалъ и сожигалъ... Почему? Потому, что не усматривалъ возможности провести свои изслѣдованія въ публику. Потому что, по совѣсти, не признавалъ ихъ даже полезными, потому что его выводы не во всемъ были согласны съ обще-принятыми положеніями науки. На-

шелъ ли онъ покой своей душѣ, спускаясь до послѣдпѣйшей глубины въ кладезь мудрости? Скажу, и да и нѣтъ. Сперва больше—нѣтъ, а подъ конецъ жизни больше—да. Начать съ того, что, потерпѣвъ тяжкое разочарованіе въ блестящихъ служебныхъ надеждахъ, при напряженнѣйшей служебной ревности въ Петербургѣ и спервоначала въ Саратовѣ, онъ лѣтъ 20 не прилагалъ своего труда къ служебнымъ занятіямъ.—«Брось ты, мой другъ, все это (служебные труды, на сколько можно); займись вотъ этимъ»,—указывая на тысячи фоліантовъ, лежавшихъ у него грудами на полу, въ шкафахъ, на этажеркахъ, на окнахъ, на диванахъ, креслахъ, вездѣ,—говорилъ онъ мнѣ лично. Конечно, онъ самъ заправлялъ ввѣренными ему епархіями настолько, чтобы не разрушился текущій порядокъ. «Есть консисторія, и пускай ее вѣдается». Но, поставивъ себя выше житейскихъ огорченій, онъ, тѣмъ не менѣе, подвергался, особенно спачала въ Саратовѣ, напгягчайшимъ скорбямъ внутреннимъ, подвергался отъ болѣзней ума, болѣзней не тѣхъ, которыя бываютъ плодомъ простаго умственнаго помѣшательства, но болѣзней, которыя пролстекаютъ отъ избытка знанія, отъ невозможности сочетать умственныя антиноміи, отъ разгрома, иногда временнаго и преходящаго, умственныхъ принциповъ, всосанныхъ съ молокомъ матери, сросшихся съ душою. Многолѣтняя охранительная вѣрность своему призванію имѣла для него тотъ плодъ, что къ старости лѣтъ онъ поборолъ въ себѣ порядки своей душевной болѣзни, укротилъ ужасные порывы терзающей скорби и завоевалъ себѣ сравнительный покой души. Мы сказали, вѣрность своему призванію, хотя, быть можетъ, и не безъ преткновеній. Да, онъ крайне боялся, до болѣзненности трепеталъ поводовъ подать собою какой-либо соблазнъ другимъ. Онъ жилъ въ совершеннѣйшемъ одиночествѣ. Безъ крайности самъ не выѣзжалъ къ другимъ и у себя не принималъ никого, развѣ только по дѣламъ. Для развлеченій никого» [1]).

Но новыя поколѣнія уже не только не преклоняются предъ славою имени этого «гиганта мысли и знанія», но даже едва ли знаютъ это имя.

[1]) Наша свѣтская и духовная печать о духовенствѣ. Воспоминанія бывшаго альта-солиста А. Б-а. Спб. 1884 г. стр. 27—37.

Графъ Пратасовъ занималъ оберъ-прокурорскую должность двадцать лѣтъ; зналъ одного Государя, а Святѣйшій Синодъ считалъ подчиненнымъ учрежденіемъ для соотвѣтственныхъ распоряженій по дѣламъ духовнаго вѣдомства. Первенствующіе члены Синода—С.-Петербургскіе митрополиты Серафимъ, Антоній и Никаноръ были безгласны предъ нимъ; а болѣе независимые члены Синода, Филареты Московскій и Кіевскій, въ 1842 г. были удалены въ епархіи и послѣ того не вызывались къ присутствованію въ Синодѣ.

Духовно-учебная часть находилась въ завѣдываніи Духовно-учебнаго Управленія и директора его, А. И. Карасевскаго; синодальной канцеляріей завѣдывалъ, съ званіемъ старшаго чиновника за оберъ-прокурорскимъ столомъ, А. П. Войцеховичъ [1]); канцеляріей оберъ-прокурора и всѣми дѣлами по оберъ-прокурорской части, имѣвшими видъ особыхъ порученій, завѣдывалъ К. С. Сербиновичъ.

А. П. Карасевскій назначалъ, награждалъ, перемѣщалъ и увольнялъ ректоровъ семинарій; распредѣлялъ по мѣстамъ окончившихъ курсъ академическихъ воспитанниковъ; назначалъ пенсіи и пособія за духовно-учебную службу (капиталы б. Коммиссіи Духовныхъ Училищъ находились тогда въ завѣдываніи Духовно-учебнаго Управленія); снабжалъ семинаріи и училища новыми учебниками, соображаясь иногда не съ учебною пригодностью книги, а съ дешевизною; предлагалъ академическимъ и семинарскимъ преподавателямъ, при служебныхъ и случайныхъ встрѣчахъ, составить *системку* по тому или другому учебному предмету.

К. С. Сербиновичъ былъ фактотумомъ графа Пратасова, исполнялъ массы дѣлаемыхъ ему порученій, а самъ придумывалъ ихъ

[1]) Съ 1842 г. д. с. с.; въ 1843 г. 15 Ноября пожалованъ орденомъ св. Анны 1-й степени.

еще больше. Какъ только открывалось какое видное мѣсто по учрежденіямъ духовнаго вѣдомства или при участіи лицъ духовнаго вѣдомства, онъ непремѣнно занималъ это мѣсто. Начавъ съ должности директора канцеляріи оберъ-прокурора, онъ занималъ послѣдовательно должности директора хозяйственнаго управленія и духовно-учебнаго правленія, но, считаясь директоромъ этихъ двухъ послѣднихъ учрежденій, онъ и не вступалъ въ управленіе ими, оставаясь по особымъ порученіямъ при графѣ Пратасовѣ. Онъ составлялъ проэкты всѣхъ преобразованій въ учрежденіяхъ духовнаго вѣдомства; велъ, по порученіямъ графа, переговоры по выдающимся текущимъ дѣламъ съ С.-Петербургскимъ митрополитомъ и присутствующими въ Синодѣ архіереями и командируемъ былъ въ Москву для такихъ же совѣщаній съ митрополитомъ Филаретомъ [1]), завѣдывалъ сношеніями оберъ-прокурора съ начальствомъ и учрежденіями другихъ вѣдомствъ, выбиралъ и назначалъ священниковъ въ заграничныя посольства и миссіи и проч.; но былъ еще предметъ, на которомъ онъ сосредоточивалъ особенное вниманіе, именно высшее завѣдываніе духовною цензурою по званію члена, учрежденнаго въ 1851 г. при Святѣйшемъ Синодѣ, секретнаго цензурнаго комитета для наблюденія за дѣйствіями духовной цензуры [2]). Помнимъ памятію очевиднаго свидѣтеля, какъ не одинъ разъ книжки «Христіанскаго Чтенія», представленныя, по напечатаніи и сброшюрованіи, К. С. Сербиновичу, возвращаемы были съ приказаніемъ исключить ту или другую статью (почему-то такому цензурному остракизму подвергались всего чаще относящіяся къ церковному праву статьи архимандрита Іоанна) и забракованная статья замѣнялась другою, а не то книжка разсылалась съ слѣдами вырѣзанной статьи. Такою же памятію свидѣтеля-очевидца помнимъ, какъ, вскорѣ послѣ учрежденія секретнаго комитета, весною 1853 г., въ Великій Четвергъ, графъ Пратасовъ пріѣхалъ въ духовную академію, обошелъ, въ сопровожденіи всего чиновнаго академическаго персонала, студенческія жилыя комнаты и спальни и, на случай

---

[1]) Въ Августѣ 1851 г. митрополитъ Филаретъ писалъ къ гр. Пратасову: «Бесѣдовалъ съ Константиномъ Степановичемъ. Повѣрьте я очень скорблю о моей медленности по нѣкоторымъ дѣламъ, но, по немощамъ и мѣстнымъ неизбѣжнымъ дѣламъ, не умѣю быть исправнымъ. Желаю и постараюсь» (Р. А. 1876, 3, стр. 176).

[2]) Секретный комитетъ упраздненъ, по Высочайшему повелѣнію, 24 Февраля 1859 г. Сборн. законополож. по дух. ценз. СПб. 1870 г., стр. 163.

посѣщеніи академіи Государемъ, (такъ какъ одинъ разъ, въ 1838 г., Государь посѣтилъ академію именно въ Великій Четвергъ) зашелъ въ ближайшую съ подъѣзда квартиру экономa. И здѣсь-то инспекторъ академіи, архимандритъ Іоаннъ, принужденъ былъ выдержать сильное начальственное внушеніе за то, что онъ, въ качествѣ духовнаго цензора, пропустилъ къ напечатанію брошюру *Молитва у Креста* съ аріями и хорами (Ораторія—Stabat Mater). Московская академическая цензура, видя на брошюрѣ одобреніе С.-Петербургскаго цензора, одобрила ее къ перепечатанію. Все это упало на голову Іоанна и отягчило его вину. Тогда же, по Высочайшему повелѣнію, Ораторія воспрещена къ исполненію, какъ неприличная въ театральномъ пѣніи [1]). Вскорѣ послѣ этого Іоанна отправили ректоромъ академіи въ Казань [2]).

Но при многихъ достоинствахъ исполнительнаго чиновника, Сербиновичъ былъ въ канцелярскихъ дѣлахъ и въ личныхъ сношеніяхъ формаленъ до педантизма, до мелочности. Въ наслѣдство чиновникамъ онъ оставилъ «Сборникъ наиболѣе удачныхъ фразъ» для оберъ-прокурорской переписки съ архіереями и министрами.

Графъ П. А. Пратасовъ умеръ 16 Января 1855 г., за мѣсяцъ до кончины Императора Николая.

По смерти его, исполненіе оберъ-прокурорской должности поручено было директору Духовно-учебнаго Управленія, *А. И. Карасевскому* [3]). Временное управленіе его продолжалось не долго, но озна-

---

[1]) Сборн. закон. по дух. цензурѣ, стр. 145. Собраніе мнѣній и отзывовъ митрополита Филарета, Т. дополн. СПБ. 1887 г. стр. 328, 330.

[2]) Скопч. епископомъ Смоленскимъ 17 Марта 1869 г.

[3]) Привѣтствуя его съ этимъ назначеніемъ, митрополитъ Филаретъ писалъ къ нему: «Какъ скоро узналъ, что Благочестивѣйшій Государь Императоръ облекъ васъ Высочайшею своею довѣренностію въ служеніе, съ одной стороны прикасающееся священноначалію церковному, съ другой приближающееся къ престолу, призвалъ и призываю вамъ благословеніе и помощь Божію къ благоуспѣшному и полезному прохожденію онаго. Вы имѣете приготовительныя къ тому свѣдѣнія и опыты. Для насъ облегчительно вступленіе съ вами въ сношенія, уже не начинающіяся, а продолжающіяся послѣ добраго начатія. Меня утѣшаете вы, вспоминая давнее мое съ вами сотрудничество по дѣламъ службы, которое и я съ удовольствіемъ въ памяти сохраню. Ваше смиреніе приглашаетъ меня къ совѣтамъ. Не могу думать, чтобы я былъ для сего надобенъ и могъ быть удовлетворителенъ. Впрочемъ, какъ на довѣренныя сношенія со мною покойнаго графа Николая Александровича съ готовностію и искренностію отвѣтствовалъ по моему посильному разумѣнію: такъ готовъ и съ Вашимъ Превосходительствомъ откровенно бесѣдовать, ручаясь только за искренность, а не за ихъ достоинство, которое всегда расположено представить лучшему сужденію». (Письма къ Высоч. особ. и разн. др. лицамъ, II, стр. 18—19. Тверь, 1888 г.).

меновалось многими весьма важными синодальными дѣйствіями и въ особенности замѣчательнымъ событіемъ синодальнаго постановленія, въ присутствіи Святѣйшаго Синода по случаю коронаціи Императора Александра II въ Москвѣ, о переводѣ Священнаго Писанія на Русскій языкъ [1]). Тамъ же, въ Москвѣ, А. П. Карасевскій тяжко заболѣлъ и, по увольненіи отъ оберъ-прокурорской должности, назначенъ членомъ Коммиссіи прошеній и вмѣстѣ попечителемъ женскихъ училищъ духовнаго вѣдомства, состоящихъ подъ покровительствомъ Государыни Императрицы, но вскорѣ скончался въ Москвѣ (25 Декабря 1856 г.).

[1]) Тогда же въ Москвѣ исправлены: чинъ архіерейскаго исповѣданія и обѣщанія и чинъ присоединенія иновѣрцевъ и постановлены правила относительно выдачи сборныхъ книгъ.

20 сентября 1856 года оберъ-прокуроромъ Св. Синода назначенъ былъ графъ *Александръ Петровичъ Толстой.*

Графъ А. П. Толстой получилъ домашнее воспитаніе; въ 1817 г. вступилъ въ военную службу юнкеромъ и въ 1829 г. пожалованъ флигель-адъютантомъ; въ 1830 г. оставилъ военную службу и назначенъ въ званіе камергера, съ переименованіемъ въ коллежскіе совѣтники; въ 1834 г. пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и назначенъ Тверскимъ губернаторомъ; въ 1837 г. переименованъ въ генералъ-маіоры и опредѣленъ военнымъ губернаторомъ г. Одессы съ управленіемъ и гражданскою частію; въ 1840 г. уволенъ отъ службы; въ 1855 г. вступилъ въ службу начальникомъ Нижегородскаго ополченія; въ 1856 г. оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода [1]).

Графъ А. П. Толстой былъ человѣкъ религіозный и набожный и, конечно, эти свойства его душевнаго настроенія и характера были поводомъ къ назначенію его на такой высокій и вліятельный постъ въ церковномъ управленіи Россіи.

Но ему нужно отдать справедливость въ томъ отношеніи, что онъ привлекъ на службу въ свое вѣдомство и управленіе многихъ даровитыхъ, образованныхъ и практически подготовленныхъ людей, которые были потомъ лучшими помощниками его въ управленіи. Онъ пригласилъ на службу въ духовное вѣдомство *И. И. Саломона, князя С. П. Урусова и Т. И. Филиппова.* Давъ имъ способы ознакомиться съ устройствомъ духовныхъ, учебныхъ и административныхъ,

---

[1]) Отчетъ по Гос. Сов. за 1873 г. Прил. стр. 6—8.

учрежденій и съ состояніемъ административной и судебной частей въ центральныхъ учрежденіяхъ и въ епархіяхъ, онъ поручилъ П. И. Саломону завѣдываніе синодальною канцеляріею, князю Урусову—состоявшему до того времени за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ 8-мъ департаментѣ Правительствующаго Сената—завѣдываніе Духовно-учебнымъ Управленіемъ, съ званіемъ директора. Т. И. Филипповъ назначенъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ Святѣйшаго Синода. Тогда же, по желанію митрополита Филарета, перемѣщенъ на службу въ духовное вѣдомство и опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ Святѣйшаго Синода баккалавръ Московской духовной академіи. *И. А. Сергіевскій* и юрисконсультомъ при оберъ-прокурорѣ Святѣйшаго Синода надворный совѣтникъ *Полнеръ* [1]).

Почти въ одно время съ назначеніемъ графа Толстаго оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода, Новгородскимъ и С.-Петербургскимъ митрополитомъ, на мѣсто скончавшагося митрополита Никанора, назначенъ былъ Казанскій митрополитъ Григорій.

Лицо митрополита Григорія почтенно въ высокой степени. Прямой, честный и искренній въ своихъ дѣйствіяхъ, онъ былъ чуждъ угодливости и неспособенъ былъ приносить въ жертву какому-бы то ни было вліянію свои убѣжденія: но онъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, не обезпечивавшихъ достаточной силы для самостоятельнаго дѣйствованія на занимаемомъ имъ высокомъ и вліятельномъ посту перваго іерарха русской церкви; ораторомъ въ собраніяхъ онъ никогда не былъ; съ сложными условіями и отношеніями практической жизни былъ знакомъ отдаленно: между тѣмъ ему предстояли конференціи и комитеты съ участіемъ многихъ высшихъ государственныхъ сановниковъ по возникшимъ тогда весьма важнымъ вопросамъ—о предоставленіи гражданскихъ правъ раскольникамъ, объ обезпеченіи православнаго духовенства, о греко-

---

[1]) Высочайшіе приказы по духовному вѣдомству: объ утвержденіи чиновниками особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ Святѣйшаго Синода надворнаго совѣтника *Авшинникова* и коллежскаго совѣтника *Филиппова* и юрисконсультомъ надворнаго совѣтника *Полнера* 14 Марта 1858 г.; о назначеніи д. с. с. *Саломона* старшимъ чиновникомъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ и управляющимъ синодальною канцеляріею 27 Октября 1858 г.; о назначеніи состоявшаго за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ 8-мъ Деп. Прав. Сената статскаго совѣтника *князя Урусова* директоромъ Духовно учебнаго Управленія съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники 9 Февраля 1859 г.

болгарской распрѣ и проч.; при томъ, занимаясь во всю жизнь то профессорскими-преподавательскими, то учено-богословскими трудами (не говоря уже о непрерывной проповѣднической дѣятельности) и не за долго до назначенія, по одной пастырской ревности, митрополитомъ, преподававшій миссіонерскіе предметы собраннымъ изъ разныхъ епархій священникамъ, готовившимся къ миссіонерской дѣятельности противъ раскола, митрополитъ Григорій сохранилъ эту склонность къ ученымъ и проповѣдническимъ трудамъ до старости, но въ послѣдніе годы жизни занимался ими съ особенною настойчивостію, какъ бы считая ихъ существеннѣйшею обязанностію пастырства. Начальству духовной академіи онъ приказалъ представлять ему всѣ статьи прежде напечатанія ихъ, а основанную имъ Духовную Бесѣду, особенно въ два первые года, можно сказать наполнялъ статьями собственнаго сочиненія. Цензурныя облегченія печатнаго слова, выразившіяся на первой порѣ въ нѣкоторыхъ мелкихъ органахъ прессы и въ нѣкоторыхъ литературныхъ изданіяхъ легкимъ отношеніемъ къ предметамъ общаго движенія, еще болѣе возбуждали въ митрополитѣ Григоріѣ ревность къ охраненію достоинства этихъ предметовъ путемъ такого же печатнаго слова.

Митрополитъ Григорій участвовалъ въ священнодѣйствіи коронаціи Императора Александра II и въ засѣданіяхъ Святѣйшаго Синода, бывшихъ въ Москвѣ при участіи митрополита Филарета, архіепископа Иннокентія и прочихъ приглашенныхъ на торжество коронаціи преосвященныхъ.

Въ одномъ изъ этихъ засѣданій Святѣйшаго Синода постановлено было опредѣленіе о переводѣ Священнаго Писанія на русскій языкъ. Митрополитъ Филаретъ редактировалъ это опредѣленіе. Но графъ Толстой, вступивъ въ должность оберъ-прокурора, выразилъ сомнѣніе на счетъ удобности и пользы этого дѣла и состоявшееся по оному опредѣленіе Святѣйшаго Синода, какъ не облеченное еще въ законную форму (т. е. не подписанное членами), препроводилъ въ качествѣ частнаго мнѣнія М. м. Филарета на заключеніе Кіевскаго митрополита Филарета, и, по полученіи отзыва Кіевскаго митрополита съ выраженнымъ въ немъ желаніемъ о прекращеніи начатаго дѣла державными словами Государя Императора, представилъ оный Государю и испрашивалъ Высочайшее соизволеніе внесть оное въ Синодъ на совокупное разсмотрѣніе, но предва-

рительно сообщить митрополиту Московскому. Съ своей стороны, графъ Толстой находилъ необходимымъ не приступать къ сему важному дѣлу безъ сношенія съ греческою церковію. Государь написалъ на докладѣ гр. Толстаго: «Согласенъ, и спасибо вамъ, что вы въ этомъ важномъ дѣлѣ поступили такъ осторожно. Любопытно знать, что митрополитъ Московскій скажетъ, прочитавъ примѣчательное письмо митрополита Кіевскаго. 30 Янв. 1857 г.».

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

А.

Августинъ св. уп. 198, 275, 345.

Августинъ (Виноградскій), архіеп. Моск. уп. 21, 31. 57. 146, 194, 248.

Августинъ (Сахаровъ), еписк. Оренб. уп. 199; доносы его Синоду на Филарета (Амфитеатр.) 261—263.

Авраамъ (Шумилинъ), архіеп. Яросл. выз. въ Синодъ 100.

Авчинниковъ, чин. особ. пор. при Син. об.-пр. уп. 360.

Агаѳангелъ (Соловьевъ), ипси. Моск. акад.; донось его на перев. Библіи Павскаго и письмо о немъ м. М. Филарета 340.

Агриппина — имя, встрѣч. въ письмахъ юрьевск. архим. Фотія 305, 311.

Александра Павловна, в. к. уп. 30, 151, 265.

Александра Ѳедоровна, в. к. уп. 173, 177.

Александръ I; отнош. къ м. Амвросію 2—3; коронація 4; отнош. къ син. об.-прок. Яковлеву 5—6, 8; уп. 9—14; 16—17; приглаш. на службу кн. А. Н. Голицына 18; уп. 19; его заботы о поднятіи уровня духовенства 20—25; уп. 26, 27; присутст. при нареч. еп. Калуж. Ѳеофилакта 30—31; поручаетъ Г. Р. Державину разслѣд. Калужск. безпорядк. 33—34; уп. 36—37; поруч. Сперанскому составить планъ образованія правит. и судебн. мѣстъ въ Имперіи 38; вызовъ въ Спб. епарх. архіереевъ 39—40; уп. 42, 43, 50, 53, 54; повелѣваетъ Ѳеофилакту (Русан.) устройство, разорен. отъ франц. нашеств. епархій 63—64; уп. 67, 70, 81; жалуетъ грузинск. католикосу Антонію орд. Ал. Нев. 85; уп. 86, 88; повелѣнія его по устройству духовн. управл. въ Грузіи: 90, 91, 92, 94; 98—101. 103, 109; уп. 113; возвр. изъ-за границы 139; отказ. отъ наимен. „Благословеннымъ“ и благодар. всѣ сословія за подвиги и жертвы въ отеч. войну 141; указъ К. Д. У. о воспитаніи дух. юнош. 141—142; отпр. на Вѣнскій конгр. 143; жалуетъ рек. Спб. ак. Филарету бриллл. панагію 144; уп. 145, 147, 148, 151, 153, 154; отнош. къ мистикѣ и масонству 156; утвержд. докладъ объ открыт. въ Спб. Библ. Общ. 157 и принимаетъ званіе члена Общ. 158; уп. 159; повел. перев. на рус. яз. В. и Н. Завѣтъ 162—163; свиданіе съ Ю. Штиллингомъ и Кридперъ и Священ. союзъ 165—168; благодарств. рескриптъ К. Д. У. 171—172; пребываніе въ Москвѣ 173; уп. 178; увольн. м. Амвросія 183; возвр. въ Москву и отъѣздъ на конгр. въ Ахенъ 184; уп. 186, 187; даетъ средства на печ. сочин. Ястребцова 188; уп. 190, 191, 193; отнош. къ П. А. Кикину 196; уп. 197, 198; резолюція по дѣлу о книгѣ Станевича 199; уп. 200; отнош. его къ Линдлю, Госнеру и дух. союзу Татариновой 202—204; уп. 205; перемѣна въ его душевн. настроен. (письмо къ кн. Мещерск.) 206—207; предсмертн. письмо къ нему м. Михаила 210; уп. 211; повел. К. Д. У. имѣть собств. помѣщеніе 212—213; послѣдующ. отнош. къ г. Кридперъ 214—216; первая встрѣча съ юрьевск.

архим. Фотіемъ 221; закрыт. тайн. обществъ 223; ссылка Лабзина 224; сонзвол. напеч. катихизисъ 226; поруч. архіеп. М. Филарету составить манифъ. о престолонаслѣд. 227; уп. 228; отнош. къ Фотію 230—239; отнош. къ А. Шишкову 241; отклон. ходат. м. Серафима о закрытіи Библ. Общ. и о прекр. перев. Библіи 242—246; уп. 247; бесѣда съ Евг. Болховит. 250; уп. о его кончинѣ 256; уп. 281, 284, 286, 289, 309, 329.

Александръ II, уп. 173, 183, 270, 313—314, 337, 358, 361, 362.

Александръ III; экз. Грузін показыв. ему могилу Ософилакта (Русанова) 112.

Амвросій (Зертисъ-Каменскій) архіеп. Моск. уп. 1.

Амвросій (Келембетъ), юрьевск. архим., посвящ. въ еписк. Оренб. 31; уп. 261, 263.

Амвросій Медіоланскій уп. 275, 345.

Амвросій (Орнатскій), еписк. Старорусск. уп. 199, 248.

Амвросій (Подобѣдовъ) Спб. митр.; біограф. свѣд. о немъ 1—2; отнош. къ нему Алекс. I. 3—4; отнош. съ спн. об.-прок. Яковлевымъ 6, 8, 9; уп. 7; столкновеніе съ Яковлевымъ 11; характеристика его Яковлевымъ 13; письмо къ нему Д. Хвостова 16, М. м. Платона 17; его заботы о лучш. устр. дух. училищъ 20; назнач. член. въ Комит. объ усоверш. дух. учил. 21; пожалов. ему орд. Владиміра I ст. 24; назнач. член. К. Д. У. 25; дѣятельн. его какъ члена К. Д. У. 27, 28; уп. 31, 32; направл. ученую дѣят. Ософилакта Русанова 35; упом. 50; вноситъ въ К. Д. У. конспекты Фесслера 50 и заявляетъ о его удаленіи 51; покровит. Филарету (Дроздову) 54; упом. 56; предлагаетъ ректор. ак. архим. Филарету разсмотрѣть книгу Ансильйона 79; уп. 81; назнач. своимъ викарн. Варлаама, архіеп. Ахтырскаго 86; посвященіе архим. Досифея въ епископа 91—92; уп. 113, 116, 117; вноситъ въ К. Д. У. проэктъ ректор. ак. Филарета о пересмотрѣ устава дух. учил. 120, 121, 124; поручаетъ архим. Геннадію исправл. перев. книги Іерузалема 126; предлагаетъ на разсм. цензкомит. «Торжество Евангелія» 128 и его «особое мнѣніе» объ этой книгѣ 129; уп. 140; получ. рескриптъ за окончаніе 1-го акад. курса 141; поручаетъ Филарету составить послѣдованіе молебствія на день 25 Дек. въ воспом. отеч. войны 142; уп. 145. 146; письмо къ нему кн. Голицына объ освящ. своей церкви 157; избирается вице президент. комит. Библ. Общ. 162; поруч. ему, на время отсутств. кн. Голицына, сношенія съ министрами 173; увольн. его отъ Спб. епархіи и смерть его 183; уп. 184, 211, 237, 251, 282.

Амвросій (Протасовъ), архіеп. Казанск. уп. 73; отзывъ его о преподаваніи въ Казанск. дух. ак. 194; уп. 309.

Анастасевичъ В. Г. (библіографъ) письма къ нему Евг. Болховитинова 130, 193, 247—249.

Анастасій (Братановскій) архіеп. Могилевск. уп. 30; вызовъ въ Синодъ 49.

Анатолій (Максимовичъ) ректор. Спб. семинаріи; назнач. еписк. Полтавск. 61; разсм. книгу «Торжество Евангелія» 128; уп. 130.

Анатолій (Мартыновскій) архіеп. Могилев. уп. 256.

Анна Павловна, в. к. уп. 178.

Ансильйонъ, дѣло о его книгѣ 78—81; уп. 147, 151.

Антоній, грузинск. католикосъ, 84, свѣд. о немъ 85; вызовъ и прибытіе его въ Спб. 88; увольненіе отъ службы 89; дальнѣйшая судьба 90—91.

Антоній (Знаменскій) архіеп. Ярославск. уп. 109, 194; жалобы на него въ К. Д. У. Θеофана Александрова, и смерть его 209.

Антоній (Рафальскій) архіеп. Варшавск. назн. Спб. митроп. 342 уп. 346. уп. 355.

Аракчеевъ гр. А. А., уп. 14; письма къ Пукалову 81; уп. 100, 211, 214, 223, 228, 230; отзывъ о немъ Фотія въ «посланіи» къ Александру I. 231—232; уп. 233; вручаетъ А. І. «посланія» Фотія 236; устроиваетъ свиданіе Фотія съ А. І. 238; письмо къ Фотію 238—239; уп. 240; отнош. къ нему А. С. Шишкова 241; совѣщ. съ м. Серафимомъ и А. С. Шишковымъ о переводѣ св. книгъ 242; уп. 245, 248, 250, 270, 286, 289.

Аристотель, греч. фил. уп. 123.

Арндтъ Іоаннъ, мистикъ XVII в. уп. 154.

Арнобій, африк. риторъ IV в. уп. 352.

Арсеній, имя встрѣч. въ письм. Фотія 307.
Арсеній, послѣдн. гифлис. митрополитъ; удаленіе его 89.
Архаровъ, 2-й Моск. воен. губерн. уп. 36.
Ахматовъ А. П., об.-пр. Синода уп. 213.
Аѳанасій (Дроздовъ) ректъ. Спб. акад., назн. член. въ Комит. по разсмотр. учебн. пособ. по богословію 319; назн. ректоромъ Спб. дух. ак. и свѣдѣнія о его службѣ 336—337; распоряж. его въ академіи 337—338; реформа въ препод. богосл. наукъ 238; участіе въ дѣлѣ о перев. Библіи Павскаго 340; возводится въ сапск. Виницкаго и назнач. член. въ комит. по дѣлу Павскаго 342; назн. предсѣд. въ комит. по воспитанію дух. юношества 343; предлагаетъ объ увольн. изъ членовъ комит. М. Богословскаго 344 уп. 345; столкновеніе съ В. Б. Бажановымъ 346; переводъ его въ Саратовъ 347, панегирикъ ему Никанора, архіеп. Херс. 347—353.
Аѳанасій (Петрієвъ) архим. Квабтахебск. монаст. уп. 89, 96; помощ. Ѳеофилакта (Русанова) въ дѣлѣ устр. дух. упр. въ Грузіи; свѣдѣнія о немъ 104.
Аѳанасій (Протопоповъ), викарн. кіевск. поручается ему экзам. студ. Кіевск. акад. 250.
Аѳанасій (Соколовъ) архіеп. Казанск. уп. 255.

Б.

Багратіонъ И. К. кн. уп. 84.
Бажановъ В. Б., придв. протоіер., духовн. Пхъ Императ. Велич.; назнач. членомъ въ Комитетъ по разсмотр. учебн. пос. по богословію 319; свѣдѣнія о его службѣ и дѣятельности 336—337; отказыв. отъ предлож. гр. Пратасова—разсмотр. дѣло Павскаго 342; назнач. членомъ въ комит. по дѣлу Павскаго 342; назн. член. въ комит., по воспит. дух. юнош. 343 назн. депутатомъ въ дух. ак. на экзам. по богосл., докладыв. о результ. экзам. акад. конференціи и выходитъ изъ числа членовъ 345—346.
Бантышъ-Каменскій Н. Н. уп. 126, 283.
Баранова Ю. Ѳ. воспит. вел. княженъ (д. Н. І.) уп. 337.
Барбе Христіанъ, ювелиръ уп. 26.
Бартеневъ Ю. Н.—ссылки на его «записки» 18. 156. 167. 216. 222. 225. 245; уп. 284. 287.
Барятинскій кн. И. С., уп. 151.
Баташевы, ихъ процессъ о наслѣд. 14—15.
Баумгартенъ, проф. филос., уп. 122, 123.
Баумейстеръ, уп. о его учебн. философ. 252.
Бауръ, нѣм. учен. уп. 352.
Безобра, уп. о его сочинен. 35.
Безъеровъ—псевдонимъ Лабзина 155.
Беккарій, филос. уп. о его книгѣ 122—123.
Бемъ Яковъ, мистикъ XVII в. уп. 154, 155, 233. 240.
Бенгель, нѣм. теол. уп. 191.
Бенкендорфъ графъ, шефъ жанд. уп. 316.
Беркгеймъ, уп. 215, 216.
Бетанкуръ, ген.-лейт. уп. 148.
Бируковъ, цензоръ; преданъ суду по дѣлу о книгѣ Госнера 235.
Блеръ, шотл. свящ. и писат. уп. 123.
Блудовъ Д. Н., предс. гос. сов., уп. 177. 179. 181. 285. 349.
Богословскій М. И., протоіер.; назн. член. комит. для разсмотр. конспект. по семинарск. предмет. 335: назн. член. въ Комит. по воспит. дух. юнош. 343; увольненіе его изъ комитета 344.
Бонопарте Іеронимъ, король Вестфал. уп. 5.
Боровиковскій, художн.; уп. 204; его записка о собраніяхъ у Татариновой 225.
Боссюэтъ, франц. проповѣдн. уп. 199.
Бозцій римл., уп. 34.
Брискорнъ, ген., перев., книг. Госнера 228.
Бруккеръ, нѣм. учен. уп. 56. 252.
Буало, франц. поэтъ и крит. уп. 122; 123.
Бугеневденъ П., братъ Е. Ф. Татариновой и членъ ея дух. союза 204.
Буддей, нѣм. фил. и проф. богосл. уп. 273.
Бургій, уп. 252.
Булгаковъ, Моск почтдиректъ; уп. 285. 286.
Бюргеръ А. И., учит. Ревел. гимн.; издат. «Радуги»; сближеніе съ нимъ Магницкаго и свѣдѣнія о его службѣ 287.
Бюффонъ, натурал. уп. 122. 123.
Бѣлосельскій-Бѣлозерскій кн. А. М., послан. въ Дрезденъ уп. 264.
Бэда, св. 136.

В.

Вадковскій Ѳ. Ѳ., домовладѣлецъ уп. 157.

Валуевъ П. С., упр. кремлевск. экспедиціей, письмо его кн. А. П. Голицыну о пребываніи въ Москвѣ католикоса Антонія 90.

Варлаамъ, грузинск. архіеп. (изъ князей Эристовыхъ) уп. 85; его прибытіе въ Россію, опредѣленіе викарнымъ къ Спб. м. Амвросію 86; участіе въ устройствѣ дух. части въ Грузіи 87—88; отзывъ о немъ об.-пр. Яковлева 87; уп. 89; пожалованіе его митрополитомъ и экзархомъ Грузіи 90; управленіе Грузіей 92—93; жалобы на архіеп. Досиѳея 97—98; увольненіе его отъ всѣхъ должностей въ Грузіи и вызовъ въ Спб., въ Синодъ и дальнѣйш. свѣд. о его жизни 100—101 уп. 109.

Варлаамъ (Успенскій) епископ. Чигиринскій, викарн. Кіевск. митроп.; назначается член. комитета по дѣлу Павскаго 342.

Варлаамъ (Шишацкій), архіеп. Могилев. и Витебск.; дѣло о его присягѣ Наполеону I. 69 — 73; приговоръ Синода 76—77.

Варнава, ап. уп. 352.

Васильчиковъ кн. И. В. ген.-адъют. уп. 316.

Вельяминовъ, ген-лейт., заступ. мѣсто Ермолова во время его отсутствія изъ Грузіи 107, 110.

Венедиктъ (Григоровичъ) епископ. Ревельск., назнач. предсѣд. комит. при Спб. д. ак. для разсмотр. конспект. по семинарск. предметамъ 319.

Вигель, ссылки на его «Записки» 4. 14. 154. 165; отзывъ его о В. М. Поповѣ 176; характеристика А. И. Тургенева 181; описыв. состоянія общества въ концѣ царств. А. I. 227; характеристика кн. А. П. Голицына 282—283.

Вилламовъ, уп. 178.

Виландъ, нѣм. поэтъ уп. 181.

Винклеръ, его руков. по философ. 252, 337.

Виссаріонъ, митроп., управл. въ Мингреліи Чкондидской епархіей 105.

Виталій, архим., инсп. Калужск. сем.; назн. ректор. Тифлис. семин. 101.

Виталій, ректор. Спб. дух. ак. переводится викари. къ М. м. Филарету 317.

Виттъ, графъ, начальн. поселен. резерв. кавалеріи уп. 287.

Владиміръ (Ужинскій), еп. Курскій уп. 280.

Воейковъ А. Ѳ. писат. письмо къ А. И. Тургеневу «о литерат. направл.» 177. 181. 182. 206. 288.

Войцеховичъ А. И., назн. член. въ комит. по дѣлу Павскаго, 342. уп. 355.

Волконскій свѣтл. кн. П. М., ген.-фельдм. 111. 230.

Воронцовъ гр. А. Р. гос. канц. назн. член. для разсм. Калужск. безпорядк. 33.

Воронцовъ гр. М. С., управл. Новороссійск. краемъ уп. 287. 288.

Вяземскій кн. П. А., уп. 177; его разсказъ о А. И. Тургеневѣ 179; характ. А. И. Тургенева 180; уп. 285; отзывъ А. И. Тург. 286.

Вязмитиновъ—главноком. въ Спб.; сноситъ съ Каверинымъ о вызовѣ Смоленск. преосвящ. 66; конфискуетъ книгу Станевича 199.

Г.

Габлицъ, сенат. вицепрезид. Библ. Общ. 158.

Гавріилъ (Бодони) Кіевск. митропол. біограф. свѣдѣнія 3; уп. 227.

Гавріилъ (Городковъ) ректор. Нижегор. семин., письмо къ нему Филарета (Дрозд.) 211. уп. 342.

Гавріилъ (Петровъ), Спб. митроп. удаленіе его отъ управл. Спб. и Новг. епарх. и смерть его 2; уп. 4. 29, 85, 145.

Гавріилъ (Розановъ) архим., ректоръ Вологодск. сем., впослѣдств. архіеп. Херсонскій и Тверской, свѣд. о немъ 210; письмо къ нему Филарета (Дрозд.) 249.

Гаій (Токаовъ), епископ. Пензенск. и Сарат.; вызовъ его въ Синодъ 40, 87.

Галаховъ П., правит. дѣлъ К. Д. У., свѣдѣн. о его службѣ 170, уп. 171; назнач. член. К. Д. У. 186, увольн. отъ должн. 238 уп. 250.

Гедеонъ (Вишневскій), епископъ Полтавскій, уп. по дѣлу Павскаго 343 уп. 345.

Гейнротъ, уп. о его книгѣ 283.

Геннадій, архимандр., цензоръ уп. 126. 128.

Георгій, послѣдн. царь Грузіи 84.

Георгій—имя, встрѣч. въ письм. Фотія. 246.
Гербель Н. уп. 188.
Гермогенъ, іеромон., назнач. баккалавр. богослов. въ Моск. д. акад. 139.
Герценъ А. И.; свѣдѣн. о немъ 5.
Гёте нѣм. поэтъ, уп. 181.
Гіонъ г-жа, мист. XVIII в. уп. 39, 154, 198, 233, 240.
Глаха Николай, жит. гор. Кана уп. 98.
Глуховъ, полковн. уп. 67.
Гнѣдичъ Н. И., уп. 187.
Голицына кн. А. С., свѣд. о ней 215; сближеніе съ г-жею Крюднеръ 215—217.
Голицына кн. Н. Д., уп. 316.
Голицынъ кн. А. Н. об.-прок. Синод. уп. 12; доклад. А. І. о дѣлѣ колл. сов. Сорокина 16; назн. об.-прокур. 17; біограф. свѣд. о немъ 17—18; перемѣна въ его душевн. настр. 19; взглядъ на м. Амвросія 20; назн. член. комит. объ усовер. дух. учил. 21; дѣят. его какъ члена комит. 22; уп. 24; назнач. член. К. Д. У. и дѣятельность его въ ней 25—27; объявл. Синоду о вызовѣ въ Спб. епарх. архіереевъ 39—40; просить Фесслера сообщить свои замѣчанія о постановкѣ учебн. дѣла въ Спб. дух. ак. и сообщаетъ ихъ въ К. Д. У. 47—49. уп. 50 сообщ. К. Д. У. о назн. Фесслера въ комм. законовъ 51; старается привлечь Сперанскаго къ участію въ К. Д. У. 54; его увлеченіе проповѣд. Филарета (Дроздова). 54 уп. 58; письма къ нему Ѳеофилакта (Русанова) о положеніи разорен. французами епархій 66—67; 72—76; уп. 79; докл. А. І. дѣло о книгѣ Ансильйона 80; получаетъ отъ Ѳеофилак. (Русанова) проповѣдь по случаю взятія Парижа и сообщаетъ ему мнѣніе о ней К. Д. У. 81—83; дѣйствія по устройству духовн. части въ Грузіи 85, 86, 88—91, 93, 94, 97, 108, 110, 111; предлагаетъ въ члены К. Д. У. архіеп. Серафима и Михаила и архим. Филарета (Дроздова) 113; особенное вниманіе его къ Филарету (Дроздову) 117; уп. 126, увѣдомляетъ Л. Энгельгардта о судьбѣ его книги 131; представляетъ А. І. проэктъ К. Д. У. пересмотра устав. семин. и духовн. учил. 139 уп. 140, 141; его душевн. настр. 156—157; выбирается президент. комитет. по управл. дѣлами Библ. Общ. 158 дѣятельн. его на этомъ поприщѣ 159; уп. 160 объявл. Синоду повелѣніе А. І. перев. на русск. яз. Библію 162 уп. 163. 164; его разсказъ объ отношеніяхъ А. І и г-жи Крюднеръ 167; назнач. опекуномъ въ комит. опекунства иностранцевъ христіанъ 168; поруч. ему испр. должн. мин. нар. просв. 169; объявляетъ Синоду Высоч. пов. объ устройствѣ дух. учил. Кіевск. округа 170; предлагаетъ К. Д. У. удовлетворять свои потребности движеніемъ собств. капиталовъ 171. 172; отъѣздъ въ Москву 173—174; уп. 175, 176, 177, 182, 183; ходат. о назн. Галахова член. К. Д. У. 186; протежир. Ястребцову 187—188; ходат. о возобновл. «Сіонск. Вѣсти.» 189—190; рѣзкое письмо къ нему Иннокентія 192; подчин. «Сіонск. Вѣсти.» дух. цензурѣ 193; рекоменд. Филарета (Дроздова) для присут. на экз. въ Моск. дух. ак. 193—194; столкновеніе съ духов. цензурой и удаленіе цензора Иннокентія 195—200; враспол. къ нему м. Михаила 201; увлеченіе его Линдлемъ, Госпером и дух. союз. Татариновой 202—204 уп. 205, 209, 210; объявл. волю Госуд. о пріобрѣт. К. Д. У. собств. дома 212—213; уп. 214; посѣщ. собранія Крюднеръ 215—216; уп. 217; знаком. съ Юрьев. архим. Фотіемъ 220 и бесѣды съ нимъ 221—222; письмо къ нему Фотія 222—223; письмо къ нему Лабзина и отв. его 224; вражд. отн. къ Серафиму 225. уп. 227—229, [231, 233; выходка противъ него Фотія 234—235; Высочайшее повелѣніе объ установленіи цензуры книгъ на русск. языкѣ, касающ. предмет. вѣры 236; увольненіе его отъ должн. мин. дух. дѣлъ 237 и члена К. Д. У. 238; его разсказъ о А. І. (чтеніе св. пис.) 245; уп. 250, 265, 270, 271, 280; положеніе его при И. І. 281; характерист. его Папаевымъ, Морошкинымъ, Вигелемъ 281—283; его смерть 283, уп. 284—286; Магницкій проситъ его о переводѣ его изъ Ревеля и отвѣтъ князя 287. уп. 309. 312, 330.
Голицынъ кн. Д. В. Моск. воен. ген.-губ. уп. 312.
Голицынъ И. А., уп. 215.
Голицынъ кн. Н. Н. уп. 217.
Головинъ Е. А., ком. Егерск. полка, впослѣд. главноком. въ Грузіи и ген.-губ.

Рижскій; сближеніе съ Татариновой 224—225 уп. 284.
Голохвастова, уп. 5.
Голохвастовъ Д. П., уп. 5.
Голубевъ протоіер. уп. 128.
Голубовичъ М., Витенск. архим., перевод. катихизисъ на польскій яз. 329.
Голубцовъ, госуд. казначей, письмо его кн. кн. А. Н. Голицыну 22.
Гомеръ, уп. 187.
Гомзинъ Григ., свящ. домовой церкви кн. А. Н. Голицына 157.
Горацій, рим. поэтъ 123.
Горскій А., ученикъ Костр. семин. уп. 277.
Горскій А. В., письмо къ нему Филарета (еп. Рижск.) 338.
Госнеръ патеръ, прибываетъ въ Спб. 202, его конференціи 203 уп. 214; издаетъ свою книгу: «Geist des Lebens» etc 228; уп. 230, 231, 233; судьба его книги 235; высылка его 236; уп. 237, 241, 244, 283.
Гречъ Н. И., уп. 202; разск. о собраніяхъ у Госнера и Линдля 203; уп. 228, 229, 236, 237, 283, 286.
Григорій XVI, папа Римскій 349.
Григорій Великій, уп. 275.
Григорій, архим. Табанскій, агитируетъ противъ дѣйств. Особилакта (Русап.) 106; удаленіе его изъ Имеретіи 110.
Григорій. констант. патріархъ; его мученич. кончина 216.
Григорій (Постниковъ), ректъ. Спб. дух. ак. (впосл. Спб. митр.) уп. 196; назнач. член. К. Д. У. 212; отказъ его отъ составленія обличит. на книгу Госнера 230; поручается ему экзам. студ. Спб. дух. ак. 250; отчетъ его объ этихъ экзаменах.; разсм. диссерт. Кіевск. студент. 255; перев. въ Рязань 268; уп. 314, 315. назн. Спб. митр.; характерист. его и его дѣятельн. 360, 361.
Григорій (изъ кн. Чикуановъ) архіеп. Чанпскій епарх. 105.
Громовъ П., ректъ. арм. сем. 148.
Гротъ Я. К., вице-пред. И. Ак. Наукъ 34. 150.
Гуріель Мамій, послѣдн. владѣт. кн. Гуріи 97.
Гурьевъ гр., мин. фин. 65, 223, 230.

Д.

Давидъ, (изъ кн. Церетелей) митр. въ Имеретіи), 110, 111.
Даву, франц. маршалъ 72.
Дадіанъ Леванъ кн. Мингрелін, ген.-лейт. 97. 104.
Дадіанъ кн. Григорій 97.
Данауровъ, сенат. уп. 158.
Даниловъ, об.-секр. Синода 24.
Даниловъ, правит. дѣлъ К. Д. У. его увольненіе 170.
Данковъ, Сергіевск. протоіер. 148.
Дашковъ, 179, 181.
Де-Жерандо, его ист. философ. системъ 56.
Демидовъ, гл. нач. воен. учебн. завед., запрещ. воспитан. чтеніе Библіи 278—279.
Державина Д. А., жена поэта; отношенія ея съ Фотіемъ (письма) 182—183, 295—296; уп. 220, 304, 305.
Державинъ Г. Р., поэтъ, уп. 14; разслѣд. Калужск. безпорядки 33—34; стихотв. переписка съ об.-свящ. Державинымъ 149—150; уп. 155, 188.
Державинъ И. С., об.-свящ.; назнач. член. въ Комит. объ усовершн. дух. учил. 21; уп. 24; назн. член. К. Д. У. 25; уп. 50; подаетъ особое мнѣніе о книгѣ Ансильйона 79—80; уп. 109, 113, 129, 140, 145; біографич. свѣдѣнія о немъ 146; дѣятельн. его въ К. Д. У. 147—148; стихотв. переписка его съ Г. Державинымъ 149—150; уп. о его смерти 261.
Джунковскій С. С. уп. 157.
Дибичъ-Забалканскій гр. уп. 316.
Дибичъ И. И., баронъ, 279.
Дидро, энциклоп. 123.
Димитрій Сулима, Кишинев. архіеп.; вызовъ въ Синодъ и свѣдѣнія о немъ 237.
Димитрій Св. м. Ростовск. уп. 254.
Діонисій, от. церкв. 123.
Діонисій Ареопагитъ уп. 352.
Дмитріевъ И. И., уп. 177, 181, 182.
Долгоруковъ кн. уп. 89.
Досифей (Кутатель), м. Кутаис. уп. 107, 108 удаленіе его изъ Имеретіи и смерть его 110.
Досифей, (изъ дворянъ Пицхелауровыхъ) архіеп. телавск. уп. 86; св. о немъ 88; уп. 89: недовольств. своимъ положеніемъ 91; посвящ. въ еписк. Горійскаго 92; представл. проэктъ устройства дух. части въ Грузіи и Имеретіи 93—94; возводится въ архіеп. Телавскаго 94; миссіонер. дѣятельн. его 95—96, жалобы

на него мѣстн. князей 97. Ермоловъ доноситъ Госуд. о его дѣйствіяхъ 98—99; вызыв. для пребыванія въ Москвѣ 100; его увольн. 101; уп. 104, 106.

Дюмарсе, французскій грамматикъ, уп. 122, 123.

Дю-Туа, мистикъ XVIII столѣтія, уп. 154, 198.

Е

Евагрій, церк. истор., уп. 253.

Евгеній (Болховитиновъ), письма къ В. Македонцу 2—4, 9, 17; уп. 20; письма къ Макед. 86, 87; къ Анастасевичу: 130, 193; вызовъ его въ Синодъ: 242, 246; поздр. письма А. Шишкова и а. Фотія 246—247; его кабинет. занятія 247; отношеніе къ петербургск. событіямъ 248 и къ преобр. дух. училищъ 249; предст. Государю 250; присут. на экз. Спб. дух. ак. 253—254; недовольство Кіевск. ак. и письма къ ея ректору 254—255; уп. 256, 259; возвращ. въ епархію 261.

Евгеній (Булгаръ), архіеп. славянск. и херсонск. уп. 35.

Евгеній (Казанцевъ), іером., бакк. филос. 45, 47.

Евграфъ (Платоновъ-Музалевскій), архим. ректъ. Спб. дух. ак., хлопочетъ о переводѣ Филарета (Др.) проф. въ академію 46.

Евлампій (Введенскій), архіеп. Калужск., уп. 65.

Евсевій, церк. писат. 253.

Евсевій (Ильинскій), ректъ. Кіевск. семин. 344.

Евѳимій (Генитель), митр. Гаенатскій, уп. 108; удаленіе его изъ Имеретіи и смерть его 110.

Егорова Матрена 15.

Екатерина II; отнош. къ Амвросію Подобѣдову 1—2; опредѣляетъ кн. А. Н. Голицына въ пажеск. корп. 17. уп. 36; жалуетъ грузинск. католикосу титулъ члена Св. Синода 84; уп. 151; положеніе мистицизма въ ея царствованіе 154; уп. 226, 229.

Екатерина Павловна, в. к. уп. 228.

Елевѳерій, архим., уп. 104.

Елена Павловна, в. к. уп. 30.

Елизавета Алексѣевна, Имп., супр. А. I., уп. 18, 151, 165, 166.

Ермоловъ А. П., ген. отъ инф.; его мнѣніе о дозволеніи груз. католикосу возврат. въ Грузію 90; назнач. главноком. въ Грузіи 97; рапортуетъ Госуд. о дѣйств. архіеп. Досифея 98—99; уп. 100, 104, 105; письмо кн. Голицыну о положеніи дѣлъ въ Грузіи 108—109; письмо къ Ѳеофилакту объ удаленіи изъ Имеретіи м. Досифея и Евфимія 110; письмо кн. Голицыну о проэкт. Ѳеофилакта 111; уп. 229.

Ефремъ, имя, встрѣч. въ письм. Фотія 308.

Ефремъ (Діаковскій), іером., учит. Кіевск ак. 151.

Ж

Желтухинъ, ген.; Ник. I поруч. ему обозрѣть состояніе Казанск. универс. 287.

Женнингсъ, уп. о его книгѣ 35.

Жихаревъ, уп. 14.

Жуковскій В. А., поэтъ, уп. 177; переписка съ А. И. Тургеневымъ 177—180; уп. 181, 182; письмо Булгакову о смерти Тургенева 285—286; отнош. къ В. Б. Бажанову 337.

Жулковскій Н. Д., уп. 158.

Журихинъ, об.-секр. Синода, испр. должн. кн. Голицына, во время его отсут. 173.

З

Зубовъ гр. В. А., уп. 33.

И

Ивановъ Алексѣй, крестьянинъ, уп. 15.

Игнатій Богоносецъ, уп. 352.

Измайловъ, секр. Синода, 315.

Иліодоръ (Чистяковъ), архіеп. Курск. 345.

Илья, кучеръ А. I, уп. 223.

Иннокентій (Борисовъ) ректъ. Кіевск. ак., поздравит. письмо его къ гр. Пратасову съ назн. его об.-прок. 316—317.

Иннокентій (Сельпокрыновъ), викарн. М. м. Филарета, уп. 152, 277—280.
Иннокентій (Смирновъ), ректъ. Спб. семин., ценз. филос. «де-Жерандо» 57, «Торжество Евангелія» 130; замѣчанія и мнѣнія его о пересмотрѣ семинарск. и учил. уставовъ 132; избр. директ. комит. Библ. Общ. 162; кн. Голицынъ предлаг. его въ члены главн. правл. училищъ 169; его борьба съ мистицизмомъ 190—193; уп. 195; столкновеніе его съ кн. Голицынымъ по дѣламъ цензуры 196—199 и удаленіе въ Пензенск. еп., 200; смерть его 201; уп. 217; располож. къ Фотію 218; письмо кн. Мещерской 218—219; реком. гр. Орловой арх. Фотія въ дух. отцы 219 уп. 237, 248, 293, 309.
Ираклій 2-й, предпосл. царь Грузіи, признаетъ верх. власть Россіи, 84 уп. 90.
Ириней св., еписк. Ліонск. уп. 345.
Ириней (Клементьевскій), архіеп. псковск., дух. писат. 24.
Ириней (Фальковскій), архіеп. Смоленск., уп. 65—67, 69; 70, 75, 116, 253.
Исаевъ, священ., уп. 14.
Исидоръ Петровичъ, протопресв., духовн. Павла I, свѣдѣнія о немъ 145—146 уп. 151.
Исидоръ (Никольскій), Спб. митрополитъ, уп. 255.

І

Іеронимъ св. уп. 136, 275, 345.
Іерусалемъ, нѣм. протест. проповѣди., 125—127.
Іоаннесовъ, типогр., уп. 79, 125, 199.
Іоанновъ, (псевдон. Коссовича) 204.
Іоаннъ, архим. ректъ. Харьк. сем. 335.
Іоаннъ, митроп. управляющ. Цагерейск. епарх. (въ Мингреліи) 105.
Іоаннъ (Бодбель)—митр. Сигнахскій 91, 102, 112.
Іоаннъ Златоустъ 198, 345.
Іоаннъ (Красовскій), Полоцкій уніатск. архіеп. 72.
Іоаннъ (Соколовъ), бакк. 343, затѣмъ архим., инспект. Спб. акад., цензура его статей и выговоръ гр. Пратасова; назн. ректъ въ Казань 356—357.
Іоасафъ (Покровскій) іером. бакк., впослѣд. инсп. Спб. дух. ак., 335, 343.
Іоасафъ (Шестаковскій), іером. уп. 151.
Іовъ, іером. законоуч. Морск. корп.; упом. о его фанатизмѣ, 192, 218, 291.
Іона, архим. ректоръ Екатеринослав. сем. 343.
Іона (Васильевскій), архим., ректъ. Калужск. сем., впослѣдст. митроп., экзархъ Грузіи, назн. инспект. Спб. дух. акад. 46, 49 обозрѣв. нравств. и экон. части Спб. семинаріи 59; назнач. въ Тамбовъ 61, 314.
Іона (Шавинскій), архіеп. Тверской пожалов. членомъ Святѣйшаго Синода 228.
Іосафатъ (Булгакъ), греко-уніат. митр. приглашается въ К. Д. У. 314—315.
Іосифъ (Жельвовичъ), канонникъ, присланн. изъ Рима въ Саратовъ 349.
Іосифъ (Сѣмашко), Литов. еписк. приглашн. въ К. Д. У. 315; гр. Пратасовъ проситъ его поручить к. л. переводъ на польскій языкъ катихизиса 328—329.
Іосифъ Флавій, іуд. истор. 352.
Іустинъ, ректъ. Черниг. сем. уп. 319.

К

Каверинъ П. Н., Калужск. губерн., Кутузовъ поручаетъ его управленію Смоленск. губ. 65—66, уп. 67, 68, 73, 75, 76.
Казимирова, Авдотья уп. 13.
Камюве, уп. о его книгѣ 35.
Каподистрія гр. І. А., греч. президн., русск. мин. ин. дѣлъ, 163; оставляетъ русскую службу 216.
Карамзинъ Н. М., историкъ, 177; письмо къ Жуковск., А. Турген. 179; уп. 287.
Карасевскій А. И. назн. правит. дѣлъ К. Д. У. 314; уп. 321, 335; участіе въ дѣлѣ о Павскомъ 340—342; уп. 344, 348—350; его дѣятельность, какъ дир. дух.-уч. управл. 355; поручается ему исполненіе оберъ-прокур. должности и смерть его 357—358.
Карнѣевъ Е. В., переводч. Дю-Туа 198.
Карнѣевъ З. Я., мистикъ; письма къ нему Лабзина 190, 203 уп. 237.
Карповъ В. Н. проф. Спб. дух. акад. 256, 337.
Карышевъ Ал-й, об. свящ. 1-й арміи свѣд о немъ 267.

Квинтиліанъ, римск. ритор., уп. 123.
Кикинъ П. А., ст.-секрет. у принят. прош. 196, 199.
Кипріанъ, от. церкв. 275, 345.
Кириллъ (Богословскій-Платоновъ), архимандр., ректъ Москов. акад., 209.
Кириллъ (Флоринскій), іером. 151.
Киркаръ, одинъ изъ депут. Могил. губ. для встрѣчи Наполеона I 72.
Киселевъ гр., мин. госуд. имущ. предлаг. ввести въ семинаріи сельск. хоз. и медицину 320.
Кифа, игуменъ Клопск. мон.; м. Серафимъ поручаетъ ему наблюдать за Юрьевск. архим. Фотіемъ 302—303; свѣдѣнія о немъ 302—303; письма о немъ Фотія митроп. Серафиму и графинѣ Орловой 303—304.
Клейнмихель, ген.-адъют., уп. 279.
Ковалевскій Е., уп. о его книгѣ 285.
Козодавлевъ О. П., мин. вн. дѣлъ, выб. вице-президъ. Библ. Общ. 158; исправляетъ должн. кн. Голицына по управл. дѣл. иностр. испов. и по мин. народн. просв. 173; уп. 186.
Кокошкина, фрейлина, 279.
Кологривова, (мать кн. А. Н. Голицына) уп. 17.
Кологривовъ, капитанъ гвард., уп. 17.
Колосовъ Стахій, протоіер. уп. 61.
Коновницынъ, ген.-лейт. уп. 67.
Константинъ Великій уп. 125, 191.
Константинъ Николаевичъ в. к. 237.
Константинъ Павловичъ в. к. уп. 17. манифъ. о расторж. его брака 209; уп. 219, 286, 287.
Коропатскій Симеонъ свящ., 151.
Корфъ М. А., баронъ упом. 38, 59.
Коссовичъ, штабъ-лекарь, послѣдов. Татариновой 204.
Котельниковъ Евлампій, основатель секты духопосцевъ, свѣдѣнія о немъ 239—240.
Кохановичъ, греко-уніат. митр. 159.
Кочеровъ, домовлад. 148.
Кочетовъ І. С., прот. 279. 342.
Кочубей гр. В. П., мин. вн. дѣлъ, предс. Гос. Сов. уп. 38; выбир. вице-президъ. комит. Библ. Общ. 158 уп. 223-224, 271.
Кошелевъ Р. А., об.-гофм., выбир. вице-президъ. ком. Библ. Общ. 158; уп. 167, 203, 223, 237, 292, 309.
Край, типограф., 235.
Краснопѣвковъ С. Ѳ., протопресвитеръ, духовн. А. І., назначенъ членомъ комитета объ усоверш. духовн. училищ. 21 уп. 25; біогр. свѣд. о немъ 145; уп. 146, 150, 151.
Криднеръ, баронъ, русскій посланникъ въ Венеціи, Копенгагенѣ, Берлинѣ, уп. 166.
Криднеръ, баронесса, жена предъидущ.; встрѣча съ ней А. І. и свѣдѣнія о ней 165—167; уп. 168; 204; прибытіе ее въ Спб. 214, сближен. съ кн. Голицын. 215; характерист. ея Фотіемъ 215; недовольство ею А. І. 216; отъѣздъ въ Крымъ и смерть ея 217.
Криницкій П. В., протопресвит., духовникъ А. І., назнач. член. К. Д. У. 25 уп. 50; разсматр. переводъ книги Ансильйона 78—80; уп. 109, 113, 140; свѣд. о немъ 151—152; отпр. въ Москву со Дворомъ 174; уп. 268, 280; уп. о его смерти 314.
Кристофовичъ, армяно-католич. епископъ, 159.
Крогеръ, одинъ изъ депут. Могил. губерн. для встрѣчи Наполеона I, 72.
Крыловъ Тим., переводчикъ Іерузалема, уп. 125, 128.
Кукольникъ Н. В., писат., отзывъ о Лабзинѣ 156; уп. 225.
Куракинъ кн. Ал-й Бор. вицеканцлеръ при Павлѣ I и А. І., затѣмъ послан. въ Вѣнѣ и Берлинѣ; приглашаетъ къ себѣ секретаремъ М. Сперанскаго 35—36 уп. 265.
Куртитовскій, ген.-м., правит. Имеретіи уп. 106.
Кусовникова, домовладѣлица, уп. 313.
Кустова Марія, дочь сект. Котельникова, свѣдѣнія о ней 239—240.
Кутневичъ, протопресвит., уп. 79, 209; назн. член. К. Д. У. 314; уп. 319; отказъ отъ предлож. гр. Пратасова разсмотрѣть дѣло Павскаго 342.
Кутузовъ кн. М. И. фельдм., поручаетъ Калуж. губерн. Смоленскую губ. 65; уп. 67, 188.
Кутузовъ П. В. уп. 170.
Кушелевъ гр. уп. 115.
Кушелевъ Е., ген.-лейт., гроссмейст. великой ложи Астреи, 214.

Л

Лабзинъ А. Ѳ. уп. 54. 131; его литер.-мистич. дѣятельн. 155—156; избр. дир. ком. Библ. Общ. и его участіе въ немъ 162; уп. 167; получ. разрѣш. на возобн. «Сіонск. Вѣсти». 189—190; отзывъ о немъ Фотія 191—192; устраив. у себя масонск. ложу 192; прекращ. „Сіон. Вѣст.“ 193 и переписка объ этомъ съ кн. Голицынымъ 202; письмо Карнѣеву о Линдлѣ и Госнерѣ 203; уп. 209, 218; выходка его въ конферен. акад. худ. и ссылка въ Сенгилей 223—224; письмо Голицыну 224; уп. 226, 233, 309.

Ланской В. С., мин. вн. дѣлъ; поруч. ему разсмотр. книгу Госнера 233; уп. 235.

Ласточкинъ Гурій, уп. 57.

Леванди Іоаннъ, протоіер.; уп. 146.

Левиковъ И. студентъ, уп. 50.

Левшинъ Ал—ръ, протоіер., уп. 146.

Лейбницъ, филос., уп. 137.

Леонидъ (Зарѣцкій), проф. Спб. дух. ак., уп. 32; вызовъ его изъ Калуги въ Спб., 45; Ѳеофилактъ (Русан.) предлагаетъ его въ ректоры 60—61; назнач. профессор. 61; К. Д. У. поручаетъ ему составл. учебн. по словесности 62; уп. 79, смерть его 81; уп. 132, 309.

Ливенъ, графиня, уп. 178.

Ливенъ гр. К. А., мин. нар. просв., уп. 158, 203, 337.

Литке гр. Ѳ. П., уп. 337.

Линдль, пасторъ, прибытіе его въ Спб., пріемъ его и высылка въ Одессу 202; уп. 203. 236.

Лобановъ-Ростовскій кн., Рижск. воен. губерн. 312.

Лонгинъ, филос. и ретор. изъ Аѳинъ, уп. 123.

Лопухинъ Д. Ард., Калужск. губерн.; его процессъ 33—34; уп. 40, 41.

Лопухинъ И. В., переписка съ Сперанскимъ 39.

Лопухинъ кн. П. В., уп. 33.

Лускина, агентъ франц. правит. уп. 70, 72.

Лѣнивцевъ А. А., уп. 158.

Люцернъ, уп. о его книгѣ 35.

М

Магницкій М. Л., представляетъ дух. цензурѣ «Историч. катихизисъ» 203; свѣдѣнія о его службѣ и его характеристика 204—206; переходитъ на сторону враговъ кн. Голицына 228—230; дальнѣйш. свѣдѣнія о немъ 286; высылка въ Ревель 287, въ Одессу 288; отзывъ о немъ А. Стурдзы и сатира Воейкова 288.

Магницкій Л., отецъ предъидущ., уп. 205.

Маевскій, уп. 72.

Макарій (Булгаковъ), архим. ректъ. Спб. семинар. уп. 145, 276, 310, 343.

Македонецъ В. И., уп. 2—4, 9, 17, 86, 87.

Маковецкій Янъ, уп. 70, 72.

Максимовичъ, маг. Спб. дух. ак., баккал. Кіевск. ак. 170.

Максимъ (Абашидзе), послѣдн. Имеретинск. католикосъ 84.

Маловъ А., свящ., проф. богосл. въ армейск. сем. уп. 73, 149.

Мальцева Соф. Серг. уп. 312.

Мальцевъ С. уп. 312.

Мансветовъ Гр. учит. въ армейск. семин., 79, 149. потомъ придворн. прот., свѣдѣнія о немъ 267—268;

Мансуровъ, флиг.-адъют. уп. 279.

Марія Ѳеодоровна, Импер., супр. Павла I; уп. 151—152; литерат. вечеръ у нея 178; разговоръ съ Фотіемъ 221—222; уп. 265.

Масловъ, директ. Моск. Опек. Сов., 16.

Массильйонъ, о его книгѣ 187, 188.

Матвѣевъ гр. А. А. уп. 184.

Маціевичъ, списк. Подольск. уп. 159.

Мачабеловы кн., жалоба ихъ на архіеп. Досифея 97—98.

Мейнерсъ, уп. о книгѣ 252, 259.

Мелетій (Леонтовичъ) назн. инсп. Кіевск. ак. 170; вносл. ректъ. Кіевск. ак. и архіеп Харьковскій, уп. 208; недовольство имъ Евген. Болховитинова 254—255.

Мердеръ К. В., воспитат. Имп. А. II, уп. 270.

Мещерская кн. Соф. Серг., испраш. Высоч. повел. на печат. на казенный счетъ сочин. Михаила Черниг. 169 уп. 199; свѣд. о ней 200; письма къ Иннокентію Смирн. о кн. А. Н. Голицынѣ 201; письмо къ ней А. I, 207; уп. 215; письмо къ ней Иннокентія 218—219.

Мещерскій кн. И. С. уп. 200.

Мещерскій кн. П. С., Синод. об.-прок., вы-

бир. дир. комит. Библ. Общ. 158; назн. член. въ «Комит. Олекунства израильск. христіанъ» 168—169; назн. об.-прокур. Синод. 184; свѣд. о его службѣ 184—186; уп. 199, 213, 229, 237, 250, 256, 257; сообщ. Синоду Высоч. повел. о составл. руков. по Зак. Бож. и катихиз. для военн. 259; уп. 260, 268; представл. Государю рѣшен. Синод. по дѣлу Клейн-михеля 280; уп. 312; увольн. отъ должности 313; уп. 314, 315, 319.

Мещерскій кн. С. В., отецъ предъидущ., уп. 184.

Меѳодій (Смирновъ), архіеп. Тверск. уп. 21, 24.

Милорадовичъ М. А. Спб. воен. ген.-губ. уп. 244.

Мининъ, открытіе памятника ему и князю Пожарскому въ Москвѣ 173.

Минихъ гр., ген.-фельдм. уп. 166.

Минуцій Феликсъ, римск. адвок., защитн. христіанства уп. 352.

Михаилъ (Голубовичъ), Бытенск. архим.; поруч. ему переводъ катихизиса на польскій языкъ 329.

Михаилъ (Десницкій), митр. Спб., уп. 76, 109; назн. член. К. Д. У. 113—114; біогр. свѣд. о немъ 114—116; уп. 117; утвержд. член. К. Д. У. и Св. Син. 142; избир. вице-президент. комит. Библ. Общ. 162; уп. 169; назн. Спб. митр. 184; характ. его душ. настр. 189; уп. 190—192; замѣчан. Иннокентію (Смирн.) по поводу письма его къ кн. А. Н. Голицыну 193; вноситъ въ Син. «проэктъ устава духовн. цензуры» 196; Филаретъ (Дросд.) проситъ его разсмотрѣть книгу Станевича 197; уп. 199; недовол. дѣйств. Голицына 200; нерасположеніе его къ кн. Голицыну и Филарету 201; проповѣди его и отношеніе къ нимъ кн. А. Н. Голицына 202; уп. 203, 207; сношен. съ Кіевск. митр. объ открытіи Кіевск. ак. 208; предсмертн. письмо его къ А. І. и смерть 210; уп. 211; поручаетъ Иннокентію переговоры съ Фотіемъ 218; просматрив. прош. Фотія 219; уп. 220, 226, 237, 283, 309.

Михаилъ (Леонтовичъ), см. Мелетій.

Михаилъ Павловичъ в. к. уп. 178, 266.

Моджугинскій П. А. протоіер., назн. чл. К. Д. У. и чл. Св. Син. 261; свѣдѣн. о немъ 266—267.

Моисей, назн. ректор. Кіевск. ак. 170, 208.

Моисей (Богдановъ-Платоновъ), ректор. Кіев. ак. 170, 208, впослѣд. викарн. Новгор.; м. Серафимъ поручаетъ ему наблюденіе за Юрьевск. монаст. 293—294.

Молчановъ, ст.-секр. уп. 14.

Монаковъ А. А. ген.-прокур. уп. 36.

Монтескье, филос.-полит. писат. 125.

Мордвинова В. П. уп. 13, 14.

Мордвиновъ Н. С. об.-коменд. Тобольска, дѣло о его бракѣ 14.

Морозовъ П. уп. 288.

Морошкинъ М. Я., характеристика кн. А. Н. Голицына 282.

Музовскій Н. В. протоіер., дух. Ихъ Вел. назн. член. К. Д. У. и Св. Син.; свѣдѣнія о его службѣ и жизни 264—266; исправл. должн. обер.-свящ. 267; уп. 268, 280, 314, 319.

Муравьева Ек. Ѳ. уп. 177.

Муравьевъ-Апостолъ уп. 244.

Муравьевъ А. Н., чин. за об.-прок. столомъ 315.

Муравьевъ М. Н., ст.-секр. уп. 9, 257, 260, 271.

Мурзакевичъ Н. Н. уп. 287, 288.

Мусинъ-Пушкинъ, об.-пр. Свят. Син. уп. 115.

Мякининъ, корнетъ Кавалерг. полка, оспарив. право наслѣд. незакон. дочери Мордвинова 13—14.

Н

Надлеръ, уп. о его книгѣ 166.

Назорбеговъ Соломонъ, граждан. г. Тифлиса 87.

Накропинъ Андр. духовн. кн. Голицына и свящ. его церкви въ Гаспрѣ 283.

Наполеонъ I уп. 25, 70—72, 74, 167, 237, 284.

Нарышкина В. уп. 309.

Наталья Алексѣевна в. к. первая супруга Павла I уп. 1.

Наумовъ И. уп. о его книгѣ 124.

Наумовъ И. М., придв. протоіер. 40.

Наѳанаилъ (Савченковъ), архим. ректор. Костр. сем. 343; впослѣд. еписк. Полт. уп. 255.

Недешовъ студ. уп. 49.

Нелединскій-Мелецкой Ю. А., сост. у принят. прош. при Павлѣ I. 115, 178

Нелидова Е. И. уп. 178.
Нечаевъ С. Д., Син. об.-прок., уп. 213, 287, 305; свѣд. о немъ 312; назнач. об.-прок. и обозрѣваетъ уніатск. епархіи 313; уп. 314; увольн. отъ должн. об.-прок. 315.
Никаноръ (Бровковичъ), архіеп. Херсон. панегирикъ его Аѳанасію Дроздову 347—353.
Никаноръ (Клементьевскій), еписк. Ревел. 266 (впослѣд. Спб. митроп.); назнач. баккал. въ Моск. ак. 139; назнач. ревиз. Тульск. и Рязанск. семинар. 209; назн. предсѣд. комит. по дѣлу Павскаго 342; назнач. вариг. архіеп. 342, 355, 360.
Никодимъ (Казанцевъ), ректор. Вятск. сем. вызывается гр. Пратасовымъ въ Спб. 321; разговоръ съ нимъ гр. Пратасова объ образованіи дух. юнош., 321—323; неудача его проэкта 334; перев. ректор. въ Херс. сем. 336.
Николай (Доброхотовъ), архим., ректор. Спб. акад., назн. член. въ комит. по разсм. учебник. богословія 319; назнач. предс. комитета по разсмот. конспект. сем. предм.; переводъ его въ Тамбовъ 335; уп. 336.
Николай I. уп. 173, 178; утвержд. проэктъ дух. ценз. 196, утвержд. новую форму магистр. крестовъ (по дух. ак.) 257; уп. 258; его расположеніе къ Филарету (Дроздову); повелѣваетъ Синоду изыскать способы къ лучшему образованію духовенства 260; уп. 266, 267; предпочтит. вниманіе къ мнѣніямъ Филарета 268; повелѣв. Синоду разсмотрѣть проэктъ объ улучш. дух. упр. 269—271; уп. 279; резолюція кн. Мещерскому по поводу разногласія въ мнѣніяхъ членовъ Синода 280; отнош. къ кн. А. Н. Голицыну 281; уп. 285; приказ. отправить Магницкаго къ мѣсту его службы 286. поручаетъ Желтухину обозрѣніе Казан. универс. 287.; отношеніе къ Фотію 288—289; уп. 305; посѣщ. съ Цесаревич. Св. Синодъ 313—314; уп. 315, 319; сочувст. его къ введенію въ семин. сельск. хоз. 320; уп. 321; утвержд. докладъ Пратасова о закрыт. К. Д. У. и о нов. устр. Высш. Управл. прав. дух. вѣдомства 334; назначаетъ В. Б. Бажанова законоучит. своихъ дѣтей 337; одобряетъ мнѣніе м. Серафима объ опасности перевода Библіи 341; утверж. докладъ Синода о Павскомъ 343; уп. 349. уп. 357.
Нитославскій уп. 70.
Новиковъ, мистикъ, уп. 114. 115.
Новосильцевъ Н. Н. ст.-секр. А. І., уп. 6, 10. 11, 12, 14, 34, 176.

О

Оболенскій уп. 237.
Обольяниновъ, ген.-прокур. уп. 8, 36.
Овенъ, секр. Брит. Библ. Общ., письмо къ Патерсону объ учрежд. въ Спб. Библ. Общ. 160—161.
Озерецковскій П. Я., об.-свящ.; свѣд. о немъ 146; уп. 147.
Оленинъ А. Н., вице-президент. ак. худ., уп. 54, 223.
Оригенъ, учит. церкви 136.
Орлова-Чесменская гр. А., А. уп. 191; совѣтуетъ м. Серафиму вызвать въ Спб. Фотія 217; уп. 218; проситъ Фотія принять ее въ его дух. руковод. 219; старается о вызовѣ Фотія въ Спб. 220; бесѣды ее съ Фотіемъ 220—222; уп. 234, 289, 290, 297, 298; переписка съ Фотіемъ 303—311.
Орловъ Я., инсп. и проф. армейск. семин., 148.

П

Павелъ I, уп. 1; отнош. къ Амвросію (Подобѣд.) 2; отставл. отъ службы кн. А. Н. Голицына 18; уп. 36; жалуетъ Варлаама, архіеп. Грузинск., членомъ Синода 86; уп. 115; назнач. своимъ духовн. Исидора Петровича 145; повел. протоіер. Самборскому отправиться въ Венгрію при в. к. Александрѣ Павловнѣ 151; награждаетъ его 152; уп. 176.
Павелъ (Зерновъ), архіеп. Казанс. 56. 57.
Павелъ (Пономаревъ), архіеп. Ярославск. уп. 3; увольн. отъ присутствія въ Синодѣ и характеристика его об.-пр. Яковлевымъ 13.
Павловъ А., камергеръ, чиновн. за об.-прок. столомъ, свѣдѣнія о его службѣ 229; уп. 235; назнач. член. К. Д. У. 250; уп. 268, 269; увольн. отъ службы 270; по-

сѣщаетъ, по порученію митроп. Серафима, Юрьевск. монаст. и Фотія 293.

Павскій Г. П. протоіер. уп. 79; отзывъ о немъ ректор. акад. Григорія Постникова 253; уп. 278, 337; доносъ на его переводъ Библіи 340; дѣло о немъ 341—343; уп. 351.

Пакатскій Г., свящ. уп. 124. 150.

Паленъ гр., 2-й Спб. губернат. 36.

Палладій (Раевъ), экзархъ Грузіи, (затѣмъ митр. Спб.), показываетъ Импер. А. III могилу Оеофилакта Русанова 112.

Палладій, имя встрѣч. въ письм. Фотія 308.

Панаевъ В. И., воспом. его о Лабзинѣ 155; свѣд. о его службѣ 188; уп. 202, 230; характер. кн. Голицына 281—282 уп. 287.

Параскева Н., имя, встрѣч. въ письм. Фотія, 304.

Парѳеній (Чертковъ), еписк. Владим. 137, назн. ректор. Виѳанск. сем. 139, 227, 311.

Пассекъ В., писатель, уп. 5.

Пассекъ Т. П., уп. о ея „Воспоминаніяхъ“ 5.

Патерсонъ, агентъ Брит. Библ. Общ.; прибыт. въ Спб. 157; дѣятельн. его въ Библ. Общ. 158—159; письма къ нему секрет. Брит. Б. О. Штейнкопфа 159; письма. Овена и Стевенса по повод. учрежд. въ Спб. Библ. Общ. 160—161 уп. 164. 175.

Паулуччи Ф. О. маркизъ, управлявш. Грузіей 91, затѣмъ рижскій ген.-губер. 215 уп. 271.

Певаровіусъ, секр. и дир. въ Библ. комит. уп. 203.

Перекусихина М. С., камеръ-юнгф. Ек. II; представл. Императрицѣ кн. А. П. Голицына 17.

Петръ I, уп. 30, 205, 271.

Петръ (Могила), митр. Кіевск. уп. 253, 327.

Пилецкій (Урбановичъ-Пилецкій) М. Е. дир. ком. опекун. израильс. христіанъ, 169. членъ дух. союза Татариновой 204, 235;

Пинкертонъ—агентъ Брит. Библ. Общ. дѣятельн. его въ Россіи 160, уп. 164; назнач. член. комит. опекун. израильск. христіанъ 168.

Питиримъ, архіеп. Нижегор., облич. раскола, уп. 254.

Питтъ, англ. наст. уп. 158.

Пицхелауровъ Г. возмущ. Кавскихъ жит. къ неповинов. 98.

Піучевскій свящ. уп. 71.

Платонъ, философ. уп. 123.

Платонъ (Городецкій), инсп. Спб. дух. ак. перев. ректор. Костр. семин., 317; назн. член. въ комит. по разсмотр. учебник. богосл. 319.

Платонъ (Левшинъ), митр. Моск.; уп. 3, 4; письма къ м. Амвросію 11, 17 (о кн. Голицынѣ); 20 (о реформѣ дух. учил.); отзывъ его о Оеофилактѣ (Русановѣ) 31; отнош. къ нему Ѳеоф. Рус. 32; ходат. объ опред. Филарета (Дрозд.), ректор. Троицк. семин. 47; уп. 56, 86, 114, 116, 119; письмо къ м. Амвросію (о награжд. бѣл. дух. митрами) 145—146; письмо пр. Августину объ об.-свящ. Державинѣ 146; уп. 276.

Плахотинъ, прокур. Верх. Груз. правит. доноситъ мин. юст. о дѣйств. католикоса Антонія 87.

Плещеевъ С. И. уп. 115, 177.

Плиній уп. 352.

Пожарскій кн.; открыт. памятн. въ Москвѣ 173.

фонъ Поль, цензоръ, преданъ суду по дѣлу Госнера 235.

Поликарпъ св., еписк. Смирнск. уп. 352.

Полнеръ, над. сов. назн. юрисконс. при Спб. об.-пр. 360

Понятовскій уп. 72.

Поповъ В. М., секрет. Библ. Общ. 158; чл. Переводн. комит. 162; уп. 164; назн. президент. комит. опекунств. израильск. христіанъ 168, 169; назн. дир. департ. нар. пр.; свѣдѣн. о его службѣ и его характеристика 175; уп. 186; перевод. пропов. Линдля 202; уп. 203; его фанатизмъ 225; перев. книги Госнера 228; пред. суду за этотъ переводъ 235; уп. 237; результ. процесса о книгѣ Госнера 241; уп. 244; ссылка его въ монастырь 283—284.

Порфирій. фил. алекс. школы 352.

Потемкинъ свѣтл. кн. Г. А., уп. 229, 3, 85.

Потемкинъ П. С., команд. войск. въ Астрах. губ.

Потемкинъ гр. С. П., уп. 80, 210, 212.

Пратасовъ гр. Н. А., назн. член. К. Д. У. и Синод. об.-прок. 315; свѣд. о его службѣ 315—316; посѣщ. Спб. дух. ак. 317; мнѣніе его о постановкѣ образованія въ дух. учил. 318 и распоряженія по этому поводу К. Д. У. 319; недовольство его К. Д. У. 320; предст. И. I докладъ о пересмотрѣ устав. дух. учил. 321; вы-

зыв. ректор. Вятск. семин. Никодима 321; взглядъ его на дух. семин. 322—323; поруч. Филар. Др. переводъ «Грамоты Вост. Патріарх.» и дополненіе катихиз. 328; проситъ лит. еписк. Іосифа о перев. катихиз. на польск. яз. 328—329; представляетъ Н. І. докладъ о нов. устр. Высш. Упр. дух. учил. и о закрытіи К. Д. У. 329—334; характ. его реформ. дѣятельн. 334; пересмотръ семин. учебн. 334—335; вводитъ въ семин. сельск. хоз. и мед. 335; назначен. Аѳанасія Дрозд. ректор. акад. 336—337; проситъ М. м. Филарета дать отзывъ о герменевтикѣ Аѳанасія 338—339; поручаетъ Карасевскому дознаніе по дѣлу Павскаго 340—341; предлаг. Бажанову и Кутневичу разсмотрѣть дѣло Павскаго 342; уп. 343, 344; присыл. на разсм. М. М. Филарета конспекты, составлен. комит. по воспит. дух. юнош. 345; перев. Аѳанасія Дроздова въ Саратовъ 347; уп. 348, 349; отнош. съ синод. членами 355; посѣщ. Спб. дух. ак. 356—357, смерть его 357.

Прозоръ, одинъ изъ депут. Могилевск. губ. для встрѣчи Наполеона I 72.

Простодумовъ, псевд. Магницкаго 287.

Протопоповъ И. студ. уп. 49.

Пукаловъ И. А., об.-секр. Синода, уп. 7; его увольн. 12; его служебн. дѣятельн. 13; ведетъ дѣло о бракѣ Мордвинова 13—14; ведетъ дѣло Баташевыхъ 14—15; «Сорокинское дѣло» 15—16; письма къ нему Аракчеева 81.

Пушкинъ А. С., поэтъ, уп. 177, 285.

Пушновъ Аверкій, протоіер. уп. 344.

Р

Разумовскій гр. А. К. мин. нар. просв., останавливаетъ печатаніе книги Іерузалема 126—127; выбир. вице-президент. комит. Библ. Общ. 158; его отставка 169.

Райковскій А., священ., законоуч. Спб. унив. 343.

Рамбахій, уп. о его книгѣ 251.

Расинъ, франц. траг. поэтъ, уп. 196.

Резановъ, об.-прок. Сената, уп. 36.

Рейнботъ, генер. сун.-интенд., уп. 158.

Ренанъ, франц. филолог. и историкъ 352.

Ролленъ; франц. профес., уп. 123.

Романовъ П., студ., уп. 49.

Ростиславовъ Д. И., проф. Спб. дух. ак. 317.

Ростопчинъ гр. Ѳ. В., письмо кн. П. Д. Циціанову о Калужск. безпорядк. 33—34.

Ртищевъ Н. Ѳ., ген. отъ инф., главноком. въ Грузіи уп. 95; его образъ дѣйствій и увольненіе 96—97.

Румянцовъ гр. Н. П., уп. 33, 177.

Румянцовъ гр. П. А., фельдм. уп. 184.

Руничъ Д. П., попечит. Спб. учебн. окр. 203; характер. его и сатира Воейкова 206, уп. 237.

Русановъ Гр. братъ Ософилакта Рус. и письмоводитель его 66.

Руско, архитект. уп. 22.

С

Сабанскій, одинъ изъ депут. Могилевск. губ. для встрѣчи Наполеона I, уп. 72.

Савва (Тихомировъ), архіеп. Тверск., ссылки на его изданія 210, 249, 340 и 343.

Савицкій, об. секр. Син. уп. 7, 8.

Саллюстій, уп. 352.

Саломонъ П. И., назн. упр. син. канц. 359—360.

Салтыковъ гр. Н. И. 1-й Моск. воен. губ., ген.-фельдм., предсѣд. Госуд. Сов. уп. 14, 36, 139, 140.

Самборскій А. А., протоіер., свѣд. о немъ 151—152; передаетъ свое мѣсто Музовскому 265.

Свербеевъ Д. Н., его записки о «Яковлевыхъ». 5; о Голицынѣ и Фотіѣ 234—235; отзывъ его о Шишковѣ 241; уп. 285.

Севинье, маркиза, франц. писательн. 196.

Селивановскій, типогр. уп. 125.

Селивановъ Кондратъ, основат. скопч. секты, свѣд. о немъ 204; уп. 282.

Сенъ-Мартенъ, мистикъ, уп. 154.

Серапіонъ (Александровскій), епископъ Дмитровск., впослѣд. архіеп. Казанск. 32, затѣмъ митр. Кіевск. уп. 100; выбир. вице-президент. комит. Библ. Общ. 162; ходат. передъ Госуд. о дарованіи Кіев. семин. имени академіи 170; сношен. съ нимъ м. Михаила объ открыт. Кіевск. ак. 208.

Серафима, игум. Переславск. женск. мон. уп. 308.

Серафимъ (Арсеньскій) іером. бакк. Кіевск. ак. (впосл. архіеп. Воронеж.) уп. о его книгѣ 344.

Серафимъ (Глаголевскій), архіеп. Минск. (впосл. Спб. митр.) разсматр. пропов. Ософилакта 82; назн. члсп. К. Д. У. 113—114; біогр. свѣд. о немъ 114, 116; уп. 117, 140; утвержден. член. Св. Спн. и К. Д. У. съ перев. на Тверск. кафедру 142; избир. вице-президент. комит. Библ. Общ. 162; уп. 169. назн. Моск. митр. 207; уп. 209; назн. Спб. митр. 212, уп. 214; вызов. въ Спб. Фотія 217, 220; переводитъ Фотія въ Юрьевск. мон. 221; отнош. къ кн. Голицыну 225; поручаетъ Филарету Дрозд. составл. катихизиса 226; уп. 228; составл. обличеніе на Госпера 230; аудіенція по этому поводу у Государя 233; уп. 236; ходат. передъ Госуд. о закр. Библ. Общ. и о прекращен. перев. Библіи 242; уп. 248; вноситъ въ К. Д. У. предложеніе объ испыт. студ. Спб. и Кіевск. дух. ак. преосв. Григоріемъ и Аѳанасіемъ 250; присут. на экз. въ Спб. ак. 253; разсм. диссерт. Кіевск. студент. 255, уп. 256; предст. Госуд. рисунок. магист. креста 257; протест. противъ мнѣнія Филар. о возстанов. катих. 1823 г. 259; письмо Филарету 260; уп. 268; отнош. съ Филар. 269—270; 277—278; уп. 279, 280; отношенія къ Фотію 290—307, 309—311; уп. 314, 319, 337. отзывъ его о мнѣніи Филарета относит. перевод. Библіи 341; его смерть 342, уп. 348, 355.

Сербиновичъ К. С. уп. 177; назн. директ. канц. об.-прок. и свѣд. о его службѣ 330—331. уп. 287; характер. его служ. дѣятельности 355—356, завѣдываніе дух. цензурой 356—357.

Сергіевскій Н. А., бакк. Моск. дух. акад. назн. чин. особ. поруч. при Синод. об.-прок. уп. 360.

Сергій (Крыловъ-Платоновъ), архим., ректор. Спб. дух. ак.; поруч. ему обозрѣніе Спб. семинаріи 59, назн. еписк. Костромск. 60.

Серединскій Тарасъ, студ., уп. 345—346.

Сестренцевичъ, катол. митр. уп. 157, 159.

Симеонъ (Крыловъ-Платоновъ) ректор. Моск. дух. ак. 186, затѣмъ архіеп. Ярославск. уп. 196, 227; свѣд. о немъ 248.

Симолинъ уп. 151.

Ситниковъ И. Ѳ. кол. сов. уп. 174.

Скворцовъ И. М., магистр. Спб. ак., назн. бакк. философ. Кіевск. ак. 170 уп. 208.

Смирдинъ, уп. 124.

Смирнова А. О. уп. 179.

Смирновъ С. напис. возраженія на «Побѣдную повѣсть» свѣд. о немъ 191.

Смирновъ С. К. уп. 31.

Созоменъ, церк. ист. 253.

Соколовъ, кол. регистр. уп. 16.

Соколовъ, бакк. словесн. Кіевск. ак. 208.

Сократъ, церк. ист. 253.

Сорокинъ Я. М., дѣло о растратѣ книгъ изъ синод. лавки 15—17.

Софроній, архіеп. Имеретинскій 106, 108, 110; дѣят. его по управленію дух. части въ Имеретіи и переименованіе въ архіеп. Имеретинск. 111.

Сперанскій гр. М. М. назн. член. въ комис. объ усоверш. дух. учил. 21, 22 уп. 24; назн. член. К. Д. У. 25; біогр. свѣд. 29—30; служебн. дѣятельн. 35—38; душевн. настроен. 39; уп. 40, 42; составл. 1-ую часть уст. дух. ак. 43; уп. 47, 50; перестаетъ бывать въ К. Д. У. 51; мнѣніе его о конспектѣ Фесслера 51; уп. 52; хочетъ сложить съ себя званіе члена К. Д. У. 53; старанія Голицына привлечь его къ участію въ дѣлахъ К. Д. У. 54; уп. 57, 59; удаленіе его изъ Спб. 61; уп. 66, 101, 113, 121, 122, 124, 129, 187; письмо Столыпину о Лабзинѣ 192, уп. 200; отношенія съ Магницкимъ 205.

Станевичъ Е., дѣло о его книгѣ 196—199.

Стевенъ Р., директ. Лонд. Миссіон. Общ., письмо его къ Патерсону объ учрежд. въ Россіи Библ. Общ. 161.

Стефанъ, ректор. Каз. сем. уп. 335.

Стефанъ (Яворскій), митр. Рязанск. 254.

Столыпинъ А. А., письма къ нему Сперанскаго 192. 205.

Страховъ И., студ., уп. 49.

Стройновскій, еписк. Виленскій, уп. 159.

Стурдза (Роксандра) фрейл. Имп. Елис. Алекс. (впосл. граф. Эдлингъ). сближаетъ А. I, съ Юнг. Штиллингомъ и г. Крюднеръ 165—166.

Стурдза А. С. уп. 54; свѣд. о его службѣ 163; его мнѣніе объ учрежд. въ Россіи Библ. Общ. 163—164, объ учрежденіи Мин. духовн. дѣлъ и нар. просв. 185—186; о книгѣ Станевича 196—197; уп.

199; оставл. службу 216; сочув. отзывъ о Магницкомъ 288.
Суворовъ В., учит. армейск. сем. 149.
Сухомлиновъ М. И., ссылки на его Ист. Росс. Акад. 4. 31, 188.
Сушковъ, отзывъ его о м. Серафимѣ 116; ссылки на книгу 198, 270.
Сѣровъ Н., коллежскій секретарь, уп. 174, 203.
Сюльцеръ уп. 122—123.

Т

Татаринова Е. Ф. (урожд. Буксгевденъ); свѣд. о ней; ея характерист.; духовн. союзъ и отношеніе къ нему А. І. 203—204; уп. 214, 215; отъ нея отбирается подписка о прекращеніи тайн. собран. 224; ея радѣнія и свѣд. о дальн. судьбѣ 225; уп. 282—284.
Татариновъ И. М., мужъ ея, уп. 203.
Таулеръ, мистикъ XIV в. уп. 154, 203.
Тацитъ; римск. истор. 352.
Тегнмутъ, през. Брит. Библ. Общ.; письмо его кн. А. Н. Голицыну 159.
Тепловъ, уп. 30.
Тимковскій; цензоръ, уп. 79, 191, 193, 237.
Тимоѳей, викарн. Новг.; м. Серафимъ поручаетъ ему обозрѣть состояніе Юрьев. мон. и Фотія 301, уп. 304.
Толстой гр. Могилевск. губерн. уп. 72.
Толстой гр. А. П. об.-пр. Св. Син. уп. 213, 350; назнач. об.-прок., свѣдѣнія о его службѣ, 359; 360 отнош. его къ перев. Св. Пис. 361—362
Толстой гр. Д. А. об.-прок., Св. Син. уп. 213.
Толстой гр. М. В. уп. 312.
Толстой Ю. В. ссылка на его книгу 225.
Топилевскій М. И., чин. одесск. восп. губерн. 288.
Тормасовъ, ген. отъ кав. главнонач. въ Грузіи, предлаг. учредить въ Тифлисѣ дикастерію 85, уп. 86; сообщ. кн. А. Н. Голицыну о дѣйствіи католикоса 88; уп. 89, 104,
Торопогрицкій А., протоіер. назнач. об.-свящ. Главн. Шт. и гвардіи; свѣдѣнія о его службѣ 147; уп. 266, 267.
Торсуковъ А. А., об.-гофм. уп. 22.
Трескинскій, чинов., уп. 235.
Трощинскій Д. П., ст.-секр. уп. 8, 11, 36, 38, 331.
Тургеневъ А. И. уп. 54; изб. секр. Библ. Общ. 158; назн. дир. деп. дух. дѣлъ 175; свѣд. о его службѣ и общ. полож. 176—177; характеристика его Жуковскимъ 178—180; Вяземскимъ—180; Вигелемъ—181; его литер. занятія и сближеніе съ м. Филаретомъ 182; отзывъ о немъ Юрьевск. архим. Фотія 182—183; уп. 186; сообщаетъ г-жѣ Криднеръ письмо Государя 216; уп. 219, 220, 237; письмо къ нему Музовскаго 265; свѣд. о его дальнѣйш. судьбѣ 284—285.
Тургеневъ А. М. уп. 14—15.
Тургеневъ И. П. отецъ А. И.; свѣд. о немъ 176.
Тургеневъ Н. И. братъ А. И. свѣд. о немъ 284—285.

У

Уваровъ С. С. мин. нар. пр.; письмо къ Штейну объ истор. съ книгой Ансильйона 81; выбир. дирек. комит. Библ. Общ. 158, уп. 178, 235.
Урусовъ кн. С. П. назн. дир. дух. учебн. упр. 359—360.

Ф

Фадѣевъ А. М. уп. 168.
Федоровъ, членъ дух. союза Татариновой 204.
Фенелонъ уп. 39, 123, 154, 196, 199.
Фердинандъ (Кань), катол. еписк. уп. 349.
Фесслеръ Игн.; Сперанскій рекомендуетъ его въ профес. еврейск. языка 45, 47; его замѣчанія о постановкѣ учебн. дѣла академіи 47—49; мнѣніе К. Д. У. о его конспек. филос. 50; уполн. отъ профес. долж. 51; мнѣніе Ософилакта, (Русан.) о его конспп. 51—53; уп. 233, 237.
Филаретъ (Амфитеатровъ), уп. 117, назнач. проф. и инсп. Моск. ак. 139; уп. 196; письмо М. архіеп. Филарету о вызовѣ въ Спб. Евгенія (Болховит.) 247; выз. въ Спп., и назн. член. К. Д. У. 261.

свѣдѣн. о его служеніи 261—263; отзывъ о немъ ректор. Спб. ак. Филарета 264; свѣд. о его дальн. служеніи 264, 268; отстаиваетъ лат. яз. въ акад. и семин. 275; уп. 314, 319, 320, 335; отказ. разсм. герменевт. Аѳанас. Дрозд. 338—340; получаетъ донось на перев. Библ. Павскаго 340; отправл. въ свою епархію 341. уп. 355, 361.

Филаретъ (Гумилевскій), еписк. Риж. уп. 338.

Филаретъ (Дроздовъ), Моск. митр., отзывъ его о Калужск. семин. 32; перев. въ Спб. дух. ак. баккал. 45—47; выдвигается своими проповѣдями 54; К. Д. У. требуетъ отъ него конспект. церк. ист. 57; уп. 58; назн. ректор. Спб. ак. 61; его замѣчанія на книгу Анспильйона 79—80; уп. 81; назн. член. К. Д. У. 113—114, и 116—117; дѣят. его какъ члена К. Д. У. 117—144; уп. 152, 157; выбир. директ. ком. Библ. Общ. 162; назнач. член. главн. правл. учил. 169; уп. 182, 183; его уклонч. образъ дѣйствій относит. поступк. кн. А. Голицына 190; обозрѣв. Моск. ак. Новг. и Тверск. семин. 193—194; сношеніе его съ цензурн. комит. 195; уп. 196; разсказъ его о книгѣ Сталевича 197—198; уп. 199, 200; отнош. съ м. Михаиломъ 201; уп. 203; перев. въ Тверь, назн. архіеп. и член. Син. 208; обозрѣв. Моск. ак.; перемѣщ. въ Яросл. епар 209—210; письмо его о смерти м. Михаила 210—211; назнач. Моск. архіеп. 212; возвр. въ Спб. 225; составл., катихизисъ 226; Имп. А. І. поруч. ему сост. манифеста о престолонаслѣдіи 227; отп.; въ Москву 227; уп. 230, 247, 248, 249; отнош. къ нему К. Д. У. 252; мнѣніе его о дѣйств. К. Д. У. 256; пожалов. митрополитомъ 258; донесеніе его К. Д. У. о ревизіи Моск. акад. и вопросъ о возобн. катихиз. 258—259; недовольство его К. Д. У. и протесты противъ ея дѣйствій 259—261; отзывъ его о Филаретѣ (Амфит.) 264; исправл. простр. катих. и составл. начатки 268; его положеніе и дѣятельн. въ Син. и К. Д. У. 268—280; уп. 287, 306, 308—311; отз. о С. Д. Нечаевѣ 312; уп. 314, 315; поздр. гр. Пратасова съ назнач. об.-пр. 316; отзывъ о проэктѣ мин. нар. просв. преобраз. дух. уч. 318; отпр. въ епархію 319; мнѣніе его о введен. въ семин. сельск. хоз. и медиц. 320, —о конспектѣ архим. Никодима 321; уп. 322; недовольство сочиненіемъ нов. устав. для дух. учил. 323; уп. 327; перев., Грамоты Вост. патріарх. и дополн. катихизисъ 328 уп. 329, 335; отзывъ о герменевт. Аѳанасія Дрозд. 338—339; уп. по дѣлу Павскаго 340; предл. перев. Библію отъ лица Синода 341; отзывъ объ Аѳан. Дрозд. 343; отзыв. о конспект., составлен. Комит. по воспит. дух. юнош. 344—345; уп. 348, 350; уп. 355, 356; привѣт. письмо А. П. Карасевскому 357; уп. 360—362.

Филиппов Т. И., назн. чин. особ. поруч. при об.-прокур. Св. Син. 359—360.

Филонъ, іуд. учен. и мыслит. 352.

Фитингофъ Б. И. баронъ уп. 158, 215.

Фитингофъ И. баронъ уп. 166.

Фонъ-Фокъ уп. 237.

Фортунатовъ Ѳ., уп. 36, 287, 288.

Фотій, патріархъ, уп. 351.

Фотій (Спасскій), Юрьевск. архим.; отзывъ о Лабзинѣ 191—192,—о г-жѣ Крюднеръ 215; вызовъ его въ Спб. и свѣд. о немъ 217—218; характ. его проповѣдей 219; гр. Орлова проситъ его принять ее подъ свое руковод. 219; удаленіе его изъ Спб. 219—220; вызовъ въ Спб. 220; знакомство съ кн. Голицынымъ 220; назн. настоят. Юрьевск. мон. 221; аудіенція у Государя 221; письма къ кн. Голицыну 222—223; уп. 225, 228; выз. въ Спб. 229; «посланія» Государю 230—233; бесѣда съ нимъ Государя 233—234; выходка противъ кн. Голицына 234; новыя «посланія» къ Госуд. 236—237; благоволеніе къ нему Госуд. 238—239; уп. 245; поздр. Евгенія (Болхов.) съ выз. въ Синодъ 246—247; дальнѣйш. свѣд. о его жизни 288; отнош. къ нему Н. І. 288—289; послѣдующ. нравств. состояніе его 289—290; отнош. къ нему м. Серафима (ихъ переписка) 290—297; эпизодъ съ Фотиніей и письмо м. Серафима 297—299; его дѣйств. въ Юрьев. мон. и учрежденіе за нимъ надзора 299—304; письма къ гр. Орловой 303—308, къ Фотиніи 309; прибыт. въ Спб. и свиданіе съ м. Серафимомъ 310—311; послѣдн. годы жизни и смерть 311.

Фотинія, дух. дочь Фотія, его отношенія къ ней 297, 298, 300, 304, 305, 307—311.

Фохтъ Іоганнъ уп. 213.

Фусъ Н. И. уп. 158.

Х

Ханыковъ уп. 269.
Хвостовъ гр. Д. И. об.-прок. Син.; отнош. къ м. Амвросію 4; уп. 8—9; уп. по пов. «Сорокинск. дѣла» 16; описыв. нареч. Оеофилакта Русан., 30—31., уп. 115.
Хованская кн. уп 5.

Ц

Цейеръ, уп. 200.
Цельсъ, философъ. противн. христ. уп. 352.
Церетели кн. уп. 106.
Церетель кн. Гр. уп. 104.
Цецишевскій, еп. Луцкій уп. 159.
Цицеронъ, римск. орат., уп. 123.
Цициановъ Евстафій уп. 87, 90.
Цициановъ кн. П. Д. уп. 33.

Ч

Чавчавадзе кн. Гересевнъ уп. 84.
Чернышева Е. И. уп. 184.
Чернышевъ свѣтл. кн. А. И. уп. 184.
Чилаевъ В., прокур. синод. конторы, свѣд. о немъ 104; уп. 105.
Чистовичъ И. А., уп. 228.
Чичаговъ Н. П., правит. канц. К. Д. У., свѣд. о немъ 268; его увольн 314.
Чубинъ, секрет. син. конт. уп. 104.

Ш

Шалькевичъ, уп. 70.
Шварцъ, мистикъ временъ Ек. II, уп. 114.
Шенигъ Н. И. уп. 206.
Шереметева, уп. 33.
Шиллеръ, нѣм. поэтъ, уп. 181.
Шильцовъ, купецъ, уп. 148.
Ширинскій-Шихматовъ кн. С. А. (въ монаш. Аникита) уп. 297, 298.
Шишковъ А. С., мин. нар. просв. уп. 141; предлаг. Росс. акад. наградить сочиненіе В. Панаева 188; уп. 199, 228; ком. мин. поруч. ему разсмотр. книгу Госнера 233; уп. 234; докладъ о ней А. I. 235; уп. 236; назнач. мин. нар. пр. 238, 240; отношеніе къ нему А. I. 241; отзывъ о немъ Свербеева 241; участв. въ совѣщ. о переводѣ священ. писан. 241—242; доклад. Государю о необход. закрыть Библ. Общ. и прекратить перев. свящ. писс. 242; взглядъ его на свою дѣятельн. 243—244; причина его неудачъ 245; извѣщаетъ Евгенія Волхов. о вызовѣ его въ Спб. 246; предпис. Магницкому отправиться въ Казань 286.
Штакельбергъ, посолъ уп. 265.
Штейнкопфъ, секрет. Брит. Библ. Общ., письмо его къ Патерсону 159.
Штейнъ, баронъ, уп. 81.
Штиллингъ Юнгъ, мистикъ, уп. 154, 155; свидан. съ нимъ Ал. I. 165; уп. 166, 191, 233.
Штраусъ, нѣмецк. ученый, уп. 352.

Э

Эдлингъ гр. об.-гофм. С. Вейм. двора, 165.
Эдлингъ графиня, см. Стурдза Р.
Эйнаръ, авт. біограф. г-жи Крюднеръ уп. 217.
Эккартсгаузенъ, мистикъ, уп. 154, 155, 233, 240.
Энгельгардтъ Л., ген.-майоръ, переводч. «Торжества Евангелія» 130, 131.
Эристовы кн., уп. 95; жалоба ихъ на Досифея 97, 98, 99.
Эртель, ген.-лейт., уп. 213.

Ю

Юшкова А. П. уп. 178.

Я

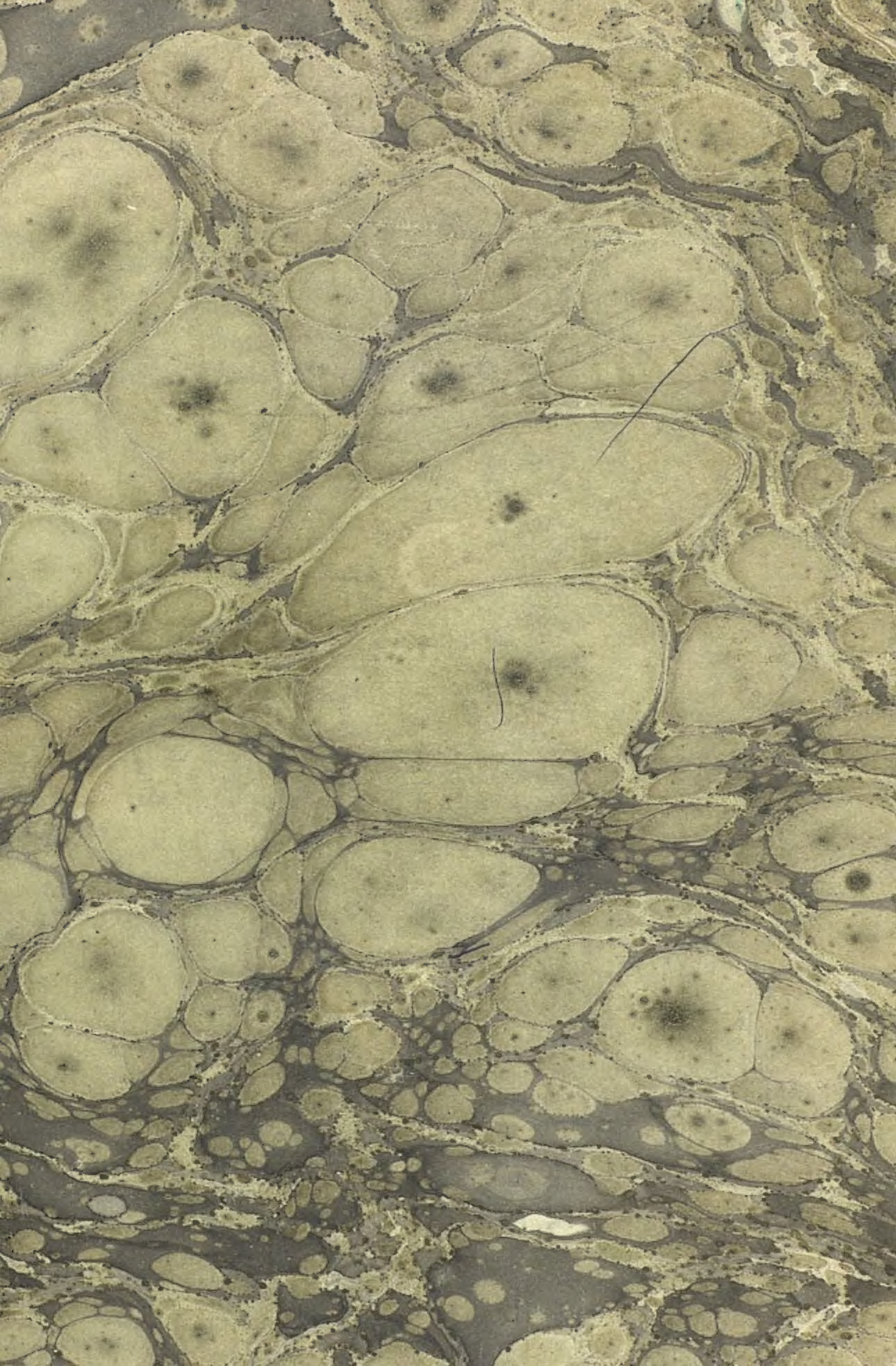
Языковъ Д. уп. 125.
Яковкинъ, бывш. проф. Каз. унив., преданъ суду по дѣлу о книгѣ Госнера 235.
Яковлевъ А. А., назнач. об.-прок. Синода 4; біограф. свѣд. о немъ 5; его образъ дѣйствій 5; его «записки» 6; его харак. и дѣятельн. 7—8; отнош. къ м. Амвросію и Синоду 8—11; послѣдн. докладъ Государю и увольненіе 12; его харак. м. Амвросія и Яросл. архіеп. Павла 13; ходат. о бракѣ Пукалова 14; «Сорокинское дѣло» 15—16; уп. 17—20; отзывъ о грузинск. архіепископѣ Варлаамѣ 87; уп. 146.
Яковлевъ И. А., отецъ А. И. Герцена, уп. 5.
Яковлевъ Л. А.—министръ при Вестфальскомъ королѣ 5.
Яковлевъ Н. прокур. Моск. синод. конт. 11, 12.
Яковлевъ П. А. уп. 5.
Ястребцовъ И. П., уп. 174; назнач. правит. дѣлъ К. Д. У. 186—187; свѣд. о его службѣ 187—188; увольн. въ отпускъ 238; уп. 268.

Ѳ

Ѳеогностъ, (Лебедевъ), архим., ректъ. Спб. семин. уп. 343.
Ѳеодоритъ, церк. истор. уп. 345.
Ѳеодоръ Чтецъ, церк. ист. уп. 253.
Ѳеоктистъ (Орловскій), іером., учит. Моск. акад. уп. 138, 139.
Ѳеофанъ (Ѳедоръ Александровъ), назн. инспект. Спб. семин. 61; свѣд. о его дальнѣйш. службѣ 194; уп. 209.
Ѳеофанъ (Говоровъ), іером. уп. 343.
Ѳеофилактъ (Русановъ), архіеп. (митроп. Карталинскій); назн. член. въ Комит. объ усоверш. дух. учил. 21; уп. 24; назн. член. К. Д. У. 25; уп. 28; біограф. свѣд. о немъ 29—30; посвящ. въ еписк. Калужск. 30—31; отнош. къ М. м. Платону 31—32; Калужск. безпорядки 33—34; его кабинетн. занятія 34—35; отзывъ о немъ И. В. Лопухина 39; вызыв. въ Синодъ и участ. въ Комит. объ усоверш. дух. учил. 39—41; назн. член. Синода и К. Д. У. 42; окончив. составл. акад. устав. 43—44; Ѳеофилактъ—професс. дух. ак. 45, 49, 50; мнѣніе о конспект. Фесслера 50—53, о проповѣд. Филарета (Дрозд.)54; дѣятельн. его какъ члена К. Д. У. 55—61; уп. 62; командировка его въ разстроен. отъ франц. нашеств. епархіи и процессъ архіеп. Могилев. Варлаама 63—75; возвращ. въ Спб. 76; вноситъ въ К. Д. У. проэктъ штата для церковн. причтовъ 77; исторія съ перевод. книги Ансильйона и удаленіе его въ епархію 78—81; неодобреніе Синодомъ его проповѣди 81—83; назначеніе экзархомъ Грузіи 84, 100—101; дѣятельн. его въ Грузіи 101—111; смерть его 112; уп. 113, 115, 120, 121, 124, 129, 131—132; 211, 212, 252, 273, 282.
Ѳеофилактъ (Слонѣцкій), архіеп. Вологодскій уп. 9.
Ѳеофилъ (Антіохійскій) уп. 345 352.
Ѳеофилъ, архим. уп. 228, 237.
Ѳома Аквинатъ, схоласт., уп. 136, 138.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
7, 12—16, 81	—	Пуколовъ	Пукаловъ
23	сверху 7	24 Ноября	29 Ноября
31	снизу 6	назначеніе	нареченіе
43	сверху 1	Ерфуртъ	Эрфуртъ
„	„ 2	1806	1808
50	„ 5	думами	думали
59	„ 19	тщательно	тщательное
85	снизу 8	Нинодвиндскую	Нинодминдскую
97—98	—	Мочабеловы	Мачабеловы
97—99	—	Еристовы, эристовы	Эристовы
101	сверху 4	Аѳанасія	Досиѳея
104	снизу 2	Аѳанасія	Досиѳея
107	„ 2	Кутишскій	Кутаисскій
138	сверху 2	Aguinatis	Aquinatis
144	„ 2	Въ Пасхѣ	Къ Пасхѣ
158	сверху 15	Джулковскій	Жулковскій
165	—	Роксана	Роксандра
168	снизу 8	Ѳадеевъ	Фадѣевъ
175	„ 13	управленіямъ	упражненіямъ
227	сверху 13	митрополиту	архіепископу
„	„ 16	митрополитъ	архіепископъ
230	„ 11	моя	моея
233	„ 10	оказывается	оканчивается
249	„ 17	митрополита	архіепископа
280	снизу 11	Лѣта	Лѣто
287	„ 14	11.	119.
292	„ 3	Кушелева	Кошелева
313	„ 5	Прибылъ	Прибывъ
352	„ 15	Минуція, Феликса	Минуція Феликса

13/1 913

ЦѢНА 2 РУБЛЯ.